

A decorative banner with a crown at the top, flanked by two draped ribbons. The banner has a fringed edge and is set against a dark green background.

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ

A wide, ornate border with a repeating floral and leaf pattern, framing the central text area.

АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛЧАК

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, АДМИРАЛ,
ВЕРХОВНЫЙ ПРАВТЕЛЬ РОССИИ

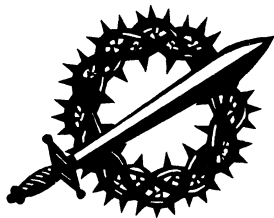

И.Ф. ПЛОТНИКОВ

**АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛЧАК**

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, АДМИРАЛ,
ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского собрания

Художественное оформление И.А. Озерова

Плотников И.Ф.

П82 Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 702 с.

ISBN 5-227-01698-4

Книга посвящена истории жизни крупнейшего деятеля эпохи Гражданской войны в России А.В. Колчака. Фактически последний Верховный правитель исторической России, он был также известным полярным исследователем, чье имя было увековечено на карте Северного Ледовитого океана, реформатором флота после русско-японской войны, боевым адмиралом в годы Первой мировой войны.

Впервые научная биография А.В. Колчака издается в комплексе с пакетом извлечений из редких исторических документов, исследований, писем, воспоминаний и большим научно-справочным аппаратом. Это делает ее объективной и свободной от известных напластований советского времени.

Книга ярко показывает трагедию этого уникального человека, а вместе с ним и многих других участников Белого движения на востоке нашей страны в 1918—1920 гг.

Автор книги — Иван Федорович Плотников, доктор исторических наук, профессор — один из ведущих российских специалистов по истории Гражданской войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Книга входит в издательский проект «Россия забытая и неизвестная» и рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© И.Ф. Плотников, 2002

© Художественное оформление серии,

ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-227-01698-4

ОТ РЕДАКЦИИ

На рубеже XIX и XX веков Россия вступила в самый сложный период своей истории. С одной стороны, она по всем основным направлениям развития экономики набирала высокие темпы, что наблюдалось особенно в период руководства правительством П. А. Столыпина, с другой стороны, страна все сильнее раздиралась внутривластными, а также и внешнеполитическими противоречиями, чреватая угрозой катаклизмов. Конец XIX и начало XX века — период войн и революций, период социальных потрясений в истории Европы и России. Эти потрясения сбивали нашу страну со столбовой дороги самобытного развития и толкали на тупиковый путь коммунистических экспериментов. Колчак, вступивший на жизненную стезю и закончивший ее в рамках этого самого сложнейшего переломного периода, оказался в гуще важнейших событий. В его биографии отразилась история России той поры. В связи с этим жизнь Колчака вдвойне интересна и показательна.

Кто же такой Колчак по своему, так сказать, роду, племени? Какими были причины и обстоятельства его появления на российском бушующем небосводе? Об этом свидетельствуют документы и материалы, по которым можно проследить жизненный путь этого незаурядного, не побоимся сказать, великого человека.

Публикуемый труд известного уральского историка И. Ф. Плотникова является первым монографическим и одновременно археографическим изданием о выдающемся флотоводце, полярном путешественнике, ученом и политическом деятеле нашего Отечества Александре Васильевиче Колчаке.

Гражданская война выдвинула А. В. Колчака на вершину антибольшевистского Белого движения. Он стал Верховным правителем России и Верховным Главнокомандующим сухопутных и морских сил, признанным всеми другими вождями Белого движения.

В силу исторического обстоятельства попытка сбросить большевистскую диктатуру оказалась обреченной. Трагически оборвалась и жизнь великого русского патриота: он без суда, по тайному распоряжению большевистских вождей, как и полтора годами раньше царская семья, был расстрелян.

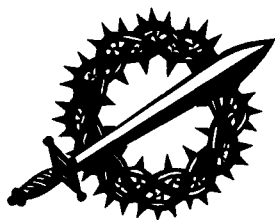
Жизнь и деятельность А.В. Колчака освещена в научно-просветительском биографическом очерке, в многочисленных документах, материалах, примечаниях и комментариях. Автор выясняет и уточняет множество ранее неизвестных или запутанных, а то и фальсифицированных страниц жизни и судьбы Колчака, объективно и документированно освещает их. Читатель получает возможность узнать правду о личности Александра Васильевича Колчака, его подлинной исторической роли в контексте событий, происходивших в России.

Восприятию разносторонней деятельности, различных эпизодов из жизни, окружения Колчака поможет обширный иллюстративный материал.

**АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛЧАК**

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, АДМИРАЛ,
ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ**

Часть I

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

«...Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов ее.

Настанет время, когда золотыми письмами на вечную славу и память будет начертано Е г о имя в летописи Русской земли»

И.А. Бунин.

Памяти адмирала А.В. Колчака

Глава 1

О МАСШТАБЕ ЛИЧНОСТИ А.В. КОЛЧАКА

А.В. КОЛЧАК — ФИГУРА ИСТОРИЧЕСКАЯ

Верховный правитель России Колчак...

На протяжении десятилетий это словосочетание воспринималось, с одной стороны, потерпевшими поражение в Гражданской войне участниками «белого дела» с глубоким уважением, во всяком случае — с пониманием; с другой стороны, большевиками, красными, да и многими советскими людьми, воспитывавшимися на марксистско-ленинских принципах классовой нетерпимости, — с ненавистью или с резкой неприязнью. Поскольку Белое движение, которое представлял и длительное время возглавлял Колчак, было разгромлено красными, а он сам погиб, как бы логически разделив трагическую судьбу движения, возникала почва и для иронии, для пресловутой частушки: «Мундир английский, погон французский, табак японский, правитель омский...»

Эта полярность оценок господствовала в научно-исторической, в художественной литературе, в искусстве.

Титул, звание, должность «Верховный правитель» обывателю мало о чем говорили и говорят. А между тем этот, скажем так, высокий должностной титул интересен и сам по себе. Он пришел из глубин российской истории, был вполне понятным когда-то, как наивысший и почитаемый. Не случайно глубокий знаток языка, фольклора и истории России В.И. Даль, трактуя слово «верховный», непременно связывал его с понятием о власти. «Верховный, — читаем мы в его «Толковом словаре живого великорусского языка», — высший, высочайший, первенствующий по сану, власти, званию, значению, по праву», «верховность... состояние или свойство верховной власти». В пояснении значения «верховный» Даль отмечал: «Верховный правитель, Государь».

И на самом деле, в истории Российского государства выдвигались лица, являвшиеся официально или неофициально верховными прави-

телями его: царевна Софья Алексеевна, светлейший князь А.Д. Меншиков и др. В условиях разгула Гражданской войны, повсеместного многовластия усиливалась, вновь привлекательной становилась идея Верховного правителя.

Когда 18 ноября 1918 г. Омское правительство, претендовавшее на роль всероссийского, провозгласило А.В. Колчака Верховным правителем, оно руководствовалось и политическими целями, и российскими традициями. Верховенство власти Колчака в дальнейшем было признано всеми белыми правительствами России. Следовательно, Колчак олицетворял высшую государственную власть в стране уже за пределами ее монархического этапа развития. В этом смысле его положение было уникальным в истории России. И уже поэтому, даже отвлекаясь от других, более ранних этапов биографии Колчака, мы можем констатировать, что речь идет о выдающейся личности, занимавшей исключительное место в истории России. Не случайно ныне к личности Колчака приковываются взоры все большего числа историков, краеведов, публицистов, писателей — всех тех, кто интересуется историей нашей великой и многострадальной страны.

Однако и до настоящего времени возможности узнать какие-то подробности о Колчаке очень ограничены. Расширяются они пока медленно. В публикациях о Колчаке последних лет в отечественной литературе сделан заметный шаг к пересмотру советских оценок его деятельности и роли. Одни авторы делают это робко, едва выходя за рамки прежней характеристики, другие — более существенно, третьи — проявляют склонность писать о Колчаке только в позитивных тонах.

Несколько расширившийся за последнее время доступ к документам, к так называемым «спецфондам» библиотек, к эмигрантской и зарубежной литературе позволяет исследователям, публицистам, писателям обстоятельнее, а главное — разностороннее познакомиться с жизненным путем Колчака. Научно-объективному освещению его роли, разумеется, в огромной степени способствуют переоценка ценностей эпохи Гражданской войны, публикация ранее совершенно неизвестных документов об изуверской деятельности Ленина, Свердлова, Троцкого, Дзержинского и других руководителей партии большевиков, Советского правительства, Красной армии, об их решениях и действиях, высвечивающих их кровавые, целенаправленно совершавшиеся преступления перед народом. И конечно же впервые за семидесятипятилетнюю советскую историю, в условиях гласности, появилась возможность говорить читателю правду.

Автор этих строк, как историк, занимаясь проблематикой Гражданской войны, подпольной работы коммунистов, других политических сил, партизанским движением на Урале и в Сибири, в оценках деятельности А.В. Колчака отдал дань тогдашним неперемнным установкам, официальной — ленинской концепции. Об этом приходится сожалеть.

Александр Васильевич Колчак — яркая личность и чисто русское явление. Он — выдающийся сын России, и надо надеяться, что таким наконец предстанет в глазах своих соотечественников-потомков.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.В. КОЛЧАКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Прежде чем приступить непосредственно к биографическому очерку о А.В. Колчаке, хотелось бы сделать хотя бы краткий обзор исторических произведений, опубликованных источников, с которыми читатели могут познакомиться и сами выработать свою точку зрения в отношении героя этой книги.

Имя А.В. Колчака за десятилетия многотысячным эхом отозвалось в научной и художественной литературе, публицистике. Практически невозможно встретить работу, посвященную истории Гражданской войны в России, тем более — в Сибири, в которой бы не говорилось о Колчаке. Но, как мы уже отмечали, в советской литературе о нем всегда было принято говорить в негативном плане, в продолжение нормативной коммунистической легенды о «кровавом Колчаке», «закоренелом монархисте» и т. д. Это одно. Другое обстоятельство сводится к тому, что советские авторы, говоря о Колчаке, редко выходили за рамки лишь оценок его деятельности; сам он как историческая личность внимания не привлекал. До настоящего времени в стране не создано еще научной монографии о всей его жизни и деятельности, хотя и появились научно-популярные работы*. Собственно, прежде издание такой биографической работы, хотя бы отчасти объективной, было немислимо. Такую попытку сочли бы антисоветской вылазкой в науке. Иные возможности были в зарубежье, у иностранных авторов и эмигрировавших из России наших со-

---

* При жизни А.В. Колчака появилось лишь несколько малостраничных брошюр: А у с л е н д е р С.А. Адмирал Колчак. Омск, 1919; Б.И.Ч. Адмирал Колчак. Ростов-на-Дону, 1919; О л ь г и н И. Верховный правитель России А.В. Колчак. Харьков, 1919.

отечественников. Там появлялись книги и другие труды, посвященные А.В. Колчаку. Но, во-первых, они до последнего времени русскому читателю были недоступны, лишь немногие из них представлены в библиотеках, в незакрытых фондах; во-вторых, и там, за границей, таких работ было сравнительно немного. Известно, что научной биографии Колчака не создано также и за рубежом. Остается надеяться: в изменившихся условиях, при объективном подходе к нашему прошлому, о деятельности А.В. Колчака в период Гражданской войны и в более ранние периоды будет создана обширная литература, появятся биографические труды. Некоторые признаки продвижения к такому этапу нашей историографии появляются.

Уже сейчас читатель имеет возможность познакомиться с жизнью и деятельностью А.В. Колчака, особенно в связи с переводом в общие фонды зарубежных изданий, включая белоэмигрантские. Обратим внимание читателя на те научно-исследовательские, популярные и мемуарные издания, которые полностью или в значительной мере посвящены А.В. Колчаку. Во второй половине 20-х — начале 30-х годов вышло две такие работы о Колчаке. Это брошюра А.П. Платонова «Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак»* и специальная монография С.П. Мельгунова¹ «Трагедия адмирала Колчака»**.

Несмотря на то что Платонов, сам служивший в составе Черноморского флота, участник революции, противник Колчака, старается приписать его роль как командующего, все же он приводит ценные, объективные, порой нигде не встречающиеся данные. Они позволяют полнее и конкретнее представить роль Колчака в качестве командующего Черноморским флотом, его решительную борьбу за сохранение боеспособности кораблей, против большевизма и анархии. Трехтомная же монография виднейшего русского историка Мельгунова до сих пор остается крупнейшим исследованием о Колчаке как Верховном правителе России, политическом, военном деятеле и личности. На мой взгляд, основные оценки успехов и неудач Колчака Мельгуновым даны правильно. Мельгунов расходится с теми, кто с приходом к власти Колчака его восхвалял, а после поражений сплошь да рядом огульно хулил, даже не пытаясь объективно проанализировать его деятельность. Труд этого историка не потерял своего значения и сегодня.

* Платонов А.П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925.

** Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Т. 1; 1931. Т. 2, т. 3.

Другие материалы и оценки мы находим в монографии виднейшего российского историка и политического деятеля П.Н. Милюкова² «Россия на перепутье»*.

Следует назвать и особо выделить первую, в сущности, до последнего времени являвшуюся единственной биографической работой, книгу М.И. Смирнова³ «Адмирал Александр Васильевич Колчак**». Она носит преимущественно мемуарный и лишь отчасти исследовательский характер, то есть не вполне вписывается в историографию. Смирнов учился в том же Морском кадетском корпусе, что и Колчак, лишь несколькими классами младше, знал его в молодости, а потом на протяжении многих лет служил вместе с ним в Балтийском и Черноморском флотах. С лета 1917 г. Смирнов был в составе российской правительственной военно-морской миссии, возглавляемой Колчаком и посланной в США, входил в качестве морского министра в колчаковское Всероссийское правительство, был личным другом адмирала. Очевидно, в силу последнего обстоятельства контр-адмирал М.И. Смирнов выступает с позиций апологетики. Он не нашел нужным объективно оценить деятельность, политику А.В. Колчака как Верховного правителя.

Дооктябрьскому периоду военной деятельности Колчака немало работ посвятили другие его сподвижники и бывшие моряки, оказавшиеся в вынужденной эмиграции***.

Ценный вклад в науку внесен сыном адмирала — Р.А. Колчаком⁴. Он на протяжении ряда лет, в условиях зарубежья, когда в огне Гражданской войны были безвозвратно утрачены семейные архивы Колчаков, создал труд об их родословной****. Знакомство с публикацией Ростислава Александровича Колчака позволяет проследить связь стар-

* М и л ю к о в П. Россия на перепутье. Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т. 2. Антибольшевистское движение.

** С м и р н о в М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. Тогда же им опубликована статья: Смирнов М.И. Памяти адмирала А.В. Колчака // Морской журнал. Прага, 1930. № 1 (25).

*** Л у к и н А.П. Адмирал Колчак (к 10-й годовщине его трагической гибели) // Последние новости: Ежедневная газета под редакцией П.Н. Милюкова. Париж, 1930. 11, 21 февраля; он же. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции: В 2-х тт. Изд. журнала «Иллюстрированная Россия» / б.м. и б.г.; С т а х о в и ч М.С. Полярная экспедиция лейтенанта А.В. Колчака в 1903 г. Прага, 1933; Ф о м и н Н.Г. Георгиевский крест адмирала А.В. Колчака // Морские записки. Нью-Йорк, 1949. Т. VII. № 1; Х о р о ш а в и н А. Адмирал А.В. Колчак // Морские записки. Нью-Йорк, 1951. Т. IX, и др.

**** К о л ч а к Р. Адмирал Колчак. Его род и семья // Военно-исторический вестник. Париж, 1959. № 13, 14; 1960. № 16.

шей ветви Колчаков в нескольких поколениях с военным флотом, их большие заслуги перед Российской империей и ее народами.

Некоторые этапы жизни и деятельности А.В. Колчака — гидрографические, полярные исследования, участие в Русско-японской войне, в восстановлении и реформировании русского флота, событиях 1917 г. — хорошо прослеживаются по его собственным произведениям*. Речь идет об отчетах о деятельности во время полярных экспедиций в начале 1900-х годов, научных трудах, дневнике, который Колчак непродолжительное время вел в Порт-Артуре во время сражений за крепость в декабре 1904 г., одном из докладов перед черноморскими моряками и рабочими весной 1917 г., а также о единственной автобиографии, многочисленных документах, особенно широко отразивших его заключительный этап жизни и деятельности.

В последние полтора десятилетия, на рубеже перестройки, особенно в ходе нее и заметно в меньшей мере в последние годы в советской (затем российской) и зарубежной историографии формируется большой раздел литературы об А.В. Колчаке. Следует указать на монографию Г.З. Иоффе**. Хотя автор и отдает дань традиционным советским оценкам, характеризует Колчака и его дело в целом отрицательно, он все же прослеживает его поступки и действия перед занятием поста Верховного правителя и после того и в значительной мере отводит бытующую версию о полной зависимости этого деятеля от правительства западных стран. Свежестью и достовернос-

* К о л ч а к А.В. Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г. // Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. СПб., 1899. Вып. XX; Он же. Отчеты о работах Русской Полярной экспедиции, находящейся под начальством барона Толля, в том числе «Отчет лейтенанта А.В. Колчака о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 года» // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1901. Ноябрь. Т. XV. № 4; он же. Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетт по оказанию помощи барону Толлю // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1904. Т. XX. № 5; он же. Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Известия Императорского русского Географического общества. СПб., 1906. Т. XII. Вып. II—III; он же. Лед Карского и Сибирского морей // Записки Императорской Академии наук. По физико-математическому отделению. СПб., 1909. Т. XXVI. Серия VIII. № 1; он же. Служба Генерального штаба: сообщения на дополнительном курсе Военно-Морского отдела Николаевской морской академии. СПб., 1912; он же. Дневник лейтенанта А.В. Колчака // Советские архивы. 1990. № 5; он же. Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // Звезда. 1994. № 4; Исторический архив. 1997. № 2 (полный текст); он же. «Записка» // Исторический архив. 1998. № 3, и др.

** И о ф ф е Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

тью повеяло от многочисленных публикаций о Колчаке последних лет. Большим явлением стали книги В.Г. Краснова и К.А. Богданова*. В них в научно-публицистическом плане также освещается заключительный этап деятельности Колчака, но уделяется внимание и ранним этапам его жизни. Некоторые данные, извлеченные из архивных фондов, являются неизвестными прежде читателю. Отдается дань его талантам как военного моряка и полярного исследователя.

Вместе с тем наблюдается заметное следование советской историографической традиции возложения равной, а то и большей вины за Гражданскую войну, ее жестокий характер на Белое движение, его вождей, лично на Колчака, нежели на большевиков. Невозможно согласиться с утверждением В.Г. Краснова, будто Колчак был реакционером и с «фанатичным упорством, силой стремился вернуть старое»**, тогда как ему был присущ либерализм и он добивался прежде всего возвращения погранных большевиками февральских революционных завоеваний.

Новое издание работы В.Г. Краснова содержит новый малоизвестный и неизвестный фактический материал, прежде всего биографического характера. Со многими выводами автора можно согласиться, но некоторые из них, причем по принципиальнейшим вопросам, вызывают возражения. Автор навязчиво проводит мысль, будто А.В. Колчак и после Февральской революции, в ходе Гражданской войны придерживался правой, в том числе монархических позиций. «Колчак и его правительство, — пишет В.Г. Краснов, — последовательно и неотвратимо шли по пути реставрации, сокрушенного еще в феврале 1917 г.». Никак нельзя согласиться с той оценкой, будто большевики решили земельный вопрос в пользу крестьянства («крестьяне уже получили из рук советской власти землю; ...аграрный вопрос, уже решенный советской властью») и что Колчак, «его «верхи» прибегали лишь к «демаггии» (с. 84—85). Но ведь известно, что большевики завершили дело фактическим огосударствлением земли, коммунизацией, коллективизацией, в конечном счете — уничтожили рачительную часть крестьянства («кулака», часть середняков), традиции, что сказывается и поныне. Колчак же ориентировался на удовлетворение интересов широких масс крестьянства, отменив реставрационный закон прежнего — Временного Сибирского правительства. Встречаются фактические ошибки и

* Краснов В. Огонь и пепел. Неизвестный Колчак. Штрихи к портрету. М., 1992; он же. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1—2. М., 2000; Богданов К.А. Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993.

** Краснов В. Огонь и пепел. С. 232.

неточности. В частности, не изжиты еще представления, будто вопрос об убийстве Колчака был решен сибирскими коммунистами, а не их кремлевским вождем. Второе издание книги Краснова построено главным образом на огромных кусках воспоминаний, часто не проанализированных, без указаний ошибочных положений в них.

Следует отметить публикации Ю.П. Власова, посвященные Октябрьскому перевороту и Гражданской войне*. Значительная роль отводится А.В. Колчаку в российских событиях семнадцатого года А.И. Солженицыным в «Красном колесе»**.

В биографическом плане жизнь и деятельность А.В. Колчака с акцентами на те или иные их этапы освещена в брошюрах, журнальных и газетных публикациях С.В. Дрокова, В. Кара-Мурзы и А. Полонского, Е. Леонтьева, В.И. Пестерева, А. Смирнова, Н. Черкасова, В. Камши***.

Немало публикаций полностью или преимущественно посвящено отдельным этапам жизни Колчака, в том числе его участию в полярных исследованиях****, военных действиях*****, деятельности в

* В л а с о в Ю. Огненный крест: Историческая повесть. В двух частях. М., 1991. Ч. 1; М., 1992. Ч. 2; он же. Огненный крест. Гибель адмирала. М., 1993.

** С о л ж е н и ц ы н А.И. Красное колесо. М., 1994. Т. 7.

*** Д р о к о в С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1; К а р а-М у р з а В., П о л о н с к и й А. Белое движение в лицах. Портрет первый: Адмирал Колчак // Преподавание истории в школе. 1990. № 6; 1991. № 1; Л е о н т ь е в Е. Кто же Вы, адмирал Колчак? Очерк-расследование // Русь. Ростов Великий, 1993. № 2; П е с т е р е в В.И. Верховный правитель. — В кн.: Исторические миниатюры о Якутии. Якутск, 1993; С м и р н о в А. Адмирал Колчак // Звезда. 1994. № 4; Ч е р к а с о в Н. Звезда Колчака. Размышления над старыми фотографиями // Вахтенный журнал. М., 1993; Ю р ч е н к о В.В. Колчак Александр Васильевич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993; Адмирал А.В. Колчак // Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994; К а м ш а В. «Я служу Родине». Колчаки: из истории одной военной династии // Независимая газета. 2000. 27 янв.

**** Д р о к о в С. Полярный исследователь Александр Колчак // Северные просторы. 1989. № 6; М а с л е н н и к о в Б. Неизвестный Колчак // Водный транспорт. 1990. № 19. Ч а й к о в с к и й Ю. Грани во льдах // Вокруг света. 1991. № 9—10; В о р о н о в А. Как адмирал Колчак искал Землю Санникова // Техника молодежи. 1991. № 12; В и б е П. Вторая ипостась адмирала Колчака // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1992. № 3; П о п о в С.В. Колчак и Арктика // Полярная звезда. 1994. № 4.

***** Р о д о с с к и й А. Судьба адмирала Колчака // Ленинградская панорама. 1991. № 1; П е т р о в И. Горы, сияй, моя звезда // Развитие. 1991. № 38; «Бесприкрытый» флотоводец. Боевая биография Александра Колчака // Континент: Международная газета. М., 1991. № 20; С у к а ч В. Моряк по призыванию // На страже Заполярья. 1991. 3 декабря; Б а с о в А. Адмирал Колчак // Дело. Всероссийская газета социального партнерства. 1994. № 41.

связи с поездкой за рубеж во главе военной миссии*, в период революции и Гражданской войны**, как «Верховного правителя России***, его последним днём и гибели****. В последние годы появляется больше публикаций научно-проблемного плана*****. По-

* Шаров А. Превратности адмирала Колчака // Морской сборник. 1990. № 9, 10.

** Федотов Б.Ф. О малоизвестных источниках периода Гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1968. № 28; Козлов В.И. Бросил саблю за борт... Колчак Александр Васильевич (1874—1920) // Советский патриот. 1990. № 28; Свирин В. Слава и позор адмирала // Труд. 1990. 7 июля; Савельев Н. «Мундир английский, табак японский, правитель омский» // Комсомольская правда. 1991. 7 февраля; Райхцаум А. Судьба адмиральского кортика // Сын Отечества. 1994. 1 апреля.

*** Шишкин В.И. К характеристике политических взглядов адмирала А.В. Колчака в 1917—1919 гг. // Известия Сибирского отделения Российской Академии наук. 1992. Вып. 3; Шишкин В.И. Как Колчак стал Верховным правителем // Сибирские огни. 1993. № 5—6; он же. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История «белой» Сибири: Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997; Новиков И. Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности // Московская правда. 1992. 7 февраля; Пonomarev О. Верховный правитель Российского государства // Смена. СПб., 1992. 12 августа; Богданов К. Как Колчак стал Верховным правителем (хроника омского переворота) // Омская старина. 1993. № 2.

**** Петров М. Эхо ангарского залпа // Уральский следопыт. 1989. № 7; Иоффе Г. Последнее путешествие. Трагедия Колчака — трагедия «Белого дела» // Родина. 1990. № 1; Непейн И.Я. Адмирал Колчак // Уральский следопыт. 1990. № 9; Кларов Ю. Последние дни Александра Колчака // Сельская молодежь. 1990. № 11, 12; Шинкарев А. ...Если я еще жива. Неизвестные страницы иркутского зачетника Александра Колчака и Анны Тимиревой // Известия. 1991. 19 октября; Степанов В. Проклятие над ледоколом // Правда. 1991. 18 декабря; Краснов В. Путь к ангарской проруби // Советский воин. 1992. № 8; Иголкин В. Последний путь адмирала // Российская газета. 1994. 8 февраля.

***** Аманжолова Д.А. Национальная политика правительства А.В. Колчака (1918—1919 гг.) // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1994. № 1; Нефедов Н. Как было совершено предательство Колчака (1920) // Русский Восток. 1994; Звягин С.П. Верховный правитель А.В. Колчак и атаман Г.М. Семенов: конфликт между центром и региональным лидером и его последствия // Россия на пути реформ: исторический опыт: Тезисы. Челябинск. 1995; он же. К вопросу о взаимоотношениях крестьянства и режима Колчака // Крестьянство и власти в России в 1917—1994 гг. Ростов-на-Дону, 1994; он же. К истории колчаковского правления в Сибири // Отечественные архивы. 1996. № 4; он же. Попытка новой оценки режима А.В. Колчака // 1917 год и судьбы России. Страницы отечественной истории, истории культуры. Кемерово, 1998; Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997; Тарасова А.И. Новые свидетельства о предке А.В. Колчака // Вопросы истории. 1998. № 10; История Белой Сибири: Тезисы третьей научной конференции. Кемерово, 1999.

явился целый ряд работ справочно-биографического характера, в которых речь идет и о Колчаке, и о его сподвижниках*.

Много времени в своей исследовательской работе уделяет автор данных строк.

Мною в двух вариантах была опубликована биографическая часть данной монографии. См.: П л о т н и к о в И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность // Альманах «Белая армия. Белое дело». Екатеринбург. 1996. Вып. 2; Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону, 1998. В последние годы продолжал разработку темы, опубликовал в ряде изданий значительное число материалов о Колчаке, его жизни или различных сторонах лично его и его правительства деятельности (см. подробный перечень в библиографии).

Для научных статей и очерков, в основном публицистических, характерны попытки осветить те стороны биографии адмирала, которые широкому читателю вообще не были известны или малоизвестны. Как и у авторов книг, заметна тенденция переосмысления его исторической роли, выделения положительных сторон, а подчас даже идеализации личности. Много внимания уделено дореволюционной службе Колчака науке, Отечеству, военным подвигам, в частности, в бытность его командующим Черноморским флотом, попыткам сохранить его боеспособность после Февральской революции. И конечно же рассматриваются различные аспекты действий Колчака в роли Верховного правителя России, а также обстоятельств его безвременной гибели. Отдельные же авторы по-прежнему следуют в фарватере старых представлений о деятельности Колчака и ее оценках. Такова, например, упомянутая публикация В. Козлова. Прямо-таки злобный характер носит статья В. Степанова, в которой убийство группы партийно-политических деятелей Сибири в январе 1920 г. на озере Байкал приписывается А.В. Колчаку, а не атаману Г.М. Семенову, его распоряжениям и людям, хотя факт этот исследователями давно установлен.

Одним словом, публикации о Колчаке разнообразны по жанру, содержанию и идейно-политической направленности и, в конечном

---

* В и б е П.П., Михеева А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994; Деятели Белого движения в Сибири: из Омского историко-краеведческого словаря // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 6. М., 1995; История «Белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996; К л а в и н г В.В. Кто был кто в Белой Гвардии и военной контрреволюции (1917—1923 гг.): Энциклопедический справочник. СПб., 1998; Литература последних лет по истории Белой Сибири: Библиографический указатель. Кемерово, 1999.

итоге, в большинстве своем служат делу установления и освещения исторических фактов, многие из которых легли на страницы печати впервые. Автор дает почти полный их свод и возможность читателю познакомиться с жизнью и деятельностью А.В. Колчака по отдельным из них или всем вместе. Отведенные объемы данной работы заставляют ограничиться лишь кратким историографическим очерком.

Значителен круг источников, позволяющих изучать жизнь и деятельность А.В. Колчака. Часть из них содержится в публикациях различных авторов, в том числе последнего периода. Важнейшим из документов являются протоколы допроса А.В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссией 21 января — 6 февраля 1920 г. Впервые они увидели свет в 1923 г. в 10-м томе «Архива русской революции» в Берлине. Ныне репринтным путем это издание воспроизведено в нашей стране*. В связи с тем, что копии протоколов добывались нелегальным путем, в текст вкрались некоторые фактические ошибки и неточности. Тем не менее значение этого опубликования очень велико. Оно, очевидно, подтолкнуло советские органы на разрешение подготовки собственного издания протоколов. Это было осуществлено в 1925 г.** Недостатки, ошибки первой (зарубежной) публикации в этом издании указаны и исправлены. В дальнейшем протоколы неоднократно перепечатывались. В несколько сокращенном виде они вновь появились спустя 35 лет***, а в последние годы трижды полностью в книгах ряда авторов****.

А.В. Колчак с момента ареста определенно предчувствовал, что будет казнен, и показания на допросах старался дать как можно более подробные. Он привел основные биографические сведения, много внимания уделил участию в полярных экспедициях, реформированию управления военно-морским флотом России, командной работе в Балтийском и Черноморском флотах, своей деятельности в дни революции 1917 г., зарубежной поездке, встречам с русски-

* Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5, т. 10.

** Допрос Колчака. Л., 1925.

*** См. приложение «Лицо колчаковщины (из допроса Колчака)». // Солодянкин А.Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960.

**** См.: К а ю р о в Ю. Арестант пятой камеры. М., 1990 (переиздана в 1994 г.) и Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни / Составитель Г.В. Егоров. Барнаул, 1991. См. также публикацию: Допрос адмирала Колчака в Иркутске // Сибирь. Иркутск. 1990. № 4. Следует заметить, что все публикации протоколов допроса грешат искажениями и пропусками, ибо следственная комиссия, затем редакторы стенограмму произвольно исказили и частью фальсифицировали.

ми и зарубежными дипломатами, участием в Гражданской войне. Сопоставление с выявленными документами свидетельствует, что Колчак был достаточно откровенен и объективен. Он явно стремился в предоставившейся форме зафиксировать важнейшие события не только в жизни собственной, но и в истории своей Родины, дать им оценки. И мы должны быть благодарны этому мужественному человеку, умевшему смотреть смерти в лицо и не терять перед ее угрозой головы и ясного сознания. К сожалению, последовательное изложение Колчаком событий было прервано на моменте провозглашения его Верховным правителем. Положительно оценивая факты нового опубликования протоколов допроса, даже не говоря о фальсификации и искажениях, отметим и такой их недостаток. Он заключается в том, что составителями буквально копируются комментарии и примечания давнего издания (1925 г.) с их предвзятостью, с многочисленными ошибками и неточностями фактического характера.

Хотелось бы высказать и иное замечание. Составитель сборника «Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни» Г.В. Егоров подчеркивает, что «предлагаемая книга материалов — из личного архива составителя», что она «первая, пожалуй, попытка за годы существования нашего государства воссоздать наиболее достоверный политический и человеческий портрет «Верховного правителя России» (с. 2). На самом же деле почти весь объем книги занимают протоколы допроса Колчака, отрывки из книги воспоминаний Г.К. Гинса⁵, воспоминания И.Н. Бурсака, которые, как и протоколы, неоднократно публиковались, а устаревшая, тенденциозная биографическая справка о Колчаке повторяет статью из Большой Советской Энциклопедии.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ КАК ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Для знакомства с жизнью и деятельностью исторической личности читателю, не столь взыскательному и склонному к затрате минимального времени, достаточно прочтения более или менее объективно исполненной биографической статьи, очерка, брошюры, книги. Но решительно в каждой из таких публикаций заложена хотя бы толика недостатков. Она может проистекать от авторской субъективности, полноты овладения автором суммой источников, наконец, меры его компетентности. Для советских биографов, будь то историк, иной

ученый, писатель, публицист, до недавнего времени был «нормированный», то есть «марксистско-ленинский», классово-пролетарский подход к освещению и оценке деятельности исторического или иного деятеля, будь он хоть химиком или даже астрономом.

Вот почему читателю важно знакомиться с источниками, разного рода документами и материалами самому с тем, чтобы составить самостоятельное суждение об интересующем его лице. Если круг этих документальных источников достаточно широк, хотя и не исчерпывающ, отражает разные этапы и стороны жизни данного лица, не упускает как положительные, так и отрицательные черты, особые заслуги, достижения или, наоборот, недостатки, ошибки личности, то знакомство с ним будет более достоверным, обстоятельным и полным. Сложится свое выработанное видение. Читателю удастся узнать, хотя бы в основных чертах уловить правду бытия об исторической личности и объективно судить о нем. Вполне возможно, что оно не совпадает с мнением и суждениями автора данных строк, который тоже не застрахован от ошибок, субъективности.

До сего времени об А.В. Колчаке не написано научно-биографического труда, о чем уже было сказано. Но ему не посвящено и сборников документов, охватывающих если не все, то хотя бы основные этапы жизни и деятельности, о чем также приходится сожалеть. И то, что в разных изданиях из документов помещалось, чаще было предназначено для охаивания этого деятеля и отвержения от него читателя. Правда, в самое последнее время на страницах печати стали появляться материалы — позитивные свидетельства о Колчаке, но их пока еще очень мало. Отсутствием научной или научно-популярной биографии и вместе с тем сборника документов о жизни и деятельности А.В. Колчака и обусловлено такое издание, как эта книга. В ней автор, и он же составитель и комментатор, в научно-популярном виде осветил биографию, иллюстрируя ее документами и материалами с краткими примечаниями к ним и комментариями.

Документы и материалы выявлялись на протяжении длительного времени, главным образом в архивохранилищах, условия работы в которых по разным причинам и до настоящего времени крайне неблагоприятны. Наряду с традиционным запретительством там царят и нерадивость сотрудников, и массовое снятие многих дел с полок хранения (якобы для реставрации, которая из-за отсутствия средств не производится), и прочие недостатки архивной службы страны. Этим кратким отступлением я, как историк, хотел бы обратить внимание на наши профессиональные беды и издержки в поисковой работе.

Вместе с тем делались извлечения из зарубежных и советских, главным образом ранних, археографических изданий, в которых помещались материалы, посвященные деятельности Колчака целиком или отчасти, и которые, как правило, находились в спецхранах. В решении поставленной задачи нельзя было обойтись без обращения к воспоминаниям как опубликованным, так и не публиковавшимся, к периодической печати — белогвардейской, советской и зарубежной, в основном эмигрантской.

Но данных о самом Колчаке в них было мало. Несколько больше таких данных содержалось в ранних изданиях сборников документов и материалов*. Но появились и новые публикации документов**. Во всех этих изданиях, в том числе в первом из указанных, составленном членом Директории, действия правительства Колчака оцениваются отрицательно. Такая же тенденция заметна и в самом подборе документов. Такую односторонность удастся преодолеть лишь со временем, что, в частности, предпринимается и в данной книге. Нужно сказать о том, что в последнее время на страницах нашей печати впервые появились копии документов, свидетельствующих, что главным вершителем расстрела Колчака, как и членов царской семьи, множества других людей, был сам глава Советского правительства и РКП(б), то есть Ленин. Об этом прежде всего свидетельствует его распоряжение заместителю председателя РВС республики Э.М. Склянскому***. Автором этот документ воспроизведен более точно и указано на факт его наличия в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории****.

* Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: Сб. документов / Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919; Белый архив: Сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, Белого движения и т. п. Париж, 1926. Т. 1; Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926; Колчаковщина: Сб. Екатеринбург, 1924; Гражданская война в Сибири и Северной области. М.; Л., 1927; Колчаковщина на Урале (1918—1919). Свердловск, 1929; Колчак и Финляндия // Красный архив: Исторический журнал. Л. 1929. Т. 2.

** Ш и ш к и н В.И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. 1989. Вып. 1; он же. Колчак о себе // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1992. № 165; Неизвестные интервью Колчака // Сибирь. 1991. № 1; Д р о к о в С.В., К о н о в а л о в О.В. К истории рода адмирала Колчака // Отечественные архивы. 1992. № 5; Прости, великий адмирал!.. Эскиз к портрету Александра Васильевича Колчака. Барнаул, 1992.

*** Комсомольская правда. 1991. 7 февраля.

**** См.: П л о т н и к о в И. Кто убил Колчака? // Родина. 1995. № 1; он же. Ничто не могло удержать флот от развала. Автобиография А.В. Колчака // Источник. 1996. № 4; он же. Конец Всероссийского Учредительного собрания. Трагические события на Урале. 1918 г. Екатеринбург, 2001.

Очень широк теперь круг такого вида источников, как воспоминания. В основном это воспоминания участников Белого движения. Да это и неудивительно. Из числа большевиков Колчака лично почти никто не знал. То, что выходило из-под их пера, носило сугубо отрицательный оценочный характер. Можно назвать некоторые работы Ленина, в которых дается оценка политики А.В. Колчака. Это — «Все на борьбу с Деникиным!» и «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком*». Оценки других современников Колчака из большевистско-советского лагеря в общем совпадают с ленинскими.

До нас дошла значительная мемуарная литература из, так сказать, промежуточного лагеря, в частности из так называемого левого крыла антибольшевистского движения**. В них мы черпаем данные о негативной реакции этих сил на установление 18 ноября 1918 г. в Омске власти Колчака. В какой-то мере к ним примыкают воспоминания предшественника А.В. Колчака по верховному командованию В.Г. Болдырева***7. Интерес представляют строки воспоминаний о совместной работе с Колчаком весной и летом 1917 г. в Севастополе А.И. Верховского⁸, позднее военного министра Временного правительства****. Потом Верховский перешел к красным. Чувствуется, что этот уход автора воспоминаний в другой лагерь повлиял и на его противоречивую оценку деятельности Колчака в 1917 г. На книге воспоминаний сказались, понятно, и рука цензуры. Особое место занимают воспоминания Н.В. Савича, работавшего совместно с Колчаком в предвоенный период в Государственной думе, в ее военном комитете*****.

Неоценимое значение имеют воспоминания людей из окружения Колчака или лиц, часто общавшихся с ним, — А.П. Будберга⁹, Г.К. Гинса, М.И. Занкевича, М.А. Иностранцева, В.В. Князева, К.В. Сахарова¹⁰, И.И. Серебrenникова, Д.В. Филатьева, Е. Шильдкнехта*****.

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 44—63, 151—159.

** С в я т и ц к и й Н.В. К истории Учредительного собрания // Колчаковщина: Сб. Екатеринбург, 1924; Ч е р н о в В. Перед бурей: Воспом. Нью-Йорк, 1953.

*** Б о л д ы р е в В. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925.

**** В е р х о в с к и й А.И. На трудном перевале. М., 1959.

***** С а в и ч Н. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума) // Архив русской революции. М. 1991. Кн. 5. Т. 10.

***** Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. Т. 2, ч. 2—3; И н о с т р а н ц е в М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа. Восточн. Прага, 1922; он же. Первое поручение адмирала Колчака. Белое дело. Берлин, 1926; С а х а р о в К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; З а н к е в и ч М.И. Обсто-

Сходные по характеру эти публикации все же во многих отношениях разнятся. Некоторые отчасти носят дневниковый характер, поэтому более точны в передаче событий, их датировании. Другие содержат ценные документы. Не равнозначны они и по степени объективности. Наибольшее доверие вызывают воспоминания Будберга, Гинса, Занкевича. Хотя и им присущ субъективизм. Будберг стремился как можно конкретнее оценивать людей, в том числе и Колчака, но на страницы его дневника проникало критиканство, ибо он почти все видел в мрачном свете, склонен был к пессимистическим оценкам. Гинс, пожалуй, заметно оттенял, несколько выпячивал свою личную роль в решении государственных вопросов. Занкевич — главное военное лицо при Верховном правителе на последнем этапе, — похоже, сгладил свою роль в том, что отход Колчака в Монголию, его спасение не были обеспечены. Наибольшее неприятие в воспоминаниях Сахарова вызывает его настойчивое утверждение, что Колчак определенно был привержен монархизму, а это явно не соответствует действительности. Генерал-лейтенант Сахаров, назначенный Колчаком на пост командующего Западной армией (а затем и фронтом), допустил вместе с генералом Д.А. Лебедевым¹¹ непростительные ошибки в планировании и проведении ряда операций, в частности Челябинской. В своих воспоминаниях он явно фальсифицирует многие военные события. И тем не менее воспоминания данной группы авторов имеют непреходящее значение. Без них мы мало что знали бы о повседневной жизни и деятельности Колчака, его официальных и неофициальных встречах, разработке вопросов, принятии документов, руководстве рядом высших учреждений и Ставкой. Ценность этих воспоминаний заключается и в том, что, будучи в целом лично благожелательно настроенными к Верховному правителю, их авторы попытались отразить его деятельность всесторонне, оттеняя сильные и слабые стороны.

ательства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске. Белое дело. Берлин, 1927. Т. 2; он же. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Рига, 1930; Будберг А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). М., 1929; Шильдкнехт Е. Встречи с Колчаком // Морские записки. Нью-Йорк, 1958. Т. XVI. Вып. 1 (46); Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918—1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985; Князев В.В. «Жизнь для всех и смерть для всех». Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А.В. Колчака, ротмистра В.В. Князева. Тюмень, 1991 (данные воспоминания и текст рассматривавшейся выше книги М.И. Смирнова переизданы. См.: Адмирал Александр Васильевич Колчак. М., 1992); Серебрянников И. Воспоминания о Колчаке // Иртыш. Омск, 1993. № 1.

Надо особо выделить грандиозные «Очерки русской смуты» А.И. Деникина¹², в которых немалое место отведено взаимоотношениям и взаимодействию правительства Юга России с правительством А.В. Колчака, содержатся данные об обстоятельствах признания Верховного правителя как главы Российского государства, всего Белого движения. По тем или иным обстоятельствам полезно обращение читателя и к некоторым другим мемуарам, в частности Л.А. Кроля¹³, описывавшего выступления и действия А.В. Колчака в поездках по Уралу, Г.М. Семенова¹⁴, затрагивавшего вопрос о своих взаимоотношениях с адмиралом*. О большом внимании А.В. Колчака к расследованию обстоятельств убийства большевиками царской семьи можно узнать из воспоминаний М.К. Дитерихса¹⁵ и Н.А. Соколова**. И наконец, мемуары А.В. Книппер (в то время — Тимиревой)¹⁶, близкого друга А.В. Колчака, передавшей свои впечатления о нем как человеке, его поведении в кругу знакомых, в общении с нею, о его мужестве в последние дни и часы жизни***. Эти воспоминания полностью еще не опубликованы.

Оставили потомству мемуары и некоторые из руководителей миссий и войск интервентов в Сибири. Постоянно общались с А.В. Колчаком и много писали о нем французский генерал, главнокомандующий союзными войсками в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке М. Жанен¹⁷, американский генерал В. Гревс¹⁸ и английский полковник, потом генерал Дж. Уорд****¹⁹.

Наиболее подробно из этих трех авторов о Колчаке пишет Дж. Уорд. Его оценка деятельности и личных качеств Колчака в целом высокая. Иным предстает Колчак в дневниковых или более поздних записях М. Жанена. То и другое мнения в значительной степени зависели от характера деловых отношений авторов с Колчаком. В частности, отношения Колчака с Жаненом ухудшались по мере того, как осложнялись отношения с чехословаками, находившимися на попечении французского генерала.

Наконец, еще об одной группе воспоминаний. Это записки тех, кто арестовывал, содержал в тюрьме, допрашивал, а затем, по указа-

* К р о л ь Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1921; Се м е н о в. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938.

** Д и т е р и х с М.К. Убийство царской семьи. М., 1991; С о к о л о в Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990.

*** К н и п п е р А.В. Фрагменты воспоминаний. Публикация К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Исторический альманах. Воспом. Вып. I. Париж. 1986; М. 1990.

**** У о р д Д. Союзная интервенция в Сибири. М., 1923; Ж а н е н М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров. А., 1930; Г р е в с В. Американская авантюра в Сибири. М., 1932.

нию сверху, расстреливал А.В. Колчака: И.Н. Бурсака, В.И. Ишаева, А.Г. Нестерова, И.М. Новокшенова, С.Г. Чудновского и А.А. Ширямова*²⁰.

Участие в аресте и расстреле А.В. Колчака и главы его правительства В.Н. Пепеляева²¹ считалось в свое время делом большой революционной чести, заслугой перед пролетариатом. Поэтому участники этих акций охотно, а некоторые многократно публиковались в печати, подробно, подчас со смакованием, освещая последние минуты Колчака. Сами по себе эти воспоминания ценны. В них правильно показывается время и место казни. Внимание читателя хотелось бы лишь обратить на то, что некоторые участники и руководители расстрела, в частности Бурсак, утверждают, будто Ленин не только не был причастен к расстрелу Колчака, а даже запретил это делать и требовал обязательной доставки его в Москву для предания суду. Эта версия проистекала от И.Н. Смирнова²², который умышленно распространял утверждение, будто от Ленина еще в Красноярске было получено распоряжение, «в котором он решительно приказывал Колчака не расстреливать», а предать суду. В связи с этим назовем читателю и этот источник — воспоминания Смирнова**. Он знал всю подноготную дела, сам дал указание о расстреле, руководствуясь распоряжением Ленина, а потом стремился скрыть это. В большевистских верхах так было принято...

Такова вкратце историография А.В. Колчака на день сегодняшний.

Изучая и обрабатывая материалы, автор старался не игнорировать ни те, в которых Колчак предстает в положительном свете, ни те, где ему даны двойственные или отрицательные оценки. Оговорюсь лишь, что материалов советско-коммунистического происхождения дается немного: во-первых, потому, что они носят заданно-субъективный, даже клеветнический характер, во-вторых, ввиду отсутствия в них, как правило, конкретных сведений о Колчаке лично, в-третьих, их обилием в советских изданиях, а потому — доступных для всякого нуждающегося в ознакомлении с ними.

* Ш и р я м о в А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Сибирские огни. 1924. № 4; он же. Конец колчаковщины // Борьба классов. 1935. № 1—2; И ш а е в В. Смерть Колчака и Пепеляева (Воспоминания очевидца) // Уральская новь. 1926. № 3; Н о в о к ш е н о в И. Вокруг ареста Колчака (Воспоминания) // Из колчаковщины. М., 1931; Н е с т е р о в А.Г. Арест Колчака // Годы огневые, годы боевые: Сб. воспом. Иркутск, 1961; Ч у д н о в с к и й С. Конец Колчака // Там же; Б у р с а к И.Н. Конец белого адмирала. Разгром Колчака: Воспом. М., 1969.

** С м и р н о в И. Конец борьбы. Примирение с чехословаками // Борьба за Урал и Сибирь: Воспом. и статьи. М.; Л., 1926.

Необходимо специально отметить, что в книгу не включен такой важный документ, как «Допрос Колчака» (кроме отдельных выдержек), поскольку он занимает до 14 печатных листов, то есть целый том, и опубликован уже в нескольких изданиях, которые указаны в историографическом разделе. К тому же многие данные из протоколов допроса использованы в биографической части книги. Следует ждать публикации и подлинной его стенограммы.

Весь корпус документов и материалов (всего 191) распределен по разделам, в основном по хронологическому принципу, что создает удобство для знакомства с их содержанием.

В них, как правило, отражается тот или иной жизненный этап Колчака с креном на наиболее существенные направления деятельности или эпизоды из его жизни. Некоторое исключение составили разделы, посвященные времени, когда А.В. Колчак стал Верховным правителем и одновременно Верховным главнокомандующим Вооруженными силами России, когда его деятельность была чрезвычайно разнообразной.

В соответствии с общепринятыми нормами издания исторических документов каждому из них предпосылается краткий заголовок, схватывающий его суть и признанный помочь читателю изучать и воспринять его. Для экономии «бумажного пространства» даты издания документа даются в тексте его заголовка. При отсутствии таковых в документе датирование производится по его содержанию. Исходящие номера документов даются там же и лишь в случаях их особой важности. Под документами и материалами указывается источник. Есть случаи, когда ссылка делается на два источника — архивный и какое-либо издание. Это означает, что составитель воспроизводит документ полнее или точнее, чем предшественники. В первом случае название архива дается полностью (в примечании — и его новое наименование), в последующих — в сокращенном виде. То же относится к наименованию и выходным данным сборников и книг. Из экономии объема характеристики документа, вроде «Подлинник», «Копия», «Копия с копии», «отпуск» и т. д., не даются. Отмечу, что в книге есть те, другие и третьи. Достоверность документов тщательно проверена и несомненна*.

Документы и материалы даются и в полном объеме, и с сокращениями, в извлечениях. Последний вариант позволяет донести до читателя наибольшее количество документов, непосредственно относя-

---

* Поскольку первая; биографическая, часть книги в основном базируется на публикуемой массе документов, то ссылок (научного аппарата) в ней не дается.

щихся к личности Колчака и его деятельности. Места сокращений обозначены в тексте отточиями.

Поскольку тексты документов составлялись в разное время, до 1917 г. и позднее, все они даны в соответствии с принятой ныне орфографией. Документы, относящиеся ко времени до 1 февраля 1918 г., датируются по старому, а остальные — по новому стилю. В отдельных моментах, если документы иностранного происхождения, дается двойная дата.

В некоторых случаях, если это не влияет на смысл текста, в него внесены стилистические исправления. Если без ущерба для смысла, содержания таковые сделать было невозможно, в подстрочных примечаниях на этот счет даны указания.

Недописанные слова или пропущенные предлоги дописаны без особых отметок (если они имеют двойной смысл, тогда дописанная их часть заключена в квадратные скобки). Составитель в отдельных случаях вставил и пропущенные слова. Они также заключены в квадратные скобки.

Примечания даны в подстрочиях с отсылкой к ним звездочками. Комментарии же даны в соответствующем приложении и обозначены сносками — арабскими цифрами со своей нумерацией по введению и каждой из четырех частей.

Помимо комментариев, в конце книги даны приложения: «Библиография», «Именной указатель» и «Указатель географических названий».

Иллюстрации подобраны и схемы составлены автором. Во всех приложениях даются указания на страницы, где идет речь о тех или иных лицах, событиях, помещены документы, фотоиллюстрации и схемы.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ШАГИ

СЕМЬЯ И РОД. ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Александр Васильевич Колчак родился 4 ноября 1874 г. близ Санкт-Петербурга, в семье офицера морской артиллерии на Обуховском сталелитейном заводе. В метрической книге Троицкой церкви села Александровского Петербургского уезда значится: «Морской Артиллерии у штабс-капитана Василия Ивановича Колчака и законной жены его Ольги Ильиничны, обоих православных и первобрачных, сын Александр, родился четвертого ноября, и крещен пятнадцатого декабря тысяча восемьсот семьдесят четвертого года». Его отец Василий Иванович (к тому времени ему было 37 лет) прошел большой жизненный путь. Юношей он принял участие в Крымской войне, держал оборону на знаменитом Малаховом кургане. Был ранен и пленен французами. С Принцевых островов (на Мраморном море) вернулся на Родину. Закончил институт горных инженеров, после чего некоторое время работал на Златоустовском заводе на Урале — изучал металлургическое и оружейное дело. После этого он все время работал на Обуховском сталелитейном заводе, будучи приемщиком от военного ведомства. Выйдя в 1889 г. в отставку в чине генерал-майора, В.И. Колчак продолжал трудиться на том же заводе в качестве инженера, зав. мастерской. Он был крупным специалистом в области артиллерии, опубликовал ряд научных трудов. Описал он также события Крымской войны (очерк «На Малаховом кургане» и книга «Война и плен»). Умер 4(17) апреля 1913 г.

Мать А.В. Колчака, Ольга Ильинична (1855—1894), урожденная Посохова. Дворянская семья Посоховых из Херсонской губернии переехала в Одессу. Дед А.В. Колчака по матери был последним одесским городским головой, расстрелян советскими органами в 1920 г. О.И. Колчак умерла довольно рано, когда ее сыну было лишь 20 лет. Кроме Александра, в семье были две дочери — старшая Екатерина и младшая, еще в детстве умершая, — Любовь.

Род Колчаков был довольно обширным, в разных поколениях тесно связанным с военной профессией, относился к служилому дворянству Российской империи. По семейным преданиям, Колчаки получили русское дворянство и герб одновременно с русским подданством в начале царствования императрицы Елизаветы Петровны, около 1745 г.

Семейные архивы Колчаков погибли в полые Октября и Гражданской войны. Ростислав Александрович Колчак, сын Верховного правителя, который, как уже упоминалось, много сил приложил к составлению родословной Колчаков, указывает, что они происходили из половцев. Часть этого народа, теснимая татаромонголами, ушла на Дунай, в Венгрию, другая часть была ассимилирована завоевателями. Один из предков Колчака упоминается среди сербо-хорватов. Он был христианином, затем принял мусульманство и служил в рядах турецких войск. Р.А. Колчак приводит письменные источники, относящиеся к 1711 году, времени сражений турок против русских войск во главе с Петром I. Булюбаш, то есть полковник, Колчак отличился и стал впоследствии пашой трехбунчужным и губернатором городок Хотина (на р. Днестр). В 1736 г. Колчак был вызван в Константинополь, получил звание «визиря» (титул высшего сановника-министра). Он участвовал в войне Турции с Австрией и Россией, в 1737 г. временно был главнокомандующим — сераскиром турецкой армии на русском фронте, пока его не сменил Вели-паша. В 1739 г. турецкие войска на этом фронте потерпели поражение. Колчак с оставшимися малыми силами вынужден был Хотин сдать. Вместе с семьей он оказался в русском плену. Он сам и его старший сын офицер Махмет-Бей были увезены в Петербург. В связи с военными действиями, успехами русских войск под Хотинском о Колчаке говорится в оде М.В. Ломоносова: «Коль скоро толь тебя, Колчак, учит российской вдатся власти, ключи вручить в подданства знак и большей избежать напасти?..»

Будучи отпущенным в Турцию, Колчак не поехал туда. Уже с дороги, из Киева, он обратился к своему старому другу и союзнику графу И. Потоцкому, и тот помог ему обосноваться в Галиции. К 1743 г. его уже не было в живых, но корни Колчаков, вернувшихся в христианскую веру, были пущены на славянской земле. Правнук паши после третьего раздела Польши служил уже России, в Бугском казачьем войске. Упоминаемый в источниках времен императора Павла I и Александра I сотник этого войска Лукьян Колчак — прадед А.В. Колчака. Лукьян владел наделом в Ананьевском уезде Херсонской губернии. Дедом А.В. Колчака был старший сын Лукьяна — Иван.

В последнее время российской общественности стало известно, что и ныне в России, в Санкт-Петербурге, проживают родственники Верховного правителя, потомки его дяди — Александра Федоровича, в начале 20-х годов вынужденные сменить фамилию на Александровы.

Мы подробно остановились на родословной адмирала Колчака потому, что читателю она мало известна. Даже при жизни Колчака далеко не все знали о его восточных корнях, к которым из поколения в поколение прививалась славянская, а в XIX веке — русская кровь. Некоторые считали, что предки Колчака — немцы или литовцы.

Александр Колчак начал свое школьное образование в 6-й Петербургской классической гимназии, где пробыл до 3-го класса, а с 1888 г. обучался в Морском кадетском корпусе²³. В выборе будущей профессии сказалась семейная традиция — военная служба с «морским уклоном». Как мы отмечали, его отец был морским артиллеристом, хотя и служил на суше. Братья В.И. Колчака, Петр и Александр, также были морскими артиллеристами. Первый из них был капитаном 1-го ранга, второй — генерал-майором. Ближайший родственник Александра Колчака по матери — Сергей Андреевич Посохов был контр-адмиралом, брат Посохова Андрей — пехотным генерал-майором. Среди потомков младшего брата деда адмирала по отцу — Федора Лукьяновича (младшая линия Колчаков) тоже были офицеры, один из них — упомянутый Александр Федорович — контр-адмирал. Родители Колчака были православными, верующими. Всю жизнь верующим был и он сам.

Итак, Александр Колчак поступил в Морской кадетский корпус. Впоследствии он отмечал, что из гимназии в корпус «перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца». Способный, талантливый по природе своей, он к тому же еще много и упорно работал, тщательно изучал науки, военно-морское дело и шел в своем выпуске то первым, то вторым. В 1892 г. он производится в младшие унтер-офицеры, а за год до выпуска назначается как лучший по наукам и поведению фельдфебелем младшей роты морских кадетов. Кадет этой самой младшей роты, в дальнейшем на протяжении целого ряда лет друг, помощник и сподвижник, первый биограф Колчака контр-адмирал Михаил Иванович Смирнов о том времени вспоминал: «Колчак, молодой человек, невысокого роста, с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни

один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь». В этой характеристике, может быть, есть определенный налет позднейших впечатлений, но тем не менее она примечательна.

Колчак окончил корпус и высочайшим приказом по флоту 15 сентября 1894 г. был произведен в первый морской офицерский чин — мичман. Ему было 19 лет. Закончил учебу он вторым, хотя мог быть и первым из выпускников. Колчак отказался от первенства в пользу своего конкурента-товарища (Д. Д. Филиппова), которого счел способнее себя, и комиссия вынуждена была посчитаться с его мнением.

За отличные успехи Колчаку была присуждена премия адмирала П. И. Рикорда с вручением 300 рублей. Этот русский адмирал отличился не только во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., командуя эскадрой в Средиземном море, но и как мореплаватель, ученый, являвшийся членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

ПЕРВЫЕ ПЛАВАНИЯ И ПОЛЯРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЖЕНИТЬБА НА С. Ф. ОМИРОВОЙ

По окончании корпуса Колчак несколько месяцев пробыл в 7-м флотском экипаже, а весной 1895 г. получил назначение на только что спущенный на воду крейсер 1-го ранга «Рюрик» в качестве помощника вахтенного начальника. На этом крейсере он ушел в плавание на Дальний Восток. В конце 1896 г. был переведен на клипер «Крейсер» в качестве вахтенного начальника и на протяжении нескольких лет совершил плавания в водах Тихого океана. Затем в 1899 г. вернулся в Кронштадт. Так происходило становление А. В. Колчака как мореплавателя и морского офицера. В декабре 1898 г. он был произведен в лейтенанты. Из-за ухода на службу в Императорскую Академию наук²⁴, о чем речь пойдет далее, Колчак пробудет в этом звании около восьми лет — до 1906 г. Но тут следует объяснить, что звание лейтенанта в русском флоте котирировалось довольно высоко, ибо офицерских ступеней в тот период на флоте было всего четыре (мичман, лейтенант, капитан 2-го и, наконец, капитан 1-го ранга), тогда как ныне в России их значительно больше. И лейтенанты часто командовали крупными кораблями. Правда, надо оговориться, что короткое время — в 1906—1911 гг. — существовало звание капитан-лейтенанта, но было отменено; с 1907 г. вводится звание стар-

шего лейтенанта. Колчак лишь осенью 1906 г. получил звание капитан-лейтенанта.

Во время плаваний Колчак выполнял не только строевые офицерские обязанности. Он усиленно занимался самообразованием, пополнением специальных и общих знаний. Вместе с тем он в служебном порядке вел работы по океанографии и гидрологии. Колчак все больше утверждает в намерении, вызревавшем со времени обучения в морском корпусе, участвовать в экспедициях, заняться океанографией, наукой. И в этом направлении он уже тогда сделал первые серьезные шаги. В 1899 г. Колчак опубликовал статью «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г.».

Командир «Крейсера» Г.В. Цывинский позднее, став адмиралом, писал: «Одним из вахтенных учителей был мичман А.В. Колчак. Это был необычайно способный и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений».

Товарищи Колчака по плаваниям отмечали, что он находил время на изучение древних индийской и китайской философий. Культура Востока его влечет и позднее, когда в 1917—1918 гг. он оказался в Японии и Китае. Чтобы иметь возможность читать произведения китайских мыслителей в подлинниках, он изучает китайский язык.

По прибытии в Кронштадт Колчак отправился к вице-адмиралу С.О. Макарову²⁵, готовившемуся к плаванию на ледоколе «Ермак» в Северный Ледовитый океан. Встреча была примечательной, хотя она и не привела к немедленному осуществлению мечты о плавании в полярных водах. «Я просил, — отмечал Колчак, — взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать, и «Ермак» ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию, — меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла на Командорские острова к Берингову морю, на Камчатку. С адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии».

Следовало бы отметить, что в другом случае, в автобиографии, Колчак говорит о своих более ранних мечтах, в пору обучения: «Еще будучи в корпусе, и во время плавания на Восток, я интересовался

океанографическими исследованиями в полярной области. Моим всегдашним желанием было снарядить экспедицию для продолжения работ в Южном Ледовитом океане, начатых нашими знаменитыми исследователями адмиралами Беллингаузеном и Лазаревым». Таким образом, позднее, видимо, под влиянием С. О. Макарова, внимание Колчака было переориентировано на Север, к рубежам Российской империи. Тогда, по возвращении с Дальнего Востока, в Петербурге Колчак узнает о готовящейся Академией наук под руководством барона Э. В. Толля²⁶ Русской полярной экспедиции. Она имела целью исследовать земли на севере от берегов Сибири. Предложить свои услуги академии Колчак не решился. Однако судьба сама нашла его. Проплавав некоторое время во внутренних, российских водах на судне «Князь Пожарский», что было худшим вариантом деятельности для него, Колчак вскоре, в сентябре 1899 г., на эскадренном броненосце «Петропавловск» вновь отправился на Дальний Восток. В Средиземном море, во время стоянки корабля в греческом порту Пирей, Колчак совершенно неожиданно получил предложение из академии, от Э. В. Толля, принять участие в упомянутой экспедиции. Оказываются, работы А. В. Колчака обратили на себя внимание барона, нуждавшегося в трех морских офицерах. Оказал содействие и академик Ф. Б. Шмидт, к которому Колчак обращался ранее с просьбой выяснить, нельзя ли попасть в экспедицию. Поступившее предложение Колчак принял немедленно. Вопрос о временном переводе его с военной службы в распоряжение Академии наук был благополучно решен. Из Греции через Одессу он вернулся в Петербург и в январе 1900 г. явился к Толлю.

Начальник экспедиции предложил А. В. Колчаку руководить гидрологическими работами, а кроме того, быть и вторым магнитологом (помощником Ф. Г. Зеберга)*. Всю зиму и весну последнего года XIX столетия Колчак употребил на подготовку к экспедиции. Он работал в Павловской магнитной обсерватории, изучая теорию и производя практические работы по магнетизму. Работал и в Главной физической обсерватории.

21 июля 1900 г. экспедиция на специально оборудованном, приобретенном в Норвегии судне «Заря» (до того — китобойная шхуна «Гарольд Гальфагер») двинулась по Балтийскому, Северному и Норвежскому морям к берегам Таймырского полуострова, где предстоя-

---

* Позднее из-за конфликта с начальником экспедиции командир судна Н. Н. Коломейцев покинул его. Командиром стал Ф. А. Матисен, А. В. Колчак назначается старшим офицером — первым помощником командира.

ла первая зимовка. До того А.В. Колчак пробыл некоторое время в Норвегии, где оборудовалась «Заря». Там он занимался у знаменитого полярного исследователя Ф. Нансена²⁷. Во время плавания и зимовок на Таймыре и на Новосибирских²⁸ островах Колчак, как и другие члены экспедиции, напряженно трудился, вел гидрографические, океанографические работы, плавал на катере, измерял глубины, наблюдал за состоянием льдов, делал наблюдения над земным магнетизмом. Совершал поездки по суше, исследуя малоизвестные места побережья материка и островов. В октябре 1900 г. он участвовал в поездке Толля к фиорду Гафнера с целью устройства там продовольственного депо (во время этого путешествия была определена истинная форма Таймырской губы). В апреле—мае 1901 г. они вдвоем с Толлем путешествовали по Таймыру (на протяжении 500-верстного пути Колчак вел маршрутную съемку). Позднее Колчак со спутниками, а где и в одиночку, впервые пересек остров Котельный, измерив высоты, проехал поперек Земли Бунге от устья реки Балыктах к южной части острова Фаддеевского, совершал поездки по льду к западу и северу от острова Бельковского, открыл остров, названный именем Стрижева. И здесь, опираясь на свидетельство одного из участников экспедиции, следует отметить, что Колчак вовсе не с одинаковым рвением брался за любую работу. Он охотно, с большим увлечением делал то, что, с его точки зрения, было необходимо, вызывало у него интерес. Командир «Зари» Н.Н. Коломейцев отмечал, что Колчак «на всякую работу, не имеющую прямого отношения к судну, смотрит, как на неизбежное зло, и не только не желает содействовать ей, но даже относится к ней с какой-то враждебностью». Колчаку, выходит, была присуща определенная «избирательность» в работе. В рассматриваемом конкретном случае он сам в какой-то мере подтверждал это: «...Я испытывал... неприятное чувство задержки судна с необходимостью торопиться... мы всегда куда-то торопились как на пожар, зачастую черт знает для чего и зачем». Собственную же работу он делал отменно. Начальник экспедиции был им чрезвычайно доволен и в донесении президенту академии, посланному в январе 1901 г., сообщал: «Станции начинались всегда гидрологическими работами, которыми заведовал лейтенант А.В. Колчак. Эта научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудности соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого». Толль вообще считал, что Колчак «не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии». Э.В. Толль увековечил имя А.В. Колчака — назвал его именем открытый экспедицией остров и мыс в том же районе.

Поскольку на шхуне из-за состояния льдов не удалось пробиться к северу от Новосибирских островов, Э.В. Толль принял решение с магнитологом Ф.Г. Зебергом и двумя каюрами пробиваться пешком. Он стремился туда, так как верил в возможность существования легендарной Земли Санникова²⁹ — еще не открытого северного материка. Остальным же членам экспедиции из-за того, что кончились запасы продуктов, предстояло пройти от Земли Беннетта³⁰ южнее, вести исследования, а в дальнейшем вернуться в Петербург. Экспедиция оставила для Толля в условленных местах запасы продовольствия: он намерен был со своими спутниками вернуться к устью Лены самостоятельно. Предпринял эту благородную, но крайне рискованную попытку барон Толль весной 1902 г.

Колчак со своими товарищами после новых безуспешных попыток пробиться на шхуне на север к окончанию навигации вышли к устью Лены и через Якутск, Иркутск в декабре прибыли в Петербург. Колчак доложил академии о работе экспедиции, ее достижениях и неудачах. Сообщено было и о предприятии барона Толля, от которого каких-либо вестей ни к тому времени, ни позднее не поступило.

Участь Э.В. Толля встревожила академию, Географическое общество. Не меньше, если не больше их руководителей обеспокоены были участники экспедиции, лейтенант А.В. Колчак. Поднимался вопрос о посылке в район Новосибирских островов ледокола «Ермак». Колчак же предложил академии более простой и дешевый план экспедиции для поисков Толля. Поскольку надежды на успех плавания на шхуне «Заря» практически не было, Колчак предложил использовать шлюпку. Намечавшееся предприятие было столь же рискованным, как и пеший поход барона Толля. Несмотря на стесненность академии в средствах, вопрос об экспедиции был решен положительно и довольно быстро, уже в январе 1903 г.

А.В. Колчак, получивший полную свободу действий и достаточные средства, незамедлительно выехал в Архангельск. Он взял с собой двух участников предыдущей экспедиции, добровольцев — боцмана Н.А. Бегичева³¹ и рулевого старшину В.А. Железникова, в Архангельске к ним присоединились четверо поморов, привыкших к плаванию во льдах. Эта группа отважных людей и составила костяк экспедиции. Выехали в Иркутск, где провели ряд важных подготовительных работ. Отважным и деятельным помощником Колчака стал политический ссыльный студент П.В. Оленин, знавший Якутию, сибирский Север. Колчак по телеграфу, связавшись с Якутском, договорился с Олениным об участии того в экспедиции. В соответствии с договоренностью Оленин заранее выехал в Верхо-

янк, затем в Устьянск, закупил собак (всего 161, этого было мало, но достать больше не удалось), снаряжение. Сам Колчак направился в бухту Тикси, взял со стоявшей там «Зари» один из хороших китобойных вельботов и на собаках привез его в Устьянск. Была нанята группа каюров из якутов и тунгусов (эвенков). Экспедиция, состоящая из 17 человек с 10 нартами и вельботом, с всего лишь трехмесячным запасом продовольствия, минимумом снаряжения, совершила, казалось бы, невозможное. Добравшись до моря и дождавшись его частичного вскрытия, Колчак и его товарищи то под парусами, то работая веслами, то впрягаясь в лямки и перетаскивая вельбот с тяжелым грузом через массы льда, добрались через несколько недель (4 августа) до Земли Беннетта. Начальник экспедиции в полной мере со всеми делил напряженный сверх меры физический труд. Нередко приходилось добираться с вельбота до берега по ледяной воде вплавь. Однажды чуть было не лишились вельбота. Дело было так. В море заметили большую льдину. Сильным ветром ее гнало на север, к Земле Беннетта. Утомленная греблей команда решила воспользоваться случаем. Высадились на льдину. Втащили вельбот, поставили палатку. «На казенный счет едем», — радовались боцман Бегичев и матрос Железников. Но длилось это недолго. Ночью Колчак проснулся от того, что боцман тряс его за плечо: «Ваше благородие, Александр Васильевич, вставай, тонем!» Льдина развалилась пополам, и вельбот уже съехал в воду... Но все обошлось, судно спасли.

На Земле Беннетта довольно быстро обнаружили следы пребывания барона Толля и его спутников. Нашли бутылку с помещенной в ней запиской, затем — документы экспедиции и, наконец, — коллекции, геодезические инструменты и дневник. Выяснилось, что Толль прибыл на остров Беннетта летом 1902 г. и, не имея достаточных запасов провизии, решил заняться охотой и здесь перезимовать. Но охота оказалась неудачной. В октябре стало ясно, что группе грозит голодная смерть. В условиях наступившей зимы Толль и его спутники направились на юг, в сторону материка. Больше никаких следов группы обнаружить не удалось. Оставленные для нее склады с провизией оказались нетронутыми. Сомнений не оставалось: группа погибла в пути, скорее всего, утонула в еще не полностью замерзшем море.

2 января 1904 г. Академия наук получила телеграмму: «Вверенная мне экспедиция с вельботом и всеми грузами пришла на остров Котельный к Михайлову стану двадцать третьего мая... Найдя документы барона Толля, я вернулся на Михайлов стан двадцать седьмого августа. Из документов видно, что барон Толль находился на этом

острове с двадцать первого июля по двадцать шестое октября прошлого года, когда ушел со своей партией обратно на юг... по берегам острова не нашли никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из людей партии барона Толля. К седьмому декабря моя экспедиция, а также и инженера Бруснева прибыли в Казачье. Все здоровы. Лейтенант Колчак». Поиск группы барона Э.В. Толля был главной задачей экспедиции Колчака. Но вместе с тем она решала и побочные, но тоже важные исследовательские задачи. В частности, Колчаку удалось открыть и описать новые географические объекты, внести уточнения в очертания береговой линии, в характеристики льдообразования. Колчак дал названия горе — Барона Толля, полуострову — Чернышева и др. По прибытии в Иркутск он составил «Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетт для оказания помощи барону Толлю лейтенанта Колчака», датированный 9 марта 1904 г. Вскоре он был опубликован.

Путешествия и наука могли стать главным поприщем Колчака, и на нем он достиг бы, несомненно, еще больших успехов. Но Александр Колчак еще всегда помнил, что он — военный моряк, офицер. Чувство долга позвало его на войну.

Еще по прибытии в Якутск Колчак узнал о начале Русско-японской войны, в которой морской флот призван был сыграть особую роль. Эта война явилась результатом противоречий между Россией и Японией в Северо-Восточном Китае и Корее, борьбой за сферы влияния на Дальнем Востоке вообще. Эти противоречия подогревались западными странами. Они не хотели дальнейшего усиления России и, в сущности, поощряли японское правительство на военные действия против нее. Война началась внезапным нападением японского флота в ночь на 27 января 1904 г. на русскую эскадру в Порт-Артуре. Продолжалась война до лета 1905 г. По телеграфу 28 января 1904 г. Колчак обратился к президенту Академии наук Великому князю Константину Константиновичу с просьбой отчислить его в силу чрезвычайных обстоятельств от академии и передать в военно-морское ведомство. Просьба его после некоторых колебаний была удовлетворена. Получив весть о благоприятном решении вопроса, Колчак стал срочно готовиться к поездке в Порт-Артур, куда ему было приказано явиться.

В самом начале марта он выступил с докладом на общем собрании Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества.

В дни подготовки к отъезду в Порт-Артур Александр Васильевич Колчак сочетается браком со своей невестой Софьей Федоровной Омировой.

Софья Федоровна родилась в Каменец-Подольске в 1876 г., то есть двумя годами позже своего жениха. Как писал сын Александра Васильевича и Софьи Федоровны — Ростислав, его мать была «сложной крови».

Отец ее, которого Колчак лично не знал, происходил из семьи священника и был действительным статским советником — то есть гражданским генералом. В Каменец-Подольске он служил начальником Казенной палаты — крупным чиновником. Умер он еще не будучи старым, в ожидании назначения на пост губернатора Подольской губернии, которой фактически уже управлял.

Мать Софьи Федоровны была дочерью генерал-майора, директора Лесного института Ф.А. Каменского. Среди их предков числились обер-гофмейстер барон К.-В. Миних, брат знаменитого генерал-фельдмаршала графа Б.-Х.А. Миниха, и генерал-аншеф М.В. Берг. Софья воспитывалась в Смольном институте и была весьма образованной барышней, знала семь языков, из которых французский, английский и немецкий превосходно. По характеру — волевая, с независимым характером. Возможно, это в дальнейшем и сказалось на ее отношениях с мужем.

По договоренности они должны были пожениться после его возвращения из первой экспедиции, длившейся несколько лет. Но задуманное пришлось отложить до окончания второй экспедиции. С.Ф. Омирова приехала с острова Капри, из Италии, в Петербург, а оттуда с отцом Колчака Василием Ивановичем добралась в Иркутск. Затем она, как рассказывала сыну, на оленях и собаках отправилась навстречу жениху в Устьянск, к Ледовитому океану. Вместе вернулись в Иркутск*. 5 марта 1904 г. они обвенчались в Михайло-Архангельской церкви, после чего молодая жена со свекром отправилась в Петербург, а ее муж 11 марта — в Порт-Артур.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ В ЯПОНСКОМ МОРЕ И ПОРТ-АРТУРЕ

Лейтенант А.В. Колчак прибыл в Порт-Артур во второй половине марта 1904 г. и тут же явился к вице-адмиралу С.О. Макарову, командующему флотом, и попросил назначения на наиболее боевую должность, на миноносец. Но адмирал счел необходимым, учитывая состояние здоровья Колчака, измотанного двумя экспедициями, на-

* По другим версиям, встретились лишь в Иркутске.

значить его на крейсер 1-го класса «Аскольд». Через несколько дней после встречи с Макаровым, 31 марта, Колчак явился свидетелем его гибели на подорванном и затонувшем флагманском корабле — эскадренном броненосце «Петропавловск». Адмирала С.О. Макарова А.В. Колчак считал своим учителем. Познакомился он и с капитаном 2-го ранга Н.О. Эссенем, под началом которого в дальнейшем довелось служить и многому учиться.

17 апреля Колчак добился назначения на минный заградитель «Амур». Один из современников вспоминал, как Колчак на этом небольшом судне, выйдя ночью из порта, потопил четыре японских транспорта с грузом и войсками. Точно ли это было, судить теперь трудно. Но то, что Колчак сразу же в боях зарекомендовал себя храбрейшим и распорядительным офицером и звезда его славы поднималась высоко, — это подтверждают многие.

Колчак стремился к большему. Уже 21 апреля он назначен на эскадренный миноносец «Сердитый». Командовал миноносцем он едва держась на ногах, ибо у него началось тяжелое воспаление легких. Его положили в госпиталь. Оправившись, в июле Колчак вернулся на миноносец. К осени стал остро сказываться суставный ревматизм — прямое наследие Арктики (как и быстрая потеря зубов; по описаниям близких, к 1919 г. он был почти беззубым). И все же Колчак успел совершить воинский подвиг на море: на поставленной экипажем его миноносца mine в ночь на 30 ноября 1904 г. подорвался японский крейсер «Такасаго» (единственный случай). Весь экипаж (23 офицера и 251 матрос) погиб.

В сентябре, когда основные боевые действия разворачивались уже на суше, больной ревматизмом Колчак назначается на берег командиром батареи морских орудий на северо-восточном участке обороны крепости Порт-Артур. Со 2 ноября он командует вдвоенной батареей 120- и 47-миллиметровых орудий в секторе Скалистых Гор под началом капитана 2-го ранга А.А. Хоменко³².

Все последующие недели, до падения крепости, Колчак был в горячем сражении, в артиллерийской перестрелке, отражал атаки японской пехоты. О боевой жизни его и соседних батарей, о ходе сражения в последние недели можно судить с большой точностью, так как с 3-го по 21 декабря 1904 г. Колчак вел дневник. В первый из этих дней, в частности, записано: «Днем японцы время от времени пускали шрапнель на батарею № 4 и Скалистую Гору. Сегодня 6"* орудия с отрога Большой горы обстреливали окопы на гласисе и ров

* Знак, обозначающий калибр орудия.

у укрепления № 3 — очень неудачно и разрушили японские окопы около правого угла рва этого укрепления. Вечером, когда стемнело, я приступил к углублению хода сообщения к батарее № 4. Грунт скалистый, и необходимы подрывные работы. Днем я сделал несколько выстрелов по перевалу из 120 м/м орудия по идущему обозу». 5 декабря: «Утро ясное, довольно тихо и тепло. Снег понемногу... особенно на S-х* склонах. С утра редкий огонь на правом фланге сосредоточивается по форту № 2 и Малому Орлиному Гнезду. Время от времени японцы посылают шрапнель и на наши батареи. Около 2 пополудни на форте № 2 в бруствере был произведен взрыв, и около роты японцев попробовали штурмовать форт, не пошли далее $1/2$ бруствера и залегли...» Далее записи повествуют о все более напряженной борьбе, драматически складывающейся обстановке на фронте. В записи за 19 декабря говорится об оставлении некоторых рубежей. Указывается на изъяны оборонительных линий. «Сильные сами по себе позиции мало пригодны... окопы и ходы сообщения не окончены, покрытий от шрапнели и блиндажей нет; высидеть долго под японским артиллерийским огнем, которым они только и берут позиции, нельзя. С утра началось... обстреливание Орлиного Гнезда. Подходившие резервы несли огромные потери. После полудня сильный артиллерийский огонь по вновь занятым позициям. На Заредутной батарее, на Скалистом кряже японцы... поставили пулеметы... 120 м/м сегментными снарядами я разбил бруствер на Заредутной батарее и заставил японцев очистить гребень — в это время японцы уже выбили нас из окопов Орлиного Гнезда и стали взбираться на вершину; Круссер³³ ...огнем 75 м/м орудия не позволили им [закрепиться] на вершине и перейти на S-склон горы, но наши уже оставили Орлиное Гнездо».

А.В. Колчак то и дело указывает на гибель и ранения воинов, в том числе и своих артиллеристов. Был ранен и он сам. «Я был ранен, — говорил он на допросах в 1920 г., — но легко, так что это меня почти не беспокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног».

Дневниковые записи охватывают период поражения русских войск в Порт-Артуре, сдачи крепости. Батареи Колчака держались до конца. 20 декабря он записывает: «Всю ночь продолжались раскаты взрывов в порту — все на судах уничтожалось — подрывались орудия, машины и корпуса судов: «Баян», «Победа», «Пересвет» горели. Рано утром, еще когда была полная тьма, мы получили извещение первыми не открывать огня и стрелять только при наступлении японцев:

* Знак, обозначающий юг, южные склоны.

это было вовремя — еще 15 [мин, и] я с Круссером открыли бы огонь по Заредутной и Орлиному Гнезду. В ночь были очищены Куропаткинский люнет, форт литеры Б. Малое Орлиное Гнездо и залитерная вершина и вся Китайская стенка до укрепления № 2. Когда рассвело, то на вершинах виднелась масса японцев: они не скрывались и просто сидели группами на вершинах и [обращенных] к нам склонах.

После полудня мертвая тишина — первый раз за время осады Артура... Объявлено перемирие по случаю переговоров о капитуляции крепости».

Для А.В. Колчака война 1904—1905 гг. кончилась. Его положили в госпиталь. Как тяжелобольной, он не был эвакуирован из Порт-Артура. Таким образом он, как и масса других русских воинов, оказался в плену. В Порт-Артуре он пробыл до апреля 1905 г., когда начал мало-помалу поправляться. Вместе с другими русскими офицерами Колчак был вывезен в Японию, в Нагасаки. Партия больных и раненых офицеров получила разрешение от японского правительства пользоваться лечебными учреждениями и водами Японии или же, если у кого-то будет желание, — без всяких обязательств вернуться на Родину. «Мы все, — отмечал позднее А.В. Колчак, — предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку вернулся в Петроград. В Петрограде меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая признала меня совершенным инвалидом, дала мне четырехмесячный отпуск для лечения на водах, где я пробыл все лето до осени»*.

За героизм, проявленный в боях в Порт-Артуре, А.В. Колчак был награжден Георгиевским оружием — золотой саблей с надписью «За храбрость». Это была не единственная награда. Еще 15 ноября 1904 г. за «сторожевую службу и охрану прохода в Порт-Артур, обстреливание неприятельских позиций», произведенных во время командования «Сердитым», он был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». По возвращении из плена — орденом Святого Станислава II степени с мечами**. В 1906 г. Колчаку вручили серебряную медаль в память о Русско-японской войне, а в 1914 г. — нагрудный знак участника обороны Порт-Артура.

Боевое крещение Колчака состоялось. Состоялось со славой, но с большим ущербом для здоровья.

* Временная инвалидность и отпуск на 6 месяцев Колчаку были определены приказом по морскому ведомству от 24 июня 1905 г.

** К ордену Святого Владимира IV степени, полученному ранее за первую полярную экспедицию, в 1906 г. Колчаку были пожалованы «мечи».

Глава 3

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

ОБОБЩЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПОЛЯРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Личный боевой опыт, изучение хода Русско-японской войны, особенно действий военно-морского флота, его тяжчайших поражений привели А.В. Колчака к важным выводам. В дальнейшем его деятельность чрезвычайно благотворно скажется на перестройке флота, системы руководства им. Но на первых порах после излечения все мысли Колчака были поглощены наукой. Он принимается за обработку материалов полярных экспедиций, ибо Академия наук ждет их с нетерпением. Ее президент Великий князь Константин Константинович в декабре 1905 г. писал морскому министру: «Окончание экспедиции лейтенанта Колчака совпало с началом военных действий на Дальнем Востоке, вследствие чего офицер этот счел своею нравственной обязанностью принять участие в войне и отправился с разрешения моего и своего морского начальства прямо из Иркутска на эскадру Тихого океана. Явившись в половине марта 1904 г. в Порт-Артур, он оставался там во все время осады, а после сдачи крепости возвратился через Японию и Канаду в начале июня 1905 г. в С.-Петербург совершенно больным от полученной им раны и суставного ревматизма». Президент просил министра вновь прикомандировать лейтенанта к академии до 1 мая 1906 г. для обработки гидрографических и картографических результатов экспедиций. Высокая оценка президентом академии личных и научных данных Колчака базировалась не только на собственных умозаключениях, но и на отзывах специалистов. В частности, на оценке результатов последней экспедиции начальником Главного гидрографического управления, который писал: «Между тем материалы охватили работы по описи берегов, промеру, гидрологии сибирских морей, наблюдения над льдом, астрономические и магнитные наблюдения, выполненные во время плавания и санных поездок, и имеют значение как для научных, так и для практических целей полярного плавания, в частности же для исправления на картах кон-

тура берегов северо-восточной части Сибирского материка от острова Диксона до устья реки Лень». Просьба президента морским министром была удовлетворена.

Материалы экспедиций были чрезвычайно богаты. Для их обработки понадобились многолетние усилия и русских, и иностранных ученых. Этим занималась специальная комиссия Академии наук (существовала до 1919 г.). Публикация результатов производилась отдельными выпусками, соединяемыми потом в тома. В связи с октябрьскими событиями 1917 г. это дело так и не было завершено. А. В. Колчаку надлежало прежде всего привести в порядок документацию, составить более подробные отчеты, обработать и опубликовать те результаты экспедиций, которые полностью или в основном были результатом его собственных наблюдений.

А. В. Колчак выполнил основную работу по приведению в порядок материалов двух экспедиций, их обобщению, составлению отчета. Но проделанная работа далеко выходила за рамки отчетов. Обобщения, научные наблюдения позволили создать ряд глубоких научных работ. Им была написана и опубликована в «Известиях» академии статья «Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля». Немыслимо дерзкая экспедиция А. В. Колчака, совершенная при минимальных материальных затратах, на шлюпке, и при этом без человеческих потерь, в отзыве академика Ф. Б. Шмидта была расценена как «необыкновенный и важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с трудом и опасностью». Вместе с тем высоко оценены были и географические открытия и научные достижения. 30 января 1906 г. Императорским географическим обществом А. В. Колчаку была присуждена высшая награда — Большая Константиновская золотая медаль. В феврале того же года он избирается действительным членом этого общества. Имя Колчака становится широко известным, и не только в научных кругах. Его именем, как уже говорилось, были названы открытый во время первой экспедиции на северо-востоке Карского моря остров и мыс. Под таким именем они фигурировали и на советских картах, пока, спохватившись, все переименовывавшие советские власти не дали им в 1939 г. имена другого участника экспедиции — С. И. Расторгуева и писателя К. К. Случевского. Надо надеяться, что им будет возвращено имя их открывателя и справедливость вскоре восторжествует.

А. В. Колчак составил краткое описание яхты «Заря», детально охарактеризовал ее как тип корабля, предназначенного для плавания во льдах, но не вполне надежного. В дальнейшем Александр Василь-

евич обстоятельнее займется теорией и практическими проблемами кораблестроения и в этой сфере деятельности достигнет существенных результатов. Одним из практических результатов полярных экспедиций и плодом последующей кабинетной работы Колчака явилось издание в 1906—1908 гг. четырех карт. В 1907 г. в переводе Колчака был опубликован труд датского физика и океанографа М.Х.К. Кнудсена «Таблицы точек замерзания морской воды». В 1909 г. Колчак опубликовал монографию «Лед Карского и Сибирского морей». «Основанием для этого исследования, — поясняет он в предисловии, — служат наблюдения над льдом в Карском и Сибирском морях, а также в районе Ледовитого океана, расположенном к северу от Новосибирских островов, произведенные Русской полярной экспедицией в течение 1900, 1901, 1902 и 1903 гг.». Он не успел до издания другую монографию — о картографических работах Российской полярной экспедиции и еще некоторые научные работы.

А.В. Колчак мечтал об открытии северного морского пути и вносил вклад в его подготовку. Но он и ранее, и особенно после столь неудачно закончившейся для России войны буквально разрывался между полярными, научными исследованиями и военно-морским делом. Острые проблемы военного строительства в России влекли его все больше.

В МОРСКОМ ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ. СОТРУДНИЧЕСТВО С А.И. ВИЛЬКИЦКИМ

По окончании срока прикомандирования к Академии наук А.В. Колчак, уже капитан-лейтенант, приступил к офицерским обязанностям в Морском Генштабе*. А они теперь оказались обусловленными тем, что Колчак, как и многие офицеры, тяжело переживал позорное поражение и фактическую гибель флота в войне. Но в отличие от большинства других он тщательно продумывал пути и способы возрождения и реорганизации флота. Колчак, можно сказать, не по чину оказался вдруг одной из ключевых фигур в этом деле. Его талант засверкал новыми гранями. Как генератор идей и организатор, он проявляет большую волю, оказывает влияние не только на офицерскую молодежь, но и на ветеранов флота, его адмиральский эшелон. Между двумя войнами — Русско-японской и Первой миро-

*С 1906 г. А.В. Колчак был начальником статистического отдела, а с 1909 г. — отдела по разработке стратегических идей защиты Балтики.

вой — Колчак все определеннее выступает в роли воссоздателя и реформатора военно-морского флота России. По инициативе его единомышленников, молодых офицеров, создается Петербургский военно-морской кружок. Члены этого кружка добились полулегального признания и определенной поддержки со стороны морского министра. В Николаевской морской академии группе было предоставлено помещение, кое-какие средства. Колчак вслед за лейтенантом А.Н. Щеголевым и капитаном 2-го ранга М.М. Римским-Корсаковым долгое время был председателем этого кружка.

13 апреля 1908 г. ему присваивается звание капитана 2-го ранга. В 1907 г. в своем кружке, переведенном в Морской Генштаб, А.В. Колчак выступил с докладом «Какой нужен Русский флот», в котором отмечалось: «России нужна реальная морская сила, на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы, и на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ, то есть такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в виде успешной войны. Эта реальная сила лежит в линейном флоте, и только в нем, по крайней мере, в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом». В статье «Современные линейные корабли» он развивал эту же ключевую для судеб Российского флота идею.

Колчак впоследствии так характеризовал работу кружка:

«...Мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого, в конце концов мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания Морского Генерального штаба, т. е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было: был морской штаб, который ведал личным составом флота — и только... К поданной записке отнеслись очень сочувственно, и весной, приблизительно в апреле 1906 года, он был осуществлен созданием Морского Генерального штаба. В этот штаб вошел и я, в качестве заведывающего Балтийским театром».

Колчак был и экспертом комиссии по обороне начавшей в это время свою работу Государственной думы. Он выступал с докладами и в комиссии, и в различных общественных собраниях. В проведении в жизнь новых передовых идей Колчак проявлял настойчивость и компетентность. Задолго до 1914 г. он, как и его единомышленники, сделал правильные прогнозы, утвердился во мнении, что предстоит война именно с Германией, и почти точно предсказал срок ее начала. «Еще в 1907 г., — отмечал А.В. Колчак, — мы пришли к совершенно оп-

ределенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. — совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой определяли в 1915 году, указывало на то, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее, будет исходить от Германии; знали, что в 1915 году она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать».

Обращает на себя внимание и такая самооценка Колчаком своей позиции, данная в автобиографии: «Эту войну я не только предвидел, но и желал, как единственное средство решения германо-славянского вопроса, получившего в этот период большую остроту, благодаря балканским событиям».

Между тем в правительственных кругах и в Государственной думе предлагаемые Колчаком, Морским Генеральным штабом меры понимания и поддержки долго не находили. Многие рассчитывали на союз с Германией, считали предположение о войне с ней ошибочным. Но позиции эти шаг за шагом разрушались. И в этом первостепенная заслуга Колчака. Речи его были замечательными, логичными, убедительными, покоряли глубиной мыслей, аргументов, расчетов.

До нас дошли воспоминания члена Государственной думы генерала Н.В. Савича о выступлениях Колчака, его участии в работе думского Комитета по государственной обороне, в котором председательствовал лидер партии 17 Октября (октябристов) А.И. Гучков³⁴. Савич отмечает, что в Морском Генеральном штабе, который возглавил Л.А. Брусилов, в 1907 г. произведенный в контр-адмиралы, «собралось все то лучшее из молодежи, что смогли выделить уцелевшие остатки боевого флота. Тут кипела жизнь, работала мысль, закладывался фундамент возрождения флота, вырабатывалось понимание значения морской силы, законов ее развития и бытия. Вот с этими-то элементами морского ведомства нам и пришлось впервые столкнуться в ноябре 1907 года. ...И среди этой образованной, убежденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выделялся молодой, невысокого роста офицер. Его сухое, с резкими чертами лицо дышало энергией, его громкий мужественный голос, манера говорить, держаться, вся внешность выявляли отличительные черты его духовного склада, волю, настойчивость в достижении, умение распоряжаться, приказывать, вести за собой других, брать на себя ответственность. Его товарищи по штабу окружали его исключительным уважением, я бы сказал даже, преклонением; его начальство относилось к нему с особым доверием. По

крайней мере, во все для ведомства тяжелые минуты — а таких ему пришлось тогда пережить много — начальство всегда выдвигало на первый план этого человека, как лучшего среди штабных офицеров оратора, как общепризнанного авторитета в разбиравшихся вопросах. Этим офицером был капитан 1-го ранга* Александр Васильевич Колчак...

Колчак того времени имел громадное влияние...»

Возрождение флота, получение огромных средств на строительство мощных кораблей, реорганизация управления военно-морскими силами, освоение новых методов ведения боевых действий — все это было во многом и личной заслугой штабного работника, капитана 2-го ранга А.В. Колчака.

Путь к достижению этих целей был нелегким. Дело с ассигнованиями на нужды военно-морского флота, весь процесс его реорганизации затормозился, даже чуть было не сорвался в связи с тем, что морским министром в начале 1909 г. был назначен адмирал С.А. Воеводский, и вместе с тем вскоре умер начальник Морского Генерального штаба Л.А. Брусиллов. С.А. Воеводский вступил в ссору с Государственной думой, начал переделывать запущенную уже в действие программу строительства кораблей и возрождения флота вообще. Дело, за которое так долго, упорно и в конечном итоге успешно боролся Колчак, затормозилось. Он был до глубины души возмущен этими обстоятельствами. «На меня это, — отмечал он, — подействовало самым печальным образом, и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать, и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал работать над этим делом и начал читать лекции в Морской академии, которая была тогда образована. Я читал лекции несколько месяцев и решил, что лучше вернуться к научной работе». Лекции он читал в учрежденном тогда военно-морском отделе этой академии.

Колчак по-прежнему остро интересовался проблемами Севера, северного морского пути, входил в одноименную комиссию. Как уже отмечалось, он продолжал научные исследования. Главное гидрографическое управление морского министерства возглавлял генерал-майор А.И. Вилькицкий³⁵, являвшийся также выдающимся полярным исследователем, хорошо знавшим А.В. Колчака. Он рассматривал вопрос об исследовании и открытии Великого Северного пути из Атлантического в Тихий океан.

Проявлял к этому интерес и Совет министров России. На его заседании 7 апреля 1908 г. было признано необходимым «в возможно скором времени связать устья Лены и Колымы с остальными частя-

* В то время А.В. Колчак был еще капитаном 2-го ранга.

ми нашего Отечества, как для оживления этого обширного района северной Сибири, отрезанного ныне от центра, так и для противодействия экономическому захвату этого края американцами, ежегодно посылающими туда из Аляски свои шхуны для меновой торговли с прибрежным населением».

А.И. Вилькицкий, поддержанный правительством, решил организовать экспедицию и сделал А.В. Колчаку предложение включиться в ее подготовку и быть в числе руководителей. Колчак принял это предложение. Продолжая службу в Генеральном штабе, он вместе с Ф.А. Матисеном³⁶ разработал проект экспедиции и подал его Вилькицкому. В нем важное место отводилось использованию стальных судов ледокольного типа, причем не таких, как «Ермак». Тот рассчитан был на ломку льда. Но океанский полярный лед никакое судно ломать, колоть было не в состоянии. Целесообразней была конструкция, рассчитанная на раздавливание льда, с использованием для этого веса корабля. Опыт участия в экспедициях, изучение недостатков конструкций яхты «Заря» и «Ермака», построенного по идее и под руководством С.О. Макарова, натолкнули Колчака и его друзей на мысль о постройке кораблей типа «Фрама» Ф. Нансена. Но в противоположность «Фраму» новые корабли должны были иметь стальной корпус. Это была идея того типа ледокола (фактически «ледодава»), которая легла в основу ледокольного флота в последующем и находится на вооружении кораблестроителей поныне.

Проект Колчака был одобрен. Он добился освобождения в Морском Генштабе и причисления к Главному гидрографическому управлению. 26 апреля 1909 г. Колчак выступил с докладом «Северовосточный проход от устья реки Енисея до Берингова пролива» в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта. Докладчик рассказал об экспедициях В. Беринга, Ф.П. Врангеля, П.Ф. Анжу, Н.А. Норденшельда, Ф. Нансена, Э.В. Толля, остановился на физико-географической и метеорологической обстановке, условиях навигации и требованиях, предъявляемых к судам. Информация и суждения его были восприняты и оценены по достоинству. К нему все определеннее «прилипало» почтительное прозвание Колчак-полярный.

Еще будучи генштабистом и позднее А.В. Колчак исключительно большое внимание уделяет подготовке экспедиции, особенно конструированию и строительству ледокольных судов. «Я считал необходимым иметь, — рассказывал Колчак потом, — два таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции. ...Все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы судов».

Ближайшим помощником А. В. Колчака был Ф. А. Матисен, участвовавший вместе с ним в экспедиции барона Э. В. Толля. По чертежам корабельного инженера Р. А. Матросова, который хорошо воспринял и усвоил изложенную ему идею, на Невском судостроительном заводе в Петербурге были заложены два ледокольных судна — «Таймыр» и «Хатанга», сразу же переименованная в «Вайгач». За их строительством постоянно наблюдал Колчак.

Говоря об участии Колчака в разработке типа ледоколов, в последующем строительстве военных кораблей, следует указать на познания его в технике. Будучи еще кадетом, гардемаринем, Колчак много времени проводил на Обуховском заводе, изучал металлургическое дело, технологию, даже освоил специальность слесаря. Приобретенные тогда познания и навыки существенно помогали теперь.

В 1909 г., летом, ледоколы были спущены на воду. Водоизмещение судов было одинаковым — по 1200 тонн. «Вайгач», которым предстояло командовать Колчаку, имел длину 54 и ширину 11 метров, скорость — 10,5 узла. Корабли были хорошо оборудованы для проведения исследований. Будучи построенными военным ведомством, они считались военными, имели на вооружении пушки и пулеметы. Степень надежности, непотопляемости их была небывало высокой, и они долго и надежно служили исследовательским и спасательным целям, позволили сделать крупнейшие открытия. В частности, в 1913 г. на этих ледоколах капитан 2-го ранга Б. А. Вилькицкий³⁷ открыл архипелаг, именуемый ныне Северная Земля, а в 1914—1915 гг. проложил Северный морской путь. «Вайгач» затонул в 1918 г., наскочив на подводную скалу в Енисейском заливе, а «Таймыр» плавал долго, в 1938 году он участвовал в снятии с льдины полярной станции папанинцев. К сожалению, в советской литературе заслуги Колчака перед Отечеством в создании этих судов и в развитии ледокольного флота вообще замалчивались. Впрочем, как и другие его заслуги.

К осени 1909 г. корабли были приготовлены к плаванию на Дальний Восток. В смете снаряжения экспедиции Колчак определил ее цели: «Эти транспорты, приняв полный запас угля со специально посланного для этой цели судна, используют навигационный период на гидрографические работы в районе Берингова пролива до устья реки Лены и ко времени прекращения плавания в Ледовитом океане уйдут во Владивосток с тем, чтобы в следующем году продолжать дальнейшие работы по исследованию Северного Ледовитого океана».

27 октября 1909 г. корабли направились из Петербурга через Суэцкий канал во Владивосток («Вайгач» под командой А. В. Колчака и

«Таймыр» — Ф.А. Матисена). Уже на пути следования проводились научные наблюдения. 3 июля 1910 г. суда прибыли во Владивосток, несколько позже, чем следовало, для осуществления плавания в Арктику. Во Владивосток сушей еще позднее — 9 августа — прибыл и начальник экспедиции полковник И.С. Сергеев. Причиной задержки послужила длительная остановка судов в Гавре для устранения конструктивных недостатков судов и аварийной неисправности на «Таймыре» (в связи с этим Матисен был отозван и заменен А.А. Макалинским).

Главное гидрографическое управление на навигацию 1910 г. поставило ограниченные задачи: пройти в Берингов пролив и обследовать его район, имея основным пунктом для съемок и больших астрономических наблюдений мыс Дежнева, на зимовку вернуться во Владивосток. 6 декабря 1910 г. Колчак вновь награждается, на сей раз орденом Святой Анны II степени.

Главная часть программы откладывалась на весну 1911 г. Задание было частично выполнено, необходимые научно-исследовательские работы в районе мыса, в которых участвовал и Колчак, завершены. По возвращении во Владивосток А.В. Колчак узнал о благоприятных переменах в морском министерстве. Новый начальник Морского Генерального штаба князь А.А. Ливен, как и Л.А. Брусилов, разделял взгляды прогрессивно настроенных офицеров. Повысилось влияние товарища министра и представителя министерства в Государственной думе капитана 1-го ранга (с 1911 г. — контр-адмирала) И.К. Григоровича³⁸. Недовольство действиями министра С.А. Воеводского нарастало. Чуть позднее, в 1911 г., он был смещен и его кресло занял И.К. Григорович. Колчака просили приехать в Петербург и продолжить работу в Генеральном штабе по проведению в жизнь судостроительной программы. После некоторого колебания Колчак на предложение ответил согласием и зимой приехал в столицу.

Экспедиционные работы в следующем году были продолжены без него, но с использованием и его идей, под руководством И.С. Сергеева, затем Б.А. Вилькицкого. В 1911—1915 гг. экспедиция изучила наиболее трудный для плавания участок у берегов Таймыра, открыла пролив, названный именем Б.А. Вилькицкого, Землю императора Николая II (потом — Северная Земля), остров цесаревича Алексея (Таймыр), остров А.И. Вилькицкого и другие, сделала практические шаги по прокладыванию трассы Северного морского пути. Затем этот путь — от Владивостока до Архангельска — был проложен. Основные работы были проведены под руководством Б.А. Вилькицкого. Хотя многие материалы экспедиции в июле 1918 г. при подавлении

антибольшевистского выступления в Ярославле погибли, все же оставшаяся их часть использовалась потом при освоении Арктики еще целые десятилетия. Картами и лоциями экспедиции полярники пользовались и в 30-х годах.

На этом непосредственная, столь плодотворная и значимая деятельность А. В. Колчака, как полярного путешественника и исследователя, закончилась. Однако мысли о далеком сибирском Севере его не оставляли. Он, в частности, в 1912 г. участвовал в обсуждении плана экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу, указывал на его серьезные недостатки.

Будучи в 1918—1920 гг. Верховным правителем России и находясь в Сибири, он также проявлял большой интерес и заботу об исследовании Заполярья. Тогда же — в 1910 г. — задуманное в изучении Севера, арктических морей было прервано Колчаком что называется на полпути из-за не менее важных для страны дел — укрепления ее обороны, флота, предупреждения его разгрома несравненно более мощным флотом Германии. Тем не менее и то, что было сделано, заслуживает глубокой благодарности потомков. Академик Ф. Н. Чернышев, участник Шпицбергенской экспедиции, отмечал, что даже «норвежцы не решаются делать такие отважные путешествия, как А. В. Колчак».

Со времени возвращения в Морской Генеральный штаб на прежнюю должность начальника оперативного отдела по Балтийскому флоту А. В. Колчак на протяжении 1911—1912 гг. проделал исключительно большую работу. Он главным образом осуществлял доводку судостроительной программы и ее реализацию, как и подготовку флота к войне в целом. Теперь работа была более плодотворной, ибо исчезли прежние препоны. По этой программе, соавтором которой был А. В. Колчак, строились корабли мощные, быстроходные, маневренные, с сильным вооружением. Потом, уже во время войны, стали вступать в строй линкоры типа «Севастополь», сверхдредноуты — крейсера типа «Измаил», новые подводные лодки и т. д.

ПЕРЕХОД В ДЕЙСТВУЮЩИЙ ФЛОТ

В осуществлении судостроительной программы Колчак особенно тесно взаимодействовал с Н. О. Эссенем³⁹, вице-адмиралом, последователем С. О. Макарова. В 1911 г. Эссен был назначен командующим Балтийским флотом, а в 1913 г. он получил звание адмирала. Он прилагал большие усилия к подготовке флота к ожидавшейся войне

с Германией, к укреплению защиты Кронштадта и других морских баз от атак предполагаемого противника.

В 1912 г. Н.О. Эссен предложил А.В. Колчаку перейти в действующий флот. К этому времени Колчак счел свои задачи по судостроительной программе и по подготовке флота к войне выполненными, штабной работой стал тяготиться и предложение Эссена встретил заинтересованно. Он дал согласие и был переведен в Балтийский флот. Колчак вступил в командование эскадренным миноносцем «Уссуриец». Через год командующий флотом предложил ему должность флаг-капитана, равнозначную сухопутной должности генерал-квартирмейстера. И на это предложение Колчак ответил согласием. Одновременно он командует первоклассным эскадренным миноносцем «Пограничник». Флаг командующего флотом находился на броненосном крейсере «Рюрик». Один из лучших миноносцев «Пограничник» под командованием флаг-капитана постоянно находился при флагмане. Нередко командующий находился и на «Пограничнике»*. Колчак деятельно участвовал в подготовке флота к выполнению программы военных действий.

С декабря 1913 г. Колчак — капитан 1-го ранга.

Весной 1914 г. Н.О. Эссен, оставляя А.В. Колчака в должности флаг-капитана, перевел его непосредственно в свой штаб, освободив от командования миноносцем. «В воздухе пахло войной». Опасность ее становилась все более реальной. Колчак, как один из ближайших помощников командующего флотом, целиком сосредоточивается на приговорительных мерах к войне. Он посещает, инспектирует отряды флота, базы, продумывает меры защиты, минирования и т. д.

До начала войны и боевых действий флота оставались считанные недели, дни...

---

* В августе 1913 г. на «Пограничнике» Эссен с участием Колчака принимал Николая II с его свитой. Затем Колчак участвовал в завтраке на царской яхте «Штандарт».

Глава 4

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА БАЛТИКЕ

Надвигавшуюся мировую войну предвидели многие. Она была порождена противоречиями между целыми группами государств, образовавшими два блока — германо-австрийский и Антанту (сердечное согласие). Наиболее острыми были противоречия между Великобританией, с ее огромными колониальными владениями, и Германией, экономически усилившейся и почти не имевшей колоний. Вопрос о том, могла ли Россия избежать войны, целесообразно ли было ей в тогдашних условиях вступать в нее, остается дискуссионным до настоящего времени. Одно несомненно, что Россия оказалась втянутой в войну недостаточно подготовленной. К тому же она раздиралась социально-политическими противоречиями, правящие круги недооценили не столько внешнюю, сколько внутреннюю опасность, которую несли круги с пораженческим мировоззрением. Война, которую определенно предвидел А.В. Колчак, оказалась лично для него и вершиной взлета, и временем крушения жизненных идей и планов.

О неизбежности войны с Германией и ее союзниками, о том, что она начнется вот-вот, А.В. Колчак узнал от Н.О. Эссена. Колчак в это время находился в отряде подводного плавания, в Балтийском порту. Эссен вызвал его в Ревель (Таллин). При встрече заявил, что разрыв с Германией и Австро-Венгрией почти неминуем и что надо готовиться к выполнению того плана, который ими был выработан. А он базировался на том, чтобы в наиболее узкой части Финского залива, между Паркалаудом и Наргеном, поставить сильное минное поле, которое защищалось бы имеющимися малыми силами флота. Больше того, Колчак разрабатывает и осуществляет план сдвига правого фланга оборонительной линии дальше на запад: по побережью Финляндии, вплоть до Аландских островов с установкой орудий. Такое заграждение призвано было предотвратить прорыв немецких кораблей в восточную часть Финского залива и дало бы выигрыш во вре-

мени для проведения мобилизационных мер. Вместе с тем планом предусматривались атаки на корабли противника, несмотря на их многочисленность и мощь.

Первая мировая война на море кардинально отличалась от прежних. Если раньше победа добывалась в открытых морских сражениях, просто и наглядно, то теперь борьба становилась куда более сложной, разносторонней. Особое значение приобретали оборонительные меры, в частности и прежде всего минные заграждения. В овладении этим средством был залог успеха. А.В. Колчак оказался непревзойденным мастером ведения минной войны. Зная о незавершенности программы развертывания Российского флота, немцы вначале оставили для действий против него меньшую часть своих кораблей, развернув основные силы в западном направлении, однако вскоре вынуждены были в корне изменить свои планы.

Н.О. Эссен и его штаб, на свой страх и риск, без приказа из Питера, приступили к реализации плана, к созданию 8 линий заграждения из многих и многих тысяч морских мин. Когда вся подготовительная работа, вывод кораблей были завершены и уже приступили к установке мин, из Морского Генерального штаба поступила телеграмма-«молния»: «Ставьте минные заграждения». Через несколько часов было получено известие об объявлении войны. Упреждающие меры командования флотом оказались исключительно своевременными. Германский флот, как уже отмечалось, был сильнее, многократно превосходил по численности и мощи русский Балтийский. Он имел корабли типа дредноутов, в то время как Россия, из-за отмечавшихся нами причин, запаздывала с их строительством. Ввод их в действие начался только с осени 1914 г. А вначале приходилось полагаться только на устаревшие броненосные крейсера «Рюрик» и «Андрей Первозванный». То же самое было с подводными лодками. В наличии было лишь несколько устаревших. Новые появились и вступили в борьбу уже в разгар войны. Эти крупные изъяны в подготовке флота России к войне, которые всеми силами на протяжении ряда лет стремились преодолеть А.В. Колчак и поддерживавшие его единомышленники, как раз и были смягчены максимальным использованием минных заграждений, причем не только в качестве оборонительного средства. Отважные русские моряки при самом деятельном и непосредственном участии Колчака неоднократно и удачно блокировали в собственных водах и портах вражеские корабли, причиняли флоту Германии большие потери.

Первые два месяца войны А.В. Колчак продолжал исполнять должность флаг-капитана. Он вел разработки оперативных заданий, пла-

нов, операций. И в отличие от обычных штабных работников стремился всякий раз к непосредственному участию в бою. В ряде случаев на боевые задания с кораблями выходил и сам командующим флотом Н.О. Эссен, также человек большого мужества. Несмотря на немецкое происхождение, он был большим патриотом России.

В мае 1915 г. Эссен скончался; командующим флотом стал вице-адмирал В.А. Канин, куда менее одаренный и не очень решительный человек. Роль А.В. Колчака возросла. Он порой фактически выступал в роли руководителя боевых действий соединений флота.

Командованию флота удалось не только предотвратить прорыв немцев к Кронштадту, в восточную часть Финского залива, но и расширять и укреплять свои позиции. Защищен был Финский залив и развита активность в Ботническом заливе, где удачно использовались шхеры. Хотя в задачу флота не входила оборона огромного Рижского залива, тем не менее и здесь были предприняты меры защиты: вход из Балтийского моря был заминирован. В августе 1915 г. германскому флоту удалось вытравить проход и войти в залив, но заграждения сделали свое дело: было выиграно время, несколько миноносцев противник потерял, они подорвались на минах, получили серьезные повреждения и некоторые крейсера. Из-за угрозы новых потерь немцы вскоре из залива ушли. А это привело потом и к неудаче наступления их сухопутных сил на Ригу, ибо они не были поддержаны флотом.

Наиболее поражающими умением и отвагой были операции, проведенные под руководством А.В. Колчака, который вступал в командование специальными отрядами кораблей по постановке минных заграждений в расположении противника. Так, отряд крейсеров под командованием Колчака пробрался за остров Борнхольм, прошел до Карколи и под новый, 1915 г. поставил там заграждения.

В феврале 1915 г. Колчак возглавил поход отряда из 4 миноносцев и вышел к Данцигской бухте. Время было зимнее, в море — масса льда. В преодолении этих естественных препятствий Колчак использовал свой опыт плавания в Арктике. Миноносцы, которые, с их слабыми бортами, могли при неумелом вождении погибнуть при первом же столкновении с крупной льдиной, благополучно прибыли к месту операции. Поход отряда увенчался большим успехом: было выставлено 200 мин, на которых подорвались 4 крейсера, 8 миноносцев и 11 транспортов противника.

Командующий германским Балтийским флотом принц Генрих Прусский вынужден был приказать кораблям не выходить в море, пока не будут найдены средства для борьбы с русскими минами.

В феврале же 1915 г. Колчак вновь встретился с Николаем II, осматривавшим с командованием в Гельсингфорсе береговые укрепления.

Осенью 1915 г. Колчак вступает во временное командование минной дивизией, а затем (в декабре) утверждается в этой должности и одновременно становится командующим морскими силами Рижского залива. На долю дивизии и всех этих сил выпала задача отражения крупномасштабного наступления немцев как на суше, так и на море.

В августе 1915 г. немецкое командование активизировало свои действия против русских армий Западного и Северного фронтов. В конце месяца немцам удалось прорвать оборону в районе Свенцяны и выйти в тыл 10-й армии. Окружить ее немцам не удалось, но русским пришлось отступить.

Активизировали свои действия немцы и севернее, в приморских районах. Осенью 1915 г. они высадили крупный десант на южном берегу Рижского залива, вели немцы наступление и южнее. Противостояла им 12-я армия под командованием генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. Колчак встретился в Риге с командующим армией. Договорились о плане совместных действий. В соответствии с ним Колчак вышел с главными силами к южному берегу залива. И как раз вовремя. Немцы развернули наступление на правый фланг 12-й армии, захватили Кеммерн, создали прямую угрозу Риге. Используя береговые батареи, орудия кораблей, Колчак обеспечил подавление батарей противника. Высаживая десанты, он помог выправить положение. Большое значение имело также и то, что до этого вынужден был удалиться из Рижского залива германский флот, в результате сухопутные силы немцев поддержки с моря не получили. Немецкие войска с большими потерями были выбиты из Кеммерна и отброшены. Наступление противника, непосредственно угрожавшего Риге, было остановлено, и участок фронта на долгое время стабилизировался. За эту операцию Колчак был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Получал он в ходе войны и другие награды*.

А.В. Колчак и до вступления в командование дивизией слыл крупнейшим специалистом в минном деле. Он это доказал отчасти уже в 1904 г. в Русско-японской, а теперь — и в мировой войне. Колчак прилагал огромные усилия к совершенствованию боевой и специальной подготовки офицеров и матросов, доводил это военное ремесло до высшей степени совершенства. Он не только руководил действиями

* Был награжден орденом Святого Владимира III степени и «Подарком из кабинета Его Императорского Величества».

ми дивизии, но и сам изобретал мины, разрабатывал методы и технику их установки.

В числе крупнейших операций, выполненных дивизией, была установка по плану Колчака минных заграждений у порта Виндавы (Вентспилса), захваченного немцами и превращенного в стоянку большого отряда своих кораблей. Минирование произведено было ночью, быстро и совершенно незаметно для противника. В результате немцы потеряли крейсер и несколько миноносцев. В конце декабря 1915 г. под руководством Колчака была предпринята попытка установить также заграждения у Либавы (Лиепай) и Мемеля (Клайпеды). Но в связи с тем, что в пути один из миноносцев подорвался на немецкой мине и его пришлось спасать, тащить полузатопленным в свою гавань, операция сорвалась. Это была единственная неудача дивизии и ее командира. Колчак многократно выходил во главе группы кораблей в море для сторожевой службы, охоты за судами противника и борьбы с его укреплениями на берегу. Во время такого выхода был, в частности, уничтожен сторожевой корабль «Виндава». С несколькими быстроходными миноносцами под прикрытием отряда крейсеров, которыми командовал контр-адмирал П.Л. Трухачев, Колчак, имевший достоверную информацию о выходе из Стокгольма каравана немецких судов под охраной одного крейсера, напал на него, рассеял и потопил этот крейсер. И всякий раз Колчак проявлял умение, находчивость, храбрость, физическую неутомимость. Он заражал подчиненных своим примером, вызывал у них восхищение. И их впечатления, восторг от смелых действий командира получали быструю огласку во флоте, в армии, в Петрограде, в стране. Вот отзыв одного из сослуживцев о поведении Колчака в морских походах: «Три дня мотался с нами в море и не сходил с мостика. Бессменную вахту держал. Щуплый такой, а в деле железобетон какой-то! Спокоен, весел и бодр. Только глаза горят ярче. Увидит в море дымок — сразу насторожится и рад, как охотник. И прямо на дым. Об адмирале говорят много, говорят все, а он, сосредоточенный, никогда не устающий, делает свое дело вдали от шумихи. Почти никогда не бывает на берегу, зато берег спокоен». Слава Колчака была заслуженной. Ведь огромна доля его участия в том, что к концу 1915 г. германские потери на Балтике превосходили русские по числу выведенных из строя боевых кораблей в 3,4 раза, а по торговым судам — в 5,2 раза!

В военных условиях в еще большей мере, чем в арктических плаваниях, в научно-исследовательской работе, кораблестроении, морском военном реформотворчестве, выявились таланты Колчака. С каждым днем все отчетливей обнаруживались его данные флотоводца. Если

прежде, как я отмечал, продвижение в чинах Колчака шло медленно, то теперь оно стало стремительным. 1916 г. для Колчака становится «звездным». 10 апреля ему присваивается звание контр-адмирала, а через каких-нибудь два с половиной месяца, 28 июня, — вице-адмирала. В конце июня 1916 г. последовало назначение А.В. Колчака командующим Черноморским флотом*. Определяющую роль в этом назначении сыграл сам морской министр адмирал И.К. Григорович, давно и пристально наблюдавший за службой и ростом А.В. Колчака. Предложение министра с готовностью было воспринято и Николаем II. Колчак оказался самым молодым из командующих флотами.

До этого назначения и среди комсостава флота, и в военных верхах возникал вопрос о возможности назначения Колчака командующим Балтийским флотом, ибо становилось ясно, что Канин — неподходящая фигура. После отъезда Колчака командующим Балтийским флотом в сентябре 1916 г. назначили контр-адмирала А.И. Непенина с присвоением ему звания вице-адмирала. Николай II⁴⁰ из моголевской Ставки 7 сентября писал жене: «...Приехал Григорович с Русиным⁴¹; по его мнению, в высшем командовании Балтийского флота не все обстоит благополучно. Канин ослаб вследствие недомогания и всех распустил. Поэтому необходимо кем-нибудь заменить его. Наиболее подходящим человеком на эту должность был бы молодой адмирал Непенин, начальник службы связи Балтийского флота: я согласился и подписал назначение. Новый адмирал уже сегодня отправился в море. Он друг черноморского Колчака, на два года старше его и обладает такой же сильной волей и способностями! Дай Бог, чтобы он оказался достойным своего высокого назначения...»

Текст приведенного письма интересен прежде всего в том отношении, что Колчак являлся своего рода эталоном для подбора нового командующего Балтийским флотом.

КОМАНДУЮЩИЙ ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ. РОМАН С А.В. ТИМИРЕВОЙ

Черноморский флот, воссозданный Россией в 1883 г., в 1917 г. насчитывал свыше 40 тысяч человек, около 400 различных судов, включая 7 линейных кораблей, 2 крейсера, 20 эсминцев, 11 подводных лодок. Его главной базой был Севастополь. Флот, как и придан-

* Колчаку был определен оклад в 22 тыс. руб. в год и дополнительное морское довольствие. На переезд ему было отпущено 2 тыс. руб.

ные ему береговые службы, воинские части, и предстояло возглавить А.В. Колчаку. Затем была сформирована Дунайская военная флотилия, также подчиненная ему.

«Получивши это назначение, — вспоминал Колчак, — я вместе с тем получил приказание ехать в Ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море. Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась Ставка, во главе которой стоял ген. Алексеев⁴², начальник штаба Верховного главнокомандующего Верховным главнокомандующим был бывший государь. По прибытии в Могилев я явился к ген. Алексееву. Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно инструктировал меня об общем политическом положении на нашем западном фронте. Он детально объяснил мне все политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого объяснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания, сделанные мне Алексеевым, были повторены и государем*. Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обуславливалось тем, что весной 1917 г. предполагалось выполнить так называемую Босфорскую операцию, т. е. произвести удар на Константинополь. Все это находилось в связи с положением на нашем южном или левом фланге».

На вопрос Колчака, почему именно его, служившего на Балтийском флоте, назначили командующим Черноморским флотом, генерал-адъютант М.В. Алексеев сказал, что это общее мнение — по своим личным свойствам именно он может выполнить операцию успешнее, чем кто-либо другой. Очевидно, Ставка учитывала опыт Колчака по вторжению в расположение противника, осмотрительные действия и в то же время безграничную смелость, умение поднимать на подвиги моряков. В намечавшейся грандиозной операции по высадке десанта на территории Турции и захвату проливов Босфор и Дарданеллы личные данные и флотоводческий талант Колчака были бы необходимы. Да и сам Колчак, не будучи еще на Черном море, оказывается, размышлял над возможностью Босфорской операции и примерным ее планом.

Говоря о выдающихся качествах Колчака как флотоводца, о его широком признании и возраставшей славе, отмечу все же, что импо-

---

* Это была третья и последняя встреча Колчака с царем. Помимо названной ранее встречи в августе 1913 г., имела место таковая в 1915 г. на борту крейсера «Россия» в Гельсингфорсе

нировал А.В. Колчак как личность и военный специалист далеко не всем. Для объективности и подтверждения этого можно привести отзыв, похожий на донос, его сослуживца А.А. Саковича в письме к адъютанту морского министра. «Колчак А.В., — писал Сакович, — с задатками военного человека, но... и в этом «но» все: он прежде всего не оператор, не творец военной идеи, а только частный начальник-исполнитель. Колчак потому прежде всего не оператор, что он абсолютно не признает системы там, где без нее не обойтись, оттого, что он слишком впечатлителен и нервен, оттого, что он совершенно не знает людской психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов. Такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий, потому что деятельность его спорадична, очень редко обоснована и почти всегда всем крайне неприятна».

В отзыве явно сквозит личная неприязнь к Колчаку. Совершенно нельзя согласиться, что Колчак не был «творцом военной идеи», а лишь исполнителем. Дело обстоит, пожалуй, как раз наоборот. Автору письма претил творческий, нестандартный подход к решению оперативных и тактических задач, поэтому он и говорит о некоем «непризнании системы» Колчаком. Но тот был отлично образованным моряком и, надо полагать, оставлял в стороне устаревшие или в конкретной ситуации не подходившие стандартные решения, действовал в соответствии с обстановкой в интересах дела. Его послужной список, руководство группами кораблей и минной дивизией на Балтике свидетельствует тому. Но это область специальная. О ней судить историку военно-морского дела.

Правда, забегая вперед, скажем, что командование более крупным военно-морским соединением на Черном море — целым флотом сопровождалось у Колчака не только несомненными успехами, но и упущениями, срывами. Однако они проистекали не лично от него самого, а от подчиненных. А вот нервно-психологические черты Колчака подчеркнуты в общем верно. Уже тогда с его нервной системой было не все благополучно. В дальнейшем это стало особенно заметно. Как историк, изучивший поведение Колчака в роли Верховного правителя, склоняюсь к мнению, что психологом он был слабым. Излишняя прямолинейность и доверчивость ему часто мешали. Окружение он подбирал далеко не лучшим образом. Тем не менее Колчак умел воздействовать на подчиненных, очевидно, своей честностью, умом, силой примера. И если кому-то он не нравился, то таких было сравнительно немного. Основная же масса офицеров и матросов его уважала. Рассказывали о

нем не только «всевозможные анекдоты», но и легенды. Колчак стоял в ряду наиболее знаменитых адмиралов в истории русского флота. Авторитет его, как флотоводца, был исключительно высоким.

Завершая рассказ о балтийском периоде деятельности А.В. Колчака и начиная черноморский, нельзя не сказать, что в то время пришла к нему страстная и взаимная любовь к прекрасной женщине — Анне Васильевне Тимиревой, которая продолжалась до конца его жизни. Встреча с Тимиревой захватила его, заполнила сердце на все оставшиеся ему жить годы. Он не развелся с женой, не оставил семью, но сложившаяся жизненная ситуация — «треугольник» — стала фактом. Поскольку у Колчака с Тимиревой шла длительная переписка, с нею он делился не только чувствами, но и служебными заботами, своими взглядами.

По описаниям многих, знавших Тимиреву, она была женщиной редкой красоты и обаяния, умной, разносторонне образованной. Иногда ей приписывали аристократическое происхождение и даже называли княжной. Но Тимирева была аристократкой по духу, по воспитанию. Ее отец, В.И. Сафонов, был широко известным пианистом, дирижером и педагогом. Длительное время работал за границей. Был директором Московской и Национальной Нью-Йоркской консерваторий. Его отцом, то есть дедом Тимиревой, был И.И. Сафонов — генерал-лейтенант Тверского казачьего войска. Так что корни Сафоновых — в казачестве.

Уже в годы Гражданской войны член миссии французского генерала П.М. Жанена П. Бержерон в дневнике записал: «Тимирева. Просто женщина, и этим все сказано». А потом добавил: «Мне действительно почти нечего добавить к характеристике Анны Тимиревой. Редко в жизни мне приходилось встречать такое сочетание красоты, обаяния и достоинства. В ней сказывается выработанная поколениями аристократическая порода, даже если, как поговаривают, она по происхождению из простого казачества. ...Я убежденный холостяк, но, если бы когда-нибудь меня привлекла семейная жизнь, я хотел бы встретить женщину, подобную этой».

А.В. Тимирева в пору знакомства с А.В. Колчаком в начале Первой мировой войны — жена балтийского офицера, позднее — контр-адмирала С.Н. Тимирева, героя Русско-японской войны. После того как жена оставила его в 1918 г. ради Колчака, С.Н. Тимирев находился на Дальнем Востоке, был командующим морскими силами белых в этом районе.

Анна Васильевна родилась в 1893 г. в Кисловодске. В Петербурге по окончании гимназии княгини Оболенской занималась живописью.

Свободно владела французским и немецким языками. А.В. Колчак и А.В. Тимирева познакомились в Гельсингфорсе, где размещался штаб Балтийского флота. Шел тогда военный 1914 год. В последующие два года виделись они редко, как правило, в кругу общих знакомых. Новое назначение Колчака положило начало долгой разлуке и, ставшей уже теперь знаменитой, переписке.

А.В. Колчак, приехав в Севастополь из Ставки, принял Черноморский флот от вице-адмирала А.А. Эбергарда быстро, в течение одного дня (8 июля), и весьма своеобразно. Как вспоминал М.И. Смирнов, командовавший прежде в дивизии А.В. Колчака миноносцем и приглашенный им на новое место службы в качестве флаг-капитана флота, а затем и начальником штаба флота, «в первый же день прибытия в Севастополь, тотчас по вступлении Колчака в командование флотом, было получено известие секретной разведки о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в Черное море в неизвестном направлении. Адмирал Колчак хотел немедленно выйти с флотом в море для встречи с «Бреслау», но оказалось, что выход флота в море в ночное время не организован, а также, что выходные фарватеры не протралены и протрalenie их займет шесть часов времени, поэтому если начать траление на рассвете в три часа, то флот может выйти в море в девять часов утра... Стало ясно, почему, несмотря на прекрасно организованную секретную агентуру, флот никогда не мог выйти вовремя в море для встречи противника, который успевал делать набег на наши берега. Адмирал Колчак тотчас же дал указания начальнику охраны Севастопольских рейдов организовать ночной выход флота в море с тем, чтобы эта новая организация уже действовала через двое суток, когда мы будем возвращаться с моря...»

Утром флот Колчак вывел, около 4 часов дня настиг врага на пути к Кавказскому побережью. Приблизившись на 90 кабельтовых, флагман-линкор «Императрица Мария» дал по «Бреслау» залп, который накрыл его. Противник поспешил выпустить дымовую завесу и, пользуясь быстротходностью, двинулся восвояси, не выполнив задания. Хотя шансов догнать немецкий крейсер у кораблей Колчака не было, он преследовал его до вечера. С этого времени как этот, так и другой немецкий быстроходный крейсер «Гебен» не отваживались выходить в море и нападать на российское побережье. По отработанным на Балтике методам через некоторое время под своим личным руководством Колчак провел минирование Босфора, турецкого побережья, которое затем повторялось, и практически вообще лишил противника возможности активных действий. «Гебен» подорвался на минах и вообще вышел из строя. Подорвались на минах 6 вражеских подводных лодок. В соот-

ветствии с замыслом командующего мины ставили, по возможности, не далее пяти миль от берега с тем расчетом, чтобы при необходимости можно было бомбардировать Босфорские укрепления с моря. Кроме того, было организовано постоянное наблюдение за портами противника, состоянием минных заграждений. Близ них, то есть у берегов Турции, постоянно курсировали миноносцы, с которыми нередко выходил в плавание и Колчак.

Положение на Черном море радикально изменилось. Прежние пассивные действия флота, имевшего превосходство над немецко-турецким флотом, сменились активными, обеспечившими господство на море. Это уже был важный и необходимый шаг к подготовке десантирования русских войск на турецкое побережье. Но черноморскому периоду карьеры Колчака сопутствовали, как уже упоминалось, и отдельные неудачи, материальные потери, которых могло не быть. Наиболее значительной из них была гибель флагмана, линейного корабля «Императрица Мария». Линкор был заложен в 1913 г., как раз по программе, одним из разработчиков которой был А.В. Колчак. Спустили его на воду в Николаеве и ввели в строй летом 1915 г. Несчастье случилось утром 7 октября 1916 г. на Севастопольском рейде в результате пожара под носовой башней, повлекшего за собой 25 взрывов боевых запасов. Колчак сам руководил работами по затоплению погребов трех других башен и по локализации пожара. Этими мерами были спасены рейд и город, однако после последнего (более сильного, чем предыдущие) взрыва корабль опрокинулся и затонул. Погибло (вместе с умершими от ран) до 300 моряков. Работала комиссия, которая с полной достоверностью установить причину пожара не смогла, но не исключала «злого умысла», то есть диверсии. Могло случиться и самовозгорание пороха. Колчаку приписывают слова: «Как командующему, мне выгоднее предпочесть версию о самовозгорании пороха. Как честный человек, я убежден: здесь диверсия». В наше время появилась публикация, в которой утверждается, будто ОГПУ в 1933 г. выяснило, что диверсия была проведена германской разведкой (резидент-инженер П.А. Верман). Конечно же при любой причине пожара и последовавшей гибели корабля это вредило репутации командующего флотом.

На минном заграждении у берегов Румынии взорвался и погиб миноносец «Беспокойный». Случилась авария на линкоре «Екатерина Великая»: при входе в бухту он наскочил на бон (морское заграждение) и намотал сети на винты. Дав полный задний ход, линкор сильно развернулся и, идя по инерции, сел на мель. Однако в резуль-

тате принятых мер его удалось с мели снять. Были потери и транспортных кораблей.

Но в целом Черноморскому флоту сопутствовали большие успехи. Они были достигнуты и в таком сложном деле, как борьба против подводных лодок противника. В итоге их удалось надолго «загнать» в свои порты. Противнику были нанесены значительные потери, он, по существу, лишился возможности выхода в море, нападения на русские корабли и прибрежные базы и пункты.

А.В. Колчак констатировал: «Таким образом, в Черном море наступило спокойное положение, которое дало возможность употребить все силы на подготовку большой Босфорской операции». Предполагалось сочетать действия сухопутных сил на крайнем, южном крыле Румынского фронта и флота. В распоряжение командующего Черноморским флотом Колчака для десантирования передавалась пехотная дивизия ударного типа (начальник генерал-майор А.А. Свечин, начальник штаба полковник А.И. Верховский). Мыслилось, что в операции примут участие, наступая по Эгейскому морю, британские флот и десант. В дальнейшем речь шла и о возможном соучастии в операции войск США. Однако еще до наступления весны 1917 г. (намечавшегося времени начала проведения операции) выяснилось, что этот план неосуществим в связи с крупными неудачами на Румынском фронте и другими обстоятельствами. Оставалось надеяться на частичное осуществление плана путем проведения лишь десантной операции. В дальнейшем, в связи с революционными событиями, разложением русских войск, план рухнул вообще.

БОРЬБА С РЕВОЛЮЦИОННЫМИ БЕСПОРЯДКАМИ. ОТСТАВКА

Ухудшение положения в армии и флоте, снижение их боеспособности напрямую были связаны с состоянием тыла. Недостаточная подготовка России к войне, шаги по наверстыванию упущенного в ходе ее далеко не всегда давали должные результаты. Шаг за шагом промышленность, а также транспорт, работавший с перегрузкой, финансовая система не выдерживали возрастающих требований войны и приходили в расстройство. Ухудшался, естественно, жизненный уровень людей. Радикальные революционные элементы искусно разжигали социальные противоречия и вели к социальному взрыву, к давно лелеемым ими «великим потрясениям».

В результате 2 марта Император Николай II отрекся от престола. Монархия пала. Возникший еще до того Временный комитет Государственной думы с согласия исполкома Петроградского совета рабочих депутатов сформировал Временное правительство, к которому и перешла власть.

Февральская революция подняла Россию на дыбы. Ситуация в стране, на фронте, на флотах, включая Черноморский, коренным образом изменилась, причем преимущественно в худшую сторону. В стране под воздействием стихии и анархистских, большевистских и левосоциалистических течений нарастали дестабилизация, развал по всем направлениям и хаос. Все это остро сказалось и на военно-морских силах, даже на относительно благополучном Черноморском флоте. Дисциплина расшатывалась, чему в огромной степени способствовал так называемый «Приказ № 1» Петроградского совета, содержавший требование передачи власти в войсках и на флоте самочинно возникавшим солдатским комитетам и советам, фактически сковывавшим действия командного состава. Все чаще солдаты и матросы не выполняли приказы, дезертировали. Сильнейшему анархо-большевистскому влиянию подвергся Балтийский флот. Вначале несколько иным было положение на Черноморском флоте. В нем, как и всюду, усилилась разнородная партийно-политическая деятельность. Весьма интенсивно росла и стала многотысячной организация социалистов-революционеров. Имелась и организация РСДРП. До апреля она была объединенной. Затем большевики из нее вышли, но их самостоятельная организация была пока малочисленной и влияние ее было крайне ограничено. Поэтому и в выборных органах долго господствовали эсеры и меньшевики. Лидером был меньшевик Н.А. Канторович, ладивший с командованием.

Дисциплина и влияние комсостава во флоте первое время сохранялись. И в этом была прежде всего заслуга Колчака. Ему впервые пришлось столкнуться с политическими проблемами, включиться в политическую борьбу, учиться ее азам.

А.В. Колчак пытался освоиться в новой ситуации, старался не выпускать бразды правления флотом из своих рук. Но уже в это время, а в дальнейшем особенно, проявилась не только его непредрасположенность к политической деятельности, но полная неподготовленность к ней, тем более к тем ее требованиям, которые возникали в 1917 году. Это признавал он сам, подчеркивая, что ни в кругу знакомых, ни среди сослуживцев политикой никогда не занимался. Вся его среда была далекой от этой сферы человеческой деятельности. «В вопросах политического и социального порядка, сколько я припоминаю, у меня вообще никаких воспоминаний не осталось».

В литературе с давних пор поднимается вопрос о политических убеждениях Колчака. Обычно отмечается, что он был в плену монархических воззрений и устремлений, причем его взгляды в этом не претерпевали изменений. Авторы спешат окрестить его законченным и последовательным монархистом. Все, однако, было не так просто. Колчак впоследствии пытался дать самооценку своих взглядов на государственное устройство России. На допросах в Иркутске говорил: «Я относился к монархии как существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя». На прямой вопрос, был ли он до революции 1917 г. монархистом, Колчак ответил откровенно и точно: «Я был монархистом и несколько не уклоняюсь... Я не могу сказать, что монархия — это единственная форма, которую я признаю. Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такого не существовало в природе. До революции 1917 года я считал себя монархистом». Итак, как офицер, давший присягу Императору, Колчак воспринимал монархию в России как факт. Но он не был монархистом того круга, представители которого иного политического строя, кроме монархии, не воспринимали. Он мог воспринять и республиканский строй, в том случае, если он, по его мнению, мог иметь позитивное значение для России, для ее блага.

А.В. Колчак далеко не всегда был удовлетворен монархическими порядками в стране, действиями царского правительства, военных ведомств. Он говорил, что положительно оценивал появление Государственной думы, активно соучаствовал в ее работе, то есть вполне воспринимал конституционную монархию. И это действительно было так. Колчак не сразу, но принял свержение монархии, нарождавшийся республиканский строй. Объяснял он это так: «Когда совершился переворот, я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Для меня было ясно, как и раньше, что то правительство, которое существовало предшествующие месяцы — Протопопов и т. д., — не в состоянии справиться с задачей ведения войны, и я вначале приветствовал самый факт выступления Государственной думы как высшей правительственной власти...

Я приветствовал перемену правительства, считая, что власть будет принадлежать людям, в политической честности которых я не сомневался, которых знал, и поэтому мог отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения государя, ясно было, что уже монархия наша пала и возвра-

щения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему Временному правительству. Присягу я принял по совести, считая это правительство как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать, и первым присягу эту принял. Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, — что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего, и считаю необходимым признать то правительство, которое объявило себя тогда во главе российской власти.

...Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну».

Так что А.В. Колчак воспринимал и республиканское правление, считал восстановление монархии практически уже невозможным. Определение будущего строя России Колчак связывал в это время, как и в дальнейшем, с созывом Учредительного (Национального) собрания.

А.В. Колчак стал получать телеграфные вести о революционных событиях в Петрограде из Морского Генштаба с 27 февраля. Они гласили о выступлениях рабочих, бунтах в столичном гарнизоне, захвате власти в городе восставшими. Эти телеграммы А.В. Колчак получал в пути, когда он шел с двумя миноносцами по вызову главнокомандующего Кавказским фронтом Великого князя Николая Николаевича⁴³. 1 марта командующий флотом получил телеграмму от морского министра И.К. Григоровича, в которой сообщалось, что в Питере удастся восстановить порядок. Министр оптимистически сообщал: «Характер событий совершенно исключает какую бы то ни было внешнюю опасность, и надо думать, что принятыми мерами страна избежит сильных потрясений внутри». По получении телеграммы И.К. Григоровича Колчак сразу же отплыл из Батума (Батуми) в Севастополь.

Еще до прибытия туда Колчак получил упоминавшуюся уже телеграмму от председателя Государственной думы М.В. Родзянко⁴⁴, в которой говорилось об образовании Комитета Государственной думы, взявшего на себя восстановление порядка. Родзянко призывал Черноморский флот соблюдать спокойствие, продолжать боевую работу.

2 марта Колчаку стало известно об образовании Временного правительства из разосланной им радиотелеграммы. Реакция Колчака на все эти сообщения, телеграммы была неоднозначной. Первоначаль-

но, до полного выяснения ситуации в центре, он предпринимал меры к нераспространению информации, даже на время прервал телеграфно-почтовую связь. По прибытии в Севастополь Колчак собрал командный состав флота, огласил полученные известия. Выслушав мнение подчиненных, дал распоряжение информировать личный состав флота строго по инстанции, а затем издал приказ с изложением полученных сведений и призывом к флоту, портам и населению районов, подчиненных ему, напрячь все силы для исполнения патриотического долга — успешного завершения войны, соблюдения спокойствия. Реакция же его на радиogramму Временного правительства была такой: он телеграфировал в Ставку, что может дать распоряжение о подчинении флота, частей и районов новому правительству только по получении от штаба Верховного главнокомандующего соответствующего распоряжения, и просил определенных указаний. То есть, говоря военным языком, Колчак соблюдал уставные положения, не опережал решений высшего командования, сохранял субординацию.

Из Ставки поступило телеграфное разъяснение: «Наштаверх стоваривается с главнокомандующим о том, чтобы от имени армии принять манифест и присягнуть Великому Князю Михаилу Александровичу, с тем чтобы Михаил Александрович (младший брат царя. — И. П.) объявил манифест о том, что он по наступлении спокойствия в стране созывает Учредительное собрание». Колчак, солидаризируясь со Ставкой, издал 2 марта приказ с требованием непоколебимо выполнять свой долг перед монархией. Он приказал привести войска к присяге новому монарху, а потом, по получении новой информации, отменил этот приказ. Опасаясь восстания на судах флота, особенно на тех, которые имели частое общение с берегом, он отдал приказ о выходе в море под предлогом проведения учебной стрельбы 2-й бригады линейных кораблей и дивизиона миноносцев.

Вопреки усилиям Колчака вести о событиях в Петрограде распространялись слухами, проникали и в местную печать, становились достоянием гласности. И далеко не в том виде, как сообщалось командованием флота, кораблей и воинских частей. Стали поступать столичные газеты, в том числе социалистические, с призывами к свержению существующего государственного строя. Брожение среди матросов усиливалось, особенно в связи с приказом о выходе кораблей в море. 4 марта в Севастополе начался митинг. Настроение моряков резко менялось, левело. Но основная масса их еще доверяла комсоставу, особенно самому Колчаку. Требовали его прибытия и выступления на митинге. Колчак решил явиться на него. Но он предварительно принял меры к ослаблению агитации леваков. Послав в казармы по два представи-

теля от каждой роты, с кораблей, береговых команд и из гарнизона Севастопольской крепости, он стремился и к успокоению моряков, и к формированию специального органа, работающего под его, командующего, влиянием. Приехал А.В. Колчак на митинг на автомобиле. Моряки и солдаты встретили его восторженно, несли на руках. Слушали с огромным вниманием, доверием. А он говорил о необходимости сохранения дисциплины, о продолжении войны до победного конца. Дал информацию о положении в столице. Успех выступления был полный. Взаимопонимание подтверждалось бурными аплодисментами. В ответ на требование участников митинга послать телеграмму приветствия Временному правительству Колчак ответил согласием. Телеграмма была послана.

Таким образом, состоялось признание и Колчаком, и флотом Временного правительства. На митинге был избран Центральный военный исполнительный комитет (ЦВИК), позднее слившийся с советом рабочих депутатов порта. ЦВИК возглавил известный меньшевик, участник восстания на броненосце «Потемкин» в 1905 г., авторитетный тогда среди моряков, — Канторович. С советами, солдатскими и матросскими комитетами Колчак старался сотрудничать, и это довольно длительное время получалось у него вполне. С поступлением известий об отказе принять верховную власть Михаилом Александровичем Колчак пришел, как он отмечал позднее, к мысли, что с монархией в России, очевидно, покончено. Издав в соответствии с официальным сообщением приказ, он в нем вновь делает упор на сохранение во флоте дисциплины и порядка. Победа революции стала фактом, и Колчак принимает его, ждет изменений к лучшему в стране, армии и на флоте. 5 марта он организовал по случаю победы революции парад войск. Позднее Колчак, как это ни странно кажется сейчас, присоединился к предложению о торжественном перезахоронении останков лейтенанта П.П. Шмидта и активно участвовал в нем. Имя этого мятежного лейтенанта Колчаком было присвоено клубу офицеров флота.

Несмотря на многочисленные политические перипетии в стране и Черноморье, Колчак последовательно, до конца борется за сохранение боеспособности флота, всемерно противодействуя разложеческим элементам, тем самым выполняя долг гражданина, патриота своей Родины. И здесь он проявляет, пожалуй, несвойственную ему прежде гибкость. Это были первые уроки, первые шаги в сфере политической деятельности.

Ни в первые недели после Февральской революции, ни позднее на Черноморском флоте разнузданность матросов, анархистствующих, уго-

ловных элементов среди них не дошла до той степени, как на Балтике. Колчак тяжело переживал чудовищно жестокие убийства командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина, многих других адмиралов и офицеров. Колчаку в его работе в советах, комитетах, в массах существенно помогал полковник А.И. Верховский — начальник штаба ударной дивизии, пользовавшийся доверием Временного правительства. Он придерживался умеренно демократических взглядов, входил в совет в качестве заместителя (товарища) председателя.

Колчак предупреждал моряков, что, учитывая начавшийся развал вооруженных сил России, германское командование вместе с турецким могут активизировать свои действия на море, вырвутся из фактической блокады, что в случае бездействия Черноморского флота, снятия опасности нападения на Босфор и Константинополь противник может бросить крупные сухопутные силы на север и сокрушить Румынию, русские войска на ее территории, что приведет к крайнему ухудшению всей обстановки на фронте. Он внушал подчиненным необходимость не только сохранения боеспособности, но и еще большей активности флота. И в середине марта Колчак под личным командованием, держа адмиральский вымпел на линкоре «Императрица Екатерина», вывел часть флота в море, к турецким берегам. 13 марта А.В. Колчак записал: «...День ясный, солнечный, штиль, мгла по горизонту. Гидрокрейсера продолжают операции у Босфора — я прикрываю их на случай выхода турецкого флота. Конечно, вылетели неприятельские гидропланы и появились подлодки. Пришлось носиться полными ходами и переменными курсами. Подлодки с точки зрения линейного корабля — большая гадость; на миноносце — дело другое... Неприятельские аэропланы атаковали несколько раз гидрокрейсера, но близко к ним не подлетали. К вечеру только закончили операцию; результата пока не знаю, но погиб у нас один аппарат с двумя летчиками. Возвращаюсь в Севастополь. Ночь очень темная, без звезд, но тихая, без волн. За два дня работы все устали, и чувствуется какое-то разочарование. Нет, Сушон* меня решительно не любит, и если он два дня не выходил, когда мы держались ввиду Босфора, то уж не знаю, что ему надобно». Запись от 14 марта: «Сегодня надо продолжать практическую стрельбу. Утром отпустил крейсера, переменя миноносца у «Екатерины», и отделился. Погода совсем осенняя, довольно свежо, холодно, пасмурно, серое небо, серое море. Я отдохнул эти дни и без всякого удовольствия думаю о Севастополе».

*Сушон В. — немецкий вице-адмирал, командующий турецким флотом на Черном море.

и политике. За три дня, наверное, были «происшествия», хотя меня не вызывали в Севастополь...» Эта запись сделана уже после боевой операции, на обратном пути.

Принятие мер по защите своего флота, его главной базы, российского побережья, выходы боевых кораблей к Босфору, поддержание минных заграждений в надлежащем виде на протяжении всего времени и после Февральской революции, пока Черноморским флотом командовал Колчак, сковывали действия противника. Выходы его кораблей в море тем более — операции по-прежнему были исключены. С уходом Колчака с поста командующего, с июня 1917 г., «все вернулось на круги своя»: корабли противника вырвались на оперативный простор и стали вновь курсировать по Черному морю, совершать нападения на порты, на корабли, на транспорты и пароходы в море.

В апреле 1917 г. А.В. Колчак был вызван военным министром в Петроград, затем в Псков на совещание главнокомандующих и командующих сухопутными и морскими силами. Он выехал туда и пробыл в столице несколько дней. По приезде явился к министру А.И. Гучкову, которого хорошо знал прежде по работе в Государственной думе, а незадолго до приезда в столицу встречался уже как с министром в Одессе, беседовал и близко познакомился с ним.

На заседании, проводившемся Гучковым, выступали с докладами, наряду с представителями сухопутных войск, начальник штаба Балтийского флота Чернявский и командующий Черноморским флотом Колчак. Вырисовывалось контрастное положение этих флотов. На первом из них оно было очень тяжелым. Флот неудержимо разлагался, выходил из подчинения правительству. Революционность многих матросов нередко выливалась в анархию, уголовщину; самосуды, просто убийства становились чуть ли не повседневными. Сотни заслуженных людей из командного состава были истреблены. В докладе Колчака речь шла не только о Черноморском флоте, но и о вооруженных силах страны вообще, содержались предложения по предупреждению их разложения. Доклад его произвел большое впечатление, запомнился участникам заседания своей логичностью и образностью. Молва давно уже и по справедливости отмечала ораторский талант Колчака.

В это время Колчаку импонировал состав Временного правительства. Он связывал с ним большие надежды на спасение России. В дальнейшем, когда военным и морским министром стал А.Ф. Керенский⁴⁵, тем более когда он возглавил правительство, отношение Колчака к нему, к правительству вообще решительно переменилось.

А.И. Гучков сделал А.В. Колчаку предложение, очевидно вынашивавшееся и прежде, возглавить Балтийский флот и спасти его от разложения. Сам Колчак передает этот щекотливый момент следующим образом: «...Гучков сказал мне: «Я не вижу другого выхода, как назначить вас командовать Балтийским флотом». Я ответил: «Если прикажете, то я сейчас же поеду в Гельсингфорс и подниму свой флаг, но повторяю, что считаю, что у меня дело закончится тем же самым, что в Черном море. События происходят с некоторым запозданием, но я глубоко убежден, что та система, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы, которые теперь проводятся, неизбежно и неуклонно приведут к развалу нашей вооруженной силы и вызовут те же самые явления, как и в Балтийском флоте». Я указал, что у меня во флоте вовсе не так благополучно, как кажется».

Колчак объективно оценивал разницу в положении двух флотов. Черноморский был как бы на удалении от Германии, от революционных центров страны. Его корабли постоянно были в плавании, меньше общались с берегом, на них, к их экипажам, труднее было проникать антигосударственным элементам. Колчак был весьма близок к истине, полагая, что причиной интенсивного развала Балтийского флота «была немецкая работа». По этому поводу он говорил: «Гельсингфорс тогда буквально кишел немецкими шпионами и немецкими агентами, так как по самому положению Гельсингфорса, как финского города, контроль и наблюдение над иностранцами были страшно затруднены, ибо фактически отличить немцев от финнов или шведов почти не было возможности».

Теперь, спустя многие десятилетия, мы наконец узнали, что, получая миллионы немецких марок от германских властей, некоторые националистические (в Прибалтике, на Украине и т. д.) и левосоциалистические силы, прежде всего большевики во главе с Лениным, еще до Февральской революции, но особенно после нее, развернули активную антивоенную пропаганду и агитацию, работу по разложению армии и флота, правильно рассчитав, что так легче будет прорваться к власти, и преуспели в этом отношении. Борьба правительственных, политических сил против них оказалась парализованной и малоэффективной.

А.И. Гучков от своего намерения назначить А.В. Колчака командующим Балтийским флотом отказался не сразу. Но в итоге — внял Колчаку и оставил все как есть.

В Петрограде Колчак встретился с М.В. Родзянко, получил дополнительную информацию о положении в стране, в правительственных и иных структурах. Колчак высказал опасение, что его флот может

постигнуть та же участь, что и Балтийский, советовался о средствах и методах борьбы с разлагающей антивоенной и антиправительственной пропагандой. Родзянко порекомендовал Колчаку встретиться с лидером правых меньшевиков, стоявших на революционно-оборонческих позициях, Г.В. Плехановым⁴⁶, и спросить его совета по этому вопросу. Колчак выполнил рекомендацию. Об этой встрече вспоминал К.И. Иорданский, на квартире которого, по приезде из эмиграции, проживал Плеханов. Визит адмирала, энергичного, собранного, с интеллигентным лицом, запал ему в память. После встречи Плеханов со свойственным ему остроумием рассказывал: «Сегодня... был у меня Колчак. Он мне очень понравился. Видно, что в своей области молодец. Храбр, энергичен, не глуп. В первые же дни революции стал на ее сторону и сумел сохранить порядок в Черноморском флоте и поладить с матросами. Но в политике он, видимо, совсем неповинен. Прямо в смущение привел меня своей развязной беззаботностью. Вошел бодро, по-военному, и вдруг говорит:

— Счел долгом представиться Вам как старейшему представителю партии социалистов-революционеров.

Войдите в мое положение! Это я-то социалист-революционер! Я попробовал внести поправку:

— Благодарю, очень рад. Но позвольте Вам заметить...

Однако Колчак, не умолкая, отчеканил:

— ...представителю социалистов-революционеров. Я — моряк, партийными программами не интересуюсь. Знаю, что у нас во флоте, среди матросов, есть две партии: социалистов-революционеров и социал-демократов. Видел их прокламации. В чем разница — не разбираюсь, но предпочитаю социалистов-революционеров, так как они — патриоты. Социал-демократы же не любят отечества, и кроме того, среди них очень много жидов...

Я впал в полное недоумение после такого приветствия и с самою любезною кротостью постарался вывести своего собеседника из заблуждения. Сказал ему, что я — не только не социалист-революционер, но даже известен как противник этой партии, сломавший немало копий в идейной борьбе с нею... Сказал, что принадлежу именно к нелюбимой им социал-демократии и несмотря на это — не жид, а русский дворянин и очень люблю отечество! Колчак несколько не смутился. Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то вроде: ну, это не важно — и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте, об его состоянии и боевых задачах. Очень хорошо рассказывал. Наверное, дельный адмирал. Только уж очень слаб в политике...»

Не исключено, что Г.В. Плеханов несколько утрировал относительно политического уровня подготовки А.В. Колчака, но суть от этого не меняется: Колчак действительно находился в начальной стадии политической подготовки. Вести работу в условиях революции ему было крайне трудно. Приходилось в основном, как и прежде, опираться на личный авторитет, заслуги перед флотом.

Итоги беседы с Плехановым сам Колчак излагал так: «Я... сказал, что... обращаюсь к нему... с просьбой помочь мне, приславши своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться я не вижу в силу создавшегося положения, когда под видом свободы слова проводится все, что угодно. Насильственными же мерами прекратить — в силу постановления правительства — я этого не могу, и следовательно, остается только этот путь для борьбы с пропагандой.

Плеханов сказал мне: «Конечно, в вашем положении я считаю этот способ единственным, но он является в данном случае ненадежным». Во всяком случае, Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, причем указал, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его».

На квартире заболевшего А.И. Гучкова было намечено заседание правительства. Но из-за начавшейся вооруженной апрельской демонстрации оно было кратким. И там А.В. Колчак просил о помощи в борьбе против левых агитаторов, на сей раз — А.Ф. Керенского, как имеющего «связь с политическими партиями». Тот обещал.

От совета командующих армиями в Пскове Колчак вынес тяжелейшее впечатление о состоянии войск, о братании на фронте с немцами, о развале. И хотя выхода из создавшегося положения в Ставке найдено не было, обмен информацией и соображениями свелся все же к мнению, что войну прекращать нельзя. Колчак сделал вывод, что правительство, состоящее из честных людей, но отвергающих в критической ситуации насильственные методы борьбы с угрозой существующему строю, бессильно, бесперспективно. Он считал отказ генералу А.Г. Корнилову⁴⁷ (командующему столичным военным округом) в подавлении вооруженной демонстрации ошибкой. Как и отказ в его просьбе, в случае необходимости, применить во флоте, в районе его дислокации, такой же метод. Колчак был убежден, что в то время сил и влияния командного состава и в столице, и на юге для этого было еще достаточно.

Тяжелое положение в стране, на фронте все же не обескуражило Колчака. Он был человеком действия, не уваливающим от трудностей. Еще в самом начале революции, как отмечал М.И. Смирнов, Колчак

сделал военному и морскому министру заявление, что считает возможным продолжать командование флотом до тех пор, пока не наступит «одно из трех обстоятельств: 1) отказ какого-либо корабля выйти в море или исполнить боевое приказание; 2) смещение с должности без согласия командующего флотом кого-либо из начальников отдельных частей, вследствие требования, исходящего от подчиненных; 3) арест подчиненными своего начальника». Какое-либо из этих обстоятельств на его флоте к концу апреля еще не возникло.

Сразу по прибытии в Севастополь (вероятно, 24 апреля) А.В. Колчак приказал собрать свободные от боевого задания команды и выступил перед ними. Затем, 25 апреля, было созвано делегатское собрание. Оно состоялось в крупнейшем помещении Севастополя — цирке Труцци. По просьбе его организаторов Колчак выступил с докладом «Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками». Колчак говорил, что в разгар войны страна стоит перед распадом и уничтожением вооруженных сил. Он убеждал, что отказом принимать дальнейшее участие в войне Россия настраивает против себя союзников, что стране грозит зависимость от Германии. Его речь заканчивалась словами: «Какой же выход из этого положения, в котором мы находимся, которое определяется словами «Отечество в опасности»... Первая забота — это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, — это путь дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на самоуверенности невежества. Сейчас нет времени и возможности что-либо создавать, надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у наших союзников: я не вижу другого пути для приведения нашей вооруженной силы из «мнимого состояния в подлинное состояние бытия». Это есть единственно правильное разрешение вопроса».

Тогда вообще и в этом конкретном случае речи командующего флотом встречались все еще бурными аплодисментами. Большевики и анархисты тогда на Черноморском флоте были слабы, заметной поддержкой не пользовались. Можно привести характерный эпизод. На флоте, в воинских частях и среди рабочих к началу мая распространились слухи, что в Крым может приехать Ленин. Большевики вели агитацию за его приезд. В ответ началась контрагитация. На делегатском собрании 4 мая из 409 голосовавших 340 были против приезда Ленина, 49 воздержались и лишь 20 высказались за приезд. На основе этого решения ЦВИК разослал по южным приморским городам телеграмму с распоряжением — ни в коем случае не допус-

тить приезда Ленина. Лозунг «Война до победного конца» на митингах, демонстрациях в Севастополе был довлеющим.

Усилия Колчака, как командующего, по предотвращению анархии, развала флота пока давали свои плоды. Более того, болея за общее состояние военных и морских сил России, он предпринял важный шаг по распространению здорового духа черноморцев на разлагающийся Балтийский флот, на сухопутные войска крупных гарнизонов и фронта. После триумфального выступления Колчака 25 апреля ЦВИК принял (подсказанное и одобренное командующим) решение об организации и посылке делегации Черноморского флота с целью агитации за сохранение боеспособности войск и продолжение войны. В большую делегацию (210 человек, позднее дополненную еще 250 матросами и солдатами) были включены социалисты и беспартийные, придерживавшиеся патриотической ориентации.

Группы моряков из состава этой делегации побывали в Москве, Петрограде, Гельсингфорсе, на Балтийском флоте. Ее члены затем разъехались по фронтам, выступали в действующих частях. Они преследовали главную цель — сохранить боеспособность войск, пресечь в них анархию, большевистское разлагающее влияние.

До какой-то степени делегация, деятельность которой получила широкую известность, сыграла свою роль, благотворно влияла на матросов и солдат. Способствовала она и распространению сведений о действиях и взглядах Колчака. Московский городской голова запросил у адмирала текст одной из его речей для многомиллионного тиражирования и распространения по стране. О Колчаке, Черноморском флоте, его успехах в борьбе с противником и анархией писали в прессе. Слава и престиж Колчака поднялись весьма высоко. Но, как он сам чувствовал, не миновать было и его флоту разложения. В какой-то степени шаг командующего, ЦВИК по формированию и посылке делегации отрицательно сказался на положении в Черноморском флоте, ибо уехали наиболее патриотически настроенные матросы и солдаты. В дальнейшем большинство из них вернулись в Севастополь, но далеко не все. На фронте члены делегации не ограничивались агитацией, но и пытались воодушевить солдат, сами шли в бой, и часть из них там полегла или была ранена.

В мае положение во флоте прогрессирующе ухудшалось. Отказалась от выхода на боевое задание команда миноносца «Жаркий». Колчак и совет матросских и солдатских депутатов попытались воздействовать на экипаж, но их усилия оказались тщетными. Командующий вынужден был вывести миноносец из состава действующих сил. Сходный конфликт затем произошел на миноносце «Новик»,

но командующему удалось его уладить. Возник прецедент со старшим помощником капитана Севастопольского порта генерал-майором береговой службы Н.П. Петровым. Его обвиняли в корыстных злоупотреблениях. Советом, состав которого сильно изменился, была создана комиссия, которая потребовала от командующего флотом ареста этого генерала. Колчак отказал, заявив, что даст санкцию на арест официальному следствию, если оно в процессе расследования дела выявит действительные признаки преступления. Конфликт разрастался. Петров без санкции Колчака был арестован, что означало игнорирование мнения командующего. Одним словом, возникла именно та ситуация, при которой, как ранее предупреждал Колчак, он откажется от руководства флотом. 30 мая на линкоре «Георгий Победоносец» А.В. Колчак записывал: «До сего времени мне удалось в течение 3 месяцев удержать флот от позорного развала и создать ему имя части, сохранившей известную дисциплину и организацию. Сегодня на флоте создалась анархия, и я вторично обратился к правительству с указанием на необходимость моей смены».

В конце мая речь уже идет о вторичном заявлении Колчака об отставке. Первый раз оно было сделано именно в связи с инцидентом с генералом Петровым. О мотивах просьбы об отставке Колчак говорил следующее: «Состав совета изменился. Верховский оттуда ушел; часть людей, с которыми я работал в согласии, ушли и заменились другими, и таким образом прервалась всякая связь у меня с этим советом. Я перестал бывать там, они перестали приходить ко мне. Взвесивши все эти обстоятельства, я признал по совести, что дальнейшее мое командование флотом является совершенно ненужным и что я могу по совести сказать, что я больше не нужен совершенно».

А.Ф. Керенский (к тому времени — военный и морской министр) в ответ на заявление об отставке сообщил, что считает ее нежелательной, просил подождать до его приезда в Севастополь и сказал, что надеется на устранение трений. Керенский прибыл в Одессу. Колчак отправился туда на встречу с отрядом миноносцев, доставил Керенского в Севастополь, а затем — обратно в Одессу. Это зафиксировано записью Колчака от 20 мая, по возвращении в Севастополь. Следовательно, министр Керенский находился в Севастополе в середине мая. На сей раз представилась возможность для близкого знакомства Колчака с Керенским. В пути они часами беседовали. Колчак вынес неприязненное впечатление о Керенском, которое в дальнейшем усугублялось. «Керенский, — отмечал он, — как и всегда, как-то необыкновенно верил во всемогущество слова, которое, в сущности говоря, за эти два-три месяца всем надоело, и общее впечатление

было таково, что всякая речь и обращения уже утратили смысл и значение, но он верил в силу слова. Я доказывал ему, что военная дисциплина есть только одна, что волей-неволей к ней придется вернуться и ему...»

А.Ф. Керенского в Севастополе встретили хорошо. Он усиленно проявлял демократизм, здороваясь за руку с большой массой матросов. Много выступал, объезжая суда. Колчак все время его сопровождал. По мнению Колчака, речи министра не производили впечатления, тогда как он сам был ими доволен: «Вот видите, адмирал, все улажено, теперь приходится смотреть сквозь пальцы на многие вещи; я уверен, что у вас не повторятся события. Команды меня уверяли, что они будут исполнять свой долг». Керенский старался поладить с выборными органами, в сущности поддерживая их в противостоянии командующему. И все-таки министру удалось уговорить Колчака остаться во главе флота.

А.Ф. Керенский о поездке в Севастополь и А.В. Колчаке в воспоминаниях повествовал следующее: «...Не мог побывать на самом фронте, поскольку должен был выехать вместе с адмиралом Колчаком и его начальником штаба капитаном Смирновым в Севастополь, в штаб Черноморского флота, чтобы попытаться уладить острые разногласия адмирала с Центральным исполнительным комитетом Черноморского флота и местным армейским гарнизоном.

Адмирал Колчак был одним из самых компетентных адмиралов Российского флота и пользовался большой популярностью как среди офицеров, так и среди матросов. Незадолго до революции он был переведен с Балтики и назначен на пост командующего Черноморским флотом. В первые же недели после падения монархии он установил отличные отношения с экипажами кораблей и даже сыграл положительную роль в создании Центрального комитета флота. Он быстро приспособился к новой ситуации и потому смог спасти Черноморский флот от тех кошмаров, которые выпали на долю Балтийского.

Матросы Черноморского флота были настроены весьма патриотически и горели желанием вступить в схватку с противником, и когда я прибыл в Севастополь, офицеры и матросы только и говорили, что о высадке десанта на Босфоре. На фронт была даже направлена делегация матросов с наказом убедить солдат вернуться к выполнению своего долга. Казалось, в таких условиях конфликт между адмиралом и Центральным комитетом был маловероятен. Тем не менее он возник.

Центральный комитет издал приказ об аресте помощника начальника порта генерала Петрова за отказ выполнять распоряжения

Центрального комитета, на которых не было подписи командующего флотом. Это было серьезным нарушением дисциплины, однако 12 мая Колчак передал князю Львову прошение об отставке, сославшись на то, что не может более мириться с создавшимся положением. Сохранить адмирала на его посту было жизненно необходимо, и князь Львов попросил меня отправиться в Севастополь и постараться уладить конфликт.

В тесной каюте торпедного катера, на котором мы шли в Севастополь, у нас с Колчаком состоялся продолжительный разговор. Я приложил максимум усилий, чтобы убедить его в том, что этот инцидент не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом, что у него нет основания для расстройств, что положение его намного прочнее, чем он предполагает. Не найдя никаких логичных возражений против моих доводов, он в конце концов воскликнул со слезами на глазах: «Для них* Центральный комитет значит больше, чем я! Я не хочу более иметь с ними дела! Я более не люблю их!..» Что можно было ответить на эти слова, продиктованные не столько разумом, сколько сердцем?

На следующий день после долгих разговоров и уговоров мир между Колчаком и комитетом был восстановлен. Однако их отношения уже никогда не были такими, как прежде, и спустя ровно три недели возник новый острый конфликт. На этот раз адмирал Колчак в тот же вечер, даже не сообщив о своем решении правительству, сел вместе с начальником своего штаба в прямой поезд на Петроград, навсегда распрощавшись с флотом».

В общем и целом внешний рисунок событий в Севастополе передается верно. Керенский лишь обходит вопрос о подлинном характере совета, его сильной последующей радикализации, неуклонном стремлении подмять под себя командование флотом.

После отъезда Керенского положение в Севастополе не только не улучшилось, но продолжало стремительно ухудшаться. Этому в огромной степени способствовало прибытие 27 мая делегации от Балтийского флота. Она была составлена из членов большевистской партии и им сочувствующих анархистов. Многие из членов делегации, одетых в матросскую форму, были партийными функционерами. Тогда же большевистский ЦК направил в Крым группу видных партийцев, в том числе Ю.П. Гавена, которому Свердлов давал напутствие: «Севастополь должен стать Кронштадтом юга». Попытки помешать деятельности большевиков из Питера и Кронштадта оказались тщетными. Более опыт-

* То есть матросов.

ные в проведении антиармейской агитации против всего от «старого строя», чем местные большевики, прибывшие большую ставку делали на компрометацию офицерства и лично командующего флотом. Агитаторы упрекали моряков: «Товарищи черноморцы, что вы сделали для революции, вами командует прежний командующий флотом, назначенный еще царем, вот мы, балтийцы, убили нашего командующего флотом, мы заслужили перед революцией...» и т. п. Как отмечал М.И. Смирнов, «арестовать этих агитаторов не было сил. Их речи имели большое влияние на некультурные массы матросов, солдат и рабочих. Влияние офицеров быстро падало».

Тяжело переживал А.В. Колчак эти события на флоте, тот шквал беззастенчивой клеветы, который обрушился на него. Началась спекуляция на якобы имеющихся у него крупных помещичьих владениях, на том, что из-за них он лично заинтересован в продолжении войны и т. д. Честнейшему человеку, бесребренику, подвижнику, ничего не нажившему за все годы своей службы и никогда не стремившемуся к обогащению, ему было крайне оскорбительно слышать все это. Человеческое достоинство его попиралось. Во дворе Черноморского экипажа состоялся митинг, на который собралось около 15 тысяч человек. И Колчак решил поехать на митинг. «Там какие-то неизвестные мне посторонние люди, — рассказывал он, — подняли вопрос относительно прекращения войны, представляя его в том виде, в каком велась пропаганда у нас на фронте, — что эта война выгодна только известному классу. В конце же концов перешли на тему относительно меня, причем я был выставлен в виде прусского агрария.

В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое материальное положение определяется следующим. С самого начала войны, с 1914 г., кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Либавы, не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Либаве. Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей. В первые дни был обстрел Либавы, и моя жена, с некоторыми другими женами офицеров, бежала из Либавского порта, бросивши все. Впоследствии это все было разграблено ввиду хаоса, который произошел в порту. И с 1914 г. я жил только тем, что у меня было в чемоданах в каюте. Моя семья была в таком же положении.

Я сказал, что если кто-нибудь укажет или найдет у меня какое-нибудь имение или недвижимое имущество, или какие-нибудь капиталы обнаружит, то я могу охотно передать, потому что их не существует в природе. Это произвело впечатление, и вопрос больше не поднимался».

В данном случае, на конкретном митинге, видимо, случилось именно так. Но политические недруги его в дальнейшем не раз возвращались к подобным инсинуациям. В большевистских изданиях вообще каких только измышлений не писали о Колчаке, вплоть до того, что он и в боевых-то действиях никогда не участвовал, и адмиральское звание получил, будучи придворным, хорошо танцуя на паркете царских дворцов, и т. п.

Обстановка в Севастополе к началу июня накатилась. На заседаниях совета, митингах в эти дни шла речь о якобы готовящемся офицерами во главе с Колчаком контрреволюционном выступлении, о необходимости их разоружения и ареста. Такие требования, в частности, выдвигались на наиболее бурных митингах 5-го и 6 июня. 6 июня делегатское собрание постановило: «Колчака и Смирнова от должности отстранить, вопрос же об аресте передать на рассмотрение судовых комитетов. Командующим избрать Лукина и для работы с ним избрать комиссию из 10 человек». Резолюция была предложена большевиками, которых среди делегатов было уже много, влияние эсеров и меньшевиков среди матросов и солдат быстро шло на убыль. Колчак «большевизироваться» никак не мог. Оставаться далее командующим он тоже не мог, тем более что существовало постановление делегатского собрания о его снятии, начались обыски и разоружение офицеров. Колчак большую часть времени проводил на корабле, в семье бывал изредка, чтобы жена и малолетний сын не были свидетелями его унижения. 6 июня он приказал вступить в командование флотом упомянутому контр-адмиралу В.К. Лукину и отправился на флагманский корабль линкор «Свободная Россия» (прежде — «Георгий Победоносец»). Там он собрал команду, еще раз выступил перед моряками. Успеха его речь уже не имела. Судовой комитет разоружил офицеров, предложили сдать оружие и Колчаку. Он вынес из каюты свое почетное Георгиевское оружие — золотую саблю — и бросил ее в море. Легенда приписывает ему фразу, произнесенную при этом: «Море мне ее дало; морю я ее и отдаю». Тут, видимо, сказалась минутная вспышка гнева. До этого момента Колчак намерен был почетное оружие отдать насильникам. Об этом можно судить по переданному им по телеграфу приказу. Текст его гласил: «Считаю постановление делегатского собрания об отобрании оружия у офицеров позорящим команду, офицеров, флот и меня. Считаю, что ни я один, ни офицеры ничем не вызвали подозрений в своей искренности и существовании тех или иных интересов, помимо интересов русской военной силы. Призываю офицеров, во избежание возможных эксцессов, добровольно подчиниться требованиям команд и отдать им все оружие. Отдаю и я свою Георгиевскую саб-

лю, заслуженную мною при обороне Порт-Артура*. В нанесении мне и офицерам оскорбления не считаю возможным винить вверенный мне Черноморский флот, ибо знаю, что преступное поведение навеяно заезжими агитаторами. Оставаться на посту командующего флотом считаю вредным и с полным спокойствием ожидаю решения правительства».

С полным ли спокойствием оставлял Колчак боевой командный пост? Нет, конечно. В те дни он записывал в черновике письма А.В. Тимиревой: «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, я хотел дать Родине вооруженную силу, как я ее понимаю, для решения тех задач, которые так или иначе, рано или поздно будут решены, но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели».

При внешнем спокойствии в те дни у Колчака в душе бушевала буря, вызванная прежде всего тем, что рушился флот, то дело, которому он служил и в котором добивался успеха.

Колчак приказал спустить свой флаг командующего и отправил Временному правительству телеграмму об отказе от командования флотом и передаче его Лукину. После этого долго заседало делегатское собрание, ожидали запрошенные от команд и частей резолюции, как поступить с А.В. Колчаком, а также с начальником штаба флота капитаном 1-го ранга М.И. Смирновым, следует ли их арестовать. Выяснилось, что за арест Колчака было вынесено только 4 резолюции, а против ареста 68 (относительно Смирнова соответственно — 7 и 50). О чем это свидетельствовало даже в тогдашней, большевизировавшейся обстановке? О сохранявшемся на кораблях уважении к своему адмиралу, хотя матросы уже переходили на противоположные ему позиции. На собрании была оглашена полученная ночью телеграмма, подписанная главой правительства Г.Е. Львовым и министром А.Ф. Керенским. Ее текст гласил: «Временное правительство требует:

1) немедленного подчинения Черноморского флота законной власти;

2) приказывает адмиралу Колчаку и капитану Смирнову, допустившим явный бунт, немедленно выехать в Петроград для личного доклада⁴⁸;

---

* По описанию В.В. Князева, в прошлом личного адъютанта А.В. Колчака, матросы достали со дна саблю и вернули ее владельцу. В конце июня в Петрограде Союзом офицеров армии и флота Колчаку за мужество и патриотизм вручено «Оружие храбрых» — золотой кортик и адрес в знак глубокого к нему уважения.

3) временное командование Черноморским флотом принять адмиралу Лукину, с возложением обязанностей нач. штаба временно на лицо по его усмотрению;

4) адмиралу Лукину немедленно выполнить непреклонную волю Временного правительства;

5) возвратить оружие офицерам в день получения сего повеления. Восстановить деятельность должностных лиц и комитетов в законных формах. Чинов, которые осмелятся не подчиняться сему повелению, немедленно арестовать, как изменников отечеству и революции, и предать суду. Об исполнении сего телеграфно донести в 24 часа. Напомнить командам, что до сих пор Черноморский флот считался всей страной оплотом свободы и революции».

Делегатское собрание приняло решение подчиняться приказу правительства. Но такое решение стоило не столь уж много и давало лишь небольшую отсрочку. Большевизация и разложение Черноморского флота продолжались.

Итак, 6 июня 1917 г. оказалось тем днем, когда А.В. Колчак раз и навсегда был отставлен от Российского флота, а флот потерял одного из виднейших адмиралов за всю его историю! О том, что значил уход Колчака, красноречиво свидетельствует тот факт, что, узнав о нем, командование турецкого флота решило незамедлительно его использовать. Вице-адмирал В. Сушон бросил мощный быстроходный крейсер «Бреслау» через протраленный участок в минном заграждении к российским берегам и практически беспрепятственно учинил разгром укреплений у устья Дуная, высадил десант, захватил пленных и вернулся на свою базу, пользуясь бестолковщиной, неуправляемостью действий русских кораблей. Новый командующий Черноморским флотом В.К. Лукин уклонился от личного руководства операцией и выхода в море. На кораблях, в основном среди офицеров, предпринимались усилия по возвращению Колчака на флот, велась агитация за это.

По окончании Первой мировой войны немцы оценивали деятельность своего противника — адмирала Колчака — очень высоко.

«Колчак был молодой и энергичный вождь, сделавший себе имя в Балтийском море. С его назначением деятельность русских миноносцев еще усилилась. Сообщение с Зунгулдаком было значительно стеснено (Зунгулдак — каменноугольный центр, расположенный на Черноморском побережье Турции, блокированный флотом под командованием Колчака. — И. П.). Подвоз угля был крайне затруднен, угольный голод (в Турции) все больше давил. Флот был принужден прекратить операции». «Постановка русскими морскими силами мин

перед Босфором производилась мастерски». «Летом 1916 года русские поставили приблизительно 1800—2000 мин. Для этого они пользовались ночами, так как только ночью можно было подойти к берегу, и новые мины ложились так близко к старым, что можно было только удивляться ловкости и уверенности, с которыми русские сами избежали своих собственных раньше поставленных мин». «Становилось все более очевидным, что при обычной энергии русского флота эти операции были только подготовительными к другой активной на другом пункте побережья». «На все надобности Оттоманской империи пришлось ограничиться 14 000 тоннами угля в месяц, прибывавшими из Германии. Пришлось сократить железнодорожное движение, освещение городов, даже выделку снарядов. При таких безнадежных для Турции обстоятельствах начался 1917 год. К лету деятельность русского флота стала заметно ослабевать. Колчак ушел. Россия явно выходила из строя союзников, ее флот умирал. Революция и большевистский переворот его добила».

А.В. Колчак, хотя и предвидел такой финал деятельности Черноморского флота, все же очень тяжело переживал случившееся. Это отмечают многие люди, встречавшиеся тогда с ним. Человек талантливый, энергичный и в то же время впечатлительный, нервный, он как личную трагедию воспринял разрушение флота.

10 июня, прибыв в Петроград и устроив семью на частной квартире, Колчак явился в министерство. Информацию о том, что в Севастополь направляется особая комиссия по расследованию всего случившегося, надежды начальства на то, что вскоре все должно наладиться, он воспринял скептически и сказал, что во всяком случае назад не вернется.

На заседании правительства А.В. Колчак выступил с докладом. Он охарактеризовал положение флота, тенденцию к его развалу. К изменившемуся в начале мая 1917 г. составу правительства его критическое отношение усилилось. Он не считал необходимым это скрывать и выступал с прямыми и резкими суждениями. Особое внимание обратил на неспособность правительства спасти флот как боевую силу. Он, в сущности, обвинял правительство в беспомощности, в неприятии должных мер к сохранению флота и армии.

Доклад, по отзывам, произвел сильное впечатление. И хотя министры в большинстве своем не могли согласиться со многими оценками Колчака, отношение к нему, герою войны, было почтительным. По возвращении комиссии из Севастополя, пришедшей к выводу, что все действия его там были правомерными, Колчаку предложили вернуться к командованию флотом. Это предложение он отверг категорически.

Шли дни, недели, а боевой адмирал во время грандиозной войны, в то время, когда Родина терпела поражения, оставался не у дел.

Можно предполагать, что правительство оставляло А.В. Колчака не у дел не случайно, а из опасения, что он включится в активную деятельность против него самого. Особенно если иметь в виду отношение к Колчаку Керенского, в чем прямом подчинении, как министра, он находился и который в правительстве уже в то время играл особую роль. По всем данным, он относился к Колчаку настороженно, как к возможному сопернику за власть. Пресса имя Колчака, особенно после освобождения его от командования флотом, выступления с докладом на заседании Временного правительства, при нахождении его в столице, поднимала на щит весьма высоко. Страницы некоторых газет буквально кричали: «Адмирал Колчак — спаситель России», «Вся власть — адмиралу Колчаку» и т. д. Военные, правые круги прочили его наряду с Л.Г. Корниловым, некоторыми другими генералами в диктаторы России в надежде на предотвращение хаоса и катастрофы. Керенский, сам стремящийся к высшей власти, не мог не создавать препятствий своим возможным конкурентам. Он имел сведения о причастности Колчака к деятельности Республиканского центра, нелегально спланировавшего силы для военного переворота.

Колчак действительно был связан с этим центром, в дальнейшем сам отмечал, что участвовал в нескольких его заседаниях. Он не скрывал солидарности с генералом Л.Г. Корниловым во мнении, что для спасения войска и страны необходимы и военные, насильственные методы борьбы. Колчак не говорил о степени вовлеченности его в подготовку военного переворота. Видимо, непосредственного участия во всем этом он не принимал. Иначе он бы не покинул на длительное время пределы России. Колчак оставался не у дел и в июне, и в июле. Неизвестность, неустроенность для него, человека действия, была мукой. Нужно было искать из сложившегося положения выход.

ВО ГЛАВЕ ВОЕННО-МОРСКОЙ МИССИИ. ЗАРУБЕЖЬЕ

Лето 1917 г. в жизни А.В. Колчака стало переломным рубежом. Как мы видели, он оказался в сложнейшей ситуации. Идет война. Россия терпит поражения. А Колчак не находит применения своим способностям флотоводца...

Принятию назревавшего решения А.В. Колчака о выезде за границу помог, как принято говорить, «господин случай». Перед тем как наступила трагическая для Колчака и Черноморского флота развязка

и он покинул Севастополь, туда 7 июня прибыл американский вице-адмирал Дж.Г. Гленнон. Он входил в состав специальной миссии во главе с сенатором Э. Руттом, направленной весной 1917 г. в Россию президентом США В. Вильсоном. США к тому времени (в мае 1917 г.) вступили в мировую войну как союзник России. Миссия призвана была решить ряд важных вопросов с тем, чтобы успешнее координировать совместные с Россией действия. Гленнон интересовался положением Черноморского флота, особенно планом подготовки захвата турецких проливов, минным делом, непревзойденным специалистом которого, как они знали, был Колчак. Но в силу быстро развивавшихся негативных событий на флоте поездка Дж.Г. Гленнона в Севастополь оказалась безрезультатной.

Гленнон возвращался в Петроград в том же поезде, что и А.В. Колчак с М.И. Смирновым. По свидетельству Смирнова, американский адмирал прибыл в Севастополь только-только, имел целью «переговорить с адмиралом Колчаком о возможной помощи нам со стороны американского флота». И вот он вынужден был вечером того же дня возвращаться. В пути они встречались и беседовали. Возник ли во время этих бесед разговор о возможности поездки Колчака в США — сказать трудно. Смирнов отмечал, что Гленнон уже тогда сделал Колчаку предложение поехать в США, «так как, вероятно, американский флот будет действовать против Дарданелл для открытия сообщения с Россией», и что Колчак дал согласие. Сам же Колчак писал и говорил о беседе с Гленноном только по прибытии в Петроград. В передаче лейтенанта Д. Федотова, прикомандированного к группе Дж. Гленнона, во время поездки в Петроград, состоявшихся бесед помощнику американского адмирала капитану Кросли дали понять, что неплохо было бы пригласить русского адмирала в США. Однако сам Гленнон без переговоров с главой миссии Э. Руттом, очевидно, принять решения не мог.

В Петрограде, через того же Д.Н. Федотова, А.В. Колчак был приглашен в Зимний дворец, где размещались Э. Рутт и Дж.Г. Гленнон. Состоялся взаимноинтересный и полезный разговор. Вот как передает завершение беседы с Гленноном сам А.В. Колчак: «Гленнон спросил меня: «Как бы вы отнеслись, если бы я обратился с просьбой к правительству командировать вас в Америку, так как ознакомление с этим вопросом (имелась в виду десантная операция в Босфор и Дарданеллы. — И. П.) потребует продолжительного времени, а между тем мы на днях должны уехать». Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству, так как он будет просить командировать

меня в Америку официально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками. Я сказал ему, что против командирования в Америку ничего не имею, что в настоящее время свободен и применения себе пока не нашел. Поэтому, если бы правительство согласилось командировать меня, я возражать не буду».

Как видим, в наибольшей степени американскую сторону тогда интересовала операция по захвату проливов. Впоследствии, в результате развала русских армии и флота, особенно после Октябрьского переворота, выхода России из войны, эта операция уже и не могла быть осуществлена. Мы обращаем внимание на это затем, чтобы можно было лучше понять, почему вначале адмирал А.В. Колчак был встречен в Америке исключительно торжественно, но потом интерес к нему заметно упал. Что касается вопроса о несообщении Колчаком правительству о намерении проинформировать военные круги США о планах операции по захвату турецких проливов, то оценку здесь дать непросто. Одно лишь известно, что незадолго до того ему же и поручалось дать в Севастополе такую информацию Гленнону. Официальное предложение о командировании А.В. Колчака в США было сделано. Как отмечал М.И. Смирнов, А.Ф. Керенский принял решение отпустить А.В. Колчака в зарубежную поездку после того, как был проинформирован «о связях Колчака с контрреволюционными группами». Этому поспособствовала встреча А.В. Колчака с генералом В.И. Гурко, настроенным к правительству крайне отрицательно. Колчак действительно вошел в Республиканский национальный центр, возглавил его военный отдел (потом передал его руководство генералу А.Г. Корнилову) и расценивался как один из возможных диктаторов России. В ожидании разрешения на отъезд Колчак вынужден был наблюдать в Петрограде и июньскую демонстрацию, и полуорганизованную попытку июльского анархо-большевистского восстания матросов и солдат. Об этом времени ожидания решения вопроса об отъезде в США А.В. Колчак писал А.В. Тимиревой: «Теперь я могу говорить более или менее определенно о своем дальнейшем будущем. По прибытии в Петроград я получил приглашение от посла США Рута и от морской миссии адмирала Гленнона на службу в американский флот. При всей тяжести своего положения я все-таки не решился сразу бесповоротно порвать с Родиной, и тогда Рут с Гленноном довольно ультимативно предложили Временному правительству послать меня в качестве начальника военной миссии в Америку для службы во время войны в U.S.Navy*. Теперь этот вопрос решен и правитель-

* В [ооруженные] С [илы] США.

ством в положительном смысле, и я жду окончательного формирования миссии, в которую войдут М.И. Смирнов, А.А. Тавташерна и еще один или два офицера».

До того он длительное время колебался, затягивал решение, одно время Колчака даже включали в список нового состава правительства в качестве морского министра. Наконец 21 июля Колчак получил от Керенского, теперь уже главы правительства, телеграмму о необходимости отбытия миссии в США «в кратчайший срок».

Выезд, однако, задерживался еще и из-за сложности самой поездки в США в военных условиях. За А.В. Колчаком, как виднейшим военным деятелем России, следила немецкая разведка. Американская сторона допустила неосторожность, дав информацию о предстоящей военно-морской миссии России в США во главе с Колчаком. Это вызвало повышенный интерес к нему. Разрабатывался план поездки. Была достигнута договоренность с правительством Англии о проезде в США через эту страну. Ехать следовало под чужой фамилией. В последнюю пору ожидания он находился уже в Прибалтике — Северодвинске, далее — в Финляндии, Гельсингфорсе... Получив от английской миссии уведомление, когда и куда следует выезжать, в конце июля он железной дорогой направляется через Торнео, Христианию (Осло) в Берген. В этом норвежском портовом городе он провел около суток. Ждал парохода. Спутниками — членами возглавляемой им миссии были морские офицеры М.И. Смирнов, Д.В. Кольчицкий, И.Э. Вуич, А.М. Меженцев, В.В. Макаров, Лечинский и В.В. Безуар*. Как и Колчак, эти люди пользовались вымышленными именами. Конспирация оказалась весьма полезной. Колчаку стало известно, что еще задолго до его выезда немцы, не зная, что он еще в России, начали за ним охоту. Один из пароходов, следовавших из Христиании в Лондон, был задержан германскими подводной лодкой и миноносцем. С парохода сняли часть пассажиров.

Миссия Колчака выехала из Петрограда 27 июля и прибыла в Лондон в самом начале августа. В письме А.В. Тимиревой, датированном 4 августа, он отмечает, что в Англии находится уже третий день. Начальником Морского Генерального штаба генералом Холлем было сказано, что придется ждать недели две, прежде чем представится возможность для отплытия в США. Колчак решил воспользоваться свободным временем, предупредительно-дружественным отноше-

---

* В источниках состав миссии разнится, иногда не называются Кольчицкий, Меженцев и Макаров. Вместо В.В. Макарова ошибочно называют сына адмирала — В.С. Макарова.

ем к себе со стороны первого лорда Адмиралтейства адмирала Джеллико, адмирала Пенна и других руководителей английского флота. Он выезжает в Брайтон, Исборн, Феликстоун. Знакомится с морской авиацией, подводными лодками, тактикой противолодочной борьбы, даже летал на разведку в море. Его доверительно посвящают в систему заграждений Северного моря, в оперативные вопросы. Колчак также ездил по заводам, ознакомился с военно-морским производством.

В 20-х числах августа Колчак с членами миссии на крейсере «Глотчестер» отправился из Глазго в Галифакс. Плавание длилось 10—11 дней. Из этого канадского портового города миссия, встреченная морским офицером Миштовтом, направилась в США. Поездом, в специальном вагоне, Колчак и его спутники проехали из Монреаля в Нью-Йорк, затем — в Вашингтон. Было начало сентября.

В США А.В. Колчак пробыл чуть меньше двух месяцев. Он встретился с русскими дипломатами во главе с послом Б.А. Бахметевым, затем нанес визиты государственным деятелям США — морскому министру, его помощнику, государственному секретарю, военному министру, другим лицам, с которыми предстояло общаться и вести совместную работу. Позднее, 16 октября, Колчака принял президент В. Вильсон. Внешне прием выглядел даже помпезным. Но пока с июня по сентябрь шло время, положение в мире, особенно в России, сильно изменилось. Эта союзница США, других стран антигерманского блока оказалась малополезной в совместной борьбе. Большевики и анархическая стихия заканчивали разложение вооруженных сил страны. Выступление генерала А.Г. Корнилова, имевшего главной целью спасение и оздоровление армии, потерпело тяжелую неудачу. Поэтому к представителям России, планам совместных военных действий с ней уже не могло быть прежнего отношения. Неуважение к России ощущалось и сквозь внешнюю любезность.

Почти сразу стало ясно, что идея совместных союзнических действий по захвату проливов Босфор и Дарданеллы и выведению из войны Турции уже невыполнима. Главный смысл миссии адмирала Колчака, встреч с ним военных и государственных деятелей США практически отпал. А ведь Колчак намеревался не только тщательно познакомить союзников с планом десанта в Босфор, захваченными с собой документами, быть консультантом и советником, но и стать непосредственным участником сражения.

А.В. Колчак об этих столь неожиданных изменениях говорил: «После обмена визитами в первые же дни официальных приемов я выяснил, что план относительно наступления американского флота

в Средиземном море был оставлен. Его выполнение было невозможно ввиду того, что шла перевозка американских войск на французский фронт, и производить новую экспедицию на Турцию, Дарданеллы, было бы совершенно невозможно, хотя военные круги и говорили, что это имело бы большое значение, так как захват Константинополя и вывод Турции из состава коалиции послужил бы началом конца всей войны... Я был глубоко разочарован, так как мечтал продолжить свою боевую деятельность, но видел, что отношение в общем к русским тоже отрицательное, хотя, конечно, персонально я этого не замечал и не чувствовал...»

Это было новое, еще одно сильнейшее потрясение для Колчака. Знакомство с прессой позволяло судить о все более ухудшающемся положении на Родине.

И все же Колчак и его спутники с пользой проводят время в Америке. Колчак по просьбе коллег-союзников ведет работу в Морской академии. Он принял предложение от морского министра познакомиться с американским флотом и на его флагмане «Пенсильвания» вместе с членами своей миссии более десяти дней участвовал в маневрах. Это совместное плавание было взаимно полезно.

После приема президентом Вильсоном миссия 20 октября выехала в Сан-Франциско. Решено было возвращаться на Родину. Время комфорта в поездках и плаваниях А.В. Колчака кончилось. В Сан-Франциско довольно долго пришлось ждать парохода. Здесь Колчак получил некоторые известия об октябрьских событиях, но не придавал им серьезного значения. На полученную из России телеграмму с предложением выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание от партии народной свободы и группы беспартийных по Черноморскому флоту ответил согласием. Однако его ответная телеграмма опоздала.

Сесть на перегруженный японский пароход «Карио-Мару» удалось с большим трудом, только при помощи государственного секретаря Р. Лансинга и морского ведомства. Примерно через две недели, 8-го или 9 ноября 1917 г., члены миссии, кроме оставшегося в США М.И. Смирнова, прибыли в Йокохаму.

После длительного отрыва от информации о событиях в России на А.В. Колчака обрушились ошеломляющие сообщения о свержении Временного правительства и захвате власти советами, большевиками. Спустя некоторое время было получено известие и о начале переговоров правительства Ленина с немецкими властями в Бресте на предмет заключения мира, который Колчак расценивал как «полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости».

Октябрьский большевистский переворот Колчак встретил с негодованием и к советской власти до конца своих дней был крайне враждебен. Он был глубоко уверен (в отличие от значительной части военной интеллигенции), что от Ленина и его партии ничего позитивного для России и ее народа ждать не приходится.

Эти известия были для Колчака, как он потом отмечал, «самым тяжелым ударом, может быть, даже хуже, чем в Черноморском флоте. Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал». В дальнейшем последовало заключение ленинским правительством Брестского мира⁴⁹, позорнее, кабальнее которого трудно было что-либо представить. Что дело идет к этому, Колчак предвидел. Перед Колчаком встал острейший вопрос: что же делать, как поступить дальше? В стране утверждается враждебный ему и массе других людей режим. Связывать служение Родине с большевизмом для него было немыслимо. Наоборот, надо было вступить в борьбу с ним. В этом отношении Колчак был тверд. Но как и где начинать эту борьбу — вот в чем вопрос. Будь Колчак в России во время захвата большевиками власти, он был бы в эту борьбу вовлечен естественным путем, самой исторической ситуацией. В его положении борьба за интересы России могла стать более действенной в составе боевых сил союзников, которых выбрали и с которыми имели соглашение законные правительства — царское и Временное, сменившие одно другое по преемственности. А. В. Колчак был и официальным представителем свергнутого Временного правительства, как руководитель его миссии.

«Обдумав этот вопрос, — отмечает Колчак, — я пришел к заключению, что мне остается только одно — продолжать все же войну как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам. Я занимал официальное положение, пользовался его доверием, оно вело эту войну, и я обязан эту войну продолжать. Тогда я пошел к английскому посланнику в Токио сэру Грину и высказал ему свою точку зрения на положение, заявив, что этого правительства я не признаю и считаю своим долгом, как один из представителей бывшего правительства, выполнять обещание союзникам; что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению союзников, являются и моими обязательствами. Я обратился к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что я прошу принять меня в английскую армию на каких угодно условиях. Я не ставлю никаких условий, а только прошу дать мне возможность вести активную борьбу». Два члена мис-

сии — И.Э. Вуич и В.В. Безуар разделили выбор Колчака, остальные, по его разрешению, решили вернуться в Россию.

Предложение А.В. Колчаком своих услуг именно Англии объясняется, думается, наилучшим и заинтересованным отношением к нему со стороны руководителей военно-морских сил этой страны. К. Грин с пониманием воспринял предложение А.В. Колчака и его мотивы. Он передал его просьбу по своему дипломатическому каналу министру иностранных дел Англии А. Бальфуру. Колчак был крупным военачальником и к тому же, судя по сведениям, которыми располагали англичане, пользовался в России определенным политическим авторитетом. Его предложением, переданным из Токио, заинтересовалось английское правительство. Колчаку через К. Грина было передано, чтобы он подождал решения.

Ждать и томиться в Йокохаме пришлось около двух месяцев. Можно, видимо, сказать, что это были единственные месяцы в жизни Колчака, когда он не был занят какой-либо активной и конкретной работой.

«Скучно, — жаловался он в письме А.В. Тимиревой, — и без конца тянутся дни, нарушаемые изредка только шифрованными телеграммами, для разбора которых приходится ездить в посольство или к морскому агенту контр-адмиралу в Токио. Но надо ждать, и я жду окончательного ответа».

Хотя в Йокохаме было немало русских, в основном из самой первой волны — послеоктябрьской эмиграции, Колчак проводил время в основном в одиночестве. Характер его всегда был сложным. Но на протяжении лет в нем происходили существенные изменения. Если ранее знавшие Колчака указывают на его тягу к общению, обществу, веселости, то впечатления о встречах с ним в последние годы пестрят указаниями на впадение его в крайности, включая нервозность, раздражительность, склонность к замкнутости; своих соотечественников в Йокохаме, бежавших от большевиков, он не жаловал, полагая, что они проявили «бессилие», что должны были оставаться на Родине и бороться за ее интересы.

Неожиданно открывшуюся полосу незанятости и ожидания Колчак заполнял чтением китайской литературы по философским и военным проблемам. Приобретенное в юности, во время плавания в южных широтах, знание китайского языка он существенно пополнил. Его притягивали военно-стратегическая концепция китайского полководца VI века до нашей эры Сунь-цзы. Суть концепции сводилась к приданию большого значения моральному состоянию войск, высоким и разносторонним качествам полководца (ум, беспристрастность,

гуманность, мужество и строгость). Колчака привлекало учение секты Зен — воинствующего буддизма. Он разделял его основные догмы. Колчак придавал милитаризму, войнам в истории особое значение. С этой точки зрения он смотрел и на будущее России.

«...Война проиграна, но еще есть время выиграть новую, и будем верить, что в новой войне Россия возродится, — писал он. — Революционная демократия захлебнется в собственной грязи или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет. Нет возрождения нации помимо войны, и оно мыслимо только через войну. Будем ждать новой войны как единственного светлого будущего».

Колчак — боевой адмирал, вынужденный уже полгода, в разгар мировой войны, обретаться где-то около дипломатических служб и тыловых военных штабов, жаждал непосредственного участия в горячем деле, в сражениях и, что уж скрывать, мечтал о новых подвигах.

Изучение военного искусства Древнего Востока наталкивает его на символы. Определенным воплощением этого искусства для него становятся сабли, клинки, изготовлявшиеся для самураев большими мастерами средневековой Японии. После долгих целенаправленных поисков в лавочках Токио он купил клинок, сделанный знаменитым мастером Майошин. И в минуты, когда становилось на душе особенно тяжело, в раздумьях на военную тему, разглядывая клинок у пылающего камина, он видел в его отблесках живую душу древнего воина. Эти мысли, обращенные в прошлое, успокаивали. О своих раздумьях, мрачных размышлениях с клинком в руках у вечернего камина Колчак писал Тимиревой.

Многие исследователи мечут острые стрелы в адрес А.В. Колчака, прежде всего в связи с его высказываниями рассматриваемой поры. Но он сходные высказывания делал и в другое время, в частности был сторонником надвигавшейся войны с Германией. Он «с радостью» встретил ее начало, считая происшедшее — неизбежным. Критические оценки воззрений Колчака, надо полагать, базируются на реальной почве. А.В. Колчаку действительно были присущи милитаристские воззрения. Но и преувеличенного подхода в оценках этого не следовало бы допускать. Естественно, выбор военной профессии сам по себе накладывал отпечаток на весь ход его мыслей, личности. В исторических условиях, в которых он жил и действовал, возможностей исключить войны практически не было. Колчак пережил грандиозный военный катаклизм — Первую мировую войну. Отсюда военному деятелю трудно было не впасть в абсолютизацию такого явления, как война, в преувеличение военных методов решения исторических задач.

Своими мыслями об исторической судьбе России Колчак делится в письмах к любимой женщине — А.В. Тимиревой, хотя их переписка, осуществлявшаяся чаще через посольства (главным образом английское), другие посреднические каналы, с 1917 г. стала крайне затрудненной. «Оказии» стали редкими. С отъезжающим из Японии в Россию лейтенантом А.М. Меженцевым он 2 января отправил «рекординное, — как приписывал, — письмо в 40 страниц». Тот обещал его передать общему знакомому в Петроград, а уж затем оно попало бы в руки Тимиревой. Трудно сказать, какие письма дошли до адресата и вообще были ли отправлены. Мы имеем дело все с теми же черновиками писем в тетрадах.

Не часто, с опозданием, но получал ответы на свои послания и сам Колчак. Так, 3 декабря 1917 г. Колчак извещает Тимиреву, что «сегодня неожиданно я получил Ваше письмо от 6 сентября, доставленное мне офицером, приехавшим из Америки». Письмо путешествовало через страны и океаны три месяца, пока оказалось в Йокохаме. Письма Колчака наполнены дневниковыми зарисовками, описанием поездок, встреч, бесед, планов на будущее. Подчас эти темы преобладают. Но бывает и так, что письма почти целиком носят личный, интимный характер, обращены к сердцу любимой, полны воспоминаний о былых встречах 1914—1916 гг.

Вот какие слова находил Александр Васильевич в письмах к Анне Васильевне. «...И Ваш милый и обожаемый образ все время был перед моими глазами. Ваша... улыбка, Ваш голос, Ваши розовые ручки для меня являются символом высшей награды, которая может вручаться лишь за выполнение величайшего подвига, выполнение военной идеи, долга и обязательств. И, думая о Вас, я временами испытываю какое-то странное состояние, где мне кажется прошлое каким-то сном, особенно в отношении Вас. Да верно ли я [знаю] Анну Васильевну; неужели это правда, а не моя собственная фантазия о ней, что был около нее, говорил с нею, целовал ее милые розовые ручки, слышал ее голос? Неужели ни сада Ревельского собрания, белых ночей в Петрограде, — может быть, ничего подобного не было?! Но передо мной стоит портрет Анны Васильевны с ее милой прелестной улыбкой, лежат ее письма с такими же миленькими ласковыми словами; и когда читаешь их и вспоминаешь Анну Васильевну, то всегда кажется, что совершенно не достоин этого счастья, что эти слова являются наградой незаслуженной, и возникает боязнь за их утрату и сомнения...»

Ни сами письма Колчака к Тимиревой, в чем-то безусловно отличавшиеся от черновиков, ни ее письма к нему (кроме написанных в

1919 г. на фронт), к сожалению, до нас не дошли. Они, видимо, погибли в пекле Гражданской войны, при бесконечных арестах, тюремных и лагерных мытарствах Тимиревой в условиях советской власти. Очень жаль! Но, судя по записям Колчака, письма Тимиревой были прелестными. Читая сейчас гораздо более поздние воспоминания А.В. Тимиревой, можно предполагать, что и письма ее к А.В. Колчаку были умными, полными ярких наблюдений, душевными и обаятельными. По письмам-ответам Колчака чувствуется, что и она упивалась эпистолярными посланиями любимого и вновь, и вновь просила у него слов о любви, внимания.

Пронеся любовь к Александру Васильевичу через десятилетия тяжких лагерных испытаний, она, обладавшая поэтическим даром, писала:

Ты ласковым стал мне сниться,
Веселым, как в лучшие дни.
Любви золотые страницы
Листают легкие сны...

ТРИ МЕСЯЦА НА АНГЛИЙСКОЙ СЛУЖБЕ

В конце декабря 1917 г. А.В. Колчак получил наконец сообщение о том, какое решение принято правительством, военным ведомством Англии по отношению к нему. В письме А.В. Тимиревой 30 декабря он, не без явного волнения, отмечает: «Сегодня день большого значения для меня; сегодня я был вызван сэром Грином в посольство и получил от него сообщение, решающее мое ближайшее будущее. Я с двумя своими спутниками (это были старший лейтенант В.В. Безуар и лейтенант И.Э. Вуич. — И. П.) принят на службу Его Величества короля Англии и еду на Месопотамский фронт. Где и что я буду делать там — не знаю.

...В своей просьбе, обращенной к английскому послу, переданной правительству Его Величества, я сказал: «Я не могу признать мира, который пытается заключить моя страна с врагами... Обязательства моей Родины перед союзниками я считаю своим обязательством. Я хочу продолжить и участвовать в войне на фронте Великобритании, т. к. считаю, что Великобритания никогда не сложит оружия перед Германией».

Назначение Колчака на сухопутный и второстепенный фронт было не очень логичным и понятным. Видимо, оно было связано с расчетами англичан на соединение своих войск в Месопотамии с русскими

ми войсками, находившимися еще с царских времен в Персии, а также в Закавказье. Известно, что перед тем в Месопотамию на соединение с англичанами прорвалась часть русских войск, а другие наступали из Закавказья в южном направлении вплоть до декабря 1917 г.

Итак, вице-адмирал А.В. Колчак в конце 1917 г. становится на короткое время военнотружашим английской армии. Колчак понимает, что его положение необычно. Он иронически называет себя «кондотьером» и признает, что его решение служить в иностранной армии не бесспорно. Сознает он и излишнюю категоричность своих милитаристских взглядов. «Моя вера в войну, — пишет он Тимиревой, — ставшая положительно каким-то... убеждением, покажется Вам дикой и абсурдной и, в конечном результате, страшная формула, что я поставил войну выше Родины, выше всего! быть может, вызовет у Вас чувство неприязни и негодования. Я отдаю отчет в своем положении... Как посмотрите Вы на это — я не знаю. Но меня, конечно, заботит этот вопрос, вопрос существенный для меня только в отношении войны».

По получении 30 декабря (по ст. стилю) 1917 г. предписания отправиться на Месопотамский фронт Колчак, который практически всегда был по-военному в сборе, готов был двинуться в путь незамедлительно. Предстояло плыть пароходом через Шанхай—Сингапур—Коломбо—Бомбей. Но, увы, ему вновь пришлось ждать транспорта. В показаниях на допросе в Иркутске Колчак говорил, что уехал из Йокохамы в Шанхай в 20-х числах января. В письме-записи прибытие в Шанхай Колчак датирует 16-м (по ст. стилю; по новому — 29-го) января 1918 г. Здесь вновь пришлось долго ждать английского парохода для дальнейшего следования. А когда этот пароход — «Динег» пришел, то на нем были выявлены заболевания чумой. Начался карантин. Удалось отплыть лишь через месяц, в феврале.

Как и в Японии, в Китае, в его столице Пекине, А.В. Колчак встречается с российскими дипломатами, в том числе с посланником князем Н.А. Кудашевым. Здесь дипломатов, различных чиновников, приезжавших из Харбина, из управления Китайско-Восточной железной дороги⁵⁰, эмигрантов из России было гораздо больше. Встречи с земляками были более многочисленными. У Колчака уже в это время завязываются определенные связи с представителями атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова, администрацией КВЖД, японскими дипломатическими представителями. Он оказался в курсе дела о контактах семеновцев с японцами, даже

пытался содействовать первым в получении средств из посольства для закупки в Японии оружия. Князь Н.А. Кудашев, управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват⁵¹ продумывали вопрос о задержании А.В. Колчака, чтобы предложить ему включиться в борьбу с большевистским режимом на территории России. Через значительный промежуток времени Кудашев прислал Колчаку из Пекина в Шанхай письмо с просьбой приехать к нему по весьма важному делу. Но Колчак ответил, что приехать не может; должен следовать по назначению, и вскоре отплыл в Сингапур. Он вполне мог предполагать, о чем пойдет речь. Видимо, по каким-то причинам он не был готов, не был склонен связывать свою судьбу с Белым движением на Дальнем Востоке, предпочитал внешний, хотя и зарубежный фронт. Но этим планам не суждено было сбыться. Русские дипломатические и политические деятели за его спиной договорились с англичанами об использовании Колчака на внутреннем российском фронте. Надобно отметить, что зачисление Колчака и двух его офицеров на английскую службу не было подкреплено материально. Они продолжали жить и ездить на средства, которые оставались от суммы, выданной Временным правительством летом 1917 г. Деньги подходили к концу. Их приходилось жестко экономить.

В Сингапуре, куда Колчак прибыл на «Динеге» 11 марта 1918 г.*, его встретил командующий английскими войсками генерал-майор Д.Г. Ридаут. Встретил, по отзыву Колчака, «весьма торжественно» и передал уже подготовленный пакет с распоряжением английского генерального штаба. Колчаку следовало вернуться в Россию, ехать на Дальний Восток и начинать свою деятельность там. В качестве мотива выдвигался тот факт, что к тому времени положение на Месопотамском фронте резко изменилось; русские войска, находившиеся в Персии, Месопотамии и сражавшиеся против турок, фактически исчезли, разбежались. Большие территории правительство Ленина передало Турции.

Колчаку было сказано, что в сложившейся ситуации его «служба, с точки зрения союзников, представляется предпочтительней» на Дальнем Востоке.

Пробыв некоторое время в экзотическом Сингапуре в отеле «Европа» и написав 16 марта 1918 г. письмо А.В. Тимиревой, А.В. Колчак первым же пароходом вернулся в Шанхай. В письме Тимиревой

* Все последующее датирование событий нами дается, как и в данном случае, уже по новому стилю.

он информировал ее о своих делах и сетовал на судьбу: «И вот я со своими офицерами оставил «Динегу», перебрался в Хотель Европа и жду первого парохода, чтобы ехать обратно в Шанхай и оттуда в Пекин, где я имею получить инструкции и информации от союзных посольств. Моя миссия является секретной, и хотя я догадываюсь о ее задачах и целях, но пока не буду говорить о ней до приезда в Пекин.

Милая моя, Анна Васильевна, Вы знаете и понимаете, как это все тяжело, какие нервы надо иметь, чтобы переживать это время, это восьмимесячное передвижение по всему земному шару...

Не знаю, я сам удивляюсь своему спокойствию, с каким встречаю сюрпризы судьбы, изменения внезапно всех намерений, решений и целей...»

На самом деле спокойствия, конечно, не было: сильнейшие потрясения, неурядицы, личная неустроенность этих восьми месяцев основательно подействовали на здоровье Колчака; нервы его часто стали сдавать. Его раздражало, что он, его судьба зависят не только от постоянно меняющихся исторических обстоятельств, но и от многих людей.

С прибытием А.В. Колчака в Пекин и последовавшим обоснованием его в Харбине закончился многомесячный зарубежный период поездок. Предстояла деятельность, связанная с политическими и военными приготовлениями к участию в борьбе с большевистским режимом на внутренних, российских фронтах.

Глава 5

НАЧАЛО БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ

НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ПОРОГЕ РОССИИ. СОЕДИНЕНИЕ С А.В. ТИМИРЕВОЙ

Имея самую общую информацию и ориентировку о предстоящей работе, А.В. Колчак ждет конкретных разъяснений, посвящения в суть дела. В конце концов окончательное решение вопроса об участии в нем зависело от его собственного решения.

Первым, главным источником ожидаемой информации и соавтором предполагаемого плана действий явился все тот же князь Н.А. Кудашев. При встрече в Пекине он Колчаку сказал: «Против той анархии, которая возникает в России, уже собираются вооруженные силы на юге России, где действуют добровольческие армии генерала Алексева и генерала Корнилова (тогда еще не было известно о его смерти. — И. П.) Необходимо начать готовить Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу, для того чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке». Колчак дал согласие на сделанное ему предложение. Позднее в Пекине состоялись встречи его с рядом политических деятелей, представителей КВЖД, включая ее управляющего Д.Л. Хорвата и А.И. Путилова. Он убедился, что русскими политиками действительно вынашивается идея создания в районе КВЖД крупных вооруженных сил с тем, чтобы в дальнейшем двинуть их против большевиков, то есть начать движение подобное тому, которое возникло на юге страны. В этом большая ставка, видимо, делалась на него, Колчака. С учетом возможного успеха всего дела его это устраивало. Решено было, что для удобства действий А.В. Колчаку надо занять официальное положение. И он был введен в правление КВЖД.

Позднее обо всем этом Колчак писал: «В Пекине же было собрано совещание по организации правления КВЖД и состоялось общее собрание акционеров, на котором я был избран членом Правления КВЖД по воинской части и получил определенные инструкции по

организации войск для охраны дороги и подготовки кадров для создания боевых частей для действия в сопредельных с Маньчжурией частях русской территории. Я должен был объединить все добровольческие организации в полосе отчуждения КВЖД... Разобравшись в положении вещей в Маньчжурии, я пришел к заключению о необходимости помощи союзников в деле создания русской вооруженной силы. В Харбин я прибыл 1 мая (по нов. ст.)».

Итак, главной задачей А.В. Колчака в Харбине было формирование на Дальнем Востоке вооруженных сил, противостоящих советской большевистской власти. Но уже в силу этого его деятельность перестала быть чисто военной, она становилась и политической. Ему приходилось иметь дело с различными политическими организациями. А их на Дальнем Востоке, в зоне КВЖД, появилось много.

В «русском» городе Харбине в феврале 1918 г. был образован Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания, решающее влияние в котором имел Д.Л. Хорват, возглавлявший КВЖД с ее открытия в 1903 г. Комитет включал в себя силы либерально-демократической, а отчасти и правомонархической ориентации. К моменту возвращения Колчака в Китай в Харбине появилось временное правительство автономной Сибири во главе с эсером — П.Я. Дербером⁵², возникшее в Томске и вынужденное бежать от советов на восток. Эти два органа конкурировали между собой. Доминировал комитет. Особую прояпонскую политическую силу составляли казачьи атаманы — Г.М. Семенов и другие, подвизавшиеся в это время также в Маньчжурии. Все сильнее оказывалось влияние Японии и на комитет Хорвата. В тогдашних условиях без поступления оружия из этой рядом расположенной страны начинать формирование отрядов было невозможно.

Войдя в состав управления КВЖД, А.В. Колчак контактировал прежде всего с Д.Л. Хорватом. Но ему с самого начала пришлось столкнуться с «атаманщиной», с Г.М. Семеновым, который, прочно поддерживаемый японцами, стремился проводить независимый от существующих в Харбине организаций курс, в том числе в создании вооруженных отрядов.

С мая 1918 г. Колчак, находясь в Харбине, часто выезжая в места дислокации различных отрядов, приступил к выполнению своей задачи под эгидой обновленного правления КВЖД. Колчаком начато было формирование крупного соединения. Оно развертывалось под предлогом укрепления охраны железной дороги. Основные средства, в том числе и на оплату приобретаемого оружия, давало правление КВЖД. Колчак столкнулся с невероятно большими трудностями, ос-

трой конкурентной борьбой различных сил, нараставшим давлением Японии, представители которой пытались влиять на него, прибегая к различным методам. Готовя интервенцию и видя «неподатливость» адмирала, они пришли к выводу, что целесообразней было бы его как-то отстранить от дел. Готовились к вступлению на российскую территорию не только семеновцы, не только не вступившие в подчинение Колчаку отряды, но и те, которые находились в его подчинении, в распоряжении правления КВЖД и Дальневосточного комитета. Вместе с тем в сфере политической также развертывалась борьба. Группа П.Я. Дербера предприняла попытку выйти на первый план, но этого ей добиться не удалось. Попытка ее опереться для этого на земство Приморья также не увенчалась успехом. Областная земская управа во Владивостоке сама объявила себя законной местной властью. Д.Л. Хорват в начале июля провозгласил себя Временным Верховным правителем России и стремился с военными силами выйти на территорию страны, с дальневосточных пределов которой в это время советские отряды, терпевшие поражение, откатывались на запад. Самостоятельно, независимо от Дербера, Хорвата, земства, действовали казачьи атаманы. Крупной военной фигурой в этой игре являлся Г.М. Семенов (Забайкальское казачье войско), отряды которого становились все более многочисленными, а также И.М. Калмыков (Уссурийское казачье войско) и И.М. Гамов (Амурское казачье войско).

В условиях противоборства многочисленных дальневосточных правительств и атаманов, претензий на власть Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) в Самаре и Уральского правительства в Екатеринбурге повышалось значение правительства в Омске. Сформировалось оно в конце июня 1918 г. Его возглавил известный сибирский адвокат Петр Васильевич Вологодский⁵³. Омское Временное правительство Сибири стремилось стать руководящим органом в масштабах всей Сибири, Дальнего Востока, а также Урала и Поволжья — всей территории, освобожденной летом 1918 г. от большевиков. Обладая наиболее крупными формированиями вооруженных сил, располагаясь в центре региона, Омское правительство укреплялось.

Летом 1918 г. «очаговая» прежде Гражданская война стала всеохватывающей. Установки и призывы большевистских руководителей начать Гражданскую войну в деревне, расколоть ее крестьянство, другие факторы, в том числе «расказачивание», попытки советских властей задержать, разоружить части чехословацкого корпуса, их восстание с санкции и по указанию западных правительств, привели к тому, о чем как о неотвратимой перспективе говорил и Кол-

чак. В России запылала Гражданская война. Она сопровождалась военной интервенцией японских, английских, французских, американских и иных сил. В частности, на Дальнем Востоке высадились многочисленные войска Японии, части и подразделения других союзников России — США, затем — Англии, Франции...

С самого начала работа А.В. Колчака в Харбине шла тяжело. Прежде всего из-за того, что слишком много было препон на пути объединения мелких отрядов. Фактически не уделял должного внимания этому вопросу Хорват. Больше того, он стал проявлять заметную подозрительность по отношению к адмиралу Колчаку. Стремившийся сделать собственную всероссийскую политическую карьеру, Хорват видел конкурента во властном, деятельном и широко известном в России Колчаке. Но главное противоречие между ними было то, что Колчак ориентировался главным образом на контакты с западными странами, прежде всего с Англией, Хорват же во все большей мере сближался с Японией. У Колчака к политиканствующему, лавирующему генералу складывалось неуважительное отношение. Дело дошло до публичных негативных оценок А.В. Колчаком действий Д.Л. Хорвата.

В то время, когда японские представители стали открыто вмешиваться в дела по формированию единого мощного соединения, добиваясь сохранения мелких, разрозненных отрядов, Колчак решил поехать в Токио для выяснения отношений с японскими военными верхами. Очевидно, он надеялся завязать связи и с представителями других стран, чтобы получить от них помощь в военном строительстве. Передав командование войсками генералу Б.Р. Хрещатицкому, в начале июля 1918 г. А.В. Колчак уехал в Токио. Перед самой поездкой или уже по прибытии в Японию А.В. Колчак составил «Записку», в которой описал конфликтную ситуацию в районе КВЖД, разжигаемую прежде всего японскими военными представителями. Судя по ее содержанию, он еще надеялся на благоприятное разрешение вопроса, в том числе с помощью и руководства Японии. Но, судя по всему, он больших надежд на него не возлагал. Оправдались именно худшие его ожидания — о разрозненности и эгоистичности действий союзников и продолжении Японии поддерживать атамана Г.М. Семенова.

К тому времени соперничество между Японией и западными странами за влияние на Дальнем Востоке усилилось. Доминирование здесь Японии вовсе не устраивало Англию и Францию, а также США. Дипломаты России, продолжавшие действовать в этом районе, предпочитали придерживаться прозападной ориентации. Английским пра-

вительством на Дальний Восток был направлен генерал Альфред Уильям Нокс⁵⁴, долгое время (с 1911 г.) работавший в России, сначала в качестве военного атташе, а во время войны — представителем при Ставке. Он хорошо знал Россию, следил за перипетиями политической борьбы в ней в 1917—1918 гг., владел русским языком. Прибывали на Дальний Восток и другие дипломаты, но Нокс, сочетавший дипломатические и военные знания, заметно выделялся среди них. Впоследствии он сыграл большую роль в судьбе Колчака, стал его другом и сохранил о нем добрые воспоминания.

Колчак в Токио добился встречи с высшими чинами японского генштаба генералами Ихарой и Танакой. Он просил об устранении возникших осложнений между ним и японскими представителями, помощи оружием. Но — тщетно. Развеять возникшие подозрения о его «японофобии» в правящих кругах Страны восходящего солнца ему не удалось.

Под предлогом отдыха и лечения он, в сущности, был задержан в Японии и пробыл там почти два месяца. Здоровье у Колчака действительно было расшатанным, и лечение оказалось кстати. В те дни у него произошли и перемены в личной жизни. В Харбине он встретился с А.В. Тимиревой и вот здесь, в Токио, ждал ее вновь.

Анна Тимирева с мужем летом 1918 г. ехала во Владивосток. В Благовещенске она случайно узнала от знакомого лейтенанта Б.Н. Рыболовского, что в Харбине находится А.В. Колчак. По последнему полученному письму от него Тимирева знала, что он отбыл на Месопотамский фронт, будучи принятым на английскую службу. Письма из Сингапура, вести о его возвращении она не получала*. О той минуте, когда она узнала о близком местонахождении Колчака, Тимирева вспоминает: «Не знаю: уж, вероятно, я очень переменилась в лице, потому что Женя (девушка, ехавшая к родителям в Харбин. — И. П.) посмотрела на меня и спросила: «Вы приедете ко мне в Харбин?» Я, ни минуты не задумываясь, сказала: «Приеду». Из Владивостока Тимирева написала Колчаку. «С этим письмом, — вспоминала она, — я пошла в английское консульство и попросила доставить его по адресу. Через несколько дней ко мне вошел незнакомый мне человек и передал закатанное в папиросу мелко-мелко исписанное письмо Александра Васильевича.

* Последнее письмо, полное нежности («Милый Александр Васильевич, далекая любовь моя... чего бы я дала, чтобы побыть с Вами, взглянуть в Ваши милые темные глаза...»), она послала 10 марта в Сингапур. Колчака оно нашло в мае уже в Харбине.

Он писал: «Передо мной лежит Ваше письмо, и я не знаю — действительно это или я сам до него додумался». Она приехала в Харбин. Встретились, проехав навстречу друг другу по всей окружности земного шара.

Колчак жил в вагоне, Тимирева сначала в семье упомянутой Жени, потом в гостинице. Состоялся серьезный разговор о совместной жизни.

«А.В. приходил измученный, — вспоминала Тимирева, — совсем перестал спать, нервничал, а я все не могла решиться порвать со своей прошлой жизнью. Мы сидели поодаль и разговаривали. Я протянула руку и коснулась его лица — и в то же мгновение он заснул. А я сидела, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. Рука у меня затекла, а я все смотрела на дорогое и измученное лицо спящего. И тут я поняла, что никогда не уеду от него, что, кроме этого человека, нет у меня ничего и мое место — с ним».

Вернувшись во Владивосток, А.В. Тимирева сказала мужу, что уходит от него к А.В. Колчаку. Сын Тимиревых жил в то время у матери Анны Васильевны в Кисловодске. Продав жемчужное ожерелье, А.В. Тимирева отплыла в Японию. «Александр Васильевич, — пишет она, — встретил меня на вокзале в Токио, увез в Империял-отель. Он очень волновался, жил в другом отеле. Ушел — до утра.

Александр Васильевич приехал ко мне на другой день.

«У меня к Вам просьба». — «?» — «Поедемте со мной в русскую церковь». Церковь почти пуста, служба на японском языке, но напевы русские, привычные с детства, и мы стоим рядом молча. Не знаю, что он думал, но я припомнила великопостную молитву «Всем сердцем». Наверное, это лучшие слова для людей, связывающих свои жизни.

Когда мы возвращались, я сказала ему: «Я знаю, что за все надо платить — и за то, что мы вместе, — но пусть это будет бедность, болезнь, что угодно, только не утрата той полной нашей душевной близости, я на все согласна». Что ж, платить пришлось страшной ценой, но никогда я не жалела о том, за что пришла эта расплата».

А.В. Колчак и А.В. Тимирева, состоявшие с этого времени, как принято говорить, в гражданском браке, вместе отдыхали. Уехали в курортный город Никко. Курорт был одновременно и примечательным городом — памятником архитектуры. Отдых, лечение, приезд любимой женщины благотворно влияли на Колчака, хотя в той и предстоящей обстановке сплошных нервных перегрузок и потрясений прийти в полное физическое равновесие ему было уже не дано.

Отдых отдыхом, но в Японии Колчак не отрывался от событий в России. Он поддерживал переписку с рядом влиятельных лиц. Из письма Н.А. Кудашева А.В. Колчаку в Японию видно, что ставка на него делалась большая. «Искренне надеюсь, что Вы только временно отошли от активной работы воссоздания России и восстановления у нас порядка и власти». Вряд ли можно сомневаться в том, что речь о Колчаке шла и в переписке дипломатов российских, английских, французских, возможно, и других.

В конце августа в Токио состоялась встреча А.В. Колчака с А. Ноксом, уже побывавшим во Владивостоке и находившимся в курсе событий не только на Дальнем Востоке, но и в Сибири, и в России в целом. О визите к нему генерала Нокса Колчак на следствии в Иркутске 30 января 1920 г. рассказал: «Разговаривая со мной о положении на Дальнем Востоке, он спросил меня, что я делаю. Я изложил ему подробно свою эпопею на Дальнем Востоке и причину, почему я уехал оттуда и нахожусь в Японии. Он просил меня сообщить, что происходит во Владивостоке, так как, по его мнению, нужно было организовать власть. Я сказал, что организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении. Этим самым решается вопрос о власти, и надо решать вопрос о создании вооруженной силы, на которую эта власть могла бы опереться, так как без этого она будет фиктивной, и всякий другой, кто располагает этой силой, может взять власть в свои руки. Мы очень долго беседовали по поводу того, каким образом организовать эту силу, Нокс, по-видимому, приехал с широкими задачами и планами, которые ему впоследствии пришлось изменить, но он приехал помочь организации армии.

Я указывал ему, что, имея опыт с теми организациями, которые были, я держусь того, что таким путем нам вряд ли удастся создать что-нибудь серьезное. Поэтому я с ним условился принципиально, что создание армии должно будет идти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать ее оружием, что если надо создавать нашу армию, то надо создавать с самого начала...» Колчак при этом развивал ту точку зрения, что командующий сформированной армией и должен затем осуществлять всю полноту власти, то есть говорил о необходимости установления военной диктатуры. В записке Ноксу относительно налаживания местной власти Колчак писал: «Как только освобождается известный район вооруженной силой, должна вступить в отправление своих функций гражданская власть. Какая власть? Выдумывать ее не приходится — для этого есть земская организация, и нужно ее поддерживать.

Покуда территория мала, эти земские организации могут оставаться автономными. И по мере того, как развивается территория, эти земские организации, соединяясь в более крупные соединения, получают возможность уже выделить из себя тем или другим путем правительственный аппарат». В Токио по совету русского посла В.Н. Крупенского Колчак встречался и с французским послом М. Реньо. Шли беседы и с ним, но более общего характера.

Хотелось бы высказаться относительно того вопроса, который издавна вновь и вновь поднимается в литературе, — была ли достигнута между А. Ноксом и А.В. Колчаком договоренность о перевороте в Сибири, о назначении его диктатором? Вряд ли. Во-первых, Колчак на допросах, оставляя свидетельства для потомства, был весьма откровенным и о такой договоренности не упомянул, во-вторых, обсуждать вопрос о перевороте без конкретного знания ситуации в Омске было невысказано. Собеседники обменивались мнениями, изучали друг друга. Колчак стремился выяснить, в каких формах и масштабах может быть осуществлена помощь антибольшевистским силам со стороны Англии. И на допросе в Иркутске и до этого многим близким людям он говорил, что намерен был через Дальний Восток проехать на юг России и там включиться в вооруженную борьбу. Вполне возможно, что его конечные истинные цели были именно такими. Тем более, что там был «его» Черноморский флот.

Один из исследователей деятельности А.В. Колчака Г.З. Иоффе склонен считать, что тот в Японии уже стал действовать под руководством А. Нокса и англичане вели его к заданной цели. Автор приводит сообщение А. Нокса своему начальству о Колчаке, что «нет никакого сомнения в том, что он является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке». Данные эти ценны, но они говорят лишь о впечатлениях Нокса от знакомства и бесед с Колчаком, о видах британской дипломатии на него, но отнюдь не о каком-то совместном плане действий. И вообще речь целесообразнее вести о взаимовлиянии Колчака и Нокса, российских и английских дипломатов и политиков, их стремлении найти общие точки соприкосновения, выяснить взаимные интересы. Надо постоянно иметь в виду, что Колчак был патриотом России до мозга костей, интервенция ему претила, он воспринимал ее как неизбежное зло и вел переговоры с представителями союзных держав лишь с целью получения какой-то реальной помощи для Белого движения.

Теперь все помыслы А.В. Колчака сосредоточены на идее возвращения в Россию с тем, чтобы непосредственно включиться в ряды борцов против большевизма.

ОМСКИЙ МИНИСТР

В сентябре 1918 г. Колчак выехал из Японии во Владивосток. С ним вместе в Россию возвращалась и А.В. Тимирева.

По прибытии во Владивосток Колчак знакомится с ситуацией не только на Дальнем Востоке, но и вообще в восточных районах страны. О многом узнает впервые, в частности о только что состоявшемся совещании в Уфе представителей различных политических сил и об образовании Директории — Временного Всероссийского правительства.

Директория была создана 23 сентября 1918 г. в составе председателя правого эсера Н.Д. Авксентьева⁵⁵, кадета Н.И. Астрова, беспартийного генерала В.Г. Болдырева, беспартийного, близкого к кадетам П.В. Вологодского и народного социалиста Н.В. Чайковского. Из-за нахождения за линией фронта Астрова и Чайковского их заместителями были избраны кадет В.А. Виноградов и эсер В.М. Зензинов, так и оставшиеся фактически членами Директории. Деловым аппаратом Директории стало Омское правительство с его Административным советом, потом реорганизованным в Совет министров. Другие местные правительства, органы власти были ликвидированы или реорганизованы и подчинены Директории и ее Совмину. 9 октября 1918 г. Директория обосновалась в Омске. Председателем Совета министров стал П.В. Вологодский, бывший прежде, как уже отмечалось, председателем Временного Сибирского правительства. Заместителем Вологодского был избран известный ученый-ботаник профессор В.В. Сапожников.

С созданием Директории Белое движение на востоке России консолидировалось, хотя сепаратизм различных организаций и не был устранен и в дальнейшем остро сказывался. Директория по составу и направленности политики была кадетско-эсеровской. Но реальной властью обладал Совет министров при Директории, который фактически стремился выйти из-под ее контроля и встать над ней. Совет министров, имея поддержку военных, в том числе казачьих кругов, испытывал их давление, придерживался куда более радикальных ориентаций, нежели Директория. Разнородные силы в сложившейся системе власти, в Совете министров как-то уравнивал его председатель и член Директории П.В. Вологодский.

П.В. Вологодский в Уфимском совещании не участвовал (в Директорию был избран заочно), так как находился в поездке по Дальнему Востоку, налаживая контакты с местными конкурировавшими органами власти и организациями, с военным командованием. Именно в эти

дни он встретился во Владивостоке с Колчаком по инициативе последнего. Эта встреча оказалась для Колчака полезной и для получения информации, и для ориентации в последующих действиях.

Не меньшее, а, пожалуй, еще большее значение имела встреча А.В. Колчака с генерал-майором Р. Гайдой, бывшим командующим 2-й чехословацкой дивизией, только что вступившим в русскую службу и получившим назначение на фронт.

Радола Гайда (настоящие имя и фамилия — Рудольф Гейдль)⁵⁶ — крупный, талантливый авантюрист, чех по национальности, военфельдшер австро-венгерской армии, присвоивший затем себе офицерское звание. Бежал в Россию. Находясь в составе чехословацкого корпуса, в конце мая 1918 г. он возглавил борьбу против власти большевиков в восточной части Сибири, достиг крупных успехов и совершил головокружительную карьеру, став одним из виднейших военачальников. Ему предстояло из Владивостока проехать в Екатеринбург и вступить в командование группой войск, реорганизованной потом в Сибирскую армию.

Как вспоминал А.В. Колчак, он долго не мог выбраться из Владивостока и обратился за помощью в штаб белочехов. Ему передали, что адмирала хочет видеть Гайда. Состоялась встреча в здании порта, где размещался штаб генерала.

Беседа была длительной и оказалась весьма предметной. Оба оценивали вооруженные силы как главную опору власти, высказались за установление военной диктатуры. Гайда считал возможным на роль главнокомандующего, военного диктатора выдвинуть представителя от чехословацкого корпуса, даже предлагал Вологодскому свою кандидатуру. Колчак же, резонно считая, что преобладать в борьбе с большевиками будут русские войска, высказывался за выдвижение русского. Он говорил: «Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которое она знала бы, и только в таких условиях это возможно».

Кто знает, может быть, именно теперь, перед поездкой из Владивостока в Омск, во время разговора с Гайдой Колчак конкретно и задумался над вопросом о возможности стать этим самым главнокомандующим и диктатором. Что касается Гайды, то он совершенно определенно задавался вопросом о такой роли Колчака. Есть основание считать, что Гайда и Колчак в какой-то форме договаривались о последующей совместной работе. Адъютант А.В. Колчака капитан А.Н. Апушкин, ехавший с ним из Владивостока в Омск, в ноябре 1918 г. в докладе А.И. Деникину сообщал: «...во Владивостоке Гайда предложил Колчаку работать с ним на Екатеринбургском фронте, на

что Колчак и согласился... В это время Директория переехала в Омск, и мы решили посетить правительство». Документ свидетельствует о том, что сам Колчак еще не имел определенного плана действий.

В это же время в Восточную Сибирь и в Маньчжурию выезжал член подпольной антисоветской организации «Национальный центр»⁵⁷, лидер сибирских кадетов Виктор Николаевич Пепеляев. От этой подпольной организации он имел специальное задание и большие полномочия для его осуществления. «Национальный центр командировал меня на восток, — отмечал он, — для работы в пользу единоличной диктатуры и для переговоров с адмиралом Колчаком в целях предотвращения соперничества имен Алексеева и Колчака. Со смертью Алексеева кандидатура адмирала стала бесспорной...»

Об этом Пепеляев писал в марте 1919 г., а выехал он из Москвы еще в августе 1918 г. Видимо, действительно «Национальный центр» знал о пребывании Колчака весной и летом 1918 г. на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, и рассматривал его как одного из кандидатов в диктатора во всероссийском масштабе. Это весьма существенный факт.

Р. Гайда специальным поездом из Владивостока через Маньчжурию ехал на запад. В пути 28 сентября с ним встретился В.Н. Пепеляев. В дневнике Пепеляева главный сюжет переговоров записан так:

«...Перешли к вопросу о власти. Я сказал, что не поехал на Уфимское совещание, ибо не верю в создание таким путем прочной власти и что спасение в единоличной военной диктатуре.

— Но выдвигайте же лицо.

— В Москве мы наметили генерала Алексеева, но его нет. Алексеев очень ценен как специалист, но он стар для диктатора.

— Деникин.

— О да: но ведь и его тоже нет.

Затем Гайда заявил, что он также не верит в Уфимское совещание, в твердость Директории («они будут оставлять жить тех, кому жить не следует»).

— Какой же, по-вашему, выход — военная диктатура?

— Конечно.

— Я очень рад, что узнал лично ваш взгляд. В своих интересах вы его не высказывали.

— Да, пока не все готово. Пока не организованы воен[ные] силы. Вот едет Колчак.

На это я сказал, что в Москве наметили генерала Алексеева, но с ним нет никакой связи. Между тем время идет. Колчак имелся в виду как второй кандидат. Его, возможно, поддержат. Но когда это может быть?

— Дней через двадцать. Чехов мне удастся убедить.

— А...* так же думает?

— Мы одинаково думаем, он меня поддержит».

Мы видим, что у Гайды сложилось твердое намерение добиваться продвижения Колчака в диктаторы.

В дневнике В.Н. Пепеляева имеется также запись: «Гайда обещал дать телеграмму Колчаку, чтобы он встретился со мною в Маньчжурии. Колчак едет дня через 2—3».

Речь идет о предстоящей встрече В.Н. Пепеляева с А.В. Колчаком. Но по каким-то причинам она не состоялась. Тем не менее В.Н. Пепеляев, побывавший в Маньчжурии и получивший там сведения о Колчаке, следил за его продвижением к Омску. По возвращении с Дальнего Востока Пепеляев продолжает прорабатывать вопрос о военной диктатуре и продвижении на эту роль Колчака. Сам адмирал, очевидно, этого не знал.

А.В. Колчак сложил с себя полномочия члена правления КВЖД, подав заявление. Как и из Японии во Владивосток, через Сибирь Колчак ехал в гражданском платье. Выехал он из Владивостока, очевидно, 27 сентября**, ибо, как отмечал, в пути был 17 дней, а в Омск приехал 13 октября. По приезде, уже на другой день, он пишет письмо генералу М.В. Алексееву на юг, не зная еще, что за неделю до этого тот скончался. В этом письме Колчак сообщает о своем решении ехать в Европейскую Россию и работать в подчинении Алексеева. Он информирует о существующем в Омске правительстве и позитивно оценивает его («поскольку могу судить, эта власть является первой, имеющей все основания для утверждения и развития»).

На основе приведенных данных мы со всей определенностью можем утверждать, что А.В. Колчак не был кем-то и с его согласия заранее намеченным на пост Верховного правителя, «привезенным в обозе английским генералом Ноксом», как сплошь и рядом утверждалось. Такого решения ни кем-либо, ни самим Колчаком до прибытия в Омск не принималось, хотя из предшествовавших разговоров он мог вынести мнение, что собеседники склонны были видеть его в какой-то роли на Дальнем Востоке, в Сибири, в России. Конечно же на его решения влияли и члены английского представительства, к которым он, как известно, питал наибольшее доверие и сам этого не

* Так в тексте. В.Н. Пепеляев не вписал фамилию умышленно. Возможно, имеется в виду командующий чехословацким корпусом генерал-майор Я. Сыровы⁵⁸.

** По некоторым сведениям, из Владивостока выехал позднее — 3 октября.

скрывал. Но остаться в Омске решил он сам. Кстати, А. Нокса в то время в Омске не было (он находился во Владивостоке).

Посмотрим же далее на то, что получалось у А.В. Колчака из «остановки» в Омске по пути к фронту.

Как и во Владивостоке, у Колчака здесь оказалось немало знакомых, ибо этот город стал средоточием российского офицерства. Собеседники расспрашивали Колчака о его длительных зарубежных поездках, о планах на будущее. Он всем говорил, что намеревается пробраться на юг. Но вот начались официальные встречи. Первым официальным лицом, с которым он встретился, был член Директории, Верховный главнокомандующий генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Узнав о приезде Колчака, Болдырев через адъютанта пригласил его к себе. Услышав о том, что Колчак намеревается ехать на юг, Болдырев сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу вас остаться». Предложение не было облечено в конкретную форму, но в принципе вызвало внимание у Колчака, и он решил в Омске задержаться. Жил в те дни он на железнодорожной ветке, в вагоне. В Омске «на колесах» вообще проживала огромная масса людей, особенно военнослужащих.

Колчак продолжает встречаться со знакомыми и другими офицерами-сибиряками, в том числе с комендантом Омска казачьим полковником В.И. Волковым⁵⁹. Тем временем Болдырев определенно решил рекомендовать Колчака на пост военного министра, который занимал генерал П.П. Иванов-Ринов⁶⁰, не удовлетворявший Директорию и правительство.

В своем дневнике знакомство с Колчаком и процесс назначения его на пост министра Болдырев описывает так:

«Омск. Вагон. 14 октября.»

Среди многих посетителей был адмирал Колчак, только что прибывший с Дальнего Востока... Колчак объяснил цель своего приезда желанием пробраться на юг к генералу Алексееву...

Омск. Вагон. 16 октября.»

...Беседовал с Колчаком по вопросу о назначении его военно-морским министром...

Омск. 22 октября.»

...Кандидатура Колчака на пост военно-морского министра не встречает возражений. Завтра предложу ему этот пост».

Никаких данных ни в тогдашних, ни в более поздних записях о влиянии, тем более чьем-то давлении в целях включения А.В. Колчака в состав правительства В.Г. Болдырев не указывал. Он подчеркивал, что был инициатором этого назначения.

А.В. Колчак предварительно выяснил некоторые детали, особенно волновавший его вопрос о степени подчиненности ему какой-то части войска, а потом дал согласие на предложение, уже сделанное официально от имени Директории в целом. Он стал исполняющим обязанности министра.

Итак, остановка А.В. Колчака в Омске по пути на фронт обернулась его включением в качестве военного и морского министра в состав Временного Всероссийского правительства. Сибирь — край временного пребывания Колчака в начале 1900-х гг. во время полярных экспедиций становится последним его пристанищем...

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ. ПРИХОД К ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

А.В. Колчак с первых же дней вхождения в состав правительства оказывается в центре внимания омских политиков и военных. Когда 4 ноября 1918 г. вышел указ Директории о назначении состава Совета министров, то в его списке вслед за председателем — П.В. Вологодским первым назван военный и морской министр А.В. Колчак. Некоторые из назначенных на аналогичные должности были даже не в ранге министров, а управляющих (главноуправляющих) министерствами.

Для людей, искушенных в политике, слышанных о деятельности адмирала, Колчак являл собою масштабную фигуру. Для многих он был просто человеком, выделяющимся на фоне провинциальных, сибирских деятелей, оказавшихся вдруг министрами, генералами и командующими войсковыми соединениями. Известно, что основная часть политической, военной элиты, высшего чиновничества оказалась в рядах Белого движения на юге России. В Сибири таковых было очень немного. Внимание окружающих Колчак привлекал и своими личностными качествами. О Колчаке, как противнике социалистических партий, стороннике жесткого курса в деле консолидации антибольшевистских сил и установления военной диктатуры, было широко известно. Он импонировал сибирякам-государственникам, противникам примиренческого отношения к большевистской советской власти.

Появление А.В. Колчака в Омске, в составе правительства совпало с моментом крайне обострившейся борьбы между сложившимися политическими группировками, которая наглядно проявлялась в противостоянии Совета министров и Директории.

Колчак сразу же увидел эту все усиливающуюся конфронтацию. И он все более активно вовлекается в это противостояние на стороне Совета министров, большинства его, которому претила Директория, возглавлявшаяся эсером Н.Д. Авксентьевым. В Директории ее противники видели своего рода воспроизведение Временного правительства России, возглавлявшегося эсером А.Ф. Керенским и оказавшегося неспособным спасти страну, предотвратить захват власти большевиками.

А.В. Колчак покидает железнодорожный вагон и перебирается в город. На первых порах он поселяется в доме В.И. Волкова, сняв одну комнату. Казачий полковник, тогдашний комендант Омска В.И. Волков отличался крайне правыми взглядами и весьма широко трактовал свои комендантские полномочия.

Житье в доме Волкова в какой-то степени компрометировало, да к тому же было весьма неудобно Колчаку в бытовом отношении. 18 ноября он переезжает в здание штаба (бывший дом генерал-губернатора) и 15 декабря переселился в особняк на берегу Иртыша, принадлежавший в прошлом семье Батюшкиных. Там Колчак и проживал до эвакуации. Постоянно приезжал и в правительство, и в Ставку (штаб), размещавшуюся в здании управления Омской железной дороги.

А.В. Тимирева также поселилась в частном домике, вдали от центра. Встречались они у Колчака на квартире. В качестве переводчицы, общественной деятельницы, организовавшей пошив одежды, белья для солдат, Тимирева бывала у Колчака в Ставке, иногда на официальных и неофициальных встречах. Но, как уже отмечалось, своих близких отношений они напоказ не выставляли.

Так началась жизнь в Омске. Этот город был в ту пору крупнейшим в Сибири, в 1917 г. насчитывал 113 680 жителей. Он был центром Акмолинской области, охватывавшей значительную часть Западной и Юго-Западной Сибири, включая обширные районы современного Казахстана. Прежде здесь находилась резиденция генерал-губернатора Западно-Сибирского края. Будучи узловым железнодорожным и, наряду с Томском и Иркутском, наиболее значительным культурным центром, расположенным в обширном и хлебородном крае со значительной долей казачьего населения, сыгравшего большую роль в свержении советской власти, Омск привлек особое внимание политических сил Сибири. Именно здесь в свое время обосновалось упоминавшееся Временное Сибирское правительство. Омск приобрел огромную притягательную силу для всех, кто бежал от большевиков после Октябрьского переворота. Население города, по некоторым данным, в тот период составило чуть ли не миллион человек.

Здесь, в Омске, начались сначала осторожные, затем все более определенные разговоры в присутствии Колчака о необходимости установления военной диктатуры, возможности военного переворота и т. д. На встречах с военными разговоры в большинстве случаев сводились к этой теме. Наиболее серьезным оказался разговор А.В. Колчака с В.Н. Пепеляевым, состоявшийся 5 ноября.

Пепеляев сообщил, что «Национальный центр» обсуждал вопрос об А.В. Колчаке как о кандидате в диктаторы, втором после генерала М.В. Алексеева. Колчак в принципе высказался за вступление в роль диктатора, как «жертву», которую он может принести, «если будет нужно». Так понял его и записал в дневнике Пепеляев. Вместе с тем Колчак высказался против «форсирования событий». В принципе Колчаку теперь, после встречи с этим влиятельным в Сибири человеком, было ясно, что в свое время перед ним может прямо встать вопрос о верховенстве в регионе. А поскольку Директория и Совет министров считались органами всероссийской власти, то и в масштабах страны. Поэтому нет оснований считать, что последовавший вскоре правительственный переворот и провозглашение А.В. Колчака Верховным правителем оказались для него совершенно неожиданными. Конечно, конкретная дата переворота ему могла быть неизвестна. Но и только.

В то же время с достаточным основанием можно утверждать, что сам Колчак в подготовку переворота вовлечен не был. Работа проводилась за его спиной. Не исключено, что поездка его на фронт перед самым переворотом была специально инспирирована.

А.В. Колчаку было направлено приглашение от чехословацкого командования приехать к 9 ноября в Екатеринбург для участия в торжестве по передаче знамен четырех полкам. Колчак для выполнения министерских обязанностей и сам чувствовал надобность встречи с начальствующим составом, личного ознакомления с положением на фронте.

Через два дня после разговора с В.Н. Пепеляевым А.В. Колчак выехал на фронт, в Екатеринбург. Ехал в специальном поезде с полковником Дж. Уордом, который перед тем во главе Мидсекского батальона английских войск прибыл в Омск. С ним на торжества в Екатеринбург следовало подразделение солдат этого батальона.

Встреча Колчака в Екатеринбурге с чехословацким и русским командованием, с представителями местных властей была торжественной и теплой. Колчак, как в тылу, в Омске, так и на фронте, стал знаменем основной массы генералитета и офицеров, фигурой, вокруг которой они быстро стали спланиваться.

После торжества 9 ноября был устроен банкет, на котором Колчак, как лицо официальное, произнес свою первую речь. 12 ноября он дал интервью представителю чехословацких войск, текст которого был срочно телеграфно распространен. Колчак, как бы предвосхищая свои последующие программные выступления, указывал на то, что долг национальный должен ставиться выше партийного. Он поднимал вопросы о помощи союзников, военного строительства, борьбы за освобождение России.

Министр и сопровождавшие его генералы совершили объезд воинских соединений, ряда гарнизонов и фронтовые участки в районах Кунгура, Лысьвы. В Челябинске состоялась беседа с командующим чехословацким корпусом и одновременно Западным фронтом генерал-майором Я. Сыровы и членами его штаба. Здесь стало известно о победе стран Антанты над германским блоком и условиях перемирия. Событие было отмечено шампанским. Планировалась поездка на уфимский участок фронта, но ее пришлось отложить, ибо, как отмечал полковник Дж. Уорд, было получено уведомление о необходимости вернуться в Омск. Источник уведомления Уорд не указывает. Надо полагать, оно исходило из Ставки, от лиц, вовлеченных в заговор. Между Петропавловском и Курганом была сделана остановка для встречи с В.Г. Болдыревым. На вопрос Колчака о положении в Омске Болдырев ответил, что «идет брожение среди казаков, в особенности говорят о каком-то перевороте, выступлении, но я этому не придаю значения». Вернулся А.В. Колчак в Омск ранним вечером 17 ноября.

До намеченного переворота, как затем выяснилось, оставались считанные часы. В городе было беспокойно. К Колчаку в тот же вечер заходило немало офицеров, в том числе из Ставки, из казачьих частей. Среди приходивших были полковники Д.А. Лебедев, В.И. Волков, войсковые старшины А.В. Катанаев⁶¹, И.Н. Красильников⁶², генерал А.И. Андогский⁶³ и другие. Часть посетителей вела речь о том, что Директории осталось жить недолго и необходима единая власть. На вопрос Колчака о форме этой власти и кто ее должен выдвинуть ему, как потом он сам отмечал, указывали прямо: «Вы должны это сделать». Колчак уклонился от более чем прямых предложений возглавить переворот. «У меня армии нет, я человек приезжий, — говорил он, — и не считаю для себя возможным принимать участие в таком предприятии, которое не имеет под собой почвы».

Не войдя в состав заговорщиков (а он, очевидно, понял, что дело имеет с ними), Колчак и не выдал их, не предпринял мер по предупреждению переворота, хотя мог бы попытаться это сделать, тем

более что к нему заходил в тот вечер и Н.Д. Авксентьев. По взглядам на необходимую систему власти как военную диктатуру он в принципе одобрял переворот, который произошел бы при наименьших издержках, бескровно.

Надобно отметить, что ранее неоднократно в той или иной форме делались предложения установить военную диктатуру и возглавить ее и генералу В.Г. Болдыреву, но, как отмечал тот в дневнике, он отклонял эти предложения, считая необходимым сохранение демократической правительственной системы.

Вечером 17-го и ночью состоялись совещания заговорщиков. Их основной костяк составляли военные, в том числе чуть ли не весь состав Ставки и штаба. Наиболее активную роль играли офицеры-казаки, они производили аресты. Руководящей политической пружиной был лидер кадетов В.Н. Пепеляев, непосредственно участвовавший в совещаниях заговорщиков и во всей подготовке переворота. В ней участвовали и некоторые зарубежные дипломаты, члены военных миссий.

В ночь на 18 ноября 1918 г. переворот совершился. Он выразился главным образом в аресте членов Директории и некоторых ее сторонников. Арестовали членов Директории Н.Д. Авксентьева и В.М. Зензинова, а также товарища министра внутренних дел Е.М. Роговского, заместителя члена Директории А.А. Аргунова. Все они были эсерами, поддерживали связь с ЦК своей партии, руководителями съезда членов Учредительного собрания, заседавшего в те дни в Екатеринбурге. Примиренчески настроенных к Совету министров членов Директории беспартийного П.В. Вологодского, кадета В.А. Виноградова аресту не подвергли. Вологодский сам был посвящен в план готовящегося переворота и на определенных условиях одобрял его. В.Г. Болдырев находился в отъезде на фронте.

Для большинства членов правительства эти события оказались неожиданными. Вологодский еще до наступления утра по телефону разбудил членов Совета министров, в том числе Колчака, и созвал на заседание. Некоторые проявляли растерянность, но в итоге «нашли себя», сориентировались. После того как Виноградов сложил с себя полномочия члена Директории, обстановка на заседании упростилась. Директория признана была несуществующей. Совет министров взял власть в свои руки и решил избрать военного диктатора с тем, чтобы передать ему высшую власть. Поскольку кандидатура Колчака была предложена для избрания на эту роль, он с заседания на время выборов удалился. В итоге один годос получил отсутствовавший Болдырев, все же остальные — Колчак. Колчаку было объявлено решение

Совета министров — об избрании его Верховным правителем России. Затем он становится Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами*.

В тот же день Совет министров принял ряд актов, в том числе «Положение о временном устройстве государственной власти в России» с учреждением поста Верховного правителя, о производстве вице-адмирала А.В. Колчака в адмиралы, о передаче ему «ввиду тяжкого положения государства» временно осуществления верховной власти. Своим приказом Колчак объявил о вступлении в «Верховное командование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России» и освобождении с этой должности генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева. Постановления, указы и приказы были спешно доведены до населения и армии. В тот же день А.В. Колчак, с которым был солидарен П.В. Вологодский, приказал освободить из заключения арестованных и смещенных с государственных постов лиц. Вскоре их, а несколько позднее и вызванного в Омск Болдырева, снабдив большими суммами денег, выслали за границу. По своему желанию туда же отправился В.А. Виноградов, отказавшийся войти в состав правительства.

Таким образом, Директория, представлявшая собой, по сути, блок правых эсеров и левых кадетов, перестала существовать. Конфликт между нею и «ее деловым аппаратом» — Советом министров разрешился в пользу последнего, передавшего высшую власть Верховному правителю. В системе новой власти господствующее положение заняли сторонники буржуазной республики. В правительственных кругах имелись и консервативные силы, вплоть до сторонников монархии. Но тон задавали не они. Принятая характеристика омского правительства Колчака как помещичье-буржуазного, и тем более помещичье-монархического, бытующая в литературе, — неправомерна и тенденциозна. Столь же ошибочно называть самого Колчака монархистом. По душевному складу своему да и по многим действиям он, скорее всего, был умеренным демократом.

---

* 26 ноября Совмин определил размер месячного жалованья Верховному правителю в сумме 4 тыс. руб. Кроме того, постановил выделить в его распоряжение 16 тыс. руб. ежемесячно на представительские расходы.

Глава 6

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ

ПРИЗНАНИЕ ВСЕГО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Приведем текст присяги, принятой А.В. Колчаком как Верховным правителем России:

«Обещаюсь и клянусь перед Всемогущим Богом, Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему Отечеству.

Обещаюсь и клянусь служить ему по долгу Верховного Правителя, не щадя жизни моей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспении государства Российского.

Обещаюсь и клянусь воспринятую мною от Совета министров Верховную Власть осуществлять согласно с законами Государства до установления образа правления, свободно выраженной волей народа.

В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знаменем и целую слова и Крест спасителя моего. Аминь»*.

Верховный правитель А.В. Колчак в первые же дни развивает бурную деятельность. Первостепенной была задача — смягчить в общественном мнении отношение к перевороту, добиться широкого признания своей власти населением, союзниками, другими белогвардейскими правительствами и войсками.

Колчак предпринял маневр для успокоения общественного мнения: приказал выявить виновных в аресте членов Директории и передать их дело в суд. Перед судом предстали исполнители: упоминавшиеся казацкие офицеры, полковник В.И. Волков, войсковые старшины А.В. Катанаев и И.Н. Красильников. Но они были сразу предупреждены, что осуждения их не предвидится.

---

*Соловейчик А.С. Борьба за возрождение России на востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Ростов-на-Дону, 1919. С. 57—58.

Во время заседаний суда речь преимущественно шла о подрывных действиях членов Директории — эсеров, их связи с лидером партии В.М. Черновым⁶⁴ и т. д. В итоге все трое обвиняемых были оправданы. Больше того, указом Верховного правителя в те же дни им были присвоены очередные воинские звания. Следует сказать, что осудить этих офицеров тогда было практически невозможно: реальная сила, только что испробованная, была в руках военных и их сторонников. И Колчак на приговоре суда 21 ноября написал резолюцию: «С приговором суда согласен».

Для видимости оправданные офицеры были на время удалены из Омска, отправлены в Восточную Сибирь. Этим инцидент официально и был исчерпан. Кстати, атаман Г.М. Семенов всерьез воспринял суд над казачьими офицерами и по этому поводу шумно протестовал, лишь позднее он понял, в чем тут дело.

Реакция в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке на омский переворот была не однозначной, но в основном все же спокойной, благоприятной. Многие, очень многие желали установления твердой власти. В адрес Верховного правителя посыпались многочисленные приветствия от местных органов власти, общественных организаций, воинских соединений и частей, отдельных граждан. Так, Всероссийский Совет съездов торговли и промышленности, находившийся в Омске, телеграфировал организациям предпринимателей на местах: «Вчера, 18 ноября, Всероссийское Временное правительство реорганизовалось, поручив осуществление всей полноты верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку. Торгово-промышленный класс уже давно на своих съездах единодушно заявляет, что путь к возрождению России лежит в создании сильной, единоличной национальной Верховной власти. Совет съездов ныне горячо призывает вас оказать новой власти самую дружную поддержку и принять участие в деятельной работе по созданию экономической мощи страны и устранению царящей в ней разрухи». Одним из первых признал Колчака, послав в Омск соответствующую телеграмму, влиятельный атаман Оренбургского войска А.И. Дутов⁶⁵. Быстро признал власть Верховного правителя генералитет, а после отъезда с фронта в Омск В.Г. Болдырева полное подчинение армии новому Верховному главнокомандующему стало фактом. Двусмысленно повело себя чехословацкое руководство. Национальный совет⁶⁶ 21 ноября выступил с заявлением, в котором в смягченной форме выражался протест против переворота, как «нарушающего начало законности». Но командир корпуса и командующий фронтом генерал-майор Я. Сыровы еще 19 ноября разослал по войскам телеграмму-приказ, в которой обо-

шел оценку событий 18 ноября в Омске, отнеся их к внутренним российским делам. В таком же духе 20 ноября был составлен приказ командующего Самарской группой войск генерал-майора С.Н. Войцеховского⁶⁷. Командующие войсками переворот официально или фактически поддержали.

Быстро последовало одобрение прихода к власти Колчака от иностранных представителей в Омске и из-за рубежа. Верховного правителя посетили представители миссий, поздравляли его и выражали удовлетворение. Некоторые из них свои поздравления и выражения поддержки отразили в письмах и телеграммах. Английский Верховный комиссар в Сибири Ч. Эллиот от имени своего правительства сообщал: «Ввиду того, что ваше высокопревосходительство приняли на себя Верховную власть в Омске, великобританское правительство желает выразить свое горячее сочувствие всем усилиям к установлению свободного русского государства на твердых основах общественного доверия. При таких условиях Россия может вернуться к ее прежнему положению и получить возможность в полной мере принять участие в работе цивилизации». Аналогичным было и послание представителя Франции М. Реньо.

Однако были и протесты против переворота. Наиболее значительными из них последовали слева — от съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге, Совета управляющих ведомствами в Уфе, а справа — от атамана Забайкальского войска Г.М. Семенова. Членами съезда в Екатеринбурге 18 ноября принимается резолюция-воззвание с осуждением омского переворота и призывом борьбы за устранение «кучки заговорщиков». Объявлялось о создании специального органа для осуществления этих целей во главе с лидером партии социалистов-революционеров В.М. Черновым. Аналогичные заявления были сделаны в Уфе. Председатель Совета управляющих эсер В.Н. Филипповский и другие его члены, фактическая власть которых ограничивалась Уфимской губернией и некоторыми частями Народной армии, пытались борьбу против Верховного правителя поставить на практические рельсы. В частности, большие надежды возлагались на Ф.Е. Махина, командовавшего на Южном Урале значительными воинскими силами. Но действия Махина были быстро блокированы. Попытка договориться с генералом Болдыревым о выступлении против омских властей также не увенчалась успехом, так как тот после длительных колебаний, опасаясь раскола в армии, ослабления фронта, решил подчиниться Колчаку. Занявшие было половинчатую позицию Национальный совет и командование чехословаков вскоре ее изменили. Значительную роль в этом сыграли западные дипломаты,

оказавшие на руководство корпуса давление. Для этого понадобилось проведение в Челябинске 23 ноября специального совещания.

А.В. Колчак предполагал, что против него выступят социалисты — члены Учредительного собрания, и не ошибся. По получении их протестующей телеграммы он отдал приказ генералам М.К. Дитерихсу и Р. Гайде, являвшимся хозяевами положения в Екатеринбурге, о разгоне съезда членов Учредительного собрания и аресте его руководителей, включая В.М. Чернова. 19 ноября военные ворвались в гостиницу «Пале-Рояль», в которой проживало большинство членов Учредительного собрания. Был смертельно ранен один из членов собрания — И.Н. Муксунов. 19 человек во главе с В.М. Черновым были арестованы.

Таким образом Гайда выполнил приказ Колчака, правда не в полной мере: учитывая настроения чехословаков и в то же время мнение определенных общественных кругов, он вскоре распорядился освободить арестованных, выслать всех членов Учредительного собрания в Челябинск. Там с помощью чехословаков многим видным эсерам и меньшевикам, включая Чернова, удалось скрыться, уехать в Уфу. В дальнейшем некоторые из них были все-таки арестованы.

Военные чины в своих действиях при этом руководствовались поступившим официальным приказом Колчака от 30 ноября 1918 г. В нем говорилось: «Бывшие члены Самарского комитета членов Учредительного собрания, уполномоченные ведомств бывшего Самарского правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени... и примкнувшие некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе... пытаются поднять восстание...

П Р И К А З Ы В А Ю:

§ 1. Всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие.

§ 2. Всем русским военным начальникам, начиная с командиров полков (включительно) и выше, всем начальникам гарнизонов арестовывать таких лиц для предания их военно-полевому суду, донося об этом по команде и непосредственно — начальнику штаба Верховного Главнокомандующего».

Приказ был суровым. Его составителя можно понять: в военной обстановке, близ фронта социалисты не подчиняются его власти, пытаются организовать борьбу против него... Он борется с ними как с политическими и даже военными противниками. Понять-то можно, а вот правильно оценить этот приказ и последовавшие практи-

ческие действия, вытекающие из него, трудно. Следует ведь учитывать, что речь шла не просто о социалистах, а о членах Учредительного собрания, избранниках народа и последовательных противниках большевиков. При этом среди двух десятков арестованных на Урале членов Учредительного собрания и других общественных деятелей лидеров съезда не было. Но, будучи доставленными в Омск, почти половина из них (Н.В. Фомин, И.И. Девятков, Марковецкий, Кириенко и др.) во время восстания 22 декабря 1918 г., в котором они не принимали участия, офицерами были расстреляны. Некоторые офицеры — участники расстрела были арестованы, но затем отпущены; им помогли скрыться.

Ходили слухи, что расправа была учинена по приказу, исходившему от Колчака. Сам он это отрицал.

Из показаний видного кадета В.А. Жардецкого видно, что он, опасаясь за судьбу арестованных учредителей, через адъютанта довел до сведения Колчака информацию об их аресте. Колчак дал распоряжение о невыдаче их из тюрьмы без особого распоряжения. Но было уже поздно. Как бы то ни было, но кровавая расправа с эсерами и меньшевиками — членами Учредительного собрания осталась пятном на правительстве Колчака и на нем лично. А главное, она создала раскол в рядах антибольшевистского фронта на востоке страны. К большевистскому подполью на Урале, в Сибири и в других районах стало примыкать и подполье эсеро-меньшевистское. В советской России основная часть эсеро-меньшевистских сил занимала позиции или нейтралитета, или поддержки большевистского руководства. Раскол в рядах Белого движения — одна из коренных причин его последующего поражения. Позднее Колчак остро почувствует опасность этого раскола. Он совершит сдвиг влево, попытается бороться с крайне правыми силами за сплочение политического центра с левым социалистическим антибольшевистским крылом, но, как далее увидим, будет уже поздно. Не только Верховному правителю, но и разнородным политическим партиям и группам в сложнейшей обстановке Гражданской войны крайне трудно было улавливать неустойчивое настроение масс и более или менее адекватно на него реагировать.

Впрочем, скорее всего, реагировать на него и не надо было. В революциях и гражданских войнах побеждают не деликатные и склонные к компромиссам люди, а более волевые и жестокие. Большевики это всем наглядно показали.

В ноябре—декабре 1918 г. сопротивление социалистов, учредителей новый политический режим преодолел. Что касается Г.М. Семенова, то здесь А.В. Колчака ждала неудача. Атаман долго не при-

знавал Колчака как Верховного правителя, противодействовал ему. Попытка «поставить на место» атамана Семенова Колчаку не удалась, ибо за тем стояли японские дивизии. Пришлось прибегать к более гибким методам, искать компромисс. «Атаманщина» все время торчала занозой в организме сибирского белогвардейского режима, существенно ослабляла его. Первопричиной неподчинения Семенова, его крупных воинских формирований, так и не появившихся на внешнем фронте, являлась его прямолинейная прояпонская ориентация, тогда как Колчак по-прежнему был сдержан в отношениях со Страной восходящего солнца. Он рассчитывал прежде всего на помощь Англии и других западных стран.

В связи с этим надо сказать, что правительства Англии и Франции на первых порах недооценивали Колчака и движение белых вообще. Ж. Клемансо и Д. Ллойд-Джордж считали, что вся борьба с большевиками в Сибири должна вестись силами и под руководством западных союзников. Из радиограммы в Омск следовало, что французский генерал М. Жанен и английский А. Нокс уполномочены на Верховное командование всеми армиями союзников в Сибири. Жанену предписывалось вступить в должность главнокомандующего и зарубежными, и русскими войсками. Высадившись во Владивостоке, он дал интервью представителям печати, в котором многообещающе заявил: «В течение ближайших пятнадцати дней вся Советская Россия будет окружена со всех сторон и будет вынуждена капитулировать». Прибывший вместе с М. Жаненом чехословацкий военный министр генерал М. Р. Штефаник давал обещание, что приложит все силы к возвращению чехословаков на фронт, с которого они повсеместно уходили. Жанен и в этот момент, и позднее, выражая волю своего правительства, также нажимал на руководство чехословацкого корпуса, но добиться должной отдачи от его частей так и не смог. Не оказалась столь обширной, как было обещано, и помощь западных стран Белому движению, и размах интервенции. В Западной Сибири и на Урале силы союзников были совершенно незначительными. На фронте их практически не было. Там кратковременно действовали французское подразделение да английская бригада, в которой рядовой состав был набран почти целиком из русских. Чехословаки на фронт так и не вернулись.

А. В. Колчака возмутили радиограмма и предъявленный М. Жаненом мандат, подписанный Ж. Клемансо и Д. Ллойд-Джорджем, и он категорически отверг надуманный вариант руководства антибольшевистскими силами в Сибири посланцами с Запада. Назначение французского генерала главнокомандующим над всеми силами не было бы понято русскими войсками. После переговоров, в том числе с правительством

Франции, было решено, что адмирал А.В. Колчак остается Верховным главнокомандующим российскими войсками, согласуя с М. Жаненом лишь общие оперативные планы. Жанен становился главнокомандующим остальными войсками. Этим войскам пришлось лишь охранять железную дорогу на отрезке от Новониколаевска до Иркутска да в какой-то мере участвовать в борьбе с повстанческим движением. Формировавшиеся под руководством Жанена польские, сербские, румынские и другие национальные части на фронт практически не выводились, а лишь забирали львиную долю поступающего оружия, обмундирования, продовольствия. Японские и американские войска оставались самостоятельными.

У Жанена к Колчаку после неожиданного для него исхода распределения командных функций возникло чувство обиды, неприязни, которое он так и не смог преодолеть. Что касается А. Нокса, ставшего заместителем М. Жанена, то ему поручались в основном тыл и снабжение при согласованных действиях с военным министром омского правительства. Он эту работу старательно выполнял. К Колчаку он был настроен лояльно и даже дружески.

С приходом к власти Колчака консолидируются силы белых во всем восточном регионе. Колчака и его правительство признали все, в том числе казачьи атаманы, кроме Г.М. Семенова и И.М. Калмыкова. Исчезло деление войск на Народную армию (в прошлом — Комуча), Сибирскую армию и др. Успешнее пошло формирование новых частей и соединений под эгидой единой Верховной власти. Несколько сложнее шел процесс признания верховенства Колчака и его правительства в российских масштабах. Но под определенным давлением союзников, Русского политического совещания в Париже⁶⁸, образованного в декабре 1918 г. и ставшего политическим центром антибольшевистских сил России, А.В. Колчака признают генералы Е.К. Миллер⁶⁹, Н.Н. Юденич⁷⁰ и их правительства. Указами Верховного правителя эти генералы, как вступившие в его подчинение, были официально назначены генерал-губернаторами и главнокомандующими вооруженными силами в их регионах.

Более сложно протекал процесс признания А.В. Колчака как Верховного правителя России генералом А.И. Деникиным и его правительством. Но и он в конце мая 1919 г. завершился тем же. Колчак 17 июня назначил Деникина своим заместителем. Таким образом, Колчак стал Верховным правителем России, точнее — тех ее регионов, которые были на тот момент под властью белых.

Затянулось дело с официальным признанием правительства А.В. Колчака как всероссийского со стороны иностранных государств. Они,

конечно, способствовали формированию и укреплению власти Колчака в России. Но сами не спешили признать его правительство официально. Основными причинами этого были две: во-первых, союзники ждали от него успехов в борьбе с большевиками на фронте, во-вторых, их отпугивали репрессии против населения, имевшие место при режиме Колчака, и недостаточная ясность в его реформаторских устремлениях, в его желании пойти по демократическому пути. Весенние военные успехи войск Колчака оживили надежды на скорое признание западными странами Временного Всероссийского правительства — единственного законного представителя России. Но на смену военным успехам Колчака пришли поражения. Дело осложнялось, и сроки признания отодвигались.

Перед А.В. Колчаком в числе первоочередных стоял вопрос о составе Совета министров. В решении его следовало учитывать многие обстоятельства, в том числе степень пригодности старого состава правительства, волю и устремления некоторых политических сил и военных кругов. Председателем Совета министров остался П.В. Вологодский, являвшийся одним из лидеров белых в Сибири, в той или иной степени устраивавший и правых, и левых. В составе правительства остались И.А. Михайлов (министр финансов)⁷¹ С.С. Старынкевич (министр юстиции), А.Н. Гаттенбергер (управляющий министерством внутренних дел), В.В. Сапожников (министр народного просвещения), Л.И. Шумиловский (министр труда)⁷² и другие. Но были в него включены вскоре и новые министры и управляющие министерствами: И.И. Сукин (иностраннных дел), Н.А. Степанов (военный), М.И. Смирнов (морской), Г.К. Гинс (главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров) и другие.

Перестановки в правительстве с привлечением новых лиц происходили и далее, но основной его костяк сохранялся, в сущности, вплоть до осени 1919 г. В связи с этим генерал М. Жанен в дневнике записал: «Любопытная вещь — перманентность министров: они работали с Директорией, работают с адмиралом, который опрокинул Директорию». А в общем-то все было понятно: в том-то и дело, что министры в большинстве своем были настроены против Директории и желали, а то и непосредственно способствовали ее ликвидации, готовы были работать под началом А.В. Колчака. Несколько позднее в состав правительства входили В.Н. Пепеляев (министр внутренних дел), барон А.П. Будберг (военный министр), Г.Г. Тельберг (в новой роли — министр юстиции) и другие. Обращает на себя внимание то, что среди министров, как и до 18 ноября 1918 г., сохранялось значительное число эсеров (Старынкевич и другие) и меньшевиков

(Шумиловский, Н.И. Петров и другие). Правда, со вступлением в должность они объявляли о выходе из своих партий. Колчак социалистические партии, их сибирские организации, кроме РКП(б), официально не запрещал, хотя по многим позициям был ими недоволен и идеи их совершенно не разделял.

При Колчаке усилилась работа по упорядочению государственного аппарата, соблюдению законности*, восстановлению или совершенствованию административных и судебных органов. Был восстановлен Правительствующий сенат, суды, для которых подбирались квалифицированные юристы, разгонявшиеся при большевиках. Был повышен статус администраторов на местах. Во главе губерний (областей), уездов стояли управляющие (в большинстве своем бывшие комиссары Временного Сибирского правительства). В прифронтовых районах, на Урале был введен институт Главных начальников края (Уральского — С.С. Постников, Самаро-Уфимского — Е.К. Вишнеvский, Южноуральского — А.И. Дутов), с функциями генерал-губернаторов. Исключительно большое внимание уделялось возрождению местных органов самоуправления — городских дум с их управами и широчайшей сетью земств. В Сибири до революции они существовали не везде и теперь во многих местах создавались впервые. На Урале же земства существовали многие годы и по размаху, по результатам своей деятельности относились к числу лучших в стране. Теперь они здесь и возрождались значительно быстрее.

Несмотря на военные условия, местные органы самоуправления имели широкие права. Правда, на местах военными работниками, особенно в прифронтовой полосе, они часто попирались, в связи с чем возникали многочисленные конфликты, чаще разрешавшиеся в пользу военных.

В местных органах самоуправления, как и в кооперативах, было много эсеров и представителей других левых партий и им сочувствующих. В связи с этим конфликты центральной власти с ними вообще были неизбежны. Однако в целом они так или иначе разрешались. Сложней дело обстояло с военными органами, которые на местах допускали произвол — разгон органов самоуправления, аресты и даже порку их представителей.

Правительство Колчака, претендовавшее на роль общероссийского, а затем и признанное таковым, увлеклось государственным строитель-

---

* А.В. Колчаку принадлежит заслуга в организации тщательного расследования убийства царской семьи, в частности поручении этого дела генералу М.К. Дитерихсу, а затем и следователю Н.А. Соколову.

ством, формированием штатов министерств, других учреждений без всякой меры. Государственная структура формировалась как общероссийская, для обслуживания всей страны*. Штаты ее оказались чрезмерно раздутыми. Больше того, многочисленные учреждения заполняли люди часто малоквалифицированные. Громоздкий аппарат становился малоэффективным. За канцелярскими столами отсиживалась масса молодых мужчин, способных сражаться на фронте. Этот безудержный нездоровый процесс, кстати наблюдавшийся и в системе власти большевиков, отмечали многие. Практически безуспешно пытался с ним бороться и Колчак. Так что государственное строительство было сложным, развертывалось противоречиво, в нем наблюдались негативные явления. Но в целом оно все же давало свои результаты. Наиболее ценным было то, что возрождались многие демократические традиции, не формальная, а фактическая вовлеченность в систему управления через выборы и другие формы активной части населения. Возрождалась самодетельность масс, попиравшаяся при советской власти и в государственных, и в общественных организациях партийными комитетами коммунистов и различными чрезвычайными, в том числе и военными, органами.

А.В. Колчак, несмотря на официальный статус Верховного правителя-диктатора, единолично решать вопросы управления громадными районами, армией, отношений с союзниками, естественно, не мог. Тем не менее Совет министров он все более определенно рассматривал как исполнительный орган. Он постепенно ограничил его права, записанные в «Положении о временном устройстве государственной власти в России». Например, пункт о том, что «все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение Верховного правителя», Колчак фактически игнорировал, все чаще принимал и подписывал законоположения единолично. Совет министров с этим нарушением молча соглашался. В начале 1919 г. Колчак учредил Совет Верховного правителя, который Г.К. Гинс именует «звездной палатой». В этот совет были включены некоторые из министров, в том числе премьер, и военные деятели. От Совета министров в этот орган длительное время входили такие министры, как И.А. Михайлов, прозванный за

---

* Государственным гербом был двуглавый орел, но без корон, вместо которых на изображениях, в частности на денежных купюрах, — сияющий крест Константина и девиз «Сим победиши»; державы и скипетра, вместо которых были мечи (на время войны). Флаг — дооктябрьский национальный — бело-сине-красный. Гимн — музыка на слова «Коль славен» (композитора Д.С. Бортнянского).

коварство Ванькой Каином, Г.Г. Тельберг, Г.К. Гинс, И.И. Сукин, а также генерал Д.А. Лебедев и другие. Эти члены Совета Верховного правителя задавали тон в системе сибирской власти вообще. А придерживались они в основном правоцентристской ориентации. Имея глубокие корни в Сибири, сыграв немалую роль в перевороте, они сильно влияли на Колчака, во многом сковывали его действия. Генерал А.П. Будберг вообще считал, что Колчак был «пленен ставочной и омской камарильей». Доля истины в этой оценке была, хотя барон Будберг и здесь, как во многом другом, краски несколько сгущал. Личная роль Колчака во всей системе власти, в проводившейся ею политике была весьма велика. Совет был своего рода совещательным органом при Верховном правителе, группой его высших советников по важнейшим вопросам.

Забегая вперед, отмечу, что в системе управления все большую роль начинала играть Ставка Верховного главнокомандующего, то есть того же А.В. Колчака, но в другой его ипостаси. Роль военных, генералитета шаг за шагом усиливалась.

ВЫДАЮЩИЕСЯ УСПЕХИ И ТЯЖЕЛЫЕ НЕУДАЧИ

Остановимся на основных направлениях политики, проводившейся А.В. Колчаком и его правительством.

Следовало бы сразу же отметить, что постановления, издававшиеся в Омске, в том числе и самим Верховным правителем, далеко не всегда соответствовали его личным политическим взглядам и устремлениям. Они, как правило, были плодом коллективного творчества, носили на себе отпечаток и личного мнения правителя, и влияния окружения, советников. Очень непростое дело — охарактеризовать личные позиции Колчака, его политическое кредо. Здесь кое-что было стабильным, а что-то претерпевало изменения.

Общей тенденцией в эволюции взглядов и действий Колчака было его колебание. Но он всегда был насторожен в отношениях к социалистическим партиям. Чтоб лучше понять причины этой настороженности, следует иметь в виду, что у социалистов, особенно у левых, было много утопического, проявились тенденции к покушениям на частнособственнические отношения, на устои цивилизованного общества, нарушение баланса в нем. Колчака отпугивало и стремление части социалистических партий, групп и течений к соглашению с большевиками, ослаблению, а то и прекращению борьбы с ними.

Позиции А.В. Колчака, на наш взгляд, были очень близки к кадетским, либерально-буржуазным. Не случайно с ним во многих случаях солидаризировались лидеры сибирских и уральских кадетов: А.С. Белорусов (Белевский)⁷³, В.Н. Пепеляев, А.А. Кроль и другие. Лидер уральских кадетов Кроль, отражавший позиции левого крыла партии, после встреч с Колчаком, изучения его программных выступлений, актов руководимого им правительства давал им высокую положительную оценку. «...Целью правительства, — говорил он, — является освободить страну от большевистского гнета, спасти остатки народного достояния, приступить к переустройству народной жизни на свободных началах местного самоуправления с участием самого народа, и только тогда будет обеспечена земля русскому земледельцу и будут обеспечены за русским рабочим лучшие условия труда. Наконец, правительство ставит себе целью созыв Национального собрания. Эта программа нас вполне удовлетворяет, но может быть задан вопрос: какие мы видим гарантии в том, что это будет исполнено? Мы видим их, во-первых, в том пути, который принят Верховным правителем. Мы видим изданный городской избирательный закон, чисто демократический. Это имеет огромное значение. В то время как старый режим давил городские и земские самоуправления, в то время как большевики разгоняли их, тут издается демократический закон... Мы видим эту гарантию также в том, что Верховный правитель стремится вступить в связь с представителями населения...

Вторую гарантию мы усматриваем в высоких личных качествах Верховного правителя...»

Есть основание для утверждения, что Колчак по многим вопросам придерживался более радикальных, демократических позиций, чем его «звездная палата» и костяк правительства. Под углом зрения поставленного вопроса важно обратиться к программным заявлениям А.В. Колчака. Вот его знаменитый тезис из обращения «К населению России»: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру». Документ составлялся в ночь на 19 ноября 1918 г. с участием В.Н. Пепеляева, А.И. Андогского и Д.А. Лебедева. Конечно, провозглашая этот тезис, Колчак ориентировался на позитивную реакцию союзников, желавших демократизации России. Но в общем и сам он в это время держал курс на европейский путь развития, хотя

и проявлял определенную осторожность, учитывая особые условия России.

А.В. Колчак неизменно подчеркивал, что он за обновление страны. В интервью журналистам, данном 28 ноября 1918 г., он говорил: «Я сам был свидетелем того, как губительно сказался старый режим на России, не сумев в тяжелые дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным». И далее подчеркнул: «Государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании». Это были не только широковещательные заявления, хотя политические цели момента, конечно, преследовались. С самого начала Колчак из-за своих радикально-демократических заявлений испытывал давление, ощущал недовольство некоторых министров. И тем не менее в целом он продолжал придерживаться той же линии.

В составленном 3 июня и подписанном Колчаком ответе союзным державам на их ноту от 26 мая 1919 г. он также декларировал демократические цели. Конечно же и в данном случае надо учитывать стремление Колчака и других лиц, причастных к составлению документа, ориентироваться на требования правительств западных стран. Но и на деле Колчак всерьез думал о реализации декларируемых им принципов. И надо с должным пониманием подойти к высказываниям отдельных мемуаристов, что в узком кругу, неофициально, Колчак как-то отмежевался от сделанных заявлений. Авторы воспоминаний могли и неточно передать сказанное Колчаком, и абсолютизировать какую-либо грань его рассуждений. Так, бывший генерал для поручений при Колчаке М.А. Иностранцев приводит случай, когда тот высказывал мысль, что не допустит созыва того Учредительного собрания, которое избиралось в 1917 г., «при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы». Как не понять, что Колчак имел в виду социалистический состав того Учредительного собрания, в котором чуть ли не 40 процентов составляли большевики и левые эсеры, а либералы (кадеты) — менее 5 процентов. При таком составе Учредительное собрание вряд ли в состоянии было стабилизировать обстановку в стране, определить основы правового государства.

Бесспорно, демократизм Колчака был ограниченным, тем более в условиях Гражданской войны.

Следует обратить внимание на то, что декларированные Колчаком цели и задачи исторически обуславливались. Кардинальной задачей Колчак считал непримиримую борьбу с большевизмом, его безуслов-

ное сокрушение. Колчак в переписке употреблял выражения о полном уничтожении, истреблении большевизма.

В письме к жене 15 октября 1919 г. Колчак писал: «Моя цель первая и основная — стереть большевизм и все с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности говоря, все остальное, что я делаю, подчиняется этому положению». Разумеется, эти крепкие выражения непримиримого врага Октябрьского переворота и большевизма не следует понимать как курс на физическое уничтожение большевиков и всех, связанных с ними. Речь шла об уничтожении большевистской советской системы, того, что она успела наделать во вред обществу, о непременном разгроме РКП(б). Никаким маньяком Колчак не был. По идее и программе Колчака государственное устройство России должен был определить всенародно избранный представительный орган. Он называл его и «Национальным собранием», и «Земским собором», и «Национальным Учредительным собранием». Попытка отойти от привычного названия «Учредительное собрание» связана с тем, что Колчак был против признания того состава собрания, которое созывалось в январе 1918 г. и было разогнано большевиками. Колчак вообще считал выборы в него незаконными, так как они происходили уже при власти большевиков, при их «режиме насилия». Думается, основания для такого мнения у него были. В итоге Колчак пришел все же к признанию необходимости выборов Учредительного собрания, но он считал, что оно должно быть «законно избранным», в условиях действительно свободного волеизъявления народа. Созыв этого органа он связывал с окончанием войны.

Колчак предусматривал широкое развитие самоуправления, о необходимости которого говорил еще до приезда в Омск и сторонником которого проявил себя потом на практике. Относительно целей и практических шагов Колчака в государственном строительстве надо заметить, что его правительство, центральный и местный аппарат руководствовались постановлениями и результатами практики Временного правительства, законно сформированного после Февральской революции и свергнутого большевиками. Вместе с тем правительство Колчака использовало определенный опыт страны и в дофевральский, то есть царский период. Это не следует считать реставрацией «царских устоев». Просто он стремился взять из прошлого то, что выдержало проверку временем.

Примерно то же самое наблюдалось в хозяйственно-экономической области. Колчак в общем и целом продолжал политику предшествующих региональных правительств. Несмотря на то что прежние

правительства в Сибири, на Урале, в Поволжье имели в составе социалистов, они тем не менее по многим вопросам круто взялись за восстановление дооктябрьских норм в хозяйственно-экономической области, в том числе такой важной, как аграрные отношения. Временное Сибирское правительство издало закон о возвращении владельцам их имений вместе с живым и мертвым инвентарем. Правительство же Колчака, учитывая умонастроения крестьянства, заглядывая в мыслимое будущее России, просто-напросто отменило реставрационный закон, принятый в июле 1918 г., и стало осуществлять более гибкую политику, преимущественно в интересах широких масс крестьянства*.

Проводился курс на развертывание предпринимательства, в том числе банковской системы. Восстанавливались в своих правах владельцы предприятий, акционерные общества. Все это делалось до Колчака и продолжалось при нем в освобождаемых районах. Большую роль в определении стратегии в этой сфере играло «Государственное экономическое совещание», образованное 22 ноября 1918 г., в работе которого деятельное участие принимал Колчак. Поощрялась инициатива, как тогда принято было говорить, «торгово-промышленного класса», мелкого бизнеса. Это относилось и к крестьянству. Была восстановлена свобода торговли. В Сибири, славившейся до революции развитой и высокоэффективной, имевшей прочные позиции на мировом рынке кооперацией, восстанавливались ее силы. Однако в системе торговли сильно проявлялись чисто спекулятивные тенденции, другие негативные явления, в связи с чем правительство Колчака прибегало к различным санкциям и к регулирующим мерам в целях защиты интересов широких слоев населения.

Постепенно совершенствовалась налоговая система, что положительно влияло на финансовое состояние региона. В июле 1919 г. ежемесячное поступление доходов, по сравнению со второй половиной 1918 г., увеличилось с 50 до 140 млн руб. Если в целом за вторую половину 1918 г. доходы по всем источникам составили 300 млн, то в первую 1919 г. — 843 млн руб. Большие суммы выдавались в виде кредитов не только промышленности на военные цели, но также и местному самоуправлению, кооперации. Шла подготовительная работа по унификации денежных знаков, стабилизации рубля. Большую роль играли частные банки, вклады в которые в 1919 г. увели-

*С 10 декабря 1918 г. было отменено постановление Временного Сибирского правительства о государственном регулировании хлебной, мясной и масляной торговли и разрешена свободная торговля ими «по вольным ценам».

чились. Население приобретало облигации займов. Надежда на успех борьбы с красными у многих сохранялась. И хотя производилось частное кредитование промышленности, главенствующую роль здесь играли государственные органы.

Проводившиеся меры позволили оживить промышленность, всю экономику, которую вольно или невольно развалили до того большевики. Жизненный уровень населения Сибири и Урала был низким и в промышленных районах имел тенденцию к снижению, особенно у рабочих. Но в целом он был гораздо выше, чем в Советской России, где царил настоящий голод. Сибирские крестьяне, отличавшиеся в царской России высоким достатком, имели значительные запасы хлеба, которые в силу неотлаженных каналов сбыта в военных условиях, дефицита товаров промышленного производства не всегда имели возможность выгодно продать. Недостаток продуктов питания испытывала армия из-за плохой постановки снабженческого дела. С проявлениями неразберихи и злоупотреблений постоянно боролся Верховный правитель, но, увы, — не всегда успешно. Военное командование, особенно в прифронтовой полосе, все чаще прибегало к контрибуциям, несанкционированному изъятию у крестьян сельскохозяйственных продуктов, скота, что вызывало гневные протесты, стихийное, а то и организованное сопротивление.

В целом же в отношении крестьян проводилась политика, учитывающая их интересы, открывающая перспективу частного фермерского пути развития. Историки часто пишут, что крестьянство Сибири к лету 1918 г. не успело получить тех выгод, которые давала советская власть, поэтому и не поддержало ее. Здесь, пожалуй, дело обстояло как раз наоборот. Сибирский, отчасти уральский крестьянин не познали еще, что такое аграрная политика большевиков с ее государственным произволом в распоряжении земель, уже начавшимся раскулачиванием, насильственным насаждением коммун и совхозов, продразверсткой и другими формами организованного грабежа и репрессий в деревне. Не испытав всего этого, сибирский крестьянин благодушно верил в обещания большевиков о передаче земли именно ему. Он полагал, что хуже при советах, чем при Колчаке, не будет и защищать его режим вовсе не обязательно. И только позднее, уже на себе ощутив политику большевиков в отношении деревни, сибирские да и уральские крестьяне, включая бывших участников антиколчаковского движения, включились в активную повстанческую борьбу с советским режимом.

В чем же заключалась суть аграрной политики А.В. Колчака, которой он постоянно и всерьез занимался? Он определенно ориенти-

ровался на использование опыта аграрных преобразований П.А. Столыпина, создания фермерского хозяйства и ликвидации помещичьего землевладения путем отчуждения. В тех случаях, когда земли обрабатывались «исключительно или преимущественно силами семей владельцев земли, хуторян, отрубенцев и укрепленцев», они подлежали возвращению этим семьям. В центре многочисленных законоположений и разработок по аграрному вопросу стоял старательный, культурно работающий крестьянин.

К сожалению, Колчак и его правительство, в котором были и противники радикальных аграрных преобразований, не решились на осуществление намечаемого, откладывали реформы до Национального (Учредительного) собрания, а его созыв, в свою очередь, — до достижения в стране «порядка», то есть до разгрома большевиков и окончания Гражданской войны. Примерно такой же практики придерживались и другие правительства белых. Правда, генерал П.Н. Врангель⁷⁴ и его правительство в Крыму приняли земельный закон, но эта локальная мера была уже запоздалой. Тем не менее о политике Колчака надо сказать, что он успел провести некоторые меры в интересах крестьян. Земли, «утраченные» крупными владельцами, помещиками, то есть изъятые, захваченные у них большевиками, переходили в распоряжение государства и в дальнейшем подлежали продаже через земельный банк «трудоному собственнику». На всех землях урожай собирал и использовал тот, кто засеивал и обрабатывал поле. В отличие от захватно-грабительской системы большевиков колчаковская, пусть еще не совершенная, не отлаженная, была более цивилизованной. Она заинтересовывала крестьян в производстве сельскохозяйственной продукции.

Не менее трудной была область рабочей политики. Она осложнялась тем, что часть рабочих, особенно малоквалифицированная, «чернорабочие» и, скажем так, плохо работающие вообще, люмпены получили выгоду от советской власти, выиграли от проведения уравнительного принципа, свертывания системы оплаты по выработке и замены ее поденной. Попытки администрации заводов и фабрик при белых наладить производительный труд, изменить сложившееся положение вещей вызывали бурные протесты и проводились в жизнь с большим трудом. Действовала к тому же большевистская пропаганда о власти рабочего класса, о его диктатуре, всем еще памятно было массовое выдвижение из рабочей среды активистов в партийный, профсоюзный, государственный и хозяйственный аппарат. В результате основная масса рабочих не поддерживала белых, тяготела к советской власти и втягивалась в борьбу за ее восстановление. Но

Колчак и его правительство стремились поладить с рабочими, по возможности удовлетворять их требования. Причем рабочая политика была достаточно продуманной.

В составе Совета министров существовало министерство труда, которое возглавлял меньшевик Л. И. Шумиловский (с занятием этого поста он объявил о выходе из партии). Он оставлен был на этом посту и Колчаком, хотя в конце 1918 г. подавал в отставку, но она не была принята. Этот министр явно радел за людей труда и, опираясь на институт инспекторов (инспекторы труда губернские, уездные с их штатами, фабричные инспекторы), добивался значительных результатов.

Министерство в основном руководствовалось законодательством Временного правительства Львова — Керенского, весьма радикальным и продуманным. С приходом к власти Колчака, а в некоторых отношениях и ранее, проводился курс на упорядочение рабочего вопроса, взаимоотношений между трудом и капиталом. Восстановлены были биржи труда, прилагавшие усилия к регулированию потока рабочей силы, помогавшие безработным в трудоустройстве. Был утвержден закон о больничных кассах (органах страхования рабочих), и началось их возрождение. В них вносили деньги и рабочие, и предприниматели. Правда, в этом деле местами наблюдались большие трения. Нередко и та и другая сторона жаловались на злоупотребления, на плохой контроль за расходованием денег. Здесь, естественно, сказывался социально-классовый эгоизм тех и других. В целях разрешения возникающих конфликтов создавались примирительные камеры, третейские суды. Функционировали рабочие клубы, народные дома и другие культурные и общественные учреждения.

Сохранялись профессиональные союзы. По официальным данным, к концу 1918 г. их было 184, в большинстве из них насчитывалось по несколько тысяч членов. Однако количество профсоюзов и их численность сокращались из-за преследования властями, которые обвиняли рабочие союзы в антиправительственной деятельности, причастности к забастовкам, восстаниям. Взаимоотношения профсоюзов с властью находились в прямой зависимости от того, кто те или иные из них возглавлял: социалисты или коммунисты. С первыми удавалось найти общий язык, а вторые были в постоянном конфликте с правительством и значительную часть профсоюзных средств направляли на нужды большевистского подполья и партизанского движения.

Лично А. В. Колчак сочувствовал рабочим. Он неоднократно затрагивал рабочий вопрос, твердо зная, что достаток рабочих зависит от успешной и согласованной деятельности и предпринимателей. В мар-

те 1919 г. он запретил забастовки, мотивируя это военными условиями. На встрече с рабочей делегацией 16 июля 1919 г. он говорил, что в принципе не против стачек, рабочие имеют на них право. Как я уже отмечал, Колчак по дореволюционному периоду знал характер труда рабочего, многократно бывал на заводах, в юности даже освоил профессию слесаря. Бывал он на заводах и будучи Верховным правителем. Г.К. Гинс, сопровождавший Колчака в поездке по Уралу, писал: «В Перми он идет на пушечный завод. Беседует с рабочими, обнаруживает не поверхностное, а основательное знакомство с жизнью завода, с его техникой. Рабочие видят в Верховном правителе не барина, а человека труда, и они проникаются глубокою верой, что Верховный правитель желает им добра, ведет их к честной жизни. Пермские рабочие не изменили правительству до конца». Действительно, рабочие Мотовилихинского пушечного завода не очень-то доброжелательно относились к большевикам, восставали. Многие добром поминали Колчака.

Если говорить об отношении А.В. Колчака, его правительства к интеллигенции, о политике в области науки и культуры, то следует отметить, что они, если учитывать военные условия, заслуживают высокой оценки. Здесь надо особо подчеркнуть роль самого Колчака. Он был крупным ученым, высокообразованным интеллигентным человеком. Конечно, на него накладывали отпечаток и профессия военного, и роль вождя в кровавой Гражданской войне. Но качеств, обретенных в семейной среде, во время обучения и научной деятельности, он не растратил. Не случайно для ученых Сибири и Урала он был «своим» человеком.

Находясь в Сибири, А.В. Колчак не оставлял планов освоения Арктики. В его кабинете в Омске висела карта полярных экспедиций. Наладив связь с северным (архангельским) правительством Е.К. Миллера, Колчак приступил к подготовке новой арктической экспедиции. Для ее гидрографического обслуживания в конце 1918 г. создается Дирекция маяков и ложий. 23 апреля 1919 г. при правительстве Колчака организуется Комитет Северного морского пути, во главе которого был поставлен выходец из семьи золотопромышленников, участник двух полярных экспедиций и общественный деятель С.В. Востротин. В 1919 г. была создана Карская экспедиция во главе с Б.А. Вилькицким, имевшая целью доставку в устье северных сибирских рек оружия и вывоз оттуда хлеба. При Колчаке продолжалось строительство Усть-Енисейского порта, начатое еще в 1917 г. В 1919 г. были организованы экспедиции гидрографическая Д.Ф. Котельникова и ботаническая В.В. Сапожникова, 2 марта 1919 г. добровольно ушедшего с поста министра, готовилась Обь-Тазовская экспедиция. Этим занимался инсти-

тут исследований Сибири, созданный в Томске в январе 1919 г. под председательством того же Василия Васильевича Сапожникова. Колчак всемерно поддержал идею создания большой геологической службы для выявления богатств сибирского края. И все это — тоже грани деятельности Верховного правителя России, которые несправедливо замалчивались советскими историками.

На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке жила и активно функционировала система высшего и народного образования. На него выкраивались значительные ассигнования. Находилось поле деятельности десяткам оказавшимся на востоке профессорам из Петрограда, Москвы, Казани и других городов. В обстановке войны шли поиски новых рациональных методик обучения в школе. На Урале и в Сибири функционировали театры, самостоятельно решавшие репертуарные вопросы.

А.В. Колчака волновала проблема межнациональных взаимоотношений. В основе его политики лежала идея сохранения «единой и неделимой» России. И здесь Колчак явно проявлял консерватизм, который мешал консолидации антибольшевистских сил в стране. Так, он не признал независимости Финляндии, признанной правительством Ленина. Колчак же предусматривал независимость этой страны лишь «во внутренних вопросах». А между тем под декларированное Колчаком признание независимости правящие круги Финляндии, генерал К. Маннергейм⁷⁵ — регент республики, обещали не только более широкую помощь генералу Н.Н. Юденичу, но и прямое участие 100-тысячной армии в походе против правительства большевиков. Колчаку хватило духа признать лишь независимость Польши. В целом же практическое решение национального вопроса, «внутренней автономии» для малых народов Урала и Сибири — казахов, башкир и других — откладывалось правительством Колчака до созыва Учредительного собрания. Колчак долго и упорно боролся с местными национальными центрами («правительствами»), преследовал их представителей. Потом, правда, вынужден был пойти на некоторые уступки — признание права их на определенную автономию. В результате военно-национальные формирования скорей не помогали, а противодействовали Колчаку, даже частью сил переходили на сторону красных, как это случилось с башкирскими частями в феврале 1919 г. Национальная политика, проводимая Колчаком, к сожалению, не отличалась гибкостью, не учитывала состояние бывшей Российской империи на период Гражданской войны. В то же время большевистское правительство много и охотно декларировало по национальному вопросу, формально предоставляло народам автономии, даже не-

зависимость. Но на деле оно вовсе не считалось с этим и уже вскоре силою оружия отнимало (или пыталось это сделать) только что «предоставленное», насаждая повсюду свой режим⁷⁶. Колчак в принципе так действовать не хотел и отвергал рекомендации советников.

Во внешней политике А.В. Колчак проводил курс, во многом возрождавший тот, который осуществлялся до октября 1917 г. Он всемерно добивался взаимопонимания с другими, особенно союзными странами, расширения с ними связей и в конечном счете — достижения официального признания своего правительства. Как Верховный правитель России, Колчак уже 27 ноября 1918 г. признал внешние долги России, различные договорные обязательства. Такой внешнеполитический шаг создавал здоровую основу для межгосударственных отношений, в частности и на увеличение помощи его правительству. Но в то же время хочу подчеркнуть, что Верховный правитель при этом был щепетилен, постоянно озабочен мыслью о сохранении независимости своего правительства. Недаром он при попытке союзных правительств взять руководство войсками в свои руки, поставить главнокомандующим М. Жанена заявил, что скорее откажется от иностранной помощи, нежели согласится с тем, чего хотят правительства Англии и Франции. В проведении внешней политики Колчак опирался на собственное министерство иностранных дел (возглавлявшееся Ю.В. Ключниковым, а затем И.И. Сукиным) и российских дипломатов, поддерживавших тесные связи с правительствами зарубежных стран. Через них также поддерживалась связь с другими центрами Белого движения.

Если не просто решались вопросы с обеспечением военной помощи правительству Колчака, то еще трудней продвигалось, как уже отмечалось выше, дело с официальным его признанием как общероссийского. И это затянувшееся признание его верховенства со стороны других правительств белых сыграло роковую роль. Кроме того, правительство Колчака, как и другие правительства белых, не было признано западными странами вообще, поэтому помощь со стороны последних была ограниченной. К тому же следует отметить, что помощь, оказываемая Колчаку западными государствами, не была безвозмездной. В основном она выдавалась через займы или непосредственно под залог части золотого запаса. Золотой запас России в виде слитков, монет из золота, платины, серебра, ювелирных изделий, ценных бумаг с весны 1918 г. хранился в Казани. 7 августа он был захвачен войсками Комуча и чехословацкого корпуса и доставлен в Самару. В дальнейшем, будучи в некотором, сравнительно небольшом, количестве истраченным Комучем, был доставлен в Омск и с 18 ноября 1918 г. оказался в распоря-

жени А.В. Колчака. Общая номинальная стоимость золотого запаса исчислялась в 651 352 117 руб. 86 коп. Правительством Колчака было израсходовано в основном как раз на оплату поставок из-за рубежа и доставку (во Владивосток) под залог около 242 млн золотых рублей. Израсходовано и утрачено было только свыше одной трети запаса. Как видим, помощь была действительно небезвозмездной. Но без нее обойтись было невозможно, ибо промышленность вообще в Сибири была слабо развитой. Урал не сразу и не полностью входил в регион омского правительства. Если не говорить о занятых на короткое время военных заводах Западного Урала — Мотовилихинского, Ижевского, Воткинского, — военной промышленности в распоряжении Колчака почти и не было. То же можно сказать и о текстильной промышленности — производстве обмундирования.

Расходы на ведение войны, вооружение и содержание армии крайне ограничивали возможности в социальной сфере. Система социальной помощи остро нуждающимся в ней в основном совпадала с той, которая существовала до Октября. Восстанавливалось пенсионное обеспечение тех, кто его имел прежде, но был лишен большевиками. Существовали и функционировали различные приюты для престарелых и детей-сирот, инвалидов. Эти вопросы часто становились предметом обсуждения в правительственных учреждениях. Колчак лично участвовал в решении социальных вопросов, особенно связанных с положением солдат-ветеранов, в том числе георгиевских кавалеров, инвалидов прошлых войн, семей военнослужащих и погибших на фронте. Как и до Октября, при Колчаке эти категории людей на деле не забывались. Летом 1919 г. большим тиражом выпускались и бесплатно раздавались брошюры, в которых указывался порядок получения солдатского пайка, пенсий, лечебных мест на курортах для больных воинов, назывались мастерские, где было организовано обучение инвалидов, протезные предприятия...

В Омске, Томске, Иркутске на инвалидов отводились сотни тысяч рублей.

Тем не менее бедствующих на Урале и в Сибири при Колчаке становилось не меньше, а больше. Сказывались тяготы продолжающейся войны, недостаточное внимание к нуждам населения и паразитирование всякого рода спекулянтов, взяточников, расхитителей. До крайности уставших на протяжении многолетних войн людей угнетали все новые и новые мобилизации, налоги, поборы. Не меньше, если не больше раздражал произвол представителей военных властей. Они ущемляли не только «простых смертных», но и высокопоставленных лиц. Главный начальник Уральского края С.С. Постников по

официальному положению был генерал-губернатором. Но он оказался в подчинении командующего Сибирской армией Р. Гайды. Последний с Постниковым практически перестал считаться. В начале апреля 1919 г. Постников подал в отставку и изложил ее мотивы в письме Совету министров. В нем, в частности, указывалось на «незаконмерность действий, расправы без суда, порку даже женщин, смерть арестованных «при побеге». И далее Постников констатировал, что ему «неизвестно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном». Епископ Уфимский Андрей (в миру князь А.А. Ухтомский) возмущался грабительскими действиями военных против сельских жителей при отступлении из Златоустовского уезда и не без грусти констатировал: «Кто теперь эти крестьяне? Они — большевики».

По этим и иным причинам нарастало недовольство широких слоев городского и сельского населения своим положением, политикой власти, руководимой А.В. Колчаком. Жесткие и даже жестокие действия властей на местах связывались с его именем. Был случай, когда генерал-лейтенант С.Н. Розанов⁷⁷, подавлявший партизанское движение в Енисейской и Иркутской губерниях, вообще «подставил» Верховного правителя. Сославшись на приказ Колчака, Розанов распорядился сжечь два крупных села, жители которых помогали партизанам. На самом деле такого приказа не существовало. Колчак был сторонником жестких мер в подавлении руководимых коммунистами восстаний. В то же время он лично и его Совет министров требовали соблюдения на местах законности.

В разгоравшейся Гражданской войне обе стороны действовали жестоко. Партизаны истребляли милиционеров, офицеров и солдат, часто убивали представителей земских управ. Белые карательные отряды поступали так же. Сводки, донесения с мест пестрят сообщениями об ограблениях, убийствах мирных жителей. Так, в Татарском уезде партизаны за 1—8 сентября 1919 г. убили 41 мирного жителя и служащего госучреждений.

Отряд П.К. Лубкова в Томской губернии грабил почтовые отделения и сжигал волостные помещения. Взрывались десятки мостов и железнодорожные пути. Терпели крушения не только воинские эшелоны, но и пассажирские поезда. В сводке Особого отдела департамента милиции за время с 1 января по 15 июля 1919 г. зафиксированы убийства: должностных лиц — 71, чинов милиции — 101, военных — 244, частных лиц — 2535, истязаний и пыток — 46. А также: ограблений казенных учреждений — 67, частных учреждений — 119, частных лиц — 341, поджогов — 38, крушений поездов — 24 и т. д. В целых

районах действия властей да и жизнедеятельность населения оказывались парализованными.

В Сибири и на Урале, в других районах еще до прихода к власти Колчака формировались и начали свою деятельность различные органы, призванные бороться с большевистским подпольем. Чаще всего они создавались при военных округах, войсковых соединениях, частях и именовались «военным контролем», «контрразведкой», даже «разведкой». Назначались «уполномоченные по охране государственного порядка и спокойствия» в тех или иных районах (губерниях, группах уездов, отдельных уездах и т. д.). Нередко в одних и тех же населенных пунктах таких органов было по два и более. При Колчаке идет процесс некоторого упорядочения этих охранных и секретных служб. Органы военного контроля в тылу постепенно переводились из военного ведомства в систему министерства внутренних дел. 7 марта 1919 г. Верховный правитель утвердил постановление Совета министров об учреждении при Департаменте милиции МВД «Особого отдела государственной охраны» и соответствующих управлений на местах (губернских, уездных и т. д.), работающих в контакте с местными органами власти, параллельно с милицией, а порой и совместно с ней. В губерниях (областях), уездах создавались отряды особого назначения. Правда, эта работа затянулась и на местах практически так нигде и не была завершена. Эта система госохраны была открытой. Что же касается контрразведывательной службы, то она во многом была законспирированной. Управление ею было сосредоточено в Ставке, при Главном штабе. Существовали специально разработанные положения и инструкции. В них учитывался опыт дореволюционной России. В первые месяцы в этих органах работали преимущественно армейские офицеры. В дальнейшем, особенно при Колчаке, в эти органы стали привлекаться опытные контрразведчики, жандармские, полицейские генералы и офицеры. Как отмечали участники антиколчаковского подполья, им действовать, конспирироваться становилось все труднее.

И все-таки размах антиправительственного движения становился настолько мощным, что ни контрразведка, ни госохрана с ее отрядами особого назначения, ни милиция с ним справиться были уже не в состоянии. В массовом порядке стали применяться регулярные войска, особенно казачьи, а также японские, чехословацкие, польские и другие части. Нельзя не отметить, что черную роль сыграли многие казачьи карательные отряды. Как-то можно понять, что у многих казаков, их офицеров были основания вдвойне ненавидеть большевистскую власть с ее политикой «рассказывания», но оправдать их дей-

ствия все равно невозможно. Существует множество документов, включая и колчаковские, свидетельствующих о жестокости казачьих отрядов по отношению к мирным жителям. Приведем один из примеров. Земцы Амурской области писали 12 мая 1919 г. в министерство внутренних дел о беззакониях ставленника атамана Семенова полковника Шемелина: «Его отряды рассыпались по области, наводя всюду панику и ужас. Беззаконие, произвол, мародерство, расстрелы без суда, массовые порки и, как во времена советской власти, притеснение и борьба с земским делом...»

При Колчаке произошли городские восстания рабочих, кое-где совместно с солдатами, политзаключенными, — в Омске (дважды)⁷⁸, Челябинске, Кустанае, Тюмени, Кольчугине, Семипалатинске, Барнауле, Томске, Канске, Енисейске, Красноярске, Черемхове, Иркутске, Якутске и других городах и селах. Наиболее крупные очаги партизанского движения возникли в Тургайской области, Алтайской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Амурской, Приморской областях. В партизанских отрядах насчитывалось свыше 100 тысяч человек, а с учетом участников восстаний — чуть ли не в два раза больше⁷⁹. В числе партизанских командиров были М.И. Ворожцов⁸⁰, Е.М. Мамонтов⁸¹, И.В. Громов⁸², А.Д. Кравченко⁸³, П.Е. Щетинкин⁸⁴, В.Г. Яковенко⁸⁵, Д.Е. Зверев⁸⁶, П.Н. Журавлев⁸⁷, С.Г. Лазо⁸⁸ и другие.

Уже на первых порах (зимой и весной 1919 г.) выступления в основном готовились и организовывались подпольщиками-коммунистами, им сочувствующими, но немало было и стихийных. В дальнейшем во главе восстаний партизан в подавляющем большинстве случаев стояли коммунисты. Проявление такой активности было совершенно не случайно. Процесс формирования и деятельность большевистского подполья на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке направлялись из центра. Во второй половине декабря 1918 г. был создан для выполнения этой задачи специальный орган — Сибирское бюро ЦК РКП(б), именовавшийся также Урало-Сибирским. Он находился в прифронтовой полосе. Его членами, непосредственно руководившими работой, были видные большевики И.Н. Смирнов и Ш.И. Голощекин⁸⁹ (затем и другие). За линию фронта посылались сотни связных, разведчиков, партизан. По моим подсчетам, всего было послано более 560 человек (сумело перейти фронт около 230 человек)*. В самом тылу войск Колча-

* См.: Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск, Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918—1920 гг. Свердловск, 1989.

ка имелся руководящий центр подпольных организаций — Сибирский областной комитет РКП(б), размещавшийся в Омске, а с лета 1919 г. — в Иркутске. Его последовательно возглавляли К.М. Молотов⁹⁰, А.Я. Нейбут⁹¹, А.А. Масленников⁹², Х.Я. Суудер⁹³, А.А. Ширямов. Многие из коммунистов были фанатически верны коммунистическим установкам. Были, как и всюду в стране, отщепенцы, рассчитывавшие сделать карьеру, отхватить от большого «капиталистического пирога». В целом же большевистское подполье представляло мощную силу, смогло и здесь «оседлать» стихию, а разжигая ее, вовлечь в борьбу с правительством Колчака тысячи людей, надеявшихся на некое чудо — светлое коммунистическое будущее.

РУКОВОДСТВО РЕГИОНОМ. ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ

А.В. Колчак, являясь Верховным главнокомандующим вооруженными силами, из круга всех вопросов выделял военный. С приходом к власти он дал сильный импульс всему ходу военного производства и строительства, развертывания и укрепления армии, перегруппировки сил на фронте и подготовки наступления. Военными вопросами он не переставал заниматься даже во время длительной и тяжелой болезни воспалением легких. А получил он эту болезнь опять же из-за стремления разделять тяготы солдат. Ходил в шинели, без утепленного подклада. 9 декабря 1918 г. во время георгиевского парада, длившегося долго, он простудился, несколько дней держался, работал как обычно, но затем свалился, а начал выздоравливать только с конца января 1919 г., впервые вышел на улицу только 29-го числа этого месяца. Поднявшись с постели, ознакомившись глубже с делами, приняв необходимые решения по тылу, 8 февраля 1919 г. Колчак отправился на фронт. Эта поездка состоялась вскоре после крупной победы его войск под Пермью в конце декабря 1918 г. Были освобождены не только Пермь, но и ряд других городов и обширные районы. Эта победа не была омрачена даже последующими неудачами на западном и южном участках фронта, оставлением Уфы, Бирска, Оренбурга, ибо в районе Перми нанесено было тяжелое поражение красным войскам, взяты в плен многие тысячи красноармейцев, захвачены огромные военные трофеи. Поездка на фронт, на Урал, была длительной. Колчак посетил Челябинск, Златоуст, Троицк, Екатеринбург, Пермь, другие населенные пункты, фронтовую полосу восточнее Уфы и западнее

Перми, находился и действовал там в боевой обстановке (за это был награжден орденом Святого Георгия III степени*.

Во время своей поездки Верховный правитель часто выступал перед представителями гражданской и военной власти и общественности. В Челябинске и Екатеринбурге он впервые четко выразил свои планы по аграрному вопросу: исключить возврат к старому и создать «многочисленное крепкое крестьянское мелкое землевладение за счет землевладения крупного». Вернулся Колчак в Омск 26 февраля. К этому времени относится его решение перенести Ставку в Екатеринбург, ближе к фронту. И хотя многие из его окружения отговаривали от этого шага, опасаясь, что Омск утратит свою роль центра политической власти, Колчак настоял на своем. Он приказал генералу Гайде перенести штаб своей армии из Екатеринбурга в Пермь, что тот и сделал. Но идея Колчака так и не была реализована из-за того, что весеннее наступление армий захлебнулось, а затем началось отступление. Ставка осталась в Омске.

В Екатеринбурге Колчак организовал на высоком профессиональном уровне расследование обстоятельств убийства царской семьи**.

На фронт, на Урал, А.В. Колчак выезжал еще и в мае, начале июня, затем в конце июня — начале июля, то есть всего четыре раза. Неоднократно бывал он в войсках под Омском. Таким образом, Колчак проводил там в общей сложности многие недели и принимал личное участие в руководстве боевыми действиями.

Такое обилие поездок приветствовалось далеко не всеми государственными деятелями, даже военными, так как они считали, что от этого страдают общие государственные дела. Недоброжелатели злословили: «После каждой поездки Верховного начинается отступление войск». Да, бывало так, но бывало и иначе: его присутствие в войсках

---

* Правительство А.И. Деникина и другие ввели и особые наградные знаки. Это же предпринято было и правительством Сибири. Был задуман знак «За Великий Сибирский поход» (две степени), учрежденный позднее С.Н. Войцеховским. В июне 1919 г. был введен орден «Освобождения Сибири» четырех степеней, учрежденный еще Директорией, а также «Возрождение России» (четыре степени). По некоторым данным, отдельные награждения этими орденами состоялись. В отличие от Деникина (и Директории) Колчак придерживался практики награждения старыми знаками отличия.

** Состоянием следствия, которое вначале велось неудовлетворительно, Колчак интересовался еще при первом приезде в Екатеринбург в ноябре 1918 г., а затем в феврале 1919 г. В эти приезды место казни Николая II, его семьи и обслуживающего персонала — дом Н.Н. Ипатьева, он, видимо, лишь обозревал проездом. Достоверно известно, что во время приезда 8—10 мая он туда заезжал, обстоятельство знакомился с ходом следствия, вещественными доказательствами и пр.

поднимало дух солдат и офицеров, распоряжения, отдаваемые командованию, приносили позитивные результаты. Были у этих поездок и личные причины. Колчак в своем кругу говаривал, что на фронте он отдыхает. Ему, военному, не являвшемуся «записным» политиком, в тылу, среди существовавших в правительственных кругах раздоров, интриг было нелегко. Сказывался в стиле руководства Колчака, видимо, и навык командования военно-морскими силами: быть как можно чаще на боевых операциях, в гуще решающих военных событий.

Хотелось бы подчеркнуть, что профессия военного отразилась в итоге и на методах управления А. В. Колчаком всеми делами. Чтобы пресечь отрицательные явления в работе аппарата управления в целом, не доверяя многим членам Совета министров, Колчак взял курс на постепенное сосредоточение важнейших направлений работы в собственных руках. Для этого он сконцентрировал внимание на Ставке и стал создавать при ней все новые и новые службы. Это не способствовало упорядочению работы правительства, породило дублирование, разноречивость в деятельности его самого и правительства. Наличествовал «флюс» — преимущественное положение военных различных рангов, вмешательство их, как почувствовали властные структуры на всех уровнях в гражданские дела. Против такого положения вещей протестовали многие видные администраторы, но, видимо, недостаточно резко и смело.

Г. К. Гинс по этому поводу говорил: «Адмирал — Верховный Главнокомандующий поглотил адмирала — Верховного правителя, вместе с его Советом министров. Ставка недаром производила впечатление муравейника. В ней были свои министерства... Язва беспорядочности и произвола, так рано появившаяся, росла и давала себя знать, заражая политическую атмосферу».

Но такая ситуация возникла все же не сразу. Вначале Колчак был тесней связан с Советом министров, больше опирался на него, а Ставка была еще не велика, сводилась в основном к Главному штабу. Понятное дело, что при Верховном главнокомандующем, являвшемся не войсковиком, а моряком, особую роль должен был играть начальник этого штаба. Он становился фактическим руководителем разработок оперативных планов и их воплощения в жизнь. Колчак назначил на эту должность упоминавшегося уже молодого полковника Д. А. Лебедева, прибывшего незадолго до того от А. И. Деникина и произведенного им, Колчаком, в генерал-майоры. Выбор был, как считается многими, не вполне удачным, но в общем, учитывая, что в качестве заместителей у Лебедева состояли эрудированные генералы П. Г. Бурлин и А. И. Андогский, работа спорилась. В нача-

ле 1919 г. была произведена радикальная реорганизация войск. Крупнейшими армейскими соединениями — Сибирской (бывшая Екатеринбургская группа), Западной армиями командовали соответственно генерал-майор, после взятия Перми — генерал-лейтенант Р. Гайда и генерал-лейтенант М.В. Ханжин⁹⁴. Ханжину была подчинена в оперативном отношении Южная армейская группа генерал-майора Г.А. Белова⁹⁵, примыкавшая к левому флангу его соединения.

Первая из армий составляла правое, северное, крыло фронта, вторая действовала в центре. Южнее ее (и группы Белова) находилась отдельная Оренбургская армия под командованием генерал-лейтенанта А.И. Дутова, а юго-западнее ее — отдельная Уральская армия генерал-лейтенанта Н.А. Савельева, которого вскоре заменил генерал-лейтенант В.С. Толстов⁹⁶. Весь фронт имел протяженность до 1400 км*. Этим соединениям Колчака противостояли шесть красных армий под нумерацией с 1-й по 5-ю и Туркестанская. Ими соответственно командовали — Г.Д. Гай, В.И. Шорин, С.А. Меженинов, М.В. Фрунзе⁹⁷, Ж.К. Блюмберг (вскоре замененный М.Н. Тухачевским⁹⁸) и Г.В. Зиновьев. Командующим фронтом был С.С. Каменев⁹⁹, кстати, бывший полковник царской армии. На фронт нередко выезжал и Троцкий.

После крупного успеха белых под Пермью и неудач под Уфой и Оренбургом положение на фронте стабилизировалось. Та и другая стороны готовились к решающему наступлению. К весне 1919 г. общая численность войск Колчака была доведена примерно до 400 тысяч. Кроме них в Сибири и на Дальнем Востоке находилось до 35 тысяч чехословаков, 80 тысяч японцев, более 6 тысяч англичан и канадцев, более 8 тысяч американцев и более одной тысячи французов, а также формирования поляков, сербов, итальянцев, румын и других. Но, как уже говорилось, практически все они дислоцировались в тылу, в боях участия почти не принимали. Да и соединения Белой армии в большинстве своем находились в тылу. На фронте была сосредоточена лишь одна треть. Силы белых и красных были примерно равны: первые имели некоторое превосходство в живой силе, а вторые — в огневой мощи. На главном направлении — против 5-й армии красных Западная армия имела большое превосходство.

В начале марта 1919 г. войска Колчака, опередив красных, перешли в наступление и стали быстро продвигаться к Волге, приблизив-

* На Семиреченском участке действовали партизанская дивизия генерал-лейтенанта Б.В. Анненкова и другие формирования. В начале 1919 г. были разграничены функции начальника штаба и военного министра. Действующая армия и стратегические резервы к западу от р. Тобол подчинялись первому, а все внутренние войска восточнее Тобола — второму.

шись к ней у Казани и Самары на расстояние до 80, а у Спасска — до 35 километров. Однако к концу апреля наступательный потенциал был исчерпан. Казалось, фронту белых ничто серьезно не угрожало. Начатое в конце апреля контрнаступление красных против Западной армии натолкнулось на упорное сопротивление.

Но тут, 1 мая, случилось непредвиденное. Только что прибывший на фронт Украинский курень (полк) имени Т.Г. Шевченко южнее станции Сарай-Гир Самаро-Златоустовской железной дороги поднял восстание. В Челябинске, где формировалась эта часть, солдаты полка были распропагандированы коммунистами и анархистами. Тщательно, со строгим соблюдением конспирации, подготовленное восстание оказалось успешным. В него удалось вовлечь солдат еще четырех полков и егерского батальона. Несколько тысяч солдат с оружием, артиллерией и обозами перешли на сторону красных, ударной группы их фронта¹⁰⁰. Тысячи солдат и офицеров бежали в тыл. Все это разлагающе действовало на соседние части и соединения. 11-я и 12-я дивизии белых были разбиты. В боевом порядке белых возникла огромная брешь, в которую ринулась красная конница, а за нею и пехота. Командование белых сообщило о случившемся в Ставку с опозданием и преуменьшением его последствий. Меры по спасению положения, замене разбитого 6-го корпуса запоздали. Командование бросило навстречу красным недоформированный корпус генерала В.О. Каппеля¹⁰¹ из района Челябинска—Кургана. Но закрыть брешь так и не удалось, поэтому пришлось отводить соединения Западной армии по всему фронту, пытаться укрепиться на новом рубеже.

Следует отметить, что о роковом влиянии событий 1 мая в районе Сарай-Гир, как одной из первопричин поражений Западной, а затем и других армий, говорили многие видные генералы белых. В произведениях же командования Восточного фронта красных, командующего Южной группой М.В. Фрунзе об этом умалчивается. Очевидно, приятнее было писать о «чистой» победе: прорыве фронта белых, выходе им во фланги и в тыл благодаря собственному военному искусству.

Затронутый вопрос требует дальнейшего и специального изучения и анализа. Сказывалась и несогласованность действий между Западной и Сибирской армиями. Начатое позднее новое наступление армии Р. Гайды запоздало и вскоре захлебнулось. И она тоже была вынуждена отступать. Причем спешно, ибо оказалась под угрозой изоляции от Западной армии, удалившейся далеко на восток.

В июле начальник штаба генерал Д.А. Лебедев и сменивший М.В. Ханжина на посту командующего Западной армией генерал

К.В. Сахаров запланировали Челябинскую операцию с тем расчетом, чтобы завлечь войска 5-й армии красных далеко на восток, сдать им Челябинск, а затем сильными ударами с севера, юга и востока окружить их и разгромить. План оказался несостоятельным. Части 5-й армии Тухачевского продвинулись вперед, утром 24 июля заняли Челябинск. Сама сдача города белыми не была подготовлена, сопровождалась боями, которые привели их к большим потерям, к дезорганизации собственных рядов¹⁰².

Войска красных уступали по количеству белым и оказались действительно в сложном положении. Но Лебедев и Сахаров не учли, что в Челябинске и его районе, на железной дороге и промышленных предприятиях существовало многочисленное большевистское подполье, рабочие в массе своей были настроены просоветски. Это обстоятельство и предрешило исход сражения. Под ружье встало и влилось в дивизии 5-й армии не менее 6 тысяч рабочих. Челябинск красным удалось удержать. Попытки белых разгромить их и вернуть город оказались тщетными. В итоге части Западной армии потерпели новое тяжелейшее поражение. Они, разбитые и деморализованные, стали откатываться в Зауралье, к Ишиму и Тоболу. Части 5-й и 3-й армий красных преследовали их. Израсходованными оказались последние стратегические резервы белых.

Проигрыш столь неудачно проведенной Челябинской операции явился предвестником общего поражения армии Колчака. Только снятие большого числа полков и дивизий с Восточного фронта и переброска их советским руководством на Южный и Петроградский фронты и невероятные срочные меры А.В. Колчака, вступившего в должность начальника штаба генерал-майора А.И. Андогского, генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, назначенного главнокомандующим фронтом*, Военного министерства позволили остановить красных**.

* Пост главнокомандующего фронтом, названного «Восточным», был, в сущности, впервые учрежден в июле 1919 г. М.К. Дитерихс с августа по совместительству занимал пост и военного министра. Он и ранее принимал участие в руководстве войсками фронта.

** Красные 2-ю армию перебросили на юг, часть сил была задействована на вновь образованном (11 августа) Туркестанском фронте. На Восточном фронте оставались 3-я и 5-я армии под командованием С.А. Меженнинова и М.Н. Тухачевского (командующие фронтом М.В. Фрунзе, затем В.А. Ольдерогге). С ноября на фронте оставалась лишь 5-я армия, усиленная двумя дивизиями 3-й.

У белых из Северной и Южной групп Сибирской армии были сформированы 1-я и 2-я армии (командующие А.Н. Пепеляев и Н.А. Лохвицкий), Западная реорганизована в 3-ю (командующий К.В. Сахаров). Южная армия Г.А. Белова была отсечена и отступала в Туркестан.

На некоторых этапах Тобольского сражения войскам Колчака удавалось достигать и частичного временного успеха. Однако в конце октября сопротивление войск белых было окончательно сломлено*. Это время — конец октября — начало ноября — начало катастрофы и войск, и всего белого дела адмирала Колчака.

ЖЕНА И СЫН

А в это время на другом конце Евразийского континента решалась судьба жены и сына А.В. Колчака.

Жена — Софья Федоровна и сын — Ростислав (Славушка) с лета 1917 г., момента отъезда Александра Васильевича за рубеж, проживали и испытывали мытарства «окаянных дней», по выразительной оценке И.А. Бунина, отдельно от него, вместе с огромной массой русских, российских граждан, оказавшихся в итоге в эмиграции. Жена и сын в 1917 г. коротали дни в Севастополе, в относительно комфортной, отменной квартире. Какое-то время их опекали сослуживцы адмирала, чтившие его талант и заслуги перед флотом и Россией, пока сами в большинстве своем после Октябрьского переворота не оказались гонимыми, репрессуемыми, а частью в «белом» войске. Пришлось жене и сыну скрываться в семьях моряков. Верила слухам о возможности появления с войсками в Севастополе адмирала-мужа. Оставалась в городе, скрывалась под чужим паспортом. Ее не выдавали ни при большевиках, ни при вторгшихся в Крым немцах.

Опасаясь за сына, Софья Федоровна отправила его в Западную Украину — город Каменец-Подольск, на свою родину, к близкой подруге, с которой поддерживала связи. В отличие от Севастополя там вряд ли кто мог заподозрить в появившемся в местной семье мальчике сына адмирала. Потом, при белых, занявших Крым, юг Украины, произошло трудное, опасное для жизни, перемещение Ростислава, воссоединение с ним и эмиграция в марте 1919 г. через Бухарест в Париж.

Описывая родословную отца, своей известной фамилии, военные события 30-х годов XVIII века в районе Хотина и пленение своего предка Колчака-паши, Р.А. Колчак в отступлении поведал и о своей с матерью биографии тех дней:

---

* В Тобольском сражении со стороны красных особо отличилась группа В.К. Блюхера.

«Колчак-паша ехал в карете Бирона через Каменец-Подольск, Киев на Петербург. Маркович, «подскарбий малороссийский», отметил это в своих записках так: «26-го августа 1739 г. Скоро свет дивизия наша рушила в путь. Пленники посередине, паша ехал в генеральской карете: а при генерале и мы».

По странному совпадению, через 180 лет, в 1919 году из Каменец-Подольска, через Хотин, Ставучаны, Черновцы был вывезен из России его прямой потомок, 9-летний мальчик, сын Верховного правителя, пишущий эти строки.

Отец был тогда в Сибири, мать моя смогла выйти из Севастополя на английском военном корабле и поселилась в Бухаресте. Во времена большевиков и немецкой оккупации она скрывалась с фальшивым паспортом у разных знакомых и в семьях нескольких матросов, которые помогли жене своего бывшего командующего флотом. Моя мать отправила меня в 1918 году к своим друзьям детства, польским дамам, в Каменец-Подольск. Из Бухареста и при содействии начальника английской военной миссии была организована маленькая экспедиция в Хотин. Молодой человек, сын адмирала Феодосьева (имеется в виду сын контр-адмирала П.П. Феодосьева. — И. П.) переправился через Днестр до Каменца, который был в то время во власти «зеленых» и вывез меня на извозчике до Днестра — это было верст двадцать...

Я очень ясно помню переправу через Днестр на маленькой лодке...»

Последовал Бухарест, встреча с матерью, затем — поезда и Париж.

Таким образом весной 1919 г. семья А.В. Колчака оказалась в Париже, наиболее привлекательном для российских белоэмигрантов городе, в числе десятков тысяч их. В первые годы жизнь с материальной точки зрения у Софьи Федоровны и 9-летнего Ростислава была прилично обеспеченной. Александр Васильевич узнал о их местонахождении во Франции вскоре, весной 1919 г., и при следующих обстоятельствах. Министр иностранных дел Франции С. Пишон направил в Омск на имя своего посла при правительстве А.В. Колчака сообщение от 25 февраля 1919 г. о появлении в Париже его семьи. Эта телеграмма послом была передана Верховному правителю. Колчак посредством «оказий», в основном через свое министерство иностранных дел, поддерживал письменную связь с семьей и передавал ей деньги, относительно скромные суммы, и только из своего жалованья. Руки в государственный или общественный карман он, вопреки всяким досужим утверждениям в советской печати, никогда не запускал, даже будучи на вершине власти и у российского золота.

На сетования Софьи Федоровны на недостаток средств (нескольких тысяч франков ежемесячно), на своего рода представительские расходы ее, как супруги главы Российского государства, он, переводя очередную денежную сумму, определенно выговаривал ей за такую претенциозность в целом и материальную в частности. «Мне странно читать в Твоих письмах, что Ты спрашиваешь меня о представительстве, — писал он 15 октября 1919 г., — и каком-то своем, как жены Верховного Правителя. Я прошу Тебя уяснить, как я сам понимаю свое положение и свои задачи... Я не являюсь ни с какой стороны ни представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера...

Относительно денег я писал, что не могу высылать более 5000 фр. в месяц...

Из моего письма Ты усмотришь, что никакой роли в смысле представительства и приемов не только не требуется исполнять, но, по моему мнению, она недопустима и может поставить тебя в очень неприятное положение...» В приписке от 20 октября Колчак еще раз указывал на последний момент в поведении жены и, между прочим, о том, что впредь «не позволяет» ей сообщать собираемые «сплетни» о нем.

Чувствуется, что жена получала вести об отношениях мужа с Анной Васильевной, ревновала и упрекала его за это (или что-то сходное).

Мы читаем удивительно интересные, теплые строки отца к сыну — «Славушке», советы и пожелания ему на будущее: «Я хотел, чтоб и Ты пошел бы, когда вырастешь, по тому пути, пути служения Родине, которым шел я всю свою жизнь. Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, — это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей.

Господь благословит Тебя и сохранит, мой бесконечно дорогой и милый Славушек. Целую крепко Тебя. Твой папа».

Звучат эти строки как духовное заветование — напутствие сыну. Колчак в октябре 1919 г. уже не исключал своего трагического конца.

Мало кто из эмигрантов нашел в Париже достойное место приложения своих сил, знаний и возможностей. Большинство из них бедствовали. Многие князья, графы, генералы, полковники, адмиралы, бывшие крупные государственные чиновники брались за низкооплачиваемую работу: шоферов, официантов, мелких клерков и т. д.

Софья Федоровна — выпускница привилегированного Смольного института получила блестящее общее образование, но не имела специ-

ального. Ее начитанность, широкий кругозор, ум, но и некоторую претенциозность отмечали знавшие ее и в России, и во Франции. Она отличалась знанием нескольких иностранных языков (по утверждению ее сына — семи), и именно европейских. Могла бы по этому «жизненно-образовательному капиталу» устроиться переводчиком на государственную или частную службу, референтом, но этого не случилось. Да и вообще немало, много было среди эмигрантов аристократов, интеллигентов со знаниями языков. Возникла также проблема с жизненным устройством и по другим обстоятельствам. И сын малолетний был у нее на руках, лелеяла его, посвящала ему силы, время, жизнь. На первых порах С.Ф. Колчак притулилась к родственникам по материнской линии мужа, эмигрировавшим во Францию чуть раньше, — контр-адмиралу С.А. и генерал-майору А.А. Посоховым (братьям). Но материально помогать эти заслуженные российские военные с семьями Софье Федоровне были практически не в состоянии. Вскоре более тесным установилось у Колчаков общение с контр-адмиралом С.С. Погуляевым. Он окончил Морской кадетский корпус вместе с Колчаком, служившим, как и тот, и на Черном море. Одно время он являлся морским агентом России во Франции, сохранил там связи и вот теперь находился на военно-морской службе в этой стране. Погуляев и в это время, и в дальнейшем оказывал определенную помощь Софье Колчак.

После гибели мужа положение вдовы и сына Колчака стало ухудшаться, прежде всего материальное, отчасти и общественное. Многие эмигранты от восторженного отношения к Колчаку, как вождю Белого движения в дни его успехов в борьбе с красными переходили к уничижительному, виня его за конечные неудачи в борьбе с ними. А Софью захватывала цель: не только выжить, но и дать образование сыну.

Приходилось Софье Федоровне не чураться и физической работы, вплоть до занятий огородничеством. С повзрослением сына нужда в средствах возрастала. Подошла пора для его устройства в Сорбонну. На это требовались деньги, и немалые. Нет, не смогла бы она дать достойного образования Ростиславу, не прояви к ней, к семье внимания бывшие сослуживцы, друзья, включая нероссиян, почитатели мужа. И здесь особо уважительной оценки заслуживает забота о семье Колчака, организация систематической помощи ей со стороны контр-адмирала, многолетнего сподвижника и друга А.В. Колчака — М.И. Смирнова. Хотя он проживал не во Франции, а в Англии, в Лондоне, тем не менее выступил инициатором создания Фонда имени адмирала А.В. Колчака. Средства этого фонда во второй половине 20-х — начале 30-х годов были главным источником в процессе дорогостоящего обучения и жизни Ростислава с матерью. Они склады-

вались из пожертвований и относительно состоятельных эмигрантов, и иностранцев — англичан и французов. Смирновым и его друзьями использовались и обращения с просьбой к общественности передавать денежные средства в фонд в печати. Коллективным распорядителем фонда были: М.И. Смирнов, Е.В. Саблин, К. Уайльд, открывшие совместный счет в «Ллойд-банке». Надо особо отметить и многолетнее участие личными средствами в помощи семье Колчака английской гражданки Уайльда, соучредительницы фонда. Был соответственно открыт счет в Париже на имя Р.А. Колчака. Деятельное участие в поддержке фонда принимали генерал А.У.Ф. Нокс, полковник Д. Уорд, профессор В.И. Пэрс, находившиеся в свое время в Сибири, сотрудничавшие с А.В. Колчаком и являвшиеся членами английского парламента, а также адмирал Холль, русский контр-адмирал Н.А. Волков, а во Франции — адмирал Лаказ (бывший морской министр), упоминавшийся контр-адмирал С.С. Погуляев, помогавший Р.А. Колчаку, семье непосредственно. В одном из отчетов руководителя фонда М.И. Смирнова, составленном в начале 1932 г. и предназначенном для печати, сообщалось о передаче Ростиславу в разное время относительно больших сумм, в тысячи английских фунтов и французских франков. В частности, уже после окончания им вуза на отъезд в Северную Африку, обустройство там его с женой — 2500 франков. Для того времени это были большие суммы.

Некоторую помощь семье Колчака оказывал и Военно-морской исторический кружок имени адмирала А.В. Колчака, находившийся во Франции, имевший большую группу эмигрантов — военных моряков, и в Чехословакии, где, в Праге, издавался «Морской журнал». М.И. Смирнов, поддерживавший контакты и с этой русской морской эмигрантской организацией, публиковался в ее изданиях. Гоноرار одной из своих работ о Колчаке он передал также семье друга. Наблюдались случаи и других частных пожертвований эмигрантов. Чек на 50 долларов (1888 франков) переслал семье из США морской офицер, сын адмирала С.О. Макарова — Вадим, о встрече Колчака с которым в феврале 1919 г. в Перми автором рассказывалось выше. В Норвегии, в архиве Ф. Нансена сохранилось письмо вдовы Колчака, написанное в конце 20-х годов, по всей видимости, до получения значительных сумм от фонда в Лондоне, в котором она просила на нужды обучающегося сына прислать 5 тысяч франков. Удовлетворил ли знаменитый полярный путешественник просьбу вдовы Колчака, с которым он встречался, неизвестно. Скорей всего, какую-то сумму Нансен послал. Как известно, он был одним из организаторов большой помощи в 20-х годах голодающему народу России.

В детстве, до возмужания, Ростислав воспитывался в военном заведении, где основные расходы на обучавшихся несло Французское государство. Это было нечто вроде отечественных кадетских корпусов, суворовских и нахимовских училищ. А потом обучался Р.А. Колчак в Высшей школе дипломатических и коммерческих наук. Окончил ее в августе 1931 г. С этого времени, последующего возвращения на работу в Париж жизнь его с семьей была вполне благополучной. Улучшилось положение и стареющей Софьи Федоровны. Но, судя по источникам, она, болевшая многие годы, продолжала пользоваться помощью и благотворителей, пансионом, истоками связанным с русской эмиграцией.

Собственно семья Р.А. Колчака, большую часть времени жившего отдельно от матери, состояла из жены и сына. Женился он рано, на дочери умершего в большевистском заключении в 1920 г. сподвижника отца — контр-адмирала А.В. Развозова — Екатерине, которую знал с детства. Через два года, после выпуска из Высшей школы, в 33-м, у них родился сын, названным Александром — по имени его дедов-адмиралов — А.В. Колчака и А.В. Развозова, которые были тезками.

Р.А. Колчак с 1939-го по 1940 г. служил во французской армии, сражался в ее рядах против гитлеровских войск и в числе многих других оказался в германском плену. Смог выжить. В 1945 г. был освобожден, вернулся к гражданской деятельности, проживал в Париже. Он сам отмечал, что его судьба оказалась сходной с отцовской и дедовской: военная служба, участие в войне, пленение и освобождение... Ростислав чрезвычайно дорожил памятью об отце, собирал книги, где говорилось о нем, сведения о его деятельности. На его и наше счастье, Софья Федоровна смогла в страшных условиях бегства в 1919 г. за границу сохранить и вывезти некоторые материалы о семье, предках Колчака и письма. Софье Федоровне в 20-х годах стало известно о переданных в январе 1920 г. Колчаком своему адъютанту А.Н. Апушкину некоторых личных материалов, в том числе черновиков писем (своеобразных дневников) А.В. Тимиревой, подлежащих уничтожению. Но Апушкин их сохранил. Жена Колчака безуспешно пыталась вытребовать их, но не смогла этого добиться. Апушкин, остро нуждаясь, как уже отмечалось, продал их в 1927 г. Русскому заграничному историческому архиву (в 1945 г. они оказались в СССР; сохранились бы эти письма у Софьи Федоровны, наполненные чувствами любви ее мужа к сопернице, трудно сказать). После кончины матери Ростислав наилучшим образом распорядился этим наследством и написал ряд работ об отце, в том числе и широ-

ко использовавшуюся в данной книге: «Адмирал Колчак. Его род и семья (из семейной хроники)».

Софья Федоровна в старости болела, сильно страдала от склероза, потерей памяти. Скончалась она в 1956 г. под Парижем, в госпитале Лонг-Жюлю, в возрасте почти 80 лет. Похоронили ее на знаменитом русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, близ Парижа. На могиле установлен православный крест с надписью: «Вдова Верховного правителя России Софья Федоровна Колчак». Поныне, очевидно по незнанию, советскими властями не был переименован и существует «мыс София» на острове Беннетта, чем увековечил Колчак память своей жены (тогда еще его невесты).

Рано скончался и Ростислав — в 1965 г. в Париже. Ему было всего 55 лет. И он, и его жена Екатерина Александровна покоятся на том же русском кладбище, в одной могиле с вдовой великого адмирала.

В Париже живет их сын Александр Ростиславович Колчак. По свидетельствам, весьма закрытый для общения с журналистами, людьми, интересующимися семейными, родовыми делами Колчаков. Возможно, сказывается и фактически коммунистическое отношение официальных российских властей к его деду А.В. Колчаку, как «врагу» российского общества (это адмирал-то Колчак «враг России»?!).

В последнее время, как мы уже писали, общественности стало известно, что есть родственники Колчака и в современной России, а именно потомки его дяди — контр-адмирала А.Ф. Колчака, который после октября 1917 г. остался в России. И его самого, и сына В.А. Колчака (тоже военного моряка), в которых нуждался флот, вызвали в конце Гражданской войны в ЧК и заставили сменить фамилию. Они стали Александровыми.

Сын В.А. Колчака — Михаил Владимирович Александров также служил уже после Великой Отечественной войны офицером во флоте. Он уже в наши дни пытался установить связь с внуком А.В. Колчака — Александром, писал ему, но ответа так и не получил. Пришел к выводу, что тот не желает общаться с Колчаком, который сам и его отец и дед служили большевистскому режиму.

Может быть, и так.

НА КРАЮ ПРОПАСТИ. ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ВЛАСТИ

Поражение армии в Тобольском сражении поставило под вопрос само существование Белого движения на востоке России, непосредственно возглавляемого А.В. Колчаком. Красная армия находи-

лась у ворот обжитой Колчаком резиденции — Омска. И все же адмирала не покидала надежда не только на возможность удержаться в Сибири, но и на конечный успех борьбы с большевизмом. Главные надежды Колчак возлагал на своего заместителя А.И. Деникина, на его наступление. Ведь летом 1919 г. войска Деникина приблизились к Москве и, казалось, вот-вот победоносно вступят в нее. Но их наступательный порыв был уже исчерпан и в конце октября — начале ноября они потерпели крупное поражение. Конечно, Колчак и сам предпринимал все меры по спасению положения своего режима и вооруженных сил, однако в успехе этого дела он уже не был уверен. И как раз в это критическое время на него обрушились обстоятельства и несчастья, молва о которых пошла на весь Омск, на всю Сибирь.

Г.К. Гинс записывал: «В начале октября Верховный правитель собирався в дальнюю поездку, в Тобольск...

Как раз накануне отъезда в доме Верховного был пожар. Нехороший признак. Трудно было представить себе погоду хуже, чем была в этот день. Нескончаемый дождь, отвратительно резкий ветер, невероятная слякоть — и в этом аду огромное зарево, сноп искр, суетливая беготня солдат и пожарных, беспокойная милиция. Это зарево среди пронизывающего холода осенней слякоти казалось зловещим. «Роковой человек», — уже говорили кругом про адмирала. За короткий период это был уже второй несчастный случай в его доме. Первый раз произошел разрыв гранат. Огромный столб дыма с камнями и бревнами взлетел на большую высоту и пал. Все стало тихо. Адмирала ждали в это время с фронта, и его поезд приближался уже к Омску. Взрыв произошел вследствие неосторожного обращения с гранатами.

Из дома Верховного правителя вывозили одного за другим окровавленных, обезображенных солдат караула, а во дворе лежало несколько трупов, извлеченных из-под развалин. Во внутреннем дворе продолжал стоять на часах оглушенный часовой. Он стоял, пока его не догадались сменить.

А вокруг дома толпились встревоженные, растерявшиеся обыватели. Как и часовой, они ничего не понимали. Что произошло? Почему? День был ясный, тихий. Откуда же эта кровь, эти изуродованные тела?

Когда адмиралу сообщили о несчастье, он выслушал с видом фаталиста, который уже привык ничему не удивляться, но насунился, немного побледнел. Потом вдруг смущенно спросил: «А лошади мои погибли?» Теперь, во время пожара, адмирал стоял на крыльце, не-

подвижный и мрачный, и наблюдал за тушением пожара. Только что была отстроена и освящена новая караульня, взамен взорванной постройки, а теперь горел гараж. Что за злой рок!

Крутом уже говорили, что адмирал несет с собой несчастье. Взрыв в ясный день, пожар в ненастье... Похоже было на то, что перст свыше указывал неотвратимую судьбу».

Эти несчастья казались роковыми, знаменами. И если раньше с Колчаком связывали надежду на успех, говорили о его особой, счастливой звезде, то теперь роптали, поносили как приносящего несчастье.

Роковой человек! Не приходила ли и ему в голову такая мысль? Тяжелые раздумья одолевали Верховного правителя. В эти октябрьские дни 1919 г. он написал последние письма жене и сыну. Маленькое письмо сыну Славе было похоже на завещание — признак того, что Колчак допускал возможность собственной гибели. Перечитайте эти трогательные строки родителя в предыдущем разделе.

Главный жизненный идеал Колчака — служение Родине. Служить Родине во благо ей. И он работал на эту идею, как только мог. Быть может, лелея идею великой России, он накладывал на полотно несколько больше мазков от той, которая была, которую наблюдал, и несколько меньше от той, которая при благоприятном развитии событий могла стать? Принял герб: двуглавый орел без корон; вместо скипетра и державы вложил в его лапы мечи (война). Флаг он утвердил бело-сине-красный, российский¹⁰³. Флаг в таком цветовом сочетании бытовал в России царской, он являлся государственным после Февральской революции.

А.В. Колчак, раздумывая над причинами военных неудач, винил и генералитет (в частности, был полон негодования относительно генерала М.К. Дитерихса и не во всем был прав), и тылы, военное и другие министерства, указывал на некомпетентность, небрежность, даже нечестность чинов и аппарата вообще, и здесь был куда более прав.

И в гражданском, и в военном ведомствах, сильно раздувшихся, подвизалось немало временщиков, людей не чистых на руки, спешивших нагреть их на поставках. Крайне вредно на состоянии армии и фронта сказывалась ведомственность, попытка использовать предметы производства местной промышленности, захваченные у красных товары, продовольствие и снаряжение только для своих частей и соединений. Пышным цветом расцвели воровство и коррупция. Это, в частности, в огромных масштабах наблюдалось на железнодорожном транспорте. Сам министр путей сообщения Л.А. Устругов, как свидетельствовал П.В. Вологодский, рассказывал, «не стесняясь», что ему

чуть ли не самому пришлось дать взятку, чтобы скорее пропустили его вагон.

Все больше находилось охотников обвинять в неудачах самого Колчака — не случайно в дневниковых записях людей из его окружения тон, отзывы о нем заметно менялись. Да он и сам в дни успехов и неудач вел себя отнюдь не однозначно. Контрастней проявлялся сложный его характер именно в этот период неудач. Надвинувшуюся, как удавка, беду он переживал исключительно тяжело.

Все близко знавшие А.В. Колчака в бытность его Верховным правителем отмечали — кто с пониманием и сочувствием, кто с неприязнью — его раздражительность, частые вспышки гнева, выразившиеся нередко и в крике, и в расшвыривании предметов. Но практически все указывали в то же время и на его быструю отходчивость. Судя по записям М. Жанена, такие вспышки некоторым казались чуть ли даже не наигранными — именно из-за этих внезапных переходов. Но само Колчак тяготился этими вспышками, которые вели к физическим, эмоциональным издержкам. Конечно же теперь он находился в состоянии нервного истощения. Но до лечения ли было?

Источником приступов гнева служили чаще всего его конфликты с подчиненными, не справлявшимися в действительности или с его точки зрения с порученным делом. Раздражительность, вероятно, была связана с неудовлетворенностью и собственными шагами, невозможностью в той или иной ситуации принять правильное решение или сделать выбор в пользу какого-либо одного из советников. Барон А.П. Будберг все это наблюдал и в дневнике подмечал: «Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет».

Да, Колчак бывал вспыльчивым и жестким. Но по натуре своей он был человеком мягким, проявлял к людям внимание, чуткость. И в любом случае — не важничал, был при всей сложности характера простым. Мемуаристы приводят немало случаев, когда Колчак выражал искреннее возмущение тогда, когда ему славословили, давали особо возвышающие оценки. Говоря о контрастностях характера Колчака, следует отметить, что лично он не был, как считалось до выдвижения его в Верховные, волевым, непреклонным, твердым, «железным» (эта оценка его — несомненно ошибочна). В этом смысле для диктатора военной поры, на мой взгляд, он не совсем подходил.

Бытует мнение, и небезосновательное, что политика — грязная сфера деятельности. Это вообще. А тут — военный диктатор! Колчаку трудно было справиться с этой ролью даже в силу своей глубокой

человеческой порядочности. Может быть, это и не так, но моя авторская интуиция, как историка, подсказывает такое заключение.

И вот еще противоречивые оценки: Колчак — очень деятельный, рвущийся в жизнь, к массе, зовущий ее и идущий сам на подвиг, но и — Колчак замкнутый, книжный, кабинетный человек. То и другое ему было присуще; видимо, в большей мере второе, особенно на завершающем этапе пути. Г.К. Гинс, пожалуй, дольше, чем кто-либо, сотрудничавший, бывавший рядом с ним постоянно — в Омске и в поездках, писал: «Адмирал был человеком кабинетным, замкнутым. Проводить время за книгою было его любимым занятием. Очень часто он становился угрюмым, неразговорчивым, а когда говорил, то терял равновесие духа, обнаруживал крайнюю запальчивость и отсутствие душевного равновесия. Но легко привязывался к людям, которые были постоянно возле него, и говорил с ними охотно и откровенно. Умный, образованный человек, он блистал в задушевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, нисколько не стремясь к тому, очаровать своего собеседника». Емкая и разносторонняя характеристика! Те, кто плохо знал или представлял ту служебно-жизненную среду, в которой приходилось находиться и действовать Колчаку, с ее интригами, сменой обстоятельств, не понимали и не принимали его нескрываемой раздражительности. Были доброжелатели, были и недоброжелатели. Последних к осени 1919 г. стало много, даже слишком много.

Как бы недоброжелатели ни бранили Колчака за его действительные и мнимые промахи, но в любом случае они вынуждены были признать такие его человеческие качества, как честность, бескорыстие, искренность. Будучи Верховным правителем России, он не считал возможным установить себе какой-то особый оклад, резко отличающийся от министерского. Жил Колчак по-прежнему скромно. В этом плане любопытны его письма жившей в Париже жене. Она, как мы знаем, требовала больших средств, чем он переводил ей. При этом свое требование она мотивировала тем, что у нее теперь какое-то особое положение, нужны средства на представительство. Колчак писал жене, что за рамки оклада он выйти не может. Он внушал Софье Федоровне, что является по существу Верховным главнокомандующим войсками и это положение занимает временно. Может быть, излишества допускались при поездках на фронт, в другие города, сопровождаемые почетными караулами и прочими внешними проявлениями внимания? Может быть. Но особой помпезности и тут не было. А знаки внимания к носителю Верховной власти, Верховному главнокомандующему были необходимы из престижных соображений, для укрепления самих войск, их дисциплины.

Вице-адмирал Александр Васильевич Колчак

Генерал-майор В.И. Колчак,
отец А.В. Колчака

О.И. Колчак, урожденная Посохова,
мать А.В. Колчака

Санкт-Петербург. Морской кадетский корпус

Ученый и флотоводец
адмирал С.О. Макаров

Руководитель полярной
экспедиции барон Э.В. Толль

А.В. Колчак в каюте шхуны
«Заря»

А.В. Колчак в полярной
экспедиции

А.В. Колчак, Н.Н. Коломейцев и Ф.Л. Матисен,
готовящие шхуну «Заря» к полярному плаванию. Норвегия

Участники экспедиции барона Э.В. Толля на шхуне «Заря».
В центре — Э.В. Толль (в шляпе), позади него — А.В. Колчак.
слева — капитан шхуны Н.Н. Коломейцев

Остров А.В. Колчака в Таймырском заливе
(в советское время — остров С.И. Расторгуева)

Шхуна «Заря» на зимовке в бухте Тикси

Символическая могила Э.В. Толля и его сподвижников Ф. Зеберга, В. Горохова и Н. Протодьяконова на Земле Беннетта

Николай Оттович фон Эссен, 1904 г.

Развалины старой части Порт-Артура и потопленные корабли

**ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
MEMOIRES
DE L'ACADEMIE IMPERIALE DES SCIENCES DE ST.-PETERSBOURG.
VIIIe SERIE.**

ВО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢНІИ.

CLASSE PHYSICO-MATHÉMATIQUE.

Томъ XXVI. № 1.

Volume XXVI. № 1.

Научные результаты Русской Полярной Экспедиции 1900—1903 гг., подъ начальствомъ Барена Ф. В. Толля.
Отдѣлъ В: Географія физическая и математическая. Вып. 1.

Résultats scientifiques de l'Expédition Polaire Russe en 1900—1903, sous la direction de Baran F. Toll.
Section B: Géographie physique et mathématique. Livr. 1.

ЛЕДЪ КАРСКАГО И СИБИРСКАГО МОРЕЙ.

А. Колчакъ.

Съ 11 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ.

Дружеское издательство Физико-Математическаго Отдѣленія 22 января 1906 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1906. ST.-PETERSBOURG.

Титульный листъ монографіи А. В. Колчака

СХЕМА № 1 ПОЛЯРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А.В.КОЛЧАКА.

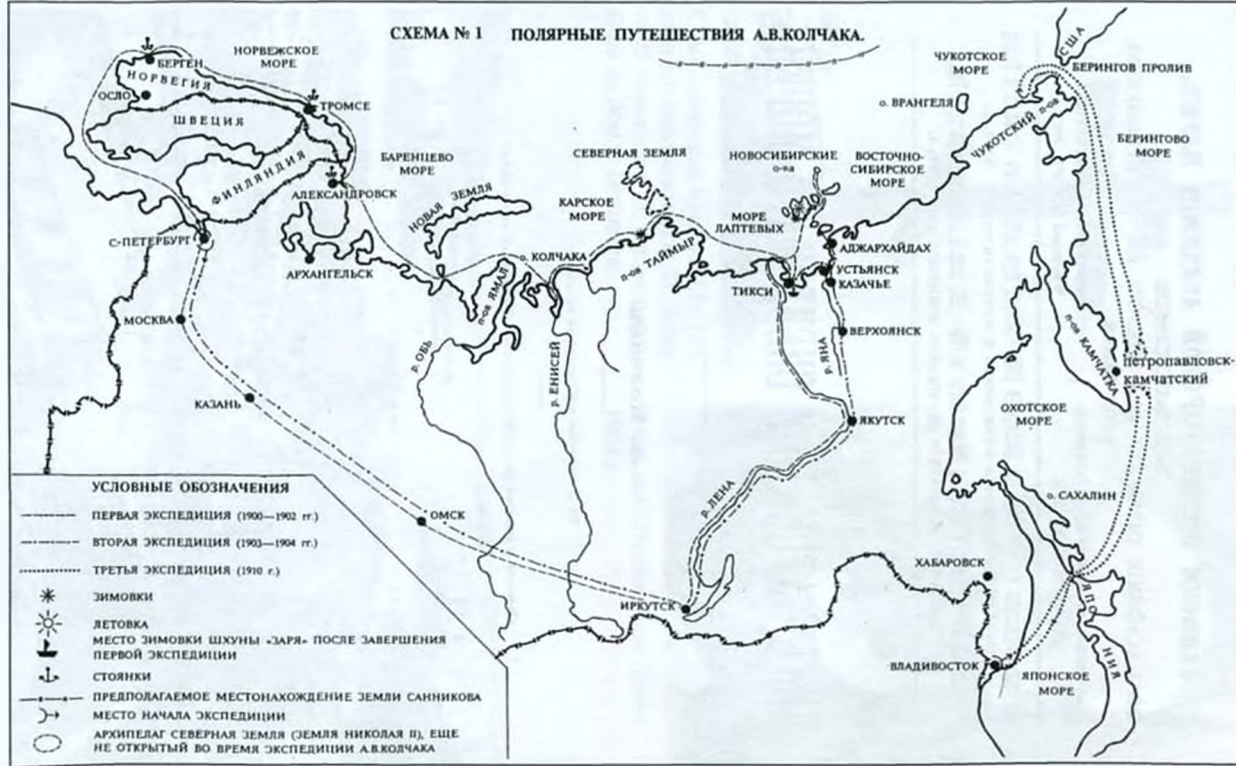
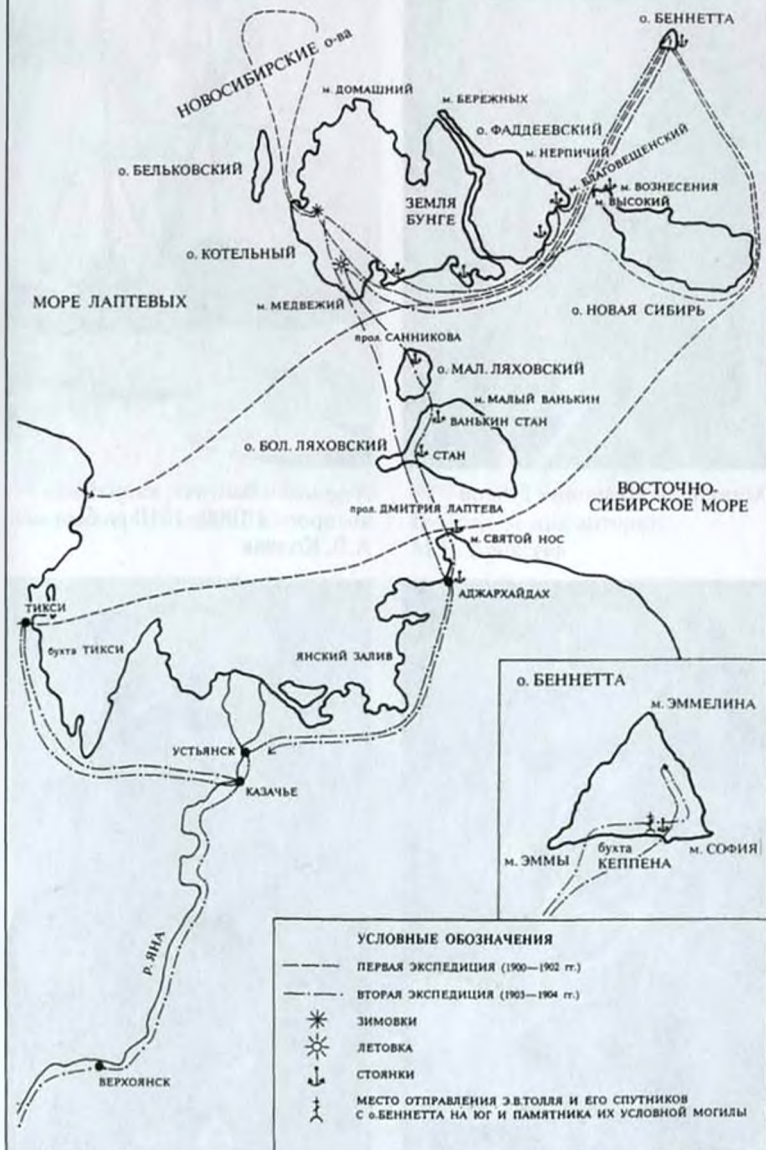

СХЕМА № 2 ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПОЛЯРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ А.В.КОЛЧАКА.

Александр Иванович Гучков

Ледокол «Вайгач», капитаном которого в 1909–1910 гг. был А.В. Колчак

Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Б.А. Вилькицкий

Адмирал Н.О. фон Эссен

Император Николай II

Генерал от инфантерии
М.В. Алексеев

Император Николай II и генерал М.В. Алексеев в Ставке, 1915 г.

СХЕМА №3

ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ МИНИРОВАНИЯ НА БАЛТИКЕ ПРИ
УЧАСТИИ И РУКОВОДСТВЕ А.В.КОЛЧАКА.

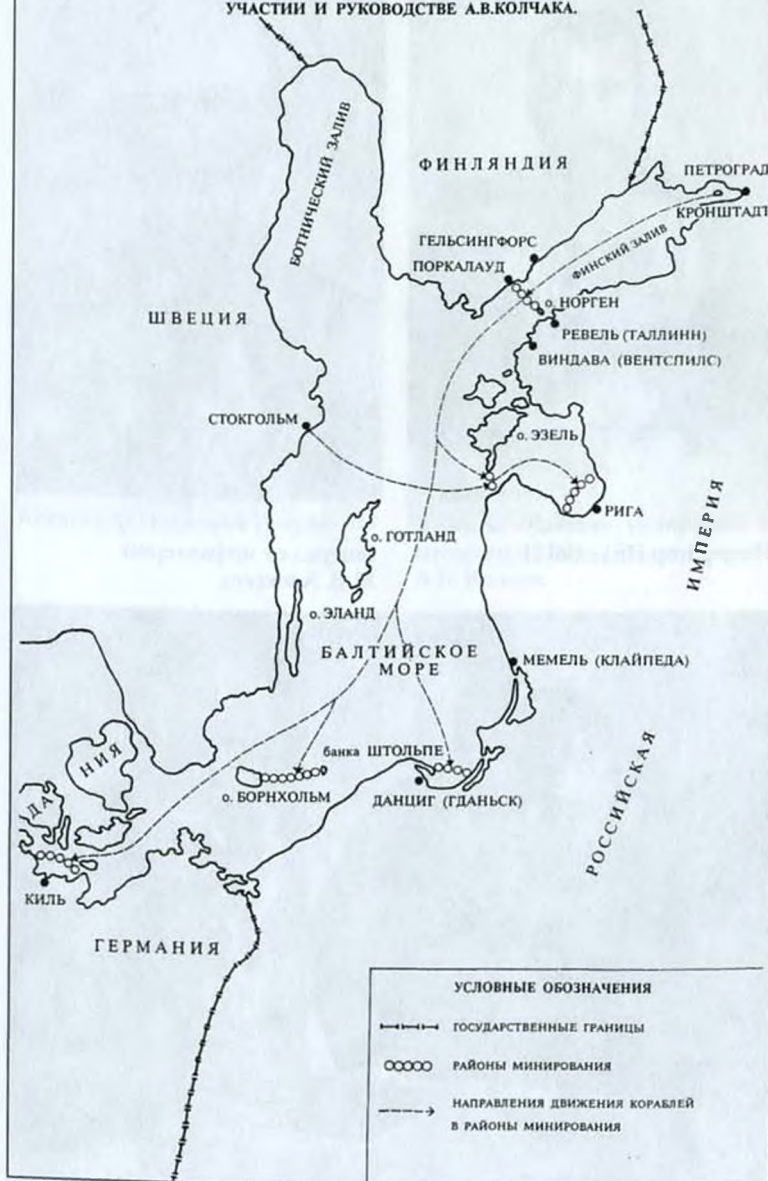
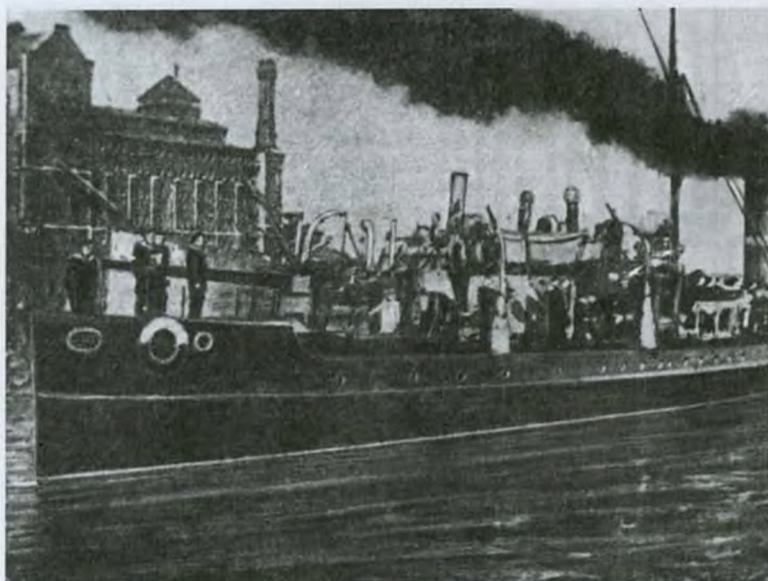

СХЕМА № 4

ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ МИНИРОВАНИЯ НА ЧЕРНОМ МОРЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ А.В.КОЛЧАКА.

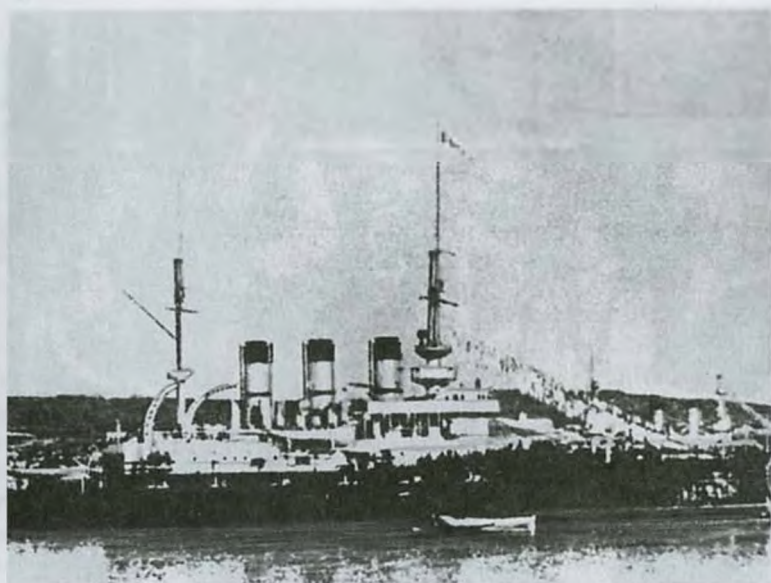

Эскадренный миноносец «Пограничник»,
которым А.В. Колчак командовал в 1913–1914 гг.

Графская пристань в Севастополе

Эскадренный броненосец «Святой Пантелеймон» (бывший «Князь Потемкин Таврический», с мая 1917 г. — «Борец за свободу»)

Броненосный крейсер «Георгий Победоносец» — флагман Черноморского флота

А.В. Колчак в 1916 г. в госпитале слушает в исполнении знаменитой певицы Е.А. Сорокиной романс «Гори, гори, моя звезда»

А.В. Тимирева

А.В. Тимирева в русском национальном костюме (снимок всегда был с А.В. Колчаком)

Было ли проявление каких-либо человеческих слабостей у Колчака? Конечно. Он мог выпить, но что касается утверждений о применении им наркотиков, то никаких свидетельств такого его пристрастия не встречается ни у кого из хорошо знавших Колчака.

Была ли в Омске внеслужебная жизнь у Колчака, работавшего, по сведениям, иногда по 20 часов в сутки? Свидетельства об этом крайне скудны. Были встречи с А.В. Тимиревой*. Встречи-беседы с русскими или иностранными представителями трудно подразделить на официальные и неофициальные. В свободные часы он читал то художественную, то необходимую для работы литературу. Между прочим, Колчака видели читающим «Протоколы сионских мудрецов»¹⁰⁴. Видимо, это не случайно. Его волновал вопрос о том, случайно ли в социалистических партиях, в том числе у большевиков, так много евреев, и особенно в составе лидеров. Называть же его антисемитом, думаю, нет оснований. Нам известны документы, письма к Колчаку с требованиями предпринять какие-то акции против евреев. Он на них не реагировал. А когда стал известен факт о попытке одного офицера выселить евреев из Кустаная, он решительно пресек этот акт. Офицер был наказан.

Какую-то часть свободного времени А.В. Колчак проводил, видимо, и вне кабинета, и вне дома. В письме к жене он отмечал, что «зачастую не имеет в течение дня $1\frac{1}{2}$ часа свободных от работы» и что «все развлечения сводятся к довольно редким поездкам верхом за город да к стрельбе из ружей». Он с видимым удовольствием сообщал, что имеет верховых лошадей, что А. Нокс подарил ему канадскую лошадь. Надо полагать, лошадь оказалась отличной и прогулки на ней доставляли ему удовольствие. Известны случаи посещения Колчаком театральных представлений. Музыка он любил и понимал. Его любимым романсом был «Гори, гори, моя звезда...». И все же личная жизнь, свободное времяпровождение были в эту пору у Александра Васильевича очень сжаты служебными делами до крайнего предела...

Враг был у ворот Омска. Угроза Белому делу в Сибири была смертельной. Все внимание А.В. Колчака поглотили выработка плана дальнейших действий и воплощение его в жизнь. Вначале мыслилось закрепиться под Омском, дать красным сражение. Многие, включая М.К. Дитерихса, считали, что нужно сохранить армию,

* В последнее время они бывали и на людях, даже в ресторане в компании с друзьями, в частности вдовой генерала А.Н. Гришина-Алмазова — Марией Александровной Гришиной-Алмазовой, сблизившейся с Тимиревой.

начать эвакуацию и отвод войск с боями в глубь Сибири. Вновь назначенный главнокомандующий фронтом генерал К.В. Сахаров ратовал за активные действия. Это, собственно, и предопределило его назначение. Выбор Колчака был крайне неудачным. Самоуверенный генерал не имел данных и для командования армейским соединением. Сахаров не сумел организовать ни оборонительного рубежа, защиты столицы Верховного правителя и его правительства, ни своевременного продуманного отступления. В результате неоправдавшейся надежды отстоять Омск, вновь остановить красных колчаковцы с эвакуацией крайне запоздали. Только 10 ноября эвакуируется правительство. Новой резиденцией Верховного правителя и его правительства был намечен Иркутск. Сам же А.В. Колчак с отъездом медлил. Более того, он принял решение отходить вместе с войсками и дожидался их подхода, полагая, что присутствие военного вождя при действующей армии пойдет ей на пользу, а значит, и всему делу.

Одной из определяющих причин такого решения было стремление Колчака предотвратить захват кем-либо (чехословаками, союзниками или партизанами) золотого запаса. Предложение генерала М. Жанена передать золотой запас под охрану войск западных союзников Колчак решительно отверг, заявив, что пусть лучше он достанется большевикам, но останется в России, чем будет увезен за границу. И на самом деле, Жанен был всего лишь генерал в своей стране и обеспечить полную гарантию сохранности ценностей он и при желании был не в состоянии. Все ценности были погружены тайно, ночами, в специальный эшелон с госпитальными знаками Красного Креста, и его охрана ждала часа отправления. Среди специальных грузов был и вагон с собранными вещами царской семьи и вещественными уликами об их преднамеренном убийстве. По поручению Колчака генерал Дитерихс доставил эти вещи во Владивосток, а там их погрузили на английский крейсер «Кент».

В эти дни А.В. Колчак лихорадочно размышляет над государственно-политическими мерами, которые бы позволили смягчить недовольство его политикой слева, сбить накал революционного движения, найти поддержку у эсеров и меньшевиков. Именно в это время и в составе правительства, и особенно вне его выдвигались требования созвать, не дожидаясь Учредительного собрания, представительное учреждение, демократизирующее существующий режим, вызывающее доверие как можно больших слоев населения, в том числе его низов. Резко славировал влево лидер кадетов В.Н. Пепеляев, задававший тон в правительстве. Колчак пошел навстречу этому течению и уже в пути

следования поезда 16 ноября издал указ о выборах до 1 января 1920 г. «Государственного земского совещания». Вначале предполагалось наделить этот орган парламентского типа ограниченными функциями, несколько позднее было решено придать ему законодательные права. Можно, конечно, говорить, что указ запоздал, что, будь он издан и реализован ранее, положительный результат и в чрезвычайной военной обстановке мог бы быть. Однако вряд ли это переломило бы ход событий.

Колчак предпринял шаги и по реорганизации правительственного и собственного аппарата власти. 22 ноября председателем Совета министров он назначил В.Н. Пепеляева. Состав Совета министров претерпел изменения. В частности, военным министром стал генерал от артиллерии М.В. Ханжин. Накануне, 21 ноября, Колчак организовал Верховное совещание при Верховном правителе. Главной задачей нового органа была координация действий фронта и тыла. Но эта крупная реорганизация управления оказалась тоже и запоздалой, и неэффективной (поскольку в состав Верховного совещания включались некоторые министры, требовалось присутствие их или их заместителей, и правительство как бы раздваивалось, что не сулило его консолидации и улучшения работы вообще). Надежды на чисто военный успех тоже оказались призрачными.

А.В. Колчак выехал из Омска 12 ноября, за два дня до его падения. Его поезда были обозначены буквами «А», «В», «С», «Д», «Е». Помимо них шел еще блиндированный поезд. Сам Верховный правитель ехал в поезде «В»; в «А», «С», «Д», «Е» находились его генштаб, канцелярия и охрана. Обстановка в пути следования была крайне напряженной. Предугадать, что она окажется именно такой, было невозможно.

До последнего момента не начинали эвакуацию и чехословаки, занимавшие под личный состав и огромное количество разного имущества массу эшелонов на пространстве в тысячи километров от Омска до Иркутска.

Примерно в 20 тысячах вагонов (по одному на двух чехословаков) с соответствующим количеством паровозов находилось и военное имущество корпуса, и великое множество ценностей, награбленных или приобретенных путем спекуляций и прочих нечистых методов. Это было золото, серебро (многие тонны), деньги, машины, оборудование предприятий, ценное сырье, включая цветные металлы, сахар и прочее. Везли все: граммофоны, швейные машины, предметы женских украшений, породистых лошадей, экипажи, даже собрание книг Пермского университета.

Увезено было богатств на сотни миллионов золотых рублей*.

Тлевший длительное время конфликт между правительством Колчака, командованием его армии и чехословацким политическим и военным руководством, за спиной которого стояли М. Жанен, союзники, вылился в серьезнейшее враждебное столкновение. Оно послужило одной из главных причин последовавшей трагической развязки. Жанен, оправдываясь, потом заявит, что не мог же он пожертвовать чехословацким войском ради одного Колчака. Жертвой во многом оказались и войска Колчака, и огромная масса беженцев, спасавшихся от красных...

Да, чехословаки оказались в двусмысленном и трудном положении. Фронт они покинули давно, еще до Нового года. Но волею союзных правительств их удерживали в России. На фронт вернуть их так и не смогли, а использовали лишь при охране железной дороги, где они, кстати сказать, и «оперились» так основательно — завладели подвижным составом. В условиях поражений армии Колчака и быстрого продвижения Красной армии перед ними было два выбора: либо выступить на стороне белых, либо пойти на компромисс с красными и повстанцами с целью самосохранения и последующей эвакуации на родину. Руководством корпуса было принято решение в пользу компромисса с красными.

На железнодорожной магистрали чехословаки, по-прежнему сохранявшие отмобилизованное, боевое состояние, представляли большую силу. Национальный совет при корпусе предпринимает демонстративные шаги к отмежеванию от правительства А.В. Колчака и его самого. 13 ноября советом был принят и опубликован меморандум, в котором говорилось о «невыносимом состоянии» корпуса, необходимости «свободного возвращения на родину», делались выпады в адрес русских военных органов, обвинения в «произволе», «беззаконии» и пр.

Разгневанный А.В. Колчак потребовал прекращения сношений с подписавшими меморандум Б. Павлу и В. Гирсой. Однако чехословацкие лидеры своей позиции не изменили. Когда поезда Верховного правителя продвинулись в район Новониколаевска, уперлись в эшелоны чехословаков и Колчак потребовал его пропустить, то получил отказ. И ничего не смог поделать, простоял в Новониколаевске до 4 декабря. А.В. Колчак принял решение, оставив войска, быстрее проследовать в Иркутск, к правительству. Но это решение реализовать не удалось. Верховный правитель фактически превратился в заложника чехословаков, будучи оторванным и от правительства, и от армии.

---

* В Праге потом легионеры корпуса открыли крупнейший банк — «Легио-банк». Деньги пускались в дело, часть доходов шла на безбедную жизнь офицеров и солдат, находившихся прежде в России¹⁰⁵

Армия продолжала терпеть поражения, и уже не столько от красноармейских частей, сколько от повстанцев и партизан. Восстания возникали одно за другим, и в них вовлекались распропагандированные большевиками и левыми социалистическими группами деморализованные солдаты погибающей армии. Крупнейшие удары по армии Колчака были нанесены в районе Новониколаевска и в Красноярске, после чего она, по существу, распалась. Жалкие ее остатки, не имея возможности отступать по железной дороге, занятой чехословаками, двигались к Иркутску в лютые зимние морозы по бездорожью. Это было уже не войско. Казалось, солдаты и офицеры обезумели от обморожений, тифа, недоедания, голода, безысходности, превратятся в неуправляемое стадо. Но после замены К.В. Сахарова (был арестован братьями В.Н. и А.Н. Пепеляевыми¹⁰⁶, и Колчак согласился на его смещение) на посту главнокомандующего в начале декабря 1919 г. В.О. Каппелем, положение в войсках изменилось. Этот легендарный 36-летний генерал-лейтенант, многократно отличавшийся в сражениях, но не выделенный особо, долгое время остававшийся командиром корпуса, проявил себя блестяще. Он смог в тяжчайших условиях сплотить разлагающиеся войска (2-й и 3-й армий, командующие С.Н. Войцеховский и К.В. Сахаров; остатки 1-й из состава фронта вышли), подчинить их своей воле и вывести их к Иркутску, обойдя уже потерянный Красноярск. Потом эти войска прорвались на восток, где еще долго оказывали сопротивление большевикам. Сам В.О. Каппель во время похода заболел и умер 26 января на разъезде Утай, близ Иркутска*. Его дело завершил генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский.

В Нижнеудинске, за Красноярском, поезда Верховного правителя (уже только два — его собственный и с золотом) 27 декабря на две недели были задержаны чехами. Здесь Колчака догнал со своим вагоном председатель Совета министров В.Н. Пепеляев. Под видом охраны от нападения чехословаки фактически взяли поезда Верховного под контроль, а его под негласный арест. Колчаку была вручена телеграмма генерала М. Жанена с требованием оставаться на месте до выяснения обстановки. А обстановка оказалась более чем сложная и запутанная.

21 декабря вспыхнуло восстание в Черемхове, на пути к Иркутску, а спустя 3 дня — и в предместье самого этого города — Глазкове. В самом Иркутске к восстанию готовились как большевики, так и эсеры и меньшевики. Во главе первых стояли Сибирский областной и Иркутский губернский подпольные комитеты РКП(б) и Революционный

* Колчак намеревался присвоить Каппелю звание полного генерала — генерала от инфантерии, но не успел.

военный штаб, а во главе вторых — Политический центр, сформированный 12 ноября в Иркутске из представителей Всесибирского краевого комитета партии эсеров, Бюро сибирских организаций РСДРП (меньшевиков) и др. Политцентр, председателем которого был член Учредительного собрания эсер Ф.Ф. Федорович, ставил целью свержение власти Колчака, недопущение победы коммунистов и создание в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке «буферного» демократического государства. Союзники, их миссии в Сибири, в сущности, переориентировались, отвернулись от Колчака и возлагали надежды уже на соцпартию, Политцентр. Коммунисты, имея контакты с Политцентром, позволили ему проявить инициативу и начать восстание. Начатое 24 декабря солдатами в Глазкове, оно 27 декабря распространилось на город. 5 января 1920 г. была провозглашена власть Политцентра. Его члены преувеличивали свои возможности удержания власти. Коммунисты выжидали благоприятного момента с тем, чтобы устранить Политцентр и перехватить власть.

Предпринятые А.В. Колчаком и членами его правительства усилия по привлечению семеновцев и японцев для подавления побеждавшего в Иркутске восстания успеха не имели. Части Семенова так и не смогли прорваться в город. В это время шли большие «игры», в которых были задействованы и Совет министров Колчака, и чехословацкое руководство, и генерал Жанен, координировавший все дело, и Политцентр, и большевистское руководство с его организациями на пути от Нижнеудинска к Иркутску. Коммунисты требовали от чехословаков выдачи им Колчака, Пепеляева и золотого запаса взамен предоставленной возможности ухода корпуса из Сибири. Потом и Политцентр солидаризировался с этим требованием.

Тем временем шли переговоры между Жаненом, Политцентром и Советом министров о сдаче последним власти Политцентру. Безвластное уже правительство, в котором при отсутствии его главы и заместителя С.Н. Третьякова¹⁰⁷ председательствовал кадет А.А. Червен-Водали¹⁰⁸, затягивало переговоры, обговаривая некоторые условия, в частности пропуск войск на восток. Правительство надеялось на успех семеновцев и активную поддержку японцев. Но после неудачи семеновских частей оно фактически власть сдало. 3 января 1920 г. Совет министров посылает Колчаку в Нижнеудинск телеграмму с требованием об отречении от власти, передачи ее, как Верховному правителю, А.И. Деникину. А.В. Колчак в безысходном положении это требование выполнил, издав 4 января 1920 г. свой последний указ¹⁰⁹. Вместе с тем он предоставил «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины» атаману Г.М. Семенову.

Глава 7

«ЗОЛОТОЙ ЭШЕЛОН»

С Гражданской войной на востоке России, с именем А.В. Колчака всегда связывают формирование и судьбу «Золотого эшелона». Написано на эту тему немало в прошлом и в последние годы, однако далеко не всегда достоверно. Истоки этого эшелона коренятся в казанских событиях июля—августа 1918 г. Советское руководство, опасаясь захвата германо-австрийскими войсками не только южных, что уже и произошло, но и центральных районов страны, предприняло меры по перемещению части золотого запаса России на восток, в Казань. В мае—июне 1918 г. в этот поволжский город доставили золото, серебро в монетах, слитках (брусках), полосах, кружках, платину, самые разнообразные драгоценные, ювелирные изделия из Москвы, Тамбова, Самары, частью в свое время вывезенные из Петрограда, в том числе из Монетного двора, Главной палаты мер и весов и Горного института. Перевозка драгоценностей в Казань еще продолжалась, когда стало ясно, что в связи с восстанием чехословацкого корпуса, разгоранием Гражданской войны в Поволжье и других прилегающих восточных районах нависает угроза потери и Казани. Вывоз в этот город золота был прерван, часть его осела в Нижнем Новгороде. Туда возвращалось оно и с пути следования грузов.

В Казани были сконцентрированы значительные силы красных, в том числе 5-й латышский полк, но в тот период они не проявляли большой стойкости. Непредсказуемым, скажем, было поведение находившегося там сербского батальона, сформированного из военнопленных и подчинявшегося Сербской военной миссии. В Казани находилось большое количество офицеров старой армии, в том числе преподавателей и слушателей Академии Генерального штаба (1 июля переименованной в Военную Академию Рабоче-Крестьянской Красной армии). Сюда они прибыли из Екатеринбурга, куда академия весной 1918 г. была эвакуирована, и в массе своей перешли на нелегальное положение. Возможность утраты для красных Казани в слу-

чае наступления на нее чехословацких частей и формировавшейся Комучем Народной армии в июле стала реальной. В конце месяца была предпринята попытка поездами, пароходами и баржами эвакуировать часть золотого запаса, но она оказалась почти безуспешной (сумели увезти лишь около 100 ящиков с золотом и несколько мешков с кредитными билетами).

6 августа Казань была занята антибольшевистскими силами под командованием тогда подполковника В.О. Каппеля, с участием 1-го чехословацкого полка поручика И. Швеца. В хранилищах оказалось 30 563 пуда ценностей в золоте на сумму 651 532 117 руб. 86 коп., не считая разного рода других драгоценностей и ценных бумаг, всего на 1 млрд 100 млн руб. (по некоторым данным, стоимость этих запасов занижена). Это составляло больше половины золотого запаса России. Ценности по распоряжению Комуча от 10 августа поездами и пароходами были вывезены в Самару. Уже тогда началась борьба чехословацкого руководства за овладение всем российским золотом. В Самаре она пока оказывалась безуспешной. В связи с успехами красных в сентябрьско-октябрьские дни 1918 г. в Поволжье, ликвидацией Комуча, преобразование его в «Совет управляющих ведомствами», с распространением частичной власти лишь на Уфимскую губернию, с конца сентября золото стало вывозиться в Уфу. Согласно актам, всего туда под руководством начальника эшелона А.Д. Арбатского, старшего кассира Н.П. Кулябко, под охраной белых и чехословаков было вывезено 83 999 ящиков, 2468 мешков, 18 сумок золота, другие ценности пятью эшелонами. Было уже заметно меньше золота, серебра, чем поступило из Казани. Из-за спешки или преднамеренно золото отправлялось без точных описей, фиксировалось лишь расчетом мест. Потом сообщалось, что М.А. Веденяпин (Штегеман), ведавший в Комуче иностранными делами, «израсходовал» 5 млн руб. (золотом). Расходовались средства и на другие цели, в том числе военные — на Народную армию, чеховойска. Сколько — неизвестно. Начальник финансового управления чехословаков Ф. Шип вспоминал: «Когда в сентябре я с зам. председателя отделения Чехословацкого Национального Совета находился в Самаре, то искали мы пути, как бы завладеть золотом. Возможность представилась очень скоро, когда началась эвакуация Самары. Золото и иные ценности везли в эшелонах к Уралу. Самарское правительство не доверяло Сибирскому. Поэтому я договорился в Уфе с управляющим иностранными делами Веденяпиным и управляющим финансами Баковым. Что тотчас же и осуществилось». Видимо, упомянутые 5 миллионов рублей и были той суммой, которую тогда получили чехословаки в Уфе.

Из официальных чехословацких источников известно, что 2 октября ими было получено серебряных 20-копеечных монет на 3 миллиона в счет кредита с обязательством вернуть потом в расчете за каждый рубль 5 рублей кредитными билетами. Это (возвращение) сделано не было.

А как обстояло раньше, в Самаре? Неизвестно. При разгрузке ящиков в Уфе обнаружилось повреждение одного из них и исчезновение 410 рублей. Строились обвинения в похищении этого и другого золота (8 пудов) в отношении подполковника эсера Б. Солодовникова, участвовавшего в Уфе в формировании частей Народной армии.

В дни нахождения «золотых эшелонов» в Уфе разгорелась острейшая борьба, с одной стороны, за изъятие их у русских властей (под предлогом ненадежности их охраны) чехословаками — филиалом Национального совета и командованием корпуса, с другой, между «наследником» Комуча — Советом управляющих ведомствами и Временным Всероссийским правительством — Директорией во главе с Н.Д. Авксентьевым и особенно его аппаратом — Совмином в Омске, обладавшим реальной властью. Директория колебалась в выборе своей резиденции — столицы. Вначале определен был Екатеринбург, но затем ею стал Омск.

В Уфе разгрузили практически лишь один эшелон, остальные целую неделю стояли в тупике на железнодорожной ветке. Казалось, уже в эти октябрьские дни золотом овладели чехословаки, взявшие эшелоны под охрану, в свои руки. Вернув часть разгруженных ценностей в эшелон, чехословаки его вместе с четырьмя другими, с использованием еще и русской уфимской охраны увели в Челябинск, служивший резиденцией и филиала Нацсовета, и местом штаба корпуса и Западного фронта, которыми одновременно командовал не раз упоминавшийся нами генерал-майор Я. Сыровы. В Челябинске у чехословацкого руководства появились реальные шансы на немедленное использование части золотого запаса России в интересах провозглашенной 28 октября 1918 г., вновь образованной на развалинах Австро-Венгерской империи Чехословацкой республики. Упомянутый чехословацкий финансовый деятель — Ф. Шип решил начать такие акции с официального согласия Директории, ее правительственного аппарата. В начале октября он в Омске заявил министру финансов И.А. Михайлову, что «возьмет 2000 пудов (имелось в виду золото. — И. П.) как основу для печатания чехословацких денежных знаков». По его словам, он не смог реализовать свою цель, ибо по приезде в Челябинск золотых запасов там уже не застал.

С золотым запасом в октябре случилось вот что. Болевший за судьбу России генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, еще (с 1917 г.) числившийся на чехословацкой службе, к тому времени являвшийся уже начальником штаба Западного фронта, в составе которого действовали и чехословацкие части, решил вырвать золото из их ведения и филиала Нацсовета и передать Директории Используя отъезд комкорпуса и Главкома Западного фронта Сыровы в Екатеринбург, он своею властью срочно, 6 октября, отправил все пять эшелонов под охраной чехословаков же в Омск. Все это время золото находилось под наблюдением, контролем прежних финансовых работников — А.Д. Арбатского, Н.П. Кулябко и др. По их утверждению в дальнейшем, все золото, вывезенное в свое время из Самары, было доставлено в Омск.

Забегая вперед, заметим, что наиболее жестко охранялось и учитывалось лишь собственно золото, речь в описях, справках шла прежде всего о нем, тогда как огромную ценность имели и другие перевозившиеся грузы, в частности серебро, включая монеты из него. В 20-х годах особенно большим количеством их обладали бывшие чехословацкие легионеры и созданный ими «Легио-банк». И еще — особо о «пяти эшелонах» в сопоставлении с «одним» в дальнейшем, при перемещении запасов из Омска в Восточную Сибирь и оттуда опять — в Казань. 5 эшелонов, по всей видимости, занимали и все ценности, включая бумажные (кредитные билеты), и занятые целыми подразделениями охраны и сопровождающими. Собственно золота (возможно, и серебром) в Казанско-Самарско-Уфимско-Челябинский период было 2 эшелона. Видный член Комуча И.М. Брушвит впоследствии, как и некоторые другие участники и свидетели событий, писал, что золотой запас еще от Казани размещался в двух поездах по 40 вагонов каждый, в которых содержалось около 80 тысяч пудов (с упаковкой). При отправке из Омска в ноябре 1919 г. вес этой части ценностей оказался почти в два раза меньшим, а с серебром — три четверти прежнего. Пульмановские вагоны смогли «поглотить» все это вполне, и меньшим их количеством.

Эшелоны в Омск прибыли 13 октября. Вагоны с соблюдением мер безопасности сокровищ были разгружены и помещены в двух кладовых при Омском отделении Государственного банка. После правительственного переворота 18 ноября 1918 г. эти российские ценности, и в дальнейшем расходовавшиеся, принято называть «золотом Колчака». Еще до кардинальной проверки запасов, пересчетов отмечалась их неполнота. С золотой их частью обстояло благополучней. В апреле — начале мая 1919 г. была произведена тщательная проверка запасов.

Но надо заметить, что перед этим, 10 марта, из Омска во Владивосток была отправлена в целях оплаты военных и прочих заказов первая партия золота. Владивосток стал центром финансовых операций. Там находилось иностранное отделение Особой кредитной канцелярии. Было отправлено 1235 ящиков с золотыми слитками и 1 — с золотой монетой без общей оценки их стоимости. Конечно же она была велика. Результаты проверки наличности уже и этой части золота зафиксированы в акте от 10 мая и приложениях к нему. Причем ящики, целые мешки фиксировались по прежним документам, но поврежденные вскрывались, пересчитывались монеты. При нехватке их по сравнению с надписями на ярлыках мешков они восполнялись за счет банковско-правительственных запасов в Омске. Так что с этого времени происходят изменения первоначального составляющего запасов уже не только за счет их убыли, но и некоторого, малого пополнения в Сибири. Итоги пересчета, с включением в них и отправленного золота 10 марта во Владивосток, не пересчитывавшегося, с использованием лишь документов, оказались следующими: монеты полноценной на сумму 499 435 177 руб. 65 коп., монеты дефектной на сумму 15 385 566 руб. 13 коп., монеты иностранной на сумму 40 577 839 руб. 35 коп., слитков на сумму 95 078 493 руб. 25 коп., полос на сумму 529 594 руб. 24 коп., кружков на сумму 525 477 руб. 23 коп. Всего на 651 532 117 руб. 86 коп. Была отмечена недостача дефектной монеты по сравнению с ее фиксацией в книгах Казанского отделения госбанка в сумму 113 483 руб. 21 коп., объяснить причину которой проверяющие не смогли.

Французский генерал М. Жанен, главнокомандующий союзными войсками в Сибири, тогда посетил кладовые в Омске и в дневнике за 22 мая записал: «Мы ходили большой группой в банк, чтобы присутствовать при проверке денежного звонкого наличия, спасенного чехами в Казани. Над подвалом, где находились ящики с золотыми слитками и платиновым песком, можно было видеть настоящую выставку золотых и серебряных вещей». Уже тогда у этого генерала, как и у чехословацкого руководства, разгорались глаза на русское золото. Позднее все это у него переросло в реальную попытку увезти его во Францию.

Следует отметить, что золотой запас продолжал убывать из омских складов и позднее, в основном путем отправок его во Владивосток. В августе—сентябре туда было отправлено золота на 197 021 672 руб. 57 коп. Кроме того, в сентябре было выслано без предварительной проверки 7038 мест приблизительно на сумму около 15 700 000 руб. (один ящик был похищен из эшелона на станции Иркутск). В октябре пра-

вительство А.В. Колчака отправило во Владивосток еще 43 557 744 руб., но оно целиком было задержано в Чите и захвачено атаманом Забайкальского казачьего войска генералом Г.М. Семеновым и присвоено им с окружением и японскими властями. Реквизировал Семенов провозившееся золото через Читу и ранее. Всего отправлений исследователи насчитывают до 7. Приведенные здесь лишь наиболее крупные.

На отправлявшееся во Владивосток, а оттуда — в союзные России по Первой мировой войне страны золото в кредит за поставку оружия, боеприпасов, медикаментов и прочего последних поступило мало, частью все это застигнуто было в момент поражения армии Колчака в пути или только готовилось к отправке. Некая часть средств была отправлена в помощь сподвижникам Колчака по Белому движению (А.И. Деникину, Н.Н. Юденичу и др.). Впоследствии оставшееся во Владивостоке золото Министерством финансов переводилось в иностранные банки, в том числе на счета определенных, доверенных лиц, например в Японии на имя генерал-майора П.П. Петрова. Но основная часть золотого запаса все же оставалась в Омске. Генерал Жанен, дипломатические представители добивались от Верховного правителя передачи его для отправки во Владивосток под их руководством и международной охраной (мыслили переправу всего во Францию, говорили о зачислении в счет российских долгов).

Колчак отверг эти предложения о золоте, граничившие с жесткими требованиями, заявив: «Лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю».

В конце октября, в процессе подготовки к эвакуации правительственных учреждений, служб, имущества, ценностей интенсивно и втайне, ночами ведется загрузка, подготовка «Золотого эшелона». Охрана была составлена из надежных солдат и офицеров под контролем контрразведывательного ведомства. Эшелон из 29 пульмановских вагонов (по другим данным — из 28) под видом санитарного находился в тупике станции. Но было еще 7 вагонов с платиной и серебром, вероятно прицепленных потом к другому эшелону. Непосредственно подготовкой к отправке туда и приемкой руководили в основном все те же финансовые служащие, которые прибыли из Поволжья и с Урала, а именно: директор банка Н.С. Казановский, А.М. Племянников, Н.П. Кулябко, А.Д. Арбатский, назначенный затем начальником эшелона по финансовой части. Они в это время одновременно произвели неофициальную ревизию золота и подвели баланс. Истраченного запаса оказалось 11 500 пудов (из 30 563 пудов «казанских»), более одной трети.

Несмотря на все меры предосторожности, отбора ответственных лиц, в числе офицеров оказались и два негодяя, которые похитили мешок номер 344036 в 60 тысяч золотых рублей (уже из вагона), что было замечено Н.П. Кулябко. Он потребовал вернуть мешок на место, но на него они «крепко цыкнули» и исчезли. Очевидно, к хищению был причастен начальник контрразведки, запретивший Кулябко сообщать тогда о пропаже правительству. Обстановка на станции и в городе была уже предельно напряженной.

К 31 октября погрузка закончилась. 12 ноября, как уже отмечалось, в составе 5 поездов, обозначенных буквами «А», «В», «С», «Д», «Е», не считая еще и блиндированного, во главе с А.В. Колчаком, «Золотой эшелон» под литером «Д» двинулся на восток.

Как видим, в ноябре 1919 г. сформирован был лишь один «Золотой эшелон» (и 7 «серебряных» вагонов в другом), тогда как годом раньше их, говорили, писали, было 5. Но они — те пять не были столь тяжеловесными, компактными, включали в себя много кредитных билетов, большую охрану в вагонах и т. д. Около одной трети собственно золота, как отмечалось, было и изъято. Но многое из менее ценного груза все же явно было утрачено. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Общее руководство охраной эшелона было за подполковником Сургутановым, начальником команды охраны был поручик М.К. Ермохин¹¹⁰. Несмотря на невысокий чин, в высших эшелонах военной власти он был хорошо известен. С лета 1918 г. он выполнял функции начальника охраны места поисков и раскопок предполагаемого захоронения останков царской семьи под Екатеринбургом, сблизился с генералом М.К. Дитерихсом, осуществлявшим с начала 1919 г. общее руководство следствием по этому трагическому делу. С вступлением в июне в должность командующего двумя армиями и флотилией, а с 14 июля главкома фронта, генерал М.К. Дитерихс 8 июля назначил начальником своей личной охраны и штабного поезда поручика М.К. Ермохина, командовавшего прежде Отрядом особого назначения в составе 3 рот стрелков, одной пулеметной роты и конной сотни. Часть сил этого отряда и составила охрану поезда-штаба. Екатеринбургцу Ермохин был близок к генералу, летом и осенью 1919 г. сопровождал его и в его приездах в Омск, на встречи с Верховным правителем. С 4 ноября Дитерихс был освобожден с поста главкома фронта и уехал в Харбин. Отряд Ермохина в Омске оказался свободным от служебных обязанностей. С частью его (около 100 солдат и офицеров) он и получил новое ответственное поручение. Как уже отмечалось, финансовым руководителем эшелона стал инженер А.Д. Арбатский.

Уже рассказывалось, что эшелоны А.В. Колчака, прежде всего из-за чинимых препятствий чехословаков, захватом ими подвижного состава дороги, за которыми (и над которыми) стоял генерал М. Жанен со своим штабом, продвигались крайне медленно. И все же в пути и на остановках с охраной «Золотого эшелона» долгое время обстояло благополучно. Во время остановки в Новониколаевске золотой запас даже пополнился: было принято 2 ящика со слитками весом более 4 пудов, привезенных ранее из Пермского отделения банка. После многодневной стоянки в этом городе 1 декабря эшелоны, с задержками, все же двинулись далее. Приходилось силой овладевать паровозами. 27 декабря прибыли в Нижнеудинск. Вместе с другими «Золотой эшелон» был задержан здесь на 2 недели, загнан на запасный путь. К этому времени у союзного и чехословацкого командования окончательно созрело решение отнять у Колчака, России золото, а затем и арестовать его самого, предать дело, в выполнение которого в свое время они включились. Корысть стала выпирать у «союзников» явным образом.

Когда поезда Колчака стали прибывать на вокзал станции Нижнеудинск, два первых из них, в том числе его самого, чехословаки сразу остановили, Колчака вызвали в помещение станции на переговоры. В этот момент паровозы по приказу чехов были отцеплены, угнаны в депо, где погасили их котлы. Начата была акция по захвату эшелонов в целом, золота, фактически и самого Колчака. Это делалось в соответствии с приказом Жанена, штаб которого размещался в Иркутске. Командир батальона чехословаков майор Гасек передал Колчаку этот приказ, потребовал не только сдачи эшелонов под их охрану, а русскую снять, больше того — разоружить (сдать оружие). Колчак и сопровождавшие его военные решительно воспротивились приказу в его полном виде, но вынуждены были согласиться на установление над эшелонами, в том числе «Золотым», чехословацкой охраны, с сохранением и русской, которая с этого момента отеснялась на роль наружной, вне чехословацкой и стала день ото дня редеть, разбегаться. Чехословаки дополнительно опломбировали вагоны «Золотого эшелона» своими пломбами. Во главе своей охраны над ним поставили майора Кадница и капитана Эмра.

Давление на А.В. Колчака в Нижнеудинске продолжалось. В Иркутске с помощью М. Жанена власть у Совета министров практически была узурпирована, оставалась лишь формально. 3 января 1920 г. была отнята и передана эсеровско-меньшевистскому Политцентру официально, посредством мятежа захватившему ее.

В этот же день Совмин послал Колчаку телеграмму с требованием об отречении от власти. Как отмечалось в предыдущем разделе, на

другой день адмирал сделал это, передав власть как Верховному правителю генералу А.И. Деникину.

Колчаку было заявлено, что его берут под международную защиту с последующим решением самим выбора места своего пребывания под гарантии Жанена, союзных комиссаров. Под их же охрану должен был перейти и «Золотой эшелон». 4 января в Иркутск адмирал отправил телеграмму следующего содержания:

«Сегодня я начал передачу поезда с государственными ценностями под охрану чехословацкой вооруженной силы. Действую по поручению великих держав. Прошу высоких представителей союзных держав принять под такую же охрану союзных держав мои поезда со всеми следующими в этих поездах лицами, имуществом. Прошу также о продвижении моих поездов под охраной союзных держав в Забайкалье или на Дальний Восток. Адмирал Колчак».

А перед этим, 4-го же января, в Нижнеудинске создается комиссия по официальной передаче золотого запаса (для его охраны, сохранения), собственно — чехословацкому руководству — реальной силе Жанена, союзников. Ее состав: председатель — капитан чеховоиск О. Блага, члены — поручик чеховоиск Г. Тяльский, подпоручик тех же войск И. Ржечинский, а также — начальник эшелона Государственного банка инженер А.Д. Арбатский, старший кассир этого банка М.П. Кулябко, начальник отдельной канцелярии Верховного правителя И.И. Добролюбский. При этом присутствовал представитель Государственного контроля Н.И. Березин. Комиссия была формально под статусом, с одной стороны, Междусоюзнического командования, его постановления, и, с другой, — начальника походного штаба Верховного правителя, «согласно [его] предложения» составленной комиссией акт и гласил о передаче эшелона с золотом чехословакам. После этого Колчаку ничего не оставалось, как подать процитированную телеграмму в Иркутск. Чехословацкий караул на деле, как уже говорилось, был поставлен к эшелону уже в день его прибытия, 1 января он был подкреплён присланным из Иркутска постановлением представителей союзников. Для сглаживания явного признака захвата золота в нем говорилось о «межсоюзном карауле», с участием, наряду с чехословаками, русских и югославян, ехавших вместе с первыми. Что касается русской охраны, то после 4 января она выполняла роль уже не более чем статистов: к вагонам практически не допускалась, использовалась на постах во внечехословацких, как бы на второй линии. Так продолжалось до прибытия в Иркутск, где она была вообще устранена, заменена политцентровской (наряду с основной — чехословацкой). Чехословаки в Нижнеудинске офици-

ально приняли золото: 5156 ящиков и 1678 солдатских мешков общим весом 21 842 пуда. Причем в их документах речь уже идет не о 29, а о 28 вагонах (могла быть допущена и описка). Количество золота в целом совпадало с таковым при отправке из Омска, с учетом приема такового и в Новониколаевске. В те дни, перед прибытием в Иркутск, по рассказу М.К. Ермохина, его вызвал сам адмирал и дал приказание охрану снять, самому быть свободным. Поблагодарил за службу. Ермохин, часть его офицеров и солдат на полуофициальных условиях еще выполняли некоторые охранные функции, добирались до Иркутска тем же поездом, затем разбрелись по просторам Восточной Сибири. Ермохин отбыл в Читу, некоторое время служил у Г.М. Семенова, командуя ротой, в дальнейшем эмигрировал в Китай.

А.В. Колчака, «Золотой эшелон» «союзники» продолжали еще держать в Нижнеудинске. У них окончательно созрел план предательства. Адмирала, а также бывшего предсовмина В.Н. Пепеляева решено было выдать Политцентру. Будучи переведенным в другой вагон (2-го класса), под чехословацкой охраной (фактически конвоем), Колчак оказался под арестом. И чувствовал это. Но ему заявили, что он взят под «высокое покровительство союзных держав». Проформы ради этот вагон, как и вагон Пепеляева, в которые втиснулись последние остававшиеся в сопровождении военные и гражданские лица, были расцвечены флагами этих «союзных держав». Вагоны были прицеплены к эшелону 1-го батальона (конкретнее — его пулеметной роты) чехословацкого 6-го полка. В ночь на 10 января этот состав и эшелон с золотом тронулись. В приказе Жанена майору Гасеку говорилось: «Что касается золота, оно должно быть перевезено в Иркутск, а уж потом определится окончательное место для него». Над следовавшим с чехословацким с Колчаком и Пепеляевым поездом одновременно двинули и «Золотой эшелон», над которым по-прежнему развевался флаг Красного Креста.

В пути следования, на станции Тыреть, 12 января Н.С. Казановский обнаружил, что у вагона № 566028 «Золотого эшелона» пломбы повреждены (охрана чехословаков этого «не заметила»). По вскрытии вагона обнаружилось отсутствие 13 ящиков с золотом (из 200 оставалось 187). И ящики стояли в необычном порядке. Осмотр пломб накануне, 11 января, свидетельствовал, что все было в порядке. Следовательно, похищение было совершено ночью (или на станции Зима, или уже в Тырети). Чехословацкая охрана сваливала вину на русскую, хотя та к дверям вагонов, в сущности, и не допускалась. Настоящего следствия практически не производилось. Касаемо русской охраны следует сказать, что ее начальник М.К. Ер-

мохин в Маньчжурии с семьей на протяжении всех лет жил бедно, «рук к золоту» он явно не прикладывал. Украли золото конечно же чехи, и организованно. В пути следования, в Черемхове, произошло и такое событие, не предвещавшее Колчаку ничего доброго. Здесь фактическая власть находилась уже и не у Политцентра, а у коммунистов. Они принудили чехов посадить в вагон Колчака параллельную «охрану» из 8 вооруженных рабочих во главе с командиром партизанского отряда В.И. Буровым. Колчак находился уже под «многослойной» враждебной «охраной» (конвоем).

Составы прибыли на станцию Иркутск днем 15 января. Колчак и Пепеляев здесь были к этому времени уже официально арестованы и препровождены в тюрьму. 7 февраля 1920 г. их расстреляли. Эшелон с золотом длительное время находился на станции под охраной чехословаков с участием в ней солдат Политцентра, с участием людей большевистского руководства, действовавшего открыто, а с момента перехода власти к нему, ревкому, — только его с чехами (до начала марта 1920 г.).

Генерал М. Жанен, дипломатические представители союзников, руководство чехословаков сначала твердо намеревалось увезти золото с собой. Но по мере изменения ситуации в Восточной Сибири, переходом власти в Иркутске и его районе к коммунистам, приближением к нему 5-й красной армии, активизацией партизан и в Забайкалье, угрожавших разбором железнодорожных путей и изоляцией корпуса Я. Сыровы (в случае попыток вывезти золото), настроение у интервентов, чехословаков менялось. Ценой пропуска чехословаков во Владивосток стала уже не только предательская выдача местным коммунистам и их центральной власти адмирала А.В. Колчака, но и вождеденного «Золотого эшелона». Его требовал себе Иркутский губревком под председательством А.А. Ширямова, через линию фронта Сиббюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовет 5-й армии (председатель И.Н. Смирнов). За неисполнение требований угрожали санкциями. Генерал Я. Сыровы М. Жанену, предложившему было отправить эшелон под опеку японских войск, телеграфировал: «Невыдача золота для передачи его японцам так возбудит против нас все русское население, особенно большевистские элементы, что наше войско от Иркутска до Тайшета окажется в сплошном огне. На нас нападут со всех сторон». Так могло случиться в действительности. И чехословацкое руководство, после предания А.В. Колчака, в надежде вначале сохранить золото, логикой событий вынуждено было отдать большевикам и его. По подписанному 7 февраля 1920 г. (после казни на заре этого дня Колчака) согла-

шению, в 6-м пункте говорилось: «Золотой запас, принадлежащий РСФСР, ни в коем случае не вывозится на восток, остается в Иркутске, охраняется смешанными караулами чехословацких и русских войск и передается Иркутскому исполкому при уходе последнего чешского эшелона из Иркутска». И 1 марта 1920 г. с участием представителей ревкома, начальника гарнизона русских и начальника гарнизона чехословаков, их руководства смешанная комиссия совершила акт сдачи-приемки золота от вторых — первым. Составлен был акт, свидетельствующий, что количество ящиков, мешков, вес золота в целом соответствовали отправленным из Омска и зафиксированным в прежнем акте. Недоставало лишь все тех же 13 ящиков, что пропали после отъезда из Нижнеудинска. Речь идет о собственно золоте, без учета платины и серебра в 7 вагонах. Приняты были и оформлены по акту и они. В ходе подсчетов, переприемки производилась переупаковка золотого запаса в новые прочные ящики и мешки и погрузка их в другие вагоны — американские же, числом всего 13.

В дальнейшем, с подходом к меркам вагонами, многие авторы, в том числе и В.Г. Сироткин, стали писать об исчезновении при передаче чехами золота русским коммунистам в Иркутске целых 16 вагонов с золотом. От количества разнообъемных вагонов, степени компактности укладки ящиков и мешков в них сумма, вес золота в общем не менялись. Сложней, видимо, обстояло с платиной, серебром, а также другими ценностями, в частности с остатками их к иркутскому периоду — 7 вагонов.

Из Иркутска в Казань перевозилось только золото, те 13 пультмановских вагонов, 7 с прочими ценностями остались на месте. 30 марта 1920 г. в Омск, в Сибревком поступила телеграмма заместителя наркома финансов РСФСР С.Е. Чуцкаева: «Все золото, находящееся в Иркутске, без остатка должно быть срочно и спешно эвакуировано в Европейскую Россию, пока в Казань. Что касается серебра, то оно может быть оставлено в распоряжение Сибревкома для торговли с Монголией». Так что часть казанских ценностей осталась-таки у Советов Восточной Сибири. 1 марта 1920 г. последний эшелон чехословаков покинул станцию Иркутск. Охрана «Золотого эшелона» целиком перешла к губревкому во главе с А.А. Ширямовым. Охрану несла 7-я рота Иркутского советского караульного полка под командованием Шелепина, теперь уже без чехов. В Иркутск начали вступать авангардные части 5-й армии, ее 30-й дивизии. 2 марта полупартизанский местный полк в охране, его роту, сменил 262-й Красноуфимский стрелковый полк 30-й стрелковой дивизии, его 3-й батальон, командиром которого яв-

лялся Н.П. Паначев¹¹¹. Спешно стал готовиться к отправке на запад «Золотой эшелон», команда по его сопровождению и охране. По рекомендации члена Сиббюро ЦК РКП(б), представителя ВЧК в Сибири И.П. Павлуновского на пост «Старшего ответственного представителя от Особого отдела ВЧК при 5-й армии при золотом запасе РСФСР», то есть полномочным руководителем «Золотого эшелона», был назначен лично известный ему, к тому же земляк-курянин, чекист А.А. Косухин¹¹². Перед тем он перешел линию фронта и уже поучаствовал в чекистской деятельности в губернии. 14 марта Косухину был оформлен мандат с широчайшими полномочиями. «Заведующим поездом с золотым запасом» был назначен Н.С. Казановский. Помимо него, в штат сопровождения были включены и Н.П. Кулябко, и некоторые другие финансовые работники-кассиры, которые прибыли в Иркутск из Омска, а некоторые из Самары и даже из Казани. Комиссаром по транспорту назначили железнодорожника В. Дидюка. Охрана была сохранена за тем же 3-м батальоном 262-го полка под командой Н.П. Паначева. Комиссаром охраны оказался новый для красноармейцев человек, бывший начальник штаба Шиткинских партизанских отрядов М.И. Богданович. Батальон состоял из 671 человека, в том числе 45 кавалеристов. Почти сразу же по выходе из Иркутска эшелон был разделен на два: 1) с самим золотым запасом и дежурной ротой непосредственной охраны (до 150 человек) и 2) с остальной охраной. «Золотой» поезд выдавали за поезд с военнопленными, хотя на каком-то этапе на вагонах сделали надписи: «Дорогому Владимиру Ильичу от Иркутска». Вышел поезд («эшелон № 10950») из Иркутска 22 марта. Продвижение было трудным, затяжным, с многодневными остановками в ряде пунктов. Из-за того, что некоторые мосты через реки были взорваны и не восстановлены или восстановлены наспех и не были надежными, особенно учитывая огромный груз даже каждого отдельного «золотого» вагона, перекатывали их по одному вручную, а через реки Уда и Бирюса — по проложенным по льду рельсам.

В Ачинске 11 апреля произошла смена охраны эшелона Красноармейский батальон Паначева был отозван в Иркутск, в свой полк. Охрана была перепоручена 1-му Интернациональному полку (точнее, его первым батальонам, 3-й остался в Красноярске), сформированному в основном из бывших пленных венгров (были в нем и русские, и украинцы). Командиром охраны был комполка И. Варга¹¹³, военкомом — К. Михали. Командиром одной из рот был Мате Залка, которому прежде в печати приписывалось командование всей охраной. И прежние, и новые руководители охраны, как и чекист Косухин, были коммунистами.

Во время нахождения эшелона в Омске, 20 апреля, на Политбюро ЦК РКП(б) решено было направить его именно в Казань, как в свое время указывалось в телеграмме С.Е. Чуцкаева. Сибревком, А.А. Косухин получили из Москвы отправленную 20 апреля телеграмму: «Все золото в двух поездах, прибавив имеющееся в Омске, немедленно отправьте с безусловно надежной охраной в Казань для передачи на хранение в кладовых Губфинотдела. Предсовнаркома *Ленин*».

Вечером 21 апреля эшелон продолжил движение на запад и завершил его благополучно 3 мая 1920 г. Утром 4 мая началась и 7 мая закончилась разгрузка вагонов в две кладовые Народного банка (те же, в которых хранилось золото до августа 1918 г.). Груз оказался в сохранности. Был составлен и пакетом за подписью заведующего поездом Н.С. Казановского выслан в Москву, в Наркомат финансов, с отчетом с приложением к нему актов. В октябре 1921 г. золотой запас из Казани был переправлен в Москву. Интернациональный полк (с прибывшим из Сибири 3-м батальоном) затем находился в составе Красной армии.

Касаемо того, как, где, сколько золота, серебра, ценностей из казанских запасов перекочевало в чехословацкие эшелоны, судить крайне трудно. Одно лишь известно: в Праге был создан «Легио-банк» — один из крупнейших, в который вкладывалась часть, возможно большая, привезенных легионерами чехословацкого корпуса из России ценностей. Тут были и золото, и платина, и серебро, особенно много серебра. Конечно же помимо того, что оказалось в банке, ценности оседали и у отдельных офицеров и солдат. Чехословаки сильно поживились ценностями «Золотых эшелонов» и богатствами России вообще. Русское золото послужило делу быстрого подъема экономики Чехословацкой республики. Но нельзя забывать и о том, что республика эта, ее правительство как никто в 20-х годах оказывали разнообразную и большую помощь российской эмиграции. Для них на государственные средства открывались школы, гимназии, техникумы, институты, даже Русский университет. Опекались старые, немощные люди и дети-сироты. Возможно, не меньше оснований для предъявления претензий по поводу присвоения золота Японии и другим странам, так его ни в каком виде и не вернувшим нашей стране.

До сего времени бытует версия о будто бы хранимых А В Колчаком в своем вагоне огромных ценностях — части российского золота. Так, в книге А.П. Кладта и В.А. Кондратьева «Быль о «Золотом эшелоне» говорится, будто у А.В. Колчака было изъято «20 ящиков с монетой», «причем это было далеко не все золото, которое хранил у себя Колчак» (с. 66). Писалось и о шести пудах серебра, семи мил-

лионах бумажных денег и «целом мешке» разных золотых и бриллиантовых вещей и т. п.

Решительно ничего похожего в официальных документах об аресте адмирала, изъятии в вагоне, его купе имущества не имеется (см.: Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским Правительством Политическому Центру в присутствии высоких комиссаров и Высшего командования союзных войск. Иркутск, январь 1920 г. Харбин, 1921).

ПЕРЕЧЕНЬ ИМУЩЕСТВА А В КОЛЧАКА И А.В ТИМИРЕВОЙ,
ОСТАВШЕГОСЯ ПРИ АРЕСТЕ В ВАГОНЕ:

«Морской штандарт, черное шелковое знамя (коммунистическое? — И. П.), английский флаг, три андреевских флага, полотенце с вышитой надписью, саше для вязания, грелка для чайника, ермолка для платков, две вышитые бисером полоски, палитра с красками, Святое Евангелие, с собственной надписью, два кошелька вышитых, японский подсвечник, деревянный лакированный, чайный сервиз деревянный лакированный из 16 предметов, серебряный кинжал, модель из кости куска хлеба с двумя мышами, четыре штуки вееров, гребенка дамская, маленький резной ножик слоновой кости, костяные бусы, брошь костяная, одна каменная коробка, один карандаш, связка кожаных пуговиц, блюдечко фарфоровое, солоница, бисерная ермолка, альбом для стихов, три штуки спиц с клубком, грелка с салфеткой, японская шпилька головная, печать, кубики китайские, семь штук яиц пасхальных, стеклянная чашка, коробка с 7 орденами, открытки 228 штук, четыре штуки часов поломанных, одна часовая цепочка, три рюмки, два бокала, 27 серебряных монет, 21 медная монета, чехол для ручки, вышит бисером, пенсне, печать медная, звезда наградная, футляр для мундштука, мелочь (запонки, булавки и т. п.) в коробке, семь штук разных альбомов, выжженная коробка, коробочка, лакированная яйцом, деревянная коробка с рисунком большая, портрет неизвестной женщины, каталог автомобильный и картины, микроскоп и физический прибор, 29 икон и одна лампада, два портрета, седло, восемь картин разных»

Комментарии излишни.

Глава 8

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ОКРУЖЕНИЯ И СОЮЗНИКОВ. АРЕСТ

А.В. Колчак отдавал себе отчет, что он в ближайшее время может погибнуть и, следовательно, не сможет продолжить борьбу за освобождение России от деспотии коммунистов. Мозг его сдавливала мысль, что, может быть, следует разделить судьбу гибнущего Белого дела в Сибири, уйти из жизни. «За все надо платить», — говаривал он не раз. Но правильно ли это будет, и погибло ли дело? Он и его помощники обдумывали вопрос о спасении, уходе с охраной в Монголию. После того как выяснилось, что солдаты конвоя перешли на сторону руководимых большевиками нижеудинских рабочих, а офицеры высказались за то, чтобы скрываться поодиночке, Колчак понял, что он предан и практически спасения нет. Теплилась слабая надежда на представительства союзников, генерала Жанена. Но он нутром, по поведению чехословаков, чувствовал, что предан или будет предан и ими.

Сколь бы А.В. Колчак ни был мужественным, а он был именно таким, он тяжело переживал все происшедшее. М. Жанен, наблюдая состояние А.В. Колчака еще в период эвакуации, отмечал: «Колчак похудел, подурнел, выглядит угрюмо, и весь он, как кажется, находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он спазматически прерывает речь. Слегка вытянув шею, откидывает голову назад и в таком положении застывает, закрыв глаза». Но такие проявления наблюдались, видимо, все же в минуты крайнего нервного напряжения, слабости. В общем же он проявлял завидную в его положении выдержку. Но близкие люди, ехавшая с полдороги с ним А.В. Тимирева (он ее, больную испанкой, перевел из вагона эшелона с золотым запасом к себе) не могли не заметить огромную в нем перемену. Он враз поседел и сильно осунулся. И все же какая-то слабая надежда на спасение, личную безопасность в нем еще теплилась. Он мало ве-

рил союзникам, но решил все-таки положиться на них. В Нижнеудинске Александру Васильевичу было заявлено, что он взят под международную охрану. Личная охрана его (остатки конвоя) была удалена и заменена чехословацкой. На деле же новая охрана его уже не «охраняла», а «стерегла». Ему, как и Пепеляеву, был предоставлен только один вагон (2-го класса). Оба вагона были расцвечены союзными флагами. «Золотой эшелон» еще 3 января был передан под чешскую охрану. Вагоны Колчака и Пепеляева прицепили к эшелону одного из чехословацких полков и отправили на Иркутск. В Черемхове, где фактическая власть уже тогда находилась у коммунистов, по их настоянию, в вагон села и их параллельная «охрана» из 8 вооруженных рабочих во главе с командиром партизанского отряда В.И. Буровым. Круг замыкался.

Эшелон прибыл в Иркутск днем 15 января. Колчак и его сподвижники, офицеры, которых в вагон набилось очень много, с тревогой рассуждали о том, куда и под чьей охраной их повезут далее: в Харбин или во Владивосток? А дороги дальше Иркутска вагонам Колчака и Пепеляева уже не было. Все заведомо и определенно было решено. Не известить Колчака, не сделать ему через кого-то даже намек на то, что союзники не помышляют о его спасении, — это и есть не что иное, как акт предательства. Что бы потом ни говорил Жанен, а совершено было именно предательство. Знай о предрешенности вопроса о выдаче его повстанцам, Колчак сам предпринял бы более действенные шаги к организации освобождения и побега.

Приведем отрывки из воспоминаний начальника штаба Верховного правителя и главнокомандующего генерал-лейтенанта М.И. Занкевича, составленных по свежим впечатлениям, еще в 1920 г., об обстоятельствах готовившегося предательства А.В. Колчака союзным командованием во главе с генералом М. Жаненом и чехословацким руководством. Во время двухнедельного «стояния» поездов Колчака в Нижнеудинске «...чехами, — писал Занкевич, — была получена новая инструкция из Иркутска из штаба союзных войск, а именно: если адмирал желает, он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне, вывоз же всего адмиральского поезда не считается возможным. Относительно поезда с золотым запасом должны были последовать какие-то дополнительные указания...

Адмирал глубоко верил в преданность солдат конвоя. Я не разделял этой веры... На другой день все солдаты, за исключением нескольких человек, перешли в город к большевикам. Измена конвоя нанесла огромный моральный удар адмиралу, он как-то весь посидел за одну ночь...

Когда мы остались одни, адмирал с горечью сказал: «Все меня бросили». После долгого молчания он прибавил: «Делать нечего, надо ехать». Потом он сказал: «Продадут меня эти союзнички»... Я самым настойчивым образом советую ему этой же или ближайшей ночью переодеться в солдатское платье и... скрыться в одном из проходивших чешских эшелонов... Адмирал задумался и после долгого и тяжелого молчания сказал: «Нет, не хочу я быть обязанным спасением этим чехам»...

Вагон с адмиралом был прицеплен к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка...

Перед самым отходом поезда в Иркутск, начальник чешского эшелона, к которому был прицеплен вагон адмирала (майор Кровак), сообщил мне следующие, полученные им из штаба союзных войск, инструкции:

1. Вагон с адмиралом находится под охраной союзных держав.
2. На этом вагоне будут подняты флаги Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Франции, Японии и Чехо-Словакии.
3. Чехи имеют поручение конвоировать вагон адмирала до Иркутска.
4. В Иркутске адмирал будет передан Высшему Союзному Командованию (т. е. генералу Жанену).

Действительно, битком набитый людьми вагон с адмиралом вскоре изукрасился флагами перечисленных наций и, в таком виде, в хвосте чешского эшелона, двинулся в Иркутск...

Было уже почти темно... когда поезд пришел на ст. Иркутск. Начальник эшелона почти бегом направился к Сыравану. Спустя некоторое время он вернулся и с видимым волнением сообщил мне, что адмирала решено передать Иркутскому революционному правительству. Сдача назначена на 7 часов вечера...».

Итак, вагоны стояли в Иркутске. Поздно вечером, около 9 часов, А.В. Колчаку и В.Н. Пепеляеву объявили, что они арестованы Политцентром. Конвой во главе с заместителем командующего войсками Политцентра капитаном А.Г. Нестеровым сопровождал Колчака, Пепеляева, некоторых офицеров в губернскую тюрьму. Колчака поместили в камеру номер 5. Она оказалась его последним пристанищем на этом свете. Камера холодная. Хотя Анна Васильевна незадолго до отъезда из Омска утеплела ему шинель, но все равно было холодно. Он был простужен. Общие условия содержания адмирала были самыми пакостными...

Гришина-Алмазова, вдова генерала А.Н. Гришина-Алмазова, также заключенная в губернскую тюрьму, в дальнейшем освобожденная

и эмигрировавшая, писала: «Адмирал был помещен в нижнем этаже, в одиночной камере...

Одиночный корпус в три этажа помещался в отдельном дворе, в котором было 64 камеры. Камеры были невелики: 8 шагов в длину, 4 — в ширину. У одной стены железная кровать. У другой — железный столик и неподвижный табурет. На стене полка для посуды. В углу выносное ведро, таз и кувшин для умывания. В двери камеры было прорезано окошко для передачи пищи. Над ним небольшое стеклянное отверстие — волчок. Колчак очень волновался. Он мало ел, почти не спал и, нервно кашляя, быстро шагал по камере, измученный ежедневными томительными допросами и подавленный безмерностью катастрофы, ответственность за которую он не хотел перелгать на других...

Свет гас в 8 часов. Из коридоров, освещенных огарками свечей, доносилась лишь брань красноармейцев, суливших расстрелы и казни».

ДОПРОСЫ И РАССТРЕЛ

21 января Политцентр вынужден был передать власть коммунистам, созданному ими Военно-революционному комитету во главе с А.А. Ширямовым.

Еще до ареста А.В. Колчака, 7 января, Политцентром была создана Чрезвычайная следственная комиссия под председательством меньшевика К.А. Попова, которого затем ревком заменил большевиком, председателем Иркутской губчека С.Г. Чудновским¹¹⁴. Следственная комиссия готовилась к обстоятельному допросу А.В. Колчака и приступила к нему 21 января. Последний допрос состоялся 6 февраля, когда вопрос о расстреле был уже решен. По поведению допрашивавших, общей обстановке Колчак чувствовал, что будет расстрелян. Ведь он давно уже ленинским руководством был объявлен «вне закона». Однако Александр Васильевич надеялся, что все же будут соблюдены формальности: будет суд и казнь состоится по его приговору.

В январе А.В. Колчак был объявлен «врагом народа». В какой момент, кем? Правительственного документа на этот счет никогда опубликовано не было. Возможно, само оно такого не принимало, его руководство давало лишь распоряжение в том или ином виде. Или «врагом народа» Колчак был объявлен местной властью, по своей инициативе.

Имеется такой документ, как «Телеграмма Сибирского ревкома и Реввоенсовета 5-й армии всем ревкомам и штабам в Восточной

Сибири об аресте Колчака» от 18 января 1920 г. Текст ее гласит: «Чита, Верхнеудинск, Иркутск. Именем Революционной Советской России Сибирский революционный комитет и Реввоенсовет 5-й армии объявляют изменника и предателя рабоче-крестьянской России Колчака врагом народа и вне закона, приказывают вам остановить его поезд, арестовать весь штаб, взять Колчака живого или мертвого. Перед исполнением этого приказа не останавливайтесь ни перед чем, если не можете захватить силой, разрушите железнодорожный путь, широко распубликуйте приказ. Каждый гражданин Советской России обязан все силы употребить для задержания Колчака и в случае его бегства обязан его убить.

Председатель Сибревкома *Смирнов*
Реввоенсовет 5 *Грюнштейн*
(Врид) командарма 5 *Устичев*».

Из документа видно, что сибирское руководство на 18 января еще не знало об официальном аресте Колчака Политцентром в Иркутске за 3 дня до того. 21 января с передачей им власти большевистскому губревкому Колчак официально стал уже его арестантом. Вероятно, в тот же день (20 января) или на следующий И.Н. Смирнову стало известно, что Колчак находится в тюрьме. По крайней мере, из документа от 23 января это видно. И.Н. Бурсак (Б. Блатлиндер)¹¹⁵, вступавший в должность коменданта Иркутска, называет время переговоров его со Смирновым даже «17 или 18 января». Здесь, конечно, издержки памяти. Переговоры могли состояться не ранее 20 января.

Почти сразу же, 23 января, о нахождении арестованного адмирала в распоряжении большевистского ревкома стало известно и начальнику авангардной 30-й стрелковой дивизии 5-й армии А.Я. Лапину (Лапинец). И также из телеграфного сообщения ревкома. Начдив было отдал приказ Колчака немедленно расстрелять, но Реввоенсовет 5-й армии затормозил действия ретивого командира и через него передал ревкому телеграмму иного содержания: «Революционный совет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской Республики». Видимо, к 23 января реввоенсовету 5-й армии, И.Н. Смирнову о положении в Иркутске, Колчаке было уже известно. Разговор его с ревкомом, И.Н. Бурсаком, действительно состоялся раньше, нежели

с А.Я. Лапиным. Ясно и то, что на 23 января из Москвы, от Ленина распоряжения о судьбе адмирала еще не поступило.

Нас здесь прежде всего интересует поставленный выше вопрос: кто и когда объявил Колчака «врагом народа» и «вне закона», о чем сказано в телеграмме Сибревкома и РВС-5. В ней речь идет о принятии такого постановления центральной властью вообще. В постановлении же Иркутского военревкома о расстреле А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева в мотивировке этого акта сказано о принятии такого «Советом Народных Комиссаров» республики. Текст постановления не приводился ни в этом, ни в других случаях и им. Мотивировка могла быть дана на основе той телеграммы и информации из последующих переговоров и от выславшегося через линию фронта непосредственного представителя Сибревкома. Обращает на себя внимание адресное указание на высший орган, принявший постановление, — Совнарком. Скорей всего, так оно и могло быть. Решить вопрос мог этот орган, если не официально, коллективно, то лично его председатель и вождь, то есть Ленин. Но опять же документа или упоминания о принятии такого решения в Москве не обнаружено, по-видимому, и не будет обнаружено, ибо бытовала практика принятия и отдачи Лениным лично самых кардинальных распоряжений на места, причем сугубо конспиративно, тайных. Что касается даты принятия в Москве решения (в том или ином виде) об объявлении А.В. Колчака вне закона, то она вырисовывается достаточно отчетливо: 20-го же января или днем-двумя ранее. Сдается, что так произошло и на сей раз. Сибревком и РВС-5, тем более Иркутский ревком постановления не имели, а действовали лишь на основе шифрованных телеграфных распоряжений. Сибревком и Реввоенсовет-5 получили распоряжение лишь в таком виде, и не они сами его выработали. В высшей степени маловероятно, что Смирнов решился на такое самостоятельно. Тем более, что в его телеграмме на места речь идет не только о «задержании», но недвусмысленно и об убийстве Колчака. Сам по себе этот факт, логически связанный с последующими, причем совместными действиями центральной и местной власти, тому подтверждение. Как видим, дело изначально ставилось на неправовые рельсы и при оценке личности Колчака как политического противника и как военнопленного.

Для А.В. Колчака допрос имел особое значение. Он давал показания охотно, стремясь оставить для истории, потомства и собственные биографические данные, и сведения о тех крупнейших событиях, в которых ему довелось непосредственно участвовать. Но вот

начавшийся без особой торопливости, по определенному плану ход допроса был свернут. С участием С.Г. Чудновского он вылился не в вопросительную, а чисто обвинительную форму с постоянным прерыванием обвиняемого на полуслове. Следствие уже не интересовали свидетельства виднейшего сына России об эпохе, ибо поступил приказ о его немедленном расстреле.

Долго, даже в зарубежной исторической и мемуарной литературе, считалось, что решение о расстреле А.В. Колчака было вынужденным и принято на месте — иркутскими большевистскими руководителями. Эта версия шла от мемуаристов, организовавших и производивших казнь. Для культивирования этой версии было использовано такое основание: приближение отступающих войск белых к Иркутску и предъявление их командующим С.Н. Войцеховским ряда требований, в том числе — об освобождении и передаче А.В. Колчака представителям союзников для отправки за рубеж.

Таковое действительно поступило. Колчак узнал о нем от Тимиревой. Анна Васильевна, беспрестанно любящая Александра Васильевича и преданная ему, добровольно дала себя арестовать, чтоб разделить судьбу дорогого человека, быть близ него. В тюрьме они пытались обмениваться через солдат охраны записками. Иногда это удавалось. Узнав о приближении к Иркутску каппелевцев, их требовании, Тимирева переслала Колчаку записку с сообщением об этом. Он ее получил. И ответил, заметив, что из ультиматума Войцеховского «скорее... ничего не выйдет или же будет ускорение неизбежного конца».

Каппелевцы, их командование, находясь в отчаянном положении, в сущности, скорее всего, блефовали. Они вряд ли имели реальные шансы штурмом захватить Иркутск, тем более потом вырваться из него. В их рядах насчитывалось не более 6—7 тысяч человек, многие из которых были больны¹¹⁶. Силы же красных повстанцев в это время в самом Иркутске были примерно такими же, а в его районе в целом — много больше. К концу января повстанческо-партизанские отряды, сведенные в Восточно-Сибирскую советскую армию, насчитывали до 16 тысяч бойцов. К тому же чехословаки уже вовсю «подыгрывали» красным. По пятам белых устремились части 5-й армии красных. Игра генерала С.Н. Войцеховского была проигрышной. На штурм Иркутска он так и не решился и через Глазково, занятое чехословаками, ринулся к Байкалу. Ни командование 5-й армии, ни Иркутский ревком, ни подчинявшееся ему командование повстанцев всерьез ультиматум не восприняли. Ультиматум их не испугал. Напротив, командующий повстанческой армией Д.Е. Зверев требовал от

С.Н. Войцеховского сдачи оружия и пр. Реальных шансов на освобождение Колчака у каппелевцев не было.

Как уже отмечалось в историографическом разделе биографии, Колчак физически был уничтожен по заблаговременно поступившему в РВС 5-й армии (теперь известному нам) зашифрованному личному указанию Ленина. Автором установлено, что телеграмма была послана в конце января. В подходящий момент, позволявший сослаться на опасность освобождения А.В. Колчака, председатель Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов дал прямой приказ о его расстреле. И этот документ стал известен недавно. Из документов ясно, что все мемуарные и прочие писания, будто Иркутский ревком решал вопрос о расстреле по существу, долго его обсуждал и прочее (тем более что забывал о будто бы существующем указании Ленина сохранить жизнь Колчаку во что бы то ни стало и опасался за возможное наказание) — пустые домыслы, рассусоливания, попытка спрятать концы в воду¹¹⁷.

Гришина-Алмазова, по ее словам, получившая сведения о предстоящей казни А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева еще, 5 февраля, рассказывала, как в ночь на 7 февраля в тюрьму прибыли «тепло одетые красноармейцы» и «среди них начальник гарнизона, ужасный Бурсак». Сначала вывели Пепеляева, сидевшего на втором этаже, затем, как она наблюдала через волчок, сорвав с него шляпной булавкой бумажку на клее, — Колчака. «Толпа двинулась к выходу, — отмечала она. — Среди кольца солдат шел адмирал, страшно бледный, но совершенно спокойный. Вся тюрьма билась в темных логовищах камер от ужаса, отчаяния и беспомощности».

В морозную, тихую ночь с 6-го на 7 февраля 1920 г. А.В. Колчака, а также В.Н. Пепеляева расстреляли под руководством председателя губчека С.Г. Чудновского, комендантов гарнизона и тюрьмы И.Н. Бурсака (Б. Блатлиндера) и В.И. Ишаева* — вывели за город, на берег реки Ушаковки при ее впадении в Ангару.

По рассказам участников расстрела, Колчак во все дни и в крестном пути на свою голгофу был мужественен и внешне поразительно спокоен. А внутренне, душевно?

К дню казни он, 46-летний, был уже совершенно седым.

Чудновский осуществлял общее руководство казнью, Бурсак — непосредственно командовал расстрельщиками, отдал приказ, который в последний раз довелось услышать Колчаку.

*По некоторым данным, при казни присутствовал и М.Н. Ербанов — член Иркутского губкома РКП(б).

Бурсак описал этот момент так: «Полнолуние, светлая, морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне:

— Пора.

Я даю команду:

— Взвод, по врагам революции — пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь. Так «верховный правитель всея Руси» адмирал Колчак уходит в свое последнее плавание.

Возвращаемся в тюрьму. На обороте подлинника постановления ревкома о расстреле Колчака и Пепеляева пишу от руки чернилами: «Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за № 27 приведено в исполнение 7 февраля* в 5 часов утра в присутствии председателя чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта иркутской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися:

Председатель Чрезвычайной
следственной комиссии

С. Чудновский

Комендант города Иркутска

И. Бурсак **

В 5 часов утра 7 февраля 1920 г. большевистский залп скошил Александра Васильевича Колчака, бывшего Верховного правителя России, ее прославленного адмирала и великого патриота, так радевшего за ее честь и величие.

Не в земле суждено было найти покой его телу. Ангара — водная бездна приняла его.

Известный поэт русской эмиграции Сергей Бонгарт скорбно откликнулся на смерть вождя Белого движения, одного из наиболее

* Постановление, составленное в ту же ночь, чаще датируется 7 февраля.

** В воспоминаниях, так сказать, неофициальных, неопубликованных, Бурсак говорил: «Перед расстрелом Колчак спокойно выкурил папиросу, застегнулся на все пуговицы и встал по стойке «смирно». После первого залпа сделали еще два по лежащим — для верности. Напротив Знаменского монастыря была большая прорубь. Там монашки брали воду. Вот в эту прорубь и протокнули вначале Пепеляева, а затем Колчака вперед головой. Закапывать не стали, потому что эсеры могли разболтать и народ бы повалил на могилу. А так — концы в воду».

выдающихся флотоводцев в славной истории Российского государства стихами, в которых была такая строфа:

Смерть лихорадочно косила
Со всех сторон,
Тонула, как корабль, Россия,
А с нею — Он.

КАК РЕШАЛСЯ ВОПРОС ОБ УБИЙСТВЕ КОЛЧАКА

Этот комплекс вопросов, суть которых сводится к принятию принципиально-исходного решения убить Колчака, и непременно, до сих пор исследован не до конца. В выяснении его автор этих строк уже принимал участие*, ответил на главный вопрос — кто, но до сих пор остается еще немало невыясненного.

Десятилетиями господствовало мнение, что вопрос о расстреле А.В. Колчака без суда и следствия был решен Иркутским революционным комитетом. Иногда упоминалось о согласовании «акта возмездия» с Реввоенсоветом 5-й армии.

Несколько лет тому назад один из российских авторов привел документ, свидетельствующий о том, что приказ расстрелять Колчака иркутским партийно-советским властям отдал председатель Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов. Считалось, что те хотели сохранить жизнь находившегося под арестом в Иркутской губернской тюрьме бывшего Верховного правителя России А.В. Колчака, дабы впоследствии предать его суду.

В последние годы была опубликована телеграмма В.И. Ленина председателю революционного совета 5-й армии, председателю Сибирского ревкома И.Н. Смирнову. На Западе она известна уже более 20 лет. Впервые этот документ опубликован в Париже составителем двухтомного издания «Бумаги Троцкого» Я.М. Мейером.

Вот его содержание:

«Шифром.

Склянскому: Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную теле-

*См.: Плотников И. Кто убил Колчака? // Родина. 1995. № 1. С. 50—52

грамму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин.

Подпись тоже шифром.

1. Беретесь ли сделать архи-надежно?
2. Где Тухачевский?
3. Как дела на Кав. фронте?
4. В Крыму?»

(написано рукой тов. Ленина).

Январь 1920 г.

Верно.

(Из архива тов. Склянского)».

Совсем недавно удалось обнаружить и сам оригинал записки Ленина Склянскому (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Фонд 2. Опись 1. Дело 24362. Лист 1). Тексты оригинала и копии идентичны. Увы, и в оригинале отсутствует дата.

Мы видим, что телеграммой документ называть не вполне правомерно. По существу, это записка заместителю председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянскому с текстом для телеграммы и рядом вопросов. А четыре заключительных ленинских вопроса — своего рода примечание-комментарий. Пояснение к нему Фельштинским не дано. Нам представляется, что он сделан Троцким, которому вместе с другими документами Э.М. Склянский («архив тов. Склянского») передал записку.

Текст датирован «январем 1920 г.». Фельштинский фактически проигнорировал это обстоятельство и, отталкиваясь от содержания, датировал документ самостоятельно, причем довольно условно — «после 7/II-1920 г.» (то есть после расстрела Колчака). Он, а вслед за ним и советские авторы воспринимают текст телеграммы как желание Ленина избежать огласки.

Председатель РВС 5-й армии И.Н. Смирнов в воспоминаниях писал, что еще во время пребывания в Красноярске (с середины января 1920 г.) получил шифрованное распоряжение Ленина, «в котором он решительно приказал Колчака не расстреливать», ибо тот подлежит суду.

Смирнов утверждал, что на основе этого распоряжения штаб авангардной дивизии направил телеграмму в Иркутск на имя А.А. Ширямова. Текст телеграммы сохранился и датирован 23 января. Телеграмма

гласит: «Реввоенсовет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стратегии и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской республики. Станция Юрты, 23 января 1920 г. Начдив 30-й Лапин, военком Невельсон, за начдива Голубых».

Как видим, телеграммой штаба 30-й дивизии расстрел Колчака не запрещался.

Другая телеграмма — Смирнова, посланная 26 января Ленину и Троцкому: «В Иркутске власть безболезненно перешла к Комитету коммунистов... Сегодня ночью дан по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме».

Вряд ли возможно, что такое указание Смирнов мог дать без санкции не только партийного центра, но и лично Ленина. Вопрос был архиважным.

Пожелай Ленин на деле сохранить жизнь Колчаку, он прислал бы телеграмму иного содержания, действительно запрещающую расправу. Здесь же он совершенно недвусмысленно одобряет намерения Смирнова. Ленина беспокоит только то, как бы тень за бессудную расправу над Колчаком в глазах общества не пала на него или на кремлевское руководство. Это подтверждают и неоднократные предупреждения о конспирации. Телеграмма Ленина — прямой приказ об убийстве Колчака.

Ленин не мог тянуть с отправкой своего распоряжения по получении телеграммы от Смирнова две недели, тем более посылать ее после 7 февраля, ибо текст телеграммы говорит не о том, что уже произошло и должно быть объяснено, а о том, что должно произойти и затем быть оправдано. Мы располагаем и прямыми доказательствами, подтверждающими это предположение. Каковы они?

В телеграмме речь идет об «угрозе Каппеля». Но главнокомандующий остатками колчаковской армии генерал-лейтенант В.О. Каппель умер еще 26 января. До этого он отморозил ноги, их ампутировали, после чего он скончался от воспаления легких. В командование войсками вступил генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский.

В приписке к тексту телеграммы Ленин спрашивает у Склянского о делах на Кавказском фронте и о том, где находится М.Н. Тухачевский. Эти два вопроса тесно взаимосвязаны. Положение на этом фронте было исключительно сложным. Менялись командующие, шли

распри. Надежды на улучшение дел Ленин связывал с личностью М.Н. Тухачевского.

М.Н. Тухачевский до 25 ноября 1919 г. командовал 5-й армией, затем был отозван в Москву для получения нового назначения.

22 декабря Тухачевский получает назначение на Южный фронт командующим 13-й армией. Он незамедлительно выехал в штаб фронта, которым командовал А.И. Егоров. Шли дни и недели, а штаб фронта, нарушая приказ центра, не ставил Тухачевского на армию. 19 января он обратился в РВС Республики с просьбой «освободить» его «от безработицы», дать назначение хотя бы на транспорт. О письме стало известно Ленину. Это и решило окончательную судьбу бывшего командарма. 24 января 1920 г. Тухачевский был назначен временно исполняющим обязанности командующего войсками Кавказского фронта. В штаб Кавказского фронта, находившийся в Саратове, он прибыл только 3 февраля, на следующий день его принял.

Ленин «потерял» Тухачевского и спрашивал о нем. Лишь с 4 февраля 1920 г. его имя появилось в каждодневных сводках. Значит, в дни, предшествующие 7 февраля, вождь точно знал о местонахождении и действиях командарма.

То есть в наших поисках мы снова выходим на дни, когда Лениным была получена телеграмма И.Н. Смирнова — конец января, на которую следовало отреагировать соответствующим образом.

Комментарии к ленинской записке, как мы полагаем, — Л.Д. Троцкого, датирование ее январем никоим образом не могут игнорироваться. Троцкий был в курсе подготовки расстрела Колчака.

Итак, телеграмма составлена не после 7 февраля, даже не в начале этого месяца, а в январе, очевидно, в конце 20-х чисел.

В ходе исследования вопроса мы столкнулись с таким моментом. В биохронике В.И. Ленина за 5 января 1920 г. записано: «Ленин дает указание зампредседателю Реввоенсовета Республики Э.М. Складанскому послать шифром телеграмму с директивами члену Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта И.Н. Смирнову. Запрашивает о положении дел на Кавказском фронте и в Крыму, о местонахождении М.Н. Тухачевского».

Совершенно очевидно, что перед глазами составителей был текст той самой записки Ленина, о которой мы ведем речь. Отнесение же составления документа к 5 января, вне всякого сомнения, — ошибка. И доказать это не так трудно. 5 января Кавказского фронта еще не существовало, он был создан только 16 января. Местонахождение Тухачевского Ленину тогда было известно — штаб Южного фронта, и запрос о нем, при надобности, был бы послан его Реввоенсовету.

В начале января Колчак еще находился в пути, не был ни арестован, ни доставлен в Иркутск. В это время в Иркутске только что пришел к власти эсеро-меньшевистский Политический центр. До захвата его коммунистами оставались недели.

Мы можем лишь гадать, почему составители биохроники датировали документ 5 января. А вот причины исключения текста телеграммы понятны — умолчать о жестокости, произволе и беззаконии вождя.

Итак, совершенно очевидно, что И.Н. Смирнов имел установку на расстрел А.В. Колчака непосредственно от В.И. Ленина. И он выбрал момент — выход белогвардейцев к Иркутску — и направил Иркутскому совету телеграмму: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам: находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

Иркутским руководителям был дан категорический приказ — «расстрелять» и «доложить». Смирнов, как и требовал Ленин, указывает на главный пункт обоснования для расстрела. Поэтому беспочвенна бытовавшая версия о решении вопроса «на месте». Смирнов, подобно Ленину, тоже прилагал максимум усилий, чтобы свалить вину на иркутян.

Так, председатель Иркутского ревкома А.А. Ширямов писал, что он дал указание председателю следственной комиссии С.Г. Чудновскому (он же председатель губчека) «взять Колчака из тюрьмы и увезти его из города в более безопасное место»; комиссия тем не менее решила его расстрелять (как и Пепеляева), но все же через своего представителя в Ревсовете 5-й армии хотели выяснить мнение Смирнова на этот счет. Тот якобы ответил, «что если парторганизация считает этот расстрел необходимым при сложившихся обстоятельствах, то Ревсовет не будет возражать против него». С.Г. Чудновский же изображает дело таким образом, будто по его предложению ревком рассмотрел вопрос и принял решение. О Смирнове, Ревсовете 5-й армии он даже не упоминает. Комендант города И.Н. Бурсак также умалчивает о телеграмме Смирнова. Более того, он утверждает, что через Смирнова поступило указание Ленина: «Колчака при первой же возможности направить в распоряжение 5-й армии для отправки в Москву».

Что касается требований Ленина о «непечатании ровно ничего» о расстреле Колчака, о присылке после вступления в Иркутск Красной армии «строго официальной телеграммы с разъяснением, что мест-

ные власти до нашего прихода поступали так и так», то оно в главном было выполнено. По запросу из Москвы Сибирский ревком во главе с И.Н. Смирновым 3 марта сообщил об обстоятельствах расстрела, естественно, сваливая все на иркутские власти и опасность белых войск.

Но, видимо, перед расстрелом Смирнов должным образом не инструктировал иркутских руководителей, чтобы до прихода Красной армии о Колчаке ничего не сообщать в прессе. Или, наоборот, все было согласовано, и публикация только способствовала камуфляжу? Во всяком случае, текст «Постановления № 27» ревкома о расстреле и его мотивах был опубликован незамедлительно — уже 8 февраля. Текст постановления, которому предпосылались традиционные для важнейших сообщений слова: «Всем! Всем! Всем!» — был телеграфно распространен всюду.

И пошла гулять по свету версия, что Колчак был расстрелян по инициативе и решению Иркутского ревкома. В это поверили и белые. Но, как говорится, тайное в конце концов всегда становится явным. Так и в данном случае.

В вопросе о том, кем, где и когда было принято решение о расстреле А.В. Колчака, кто приказал и кто исполнил этот приказ, полагаем, можно поставить точку.

ПРИЧИНЫ ТРАГЕДИИ А.В. КОЛЧАКА

(вместо эпилога)

В чем причина трагедии А.В. Колчака, Белого дела на Урале и в Сибири, то есть поражения от режима, созданного и руководимого большевиками?

В данном биографическом труде я вовсе не преследовал цели исчерпывающе ответить на этот вопрос. И содержанием, и представленными документами и материалами я стремлюсь познакомить читателя прежде всего с жизнью и деятельностью А.В. Колчака. Однако все же хочу высказать еще и такие соображения общего характера.

Прежде всего замечу, что трагедия Колчака есть составная часть такой же участи всего Белого движения. А оно потерпело поражение всюду. Пытаться рассматривать причины поражения Колчака локализованно, вне общей обстановки в стране, на всех фронтах, без сопоставления политики, вооруженных сил белых и красных вряд ли продуктивно. Часто отмечают: Колчак — выдающийся военный, но моряк, и взялся как бы не за «свое» дело — руководство действиями сухопутных вооруженных сил. Это так и не так. Во-первых, он осуществлял лишь общее руководство военными действиями, а непосредственное — общевойсковыми, его Ставка, Главный штаб, командующие фронтом и соединениями. Во-вторых, в других регионах страны, в частности на юге России, во главе Белого движения стоял один из опытнейших генералов А.И. Деникин, а результат получился тот же. При этом следует учесть, что в лагере Деникина собрался цвет генералитета, кадрового офицерства и политических сил России, чего не было у Колчака. И тем не менее результат один. Так что дело не только и не столько в военной профессии Колчака.

Представляется, что победа белых собственными силами лежала почти за пределами возможного. Стихия разрушительной волны в России оказалась столь мощной, особенно с момента, когда ею умело овладели большевики, что выдерживать ее, тем более сокрушить

было крайне трудно. Белые долго и упорно внушали себе мысль, что советская власть — это случайное, противоестественное и, значит, кратковременное явление. Они не понимали всей силы опасности большевизма и безмерно запоздали с развертыванием масштабной вооруженной борьбы да и принятием других радикальных мер.

Ожидание низами общества (в составе которых большую, все увеличивавшуюся толпу составляли люмпенизированные, маргинальные элементы) избавления от тягот войны, социальных бедствий стало благодатной почвой для распространения, а с Октября — вколачивания всеми средствами пропаганды и агитации на государственном уровне захватно-распределительных и разрушительных коммунистических идей. Обещание скорого светлого будущего воспринималось вполне достижимым. Надежда на чудо действительно овладевала десятками миллионов. На зараженные утопической идеей слои населения легче ложилась и идея сословно-классовой нетерпимости, беспредела насилия. Нетерпимость, и все большую, к большевикам, их сторонникам, раздражительность по поводу поведения низов общества проявляли и противники советской власти. Здравого смысла лишались обе борющиеся стороны.

Большевистские лозунги — «Бей кровопийцу-помещиков, буржуев, мироедов-кулаков, интеллигентов — пособников эксплуататоров, попов — подпевал богатых» или «Грабь награбленное» — толкали на насилие, становились двигательной силой на фронте и в тылу.

Белые, конечно, не могли пользоваться подобными лозунгами и методами.

Одной из масштабных ошибок Колчака была попытка поставить армию вне политики, вплоть до законодательного запрещения участвовать в политической деятельности офицеров и солдат. И это в условиях Гражданской войны, громадной ставки коммунистов на поголовную идеологизацию сознания красноармейца, на «окомиссирование» частей и соединений армии. И на аполитичное «вакуумное» сознание солдат Колчака, естественно, сильнее действовала агитация коммунистов-подпольщиков.

Большевистские же, советские и военные, военно-политические органы власти составляли собой монолит. Действия всех звеньев их системы, всех фронтов жесточайшим образом контролировались и координировались.

Белое движение по целому ряду параметров уступало красному. Все крупнейшие очаги Белого движения географически были разобщены и не только практически не координировали своих операций, но и часто действовали в ущерб друг другу. О громадной ущербности

общему делу достижения победы над большевиками, пестрой партийной и политической междоусобицы, борьбы между социалистическими, либерально-демократическими и правыми, реакционными силами и говорить не приходится.

Все белогвардейские правительства, особенно колчаковское, сохраняя на знаменах лозунг «Единая и неделимая Россия», действовали весьма негибко в области межнациональных отношений, почти не находили компромиссных, хотя бы кратковременных, решений. И в этом направлении они лишали себя возможности расширять антибольшевистский фронт за счет национально-демократических движений. Пропаганда и действия большевистского правительства были во многом диаметрально противоположными, тактически куда более гибкими. Если вожди Белого движения в ответ на требования самоопределения, автономии обычно говорили «нет», то большевики давали щедрые обещания, заявляли о признании самостоятельности государств, при первой возможности столь же легко их нарушая.

Сосредоточение в центральных районах военной промышленности, которой располагали советы, и отсутствие или только отдельные ее вкрапления на окраинах, где действовали белые, создавали дисбаланс сил. Он не был преодолен и поставками белым оружия, боеприпасов и снаряжения из стран, союзных России. Вмешательство в дела России иностранных государств для оказания помощи Белому движению оказалось малополезным. Конкуренция между самими союзниками, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири, борьба их за влияние на правительства белых лишь ослабляли общий фронт антибольшевизма.

Красная армия в разгар Гражданской войны имела гораздо большую численность, чем все белогвардейские армии, даже с учетом численности иностранных войск. К началу 1919 г. Красная армия насчитывала 1 млн 630 тысяч, к концу этого года — 3 млн, а на 1 ноября 1920 г. — даже 5,5 млн человек — в несколько раз больше, чем у белых. Она обладала большим количеством орудий, пулеметов, одним словом, имела превосходство в живой силе и огневой мощи. Даже по уровню использования старых военных специалистов советы преуспели. В массе своей их мобилизовали, заставили воевать на своей стороне большевистским методом — под угрозой расстрела членов семей, превращенных в заложников.

И наконец, укажем на то, что правительства белых, каждое из них, включая правительство А.В. Колчака, в деле мобилизации людских и материальных ресурсов, руководствуясь незабытым понятием чести, не решились перейти определенный рубеж отношений с населением, как это делали большевики: применять массовые расстрелы

против уклоняющихся от мобилизации и дезертиров, создавать казарменные условия на предприятиях, повальными контрибуциями, обысками и репрессиями изымать у зажиточных слоев населения ценности, посредством вооруженного похода продовольственных отрядов и регулярных войск поголовно грабить крестьян, изымать у них так называемые излишки, а чаще всего все запасы хлеба при беспощадном подавлении сопротивляющихся.

Войска белых испытывали большие затруднения с продовольствием, а между тем у крестьян его там было еще довольно много. Когда красные победоносно врвались на Юг, на Украину, в Поволжье, на Урал, в Сибирь, то обнаруживали для себя огромные источники изъятия продуктов питания, товаров и других ценностей.

Как видим, белые, будучи привлекательнее внешне и в морально-этическом отношении, проигрывали красным по многим параметрам политического, идеологического и организационного характера. Практически все отмеченное относилось как частное к общему, и к региону Колчака часто в большей мере, чем к другим. В частности, у него крайне мало было кадровых опытных офицеров, преобладали офицеры военного времени, по поводу низкого качества подготовки которых, анализируя опыт мировой войны, он сам ранее так сокрушался.

Разумеется, были, помимо отмеченных, и иные причинно-следственные моменты, объясняющие катастрофу войск и правительства Колчака. Но, во-первых, они носили относительно частный характер, во-вторых, о наиболее значительных из них так или иначе сказано в биографическом очерке. В сложившейся исторической обстановке в стране, в том числе в ее восточных районах, в тогдашнем состоянии умонастроений россиян, гигантском всплеске нетерпимости и разрушительности Белое движение в целом, равно и благородные порывы и усилия такой личности, как А.В. Колчак, думается, в то время были практически обречены. Понадобились почти семь десятилетий, чтобы некоторая часть нашего народа убедилась во внутренней правоте Белого движения, его вождей и всей исторической России.

Трагедия Колчака — трагедия всего нашего многострадального народа.

* * *

Прижизненная характеристика адмирала А.В. Колчака и в первую очередь оценка его деятельности в роли Верховного правителя России и военного вождя, сделанные его сподвижниками, имеют для нас особое и непреходящее значение.

В оставленных в наследство нам литературе, воспоминаниях, дневниковых записях и переписке современников и сподвижников А.В. Колчака тоже делается попытка ответить именно на этот главный вопрос: в чем причина поражения армий А.В. Колчака, самых крупных в Белом движении? В разных трудах справедливо указывается и на ошибки в военном строительстве, и на огромный бюрократический аппарат гражданского и военного управления, и на стяжательство ряда сотрудников, и на плохую постановку снабжения фронтов. Многие пишущие останавливаются и на вопросе о некомпетентности моряка-адмирала в проведении общевоинских сухопутных операций и об оставляющем желать лучшего его выборе себе заместителей и помощников. Обобщая многие ошибки и промахи Колчака, генерал-лейтенант Д.В. Филатьев главным все же считает чрезвычайно сложную и запутанную обстановку и «совокупность различных сил, тянущих общее дело».

Целиком негативную оценку дает адмиралу в своих публикациях французский генерал М. Жанен, который командовал военными силами союзников на Дальнем Востоке и в Сибири.

К сожалению, этот генерал, ничем не помогший белым в борьбе, пристрастный к Колчаку при жизни, не справился со своими амбициями и после его смерти. Воспоминания Жанена только подчеркнули его неприглядную, фактически предательскую роль в судьбе А.В. Колчака. Это, слава богу, не осталось незамеченным в Европе и во Франции, и Жанен, по возвращении на родину, был уволен в отставку.

В ответ на обвинения Жанена в защиту Колчака выступил английский генерал А. Нокс, тоже хорошо знавший Александра Васильевича (см. раздел 19 в части II).

Практически все современники, включая известных историков и представителей антибольшевистского лагеря (С.П. Мельгунов, П.Н. Милюков), обращали внимание на то, что ставить «в вину» Колчаку его морскую профессию нельзя. Конечно же причины поражения носили более глубинный характер.

Историю творят люди, и всегда нам интересны их чисто человеческие черты. Многие из знавших А.В. Колчака оставили нам его портрет: упоминавшийся Д.В. Филатьев, М.И. Смирнов, барон А.П. Будберг, Г.К. Гинс и др. Для всех них А.В. Колчак — человек кристально честный, лично бескорыстный, «бессребреник». Он — высоко образован, начитан, прекрасный собеседник. И он, конечно, — великий патриот, всегда готовый отдать жизнь за Россию.

Вместе с тем он — обладатель сложного характера, в последний год — очень неровный, отнюдь не всегда столь волевой и сильный, как прежде, еще в 1917-м и начале 1918 г.

Ценны для нас и воспоминания его гражданской жены А.В. Тимиревой, всегда отмечавшей такие личностные черты Колчака, как обаяние, духовность, мужественное отношение к жизни и смерти как профессионального военного (предчувствие трагедии и готовность ее безропотно принять).

В первую годовщину гибели А.В. Колчака И.А. Бунин предсказал время, когда его имя золотыми письменами будет начертано в летописи Русской земли.

Это время подходит.

Летом 2001 г. в Санкт-Петербурге планировалось открытие мемориальной доски, посвященной А.В. Колчаку, на здании Морского кадетского корпуса, который он закончил в 1894 г. Был уже назначен день и час для этой церемонии, и все было готово для ее осуществления. Но люди, пришедшие на церемонию, так и не дождались ее. Буквально за несколько часов до назначенного времени по каким-то не до конца ясным причинам организаторы дрогнули и отменили эту благородную акцию.

Хотим верить, что не отменили, а лишь отложили...

Часть II

**АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛЧАК**

**В ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ,
ИССЛЕДОВАНИЯХ, ПИСЬМАХ
И ВОСПОМИНАНИЯХ**

Раздел 1

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ХРОНИК И АВТОБИОГРАФИИ

№ 1

Фрагменты из исследования Р.А. Колчака, сына адмирала: Адмирал Колчак, его род и семья

«Верховный правитель России, адмирал Александр Васильевич Колчак погиб почти что сорок лет тому назад. Гражданская война еще продолжалась после его смерти, но никто уже не взял на себя ни его должность, ни его звание. Он оказался последним главой того государства, которое называло себя Россией.

Конечно, Россия как нация не погибла и живет под инициалами С.С.С.Р., но Россия дореволюционная принадлежит уже одной истории. Так же и личность адмирала уже вне политики и принадлежит только истории.

Гражданская война — безусловно, самое страшное испытание, которое может выпасть на долю государства. Национальное начало — тот дух, который дает единую жизнь всему комплексу этнических, сословных, социальных и культурных начал, раскалывается на ряд взаимно исключающих себя сил. У каждой из этих сил есть своя правда, и каждая из них имеет свое право на жизнь. Но совместная, согласованная, объединенная высшим одним началом жизнь становится невозможной. В порядке борьбы какие-то из них побеждают и уничтожают тех, которые не хотят или не могут подчиниться.

Я не собираюсь писать здесь о России, ни даже о личности адмирала, а только о его семье, история которой еще менее известна, чем сам адмирал. Как ни странно сказать, о нем самом, вне круга личных сослуживцев и друзей, широко известно очень мало. Не потому, что о нем не говорили и не писали — библиография о нем довольно обширна...

Почти все книги, написанные об адмирале, составлены участниками, русскими или иностранными, Гражданской войны. Цель их

всегда оправдать действия автора, и так как эти действия не увенчались успехом, то все обыкновенно сводится к выставлению самого себя в лучшем виде и в обвинении тех, кои, находясь в могиле, ответить не могут. Если читать эти мемуары, то вообще становится непонятным, почему человек, может быть, и «хороший адмирал», но «плохой политик», человек без «обаяния» и без «влияния на народ», человек «нервный» и «плохо себя сдерживающий» мог стать Верховным правителем и быть признанным таковым начальниками белых армий, находившихся вне Сибири. Как будто все было не совсем так, как сказано упомянутыми мемуаристами.

Адмирал имел влияние на толпу и был оратором. Его личным влиянием объясняется то, что в Черноморском флоте не было беспорядков при падении империи. Было, по-видимому, и личное обаяние.

В 1946 г. я встретился в Париже с французским полковником, бывшим — еще молодым офицером — во французской военной миссии в Сибири в 1919 г. Он долго и пристально на меня смотрел и сказал мне: «Да, вы очень похожи на вашего отца... Та же походка, та же манера сидеть, держать папиросу... Вы похожи и лицом, но выражение лица у вашего отца было другое. Я имел честь, как начальник французской части, назначенной для его охраны, быть неделю в поезде Верховного правителя и видеть его вблизи. И эта близость одной недели наложила печать на всю мою жизнь...»

Я посмотрел на него вопросительно. «Вы не можете понять, — добавил он, — что было для меня, ничтожного лейтенантика, жить в присутствии главы правительства. А главой правительства тогда он был. Если бы вы видели, при его объезде фронта, эти толпы народа на коленях... Я видел, как для них ваш отец был последней надеждой, последним заступником, от которого они ждали спасения».

Через несколько недель я снова встретился с полковником. Мы шли вместе по бульвару Инвалидов. Он остановил меня, показал одно окно в бесконечном здании военной администрации и сказал: «За этим окном был кабинет маршала Фоша¹. В 20-м году маршал вызвал меня для доклада, и я два часа рассказывал ему то, что я видел в Сибири. Могу вас уверить, что мнение маршала о том, что произошло в Иркутске, было то же, что мое и ваше...» Как я сказал, я не собираюсь писать об отце — хочу только упомянуть несколько черт малоизвестных...

На мой взгляд, лучшая и наиболее объективная книга об адмирале (помимо его собственных показаний перед следственной комиссией — «Допрос Колчака». Центрархив. ГИЗ, 1925) — это труд профессора С.П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака», изданная

в 1930 г. Мельгунов первый попытался быть только историком, и это ему почти удалось. Это тем более замечательно, что Мельгунов не был политическим единомышленником адмирала.

Но у адмирала не было, и, в сущности, не могло быть политических единомышленников. Адмирал не был и никогда не хотел быть политическим деятелем. К политике и к общественной жизни призвания у него не было, и политика ему всегда была чужда. В этом была и его сила, которая вынесла его на вершину власти, и слабость, так как политические, а не национальные принципы оказались решающими для исхода Гражданской войны. Адмирал считал себя военным, и только военным. Он руководствовался только теми принципами, которые обязательны в военной среде...

Для истории прав только победитель. Побежденный всегда осужден, хотя то, чему он служил, может быть, и не погибнет и когда-нибудь победит в свою очередь. Такова жизнь... Теперь прошло сорок лет со времени гибели адмирала. Давно в могиле его бывшие начальники, его сослуживцы, товарищи по выпуску. Для новых поколений, живущих в Советском Союзе, Гражданская война уже далекое прошлое, рассказы отцов и даже дедов. Личность убитого Верховного правителя уходит в прошлое, уходит в историю, и он становится постепенно «*tel qu'en lui-même enfin l'éternité le change*»*.

Интересно, что в Советском Союзе он остался для властей предрешающих символом и образом непримиримого «врага народа». О других белых вождях упоминается мало...

Адмирал был «мечтателем». Настоящий человек дела и творчества всегда «мечтатель». Надо сначала иметь способность «вообразить», чтобы потом претворить в жизнь. Мечтой адмирала в молодости было найти Южный полюс. Но это ему не было дано — он участвовал в полярных экспедициях в Арктическом океане (Великий Северный морской путь) и за последнюю свою полярную экспедицию, снаряженную Академией наук для поисков погибшей на острове Беннетта экспедиции барона Толля, получил редкую награду — Константиновскую Золотую медаль (кажется, он был третьим ее получившим как научный исследователь). В особом и замкнутом мире полярных ученых и исследователей адмирал известен как «лейтенант Колчак». Его научные статьи, переведенные, в частности, на английский язык, можно найти в «полярных» библиографиях. В 1910 г. Академия наук издала его большой труд «Льды Карского и Сибирского морей». Среди фотографий при этой книге

*Таким, как его делает вечность (фр.).

имеется и фотография острова Колчака² — одинокая, безлюдная скала, закованная в полярные льды.

Адмирал Александр Васильевич произошел из того мелкопоместного, служилого дворянства, из которого в течение веков создавались кадры Российской империи, военные и гражданские. В сущности говоря, оно же и создало то, что можно назвать русской культурой. В свое время эти обязанности выполняли «дети боярские», и эти же обязанности были предписаны Петром Великим «шляхетству», когда государь этот преобразовывал свою империю. Петр Великий хотел создать определенный класс служилого дворянства для государственных целей, которые он себе поставил. Эти начинания, если он сам не успел провести в жизнь, были впоследствии осуществлены его последователями — государынями XVIII века: Анной Иоанновной, Елизаветой Петровной и Екатериной Великой.

Род Колчаков внесен во вторую часть родословной книги дворян Херсонской губернии. Вторая книга, как известно, включает роды, получившие потомственное дворянство чинами военными. При ревизиях 10-х годов Колчаки были утверждены в потомственном дворянстве указом Герольдии Правительствующего Сената от 1 мая 1813 г. за № 7054...

Александр Васильевич был очень верующий, православный человек; его характер был живой и веселый (во всяком случае, до революции и Сибири), но с довольно строгим, даже аскетически-монашеским мировоззрением. У него были духовники, монахи, и я слышал, как он, будучи командующим Черноморским флотом, навещал одного старца в Георгиевском монастыре в Крыму. Вероятно, эти черты были в нем заложены его матерью...

Отец адмирала, Василий Иванович Колчак, издал в 1904 г. книгу «Война и плен». Так вот эти «война» и «плен» повторялись в его семье из поколения в поколение. Какой-то рок приводит старших сыновей его ветви быть вовлеченными в большие военные катастрофы. Как турецкий генерал, его пращур был при разгроме турок под Ставучанами захвачен в плен в Хотине, Василий Иванович был ранен и взят в плен при штурме Малахова кургана французами. Его сын, Александр Васильевич, контужен и взят в плен в Порт-Артуре японцами, а сын адмирала, Ростислав, мобилизованный во французскую армию в 1939 г., был взят в плен германцами с остатками 103-го пехотного полка 16 июня 1940 г., после боев, начавшихся на бельгийской границе и закончившихся на Луаре, при разгроме французских военных сил и взятии Парижа.

Так из рода в род повторяются и нашествия иноплеменников, из рода в род жены должны спасать детей из горящих городов, от бом-

бардировок, голода, грабежей, расстрелов... По-видимому, разорение, бегство в чужие страны, изгнание, перемены подданства, языка и даже веры — явления нормальные...»

К о л ч а к Р. Военно-исторический вестник. Париж, 1959. № 13. С. 16—18; 1960. № 16. С. 16—17.

№ 2

**Из автобиографии Александра Васильевича Колчака
(составленной не ранее марта 1918 г.)**

«Находясь за границей в период, предшествующий окончательному развалу Российской государственности, я видел, что в вопросах нашей внутренней политики наиболее ясный отчет отдавали себе военные деятели, стоящие, быть может, на несколько специальной, но тем не менее государственной точке зрения.

В развале нашей вооруженной силы они видели гибель государственности, а вовсе не выражение демократических настроений русского народа.

Для людей военных всего мира было совершенно ясно, что революция, не сумевшая выиграть войну, когда для этого были все средства, неминуемо приведет страну к анархии, что впоследствии и произошло. Я оставил Америку накануне большевистского переворота и прибыл в Японию, где узнал об образовавшемся правительстве Ленина и о подготовке к Брестскому миру. Ни большевистского правительства, ни Брестского мира я признать не мог, но как адмирал русского флота я считал для себя сохраняющим всю силу наше союзное обязательство в отношении Германии. Единственная форма, в которой я мог продолжать свое служение Родине, оказавшейся в руках германских агентов и предателей, — было участие в войне с Германией на стороне наших союзников. С этой целью я обратился, через английского посла в Токио, к английскому правительству, с просьбой принять меня на службу, дабы я мог участвовать в войне и тем самым выполнить долг перед Родиной и ее союзниками. Я был принят на английскую службу и получил распоряжение отправиться на Месопотамский фронт, куда я и отправился. Из Сингапура, однако, я был возвращен по распоряжению английского правительства, которое по представлению нашего посла в Пекине князя Кудашева освободило меня от службы, так как мое присутствие стало необходимым на нашем Дальнем Востоке»³.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 18—21.

Раздел 2

ПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

№ 3

Донесение начальника Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля президенту Императорской Академии наук Великому князю Константину Константиновичу, составленное в январе 1901 г.⁴

«Ваше Императорское Высочество.

Имею счастье довести до сведения Вашего Императорского Высочества, что судно вверенной мне экспедиции «Заря», несмотря на неблагоприятные условия для плавания в нынешнем году, благополучно прошло все Карское море до северо-западной оконечности Таймырского полуострова. Здесь барьер несломанного в этом году льда и наступление зимы заставили меня 13(26) сентября стать на зимовку.

...О плавании яхты «Заря» до Югорского шара известно Вашему Императорскому Высочеству из телеграмм...

...13(26) августа мы прошли траверс мыса Стерлегова и подвинулись сравнительно много вперед, но на другое утро встретили сплошной лед. Только на востоке открылся вход в залив или пролив, о котором мы, не имея в последнее время вследствие тумана определения местности, предположили, что это, быть может, Таймырский пролив. Поэтому я решил войти в этот залив, чтобы ориентироваться и исследовать его до перемены состояния льда к лучшему.

...В этом заливе экспедиция невольно провела время от 15(28) августа по 3(16) сентября. На западе Таймырского полуострова он является первым изученным заливом, поэтому я предлагаю назвать его в память первого научного исследователя Таймырского края А.Ф. Миддендорфа, совершившего свою достопамятную экспедицию по поручению Императорской Академии наук в 1843 г., заливом Миддендорфа.

...Лейтенант Коломейцев снял компасом и дальномером большую часть залива Миддендорфа, притом он же и, кроме того, лейтенанты Матисен и Колчак проверяли глубины залива.

...3(16) сентября «Заря» благополучно вышла из залива Миддендорфа, но пройти далеко к северу нам не удалось.

...Пробиваясь через лед, мы вошли в одну бухту, где первый раз могли ориентироваться по эскизу карты, которую вручил мне Нансен, рекомендуя гавань «Колин Арчера» как лучшее место первой зимовки; мы прошли теперь именно эту гавань в западной части Таймырского пролива. Здесь, в двух милях от последней гавани, на рейде, защищенном со всех сторон от напора льдов, «Заря» пришвартовалась к не ломанной с прошлого года льдине на зимовку.

...Зоологические и гидрологические станции делались во время плавания до залива Миддендорфа почти каждый день раз в сутки, но отсюда, ввиду трудности борьбы со льдами, они производились только во время стоянок в заливах.

...Станции начинались всегда гидрологическими работами, которыми заведовал лейтенант А.В. Колчак; эта научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудности соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого. Сейчас после окончания гидрологических работ начинались работы зоологические. Станция занимала каждый раз от 2 до 3 часов времени. О гидрологических работах составил отчет лейтенант А.В. Колчак.

...С наступлением светлого времени начнутся санные путешествия. Исследование восточной части Таймырского полуострова является теперь, вследствие местоположения нашей зимовки, конечно, более затруднительным, чем это было бы в том случае, если бы удалось зимовать на восточной стороне Таймырского полуострова, к северу от устья Хатанги. С целью устранить по возможности эти трудности я предпринял перед наступлением зимней ночи, в конце октября, с лейтенантом Колчаком санную поездку на двух собачьих нартах, при которых служили каюрами Расторгуев и матрос Носов, к фиорду Гафнера, открытому Нансеном на западном берегу Восточного Таймырского, или Челюскина, полуострова...

...Командование «Зарею» я передал старшему офицеру, лейтенанту Матисену.

Вашего Императорского Высочества
всепокорнейший слуга Э. Толль.

Яхта «Заря», в январе 1901 г.»

Известия Императорской Академии наук. 1901. Т. 15. № 4 С. 335, 341—342, 346—347, 349, 352.

Приложение № 3 к донесению начальника Русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля

Отчет лейтенанта А.В. Колчака о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 г. в составе Русской полярной экспедиции под начальством барона Э.В. Толля, составленный 7 октября 1900 г.⁵

«Гидрологические работы были начаты на переходе из Екатерининской гавани в Югорский Шар 1 августа н. с. С этого дня начались наблюдения над температурами и удельными весами поверхностного слоя морской воды через промежутки времени около 4 часов и глубоководные работы, производившиеся на станциях, которые были предположены один раз в сутки, когда яхта находилась в море. По проходе Югорского Шара начали брать с каждой станции образцы морской воды для дальнейших исследований. На яхте производились только объемные анализы на содержание хлора.

Со времени вступления в Карское море одновременно с наблюдениями над поверхностным слоем воды велись записи о форме и состоянии встречаемого льда. Наблюдения над поверхностной водой состояли в определении ее температуры и удельного веса с помощью ареометров. При ареометрических работах по возможности выполнялись и были принимаемы в расчет последние исследования и указания профессора Нансена, изложенные в его работе «On hydrometers and the surface tension of liquids»*. Объемный анализ на содержание Cl** в море производился очень редко, так как опыты в этом отношении показали, что на ходу эта работа связана со многими неудобствами, не имеющими места на якорной стоянке. Поэтому для титрования брались пробы, а работы по объемному анализу были выполнены на якоре в порте Диксона, фиорде Миддендорфа и на месте зимовки на рейде «Зари». Станции для наблюдений над подповерхностными слоями воды, как выше сказано, вначале предполагалось производить раз в сутки. Но так как эта работа требовала остановки судна, то она очень часто не представлялась возможной при условиях плавания во льду, как в смысле упомянутой остановки машины, так и в отношении времени, потребного на необходимые наблюдения. Поэтому установить определенную систему подповерхно-

* Гидрометрия и поверхностное напряжение жидкостей (англ.)

** Хлор

стных наблюдений не представлялось возможным, и количество этих наблюдений, производимых на каждой станции, шло обратно количеству льда и других препятствий для скорого и безопасного плавания яхты.

Для работы на станциях пользовались следующими приспособлениями и приборами.

Измерение глубин, опускание батометров и термометров производилось почти исключительно ручной выюшкой с линем кремнистой бронзы. Изредка работали на стальном лине выюшки Томсона или стальной проволоке выюшки Джемса. Для измерения длины выпущенного лinya служили счетчики, изготовленные фирмой Lyth в Стокгольме. Для измерения глубин и доставания образцов грунта употреблялись исключительно 35-фунтовые лоты с грунтовыми щипцами или кранами, изготовленными фирмой Jonson & Phillips, Old Charlton, Kent. Все эти приспособления действовали вполне удовлетворительно. Для взятия объемов воды с определенных глубин служили батометры Петтерссона и Гамберга. На станциях обыкновенно работали батометрами обеих систем, производя наблюдения по возможности в следующем порядке.

После измерения глубины и получения образца грунта опускался донный батометр Гамберга. Устройство этого прекрасного прибора, обеспеченного от повреждений при случайном ударе о грунт, что легко может иметь место при неровном дне и большом дрейфе судна, а главное — отсутствие возможности засорения клапанов при этом прикосновении, являлось причиной того, что им пользовались всегда для взятия объема придонной воды. Негерметичность батометров Гамберга, отчасти обуславливаемая их конструкцией, по-видимому, совершенно отсутствовала в донном батометре. Что же касается до второго батометра Гамберга, в раме с поворотным термометром Negretti & Zambra и могущего быть установленным на любом месте лinya, то в нем замечалась некоторая негерметичность; поэтому он употреблялся только для верхних слоев... Во всех остальных случаях наблюдения производились при помощи батометров Петтерссона.

Батометры последней системы, являющиеся самыми совершенными приборами в этом роде благодаря своей прекрасной изоляционной системе, дают возможность очень точно измерить температуру того слоя воды, в котором они находились...

Если время позволяло, после того, когда были окончены работы с батометрами, делались отдельные наблюдения над температурами. Термометры Negretti & Zambra имелись в рамках трех систем: 1) в рамках Милля переворачивающиеся грузом, опускаемым по линю, 2) с обык-

новенным винтовым разобщителем и 3) в деревянных рамах (очень удобные для малых глубин).

Первыми работали только вначале, во время свежей погоды и на больших размахах боковой качки, когда другими инструментами работать было неудобно или невозможно. Во всех остальных случаях применяли термометры с винтовым разобщителем или же в деревянной раме. Погрешность термометров Negretti & Zambra, зависящая от их конструкции и состоящая в том, что ртутный столбик отрывается не всегда точно в одном месте и изменения при перемене температур длины оторванного столбика ртути не позволяют быть уверенными в точности большей чем $\pm 0,2^\circ$, а иногда $\pm 0,3^\circ$. Поэтому термометры обыкновенно опускались попарно для возможного контроля одного прибора другим...

Для газового анализа образцы воды брались в стеклянные ампулы с вытянутым воздухом, внутренняя поверхность которых была покрыта тонким слоем осажденной сулемы и которые запаивались немедленно по наполнении водою из батометра. К сожалению, не все ампулы были выполнены точно по данным образцам и некоторый процент из них дал при наполнении их водою неудовлетворительные результаты.

Для полного химического анализа образцы воды фильтровались в стеклянные бутылки с притертыми пробками, которые заливались парафином и обтягивались животным пузырем.

Образцы грунта не высушивались, а прямо перекадывались из грунтовых кранов в стеклянные банки с притертыми пробками, в которые приливалось несколько капель насыщенного раствора сулемы.

Объемный анализ на содержание хлора, представлявший применение метода Фольгардта, хотя и несколько сложный в сравнении с обыкновенным титрованием азотнокислым серебром, явился весьма удобным в смысле легкой поверки и применения как индикатора роданистого аммония (реагирующего на железо-аммиачную соль), что имеет немаловажное значение при условиях недостатка освещения судовой лаборатории.

Наблюдений над льдом, если не считать обыкновенных заметок о форме и виде встречаемого льда, сделано немного, так как в море эта работа увеличивала потребное на производство станции время, требуя схода наблюдателя со шхуны на лед.

Вообще все работы достаточно выяснили хорошую сторону имеемых на шхуне инструментов и приборов и вообще снабжения по гидрологической части, заставляя считаться при наблюдениях лишь с

условиями полярного плавания, а не с качествами или количеством располагаемых средств.

Всего с 1 августа до 15 сентября сделаны наблюдения на 32 станциях. Из них 17 произведено в открытом море, а 15 относятся к якорным стоянкам у берегов и в бухтах Западного Таймыра. Со станций взято около 100 образцов воды и грунта и произведено 65 объемных анализов на содержание.

С приходом на место зимовки предположены на зимнее время ежедневные наблюдения над удельными весами и температурами подледного слоя воды, определение толщины льда и еженедельные сериальные наблюдения над температурами воды до дна и определения удельного веса придонной воды.

Заведующий гидрологическими работами экспедиции
флота лейтенант Александр Колчак.

*Рейд «Зари», Западный Таймыр,
1900 г., октября 7 дня н. с.».*

Известия Императорской Академии наук. 1901. Т 15. № 4 С 361—364.

№ 5

Из предварительного отчета начальника экспедиции на землю Беннетт для оказания помощи барону Толлю лейтенанта А.В. Колчака 9 марта 1904 г.⁶

«Согласно полученному мною от Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции в январе месяце 1903 г. предложению приступить к организации шлюпочной партии... 21 апреля вельбот был уже в Казачьем, а 22-го явился туда и я. Благодаря энергии П.В. Оленина и Бегичева была приобретена 161 собака, нарты и другие принадлежности для санных переходов на острова. 28 апреля, после окончания найма якутов, промышленников и отправки вперед вельбота и грузов, я оставил Казачье и 4 мая прибыл в Аджергайдах на берегу Ледовитого океана.

5 мая я вышел в море, направляясь мимо Св. Носа на S-й* берег Большого Ляховского острова, в составе одного помощника, 6 человек вельботной команды и 9 каюров-якутов и тунгусов при 10 нартах и вельботе, поставленном на две нарты, со 161 собакой. Неулов рыбы на Яне поставил мое предприятие в очень серьезные условия:

* Южный.

у меня не было корма для собак, и еще в Казачьем мне пришлось кормить собак оленями, сберегая ограниченные запасы рыбы для перехода на острова. Несмотря на запасы провианта всего на 3 месяца и почти полное отсутствие научного снаряжения, 161 собаки было недостаточно. Тем не менее приобрести большее количество их было невозможно, так как и без того их пришлось закупать даже на Индигирке. К недостатку корма присоединились и тяжелые условия для перехода морем, так как время было позднее и днем уже началось таяние. На Большом Ляховском острове у меня кончились запасы рыбы для собак и пришлось обратиться к охоте на оленей, а при случае кормить собак консервами. Энергия моих спутников обусловила успешную охоту, и я прошел до Ванькина стана на берегу Большого Ляховского острова, откуда предполагал идти на Фаддеевский остров и Новую Сибирь...

Лето, начавшееся с конца мая, до первых чисел июля было теплое, несмотря на свежие ветры и туманы; таяние было очень энергичное: лед разрушался очень быстро и давал надежды на скорое взламывание. Мы занимались переделкой вельбота для предстоящего плавания, приделали к нему полозья для движения по льду, испытывали его в образовавшихся трещинах и полыньях, не забывая в то же время и охоту. Последняя давала нам достаточное количество свежего оленьего мяса и птицы; некоторое подспорье принесла и рыбная ловля в устьях тундровых речек, в которых мы ловили крупную кету или гольцов...

8 июля в ледяном покрове началось движение, и я сделал попытку выйти в море, но, дойдя до Медвежьего мыса, вернулся обратно на Михайлов стан: с высоты мыса было видно, что море к востоку было покрыто сплошным льдом; не было даже заберегов, так как двинувшийся покров вышел на берега. Только 18 июля при крепком ветре, в порывах доходившем до степени шторма (20 м), я вышел в море и добрался к вечеру частью под парусами, а частью тягой по льду до Елисеевского стана. На другой день я продолжал идти вдоль берегов Котельного и Земли Бунге на восток под парусами, местами выходя на лед и перетаскивая вельбот через массы стоящего льда. Тяжелая шлюпка, вместе с грузом весившая около 75 пудов, не раз заставляла нас вспоминать переход с материка, который мы все сделали не выходя из лямок и сравнительно с которым теперешний казался довольно легким и удобным; тем не менее мы продвигались вперед довольно успешно. Два обстоятельства крайне осложняли нашу работу: снег, шедший огромными массами каждый день с 26-го по 29 июля, и крайняя отмелость берегов Земли Бунге и Фад-

деевского острова, не позволявшая шлюпке подойти ближе 2—3 кабельтовых к берегу и принуждавшая нас перебираться для отдыха по воде, перетаскивая палатку и провизию, что было крайне неудобно при отрицательных температурах воды и воздуха и очень ограниченных запасах белья и одежды (2 смены). Это же обстоятельство в связи со свежей погодой заставляло нас останавливаться и ночевать на стамухах, гигантским валом опоясывающих эти берега и отбивающих мелководную прибрежную полосу воды, где приходилось испытывать [не] удобства* при напоре ледяных масс со стороны моря и рисковать потерей шлюпки. 26 июля верстах в 12 к S от Песцового мыса Фаддеевского острова я встретился с боцманом Толстовым, летовавшим с тремя якутами-промышленниками в ожидании прихода на этот остров барона Толля. 28 июля я добрался до Благовещенского мыса, с высоты которого Ледовитый океан и пролив представлялись в пределах горизонта покрытыми редким, проходимым льдом, но изменившийся ветер и густой туман известили нас о приближении массы льда: 29 июля мы встретили пролив, покрытый густым, мощным, хотя и очень раздробленным льдом... Мы шли греблей, ставя где возможно паруса, почти целые сутки с короткими остановками на мощных льдинах для еды и отдыха.

Море было очень чисто ото льда, и к вечеру 3 августа я был поставлен в затруднение найти надежную льдину для ночевки. Пришлось вытянуться на старую полуразрушенную льдину и поставить на ней палатку. Ночью поднялся свежий S-й ветер, льдину разломало, и мы едва не лишились вельбота. На другой день, 4 августа, я продолжал идти под парусами, ничего не видя за туманом. Только в половине второго часа дня поднявшийся наконец туман открыл нам прямо по курсу скалы и обрыв S-го берега острова Беннетта вблизи мыса Эмма. Пройдя массы довольно редкого мощного льда без особых затруднений, я в 5 часов вечера пристал к берегу острова. Еще не вышли мы из вельбота, как Железников, стоявший с крюком на баке, достал лежащий у уровня воды блестящий предмет, оказавшийся крышкой от алюминиевого котелка, которые находились в партии барона Толля. Выйдя на берег, мы сейчас же нашли небольшой керн с лежащей под ним медвежьей шкурой, вблизи которого виднелись следы стоянки: обугленные куски плавника, олени и птичьи кости, пустые патроны, сломанные черенки охотничьих ножей, отрезанные бронзовые наконечники палаточных колышков и т. п. Факт пребывания барона Толля был установлен, таким образом, сразу. Вытянув

* В тексте явно пропущена частица «не».

вельбот и переночевав, я с Бегичевым и помором Рогачевым пошел на другой день на мыс Эмма, где по условию должен был находиться знак барона Толля. Нам пришлось перебираться через внутреннее плато острова, покрытое фирном, так как берег во многих местах совершенно недоступен и представляет из себя отвесные обрывы в несколько сот футов высоты (высота плато около 900 футов). Приближаясь к мысу Эмма, мы нашли в двух местах следы пребывания партии барона Толля: остатки костра, рубленое бревно плавника, оленьи рога со следами топора и обрывки второй медвежьей шкуры, вероятно съеденной другим медведем. На мысе Эмма, на россыпи на высоте около 60* над морем, мы увидели керн с воткнутым однолопастным байдарочным веслом высотой около $3\frac{1}{2}$ — 4'; у подножия его лежала бутылка с тремя записками. Первая извещала о благополучном прибытии партии барона Толля на остров 21 июля 1902 г.; вторая содержала план и указание, как найти жилище барона; третья записка Зеберга поясняла вторую и указывала на перемену места постройки поварни.

Извещения об оставлении острова не было...»

Лейтенант Колчак. Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетт для оказания помощи барону Толлю // Известия Императорской Академии наук. 1904. Т. 20 № 3. С. 149—154.

№ 6

А.В. Колчак об основном результате возглавлявшейся им экспедиции Академии наук для поисков барона Э.В. Толля, изложенных в ноябре 1905 г.

«Перейду теперь к изложению результатов наших поисков партии барона Толля, который, после трехнедельного пути по плавучему льду и плаванию на байдарках, 21 июля 1902 г. высадился с своими тремя спутниками около мыса Эмма. Наши поиски с первых же шагов убедили нас в посещении партией барона Толля острова Беннетта. Близ мыса Эмма мы нашли, как было условлено, керн, около которого лежала бутылка с документами и планом острова, по которому мы легко разыскали поварню, построенную близ устья речки, за полуостровом Чернышева, на берегу бухты Павла Кеппена. Под грудой обледелых и занесенных снегом камней, сложенных внутри повар-

* Знак высоты над уровнем моря, выраженный в футах (1 фут = 0,3048 м).

ни, мы нашли оставленные инструменты: круг Пистора, инclinатор, искусственный горизонт, фотографический аппарат и прочее. Там же находился документ, писанный рукой барона Толля, содержащий краткие сведения об исследовании острова Беннетта и оканчивающийся словами: «Отправляемся сегодня на юг, провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы». С датой 26.X — 8.XI 1902 г. <...>

Выяснив, что партия барона Толля ушла с Беннетта за 9 месяцев до моего прихода, я решил оставить остров и идти на юг при первом попутном ветре, более же детальным обследованием острова заняться только в случае неблагоприятной погоды; 7 августа, взяв с собой небольшую часть геологических коллекций барона Толля, брошенных им при уходе, при легком северном ветре, отодвинувшем от берега лед, мы отвалили от острова Беннетта и пошли на юг. 9 августа утром мы вышли к мысу Вознесения Новой Сибири. Состояние моря сильно изменилось в эти дни; приближаясь к Новосибирским островам, мы встретили много льда, а в день нашего прихода на Новую Сибирь имели крепкую погоду с большим волнением на море, снегом и дождем. Отдохнув у М.И. Бруснева, мы 2 суток перебирались через Благовещенский пролив. С половины августа уже начались морозы, особенно по ночам. Свежие погоды со снегом, крупной волной и массы льда сопровождали наше обратное плавание до 27 августа, когда мы высадились у своей поварни на Михайловом стане, после сорокадневного отсутствия. Скоро вернулись и летовавшие партии, проведя благополучно свои летовки на Котельном и прокормив охотой всех собак. Около 10 сентября настала уже настоящая зима: речки стали, улетели почти все птицы и с севера стали показываться стада оленей. Сентябрь и октябрь месяцы прошли в постоянной охоте на оленей, и было сделано несколько санных поездок внутрь острова, на реку Балыктах и в Нерпичью губу. 16-го и 17 ноября, когда море окончательно стало, я оставил остров Котельный, выйдя двумя партиями, и к 7 декабря весь состав моей экспедиции, а также и инженера Бруснева прибыл в Казачье на Яне.

М.И. Брусневу удалось в сентябре месяце обойти кругом весь берег Новой Сибири — работа, повторенная впервые через 80 лет после экспедиции лейтенанта Анжу. Таким образом, все берега Котельного, земли Бунге, Фаддеевского острова и Новой Сибири были обследованы и был посещен остров Беннетта. Остался необойденным только узкий полуостров, вытягивающийся на NW* от Фаддеевского острова и носящий название полуострова или стрелки Анжу. Нигде

* Северо-запад.

не было найдено никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из партии барона Толля с острова Беннетта на Новосибирские острова. Три года уже прошло с того времени, как барон Толль оставил остров Беннетта, и факт его гибели со всей партией уже не подлежит сомнению, внеся еще одно прибавление к длинной записи смелых людей, положивших свою жизнь в борьбе во имя научных исследований с природой арктической области»⁷.

К о л ч а к А. Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Известия Императорского Русского географического общества. 1906. Т. 12. Вып. II—III. С. 515, 518—519.

№ 7

**Из монографии А.В. Колчака
«Лед Карского и Сибирского морей»⁸**

«П р е д и с л о в и е

Предметом исследования в предлагаемой работе является исключительно морской лед, образующийся из соленой воды Северного Ледовитого океана.

Основанием для этого исследования служат наблюдения над льдом в Карском и Сибирском морях*, а также в районе Ледовитого океана, расположенном к северу от Новосибирских островов, произведенные Русской полярной экспедицией в течение 1900-го, 1901-го, 1902-го и 1903 гг.».

К о л ч а к А. Лед Карского и Сибирского морей. СПб., 1909.

№ 8

**Биограф А.В. Колчака, контр-адмирал М.И. Смирнов,
о руководимой Колчаком экспедиции для поиска
и спасения барона Э.В. Толля**

«Барон Толль ушел весною 1902 г. и больше не вернулся, предполагают, что он погиб вместе со своими спутниками во время перехода с земли Беннетта на Новосибирские острова. Судну «Заря»

* А.В. Колчак моря Лаптевых и Восточно-Сибирское именовал Сибирским.

не удалось пробраться к земле Беннетта вследствие скопления льдов, поэтому оно прошло в устье реки Лены и участники экспедиции вернулись в Петербург через Якутск и Иркутск в декабре 1902 г. На заседании академии наук было доложено о состоянии работ экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила академию, и А.В. Колчак поднял вопрос о том, что надо немедленно снарядить новую экспедицию на землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам. На судне «Заря» это было сделать невозможно, и Колчак предложил пробраться на шлюпке на землю Беннетта. Предприятие было чрезвычайно рискованное. Предложение было встречено скептически, так как его считали таким же безумием, как и поступок барона Толля. Колчак предложил, что он сам возьмется за выполнение этого предприятия. Академия наук согласилась, предоставила ему средства для выполнения его плана и дала полную свободу действий...

В начале мая со своими спутниками и партией местных якутов и тунгусов, с транспортом из 160 собак, А.В. Колчак вышел из Устьянска на остров Котельникова* и оттуда пробрался на Новосибирские острова около мыса Медвежьего. Здесь ожидали вскрытия моря ото льда. По вскрытии моря партия разделилась. Оленьин с туземцами остался на острове, а Колчак с шестью спутниками на вельботе, имея провизию на три месяца, вышел в океан вдоль южного берега островов, через Благовещенский пролив северо-западной части островов Новая Сибирь. Это был ближайший пункт, с которого надо было идти в открытый океан к земле Беннетта. Океан оказался в этом году чистым ото льдов, не было даже плавающих льдин, на которые можно было бы вылезти из вельбота, чтобы передохнуть. Приходилось все время идти на шлюпке, ветер постоянно дул свежий, 6 августа, в день Преображения Господня, Колчак высадился на остров Беннетта и назвал мыс, к которому подошел, Преображенским. После обследования берега нашли груду камней, в которой находилась бутылка, оставленная бароном Толлем, с запиской, систематическим планом острова и указанием, где находятся другие документы. Руководствуясь этим планом, Колчак вскоре нашел место, где останавливался барон Толль со своей партией, там были коллекции, геодезические инструменты и краткий дневник, из которого выяснилось, что барон Толль прибыл на остров Беннетта летом 1902 г. и, не имея достаточно запасов провизии, решил заняться охотой и перезимовать на острове. Но охота была неудачна, поэтому в конце ноября он принял

* Правильное название острова — Котельный.

отчаянное решение — идти на юг, в то время, когда уже наступила полярная ночь, когда температура понижается до сорока градусов и море уже покрыто льдом, по которому почти невозможно двигаться ни на собаках, ни на шлюпках, ни пешком. Дневник кончался указанием, что барон Толль выступил. Прочтя его, Колчак увидел, что его задача выполнена, и в августе отправился обратно на Новосибирские острова... Через 42 дня плавания на вельботе А.В. Колчак со своей партией вернулся к своему исходному пункту около мыса Медвежьего на острове Котельникова. Был конец августа. Там он оставался до замерзания моря и в октябре перешел на материк в Устьянск. Все его спутники были целы и невредимы...

Совершив эту чрезвычайно трудную, рискованную и ответственную экспедицию, молодой лейтенант Колчак показал себя смелым и предприимчивым исследователем, которого не останавливают никакие трудности для завершения задуманного дела...

Одним из результатов его работ явилось его печатное сочинение: «Льды Карского и Сибирского морей». Труд этот до сего времени считается классическим в своей области, и в 1928 г. он был переведен на английский язык Американским Географическим обществом в книге «Проблемы полярных исследований», где помещены труды тридцати одного из наиболее выдающихся полярных исследователей...»

С м и р н о в М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак: Краткий биографический очерк. Париж, 1930. С. 10—13.

Раздел 3

ИЗ ПОРТ-АРТУРСКОГО ДНЕВНИКА А.В. КОЛЧАКА (1904 г.)

Из записей с 3-го по 21 декабря 1904 г.⁹

«...Цинга увеличивается, и больных ею масса: характерно заболевание куриной слепотой — признак крайнего утомления и истощения. Сегодня вечером на восьмерке под парусами ушел в Чифу кап [итан] 2 ранга Цвингман, чтобы дать знать о положении дел в Артуре.

Венера (пятница)* 3(16) декабря. Утро ясное и холодное с... ветром. Днем редкий огонь преимущественно из 11" орудий**. Около 3—4 часов я увидел, как около 10—11" бомб упали почти в одно и то же место на НО*** склоне... Порог, где ничего и никого нет. В последние ночи были атаки на стоящий под Белым Волком «Севастополь» — все они отбиты и говорят, что утоплено 4 миноносца...

Сатурн (суббота) 4(17) декабря... Третьего дня нас постигло большое несчастье — 11" снаряд около 10 часов влетел в каземат форта № 2 в офицерское помещение и убил 7 и ранил 8 офицеров. В числе убитых, к несчастью, находился генерал Кондратенко, полковник Науменко, полковник Рашевский; потеря Кондратенко — незаменима — это был самый выдающийся защитник Артура. После обеда я ходил на дачные места [чтоб встретиться] с кем-нибудь; был у Стеценко и Елисеева. Степанов сообщил, что на днях японцы передали нам частную корреспонденцию — во всяком случае, это большая любезность. Про «Севастополь» он говорит, что атаки на него отбиты; японцы потеряли 4 миноносца, но взрывы в сетях причинили все-

* В тексте рукописи дни недели автором обозначены астрономическими знаками небесных светил. В публикации раскрывается обозначение знака и называется соответствующий ему день.

** Так в документе (здесь — обозначение калибра орудия в дюймах: 1 дюйм = 0,0254 м).

*** Северо-восточном.

таки повреждения в обшивке, кроме того, одна мина (говорят, с минного катера) прошла через разрушенную сеть и причинила пробоину. «Севастополь» теперь на грунте. Во всяком случае, это лучше, чем быть расстрелянным на внутреннем рейде Порт-Артура. Вечером продолжались работы по углублению окопов и ходов сообщения. Ночи теперь лунные, и можно работать.

Луна (понедельник) 13(26) декабря. День ясный и теплый с легким ветром. С утра японцы обстреливают 11" снарядами Курганную, укрепление № 3 и форт № 3 — очевидно, готовят штурм на эти укрепления; масса вновь поставленных пушек преимущественно 75 мм в блиндажах <...> нашу передовую линию, особенно против центра. Кроме того, они отвечают на каждый наш выстрел и поминутно пускают по всем направлениям шрапнель. Около 4 часов я прошел на капонир, чтобы заменить разгоревшееся кольцо и плиту у 75-мм китайской пушки. Японцы в это время обстреливали Митрофаньевскую гору и Владимирскую. В 5-м часу на укреплении 3 в бруствере произошел взрыв — как оказалось, японцы взорвали мину, но неудачно — забивку выбило к ним в ров...

Меркурий (среда) 15(28) декабря... В 4 часа мы с наблюдательного пункта заметили массу японцев на бруствере форта; наши отошли к горже и держались в левом углу форта: японцы быстро окопались <...> сильный огонь по нашим и бросали ручные <...> гранаты. К 5 часам вечера около 2 батальонов японцев окончательно утвердились на бруствере и стали там окапываться; огонь стал стихать; во время штурма видно было, как японские снаряды и шрапнель хоронили их войска — они вообще этим не стесняются. Вечером продолжается оживленная перестрелка, и к нам летит масса пуль; ранило одного на батарее Круссера и у меня № 2 от 47-мм орудия Тимофеева пулей навывлет в левую руку...

Сатурн (суббота) 18(31) декабря. Утро ясное, тихое и теплое. С утра японцы обстреливают 11" снарядами укрепление 3-е и Курганную батарею. В 8¹/₂ часов приехали к нам генералы Фок и Горбатовский. В 9 часов Круссер и я пошли на батареи. Мы уже подходили к наблюдательному пункту, когда сигнальный крикнул нам, что на укреплении 3 произошел сильнейший взрыв; в тот же момент открылся огонь японских батарей, на бегу я приказал открыть огонь по рву и окопам укрепления 3 и прошел на капонир. Начался штурм. Взрыв был очень действителен и обвалил большую часть бруствера; на гребне показались в дыму фигуры японцев; капонир бил уже прямо по людям; японцы быстро <...> обвал и пытались проникнуть на двор укрепления ко 2-му брустверу <...> нами; показался японский флаг,

огонь шрапнелью и бризантными снарядами по капониру и батарее Круссера; снаряды их ложились очень хорошо; Круссер стрелял по Волчьим горам и Пуланжану, мои орудия по укреплению 3-му и окопам. Около 10 часов утра на горже укрепления* показался белый флаг; укрепление было взято. Взрыв взорвал 2000 пироксилиновых ручных бомбочек, лежащих в одном месте. Этот взрыв перебил большую часть гарнизона, убит и комендант. Японцы поставили около горжа пулемет и принудили полузадохнувшихся людей сдаться. Ружейный огонь был очень слаб, и укрепление взято взрывом и страшным артиллерийским огнем. Мы бессильны бороться с артиллерией японцев, особенно при необходимости экономить снаряды...

Луна (понедельник) 20 декабря (2 января)... Получено вторичное приказание ни под каким видом не открывать первыми огня — очевидно, японцы получили такое же приказание. После полудня мертвая тишина — первый раз за время осады Артура...

Марс (вторник) 21 декабря (3 января). За ночь мы кое-что уничтожили, но пушек не подрывали и вообще взрывов никаких не устраивали. Утро туманное, легкий мороз. Около 10 часов утра у импани собралась японская и русская комиссия по сдаче крепости и в город стали вступать японские войска в порядке и тишине — в это время и был виден взрыв за Обелисковой горой, было два или три <...> ружейных выстрела, но тишина и порядок были полные. Около 11 часов приказано было сдать все ружья и ружейные патроны в экипаж, что я и сделал. Хоменко с утра уехал в комиссию. После обеда я получил предписание очистить <...> и приказал войскам в районе нашего сектора уходить в казармы, оставив только посты. Японские солдаты без оружия небольшими группами проходили в город и обратно, невольно обращая внимание на себя своим прекрасным обмундированием и дисциплиной, у нас, к сожалению, наоборот — много <...> распушенности и внешней и внутренней. К вечеру я снял посты и оставил только дневальных на батареях и увел команду <...> в город. Ночь тихая, и эта мертвая тишина как-то кажется чем-то особенным, неестественным».

Советские архивы. 1990. № 5. С. 63—72

*Тыльная часть укрепления.

Раздел 4

СОРАТНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ О КОЛЧАКЕ В 1904—1917 ГГ.

№ 10

Биограф А.В. Колчака контр-адмирал М.И. Смирнов об участии и отличии его в русско-японской войне

«Прибыв в Порт-Артур, лейтенант Колчак просил командующего флотом вице-адмирала С.О. Макарова назначить его на активную должность — на миноносец, но адмирал Макаров сказал, что после столь трудной экспедиции Колчаку необходимо несколько отдохнуть и пожить в человеческой обстановке на большом судне, и назначил его на крейсер «Аскольд». После гибели адмирала Макарова он был переведен сперва на минный заградитель «Амур», а затем назначен командиром миноносца «Сердитый». Его организм, подорванный трудами и лишениями двух полярных экспедиций, не выдержал нового напряжения, он заболел воспалением легких в тяжелой форме и слег в госпиталь. Оправившись от болезни, в июле Колчак вернулся на миноносец, но к осени опять начали сказываться последствия пребывания на Крайнем Севере — у него появились признаки суставного ревматизма...

Болезнь тем временем сильно развивалась, и в связи с перенесением центра тяжести обороны Порт-Артура на береговой фронт А.В. Колчак был переведен на сухопутный фронт командовать батареей морских орудий¹⁰. Во время пребывания на этой должности он был легко ранен. Ко времени сдачи крепости Колчак едва мог ходить и после сдачи ее лег в госпиталь <...> А.В. Колчак отправился через Канаду в Санкт-Петербург. В Санкт-Петербурге он занимался, как выше сказано, приведением в порядок и систематизацией своих трудов по двум полярным экспедициям.

Во время командования миноносцем в Порт-Артуре он получил высокую военную награду — Георгиевское оружие¹¹.

С м и р н о в М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. С. 13—14.

№ 11

Сведения об организации и осуществлении новой экспедиции А.В. Колчака по исследованию Арктики

«...Занятость в Морском Генеральном штабе не отодвигает Колчака от проблем русского Севера. Наоборот, начальник Главного гидрографического управления генерал-майор А.И. Вилькицкий предложил ему организовать экспедицию для исследования северо-восточного морского пути из Атлантического океана в Северный вдоль берегов Сибири...

Охваченный идеей новой северной экспедиции, Колчак просит отчислить его из Морского Генштаба. 26 апреля 1909 г. он читает доклад «Северо-восточный проход от устья реки Енисея до Берингова пролива» в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта...

Примечательны слова академика Ф.Н. Чернышева¹², участника Шпицбергенской экспедиции, отметившего, что даже «норвежцы не решаются делать такие отважные путешествия, как А.В. Колчак».

По чертежам корабельного инженера Матросова, при непосредственном участии Ф.А. Матисена и А.В. Колчака, на Невском судостроительном заводе закладываются два ледокола — «Таймыр» и «Хатанга» (последний сразу же переименовывается в «Вайгач») ¹³. Ледоколы строились под его непосредственным наблюдением и были обязаны Колчаку своим превосходным для того времени оборудованием. В записке к смете снаряжения экспедиции Колчак определил цели: «Эти транспорты, приняв полный запас угля со специально посланного для этой цели судна, используют навигационный период на гидрографические работы в районе от Берингова пролива до устья реки Лены и ко времени прекращения плавания в Ледовитом океане уйдут во Владивосток, с тем чтобы в следующем году продолжать дальнейшие работы по исследованию Северного Ледовитого океана».

Осенью 1909 г. суда экспедиции Северного Ледовитого океана, зачисленные в транспорт военного флота, выходят из Кронштадта во Владивосток. За плавание астрономические работы производились Б.В. Давыдовым, гидрологические — Колчаком и Г.А. Клодом фон Юргенсбургом. Последние заключались в измерении течений банками, температуры поверхности воды, ее удельного веса; футшточные наблюдения; бросались бутылки с записками. В гидрологические журналы записывался характер и проходимость льда, его границы наносились на особые «ледяные карты», замерялась толщина торосов, высота ледяных гор, температура льда на различных глубинах. «Вай-

гач» был специально оборудован для производства картографических работ (так была составлена за № 794 карта бухты Наталья).

Командир «Вайгача» капитан 2-го ранга Колчак принимал личное участие во всех исследованиях...»¹⁴

Д р о к о в С. Полярный исследователь Александр Колчак // Северные просторы. 1989. № 6. С. 34—35.

№ 12

Воспоминания контр-адмирала М.И. Смирнова

«...После заключения Портсмутского мира с Японией и потери нашего флота на Дальнем Востоке, к счастью для нашей родины, дух офицерского состава не был сломлен. Чувство горькой обиды и желание работать для возрождения флота ярко пробудилось в личном составе. В различных портах образовались кружки морских офицеров, поставивших себе задачей разрабатывать военно-морские вопросы в связи с реформами морского дела и воссозданием флота. Это движение встретило покровительство высшего морского начальства, и уставы кружков были утверждены. Морские офицеры были воспитаны в традициях преданности и верности Престолу и Отечеству, и они отнюдь не занимались вопросами внутренней политики, а разрабатывали исключительно вопросы стратегии, тактики, организации и техники. Особенно оживлена была деятельность Санкт-Петербургского Военно-морского кружка, помощником председателя которого был капитан 2-го ранга Колчак. Собрания кружка были полны интереса, здесь выковывалась и кристаллизовалась военная мысль среди офицеров флота. Весной 1906 г. был учрежден Морской Генеральный штаб — учреждение, на которое была возложена разработка планов войны на море, мероприятий по подготовке флота к войне и по его организации. Морской Генеральный штаб состоял из нескольких отделов, и начальником организационно-тактического отдела был назначен А.В. Колчак. В штабе он явился одним из самых деятельных работников. Не было вопросов оперативного, тактического или организационного характера, в разработке которых его мысль не приняла бы самого близкого участия.

В связи с учреждением Государственной думы и рассмотрением программы создания вооруженных сил, в русском обществе возбудился сильный интерес к морскому делу. Встали вопросы, нужен ли России флот, если нужен, то какой, можем ли мы справиться со сложной

техникой современного морского дела и т. п. Морской министр генерал-адъютант И. М. Диков решил пойти навстречу запросам общества и разрешил офицерам, служившим в Морском Генеральном штабе, выступать с докладами в различных общественных собраниях и в беседах членов Государственной думы. Образовалась группа из четырех-пяти офицеров, распределивших между собой различные основные вопросы, во главе этой группы стоял А. В. Колчак. Речи его были замечательны. Своей убежденностью, логичностью, искренностью, ясностью изложения он производил глубокое впечатление на слушателей, и скептическое отношение общества и Думы к флоту сменилось полным сочувствием. Это произошло главным образом под влиянием речей Колчака.

Это было горячее время, которое он сам назвал «периодом борьбы за возрождение флота». Результат, конечно, сказался не сразу, так как для фактического начала постройки флота надо было провести внутренние реформы морского ведомства и реорганизовать заводы.

Работая по возрождению флота, А. В. Колчак продолжал интересоваться полярными исследованиями. Начальник Главного гидрографического управления генерал-лейтенант Вилькицкий предложил Колчаку организовать экспедицию для исследования Северного морского пути из Тихого океана через Берингов пролив, вдоль северных берегов Сибири, к Мурманскому берегу. Колчак разработал этот проект и подал его Вилькицкому. На основании опыта прежних полярных экспедиций он пришел к мысли о необходимости построить для этой цели стальные суда ледокольного типа, но не такие, которые кололи бы лед, как ледокол «Ермак», а которые по своим обводам и крепости корпуса выдерживали бы давление полярных льдов.

Два таких судна, «Таймыр» и «Вайгач», были заложены и быстро построены в Петербурге, и когда проект экспедиции был утвержден, то командирами их были назначены капитаны 2-го ранга Колчак и Матисен (спутник Колчака по экспедиции на яхте «Заря»). Это было в 1908 г. Осенью 1909 г. экспедиция ушла через Суэцкий канал на Дальний Восток, чтобы летом 1910 г. начать дальнейший переход через Берингов пролив. «Вайгач» и «Таймыр» прибыли во Владивосток несколько поздно, поэтому было решено остаток 1910 г. посвятить съемкам и астрономическим наблюдениям до мыса Дежнева*, затем перезимовать во Владивостоке и продолжать главную экспедицию весной 1911 г. В это время морским министром был назначен адмирал И. К. Григорович, который энергично взялся за дело воссоз-

* В книге описки — Лежнева.

дания флота и решил провести в жизнь проекты Морского Генерального штаба. Новый министр решил, что участие Колчака в его работе необходимо, и приказал тому оставить экспедицию и вернуться в Петербург.

Колчак прибыл в Петербург зимой 1910 г. и, назначенный начальником Балтийского оперативного отдела штаба, с полной энергией приступил к работе в Морском Генеральном штабе.

Во время пребывания на этой должности он детально разработал план войны на Балтийском море, основы которого были установлены еще в 1906 г., малую и большую программы судостроения и оборудования портов и приморских крепостей, основы мобилизации флота и т. д. Колчак работал совместно со штабом командующего морскими силами Балтийского моря, адмирала Н. О. Эссена. Морской министр провел все эти планы в жизнь, получив согласие Государственных думы и Совета на ассигнование необходимых средств. Этот период деятельности Морского министерства следует считать наиболее продуктивным в смысле проведения в жизнь намеченных ранее мероприятий.

В 1912 г. адмирал Эссен сказал Колчаку, что он хотел бы, чтобы он перешел на командные должности в состав Балтийского флота. К этому времени все основные вопросы подготовки к войне уже были разрешены, оставалось только руководить проведением их в жизнь. Уход Колчака из Морского Генерального штаба был возможен, и он был назначен командиром эскадренного миноносца «Уссуриец». Через год адмирал Эссен назначил Колчака флаг-капитаном оперативной части штаба командующего Балтийским флотом и в то же время командиром эскадренного миноносца «Пограничник», являвшегося посыльным судном адмирала Эссена, на котором адмирал часто поднимал флаг, когда ходил на осмотр различных частей флота. Главная деятельность Колчака заключалась в продолжении подготовки флота к войне и в тактическом его обучении...»

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. С. 14—18.

№ 13

Воспоминания генерала, бывшего члена Государственной думы Н. В. Савича¹⁵

«...В ноябре 1907 г. собралась третья Государственная дума... Настроение большинства было повышенное, ярко патриотическое. Одним из первых актов народного правительства было образование

комиссии по государственной обороне под председательством А.И. Гучкова¹⁶, куда вошли наиболее деятельные, боевые члены фракций, составлявших большинство Государственной думы... Новшеством был организованный адмиралом Брусиловым новый орган, Морской Генеральный штаб. Тут собралось все то лучшее из молодежи, что смогло выделить уцелевшие остатки боевого флота¹⁷. <...> И среди этой образованной, убежденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выделялся молодой, невысокого роста офицер. Его сухое, с резкими чертами лицо дышало энергией, его громкий мужественный голос, манера говорить, держаться, вся внешность — выявляли отличительные черты его духовного склада, волю, настойчивость в достижении, умение распоряжаться, приказывать, вести за собой других, брать на себя ответственность... Этот офицер был капитан 1-го ранга Александр Васильевич Колчак¹⁸. Трудно было найти более блестящего защитника столь неблагодарной задачи, каковая тогда была возложена морским ведомством на Колчака, именно отстоять требование об ассигновании сумм на постройку 4 броненосцев. Вся его блестящая эрудиция, знание вопроса, ораторский талант, страстная убежденность фанатика своего дела, все это разбивалось о факты печальной действительности. Армия была в буквальном смысле раздета и лишена оружия (конечно, принимая в расчет состав военного времени после мобилизации), дефицит в бюджете, пустая государственная казна, все это заставляло нас относиться с величайшей осторожностью к расходованию тех крох, кои мы надеялись наскрести. Перед нами было два требования, две задачи, два плана действий.

Один был представлен военным ведомством и требовал отпуска 300 миллионов, чтобы сделать нашу армию хотя бы относительно боеспособной, другой — Морского министерства, заключавшийся в постройке 4 кораблей. А если принять во внимание, что оздоровление, реорганизация береговых учреждений морского ведомства тогда еще ни во что реальное не вылились, что там все оставалось по-старому, все старые привычки, навыки, пороки и даже люди были все те же, что единственная свежая струя — Морской Генеральный штаб — не успел еще получить решающей, даже просто значительной роли в жизни и работе ведомства, — то выбор наш был прост и решителен. Все, что мы могли дать на дело обороны, мы решили дать в первую очередь военному ведомству.

На этой почве произошло столкновение Государственной думы с Морским министерством. И в этом вопросе вся энергия Морского Генерального штаба в целом и Колчака в частности, все его дарова-

ния и личное обаяние не могли изменить принятого решения. Комиссия по обороне внесла определенное и категорическое решение — средства на постройку современного броненосного флота будут даны лишь тогда, когда прекрасные слова и благие намерения Морского Генерального штаба воплотятся или, по крайней мере, начнут воплощаться в дело, в действительность, в реальное осуществление реорганизации и реформы ведомства, всех его технических и береговых органов. Сами они, молодые моряки, очень убедительно показали и доказали нам, что надо в этом отношении сделать, чего добиваться, каковы должны быть условия, при которых отпущенные народные средства пойдут действительно на дело развития мощи государства, а не для кормления береговых и тыловых учреждений. То, что так блестяще доказывал А.В. Колчак, нами в значительной степени было усвоено. Но для момента вывод наш был диаметрально противоположный его выводу. Он и его товарищи рисовали картину, при которой начнется правильное развитие морской силы, и для начала этого процесса требовали кредитов, говоря, что остальное само собой устроится. Мы требовали, чтобы процесс реорганизации, возрождения ведомства начался немедленно, вылился в осязаемые формы, и только тогда мы согласились давать деньги. Колчак был страстным защитником скорейшего возрождения флота, он буквально сторулил от нетерпения увидеть начало этого процесса, он вкладывал в создание морской силы всю свою душу, всего себя целиком, был в этом вопросе фанатиком. И естественно, с ним происходили наиболее жаркие словесные схватки; чаще всего ему оппонировать приходилось мне. Мы оба — он и я — шли к одной заветной цели — созданию боевого флота, способного выполнить те задания, кои на него будут возложены стратегической обстановкой вероятного конфликта. Но шли к этой цели мы разными путями, и отсюда неизбежность острого конфликта мнений. При всем том наши личные отношения ни на один миг не помрачались. Он был для меня авторитетом в его специальности, человеком энергии и знания, качеств столь редких у нас вообще, а в его среде в особенности. Весною 1908 г. Колчак проиграл бой в Госдуме. Но он сделал свое дело. Он внес горячую свежую струю в ведомство, его мысли стали достоянием многих, его знания просветили среду его сослуживцев и внесли определенность и ясность в вопрос реорганизации флота. Я должен признать, что на мое, например, отношение к делу развития у нас морской силы (мне пришлось быть докладчиком по морской смете вплоть до войны, вернее, вплоть до революции) Колчак того времени имел громадное влияние. Мне пришлось на первых порах с ним бороться, но все его

аргументы, все его взгляды, все его идеи глубоко запали в душу и в свое время принесли определенные плоды. Но если таково было влияние идей Колчака на его тогдашнего противника, лишь изредка с ним встречавшегося, то можно судить, каково оно было на его сотрудников и соратников по оружию, на его подчиненных и даже на старших чинов, с которыми он имел постоянное, регулярное общение. Можно считать несомненным, что, когда закладывались основные камни будущей реконструкции ведомства и восстановления флота, Колчак внес свой крупный и плодотворный вклад в дело, которое ему было так дорого.

Прошло много лет. Колчака давно уже не было под шпием¹⁹, он перешел в плавающий флот. Многое изменилось в морском ведомстве. Изменились резко в благоприятную сторону взаимоотношения между ведомством и Госдумой. Давно замолкли отзвуки былой борьбы. Ведомство широко шло навстречу требованиям законодательных учреждений в деле реорганизации и реформ ведомства. Под шпием сидели новые люди, а новые люди — новые песни. Давно отпущены были колоссальные средства Морскому министерству, о которых ни оно само, ни самые пылкие его защитники, с Колчаком во главе, в 1907 г. не смели даже мечтать. Работа шла полным ходом. Старые заводы, заново перестроенные, были завалены заказами, спешно строились новые заводы и верфи, флот много плавал, учился, стрелял. Ясно было, что флот усиленно готовится к войне. Да и в воздухе что-то чуялось недоброе. Уже давно, со времен Балканской войны 1912 г., тревожные вести доходили до нас из Берлина и Вены. Было известно, что большая программа германских вооружений спешно заканчивается, что немцы втайне завершат ее годом раньше, чем то предполагалось, что к лету 1914 г. немецкая армия будет во всеоружии. Правда, Австрия не могла поспеть за своей союзницей, ее программа должна была быть закончена лишь к концу 1917 г. Но мы-то хорошо знали, каков был размах работы, шедшей у нас. Мы понимали, что отложи соседи конфликт до 1917 года — вероятно, войны не будет вовсе. Слишком рискованным предприятием стало бы тогда нападение на Россию. Никогда Россия не работала так, как в эти годы, никогда рост ее сил, финансовых, экономических, культурных, особенно военных и морских, не шел такими гигантскими шагами. И с замиранием сердца мы ждали, используют ли соседи ближайшие два года нашей относительной слабости и своего временного превосходства и готовности. Ясно, что если сами мы кое-что знали о том, что делается за нашим рубежом, так [и соседи], наверное, знали превосходно

все, что делалось у нас. Разведка у немцев была поставлена превосходно. И казалось невероятным, что они пропустят благоприятный момент. А если таково их решение, то и срок мирового конфликта был ясен. Что делало наше высшее правительство, мы не знали. Со смертью П.А. Столыпина²⁰ порвалась связь между властью и народным представительством. Но мы знали, что грозный час, быть может, уже близок, что наступление его зависит не от нас и не от нашего правительства, что поэтому каждый из нас должен быть готов исполнить свой долг перед Родиной. Знал все это прекрасно и плавающий флот, и в особенности командующий центр Балтийского флота, адмирал Эссен и его штаб. Ведь на них с первых дней войны должен был обрушиться натиск далеко превосходных сил противника. В середине июня 1914 г. я поехал в Ревель с целью познакомиться с адмиралом, осмотреть работы по укреплению позиций Нарген-Порккалаут*, присутствовать на стрельбах флота. Я застал там приподнятое настроение. Никто не сомневался, что ближайшее будущее может принести суровые испытания, что борьба, раз она начнется, будет роковой, что шансов уцелеть в этой борьбе мало, что смерть будет глядеть им все время в глаза. И тем не менее все были бодры и веселы, все верили в будущее России и родного флота, все радостно готовились к подвигу, на который их призывает долг перед Родиной. Работа кипела и по подготовке личного состава, и по подготовке театра войны, и, особенно, по разработке основных идей возможной борьбы. Приятно и радостно было видеть эту дружную семью, окружающую любимого и уважаемого адмирала такую бодрую, такую решительную, такую радостную возможностью жертвенного подвига. Среди этого кружка лиц — мозга нашего Балтийского флота — я встретил, опять на первых ролях, капитана 1-го ранга А.В. Колчака. Он работал больше всех, был душой и мозгом оперативного отдела штаба. И в дружеских интимных беседах в каюте адмирала, где разговаривали и спорили после еды офицеры его штаба, обращаясь к хозяину как к любимому отцу или старшему уважаемому брату, опять голос Колчака звучал наиболее веско, с его мнением больше всего считались, он опять пользовался всеобщим уважением и авторитетом. Видно было, что им гордятся, им восхищаются. Эта репутация была вполне заслуженна. Тут он был в своей сфере, он знал, чего он хочет, знал прекрасно людей, своих товарищей, начальников и подчиненных, отлично понимал, что от каждого из них можно ожидать. Он ставил себе всегда

---

* Правильно — Порккала-Удд.

продуманные цели, правильно оценивал обстановку и умел настаивать на выполнении раз поставленных заданий. Он был правой рукой адмирала, его ближайшим и деятельнейшим помощником. Его роль в период подготовки Балтийского флота к войне была громадна.

Через несколько недель началась война. Я был прикован к Петрограду, Колчак безвыходно жил на корабле. Нам не приходилось встречаться. Но о его работе я знал, его роль в войне была мне отлично известна. То, что наш слабый материально флот с первых дней мобилизации все время был на высоте и на чеку, что все его операции развертывались по строго определенному плану, доказывало, что тут нет места импровизации, что все было предусмотрено заранее, все продумано, все подготовлено. Чувалась большая, длительная организационная работа, видно было, что Эссен и его штаб много и продуктивно работали. Особенно ответственна была, конечно, работа оперативного отдела штаба и его вдохновителя, капитана Колчака. Затем Колчак встал во главе минной обороны и здесь опять выдвинулся. Поэтому для меня не было сюрпризом, когда он был назначен на ответственный пост командующего Черноморским флотом с производством в вице-адмирала. Он уехал на юг, где и оставался вплоть до революции.

Мне пришлось встретиться с ним еще раз, правда мельком, при очень грустной обстановке. Колчак приехал в Петроград и пришел в Таврический дворец. Его едва можно было узнать. Это был уже другой человек. Исхудавший, осунувшийся, видимо глубоко потрясенный тем развалом, который разложил уже Балтийский флот и успел перекинуться в Черное море²¹. Все, чем он жил, над чем работал, что так любил, так старательно создавал, все разом рухнуло, обратилось в прах и разложение. Он был слишком образованный военный моряк, слишком хорошо знал историю других флотов, слишком понимал сущность морской силы и поэтому отлично отдавал себе отчет, что такой сложный и тонкий организм, каким является флот, не может выдержать и никогда не выдерживал ударов революционной грозы. Для флота революция — гибель. Я обменялся с ним лишь немногими фразами, мы друг друга отлично поняли, крепко пожали друг другу руки и поспешили разойтись.

Было слишком тяжело на душе, как на похоронах родимой матери».

С а в и ч Н. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 169—174.

В МИРОВОЙ ВОЙНЕ. КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ

№ 14

Воспоминания контр-адмирала, бывшего начальника штаба Черноморского флота М.И. Смирнова об участии А.В. Колчака в Первой мировой войне²²

«...Весной 1914 г. появились грозные признаки приближения войны, и Колчак был освобожден от должности командира «Пограничника», чтобы сосредоточить все свое внимание на оперативной работе.

Летом началась война. Мобилизация флота прошла в изумительном порядке, по планам, подготовленным Колчаком. Каждый командир судна Балтийского флота помнит, как по сигналу о мобилизации, распечатав всегда хранившийся у него оперативный пакет, он точно знал свою задачу, место сосредоточения, планы минных заграждений и т. п.

С началом мобилизации был успешно выполнен план заграждения выхода из Финского залива минами — между островом Нарген и мысом Паркалауд* было поставлено восемь линий, состоявших из 6000 мин. Благодаря этим минам неприятельский флот, несмотря на подавляющее превосходство сил над нами, в течение всей войны ни разу не пытался форсировать вход в Финский залив.

А.В. Колчак, как флаг-капитан оперативной части, руководил всеми операциями флота и лично участвовал в выполнении их. Когда командующий флотом ходил в море, Колчак всегда был с ним, когда же операции производились под командованием других флагманов, Колчак ходил в море, чтобы помочь своим советом и знанием обстановки. Он считал, что для того, чтобы составлять оперативные планы, необходимо лично участвовать в их выполнении, иначе планы могут не соответствовать обстановке.

Осенью 1914 г. адмирал Эссен расширил операции флота, занявшись постановкой мин на подходах к неприятельским портам Данцигу и Килю, пользуясь темными ночами. Это решение было чрезвычайно смелым и рискованным, так как наши старые и тихоходные крейсера и миноносцы могли быть просто уничтожены превосходными силами противника. Колчак лично принял участие в выполнении этих операций, и некоторые из них были произведены под его непосредственным командованием. Здесь проявились свойства Колчака как вождя, его

* Правильно — Порккала-Удд.

активность, умение брать на себя ответственность, умение учитывать риск, непреклонность решений.

Для характеристики приведу два случая: в ночь на Новый год (1915) старый тихоходный крейсер «Россия», имея на палубе большое количество мин заграждения, должен был поставить их западнее острова Борнхольм на подходах к Килью. На крейсере держал флаг адмирал — начальник отряда минных заградителей, на ответственности которого было выполнение операции. Колчак тоже находился на крейсере. Вечером он лег спать, приказав разбудить себя, когда крейсер будет подходить к месту постановки мин. Не доходя около 50 миль до назначенного места, адмирал получил доклад, что радиотелеграфисты слышат усиленные радиопереговоры между неприятельскими кораблями, которые находятся очень близко от «России». Адмирал решил, что идти дальше чрезмерно рискованно, отменил операцию, и крейсер лег на обратный курс. Один из офицеров доложил об этом Колчаку. Он немедленно взбежал на командный мостик, убедил адмирала во что бы то ни стало продолжать выполнение операции, хотя бы ценой собственной гибели. Адмирал согласился и приказал повернуть на прежний курс. Около полуночи мины были поставлены точно по плану, и крейсер «Россия» затем благополучно вернулся в Финский залив, разойдясь ночью с неприятельскими кораблями.

Другой случай — в феврале Колчак вступил в командование четырьмя эскадренными миноносцами типа «Пограничник», имевшими на палубе по 40 мин каждый, которые решено было поставить на подходах к Данцигу. Операция была очень рискованной, и для прикрытия миноносцев была послана в море бригада крейсеров под командованием контр-адмирала Бахирева. Ночью флагманский крейсер «Рюрик» перескочил через камни севернее острова Готланд. Крейсер получил большую пробоину в дне, положение стало критическим, о продолжении похода нечего было думать, и адмирал Бахирев приказал всем судам возвращаться. Колчак по радиотелеграфу испросил разрешение командующего флотом продолжать операцию без прикрытия. Он ее выполнил блестяще, и подходы к Данцигу были заграждены минами. Несколько крейсеров, миноносцев и транспортов германского флота взорвались на наших минах, и командующий германским Балтийским флотом принц Генрих Прусский принужден был приказать кораблям своего флота не выходить в Балтийское море, пока не будут организованы средства для борьбы с русскими минами.

Летом 1915 г., в связи с наступлением германских армий в глубь России, германскому флоту была дана задача пройти в Рижский за-

лив. Оборона залива не входила в задачу наших слабых морских сил Балтийского флота. Тем не менее мы ввели в залив старый линейный корабль «Слава» и заградили минами вход в залив из Балтийского моря. Это было произведено по плану, составленному Колчаком. 4 августа ст. ст. главные силы германского флота Открытого моря форсировали вход в Рижский залив. Мы могли им противопоставить только корабль «Славу» и миноносцы. Хотя германскому флоту и удалось вытравить проход в нашем заграждении и войти в Рижский залив, но, потеряв несколько миноносцев и повредив несколько крейсеров, командующий германским флотом решил, что продолжать держаться в заливе опасно, и ушел обратно. Германская армия, наступавшая на Ригу, осталась без поддержки флота, и Рига была спасена. Мы немедленно возобновили и усилили наши минные заграждения и отстояли Рижский залив. Вскоре контр-адмирал Трухачев, командовавший дивизией миноносцев и всеми другими морскими силами, сосредоточенными в Рижском заливе, заболел, и командующий флотом адмирал Канин (адмирал Эссен незадолго перед этим заболел и скончался) назначил капитана 1-го ранга Колчака временно командовать минной дивизией и силами, защищавшими Рижский залив. На этой должности Колчак проявил большую активность, он разработал план соединенных операций флота и армии на побережье около Риги, и когда немцы повели сильное наступление на Кеммерн, то были отбиты нашими войсками, поддержанными артиллерийским огнем с кораблей. Кроме того, Колчак произвел несколько высадок десанта на побережье залива, занятое германской армией, и постоянно тревожил ее тыл. Не ограничиваясь обороной залива, он с миноносцами, под личным своим командованием, произвел ряд нападений на суда германской охраны у Виндавы и германские караваны торговых судов, перевозившие груз руды из Швеции в Германию. В декабре 1915 г. капитан 1-го ранга Колчак был утвержден в должности командующего минной дивизией и начальника обороны Рижского залива. За успешные действия по поддержанию операции армии на побережье Рижского залива Колчак получил высшую военную награду, орден Святого Георгия IV степени.

На Пасху 1916 г. А.В. Колчак был произведен в чин контр-адмирала. Весной 1916 г., как только состояние льда позволило, он возобновил минные заграждения при входе в Рижский залив, пользуясь ледокольными судами, а потом опять сосредоточил туда минную дивизию. Тогда же, получив сведения о выходе из Стокгольма каравана немецких судов с грузом руды, под защитой вооруженных судов, Колчак с миноносцами совершил на них нападение, рассеял парохо-

ды и потопил одно из конвоирующих судов. Это было последним его делом в Балтийском море.

28 июня 1916 г. он был произведен в чин вице-адмирала и назначен командующим флотом Черного моря.

Можно сказать, что история деятельности Колчака в Балтийском море — есть история этого флота во время войны. Каждое боевое предприятие совершилось по планам, им разработанным, в каждую операцию он вкладывал свою душу, каждый офицер и матрос понимал, что его ведет Колчак к успехам. Балтийский флот не только выполнил свою основную задачу — оборонить Финский залив от неприятеля, но и расширил свою деятельность, включив в район обороны Рижский и Ботнический заливы и произведя ряд активных операций у неприятельских берегов.

Ко времени назначения Колчака командующим флотом Черного моря, обстановка на этом море складывалась так: наша Кавказская армия, взяв Трапезунд и Эрзерум, требовала подвоза провизии, снабжения и материалов морем из Новороссийска и Батума на Трапезунд. Наши армии Юго-Западного фронта получали зерно из хлебных портов Хорьмы и Скадовск морем через Одессу. Одесский район снабжался углем морем из Мариуполя. Поэтому морской транспорт имел первостепенное военное значение. В 1917 г. намечено было выполнение главной нашей задачи — занятие нами проливов Босфора и Дарданелл. От флота требовалась активная боевая деятельность, поэтому командующим им и был избран наиболее энергичный и активный адмирал русского флота. Во время назначения Колчака я командовал эскадренным миноносцем «Казанец», входившим в состав минной дивизии Балтийского флота. Адмирал Колчак вызвал меня к себе и предложил ехать с ним в Черное море флаг-капитаном оперативной части. Он мне сказал: «Я считаю, что командующий флотом и флаг-капитан должны иметь одинаковые взгляды на ведение войны, я знаю ваши взгляды и потому предлагаю вам ехать со мной». Я, конечно, без колебаний согласился.

Через два дня Колчак был в Петрограде, откуда, после свидания с морским министром адмиралом Григоровичем, мы выехали в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандующего. В Ставке имели счастье быть представленными Государю Императору, неоднократно беседовавшему с адмиралом Колчаком и напутствовавшему его иконой. Начальник штаба генерал-адъютант Алексеев и начальник Морского штаба адмирал Русин весьма подробно изложили положение на всех театрах военных действий и передали нам директивы касательно задач Черноморского флота.

Соотношение сил на море слагалось в нашу пользу, но германские крейсера, «Гебен» и «Бреслау», имевшие значительное превосходство в скорости хода по сравнению с нашими кораблями, делали периодические набеги на различные пункты нашего побережья, топили наши пароходы-транспорты и безнаказанно уходили обратно в Босфор. Немецкие подводные лодки, базировавшиеся на Босфор и на Варну, хозяйничали на море и топили наши пароходы. Тоннаж нашего транспортного флота уменьшался, что тяжело отражалось на подвозе снабжения нашим армиям и на подготовке к предстоящей десантной операции на Босфоре. В течение весны 1916 г. германские подводные лодки потопили 30 наших пароходов, что составило около 25% всей нашей транспортной флотилии. Наше командование Черноморским флотом принимало меры для борьбы с неприятельскими подводными лодками, заключавшиеся в постановке мин заграждения, сетей и боннов на подходах к нашим портам, но эти меры не давали хороших результатов. Меры по заграждению неприятельских портов не принимались. По пути из Ставки в Севастополь адмирал Колчак подробно обсуждал со мной план предстоящих действий и принял решение совершенно прекратить заграждение минами и сетями выходов из наших портов и все усилия сосредоточить на заграждении выходов из Босфора и Варны и на блокаде неприятельского флота.

Так как вокруг вопроса о рациональности такого решения до сих пор существуют расхождения мнений в русских морских кругах за границей, несмотря на достигнутые нами поразительно благоприятные результаты и на официальное признание нашими противниками правильности нашего плана, я останавлиюсь здесь несколько подробнее на основаниях решения адмирала Колчака.

Существовало распространенное мнение, что минные заграждения, не обороненные постоянным присутствием вооруженной силы (кораблей, находящихся в море), могут быть без особого труда вытралены неприятелем, а так как вследствие удаленности нашей главной базы флота Севастополя на 260 миль от Босфора мы не можем постоянно держать достаточной силы в море у Босфора, то наше минное заграждение не может быть действительным. Кроме того, поставленные нами мины стеснят в будущем вход нашего флота в Босфор, в тот момент, когда мы будем вести операцию по завладению Босфором, далее наши мины стеснят действия наших же подводных лодок у Босфора, наконец, операции по постановке мин крайне рискованны и вызовут у нас большие потери, так как берега у Босфора укреплены сильными артиллерийскими батареями. Все эти соображения, конечно, имели значение, но рассуждения адмирала Колчака были таковы:

1) Ставить мины в таком большом количестве, чтобы неприятель не успевал их вытраливать. Для этого приспособить мелкосидящие суда, чтобы ставить мины на тех же местах, где они уже были поставлены раньше.

2) Весь флот разделить на две или три группы, чтобы одна группа судов постоянно держалась в море и наблюдала за Босфором.

3) Мины ставить возможно ближе к неприятельским берегам и ни в коем случае не дальше пяти миль от берега, чтобы не лишить себя возможности бомбардировать босфорские укрепления с моря.

4) Опыт Дарданельской операции англичан показал на невозможность прорыва флота через узкие проливы без содействия армии. Поэтому план овладения в будущем Босфором намечался следующий: высадить армию на побережье Черного моря и завладеть укреплениями пролива с сухого пути, а затем уже вводить флот в пролив, после занятия укреплений с берега, когда очистка проходов в минном поле не представит для нас больших затруднений.

5) Никакой успех на войне не может быть достигнут без риска потерь.

Взвесив все эти соображения, адмирал Колчак еще в вагоне поезда принял непреклонное решение о характере предстоящих операций.

В первый же день прибытия в Севастополь, тотчас по вступлении Колчака в командование флотом, было получено известие секретной разведки о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в Черное море в неизвестном направлении. Адмирал Колчак хотел немедленно выйти с флотом в море для встречи с «Бреслау», но оказалось, что выход флота в море в ночное время не организован <...>. Адмирал Колчак тотчас же дал указания начальнику охраны Севастопольских рейдов организовать ночной выход флота в море, с тем чтобы эта новая организация уже действовала через двое суток, когда мы будем возвращаться с моря. Мне он приказал разработать план преследования «Бреслау». Переговорив с моими помощниками о вероятных целях, которые может иметь «Бреслау», я составил следующий план. Линейный корабль «Императрица Мария» под флагом командующего флотом и крейсер «Память Меркурия» с семью нефтяными миноносцами идут в направлении к Самсунскому заливу; если до вечера не последует встреча с «Бреслау», то «Императрица Мария» и четыре миноносца идут к Батуму, а «Память Меркурия» с тремя миноносцами к Новороссийску, с целью встречи в этих пунктах с «Бреслау» на рассвете. Адмирал Колчак утвердил этот план. Флот вышел в море в 9 часов утра. Взяли курс согласно плану. Около 4 часов дня

встретили «Бреслау», идущего по направлению к нашим Кавказским берегам. Увидев нас, «Бреслау» немедленно повернул и начал уходить полным ходом в направлении к Босфору. Первоначально расстояние от «Марии» до «Бреслау» было всего 90 кабельтов. «Мария» дала залп, который накрыл «Бреслау», но последний выпустил густую дымовую завесу, которая его совершенно скрыла, и наша стрельба сделалась недействительной. Расстояние между «Бреслау» и «Марией» увеличивалось. Погоня продолжалась до вечера. Скорость хода «Бреслау» значительно превосходила скорость хода «Марии», и он ушел на Босфор, а мы вернулись в Севастополь, причем входили туда уже ночью, по вновь разработанной системе охраны рейдов.

По возвращении в Севастополь, согласно указаний адмирала Колчака, я принялся за разработку планов заграждений Босфора и Варны минами. Первоначально встретились большие препятствия. Миноносцы совсем не были обучены постановке мин заграждения. Самых мин в Севастополе было только 400, потребность же определялась не менее 2000. Наконец начальник минной бригады подал адмиралу Колчаку докладную записку, в которой заявил, что считает идею заграждения Босфора минами бесцельной, вредной и рискованной. Пришлось выполнять план без его участия. Все эти препятствия были вскоре устранены. Морской министр обещал присылать в Севастополь мины в большом количестве. Был выписан лучший специалист по проектированию мин заграждения, капитан 1-го ранга Шрейбер, который разработал новый тип малой мины — «рыбка» для борьбы с подводными лодками. 9000 таких мин были заказаны на южнорусских заводах. Миноносцы начали занятия по обучению постановке мин.

Уже в конце июля мы приступили к операциям по минированию Босфора. Сначала 40 мин были поставлены внутри пролива с подводной лодки «Краб». Затем 1-й дивизион нефтяных миноносцев (типа «Новик») поставил в три приема мины заграждения при входе в Босфор, вплотную к неприятельским берегам, под самыми его батареями. Хотя я был флаг-капитаном оперативной части, но по особым обстоятельствам адмирал Колчак, когда мы были уже в море, приказал мне вступить в непосредственное командование дивизионом миноносцев, ставивших заграждения. Сам адмирал Колчак с линейными кораблями «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина II» держался в море вблизи Босфора, чтобы поддержать миноносцы в случае выхода неприятеля.

В дальнейшем было произведено таким же путем заграждение Варны. Затем мы стали периодически усиливать поставленные заграждения. Были специально оборудованы мелкосидящие суда, которые ста-

вили мины поверх раньше поставленных. В течение трех месяцев нами было поставлено более 2000 мин. Результат превзошел самые смелые ожидания. Неприятель потерял на наших минах 6 подводных лодок, и с середины ноября 1916 г. до конца командования флотом адмиралом Колчаком ни одна подводная лодка, ни один неприятельский военный корабль, ни один пароход не выходил из Босфора в море. Подвоз угля в Константинополь из единственного турецкого угольного порта Зунгулдак, расположенного на берегу Черного моря, прекратился, и Турецкая империя начала чувствовать угольный голод. Плавание по морю наших пароходов-транспортов совершалось с полной безопасностью, как в мирное время. Задача снабжения наших армий значительно облегчилась. Потери наших транспортов за все время командования флотом адмиралом Колчаком состояли в одном пароходе.

Я не могу подробно останавливаться на ходе войны на Черном море, так как это заняло бы много места, скажу только, что дальнейшая деятельность состояла в поддержке армий, действующих в Румынии, в обороне устья реки Дунай и в подготовке к десанту на Босфор. В конце 1916 г. была получена директива из ставки Верховного главнокомандующего, указывающая, что взятие нами Босфора должно совершиться в то время, когда в результате предположенного наступления наших армий на главном фронте силы центральных держав дрогнут. Это предполагалось летом 1917 г. По указаниям адмирала Колчака был разработан план десанта, подготовлена транспортная флотилия для этой цели, разработаны тактические наставления для производства высадки, службы связи и т. п.; но всему этому не суждено было осуществиться вследствие начала революции и последующего разложения вооруженных сил России».

Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. С. 18—30.

№ 15

Текст песни, написанной адъютантом уланского Симбирского полка поручиком Ключаревым и посвященной А.В. Колчаку²³

«АДМИРАЛ КОЛЧАК

Реют мачты над волнами,
Вьется гордый Русский флаг:
То идет на бой с врагами
Славный адмирал Колчак.

Волны пенятся и плещут,
 Все безмолвно, всюду мрак,
 Только грозно пушки блещут —
 Берегись, коварный враг!
 Вдруг вдали раздался выстрел
 И снаряда громкий вой;
 Флот построился наш быстро
 И с германцем принял бой.
 А на мостике суровый
 Острым взглядом режет мрак,
 Умереть за Русь готовый, —
 Славный адмирал Колчак.
 Рвутся с грохотом снаряды,
 И в [дали огонь] * блестит,
 И достойного награды
 Адмирала Бог хранит.
 Флот Германский отступает,
 Гибнут недругов суда,
 И погибших накрывает
 Набежавшая вода.
 Снова грозно над волнами
 Вьется гордый Русский флаг:
 Так расправился с врагами
 Славный адмирал Колчак.

Поручик Ключарев

8 апреля 1919 г.
с. Николаевка».

ГАРФ, ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 207—208.

* В тексте документа эти слова написаны не вполне разборчиво.

Раздел 5

В ДНИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ

№ 16

Из воспоминаний А.И. Верховского, являвшегося начальником штаба Черноморской дивизии и членом Севастопольского совета²⁴

«...Явившись по прибытии в Севастополь к командующему флотом, я застал его очень возбужденным. Адмирал ходил по своей огромной каюте и говорил, по временам останавливаясь и короткими взмахами руки как бы подкрепляя то, что он хотел сказать.

— Надо муссировать в массах вопрос о походе на Босфор; важен, конечно, не сам Босфор, но это часть общего развернутого плана борьбы с большевиками во флоте. Война дает нам возможность взять массы в руки. Для этого надо во что бы то ни стало добиться перехода флота к наступательным действиям... А там, что бы ни случилось, все будет хорошо. Если будет успех, авторитет командования возрастет, власть укрепитя. Если наступление кончится неудачей, мы обвиним в этом большевиков! Возникнет угроза нападения неприятеля на наши берега, и страх перед этим даст возможность командованию собрать силы, которые сумеют подавить все, что теперь разлагает армию. Но во всех вопросах инициатива должна быть у нас! Мои офицеры должны быть впереди и вести массу. Первым шагом нашим должна быть пропаганда похода на Босфор!²⁵

Возражать адмиралу было неудобно.

Я уже обжегся на вопросе овладения Босфором, когда пытался доказать необходимость овладения проливами с чисто оперативной точки зрения. Среди матросов, а особенно солдат Черноморской дивизии, этот замысел не нашел поддержки. Товарищи, ездившие в Петроградский совет, привезли директиву бороться за мир без аннексий и контрибуций, не допускать и мысли о захвате Константинопо-

ля! Я доложил об этом командующему. Тогда Колчак просил меня снова доложить совету стратегические соображения, которые заставляют его не прекращать подготовки к походу на Босфор.

Если турки будут твердо знать, что мы не можем предпринять никаких активных действий против Константинополя, говорил Колчак, они снимут все дивизии, охраняющие побережье Черного моря, и переведут их против нашего фронта в Галиции.

В этом, конечно, был известный оперативный смысл. И когда я передал эти соображения председателю совета Конторовичу, тот принял их за чистую монету и употребил все свое влияние, чтобы агитация похода на Босфор не встречала сопротивления. Несмотря на двенадцать лет каторги, Конторович не понял причины пережитого в 1905 г. поражения и не думал о военно-техническом обеспечении Февральской революции; он позволял вооруженной силе не только оставаться в руках Колчака, но своими действиями укреплял его влияние...

Разговоры о походе на Босфор заняли Севастополь и флот на неделю. Потом все стало ясно и скучно. Завоевывать Константинополь незачем, но брать его нужно по чисто оперативным соображениям... К этому времени другое заняло общее внимание: надо было найти и торжественно похоронить жертвы восстания 1905-го и 1912 гг. Сотни добровольцев бросились на поиски; были найдены останки лейтенанта Шмидта и его товарищей на острове Березань. В Инкерманской долине были отрыты могилы казненных в 1912 г.

Колчак нашелся и в этом случае. Он поднял весь флот и Севастополь на торжественные похороны. Корабли с приспущенными флагами были посланы за останками погибших бойцов революции, оркестры играли траурные марши. Офицерство в полной парадной форме присутствовало вместе с матросами на панихиде и погребении.

Снова Колчак был со своим флотом и во главе его!

...Колчак только что вернулся из Петрограда и подготовил новый ход, который должен был дать, по его мнению, ощутительные результаты. Он решил выступить перед пленумом совета флота, армии и рабочих в цирке Труцци, самом большом здании Севастополя, чтобы сообщить возможно большему числу своих подчиненных то, что он видел во время своей командировки в столице.

Члены совета собрались в большом круглом зале цирка послушать, что им привез из своей поездки командующий флотом адмирал Колчак...

На месте, где во время представлений в цирке обычно играл оркестр, расположился президиум совета с маститым и популярным меньшевиком Конторовичем. Когда Колчак поднялся на площадку президиума, Конторович встал и обратился к затихшему залу:

— Слово предоставляется нашему товарищу, адмиралу революционного флота Колчаку.

У адмирала уже были сторонники на флоте. Были люди, восхищавшиеся его талантом флотоводца. Но теперь потемкинец, политкаторжанин Конторович освящал его еще авторитетом революции. Буря аплодисментов всколыхнула зал, где сидели представители флота, гарнизона и рабочих Севастополя. Адмирал начал свою речь.

А старушка история смеялась над комедией человеческой; смеялась над тем, как ловко представитель реакции сумел обмануть, сумел использовать авторитет высшего в Севастополе органа революции для того, чтобы начать наступление против революции, вырвать у народных масс то, что, казалось, было ими прочно завоевано в февральские дни.

Колчак заговорил о том, что армия и флот гибнут, что Балтийский флот как вооруженная сила перестал существовать, что в армии в любом месте противник может прорвать фронт и начать наступление на Петроград и Москву. Россия стоит перед торжествующим врагом, открытая для его вторжения. Он говорил о том, что Черноморский флот — одна из немногих частей, сохранивших боеспособность; на него обращены взоры «всей» России.

— Если мы не оставим партийные споры, Россия погибнет! Черноморский флот должен спасти родину!

Горячая, темпераментная речь Колчака захватила собрание. Раздавались негодующие выкрики, когда он говорил о развале фронта, о том, что шкурнические настроения торжествуют.

— Разрыв между солдатом и офицером, — продолжал Колчак, — ведет к вторжению неприятеля на русскую землю; враг пройдет с огнем и мечом по нашим родным полям и лесам!

Масса крепкого южного крестьянства, из которого формировался Черноморский флот, сочувственно откликнулась на этот призыв. Она не хотела, чтобы на ее хутора пришли немцы и захватили обработанные поля и собранный урожай. Колчаку была устроена настоящая овация. Его вынесли на руках...

Рассказы о том, что Колчак делал в Петрограде, как сговаривался учредить диктатуру, ходили по кораблям.

— Что еще за диктатура? Просто перевешает, как в 1912 году, а потом Николашку на престол посадит.

Но такие разговоры вызывали дружный отпор эсеров. Они решительно поддерживали Колчака.

— Прогнать его можно в одночасье, — говорили матросы, бывшие в царское время подпольщиками в партии эсеров.

— А кто будет командовать флотом? Ты, что ли?

— Да я что, — возражал смущенный таким поворотом дела матрос, — найдется кому командовать.

— Такого вислоухого, как ты, поставить командующим, тогда с германцем не оберешься лиха.

Разговоры тлели, не находя поддержки. Партийная организация большевиков была еще очень слаба. Мокшанчик писал в Петроград, в ЦК большевиков, прося прислать кого-либо из опытных товарищей, кто мог бы ответить на вопросы, на которые сами матросы не могли найти ответа. Но вдруг всплыло новое дело. Комендант порта генерал Петров был пойман с поличным. При посредстве одного спекулянта он закупал на севере по казенной цене кожи, которые доставлялись в Севастополь под видом казенного груза и здесь продавались по рыночной цене. Председатель исполкома Конторович, желая придать делу примирительный характер, предложил обязать Петрова передать кожи в порт. Но генерал Петров, у которого вырывали изо рта жирный кусок, отказался выполнить требование исполкома. Тогда совет потребовал от Колчака, чтобы он освободил Петрова от обязанностей командира порта. Колчак сразу встал на дыбы. Сначала история с Комаровым, которого пришлось снять под угрозой расправы, потом неприятности с «Жарким», который отказался выйти в море, и, наконец, теперь новая история — с Петровым.

Гневу Колчака не было предела. Он встретил делегацию совета брашно и даже не захотел ее выслушать. А делегация несла ему вполне приемлемое предложение, чтобы он сам расследовал дело и сам отпустил Петрова от должности. Делегация ушла и принесла на заседание совета резкие слова Колчака. Мокшанчик тут же потребовал, чтобы Петров немедленно был арестован распоряжением совета. Мало того, так как Колчак грозил взяться за оружие и что-то говорил о расстреле неповинующихся, то долго кипевшее негодование прорвалось, раздались крики:

— Колчака бросить в море, офицеров перебить!

Совет с трудом добился примирительного решения: Петрова арестовать, у офицеров отобрать оружие.

Решение совета облетело корабли и казармы, и тысячи рук бросились немедленно исполнять это решение. И когда на «Георгии» матросы потребовали от Колчака, чтобы он сдал свое оружие в ко-

митет корабля, Колчак сделал красивый жест: он подошел к борту и бросил свой кортик в море. Но это был жест отчаяния. Колчак был побежден».

Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 234—236, 245, 247—248, 252—254.

№ 17

Историк П.Н. Милюков о А.В. Колчаке как кандидате в диктаторы России летом 1917 г.²⁶

«Естественным кандидатом на единоличную власть явился Колчак, когда-то предназначавшийся петербургским офицерством на роль, сыгранную потом Корниловым. Военные заговорщики решили сперва отправить Колчака на фронт, чтобы показать его армии, а по возвращении его устроить переворот, в результате которого Колчак поневоле примет на себя роль диктатора.

Несомненное влияние на разработку этого плана имели и союзники».

М и л ю к о в П. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 2. С. 49—50.

№ 18

Видный член РСДРП (меньшевиков) К.И. Иорданский о встрече А.В. Колчака с Г.В. Плехановым весной 1917 г. и возникновении фигуры адмирала на политическом горизонте России как одного из возможных ее диктаторов

«После сорокалетнего отсутствия возвратился из-за границы Г.В. Плеханов и остановился у меня на квартире. Больной и измученный, поглощенный работою в газете и группе «Единство», старый революционер и мыслитель избегал принимать посетителей, которые волнами текли к его дверям. Но принимать все-таки приходилось...

Среди этих посетителей было и значительное количество генералов. Тогда ходили слухи, что Плеханов будет министром, и, не зная, что Плеханов решил принять какой-либо пост в правительстве только по поручению и за ответственностью социал-демократической партии, военные сановники спешили «представиться» возможному министру-революционеру.

Я помню торжественный визит Верховного главнокомандующего генерала Алексеева, приехавшего с целою свитою. Помню и визит адмирала Колчака, командовавшего тогда Черноморским флотом...

Колчак приехал около 4 часов дня и по ошибке попал с черного хода. Я услышал незнакомые шаги в длинном коридоре, прорезывавшем нашу квартиру, и увидел молодого адмирала, довольно высокого роста, стройного и гибкого, с сухим и живым смугло-желтым длинным лицом и темными волосами. Несмотря на интеллигентное выражение лица, свойственное главным образом русским, в Колчаке было что-то иностранное: и энергичность его взгляда, и манера держать себя твердо, отчетливо, без российской нерешительности и расплывчатости*. Я провел его к Плеханову, где адмирал просидел довольно долго.

Вечером, за обедом, Плеханов со своим исключительным остроумием, которое я даже не пытаюсь воспроизвести, передал нам о своей беседе с Колчаком.

— Сегодня, — рассказал Плеханов, — был у меня Колчак. Он мне очень понравился. Видно, что в своей области молодец. Храбр, энергичен, не глуп. В первые же дни революции стал на ее сторону и сумел сохранить порядок в Черноморском флоте и поладить с матросами. Но в политике — он, видимо, совсем не повинен. Прямо в смущение привел меня своей развязною беззаботностью. Вошел бодро, по-военному, и вдруг говорит: «Счел долгом представиться вам как старейшему представителю партии социалистов-революционеров...»

Я впал в полное недоумение после такого приветствия и с самою любезною кротостью постарался вывести своего собеседника из заблуждения. Сказал ему, что я — не только не социалист-революционер, но даже известен как противник этой партии, сломавший немало копий в идейной борьбе с нею... Сказал, что принадлежу именно к нелюбимой им социал-демократии и, несмотря на это, — не жид, а русский дворянин, и очень люблю отечество!

Колчак несколько не смутился. Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то вроде: ну, это не важно, и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте, об его состоянии и боевых задачах. Очень хорошо рассказывал. Наверное, дельный адмирал. Только уж очень слаб в политике...

Колчак уехал. Некоторое время в Черноморском флоте продолжалась идиллия. Затем и там вспыхнула буря. Известен мужественный и красивый жест Колчака, когда он, при отобрании матросами оружия у офицеров, бросил в море свой золотой кортик. Вспышка по-

* Впоследствии я слышал, что Колчак происходит из латышской семьи

гасла, но связь адмирала с флотом порвалась. Временное правительство вызвало тогда Колчака для доклада в Петербург.

Этот доклад, как рассказывал мне В.М. Чернов, произвел на правительство, и в особенности на его социалистическую часть, сильное впечатление.

Колчак говорил как выдающийся оратор, смело и горячо. Но в его речи уже тогда звучали ноты нескрываемого озлобления и вызова. Он держался как сознательный вождь контрреволюционной военщины.

Оставшись в Петербурге, Колчак действительно стал готовиться к этой роли. Он сошелся с генералом Гурко и другими монархистами. Его имя стало боевым кличем желтой — большой и малой прессы. Номера «Живого Слова» и «Маленькой Газеты» выходили с огромными аншлагами: «Адмирал Колчак — спаситель России», «Вся власть — Колчаку» и т. д.

Когда заговорщическая работа генерала Гурко была пресечена Временным правительством, близость Колчака к контрреволюционным замыслам выяснилась с полной определенностью. Левые министры возбудили вопрос о привлечении его к ответственности.

Но А.Ф. Керенский решил, что военные заслуги Колчака дают ему право на снисхождение. Найден был другой выход. В это время американское правительство просило прислать из России специалиста по каким-то военно-морским вопросам и выразило пожелание, чтобы был послан Колчак.

Керенский сообщил Колчаку, что дает согласие на командировку адмирала в Америку, и посоветовал ему незамедлительно отправиться в путь. Колчак понял и с походною быстротою выехал из России...»²⁷

И о р д а н с к и й Ник Адмирал Колчак: Из воспоминаний // Путь. Гельсингфорс, 1921. 11 февр

№ 19

Воспоминания контр-адмирала М.И. Смирнова о деятельности вице-адмирала А.В. Колчака в дни революционных событий

«...Популярность адмирала в России была чрезвычайно велика. Различные политические организации его приветствовали, газеты национального направления указывали на него как на диктатора. В Петрограде возник ряд патриотических организаций, которые подготавливались к подавлению большевистских организаций силой оружия и к устра-

нению из состава правительства «друзей большевиков». Эти организации пригласили Колчака объединить их деятельность и стать во главе движения. Колчак согласился. Началась работа в этом направлении. Колчак решил остаться в России. Однажды вечером мы получили известие, что наша организация раскрыта Керенским. На другой день адмирал Колчак получил собственноручное письмо от Керенского с приказанием немедленно отбыть в Америку.

27 июля адмирал Колчак выехал из Петрограда в Америку через Англию; я и несколько других морских офицеров сопровождали его. В Лондоне он был чрезвычайно любезно принят первым морским лордом адмиралом Джеллико, который предложил адмиралу идти в Америку на английском вспомогательном крейсере.

По прибытии в Америку выяснилось, что операция против Дарданелл не будет осуществлена. Пребывание Колчака свелось к осмотру американского флота, заводов и портов. Адмирал решил вернуться в Россию через Японию. Накануне отбытия из Сан-Франциско было получено известие о большевистском перевороте²⁸.

Прибыв в Японию в начале ноября 1917 г., адмирал узнал о событиях в России, о подробностях большевистского переворота и о начале мирных переговоров между большевиками и Германией. Брест-Литовский мир явился для него тяжелым ударом, как и для всякого русского, любящего свое Отечество. Верный своему союзному слову, адмирал решил сражаться против Германии в рядах союзных войск и обратился через английского посла в Токио к английскому правительству с просьбой принять его в английскую армию, хотя бы рядовым. Через некоторое время был получен ответ с извещением, что адмирал принят в английскую армию и ему предлагается отправиться в Бомбей в штаб индийской армии для дальнейшего назначения на Месопотамский фронт. Адмирал выехал по назначению.

По прибытии в Сингапур он получил телеграмму от английского правительства, в которой сообщалось, что вследствие изменившейся обстановки на Месопотамском фронте и ввиду просьбы русского посланника в Пекине князя Кудашева английское правительство считает, что адмиралу следует направиться в Пекин, где поступить в распоряжение князя Кудашева. О цели поездки в Пекин адмирал ничего не знал, но решил исполнить указание англичан.

Прибыв в Пекин, адмирал узнал от князя Кудашева, что на юге России уже идет борьба с большевиками под предводительством генералов Алексеева и Корнилова и что необходимо начать создавать вооруженную силу и на Дальнем Востоке в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги. Средства для этого имелись в виде

ассигнований на содержание Заамурского округа пограничной стражи. Вскоре было оформлено назначение нового правления железной дороги, в состав которого вступил адмирал Колчак.

Он переехал в Харбин, где начал заниматься новым делом. Обстановка была такова, что работа не могла быть продуктивной. В полосе отчуждения уже имелось несколько русских вооруженных отрядов, которые враждовали между собой. В западной части дороги в направлении на Забайкалье действовал отряд хорунжего Семенова, отказавшегося подчиняться адмиралу Колчаку и действовать совместно с другими отрядами. Попытки адмирала установить одну общую организацию, сделанные им путем личного обращения к Семенову, были безрезультатны. Возможно было бы объединить отдельные организации, установив снабжение их из одного общего источника. Японцы снабжали и поддерживали отряд Семенова, на обращение к ним Правления железной дороги о выдаче снабжения отряду Семенова через общую организацию японцы, через своего военного представителя в Харбине, ответили отказом. Адмирал Колчак увидел, что ничего сделать нельзя, и отправился в Японию для личных переговоров с японским военным министерством.

Тем временем в России произошли крупные события. Добровольческая армия освободила от большевиков области на юге России. Сибирь была освобождена при содействии чехословаков. На Волге, в Самаре, образовалась противобольшевистская власть. Наконец, в Уфе было собрано Государственное совещание, на котором произошло объединение противобольшевистских правительств и образование все-российской власти с Директорией из пяти лиц.

Адмирал Колчак решил ехать через Сибирь и Уральск в Севастополь, где находилась его семья и где он мог принять участие в борьбе с большевиками в рядах Черноморского флота.

Дрехав до Омска, он был там задержан Директорией, сделавшей ему предложение принять участие в ее работе в качестве военного и морского министра Всероссийского правительства. Новому правительству необходимо было привлечь в свой состав человека, пользующегося всеобщей известностью, безупречной честности и высокого патриотизма.

Адмирал сначала отказался, вследствие недостаточного знакомства с деталями сухопутного военного дела, но затем, по настоянию местных деятелей, дал свое согласие, считая долгом патриота работать для восстановления национальной России».

Раздел 6

1917—1918 ГГ. В ПИСЬМАХ А.В. КОЛЧАКА К А.В. ТИМИРЕВОЙ

№ 20

Из черновика письма²⁹ от 26 марта 1917 г.

«Г.А.В.*

Вчера я отправил через Генмор³⁰ письмо Вам, написанное почти с отчаянием в прескверные минуты дикой усталости от политического сумбура и бедлама, которым я управляю и кое-как привожу пока в порядок.

Великодушно простите меня, Анна Васильевна, вечером первый раз после переворота приехал курьер из Генмора, и я получил сразу два Ваших письма от 7-го и 17 марта. Мне трудно изложить на бумаге, что я пережил, когда вынул из пакета со всей секретной корреспонденцией Ваши письма. Ведь мне казалось, что я не получал от Вас писем какой-то невероятно длинный период (8 дней). Ведь теперь время проходит, с одной стороны, совершенно незаметно, а с другой — вчерашний день кажется бывшим неделю тому назад. Ведь в Вас, в Ваших письмах, в словах Ваших заключается для меня все лучшее, светлое и дорогое; когда я читаю слова Ваши и вижу, что Вы не забыли меня и по-прежнему думаете и относитесь ко мне, я переживаю действительно минуты счастья, светлого с каким-то спокойствием, уверенностью во всем; точно изменяется все крутом и то, что казалось сплошным безобразием или почти неодолимым препятствием, представляется в очень простой и легко устранимой форме; я чувствую тогда способность влиять на них и поднимать их, а также

---

* Глубокоуважаемая Анна Васильевна.

обстановку и все это создает какое-то ощущение удовлетворенности, твердости и устойчивости. Я не умею другими словами это объяснить. Я называю это чувством командования...»

ГАРФ, ф. 5844. оп. 1, д. 1, л. 32—34*.

№ 21

Черновик письма от 30 мая 1917 г.

«30 мая 1917 г., л. к.** «Георгий Победоносец»

Позорно проиграна война, в частности кампания на Черном море. И в личной жизни нет того, что было для меня светом в самые мрачные дни, что было счастьем и радостью в самые тяжелые минуты безрадостного и лишенного всякого удовлетворения командования в последний год войны с давно уже витающим гнетущим призраком поражения и развала... Не знаю, насколько это справедливо, но мне доказывали, что только я один в состоянии удержать флот от полного развала и анархии, и я заставил себя работать.

Я много работал в этом месяце: ряд операций, выходы в море, частью кончившиеся трагически, с потерями прекрасных людей, как в операции в Босфоре, гибель подлодки «Морж»; частью удачных, как разгром Анатолийского побережья вспомогательными крейсерами и миноносцами...

Политическая деятельность, которой я занялся, создала два крупных эпизода. Вернувшись из Петрограда³¹, я решил заговорить открыто, и мне пришлось первому ранее, чем высказалось правительство и высшее командование, громко сказать о разрушении нашей вооруженной силы и грозных перспективах, вытекающих из этого положения. Мне удалось поднять дух во флоте, и результатом явилась черноморская делегация, которую правительство и общество оценило как акт государственного значения³². Против меня повелась кампания. Я не колеблясь принял ее и при первом же столкновении поставил на карту все. Я выиграл. Правительство, высшее командование, совет р. и с. д. и почти все политические круги стали немедленно на мою сторону. Казалось бы, что все это должно было

* Данное и другие письма А.В. Колчака А.В. Тимиревой и ее к нему автором были опубликованы или ранее других (в 1996 г.), или более точно, нежели, скажем, отдельные из них А.В. Шавровым; ссылки даются на архивные фонды.

** Линейный корабль.

пополнять жизнь и отвлечь меня от того, что было так больно и что казалось совершенно потерянным и непоправимым. Нет, ничего не помогло. Я получил и получаю очень много писем и телеграмм отовсюду, почему-то мне приписывают какие-то вещи, значение которых я не разделяю. Политические деятели, представители иностранного командования говорят мне о каких-то заслугах и выражают мне благодарность неизвестно за что. Все это мне было не нужно... До сего дня мне удалось в течение 3 месяцев удержать флот от позорного развала и создать ему имя части, сохранившей известную дисциплину и организацию. Сегодня на флоте создается анархия, и я вторично обратился к правительству с указанием на необходимость моей смены. За 11 месяцев моего командования я выполнил главную задачу — я осуществил полное господство на море, ликвидировав деятельность даже неприятельских подлодок...»

Морской сборник. 1990 № 9. С. 88

№ 22

Из черновика письма (вторая половина июня 1917 г., после 17-го числа)

«Глубокоуважаемая Анна Васильевна.

Сегодня получил письмо Ваше от 12 июня в ответ на давно посланное (1 июня) мое писание. К сожалению, ответа на письмо мне от 6 июня я не имею. Я уехал по вызову 7 июня и приехал в Петроград 10-го³³, и если только я ждал чего, так то только письма Вашего. Моя задача... окончена, но я попробую ее начать вновь, как ни дико это Вам покажется. Все случившееся со мной мне было известно еще при первом желании в 1/2 мая отказаться от своей деятельности — я уступил тогда просьбе Керенского, хотя знал, что при сложившейся обстановке я бессилён бороться с директивами...

Вероятно, я уеду далеко и надолго.

...Естественное желание, которое я бы хотел видеть исполненным, — это повидать Вас перед отъездом. Но если бы даже это и оказалось невыполненным, у меня останется надежда увидеть Вас впоследствии — когда и где — говорить, конечно, не придется.

Ваше письмо справедливо в отношении меня, но я так страдал, видя гибель своего дела, дела, с которым я связывал Вас, Анна Васильевна... Верю в Вас, Анна Васильевна... Вы знаете, как я смотрю

на Вас, какое значение придаю я каждому слову Вашему. Почему же Вы находите горькую насмешку в моих словах о счастье.

Ведь Вы не причастны к тому, что случилось со мной, и тому, что я пережил за последние 2 месяца. Но все лучшее, все светлое, что было у меня, — связано с Вами.

...В субботу 17-го я имел совершенно секретный и весьма важный разговор с послом С. Ш. Америки Рутон и адмиралом V.S.N.*, результатом которого было решение мое принять участие в предполагаемых операциях американского флота. Делу был придан сразу весьма решительный характер, и я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк³⁴. Итак, я оказался в положении близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и, в случае необходимости, голову и жизнь в придачу.

Вопросы все решены, и что делать для меня не представляет сомнения».

ГАРФ, ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 43—46.

№ 23

Из черновика писем от 4(17)-го и 7(20) августа 1917 г.

«Лондон

Милая, дорогая моя, обожаемая Анна Васильевна!

Третий день, как я в Лондоне. Последнее письмо Вам я послал из Бергена за несколько часов до ухода на SS «Vulture»** в Абердин. Переход Северным морем с конвоем миноносцев был прекрасен и не сопровождался какими-либо особенностями, хотя дня за два немцы утопили на этом пути линии пароход, несмотря на охрану и некоторые меры предупреждения.

В Абердине я провел только ночь, и на следующее утро выехали в Лондон, где теперь нахожусь в ожидании ухода в Америку. Впечатление после оставления России — самое тягостное... Испытываешь чувство, похожее на стыд, при виде того порядка и удобства жизни, о которых как-то давно утратил всякое представление у себя на Родине...

...В настоящее время в Англии появилось угрожающее движение Labour Party*** с действиями советов с. и р. депутатов. Это, несом-

* Имеется в виду Дж. Гленнон.

** «Вултуре».

*** Лейбористская партия (англ.).

ненно, немецкая работа, и англичане имеют в лице Рамсея Макдональда достойного сподвижника Ленина и проч [их] немецких агентов, которые у нас чуть ли не входят в состав правительства³⁵. Но стоит ли говорить о политике, тем более что я почти ничего не знаю, что делается теперь у нас.

...И вот теперь, сидя в Лондоне, я чувствую, что я ничего не делаю уже два месяца; в этом смысле и возникают мрачные мысли, что, может быть, это не удастся сделать так, как я бы это хотел...»

«Лондон»

Мое письмо задержалось на три дня. 5(18)-го я вынужден с утра уехать на морскую авиационную станцию в Феликстоун, к берегу Северного моря; вернувшись, имел свидание с адмиралами Джелико* и Пенном³⁶; 6(19)-го я совершил поездку автомобилем в Брайтон и Исборн, сегодня с утра опять был в Феликстоуне и участвовал в воздушной операции гидропланов и с подводными лодками в Северном море. Теперь-то я вернулся из Феликстоуна, и после трех дней довольно дикого движения на экспрессах, автомобиле и гидропланах я чувствую себя в довольно удовлетворительном состоянии и мне так хочется думать о Вас и говорить с Вами.

Расскажу про английскую авиацию. За два года англичане создали это оружие в таком размере и такого свойства, о котором мы не имеем представления. Я в Черном море хотел уничтожить существующую гидроавиацию, чтобы начать создавать ее вновь, но только здесь я убедился, что был прав. Англичане получили из авиации действительно грозное оружие, и надо приложить немедленно все усилия, чтобы не отстать и создать его у нас. Но, увы, какова задача! Создавать «новое оружие» в нашей обстановке с «товарищами и депутатами».

Расскажу Вам про свидание с адмиралом Джелико. Адмирал был исключительно любезен со мной и доказал лучшим образом свое отношение ко мне, перейдя сразу к делу, достав наиболее секретные карты заграждения Северного моря и канала и посвятив меня в самые секретные оперативные соображения.

Вы согласитесь, что большего внимания и любезности я не мог ожидать от бывшего командующего Grand Fleet** и 1-го морского лорда.

* Правильное написание фамилии — Джелико

** Большой флот (англ.)

...Я провел с высшим... (неразборчиво написанное слово. — И. П.) примерно 1¹/₂ часа, обсуждая с Джелико вопросы войны, забыв на время все остальное... Я перешел... к морской авиации, выразил желание принять участие в одной из обычных операций гидропланов. Джелико отнесся к этому как к естественной вещи и только спросил: желаю ли я идти на гидро или миноносце? После ответа моего, что я хочу идти на гидро, чтобы посмотреть их боевую работу, был вызван адмирал Пенн, 5-й лорд адмиралтейства и начальник морской авиации. Пенн, выслушав Джелико, ответил только: «Есть, сэр» — и спросил, какой род операции я желал бы видеть: против подводок или против цеппелинов. Обсудив вероятность той или другой операции, ограничился на чисто морской операции прорыва подводок. Пенн ответил, [что] два аппарата последнего типа будут в моем распоряжении, и сегодня с утра уехал в Феликстоун. Вчера же я... сделал автомобильный пробег на лучшем гоночном автомобиле Роллс-Ройс...»

ГАРФ, ф 5844, оп. 1, д. 1 л. 59—65

№ 24

Из черновика писем А.В. Колчака из Японии
от 21-го и 30 декабря 1917 г. (3-го и 16 января 1918 г.)³⁷

I. 1918

«3/21

XII. 1917 г.

Сегодня неожиданно я получил Ваше письмо от 6 сентября, доставленное мне офицером, приехавшим из Америки.

...В Ваших письмах я несколько раз читал Ваши опасения в мою память о Вас, мысли о возможности забыть в новой обстановке... Нет, Анна Васильевна, я не забыл и не забуду Вас. Я так привык соединять свои мысли о Вас, что я совершенно не могу представить себе такого положения, когда бы я мог забыть Вас. Были дни, когда я был близок к отчаянию и когда я желал забыть Вас, но результат получался совершенно обратный — это было очень больно, а боль и страдание совсем не способствуют забвению. Да, в период ударов судьбы я готов был всегда отказаться от того счастья, которое... связано с Вами.

Так и теперь, в эти недели после прибытия в Йокогаму, когда Россия окончательно проиграла войну, когда война у нас окончилась

и я вновь пережил все то, что связано со словами «поражение», «проигранная война».

Вы отдалились от меня куда-то очень далеко. Я получил здесь семь Ваших писем, писем, полных порыва Вашей милой ласки, внимания, памяти обо мне, всего того, что для меня составляет самую большую радость и счастье, но я чувствую, что я не достоин этого, я не могу, не имею права испытывать этого счастья. Я, может быть, выражаю недостаточно ясно свою основную мысль, мысль о том, что на меня же ложится все то, что происходит сейчас в России, хотя бы даже одно то, что делается в нашем флоте — ведь я адмирал этого флота, я русский...

И с таким сознанием я не могу думать об Анне Васильевне так, как я мог бы думать при других совершенно неосуществимых теперь условиях и обстановке.

Милая Анна Васильевна, Вы совершенно ни с какой стороны не причастны к этому состоянию...

Я не умею передать Вам достаточно ясно это состояние, как я думаю только о Вас. Я хочу видеть Вас, мне хочется пережить хоть еще один раз счастье близости Вашей, посмотреть на Вас, Вашу улыбку, услышать Ваш голос, но я редко, почти никогда не думаю о Вас в связи с войной, и когда я думаю о ней, то я не хочу Вас видеть — какое-то чувство, похожее на стыд, чувство боязни вызвать у Вас презрительное отношение или что-то похожее на это, — вот что я ощущаю, когда я думаю о Вас...

Я поехал в Америку, надеясь принять участие в войне, но когда я изучил вопрос о положении Америки с военной точки зрения, то я пришел к убеждению, что Америка ведет войну только с чисто своей национальной... точки зрения — рекламы, advertising*...

Американская War and Democracy**, Вы не можете представить себе, что за абсурд и глупость лежат в этом определении цели и смысла войны. Война и демократия — мы видим, что это за комбинация на своей родине, на самих себе. Государственные люди Америки понимают это, но они не могут иначе действовать и поэтому до сих [пор] американцы не участвовали еще ни в одном сражении и потеряли 3 убитых, 4 раненых и 12 пленных, о чем в Америке писали больше, чем о морском сражении. До сих пор американцев нет в первой боевой линии на Западном фронте. Я решил вернуться в Россию и там уже разобраться в том, что де-

* Рекламирывать (англ).

** Война и демократия (англ)

лать дальше. Объявление проклятого мира с признанием невозможности вести войну с первым основанием в виде демократической трусости застало меня, когда я приехал в Японию. Тогда я обратился к английскому послу сэру Грину и просил его передать английскому правительству, что я не могу признать мира и прошу меня использовать для войны как угодно и где угодно, хотя бы в качестве солдата на фронте, что лично у меня одно только желание участвовать активно в войне и убивать немцев. Я получил ответ от английского правительства, переданный мне сэром Грином, что правительство благодарит меня и просит не уезжать из Японии до получения решения о наилучшем моем использовании. Ответ был в высшей степени любезный, но, во-первых, он меня связал с пребыванием в Японии, и, во-вторых, мне не нравится, что они собираются придумать какое-то для меня... (предыдущие три слова недостаточно разборчивы. — И. П.) назначение, тогда как я хочу только одного: участвовать в войне где и как угодно.

И вот я уже 2-й месяц в Японии, куда попал совершенно не думая о возможности такого пребывания... Давно у меня не было такого положения полного безделья, ибо нельзя же считать посылку телеграмм и расшифровку их за дело, я перечел в пути все книги, какие писал по части... (два последних слова непонятны. — И. П.). Мне все стало до такой степени отвратительным, что я начал искать забвения в какой-нибудь работе, но имеющей ничего общего с действительностью. Я вспомнил свои занятия в первое плавание на Восток буддистской литературой и философскими учениями Китая, я даже пытался <...> заниматься китайским языком, чтобы иметь возможность читать подлинники. Я достал несколько трудов по одному вопросу <...>.

Я живу в гостинице и пребываю преимущественно в обществе. В Йокогаме большое русское общество — это в большинстве случаев бежавшие от революции представители нашей бюрократии, военной и гражданской... Не знаю почему, но я в это общество не вошел и не желаю входить. Я сделал два-три визита и получил ответы на них, и этим все ограничилось. Это общество людей, признавших свое бессилие и не желающих бороться, мне не подходит, не нравится и не вызывает сочувствия, мне оно в лучшем случае безразлично.

30 декабря

Сегодня день большого значения для меня; сегодня я был вызван сэром Грином в посольство и получил от него сообщение, ре-

шающее мое ближайшее будущее. Я с двумя своими спутниками принят на службу Его Величества короля Англии и еду на Месопотамский фронт, где и что я буду делать там — не знаю. Я это выясню до 20-го — прибытия в штаб Месопотамской армии, куда я уезжаю *via** Шанхай, Сингапур, Коломбо, Бомбей. В своей просьбе, обращенной к английскому послу, переданной правительству Его Величества, я сказал: «Я не могу признать мира, который пытается заключить моя страна с врагами... Обязательства моей Родины перед союзниками я считаю своим обязательством. Я хочу продолжить и участвовать в войне на фронте Великобритании, т. к. считаю, что Великобритания никогда не сложит оружия перед Германией. Я желаю служить Его Величеству королю Великобритании, т. к. Его радости побед над Германией — единственный путь к благу не только Его страны, но и моей Родины.

На вопрос посла, какие мои желания в отношении положения и места службы, — я сказал, что, прося короля принять меня на службу, я предоставляю себя всецело в распоряжение Его правительства. У меня нет планов, претензий или желаний относительно положения и места, кроме одного, — сражаться — *tofight***.

В дальнейшем разговоре я откровенно сказал, что я лично не желал бы служить в отличном флоте, ибо Великобритания располагает... (слово написано неразборчиво, по смыслу — «большим». — И. П.) числом блестящих адмиралов и офицеров... Но мне бы доставило честь «...» удовлетворение служить там, где обстановка тяжела и где нужна помощь, где я не был бы лишним. Пусть правительство короля смотрит на меня не как на вице-адмирала, а солдата, которого пошлет туда, куда сочтет наиболее полезным.

Вопрос решен — Месопотамский фронт.

Я не жду найти там рай, который когда-то был там расположен, — я знаю, что это очень неприятное место с тропическим... (неразборчиво написанное слово, вероятно, «климатом». — И. П.), большую часть года с холерой, малярией и, кажется, чумой, которая существует там, как принято медицински выражаться, «эпидемически», т. е. никогда не прекращается... Неважная смерть, но лучше, чем от рук сознательного пролетариата или красы и гордости революции...»

ГАРФ, ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 86—112.

* Через (англ.).

** Сражаться (англ.).

№ 25

Из черновика письма, написанного
в начале января 1918 г.

«...Эти дни ожидания, которое временами становилось невыносимым, я часто ездил в Токио и бродил по самым отдаленным японским кварталам, заходя в лавки со старым хламом, задавшись целью найти старинный японский клинок работы... Майошин, поколения оружейников старой Японии Майошин. Фамилия Майошин ведет начало с XII столетия... Она изготовляла свои клинки... и каждый уважающий себя самурай, когда приходилось прибегнуть к харакири, проделывал одну операцию с инструментом работы Майошин. Клинки Майошин — действительно сама поэзия. Они изумительно уравновешены и как-то подходят к руке; они сварные... с железным мягким основанием, зигзагообразной линией сварки железа и стали.

Перед моими глазами прошли десятки великолепных старых клинков, и надо было большое усилие, чтобы удержаться от покупки, но я купил клинок Майошин и никакой другой...»³⁸

ГАРФ, ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 85.

№ 26

Из черновика письма, написанного
в середине января 1918 г.

«Когда мне становится тяжело, я достаю этот клинок, сажусь к камину, выключаю освещение и при свете горящего угля смотрю на него и на отражение пламени в его блестящей поверхности и тусклым матовым лезвием с <...> волнистой линией сварки стали и железа. Постепенно все забывается, и успокаиваюсь, и наступает состояние — точно полусна и странная непередаваемая <...> какие-то тени появляются <...> на поверхности клинка, который точно оживает какой-то внутренней в нем скрытой силой — быть может, действительно «господство живой души воина». Так незаметно проходит несколько часов, после чего остается только лечь спать»³⁹.

ГАРФ, ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 140.

Черновик письма А. В. Колчака из Сингапура
от 16 марта 1918 г.

«Сингапур, 1918, 16 III

Милая, бесконечно дорогая, обожаемая моя Анна Васильевна! Пишу Вам из Сингапура, где я оказался неисповедимой судьбой в совершенно новом и неожиданном положении. Прибыв на «Динегга», которую я ждал в Шанхае около месяца, я был встречен весьма торжественно командующим морскими войсками генералом Ridand*, передавшим мне служебный пакет... с распоряжением английского правительства вернуться немедленно в Китай... для работы в Маньчжурии и Сибири. Английское правительство после последних событий, выразившихся в наглom... (неразборчиво написанное слово, по смыслу — «попрании». — И. П.) России Германией, нашло, что меня необходимо использовать в Сибири в видах союзников к России, предпочтительно перед Месопотамией, где обстановка изменилась, по-видимому, в довольно... (слово написано неразборчиво; по смыслу — «благоприятном». — И. П.) направлении. И вот я со своими офицерами оставил «Динегга», перебрался в Hotel d'Europe** и жду первого парохода, чтобы ехать обратно в Шанхай и оттуда в Пекин, где я имею получить инструкции и информации от союзных посольств. Моя миссия является секретной, и хотя я догадываюсь о ее задачах и целях, но пока не буду говорить о ней до приезда в Пекин.

Милая моя Анна Васильевна, Вы знаете и понимаете, как это все тяжело, такие нервы надо иметь, чтобы переживать это время, это восьмимесячное передвижение по всему земному шару...

Не знаю, я сам удивляюсь своему спокойствию, с каким встречаю сюрпризы судьбы, изменения внезапно всех намерений, решений и целей... Я почти успокоился, отправляясь на Месопотамский фронт, на который смотрел почти как на место отдыха... Кажется, странное представление об отдыхе, но и этого не суждено, но только бы кончилось это ужасное скитание, ожидание... Это время было для меня временем величайшего страдания, которое я когда-либо испытывал; кончится ли оно когда-нибудь...

Вы, милая, обожаемая Анна Васильевна, так далеки от меня, что представляетесь мне почему-то странным сном. Разве не сон — вос-

* Риданд

** Гостиница «Европейская».

помяну о Вас в той обстановке, где я теперь нахожусь: на веранде экзотического отличного отеля... в атмосфере какого-то парника, в совершенно чужом и совершенно ненужном для меня городе, — я сижу перед Вашим портретом и пишу Вам эти листки, не зная, попадут ли они когда-нибудь в Ваши ручки.

Даже звезды, на которые я всегда смотрел, думая о Вас, здесь черные; Южный Крест, неполный Скорпион, Центавр, Аргос с Канопусом — все это чужое, неведомое для Вас, и только низко стоящие на севере Большая Медведица и Орион напоминают мне Вас. Может быть, Вы иногда смотрите на них и вспоминаете Вашу химеру, действительно заслуживающую... одним своим... своей жизни это... не-лепой...»⁴⁰

ГАРФ, ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 178—181.

Раздел 7

ОМСКИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

№ 28

Из воспоминаний генерал-лейтенанта К.В. Сахарова

« В Омске шли долгие переговоры, различные персональные перестановки в проекте состава кабинета. Но дело не двигалось.

В конце сентября приехал в Омск из Харбина адмирал Колчак⁴¹ в качестве частного человека и даже в штатском платье. Я был у него на третий день приезда, и мы проговорили целый вечер. Адмирал рассказывал мне подробно о своих поездках в Америку и Японию, о положении на Дальнем Востоке, о роли разных союзников-интервентов, причем смотрел он на все мрачными глазами. Он тогда, еще в октябре 1918 г., высказывал мысль, что союзники преследуют какие-то скрытые цели, что поэтому мало надежды на помощь с их стороны.

— Знаете ли, мое убеждение, что Россию можно спасти только русскими силами. Самое лучшее, если бы они совсем не приезжали, — ведь это какой-то новый интернационал. Положим, очень уж бедны стали, без иностранного снабжения не обойтись, ну а это значит — попасть им в зависимость

Я намерен пробраться в Добровольческую армию и отдать свои силы в распоряжение генералов Алексеева и Деникина, — закончил адмирал Колчак.

Около того же времени прибыл особым поездом, с пулеметами и целой командой, одетой в новенькую солдатскую форму с сине-белыми погонами, член Комуча Роговский⁴².

...Оказалось, что председатель Директории Авксентьев дал в Уфе обязательство своей партии обеспечить портфель министра полиции для члена Комуча, которым и был намечен Роговский... Соглашение, почти достигнутое с сибиряками, вновь расстроилось.

...Авксентьев попросту умолял согласиться на Роговского, обещая недели через две его «прогнать» и заменить другим приемлемым ли-

цом. Долго спорили из-за этого пункта. Наконец пришли к соглашению Роговского не назначать; на этих условиях кабинет формировался, и А.В. Колчак вошел в него как военный и морской министр.

На радостях Директория устроила пышный банкет, достала даже вина. Говорилось много речей на всех языках, раздавались призывы к дружной, энергичной работе...

В это время в Омске разыгрывались центральные события, имевшие важное значение на весь дальнейший ход борьбы. Адмирал Колчак, как военный министр, объехал фронт, посетил войсковых начальников и убедился, что организация армии и ее снабжение поставлены в условия совершенно неудовлетворительные; не было ни общего плана, ни согласованной работы, не было надежды при существующем порядке наладить интендантство. Кроме этого, А.В. Колчак получил уже лично теперь заверения от войсковых начальников, что дальше так идти не должно, что армия может сама сделать переворот, а это было бы губительным для фронта; что в Директорию совершенно никто не верит, ждут замены ее единой властью и хотели бы видеть ее в лице адмирала».

Сахаров КВ Белая Сибирь Мюнхен, 1923 С 17, 20, 33

№ 29

Указ Директории (Временного Всероссийского правительства) о назначениях на государственные посты группы лиц, включая А.В. Колчака, от 4 ноября 1918 г.

«§ 1. На члена Временного Всероссийского правительства председателя Совета министров Временного Сибирского правительства Петра Васильевича Вологодского возлагаются обязанности председателя Совета министров. На члена Временного Всероссийского правительства Владимира Александровича Виноградова возлагаются обязанности заместителя председателя Совета министров.

§ 2. Назначаются:

Вице-адмирал Александр Васильевич Колчак — военным и морским министром...

Подписи: Временное Всероссийское правительство:

Н. Авксентьев, В. Болдырев, П. Вологодский,
В. Виноградов, В. Зензинов».

№ 30

**Из записок английского полковника Дж. Уорда⁴³,
сопровождавшего А.В. Колчака в его поездке
в ноябре 1918 г.**

«...4 ноября я получил телеграмму от Престона, британского консула в Екатеринбурге, с просьбой командировать туда отряд к 9 ноября для празднования начала чешской национальной жизни и для участия в церемонии пожалования знамен четырем батальонам чешской национальной армии. Я посоветовался с генералом Ноксом, который получил подобное же предложение от генерала Гайды, командующего войсками в Екатеринбурге; отряд должен был также посетить различные части Уральского фронта для моральной поддержки утомленных войною ветеранов наших союзников. Было решено, что я для этой цели возьму с собой хор музыкантов и сотню отборных людей для эскорта. Как русские, так и чехи давно с нетерпением ожидали обещанную помощь Англии и появление на сцене первого одетого в хаки солдата.

Все приготовления для моего путешествия были сделаны, и я назначил день отъезда из Омска на пятницу в 3 часа пополудни. Рано утром в пятницу меня известили, что военный министр адмирал Колчак, отправляясь также на чешскую церемонию, ввиду редких поездов, просит, не позволю ли я прицепить его вагон к моему составу. Я охотно согласился.

Ни один русский чиновник не подумает сделать что-нибудь прямо, если существует какой-нибудь извилистый путь, который приведет его к цели. Так было и тут. Полковник Франк⁴⁴ телеграфировал от моего имени всем станционным комендантам по линии, приказывая им под страхом высшего наказания очистить соответствующие участки пути и на всех остановках держать наготове специальные паровозы, чтобы брать поезд адмирала в момент подхода его к станции. Подкупив старого русского проводника, мы добыли русский флаг, прикрепив его к вагону адмирала; мы сделали, таким образом, первым русским поездом, который осмеливался носить русский флаг в течение почти года. У нас было также два английских флажка, так что русские чиновники стали подозревать, что тут, во всяком случае, была комбинация цветов, заслуживающая величайшего уважения

В результате, отправившись почти на сутки позднее назначенного срока, мы прибыли к месту назначения за час раньше. Нас ожидал почетный караул и завтрак более или менее разнообразного характера. Затем подношение хлеба-соли на изящном деревянном

блюде, на котором руками дам был изображен древний монастырь, под стенами которого и должна была происходить церемония⁴⁵. Проходили мы мимо здания, в котором был заключен царь Николай II со своей семьей и откуда они были выведены на смерть⁴⁶. Мне не хотелось верить рассказам о несказанных ужасах, которым подверглись женщины царской семьи, но об этом говорили категорически. Лучше всего не верить ничему, о чем слышишь в России, и даже то, что видишь, в действительности не всегда таково, каким оно кажется.

По дороге мы приветствовали флаг на консульстве, где наш добрый товарищ и приятель-земляк, консул Престон, давал уют и бодрость как человеку, так и животному. Вдруг мы повернули направо и вошли в квадратный сквер, уже окруженный со всех сторон чешскими войсками, пехотой, артиллерией и кавалерией. Было действительно грандиозное зрелище. В высоком углу сквера была устроена платформа, справа от которой нам отвели почетные места; по какой-то странной причине, которую я не мог понять, потребовали исполнения британского национального гимна, во время которого вся чешская армия взяла на караул, так как вошел генерал Гайда и его штаб со знаменами. Я чувствовал, что мы присутствуем на празднике рождения новой нации. Сцена носила отпечаток особой торжественности. Одной из частей был мой старый Уссурийский батальон, и мой старый кум, капитан (теперь полковник) Стефан, был теперь самым гордым человеком, когда он нес полученное из рук священника только что освященное знамя своей страны.

Тогда же я был представлен молодому блестящему чешскому офицеру, генералу Гайде, который благодаря своей отваге сыграл такую важную роль, пробивая для своей армии путь с запада на восток. Затем был обычный банкет, на котором адмирал Колчак произнес свою первую значительную речь — со времени назначения своего на пост военного министра. Со своей стороны я выразил удовольствие моей страны по поводу рождения новой нации и возрождения свободы среди угнетенных народов мира. Я выразил также удовольствие, что первым делом нового русского военного министра было посещение фронта и личное ознакомление с условиями русского солдата, который так доблестно сражается для защиты народа и государства от насилия и анархии.

После церемонии мы тотчас же направились на Кунгурский фронт, и раннее утро застало нас скользившими вниз с европейского склона Урала. Огромные леса, отягощенные снегом, покрывали склоны гор, а температура стояла совершенно невыносимая для военных опера-

ций британской армии. Около 11 часов утра мы прибыли в главную квартиру армии, находившейся под командой генерала князя* Голицына⁴⁷. Мы долго беседовали, а затем завтракали за офицерским артельным столом, который помещался на восьмиколесном американском тракторе. Случайная бомба разорвалась сначала справа, а затем слева, но ни одна не подлетела ближе, и около 2 часов пополудни огонь замер совершенно. Решено было отправиться на передовой пост и захватить с собой оркестр, чтобы дать возможность как друзьям, так и врагам насладиться британской музыкой. Мы достигли крайнего пункта, вблизи которого железнодорожная выемка давала великолепное прикрытие для оркестра, в то время как адмиральский штаб и моя охрана из Миддльсексов отправилась вперед взглянуть на неприятеля. Оркестр сыграл «Colonel Bogey»**, потом еще что-то, чего я не могу припомнить; в то время как мы ощупью пробирались среди пулеметных гнезд, окопов, оркестр позади начал «Типперари». Это как раз нарушило терпение большевиков. Знаменитая военная мелодия ударила по нервам их артиллеристов, и они начали обстреливать песенку из всех своих сил. Не нужно и говорить, что ни один снаряд не достиг своей цели; они визжали над нашими головами и разрывались среди леса. Это показывает крайний недостаток культуры среди большевистских офицеров, не сумевших оценить хорошей музыки, после того как мы потратили столько стараний поместить ее так, чтобы они слышали. Оркестр кончил, и бомбардировка прекратилась.

Генерал князь Голицын представляет собою прекрасный тип офицера старого порядка; аристократ до кончиков ногтей, но превосходный руководитель солдат, рожденный для команды. Можно думать, что в его наружности сильная струя татарской крови, но вообще он из того сорта людей, с которыми предпочитаешь встречаться скорее друзьями, чем врагами. Мы обсуждали возможность наступления в направлении на Пермь, двинувшись отсюда, я намекал юмористически, мы могли бы освободить войска генерала Пуля, который забрался на свои зимние квартиры где-то около Архангельска. Отсюда мы вернулись в Екатеринбург и, не останавливаясь, проследовали на Лысьвенский фронт к генералу Пепеляеву.

Мы прибыли на Лысьвенский фронт около 10 часов утра на следующий день, но не видели неприятеля и не слышали его пушек. Эта армия принуждена была отступить приблизительно верст на 60 в тот самый день, когда мы обсуждали возможность наступления

* Генерал В.В. Голицын не был князем.

** «Полковник Боджей» (англ.).

на станцию Пермь, и ее настоящая позиция была еще не обеспечена. Пепеляев — молодой генерал, не более 30 лет, но выглядит настоящим старым солдатом. Мундир его так же грязен и изношен, хотя и не в таких лохмотьях, как у большинства его солдат. Он в полной уверенности, что сможет разбить врага, если его люди будут снабжены оружием и амуницией, которых многие не имеют. Половина его солдат ждет ружей от своих товарищей, которые могут быть убиты или замерзнут в снегу. Разговоры были совершенно деловые, а присутствие адмирала Колчака как бы гальванизировало армию, придав ей жизнь и энергию. Русский солдат, сапоги у которого давно проносились и ноги которого обмотаны тряпками для защиты от снега, сразу ощутил уверенность, что и сапоги и платье скоро последуют за визитом военного министра. Пепеляев зашел ко мне в вагон, чтобы посетить генерала Гайду, а адмирал уплетал британский солдатский рацион, пока мы обсуждали разные вопросы, включая сюда предполагаемое наступление и необходимые меры, чтобы оно вылилось в победу.

Мы должны были отправиться на крайний правый участок, где на фланге оперировал генерал Вержбицкий, но адмирал заявил, что положение солдат настолько тяжело, что его непосредственным делом явится организация тыла и обеспечение мер, благодаря которым солдат на фронте сможет исполнять свой долг. Мы присутствовали при церемонии пожалования знамени 2-му Сибирскому стрелковому полку, — красивое зрелище, значение которого увеличивалось еще тем, что три офицера полка освободили эти знамена от революционеро-большевиков, целые месяцы пробираясь через большевистские линии в виде разносчиков или крестьян, пока не пронесли их благополучно для нового полка.

Адмиралу было необходимо повидать генерала Сырового и Дитерихса* с их штабами в Челябинске, а также осмотреть Уфимский фронт. Пропутешествовав всю ночь, мы на следующее утро прибыли в Челябинск, где после формального осмотра войск засели за завтрак. Я не помню дня, но вдруг ко мне влетает, нарушая всякий этикет, мой старый приятель, полковник Пишон, и сообщает мне условия перемирия между Германией и Антантой; с собой он захватил бутылку шампанского, припасенную на этот случай. Мы поклялись всеми небесными и подземными силами, что мы были величайшими народами, которые когда-либо существовали во все времена и намеревались остаться таковыми и впредь.

* Автор неточно пишет эту фамилию — Дидерихс.

После завтрака я оставил адмирала у генералов и отправился немного побродить по этому разбросанному, покрытому снегом городу, будучи твердо уверен, что отсюда мы едем на Уфимский фронт. В 5 часов пополудни меня уведомили, что совещания окончены и что есть неотложные причины для нашего непосредственного возвращения в Омск. Я ничего не ответил на это, так как со своей стороны более не нуждался в осмотре армии, скверно питающейся, плохо одетой, но продолжающей борьбу за спасение государства при этих невыносимых условиях. Мы отправились в обратный путь и около 11 часов утра на следующий день прибыли в Петропавловск. Здесь станционный комендант уведомил нас, что генерал Болдырев хотел, чтобы мы дождались его поезда, так как ему очень важно переговорить с военным министром. Это было первое сообщение о том, что генерал Болдырев покинул Омск и находится на пути для посещения Уфимского фронта. Адмирал пригласил меня в свой вагон, обрисовал критическое положение в Омске, но не мог понять внезапного решения главнокомандующего покинуть Омск и искать с ним встречи в пути. У меня были подозрения, что обе правительственные группы схватились друг с другом и что одна решила покончить с другой; что адмирал Колчак должен будет определить свои отношения к этим группам и что, быть может, его жизнь, а также жизнь его британского эскорта будет зависеть от его ответа. Болдырев и Омск не знали ничего о наличии британского эскорта или об его численности, и если им было известно наше совместное появление на торжествах в Екатеринбурге, то не существовало никакого предварительного решения о том, что мы будем сопровождать адмирала в Челябинск. Это было решено только накануне. Во время революции вы никогда не можете чувствовать себя в полной безопасности, и поэтому я приказал своим людям зарядить ружья и быть готовыми к действию каждую минуту, если это окажется необходимым. Отданы были также приказы патрулю на платформе не позволять публике, ни военной, ни гражданской, собираться около поездов; двум солдатам, приставленным к адмиралу, было приказано ни в коем случае не выпускать его из виду, сопровождая его и давая мне об этом знать. Двое солдат стали охраной у вагона генерала Болдырева. Увидев лица спутников генерала, я понял, что мои приготовления были более чем необходимы. Когда поезд генерала вошел на станцию и адмирал Колчак вошел в вагон Болдырева, был ровно полдень 16 ноября 1918 г. Я попросил моего слугу, Мурмана, «зафиксировать» два поезда, так как чувствовал, что это свидание полно крупных событий для России. Во время фотографирования какой-то рабочий, возвратившийся эмигрант, заговорил с Мурманом на хорошем английском языке. Он

спросил, кто все эти офицеры и о чем все они говорят, и, когда мой слуга ответил ему, что он не знает, эмигрант сказал: «Все это, конечно, хорошо, если только они не собираются восстановить старый режим; но если таковы их намерения, я могу сказать им, что Россия никогда не согласится снова жить при старом режиме». Я подумал и думаю теперь, что в словах этого рабочего мне слышался подлинный голос России. Переговоры между адмиралом и генералом прервались в 5 часов вечера; таким образом, они продолжались пять часов.

Адмирал был голоден и зашел ко мне что-нибудь перекусить; его прислуга ничего не приготовила, так как по русскому обычаю никогда не начинают готовить раньше, чем вы хотите есть. После обеда мы заговорили, и по разговору я мог определить характер вопросов, обсуждавшихся на совещании с главнокомандующим. Адмирал спросил меня, является ли в Англии военный министр ответственным за снабжение армии одеждой, экипировкой и за общее положение британской армии. Я ответил, что в Англии военный министр несет ответственность перед кабинетом, а через парламент перед страной за снабжение британской армии всем необходимым. Он спросил: «Что подумали бы вы в Англии, если бы главнокомандующий сказал военному министру, что все эти вещи вовсе его не касаются, что он может иметь при себе небольшое управление из двух чиновников, а не штаб; что Директория (а в вашем случае Кабинет) нуждается только в титуле военного министра и что чем меньше он будет вмешиваться в дела своего департамента, тем будет лучше для всего остального». Я отвечал: «Если бы я был министром, я потребовал бы абсолютного контроля над всеми делами моего ведомства или же отказался бы». Помолчав минутку, он сказал: «Это как раз то, что я сделал» или «то, что я намерен сделать» — я не помню точно. Из того, что потом произошло, я думаю, что он сказал первое, так как на мой вопрос, что же генерал Болдырев сказал ему в ответ на его просьбу, он продолжал: «Генерал Болдырев очень хороший человек, и хотя он и не видит всего, что я хотел бы, все же, я думаю, он понимает обстановку и сам будет просить, чтобы мне была предоставлена большая власть, которая дала бы мне возможность спасти новую армию, могущую воскресить русское государство». Я очень хорошо помню слово «воскресить», так как оно запечатлелось во мне своей правдой. Государство было мертво, России не было; воскресение было необходимо

Мы прибыли в Омск на городскую станцию в 5 часов 30 минут вечера 17 ноября 1918 г. Адмирал поблагодарил меня за мою помощь, мою охрану, мою благосклонность и защиту, которую я ока-

зал ему. Я обещал ему и впредь свою помощь и симпатию в его патриотической попытке оживить дух его народа. Он прямо отправился на свою квартиру, где и оставался.

Корреспондент «Таймс» в своей депеше указывал, что Колчак уже знал о том, что должно было произойти в эту ночь в Омске. Я не думаю, чтобы это было так. Он мог лишь догадываться, что нечто очень неприятное носится в воздухе — даже наименее проницательные люди из тех, кто был вне сцены, знали это; но как все должно было произойти, откуда исходили директивы, на кого должно было все обрушиться, было секретом, который знали только немногие, и я убежден, что адмирал не был в их числе, если только не играл второстепенной роли. Полковник (теперь генерал) Лебедев мог бы рассказать всю эту историю, хотя его имя даже не упоминалось во время *сoup d'état**. Молодой и симпатичный казачий офицер, он находился в штабе Корнилова, когда Керенский пригласил этого великого казачьего генерала двинуть свою армию на Петроград для спасения только что избранного Учредительного собрания⁴⁸. Хорошо известно, как Корнилов повиновался приказу Керенского, как последний изменнически отвернулся от него и разбил единственную силу, которая была двинута по его же собственному требованию и могла спасти Россию. Напротив, Корнилов оказался жертвой, которую и обвинили в этом акте разрушения. Лебедев ускользнул, но можно быть уверенным, что он сохранил продолжительную ненависть к социалистам-революционерам, которые обманули его великого вождя.

Сотоварищи Керенского, а в некоторых случаях и настоящие изменники, нашли убежище в Директории пяти и в Совете министров и продолжали вести ту же двойную игру, которая принесла гибель первому Учредительному собранию. Они принадлежали к той же самой ничтожной толпе бесполезных шарлатанов, которые своей трусостью сделали свою страну притчей во языцех и допустили заключение Брест-Литовского мира. Я был в состоянии судить об этом. Я был уверен, что этот молодой человек был из тех, кто может позволить отделаться от своего начальства, оказавшись при этом недостижимым для наказания.

Он пробрался в Южную Россию, присоединился к Деникину и участвовал в его первом походе против большевиков. Посланный Деникиным с депешами в Омск, он стал центром группы отчаянных людей, которым недоставало холодного рассудка, чтобы сделаться страшными. Положение в Омске в это время было просто неопишечное. Каждую ночь, как только темнело, начинали раздаваться ружей-

* Государственный переворот (фр)

ные и револьверные выстрелы, крики по всем направлениям. Наутро санитарные двуколки поднимали от пяти до двадцати мертвых офицеров. Не было ни полиции, ни судов, ни закона, ни чего-нибудь подобного. В отчаянии офицеры группировались вместе и без разбора мстили населению, которое считали ответственным за убийство своих сотоварищей. Таким образом, изрядная пропорция гражданских трупов была смешана с теми, кто носил мундир; что в этом отношении офицеры действовали верно, доказывает тем, что эти ночные убийства скоро сделались редкими, а потом и совсем прекратились.

Такова была кровавая сцена, на которую мы были заброшены, и таковы были условия, ставшие совершенно ненормальными в столице под управлением пятичленной Директории. Члены ее были самыми отчаянными банкротами, которых когда-либо производила Россия, и народ ждал с нетерпением и надеждой их скорого удаления. Я несколько не удивился, когда на следующее утро мой адъютант, полковник Франк, в страшном возбуждении и волнении вернулся из русской главной квартиры, говоря мне, что, по-видимому, Россия осуждена на вечную смуту. Я спросил — почему? Он отвечал, что в эту ночь несколько негодяев арестовали членов Директории и правительства из социалистов-революционеров, что в главной квартире никто не знает лица, кто мог бы стать во главе правительства в стране, и что для него нет никаких сомнений в том, что члены бывшего правительства уже убиты. Я принял необходимые меры для безопасности моей команды и начал ожидать развития событий. Я узнал, что телеграф на восток прерван и что *coup d'état* уже в стадии завершения».

У о р д А. Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919: Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда / Предисловие И. Майского. М; Пг., 1923 С. 72—80.

№ 31

Информация об интервью военного и морского министра Директории вице-адмирала А.В. Колчака, данном представителю чехословацкого Национального совета и корпуса 12 ноября и переданном в штабы воинских соединений 13 ноября 1918 г.⁴⁸

«Военная». Срочно. Екатеринбург, 12 ноября. В беседе с сотрудником чехословацкого агитаци [онно] -пропаганд [истского] отдела адмирал Колчак высказал свои взгляды на задачи правительства и общества для восстановления страны. Адмирал принял теперь пост

военного министра, и во Всероссийском правительстве его главная задача теперь направлена на создание министерства и образование сильной и здоровой армии, чуждой политики, способной спасти созданное Отечество. Совет министров, стоя на почве национальной, создания боеспособной армии, сходится в том, что все вопросы внутренней политики освобожденной России должны быть подчинены этой главной задаче.

«Горе в том, что русские не в состоянии встать на национальную платформу, не должны ставить интересы партийные выше долга национального. В этом отношении одинаково виноваты оба направления — левое и правое. Каждая политическая борьба, пока не становится на национальную почву, на программу обновления России, является вредной. Внутреннее положение характеризуется необычайно гнусным продовольственным снабжением беженцев и квартирным кризисом. Разрушенное русское правительство не в состоянии снабжать и вооружать. Союзники помогают России, насколько им это удастся, с большим напряжением в процессе гигантской борьбы на западе. Огромная отдаленность и суровый климат Сибири осложняют доставку материала и людей. Проводимые операции — Архангельская, Туркестанская — за соединение армий и нас с союзным флотом. Борьба за соединение на Черном море, которое уже, наверное, достигнуто, значительно облегчает нашу общую борьбу с советско-германской Россией»⁵⁰. Судьба большевиков, по мнению Колчака, тесно связана с положением Германии. Если Германия будет окончательно побеждена, одновременно падет и Советская Россия, которая с Германией связана. Если такой победы не будет, то падение большевиков будет вопросом еще некоторого времени. На вопрос, как адмирал Колчак представляет себе участь России на мирной конференции, он высказывает мнение, что это зависит от признания Всероссийского правительства в рядах союзников и от дальнейшего развития внутренних политических событий в освобожденной России, которое имеет чрезвычайное влияние на отношение союзников к России, от их военной и дипломатической помощи. Относительно Дальневосточного флота адмирал Колчак сообщил, что он в течение войны почти весь период находился в среднеевропейских водах и что теперь во Владивостоке находится только несколько старых миноносцев, канонерок и транспортов. Настоящая судьба флотов Балтийского и Черноморского ему неизвестна.

В заключение беседы адмирал Колчак высказал твердую веру в возрождение России, в доброжелательную защиту ее интересов союзниками. Но он почти не скрывает, что этот процесс возрождения

будет медлителен и потребует чрезвычайных усилий. Надлежащие заботы будут проявлены о воспитании новых офицеров. Оперативная часть, само собой разумеется, предоставлена Верховному главнокомандующему. По мнению адмирала, чехословацкая армия, как ближайшая русским по духу, может оказывать им (как и до сих пор) наибольшую помощь».

Российский Государственный военный архив (РГВА), ф. 39500, оп. 1, д. 4, л. 318—321.

№ 32

Из дневника лидера Сибирской организации партии Народной свободы (конституционных демократов) В.Н. Пепеляева о подготовке правительственного переворота в Омске

«1918 г. Сентябрь»

28. Маньчжурия. Виделся с генералом Гайдой в его поезде. Едет на запад. Очень обрадовался моему визиту...

...Перешли к вопросу о власти. Я сказал, что не поехал на Уфимское совещание⁵¹, ибо не верю в создание таким путем прочной власти, и что спасение в единоличной военной диктатуре.

— Но выдвигайте же лицо.

— В Москве мы намечали генерала Алексеева⁵², но его нет. Алексеев очень ценен как специалист, но он стар для диктатора.

— Деникин.

— О, да, но ведь и его также нет.

Затем Гаида заявил, что он также не верит в Уфимское совещание, в твердость Директории («они будут оставлять жить тех, кому жить не следует»).

— Какой же, по-вашему, выход, военная диктатура?

— Конечно.

— Я очень рад, что узнал лично ваш взгляд. В своих интересах вы его не высказывали.

— Да, пока не все готовы. Пока не организованы военные силы. Вот едет Колчак.

На это я сказал, что в Москве наметили генерала Алексеева, но с ним нет никакой связи. Между тем время идет. Колчак имелся в виду, как второй кандидат. Его, возможно, поддержат. Но когда это может быть?

— Дней через двадцать. Чехов мне удастся убедить.

— А... так же думает?⁵³

— Мы одинаково думаем, он меня поддержит.

Гайда обещал дать телеграмму Колчаку, чтобы он встретился со мною в Маньчжурии. Колчак едет дня через 2—3».

...Ноябрь

5. Долгая и интересная беседа с адмиралом Колчаком. По его мнению, в настоящее время нужно оказать поддержку власти. В дальнейшем все дело в том, будут ли Авксентьев и Зензинов связаны своей партией. Если да, с ними работать невозможно. Если нет, все пошло бы спокойнее. Положение военного министра сейчас невозможное — у него нет исполнительных органов. Затем губит военное дело «атаманщина». С «атаманщиной» нельзя бороться эволюционным путем. С ней надо кончить сразу. «Атаманщина» не только в казачьих областях, но и в каждом корпусе. Выполняя поручения наццентра, я сказал ему, какие надежды центр возлагал на генерала Алексеева, сказал, что центр уполномочил и Колчака, но просил меня с ним переговорить в тех целях, чтобы эти два имени не стояли друг против друга. Колчак с большей решительностью заявил, что генерал Алексейев, если он жив, для него и сейчас является Верховным главнокомандующим. «Если бы я имел власть, то, соединившись с Алексеевым, я бы отдал ее ему. Мало того, мое уважение к Алексееву так велико, что если Деникин является его преемником, то я власть отдам Деникину». Адмирал с большим уважением относится и к Деникину.

Дальше адмирал изложил свой взгляд на диктатуру. Диктатор должен иметь два основания: победу и огромные личные достоинства. У Алексеева пока нет первого, но есть второе. У меня нет ни того, ни другого. Но если будет нужно, я готов принести эту жертву. Однако форсировать события не надо. Власти надо оказать поддержку.

С Дона от Гришина-Алмазова⁵⁴ получена телеграмма. Генерал Алексейев умер 10 октября. Преемником его — генерал Деникин.

8. Беседа с П.В. Вологодским. Полчаса. Вологодский выглядит утомленным.

— Я хотел бы коснуться общих политических вопросов в пределах, которых вам самим угодно будет установить.

— Пожалуйста.

— Наша точка зрения: результат Уфимского совещания — недопустимый компромисс, к Директории, по существу, мы относимся

отрицательно. К Сибирскому правительству у нас было доброжелательное отношение...

Вологодский повторил о своем отношении к Учредительному собранию, соглашаясь, что Уфимские обязательства д [олжны] уступить долгу пред благом государства.

Коснувшись съезда, я спросил, до каких, по его мнению, пределов целесообразно противопоставлять Совет министров Директории.

— Мне кажется, резко противопоставлять не следует.

— Я изложил свою конструкцию.

Вологодский слушал улыбаясь и потом сказал, что в таких тонких выражениях это вполне возможно.

Я сказал, что это, разумеется, наряду с поддержкой Совета министров мы заявили о вредности созыва и непризнаний съезда.

17. Воскресенье. Конференция⁵⁵. Продолжение прений по моему докладу. Подавляющее большинство (21 против 1) приняли мои тезисы (диктатура, осуждение Уфимского совещания, противопоставление Совета министров Директории, поддержка Совету министров). Поправки Бородина отвергались почти единогласно.

Вечернее (4-е) зас [едание]. Мой организационный доклад (Устав В.О.Ц.К.*) — принят. Доклады Кудрявцева и Жардецкого⁵⁶. Я ушел с конференции на совещание.

Совещание. Участвовали; все решено. Оттуда с... я поехал к П. Полная налаженность. Описать потом».

ГАРФ, ф. 195, оп. 1, д. 47, л. 6—7, 21—22, 26.

№ 33

**Бывший главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.К. Гинс о причинах и обстоятельствах переворота в Омске
18 ноября 1918 г.**

«18 ноября

Рано утром меня разбудил секретарь Вологодского.

— Вы ничего не знаете?

— Нет.

— Директория арестована! Сейчас экстренное заседание Совета министров.

* Восточный отдел ЦК Партии народной свободы (кадетов).

Еду в Совет министров. По дороге встречаю Вологодского в сопровождении только что прибывшего из Томска Гаттенбергера и большого конвоя. В здании Совета еще не все министры, многие взволнованы. Никто ничего не знает, Вологодский не осведомляет. «Подождите, — говорит, — сразу скажу».

Приходит Колчак. Он только что прибыл с фронта, куда поехал сейчас же по назначении его министром. Рассказывает о теплой встрече, которая ему была оказана, о тяжелых условиях, в которых живут на фронте солдаты. Все стараются говорить о посторонних вещах.

Позже других является Михайлов. Его разыскивали. Наконец все в сборе.

Вологодский открывает заседание; рядом с ним Виноградов. Вологодский сообщает об аресте Авксентьева, Зензинова, Аргунова и Роговского⁵⁷, о том, что уже обнаружили очевидцы того, как полковник Красильников, один из организаторов противобольшевистских казачьих отрядов, ночью на улице спрашивал своих офицеров: «Ну что, готово?» Видели какой-то грузовик, набитый солдатами.

Что же дальше?

Воцарилось тягостное молчание. Я могу утверждать с полным убеждением, что для подавляющего большинства переворот был совершенно неожиданным. Я, например, только догадывался о готовящемся заговоре, потому что слышал как-то от одного офицера, что все военные были бы рады видеть вместо Директории одно лицо. И когда я спросил, есть ли такое лицо, которое пользовалось бы общим авторитетом, то он сказал: «Да, теперь есть».

Могу также с уверенностью сказать, что о перевороте ничего не знал и Колчак. Мне рассказывал впоследствии один из участников переворота, покойный ныне В.Н. Пепеляев, как происходили совещания в вагоне на ветке омского вокзала, как решено было предварительно показать адмирала Колчака на фронте, где заранее подготовлена была ему встреча, как адмиралу внушили мысль поехать и выполнили весь план в расчете, что, под влиянием выслушанного там и под впечатлением встречи, он не уклонится принять на себя роль диктатора.

Совет министров был застигнут врасплох. Некоторое время в заседании царило тягостное молчание.

Первым взял слово министр продовольствия Зефиров. «Я думаю о политике, — сказал он, — прежде всего с точки зрения рубля, которым оперирую как покупатель. В интересах этого рубля я желал бы, чтоб сейчас же было выяснено, кому же принадлежит теперь власть».

После этого прения пошли по пути искания форм власти. Факт свержения Директории был признан. Восстановление Авксентьева и Зензинова казалось невысказанным. Власть могла перейти к трем оставшимся членам Директории, но это был бы суррогат Директории, идея которой, как коалиции, умирала вместе с выходом левой половины. Принятие власти всем составом Совета министров было бы повторением неудачного опыта Временного Российского правительства князя Львова и Керенского. Казалось невозможным и создание новой Директории, после того, как эта форма оказалась скомпрометированной примерами только что пережитой эпохи Сибирский Директории, какую, по существу, было правительство Вологодского, разлагавшееся от внутренних раздоров и внешних партийных воздействий, и еще более кратковременной и безотрадной деятельности Директории.

— Значит, диктатура? — окончательно сформулировал в форме вопроса Виноградов.

Признаюсь, когда этот вопрос был задан, я пережил минуты тяжелого волнения.

Подготавливая декларацию Вологодского для Сибирской областной думы, я с полным убеждением и искренностью вставил в нее фразу о диктатуре, «заранее обреченной на неудачу». Я был убежден в этом, потому что только исключительно выдающийся и удачливый диктатор мог бы примирить с собою стихию революции, не выносящей никакого «навязанного» ей порядка, признающей только то, что сохраняет ее свободу.

Кто может быть диктатором? После теоретических рассуждений о форме власти надо было поставить и этот роковой вопрос. Тогда взоры всех обратились на адмирала Колчака.

— Кто? — спросил Вологодский.

— Генерал Болдырев! — ответил Розанов, начальник штаба Верховного главнокомандующего.

Болдырев, который уже сейчас состоит Верховным вождем армии, не может быть в настоящее время смещен без ущерба для дела. В этом смысле высказался и адмирал Колчак.

— Адмирал Колчак, — назвали другие.

«Генерал Хорват» — почему-то не сказал, а написал мне министр путей Устругов.

Генерал Хорват был популярен главным образом на Дальнем Востоке, да и там благодаря тому, что он возглавлял одно из правительств, вокруг его имени создались слишком ожесточенная борьба и озлобленность. Генерал Болдырев был мало популярен в армии. Это был «новый человек», он не мог конкурировать с адмиралом Колчаком.

Но знал ли кто-нибудь близко адмирала Колчака? В Совете министров — никто.

С Дальнего Востока были привезены кое-какие сведения о неуравновешенности характера, но здесь, в Омске, его видели всегда сосредоточенным и спокойным. Устругов мог рассказать больше, но он этого не сделал.

Колчак не отказался баллотироваться. За него были поданы все голоса, кроме одного. Один был дан за Болдырева.

Любопытно, что из состава Совета против диктатуры возражал только Шумиловский. Все министры, ставленники Директории, оказались сторонниками единовластия.

Так совершился переход к диктатуре. Был ли другой выход из положения, сложившегося к 18 ноября, я затрудняюсь сказать. Для меня ясно лишь то, что избрание Верховного правителя оказалось актом вынужденным, последствием партийной борьбы и военного заговора. История знает диктатуру, сила которой покоилась на народном избрании, — этого в Омске не было. Идея диктатуры была выдвинута малочисленною группою населения. Адмиралу Колчаку предстояло завоевать себе всеобщее признание. Если бы диктатура создавалась сама собою, по мере роста влияния и укрепления авторитета одного лица, то общее преклонение заменило бы тогда официальное признание. У адмирала Колчака было славное имя, оно помогло ему укрепиться, но имя его было чуждо широким народным кругам, и ему предстояло создать себе народную популярность.

Адмирал принял избрание; но он еще не отдавал себе ясного отчета, как широка будет его власть. Это обнаружилось при установлении титула. Он был смущен предложенным званием «Верховного правителя», ему казалось достаточным звание Верховного главнокомандующего, с полномочиями в области охраны внутреннего порядка. Между тем членам правительства казалось, наоборот, что адмирал не должен быть Верховным главнокомандующим⁵⁸. В его лице рассчитывали видеть устойчивую верховную власть, свободную от функций исполнительных, не зависящую от каких-либо партийных влияний и одинаково авторитетную как для гражданских, так и для военных властей.

Однако адмирал настаивал, что именно Верховным главнокомандующим он и должен быть, так как не имеет непосредственного влияния на ход военных дел значило, по его мнению, не иметь вообще ни силы, ни значения.

Совет министров согласился, не продумав значения и последствий своего решения. На этот раз ошибка оказалась несомненной, но обнаружилась она позднее, когда выяснилось, что адмирал фактически

не был и не мог быть главнокомандующим, так как он был силен на море, а не на суше.

Роковая неожиданность переворота поставила Совет министров перед фактом, заставила его принять решение без подготовки, избрать диктатора, недостаточно оценив его качества, определить его права, не выяснив твердо политических целей. Я никогда не был революционером, и опыт пережитого лишь укрепил меня в убеждении, что всякий переворот приносит больше несчастья, чем выгод. Те, кто свергнул Директорию, приняли на себя тяжкую ответственность, и, судя по тому, что произошло, они, видимо, мало продумали политическую программу будущего, сговорившись лишь на замене Директории Колчаком...»

Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. Пекин, 1921. Т. 1. С. 307—309.

№ 34

Английский полковник Дж. Уорд об омском правительственном перевороте 18 ноября 1918 г. и приходе к власти А.В. Колчака⁵⁹

«...В 11 часов утра 18 ноября я был официально уведомлен, что в 9 часов утра собрался Совет министров и продолжает свое заседание, имея целью рассмотреть положение, созданное арестом Директории; что он уже просил адмирала Колчака принять Верховную власть, но тот отказался; что министры питают надежду, что ради спасения России можно будет убедить адмирала принять на себя бремя правительства, так как это является единственным средством вывести страну из ее отчаянного положения. Разнообразнейшие слухи ходили по городу: что мой вагон будет обстрелян бомбами, что британцы будут принуждены сражаться для спасения своей жизни. Я говорил моим осведомителям, что им нет нужды заботиться о нас, что мы в состоянии сами сделать это. Но они не могли понять нашего равнодушия. Действительно, ни один солдат и ни один офицер из моего батальона даже и не чуяли того, что происходит. Тогда мелодия изменилась: меня стали спрашивать, буду ли я защищать министров, находящихся на заседании, если на них нападут? Мой ответ был, что всякий политический беглец, ищущий убежища в моих рядах, найдет защиту, но он должен при этом оставить всякую мысль о дальнейшем участии в русских делах. «Но что вы будете делать, если

восстанут русские войска и попытаются убить тех, кто скрывается у вас? Выдадите вы их?» — «Никогда». — «А что, если этого потребуют командиры чешских войск?» — «Тем более никогда, не говоря уже о том, что чехи настолько порядочны, что никогда не потребуют того, что не может выполнить ни один солдат». Последний вопрос был самым главным из всех, и тут, без сомнения, заключалось зерно всех остальных вопросов, которые были простыми камуфлетами.

Чехи только что отпраздновали начало своего национального республиканского правительства и были, естественно, охвачены обычными делами в духе «свободы, равенства и братства»; поэтому нельзя было ожидать, чтобы они отнеслись с равнодушием к установлению диктатуры, и с этой стороны можно было ожидать серьезного недоверия. Враждебная позиция, с которой встретила русская фракция Чешского национального совета в Екатеринбурге и Челябинске принятие Колчаком Верховной власти, является лучшим доказательством опасности, которая могла распространиться с этой стороны.

Ни Совет министров, ни сам Колчак не могли принять окончательного решения, пока у них не было полного представления о позиции Британии в этом вопросе. Позиция чешских войск в Омске сделала невозможным для них приближение к месту, где заседали министры, без того чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры.

Дела были в таком состоянии напряжения, что я для безопасности своей команды уведомил как русских, так и чешские власти, что не позволю группам войск или каким-либо гражданам приближаться или собираться вблизи моего расположения; что всякое такое сборище или попытка приблизиться будут сочтены враждебным актом и на него будет отвечено соответствующим образом. А что все эти распоряжения дали министрам больше уверенности продолжать их политику, в этом не может быть никакого сомнения. Это было одним из неизбежных следствий наших приготовлений к самозащите и не имело характера влияния на их решения, которые всецело принадлежали им одним; но это придало устойчивость всей обстановке.

Я отмечаю все эти факты с той целью, чтобы все те, кто является заинтересованным, могли указать их настоящее значение и важность. Позже уже я узнал, что немало высокопоставленных дам сделали все приготовления для скорейшего спасения в Миддлсекских казармах.

Около 2 часов 30 минут пополудни 18 ноября меня известили, что адмирал Колчак принял неограниченную власть с титулом «Верховного правителя», с Советом министров, который будет ответственным

перед ним за ближайшее осуществление его обязанностей; что он предполагает вечером зайти для представления к французскому представителю М. Рено*, что потом он собирается посетить меня, как старшего британского офицера в Омске, и в этом случае ответит на вопросы, которые я предложу ему. Он действительно зашел ко мне, и будет хорошо поместить здесь отчет, написанный мною относительно происходивших тогда дел.

«От полковника Джона Уорда, члена парламента, Омск. Сибирь. Через британскую военную миссию во Владивостоке.

Сэр! Из государственных соображений я считаю необходимым дать вам нижеследующую информацию, которая может быть отправлена соответствующим властям на родину.

Около 2 часов 30 минут пополудни 18 ноября 1918 г. мой адъютант (русской армии полковник Франк) известил меня, что на заседании Совета министров, только что состоявшемся, Совет предложил передать Верховную власть в руки адмирала Александра Колчака. Адмирал сначала отказывался принять ее, но к нему было применено такое сильное давление, чтобы принудить его принять власть, что он наконец окончательно согласился.

Адмирал Колчак принял титул «Верховного правителя России» и зашел вечером к французскому посланнику, после чего зашел также и ко мне, как старшему британскому офицеру, занимающему официальное положение в Омске.

Около 9 часов пополудни адмирал Колчак зашел в мою главную квартиру. Следующие джентльмены присутствовали при его приеме: полковник Нельсон, капитан Стефан, полковник Франк (русской армии) и М. Фрезер (корреспондент «Таймс»). Он был в полной форме русского адмирала.

Адмирал, который говорит превосходно по-английски, уведомил меня об обстоятельствах и причинах принятия им Верховной власти над всей Россией.

Была сделана попытка соединить все партии в правительство, которое могло бы умиротворить страну, так, чтобы народ оказался в состоянии решить вопрос о будущей форме правления России. Совет, избранный Уфимским собранием, пытался работать в этом направлении, но потерпел неудачу. Окончательное падение его было вызвано воззванием, выпущенным Центральным Комитетом партии социалистов-революционеров, которая намеревалась насадить в новой армии те же самые условия, что разложили старую армию. Воззвание было под-

* Фамилия французского представителя — Реньо

писано председателем социал-революционеров Черновым; когда было предложено начать дело против тех, которые стремятся разрушить в армии дисциплину, два социалиста-революционера, члены совета Авксентьев и Зензинов*, отказались видеть что-нибудь вредное в разрушительной прокламации Чернова. Позднее выяснилось, что оба они состоят членами Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, который выпустил вышеуказанный документ, и отказались как покинуть социал-революционный комитет, так и отвергнуть пропаганду своих друзей, направленную против дисциплины.

Это привело новое правительство к состоянию застоя и поставило лицом к лицу с анархией. Совет министров не нашел другой альтернативы, как распустить старую Директорию пяти и сосредоточить верховную власть в одной личности, перед которой Совет министров будет ответственным за управление отдельными департаментами.

Я отвечал, что эти доводы, в связи с моим личным знакомством с делами, по-видимому, оправдывают происшедшее, но что я слышал также и об аресте социалистов-революционеров, членов Директории; если допустить также их убийство, то это придает всему делу характер попытки со стороны части старых армейских офицеров ниспровергнуть существующие учреждения для возвращения к старому порядку вещей. И прибавил далее, что если английский народ будет думать, что такова политика адмирала и его друзей, то они лишатся дружеской симпатии не только со стороны английского народа, но также Америки и Франции.

Адмирал Колчак ответил, что он сейчас не знает, что и как с арестованными, но что он произведет расследование и уведомит меня позднее. Он сказал, что единственной целью принятия им на себя бремени подавляющей ответственности, связанной с долгом Верховного правителя России в этот печальный час ее истории, было предупредить крайние элементы как справа, так и слева, пытающиеся продолжать анархию, препятствующую установлению свободной конституции; что, если его деятельность когда-нибудь в будущем не окажется в гармонии с установлением свободных политических учреждений, как их понимает английская демократия, он будет убежден, что дело его потерпело неудачу.

Я поблагодарил его за доброе мнение о моей стране и обратил его внимание на письмо Его Величества короля к президенту Вильсону, полученное в Омске 14 ноября 1918 г., в котором провозглашаются

* Автор допускает неточность: Н.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов являлись членами Директории, но не были членами Совета министров.

принципы демократии и свободы, и предупредил его, что всякая попытка вернуть русский народ назад, к системе тирании и бедствий, встретит сопротивление всех свободных народов мира.

Адмирал Колчак ответил, что он читал письмо Его Величества короля Англии и что единственной его надеждой является, чтобы Россия как можно скорее начала пользоваться благами таких же свободных установлений.

Омск. Сибирь. 20 ноября 1918 г.».

«От полковника Джона Уорда, члена парламента. Омск, Сибирь. Через британскую военную миссию в главную квартиру британской военной миссии во Владивостоке.

Дальнейшее сообщение о политическом кризисе в России. Продолжая свой рапорт о принятии адмиралом Колчаком верховного управления в России, я хочу прибавить нижеследующее.

Так как я не мог получить какого-либо официального извещения о положении членов Директории, арестованных ночью 17 ноября, я написал русским властям (через полковника Дж. Ф. Нельсона) в ночь на 18-е, прося извещения относительно этого обстоятельства. 19 ноября, не получив осведомления, я послал нижеследующее письмо прямо адмиралу Колчаку, Верховному правителю.

Омск. 19.11.18. 3 часа пополудни».

«От полковника Уорда.

Адмиралу Колчаку.

После нашего разговора вчера вечером я послал вам письмо (через полковника Нельсона), прося осведомления и некоторых гарантий для заключенных членов Совета.

До сих пор я не получил никаких сообщений относительно этого.

Я уже говорил вам о моей уверенности, что моя страна почувствует серьезное огорчение, если указанные арестованные подвергнутся какому-нибудь оскорблению без соответствующего суда над ними; я сочту особой любезностью с вашей стороны, если вы уведомите меня на этот счет. Искренне преданный

Джон Уорд, полковник».

Полковник Франк, мой адъютант, отнес письмо в русскую главную квартиру и по своем возвращении уведомил меня, что адмирал благодарит за письмо и что ему очень приятно рассеять мои страхи.

Три офицера, а именно: подполковник Красильников, полковник Волков и подполковник Катанаев сами явились в главную квартиру и объявили, что они берут на себя всю ответственность за арест членов старого русского правительства, что они не нанесли последним никаких оскорблений и что они готовы передать своих пленников в руки властей вместе с несколькими миллионами рублей, по их мнению награбленными, а также все бумаги, найденные при них. Адмирал поместил заключенных под свою собственную строгую охрану и посадил под арест трех офицеров, пытавшихся расправиться с арестованными.

Он далее обещает, что заключенным не будет причинено никакого ущерба, и при первой возможности он предполагает выслать их из пределов страны.

20 ноября. 1 час пополудни

Адмирал Колчак, услышав, что вспомогательный отряд моего батальона возвращается во Владивосток, попросил меня, не позволю ли я прицепить к моему поезду вагон, везущий государственных заключенных в некоторый неизвестный пункт на китайской границе в целях тайны и большей безопасности. Я согласился и для этой цели усилил отряд.

Омск. Сибирь. 21 ноября 1918 г.».

«(К о п и я.)

От подпоручика Корниш-Боудена, 25-го батальона Миддлсекского полка, адъютанту 25-го батальона Миддлсекского полка.

Сэр. Имею честь сообщить вам для передачи командующему:

1. Поезд с четырьмя русскими политическими изгнанниками (господами Авксентьевым, Аргуновым, Роговским и Зензиновым) и русской охраной вместе с отрядом британских войск под моей командой оставил Омск 21 ноября в 2 часа ночи и прибыл в Харбин 27 ноября. Проезд был спокоен. Почти все большие города, где предполагались волнения, мы проехали ночью.

2. Уже здесь офицер, командовавший русской охраной, уведомил меня, что все движение на перегоне Иркутск—Чита приостановлено по приказанию генерала Семенова и что поезда тщательно обыскивались с целью обнаружения высылаемых, после того как мы уже проследовали. Впрочем, никаких данных для подтверждения этого у меня не имеется.

3. Высылаемые выразили самую живейшую признательность за присутствие британских войск и говорили, что они не доверяют сво-

ей русской охране. Впрочем, во все время пути я ничего не заметил такого, что подтверждало бы их опасения.

4. По прибытии в Харбин высылаемые стали настойчиво просить меня, чтобы я сопровождал их до Чанг-Чуна, и так как офицеры русской охраны были вполне с этим согласны, я решил сопроводить поезд до Китайско-Маньчжурской границы. Мы достигли Чанг-Чуна 28 ноября около 2 часов утра, и изгнанники выехали отсюда вечером в тот же день.

5 Мы вернулись в Харбин 29-го того же месяца, откуда я отправился далее вместе с русской охраной. Во Владивосток мы прибыли утром 2 декабря. Я непосредственно сообщил обо всем отделу Центрального управления и устно доложил о вышеупомянутых фактах генералу Ноксу.

6 Поведение моряков и солдат моего отряда за все время путешествия было хорошим, и не наблюдалось увеличения случаев заболеланий

Имею честь оставаться, сэр, вашим покорным слугой,

П С Корниш-Боуден, подпоручик.

Владивосток, Сибирь, декабря 2-го, 1918 г»

У меня уже успела образоваться некоторая опытность в революциях, и если бы я настойчиво не проводил своей точки зрения, Авксентьев и К° были бы зарезаны как бараны. Я хорошо также знал страх моих соотечественников перед диктатурой, и если бы принятие адмиралом Колчаком Верховной власти было связано или ускорено убийством его противников без суда, содействие и вероятное признание британским правительством новой власти могло бы сделаться невозможным».

У о р д А Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг С 81—88

№ 35

Положение о временном устройстве государственной власти в России, утвержденное Советом министров 18 ноября 1918 г.

«1. Осуществление Верховной государственной власти временно принадлежит Верховному правителю. 2. Верховному правителю подчиняются все вооруженные силы Российского государства. 3 Власть

управления во всем ее объеме принадлежит Верховному правителю. В делах управления подчиненного определенная степень власти вверяется, согласно закону, подлежащим местам и лицам. Верховному правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности. 4. Все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение Верховного правителя. 5. Все акты Верховного правителя скрепляются председателем Совета министров или главным начальником подлежащего ведомства; из сего изъемяются указы о назначении и увольнении председателя Совета министров, каковые скрепляются управляющим делами Совета министров. 6. В случае тяжелой болезни или смерти Верховного правителя, а также в случае отказа его от звания правителя или длительного его отсутствия, осуществление Верховной государственной власти переходит к Совету министров».

Красный архив. 1928. № 6. С. 74.

№ 36

Акты Совета министров и Верховного главнокомандующего от 18 ноября 1918 г. по введению системы военной диктатуры, производству вице-адмирала А.В. Колчака в адмиралы и назначению его Верховным правителем России

«УКАЗ СОВЕТА МИНИСТРОВ

18 ноября 1918 г.

Производится: военный и морской министр вице-адмирал Александр Васильевич Колчак в адмиралы.

Председатель Совета министров *Петр Вологодский*.
Управляющий делами Совета министров *Георгий Тельберг*».

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ

18 ноября 1918 г.

Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского правительства, Совет министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского правительства,

постановил: принять на себя всю полноту Верховной государственной власти.

Председатель Совета министров *Петр Вологодский*.
 Члены Совета министров: *Л. Устругов, А. Гаттенбергер, А. Колчак, Ю. Ключников, Г. Гинс, И. Серебrenников, С. Старынкевич, Н. Зефирон, И. Михайлов, Н. Шукин, Г. Краснов, Н. Петров, А. Шумиловский*.
 Управляющий делами Совета министров *Георгий Тельберг*.

Ввиду тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной власти в одних руках, Совет министров постановил: передать временно осуществление Верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя.

Председатель Совета министров *Петр Вологодский*.
 Члены Совета министров: *Л. Устругов, Н. Зефирон, Ю. Ключников, С. Старынкевич, А. Шумиловский, Г. Краснов, Н. Петров, Г. Гинс, И. Михайлов, И. Серебrenников, А. Гаттенбергер, Н. Шукин*.
 Управляющий делами Совета министров *Георгий Тельберг*».

Kolchak i Sibir. Documenty i issledovaniia. 1919—1926. Volume 1. New York, 1988. P. 15—16.

«ПРИКАЗ

Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России

Омск, № 1/40.

18 ноября 1918 г.

§ 1

Сего числа постановлением Совета министров Всероссийского правительства я назначен Верховным правителем.

§ 2

Сего числа я вступил в Верховное командование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами

Адмирал Колчак».

Ibid. P. 16—17.

№ 37

Первый указ, изданный А.В. Колчаком после провозглашения его Верховным правителем и производства в адмиралы 18 ноября 1918 г.

«УКАЗ

Верховного правителя
18 ноября 1918 г.

Верховный главнокомандующий Генерального штаба генерал-лейтенант Василий Георгиевич Болдырев освобождается от возложенного на него Верховного главнокомандования всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России с 18 ноября 1918 г.

Подлинную подписали:

Верховный правитель адмирал *Колчак*.
Председатель Совета министров *Петр Вологодский*.
Управляющий делами Совета министров
и Верховного правителя *Г. Тельберг*.

С подлинным верно:

Делопроизводитель (подпись)».

ГАРФ, ф. 193, оп. 1, д. 61, л. 1.

№ 38

Сообщение министра юстиции С.С. Старынкевича на заседании Совета министров 19 ноября о результатах начала расследования событий в Омске в ночь на 18 ноября 1918 г.

«Во исполнение долга и вследствие поручения Совета министров мною начато расследование о событиях, имевших место в г. Омске в ночь на 18 ноября. Расследование было значительно облегчено и упрощено тем обстоятельством, что сегодня в 12 часов дня в помещение министерства юстиции явились полковник Волков, атаман Красильников и командир казачьего полка войсковой старшина Катанаев и просили, чтобы я их принял. В моем кабинете названные офицеры объяснили, что по взаимному между собой соглашению, не имея других сообщников и руководимые любовью к Родине, они замыслили прервать деятельность членов Всероссийского Временного правительства Авксентьева и Зензинова, а равно заместителя члена Всероссий-

ского Временного правительства Аргунова и товарища министра внутренних дел Роговского, с каковою целью отдали соответствующие распоряжения подчиненным им воинским чинам. Результатом этого явилось незаконное лишение ими свободы Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, А.А. Аргунова и Е.Ф. Роговского, которые увезены в помещение сельскохозяйственной школы, занимаемой частью отряда атамана Красильникова, где и находятся в настоящее время.

Усматривая в объясненных деяниях явившихся к генерал-прокурору офицеров состав преступления, статью 100 уг. ул. предусмотренного, я предложил прокурору Омской судебной палаты немедленно допросить их и передать их в распоряжение военных властей.

Сам же отправился в сельскохозяйственное училище, где в особом помещении, охраняемом военным караулом, действительно оказались Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, А.А. Аргунов и Е.Ф. Роговский и два адъютанта. Я объявил им, что они свободны.

Незаконно лишенные свободы пожелали, чтобы я отвез их в частную квартиру одного из них, находящуюся в г. Омске, и чтобы им была обеспечена их безопасность и неприкосновенность как во время переезда, так и в указанной ими квартире.

Я лично отвез освобожденных граждан на указанную квартиру, куда для их охраны были командированы три офицера.

Добавляю, что, согласно закону и принятому постановлению Совета министров об учреждении суда над полковником Волковым и другими, все данные расследования препровождаются по принадлежности».

Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: Сб. док. / Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. С. 24—25.

№ 39

**Из дневниковых записей и воспоминаний
генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева о встречах,
взаимоотношениях с А.В. Колчаком и конфликте,
возникшем в связи с переворотом
в Омске 18 ноября 1918 г.⁶⁰**

«Омск. Вагон. 14 октября

Среди многих посетителей был адмирал Колчак, только что прибывший с Дальнего Востока, который, кстати сказать, он считает потерянным если не навсегда, то, по крайней мере, очень надолго.

По мнению адмирала, на Дальнем Востоке две коалиции: англо-французская — доброжелательная и японо-американская — враждебная, причем притязания Америки весьма крупные, а Япония не брезгует ничем. Одним словом, экономическое завоевание Дальнего Востока идет полным ходом.

Очень неодобрительно относится Колчак к деятельности «атаманов», особенно Семенова и Калмыкова.

Колчак объяснил цель своего приезда желанием пробраться на юг к ген[ералу] Алексееву. Он был будто бы крайне разочарован Востоком*.

«Омск. Вагон. 16 октября

...Беседовал с Колчаком по вопросу о назначении его военно-морским министром.

Омск, 22 октября

...Кандидатура Колчака на пост военно-морского министра не встречает возражений. Завтра предложу ему этот пост...

Омск, 25 октября

Утром Колчак опять очень интересовался, кто будет министром финансов, внутренних дел и снабжения. Я долго ему доказывал, что Михайлов как министр внутренних дел фигура, которая не внесет столь необходимого успокоения.

Омск. 27 октября

На обычный утренний доклад Розанов прибыл с Колчаком. Говорили о создавшемся положении. Оба они определенно настроены, по видимому не без участия «священного союза»*, в пользу постепенного сокращения Директории до одного лица. Указывали на значительное влияние «священного союза»⁶¹. Однако мне быстро удалось вернуть их к действительности и доказать, что уход левого крыла Директо-

---

* До сих пор я знал Колчака лишь как решительного, талантливого моряка и реформатора наиболее косного из министерств царского времени — морского. Никакого предубеждения у меня в отношении Колчака совершенно не было, и я вполне искренне стремился задержать его для работы в Сибири (примечание в данном, как и в последующих случаях, сделано автором дневника. — И. П.).

рии теперь будет весьма болезненным и вызовет осложнение с чехами, что, в связи с ростом большевизма и в стране, и на фронте, может погубить дело возрождения России.

Омск, 28 октября

...В общественных и военных кругах все больше и больше крепнет мысль о диктаторе. Я имею намек с разных сторон. Теперь эта идея, вероятно, будет связана с Колчаком.

Омск, 29 октября

...Вечером вместе с Колчаком явились ко мне Жардецкий, Лопухин и представитель рабочих Атаманской станицы. Идут ва-банк, намекая на упразднение Директории и сохранение одного Верховного главнокомандования, которое они считают единственным приемлемым решением Уфимского государственного совещания...

Омск, 30 октября

Утром вызвал Колчака. С ним приехал и Степанов. Около получаса говорил с Колчаком, указал ему на некоторую опрометчивость его заявления, идущего вразрез и с постановлением Административного совета. Он не сказал ни нет ни да.

Омск. 31 октября

...Колчак опять волнуется по поводу Роговского и совершенно извел бедного Н.Д. Авксентьева. Наскучил и мне — сначала просил, чтобы я назначил его только временно управляющим военным министерством, затем снова соглашался быть полномочным министром.

П.В. Вологодскому пришлось созвать Административный совет, постановление которого заставило, наконец, несколько успокоиться Колчака. Очень нервный и неустойчивый человек...

Омск. 2 ноября

...Колчак опять неудачно дебютировал с назначением комиссии по пересмотру вопроса о восстановлении на территории Сибири прежней системы военных округов вместо установленных Сибирским правительством корпусных районов.

---

*Так назывался среди членов Директории Омский национальный блок, только что организовавшийся.

Омск. 5 ноября

Утром были с докладами Колчак, Степанов⁶², Дембе и Розанов. Колчак кипел негодованием по адресу Иванова-Ринова, Белова и Матковского. На двух последних он обрушился.

Поезд. 16 ноября

...Навстречу шел поезд англичан (Уорд) с вагоном Колчака. Приказал последнему обождать меня в Петропавловске, если прибудет раньше... Колчак возвращался из Екатеринбурга. Он явился в мой вагон, высказал, что очень доволен поездкой, духом и бодростью войск. Принимал парад на чешском торжестве, выезжал на броневике на фронт и пр. Свидание его и английского полковника с Гайдой, Пепеляевым и Голицыным, конечно, было подготовлено заранее и не без ведома их омских друзей.

Из длинного разговора с Колчаком я еще более убедился, как легко поддается он влиянию окружающих. Мое поведение в связи с выходкой Гайды, видимо, резко изменило то настроение, с которым он вошел в мой вагон. Он уже соглашался с гибельностью и несвоевременностью каких бы то ни было переворотов. Он — или очень впечатлителен, или хитрит.

Колчак опять заговорил о необходимости расширения его прав как военного министра. Я лично набросал перечень всего, что находил возможным сделать в этом направлении. Передал ему записку от Реньо об общем положении и о желательных совместных с союзниками мероприятиях и также ответ японскому генералу Муто по вопросу о присылке войск на Уральский фронт.

Уфа. 18 ноября

...Сегодня получили телеграмму из Омска от нашего уполномоченного, что ночью 18 ноября арестованы члены Директории Авксентьев, Зензинов и помощник министра внутренних дел Роговский офицерами отряда Красильникова, который сам отрицает издание этого приказа. Добавляет, что, по слухам, говорится в Омске о военной диктатуре...

Челябинск. 19 ноября

В 2 часа пополудни поезд подошел к Челябинску. На перроне почетный караул: рота стрелков. Командир корпуса генерал Ханжин очень удручен совершившимся и вместе с начальником штаба решил подать в отставку...

Вечером предстояла крайне тяжелая необходимость поехать на банкет в честь проезжавших французов. Настроение подавленное. Я еще сидел на первом месте среди присутствующих, но чувствовал, что для многих Колчак и переворот — двойной повод к торжеству, праздник на их улице...

Никаких политических заявлений, конечно, я не сделал; этого, кажется, больше всего опасался сидевший рядом со мной французский майор Пишон.

Перед отъездом я переговорил с бывшими на банкете военными. Чувствовалось, что и их ухо приятно ласкала диктатура. Не знаю, может быть, из вежливости — все делали вид, что было бы лучше, если бы диктатором был я. Тепло простились; уезжая, я думал о предстоящих испытаниях. Вечером говорил по аппарату с Колчаком.

Челябинск. 20 ноября

Продолжается мучительная работа мозга. «Что делать?» — вопрос этот отнюдь не потерял своей остроты.

Дольше оставаться в Челябинске не было смысла, если не подыять оружия против Омска.

Голос благоразумия все настойчивее убеждал временно уйти, не делать новых осложнений в армии. У каждого политического деятеля и свое время, и своя судьба.

Донесся слух, что Авксентьев и Зензинов выселяются за границу. Возможно, что и мне придется создать себе каникулы...

Омск. 21 ноября

По дороге в поезде разговор о том же. Меня, конечно, гнетет пассивность решения и тревога, что, не начав борьбы с переворотчиками, я этим самым, может быть, создаю новые тяжелые испытания для будущего России.

Среди общих разговоров остановились и на личной судьбе. Представлялась возможность ареста, но это стоило бы большой крови — 52 офицера с пулеметами были при мне в поезде и поклялись, что даром не умрут.

В 3¹/₂ часов вечера прибыли в Омск. Встретил штаб-офицер Ставки, доложил, что адмирал очень просит меня к нему заехать.

Он занимает кабинет Розанова, теперь всюду охрана. В кабинете солдатская кровать, на которой спит адмирал, видимо боясь ночлегов на квартире.

Колчак скоро пришел в кабинет, слегка волновался. Он в новых адмиральских погонах. Друзья позаботились. Мое запрещение производства* ликвидировано, и адмирал сразу получил новый чин «за заслуги».

Я спокойно заявил, что при создавшихся условиях ни работать, ни оставаться на территории Сибири не желаю. Это было большой ошибкой с моей стороны. Я дал выход Колчаку. Он горячо схватился за эту мысль, как временную меру, и называл даже Японию или Шанхай.

Омск. 28 ноября

Предполагал отложить отъезд на 1—2 дня; не готово кое-что из вещей. Но это, видимо, не входило в расчеты правительства...

Около часа был у Колчака и прямо спросил его: «Это от вас исходит странное предупреждение о необходимости, ввиду моей личной безопасности, сегодня же выехать, или это работа вашего штаба вашим именем?»

Колчак — не знаю, искренно или нет — забеспокоился, что ему ничего не известно, что он ничего не имеет против отсрочки отъезда, что это, вероятно, недоразумение.

Однако, едва я приехал домой, Колчак попросил меня к телефону и сообщил, что ему доложили о каких-то событиях, которых он допустить не может, а потому было бы лучше не откладывать отъезда...

В 12 часов ночи я покинул Омск».

Б о л д ы р е в В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет». 1917—1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 72—73, 82, 84, 86—88, 90—91, 105, 107, 110—111, 116, 118—119.

№ 40

**Один из лидеров партии эсеров Н.В. Святицкий⁶³
о государственном перевороте в Омске 18 ноября 1918 г.,
реакции на него членов Учредительного собрания
в Екатеринбургe и их аресте**

«За несколько дней до памятной даты, 18 ноября, кем-то из депутации, приехавшей из Омска, было привезено товарищеское письмо, подписанное Н.Д. Авксентьевым и В.М. Зензиновым и адресованное Центральному комитету партии. Это письмо полно предчувствий, оно

*Исключение было сделано только в отношении Каппеля.

показывает, что члены Директории, эсеры давали себе ясный отчет в создающемся положении; но в то же время сознанием обреченности и безвыходности веяло от этого письма. «Мы живем, — пишут верховные министры России, — как на вулкане, готовом ежеминутно начать извержение. Каждый вечер мы сидим и ждем, что нас придут арестовать. Но по совести должны сказать, что иного пути, чем тот, на который мы вступили, — мы не видели и не видим. Мы хорошо понимаем упреки, обращенные к нам; мы сами отнюдь не удовлетворены тем составом «Всероссийского Совета министров», который создан в результате соглашения, но действовать по-иному, вступить на путь раскола и междоусобной брани мы не хотели, да и не могли. Мы ждем случая, чтобы поставить ребром вопрос о нашем дальнейшем пребывании в составе Директории, а пока мы хотели бы одного: то, что должно случиться, чтобы случилось скорее». Таково было настроение, если не буквальный смысл этого письма.

События действительно не заставили себя ждать впавших в панику и маразм товарищей. Какой-то странный расчет заставлял их искать лишнего предлога, чтобы уйти от Директории, хотя предлогов за все время бытия Директории было более чем достаточно...

Вечером 17 ноября в квартире товарища министра внутренних дел (он же заведующий государственной охраной) депутата Е.Ф. Роговского собрались эсеры, члены Директории вместе с делегацией северного Архангельского правительства, в состав которой входили депутаты эсеры: Я.Т. Дедусенко, С.С. Маслов и М.А. Лихачев. Кроме них, еще присутствовали: Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, А.А. Аргунов, Е.Ф. Роговский, Д.Ф. Раков. Беседа собравшихся затянулась до полуночи. Около полуночи снаружи у ворот послышался какой-то шум. Квартира Роговского помещалась в здании ведомства государственной охраны, причем при ней находился караул. Нападение на квартиру было произведено вооруженным отрядом казачьего генерала Красильникова⁶⁴, под командой войскового старшины Волкова. Солдаты отряда, хотя и представляли собой хорошо оплачиваемых наемщиков, специально набранных реакционерами для поддержания «буржуазного порядка», все же были одурачены и, как потом оказалось, не знали, кого, собственно, они идут арестовывать. Подойдя к зданию ведомства государственной охраны, они обманым путем, сославшись на распоряжение Роговского, вызвали караул наружу и разоружили его. После этого им не представило никакого труда арестовать всех находившихся в квартире. Из числа арестованных три члена архангельской делегации на другой день были освобождены. Когда о произведенных арестах членов Директории демократов уз-

нали солдаты формируемого Е.Ф. Роговским батальона государственной охраны, то они предприняли вооруженное выступление, которое было солдатами Красильникова легко подавлено».

Колчаковщина: Сб. Екатеринбург, 1924. С. 57—60.

№ 41

Лидер партии социалистов-революционеров В.М. Чернов о разгоне военными (поддержавшими колчаковский переворот) Съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге 19 ноября 1918 г., аресте и последовавшей высылке его участников

«...И вот когда собравшийся в Екатеринбурге Съезд членов Учредительного собрания посылал делегатов в Омск предупредить членов Директории, что они с завязанными глазами, вслепую идут к собственной гибели, — оказалось уже поздно. По прямому проводу получилась весть, что левые члены Директории 18 ноября (ст. ст.) «неведомо кем» арестованы и «неведомо куда» увезены, а правые «вручили всю полноту власти» военному министру — адмиралу Колчаку. А этот последний принял титул Всероссийского Верховного правителя. Без пяти минут — император... Худшие опасения мои и моих единомышленников вдруг стали реальностью. Перед лицом ее смолкли все разногласия. Самые умеренные сторонники компромисса в наших рядах стали после падения Директории решительными революционерами.

Мы выбрали «комитет сопротивления», с неограниченными полномочиями. Первой нашей мерой было восстановление целого ряда предшествовавших Директории местных революционно-демократических правительств, как переехавшее в Уфу Самарское правительство Комитета членов Учредительного собрания, Башкирское правительство и т. п., — незадолго перед тем распущенных близорукой Директорией. Мы развили кипучую деятельность по осведомлению страны о характере и целях переворота; мы сносились со всеми общественными учреждениями — думами, земствами, Чешским Национальным советом — и добились от всех их заявлений о непризнании переворота. Следующим вопросом, который предстояло разрешить, была посылка сводного отряда войск для восстановления в Омске революционного порядка и законности. Но здесь мы столкнулись с целым рядом трудностей. Северным участком фронта в это время командовал чешский генерал Гайда, довольно способный

и энергичный честолюбец, впоследствии — глава фашистского движения в Чехословакии. Тогда его авантюризм не выступал наружу, и он охотно общался с эсерами, возглавлявшими в Сибири антибольшевистские перевороты. Средним фронтом командовал генерал Войцеховский, шеголявший радикальными фразами, недолюбливавший Колчака, но, как оказалось, лишь потому, что втайне ориентировался на Деникина. Южным, казачьим участком командовал атаман Дутов, носивший в свое время красные бантики в петличке, вошедший даже в состав комитета членов Учредительного собрания в качестве выбранного от г. Оренбурга. Однако на последнего никаких надежд возлагать нельзя было: его двуличность выяснилась давно, а тут удалось перехватить его сговор с Колчаком по прямому проводу. От Войцеховского ждали лояльности, хотя бы пассивной. К Гайде для переговоров отправился его личный друг, крупный деятель сибирского противобольшевистского переворота, эсеро-оператор Нил Фомин и принес нам весть, что Гайда — сфинкс. Потом уже из показаний Колчака на суде мы узнали, что Гайда получил от Колчака через генерала Дитерихса приказ — ликвидировать Учредительное собрание и, в частности, во что бы то ни стало арестовать и препроводить в Омск лично меня. Он собирался сделать все, чтобы приказ был выполнен, но сам хотел пока оставаться за кулисами. Чешские легионеры, которыми он командовал, эти «приемные дети» русской революции, могли взбунтоваться. Чешский Национальный совет, ими избранный на войсковом съезде и уже высказавшийся против Колчака, тоже был препятствием. Гайда поэтому заявил, что будет «нейтрален». Приблизительно то же заявил в Уфе Войцеховский. Дело осложнялось. Нам надо было для посылки в Омск снять с фронта несколько наиболее надежных в революционном смысле частей. Но они были разбросаны, «нейтралитет» Гайды и Войцеховского означал выполнение «оперативных» директив Омска, а директивы эти были направлены к разобщению тех частей, на которые могли опереться мы, и к их ангажированию в самых «жарких» участках театра военных действий против большевиков. И еще был вопрос: послать сводный отряд против Омска нельзя было без согласия чешского главнокомандующего, генерала Сырового, ибо железнодорожной магистралью ведали и охраняли ее чехи. Мы разослали во все стороны гонцов и агитаторов, в окрестностях Екатеринбурга рабочие стали волноваться и готовились двинуться в город, чтобы предоставить себя в наше распоряжение.

Поздно вечером к нам пришли наших двое разведчиков и сообщили, что в одном из ближайших кинематографов замечено подозри-

тельно большое скопление офицеров в полном вооружении. Мы снова снеслись с контрразведкой, и снова нас успокоили. Все мы решили на ночь перебраться в наше неотресторанное помещение, под охрану своего отряда. Спешно кончили редактировать разные воззвания и послания, как вдруг в подъезде раздался шум, хлопанье дверями, топот многочисленных ног, взрыв бомбы и гулкий выстрел из винтовки. В коридоре кто-то бежавший упал. Это был один из наших, бежавший предупредить о налете офицеров во главе учебной команды Сибирского полка. Команде, как потом оказалось, было объявлено, что надо ликвидировать отряд вооруженных большевиков, готовящих «выступление». Меня, выбежавшего из моего № 3 в коридор, товарищи быстро втокнули в первый попавшийся чужой номер: по коридору бежали солдаты, вдогонку кто-то кричал: «Помните, номер третий самый главный... хорошенько там поработайте штыками!» Они ворвались туда, но опешили: никого, кроме одного старика и двух женщин, собравшихся перебеливать наши воззвания, в № 3 не оказалось.

Большой отелъ наполнился вооруженными людьми. Все комнаты были отворены, в каждой помещена стража. Шел обыск — искали бумаги, отбирали револьверы. Явилось какое-то «высшее начальство»; с ним был и какой-то чешский офицер, эксцессов больше не было.

Нас переписали. Когда дошли до меня, какой-то офицер злобно произнес: «А, так вот где он, кто погубил Россию! А мы уже думали, что он сбежал... да, жаль, что не нашли сразу...»

Потом нас толпою, окружив двойною цепью солдат, злобно на нас покрикивая, осыпая угрозами и ругаясь, поспешно повели по темным улицам. Мы стоворились не отвечать на провокационные выходки. Не могу без сердечного трепета вспомнить, как толпились вокруг меня, плотно загородив отовсюду живой стеной, товарищи. Мы еще не теряли надежды: нам из окон удалось обменяться знаками с оставшимися друзьями на воле; мы знали, что они не дремлют; самая поспешность нашего увода заставляла нас думать, что кто-то идет нам на выручку. Мы знали, что отряд, занимающий здание будущего Учредительного собрания, не будет сложа руки глядеть на события. Это будет началом и сигналом гражданской войны в тылу, но ответственность за нее — не на нас.

Мы не знали, что тем временем чехи в лице Национального совета и коменданта Благоша решили вмешаться для прекращения, во что бы то ни стало, междоусобицы среди русских антибольшевиков, ибо это будет грозить междоусобицей в их собственных рядах и она приведет к конфликту между Гайдой и Национальным советом.

Мы имели дело лишь с последствиями этого закулисного процесса. На полпути наше шествие было остановлено комендантом Благошем, потребовавшим, чтобы наш кортеж не двигался с места до его возвращения — через 5—10 минут. Ответили: «Слушаюсь!» — и, как только он отъехал, поспешнее прежнего погнали нас дальше. Привели в какие-то казармы, но здесь нас нагнал новый приказ, и в сопровождении чешского офицера сумрачные колчаковцы повели нас обратно — в нашу гостиницу. Там внутри уже были чешские легионеры, приветствовавшие мое появление криками: «Наздар, Чернов!»

Надо было видеть, как скрещивались взгляды революционеров из чешских легионов со взглядами колчаковцев, щелкавших зубами, словно волки, отогнанные от добычи.

Но дело не было кончено. Когда настало утро, мы увидели, что если внутренняя охрана здания в руках чехов, то наружная в руках колчаковцев. Ночью пришли к нам взволнованные члены Национального совета — очень кстати, ибо при них в нашу комнату ворвались было двое скрывавшихся где-то внутри здания вооруженных колчаковских офицеров и, увидевши наших гостей, поспешно ретировались. Затем уже официально явились другие два с формальным приказом генерала Гайды — доставить меня к нему. Члены Национального совета, объявив, что этот приказ — недоразумение, вместо меня сами отправились к Гайде, отдав приказ чешской страже никого не пропускать. После них еще два офицера пытались войти, чтобы отвезти меня по тому же назначению, и отступили лишь под угрозой штыков.

Утром пришло решение. Я «числюсь за генералом Гайдой»...

Поздно вечером мне было объявлено, что со мною поступлено будет «в общем порядке», и нас вывезли на вокзал, и под усиленным чешским конвоем мы двинулись в Челябинск.

Но игра еще не была кончена. В Челябинске нас ждала новая попытка. Чешский Национальный совет с генералом Сыровым решили перевести нас пока, как в безопасный пункт, в город Шадринск, а колчаковский агент, генерал Дитерихс во исполнение этого решения дал нашему поезду прекрасный маршрут: в Шадринск через... резиденцию Колчака Омск!

Дитерихс для успеха своего плана распорядился, чтобы нас никуда не выпускали из поезда, и нам было объявлено, что с каждым нарушившим это распоряжение будет поступлено как с дезертиром...

Последовали взволнованная сцена и бурное объяснение по телефону с Дитерихсом. Через несколько часов мы ехали из Челябинска

в Уфу, где держалось еще некоторое время правительство Учредительного собрания. Оно, при соучастии генерала Войцеховского, вскоре было ликвидировано тайно переброшенным особым колчаковским отрядом. Но я, заранее перейдя на нелегальное положение, уцелел — вопреки неоднократным телеграммам газет о моей поимке и расстреле «при попытке к бегству».

Еще несколько актов борьбы с Колчаком, недолго торжествовавшим как на внешнем, так и на внутреннем фронте. Уход чехов, упадок духа в Народной армии, перебеги к большевикам на фронте, партизаны в тылу. И наконец, восстание в Иркутске, 11 дней борьбы за город и плен адмирала⁶⁵. На допросе перед следственной комиссией он между прочим заявил: «Много зла причинили России большевики, но есть и за ними одна заслуга: это — разгон Учредительного собрания, которое под председательством Виктора Чернова открыло свое заседание пением «Интернационала». В этой солидарности — символ тогдашнего времени».

Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 390—395.

№ 42

Из воспоминаний генерал-лейтенанта, атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова о своих взаимоотношениях с Верховным правителем России и его правительством

«...Мое мнение об адмирале Колчаке было вполне определено, и я его уже высказал генералу Ноксу. Считая его весьма способным администратором, что он и доказал, проведя коренную ломку в нашем морском ведомстве после русско-японской войны*, признавая его горячую любовь к Родине и готовность на вечные жертвы во имя ее, я тем не менее не был уверен, что адмиралу удастся справиться с ролью Всероссийского диктатора в той сложной обстановке столкновений самых противоположных интересов и стремлений, которая создалась в Омске. Вопреки ходячему мнению о несокрушимой воле адмирала и его железном характере, я считал его человеком, весьма мягким, податливым влиянию окружающей обстановки и лиц и потому, учитывая его резко выраженные англо-французские симпатии, не сомневался, что адмирал всецело подпадет под влияние наших

* В тексте — русско-ниппонской войны.

западных союзников, интерес которых к судьбам национальной России должен был погаснуть вместе с окончанием Великой войны и ликвидацией военного сотрудничества членов противогерманской коалиции.

Поэтому, выражая полную свою солидарность с произведенным в Омске переворотом, я считал своим долгом выразить сомнение в целесообразности назначения адмирала Колчака Верховным правителем, вследствие несоответствия его характера и личных качеств тем требованиям, которые должны предъявляться к столь ответственному назначению. Я высказал пожелание видеть во главе правительства генерала Деникина, генерала Хорвата или, наконец, атамана Дутова⁶⁶.

...И только последовавшее вскоре полное разочарование адмирала в его англо-французских симпатиях повело к мужественному признанию им моей правоты и установило то полное взаимопонимание между нами, которое дало основание покойному Верховному правителю назначить именно меня своим правопреемником на нашей Восточной окраине».

Атаман Семенов. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938. С. 113, 129.

№ 43

Выдержки из пропагандистского большевистского издания об А.В. Колчаке в период гражданской войны

«..Таким вот и был один из них (автор брошюры вождей Белого движения именовал «этими кровососами». — И. П.), самый молодой из бывших царских адмиралов — Колчак. Свой чин он получил не за то, что он был умелым и способным офицером, а за то, что он ловко танцевал на паркетах придворных дворцов, за то, что он умел хорошо прислуживать старшим по чину и быть неумолимым «скуловоротом» по отношению к матросам, которых он гнул в бараний рог; на таких-то верных царских слугах ведь тогда и держался царский трон Романовых.

Теплая это была компания, весело ей жилось у китайцев в Пекине на русские деньги, захваченные ими с собой при побеге.

...Не стало «Директории» с ее директорами, не стало «Сибирской Областной думы», и взамен собрались бывшие царские генералы и офицеры и провозгласили:

— Да здравствует его Величество, Верховный правитель всея Руси генерал Колчак!

— Ура, ура! — закричали в один голос попы, купцы, фабриканты, помещики и офицеры...

Так Колчак сделался сибирским «царьком»... «Возвращай, крестьянин, землю помещику, которую ты держишь сейчас, а не то, как нарушитель частной земельной собственности, будешь отдан под суд».

...И вот пришел Колчак, и вновь загрели засовы открываемых тюрем; он приказал восстановить Нерчинскую каторгу с ее Акатуями и Зерентуями; он приказал разработать законопроект о восстановлении старой ссылки»⁶⁷.

С и б р я к о в Вл Что принес Колчак сибирским рабочим и крестьянам. М., Пг., 1919 С. 6—7, 13—14, 18, 28.

Раздел 8

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С СОРАТНИКАМИ ПО БЕЛОМУ ДЕЛУ

№ 44

**Разговор по прямому проводу
Верховного правителя России А.В. Колчака
и атамана Оренбургского казачьего войска
генерал-лейтенанта А.И. Дутова 19 ноября 1918 г.
(Омск — Оренбург)*⁶⁸**

К о л ч а к. Здравия желаю, господин атаман, чем могу служить?

Д у т о в. У аппарата генерал-лейтенант Дутов. Здравия желаю, господин адмирал! Я прибыл по Вашему приказанию. Комитет Учредительного собрания своими воззваниями мешает работать и нарушает спокойствие. Все идет из Уфы. Доношу, что во вверенной мне армии полный порядок. И я свято выполняю Ваши приказы и приму меры, чтобы армия не коснулась политики. Просил бы Ваши директивы по отношению гражданских управлений и населения. Как относятся союзники и Чешский совет?⁶⁹ Как Америка, Италия и Япония? Я уверен, что чехи лишь по тактическим соображениям не говорят открыто, лишь в душе сочувствуют. Где генерал Болдырев и что он предпринимает? Сейчас перехватил радио о занятии с боя союзниками Петрограда — буду проверять.

Убедительно прошу ежедневных Ваших директив и полной информации, без чего сейчас нельзя. Могу ли рассчитывать на это? Счастливого оставаться. Атаман Дутов.

К о л ч а к: Я — Омск, Ставка, у аппарата адмирал Колчак. Всею душой благодарю Вас, господин атаман, за Ваше согласие работать со мной [в достижении] общей цели по спасению Родины. Из всех полученных мною заверений в поддержке и помощи от союзников

---

*Составителем ход переговоров восстановлен по разрозненным отрывкам телеграфных записей.

и начальников частей мне особенно дорога Ваша помощь и поддержка как сильного защитника и первого защитника Родины, не прерывавшего борьбы с ее врагами. Вчера у меня была депутация представителей всех казачьих войск и сообщила мне солидарность со мной, готовность совместно работать. Препятствия к общественной безопасности исходят из указанного Вами источника, а также партии, связь с которой бывшего правительства послужила причиной омских событий⁷⁰. Очень озабочен этим вопросом, но затрудняюсь сообщить Вам свои соображения по [этому] поводу и пошлю Вам их шифром.

Есть ли у Вас какие-либо вопросы?

Со стороны французов и англичан, со стороны их представителей, лично я встречаю самое благожелательное отношение. Предоставлено в случае надобности распорядиться английскими войсками, находящимися в Омске для поддержания порядка. Чешский совет находится в связи с Уфимским собранием⁷¹ и, по-видимому, с ним солидарен. Но пока чехи не вмешиваются в наши дела. Генерал Сыровой приказал войскам не вмешиваться ни в какие политические дела и выполнять только боевую работу. Со стороны Дальневосточского и всех частей получил уверения [о] готовности работать под моим Верховным командованием. Торгово-промышленные и разные общественные организации также выразили полную готовность меня поддерживать. Угодно ли еще задавать вопросы? Относительно Америки вопрос не выяснен, так как только вчера прибыл представитель Америки, которого я еще не видел. Итальянцев совсем нет. Я готов. Японцы, по-видимому, сохраняют полный нейтралитет. Вчера Болдырев вечером был в Челябинске, приказал ему выехать в Омск, и дальнейшее назначение выяснится по прибытии в Омск. Закончили. Ваше пожелание будет выполнено. Сейчас будут сделаны официальные сообщения событий, происшедших в ночь на 18 ноября, и впредь ежедневно Вас будут информировать. Всего лучше-го. Адмирал Колчак».

Д у т о в. Получил телеграмму [из] армии Деникина [информацию] о происшедших событиях. Как можно, докладываю. Получил телеграмму: на Северном Кавказе соединились армии Деникина и отряд [ы] генералов Врангеля, Покровского, полковников Шкуро, Улагая, которые владеют всей северной полосой от моря до моря.

Я кончил. Атаман Дутов.

К о л ч а к. Узнайте — ждате атамана или можно ехать?»

№ 45

Телеграфное сообщение комиссара Троицкого уезда Оренбургской губернии А.И. Иванова в министерство внутренних дел 4 декабря 1918 г. о поддержке башкирским населением Верховного правителя России А.В. Колчака

«Башкиры вверенного мне уезда сходом уполномочили меня засвидетельствовать Верховному правителю преданность и радость установления единой власти [в] лице славного русского адмирала. Настроение населения уезда и города вполне государственное, о чем прошу доложить Верховному правителю».

ГАРФ, ф. 148, оп. 1, д. 23, л. 16.

№ 46

Приветственное послание А.В. Колчаку как ученому от участников съезда по исследованию Сибири, состоявшемуся в середине января 1919 г. в Томске

«Верховному правителю адмиралу Колчаку

Съезд, проникнутый государственной неотложностью объединения исследования Сибири, приветствует Вас, как защитника этой неотложности, носителя идей объединения России, как человека, потрудившегося над исследованием полярных вод».

Отечественные ведомости Екатеринбург, 1919 24 янв

№ 47

Телеграмма Верховного правителя России — ответ на телеграмму начальника управления иностранных дел при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина С.Д. Сазонова⁷³ от 10 января 1919 г.

«Признание Вами Верховной власти⁷⁴, выросшей на Востоке России, знаменует собой великий шаг к национальному объединению, для достижения которого мы положим все наши силы. Основные начала политической и военной программы Добровольческой армии,

изложенные в Вашей телеграмме, совершенно разделяются мной и правительством. Общность цели и глубокое внутреннее единение между нами обеспечат успех взаимодействия. Ваше сообщение укрепляет во мне веру в скорое возрождение единой России.

(Подписал адмирал Колчак)».

ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 399, л. 1.

№ 48

Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А.И. Деникин о своем отношении к приходу к власти в Омске адмирала А.В. Колчака

«...Я отнесся с большим удовлетворением и полным признанием к факту замены Директории единоличной властью адмирала Колчака. Но случайная и редкая связь с Сибирью вообще и лаконичность сообщений не давали возможности составить себе сколько-нибудь определенное понятие о происшедших там событиях.

Прошло некоторое время, и из текущей переписки и из газет я, к изумлению своему, узнаю о... подчиненных отношениях Екатеринодара к Омску. Оказалось, что начальник управления иностранных дел Сазонов в мое отсутствие из Екатеринодара ответил Омску телеграммой за своей подписью:

«Благоволите передать адм. Колчаку в Омск. Признаем верховную власть, взятую на себя Вашим Превосходительством, в уверенности, что Вы солидарны с основными началами политической и военной программы Добровольческой армии...» Далее следовал перечень этих начал... На мой недоуменный вопрос ведомство разъяснило, что термин «reconnaissons pouvoír suprême»* в дипломатическом обиходе означает не подчинение, а признание новой власти в пределах ее компетенции, вроде, например, признания Англией Финляндии...

Но неискушенное в дипломатических тонкостях общество и печать Сибири и само омское правительство восприняло это заявление как формулу подчинения. Произошло недоразумение, которое скоро, впрочем, — не знаю какими путями, — разъяснилось и глаголось.

...В начале января через английский штаб в Константинополе я получил телеграмму адмирала Колчака от 19 декабря:

* Признание Верховной власти (фр.).

«Сформирована власть, во главе которой стою я. Кроме того, я состою главнокомандующим войсками Сибири, казачьих областей Уральской, Оренбургской и всей территории Урала.

Я слышал, что Вы боретесь на Юге за Единую Россию. Я желал бы сноситься с Вами по делам военным и государственным, так как считаю необходимым согласовать наши действия. С этой целью нам необходимо установить связь по суше. Искренне верю в наше общее...*. На нашу дружбу (единение) не могут повлиять никакие обстоятельства. Желаю соединиться и встретиться с Вами как можно скорее. Бог Вам в помощь».

После первых известий о вступлении во власть адмирала Колчака я послал официально горячий привет ему и «всем русским патриотам Сибири». Вслед за сим 15 января я послал адмиралу личное письмо:

«Рад был услышать, что Вы объединили в твердых руках своих власть на Востоке, от всей души желаю Вам успеха в Вашей государственной работе.

Нисколько не сомневаюсь, что, когда волею Божьей соединятся наши территории, полное государственное объединение их и всех русских армий завершится легко и просто, на основе истинной пользы Русской Державы и отменяя всякие личные интересы.

Что касается отношений к союзникам, я неизменно провожу идею невмешательства их в наши внутренние дела, в военном и гражданском управлении. Помощь — самая широкая, но отнюдь не оккупация».

Почти в то же самое время, когда писалось это письмо в Екатеринодаре, адмирал Колчак отправлял мне из Омска новое свое послание, которое я привожу почти полностью, выключил лишь перечень командного состава Сибири:

«Около 8 дней мною была отправлена на Ваше имя телеграмма через представителя Великобританского правительства. За эти дни я получил несколько телеграмм от Сазонова и Маклакова из Парижа, касающихся вопроса о представительстве России на мирной конференции, и я от себя и от имени правительства, образовавшегося на территории Сибири и Урала, уполномочил, согласно этим телеграммам, представительство России в составе князя Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковского. Я полагаю, что Вы не разойдетесь со мною в этом важнейшем вопросе.

Я известил Вас <...> о положении вещей на сибирской территории. <...> Здравый государственный смысл Сибирского правительства

* Слово неразборчиво.

признал невозможным существование социалистической партийной Директории и остановился на военной диктатуре и единоначальной военной власти, как единственной форме правления в настоящее время. Я принял функции Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, не имея никаких определенных решений о будущей форме государственного устройства России, считая совершенно невозможным говорить в период тяжелой гражданской войны о будущем, ранее ликвидации большевизма. Уничтожить большевизм и создать обстановку в государстве, при которой возможно было бы приступить к решению этого вопроса, — вот единственная цель, которая сейчас является реальной... Я получил от Маклакова положения Добровольческой армии, которые совершенно разделяю. Насколько могу судить, Вы, Антон Иванович, на Юге России приняли на себя приблизительно те же функции, что и я. И теперь на нас ложится тяжелая ответственность за будущность Родины нашей. Необходима тесная и согласованная работа наша, имеющая одни и те же цели и одни и те же мотивы. Необходимо полное согласование наших действий и соблюдение принципа единства Верховной власти и неотделимого теперь от нее Верховного командования. Я считаю долгом сказать Вам откровенно мнение, что проведение этого принципа есть вопрос будущности нашей Родины. Решение этого вопроса зависит теперь от нас, но необходима связь с Вами и возможность практического установления единства власти. Я считаю, что этот вопрос должен быть решен в зависимости от политического значения Сибирской правительственной власти и той, которую Вы возглавляете, принимая в основание стратегическое положение армий, подчиненных мне и Вам, территорию и общее политическое ее состояние. Как только установится прочная связь между армиями моей и Вашей, необходима наша личная встреча для решения вопроса о единой власти и командовании и о соединении правительственных органов в одно целое, во всяком случае, о согласовании их деятельности. Я не сомневаюсь в том, что Вы вместе со мной решите эти вопросы независимо от личностей, руководствуясь одним благом Родины нашей и государственными соображениями о ее выгодах и интересах.

*
.....

После Пермского разгрома 3-й большевистской армии большевики предприняли общее наступление по всему фронту и создали очень

* Данное и последующие построчные отточия, содержащиеся в мемуарах А.И. Деникина, означают исключения части текста документа.

тяжелое положение в районе Уфы и Оренбурга. Все это осложняется поведением чешских войск, потерявших желание драться и с которыми возникает много затруднений. Союзники в лице англичан и французов относятся благожелательно, но помощь их пока ограничена, и мы получили до сих пор только ружья и патроны. Мы испытываем большие затруднения в зимнем обмундировании армии, что еще более осложняется исключительно суровой зимой, экономическим разорением Сибири и т. д. Нет области государственного управления, где не встречались бы препятствия и трудности, иногда кажущиеся непреодолимыми. Крайне тяжело положение Дальнего Востока, фактически оккупированного японцами, ведущими враждебную политику хищнических захватов. Поддерживаемые японцами, так называемые атаманы Семенов, Калмыков, Гамов со своими бандами образуют враждебную мне группу, и до сих пор вопросы с ними не улажены, так как японцы открыто вмешались и воспрепятствовали мне вооруженной силой привести в повиновение Семенова. Последний является просто-напросто агентом японской политики, и деятельность его граничит с предательством. Но я надеюсь справиться с этими препятствиями. Что касается американцев, то пока они ограничиваются только обещаниями помощи, но реального от них мы ничего не получаем. Повторяю, что единственно, на что можно рассчитывать, — это только на англичан и отчасти на французов. Большевизм еще далеко не изжит в Сибири, и вспышки его приходится постоянно подавлять. В 20-х числах декабря была попытка большевистского восстания даже в Омске, но ее удалось подавить в несколько часов. Партия социалистов-революционеров открыто стала на сторону большевиков и пыталась даже установить связь с советской властью. Мною разогнана и уничтожена открытая деятельность членов бывшего Учредительного собрания, но подпольная работа и связь с большевиками этих изменников продолжается.

Вот в общих чертах обстановка, в которой приходится работать*.

Получив это письмо в середине апреля, я тотчас же ответил:

«В предыдущем письме своем, которое Вы теперь, несомненно, получили, я высказывал свои взгляды на необходимость, после нашего реального соединения, установления единой власти, слив Восток и Юг. Мысль эта была выражена почти тождественно тому, как это сделано в последнем Вашем письме. Очень рад. Даст Бог — встретимся в Саратове и решим вопрос во благо Родине.

.....

* От 28 декабря 1918 г.

Те обстоятельства, о которых Вам доложил генерал Гришин-Алмазов, указывают на необходимость нам рассчитывать только на свои русские силы. Союзники близки к повторению знакомых нам чудес русской жизни.

Роль «Политического совещания» в Париже и его политика для меня не вполне ясны. И поэтому никакого признания этого совещания с моей стороны не было. Официальные сношения ведутся исключительно с Сазоновым, который считается представителем главкомандующего Вооруженными силами Юга России. С ним Маклаков и Гирс. Участие Львова и Чайковского приемлемо⁷⁵.

Французское командование на Юге России оправдывало свой ложный шаг (Одесса) одобрением «русского правительства в Париже». Отнюдь не признаю и считаю полным недоразумением. Полагаю, что француз не понял роли совещания.

В данное время получает широкую помощь снабжением от англичан и широкое противодействие со стороны французов*. Но все это менее важно, чем наше соединение, которого жду с величайшим нетерпением».

Это письмо постигла неожиданная участь...

В конце апреля генерал Гришин-Алмазов ехал в Омск, направляясь Каспийским морем через Петровск-Гурьев и далее сухим путем по Сибири. Он вез большую корреспонденцию, в том числе всевозможные обзоры, сводки и приведенное выше письмо. Не пожелав дожидаться нормального рейса, он нанял частный катер и с бывшими при нем офицерами и командой вышел из Петровска на форт Александровск в сопровождении английского военного судна. 5 мая в виду Александровска английское судно ушло на север, а катер в четырех верстах от форта неожиданно подвергся нападению большевистских миноносцев... Выхода не было никакого... Генерал Гришин-Алмазов, уйдя в каюту, выстрелом из револьвера смертельно ранил себя и умер под смех и надругательства большевистских матросов. Его примеру последовали четыре офицера; один бросился в море; остальных большевики увезли в Астрахань, и судьба их неизвестна**.

Так трагически окончил свою молодую жизнь человек далеко не заурядный, неоцененный в Сибири, недооцененный на Юге и имев-

* Письмо написано было под свежим впечатлением эвакуации французами Одессы и Крыма.

** Со слов механика катера — единственного человека, которому удалось потом уйти от большевиков.

ший много данных для того, чтобы играть видную роль в рядах Белого движения.

Письмо мое в числе прочих документов попало в руки большевиков, было отослано в Москву, появилось в советской печати и послужило причиной двух крупных событий.

Фраза моя о предстоящей встрече с адмиралом Колчаком в Саратове <...> легла в основу плана операций большевистского Южного фронта осенью 1919 г. (август и сентябрь) и вызвала сосредоточение на Саратовском направлении главной ударной группы красных.

Неодобрительный отзыв о французской политике, дошедший до сведения Клемансо, вызвал в нем сильнейший гнев, который он не мог скрыть в разговоре своем с генералом Драгомировым (июнь), и неожиданное обвинение нас <...> в германофильстве. В представлении французских государственных людей не укладывалось понятие о русской просто политике — она мыслилась только в свете прогерманских или профранцузских аспираций.

Эпизод этот, без сомнения, оказал известное влияние на отношения французского правительства к Вооруженным силам Юга.

...Взаимоотношения наши с Омском определились вполне. Разграничены были путем взаимного соглашения и районы влияния или власти Омска и Екатеринодара, причем в сферу последнего вошла территория на запад от Волги, Астраханский район и Закаспий. В двух официальных сообщениях — для печати в телеграмме Сазонову — для союзников определено было с исчерпывающей ясностью: подчиненных отношений нет, но существует полное единомыслие между Югом и Востоком, и предрешено слияние, но после фактического соединения территорий.

...27 мая по поручению Парижского совещания в Екатеринодар приехали: генерал Щербачев, Аджемов и Вырубов — как писал князь Львов, для того, чтобы «облегчить (мне) трудную задачу ориентировки в сложной мировой политической жизни». Конкретно вопрос был поставлен о необходимости немедленного подчинения моего адмиралу Колчаку. Со мной беседовали отдельно генерал Щербачев и потом Аджемов с Вырубовым. К удивлению своему, я не чувствовал в их речах никакого пафоса, скорее некоторое смущение — то ли в силу пошатнувшегося положения Восточного фронта наряду с развивающимися успехами Юга, то ли потому, что принятая на себя миссия казалась им исключительно трудной и щекотливой. Генерал Щербачев был вообще краток и, передав сущность вопроса, сослался на предстоящее более детальное выяснение его своими спутниками.

Мотивы, которые они приводили в пользу подчинения, сводились в общем к следующему: 1) мощь Сибирских армий и огромная, освобожденная ими от большевиков территория, подчиненная адмиралу Колчаку; 2) впечатление, произведенное на правительства и общественное мнение Европы быстрым выходом Сибирских войск к Волге; 3) ожидающееся официальное признание союзными правительствами адмирала Колчака при условии объединения в его лице всей Верховной власти; 4) наконец, признание Всероссийской власти делает невозможным признание власти советской и облегчит нам борьбу с сепаратными течениями.

Предложенная Н.И. Астровым формула постановления, принятая единогласно СовеЩанием <...>, имела следующую редакцию: «Признавая настоятельно необходимым образование в России единого Национального Правительства, Ос [обое] Сов [ещание] полагает, что жизненные интересы Российской Державы властно требуют, чтобы такое правительство было образовано путем непосредственного соглашения между генералом Деникиным и адмиралом Колчаком на началах, изложенных в официальном сообщении от 10 апреля текущего года*».

...Тем временем и я — в одиночестве — обдумывал создавшееся положение. Принципиально вопрос о подчинении решен был мною давно, о чем было известно многим. Я предполагал при близком, казалось, соединении без торга, без стоворов и «условий» объявить армиям о подчинении «отныне Верховной власти Верховного правителя», как об естественном следствии установления с ним связи. Принятие этого решения облегчало то обстоятельство, что, не встречавшись ни разу в жизни с адмиралом Колчаком, я тем не менее составил себе о нем определенное представление как о человеке умном, смелом и благоразумном.

Вопрос поэтому вызывала лишь своевременность такого акта.

Но соединение территорий затягивалось... Перспектива признания союзниками Всероссийской власти адмирала Колчака представлялась фактором чрезвычайно важным, укреплявшим международное положение новой России... Она требовала оказания адмиралу политической и нравственной поддержки... Факт единения русских противобольшевистских сил не мог не вызвать подъема в армиях и в обществе и лишал почвы наших недругов, сеявших разрыв... Наконец, с меня спадало лишнее бремя, облегчая значительно нравственную возможность требования от других исполнения долга и повиновения.

Вывод был ясен.

* Имеется в виду политическая декларация правительства Юга России.

Я сказал о своем решении 30 мая И.П. Романовскому. Не ответив ни слова, он пожал мою руку. Мы условились, что пока это останется между нами, а завтра я отдам приказ, который должен быть немедленно и широко распространен. В течение дня составить его, однако, не удалось.

Вечером состоялись проводы уезжавшего в Англию генерала Бригса, отличавшиеся исключительной сердечностью. Узнав, что экстренный поезд его уходит в Новоросийск не на другой день, как предполагалось, а в ту же ночь, и желая использовать оказию в Константинополь, я тут же на клочке бумаги написал приказ, который и огласили в собрании, после чего приказ был тотчас же размножен.

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России
№ 145

г. Екатеринодар
30 мая 1919 г.

Безмерными подвигами добровольческих армий, Кубанских, Донских и Терских казаков и Горских народов освобожден Юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой Единой России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному правителю Русского государства и Верховному главнокомандующему русских армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России.

Генерал-лейтенант *Деникин*».

Взрыв патриотического подъема, который охватил собрание, служил первым показателем сочувствия этому шагу.

...Верховный правитель в ответ на мой приказ прислал телеграмму:

«С чувством глубокого волнения приветствую Ваше патриотическое решение, продиктованное Вам истинной государственной мудростью. Вы в пору государственного распада и морального разложения великого народа — один из первых в ряду славных выступили под стягом единой России. Ныне Вашим решением Вы подаете пример солдата и гражданина, превыше всего ставящего благо Родины и будущее ее исторических судеб. В великом подвиге служения Вашего России да поможет Вам Бог.

Верховный правитель, адмирал *Колчак*».

Никогда еще общественное настроение не было так единодушно, как в оценке этого события. Никогда в период борьбы проявление общественного удовлетворения не носило таких трогательных и в большинстве искренних форм. Я получил множество телеграмм, писем, адресов со всех концов белой России и из стран расселения зарубежной эмиграции — от отдельных лиц, обществ, групп, правителей и военных начальников. Все эти обращения свидетельствовали, как сильно жаждало русское общество объединения расколотой Родины...»

Д е н и к и н А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т. 5. С. 85—89, 95—98.

№ 49

Постановление общего собрания бывших членов Государственного Совета и Государственной думы (съехавшихся в Одессу 13 февраля 1919 г.), переданное в Омск А.В. Колчаку

«Выслушав доклад капитана Щербакова, ротмистра Толстого-Милославского, собрание бывших членов Государственного Совета и Государственной думы⁷⁶, находящихся [в] Одессе, постановило горячо приветствовать Верховного правителя России адмирала Колчака, доблестную армию, им возглавляемую, и пожелать членам законодательных палат скорейшего освобождения, восстановления былого величия нашей Родины, единой России.

Подписали: Председатель совещания граф Алексей *Бобринский*.
Секретарь совещания *Скоропадский*».

ГАРФ, ф. 1700, оп. 7, д. 38, л. 405.

**Письмо Верховного правителя адмирала А.В. Колчака
Донскому атаману генералу А.П. Богаевскому
от 28 июня 1919 г.⁷⁷**

«Глубокоуважаемый Африкан Петрович.

Я получил письмо Ваше, переданное мне генерал-майором Сычевым⁷⁸, который отправляется мною обратно на Юг России для личного доклада Вам и главнокомандующему А.И. Деникину о положении вещей в Сибири и на нашем фронте. Он снабжен всеми документами, я полагаю крайне полезным его возвращение и пребывание на Войсковом Круге, где он может сделать обстоятельный доклад.

Я не буду в письме разбирать какие-либо вопросы, т. к. к тому времени, когда Вы получите это письмо, текущие положения потеряют значение; о постоянных или более устойчивых вопросах доложит Вам генерал-майор Сычев, располагающий соответственным письменным материалом.

Я хочу упомянуть об одном акте, которому я придаю большое государственное значение.

Неделю тому назад я получил телеграмму от А.И. Деникина с его приказом за № 95.

Этот приказ определяет создание Единой Армии Русской и Единое Верховное командование в моем лице.

Желая обеспечить это единство, я немедленно принял следующие меры: по моему предложению Совет министров постановил учредить должность заместителя Верховного главнокомандующего, и я своим указом назначил на эту должность главнокомандующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина.

Таким образом устанавливается преемственность Верховного командования Русской армией, и с этой стороны я могу быть спокойным.

Более сложным представляется вопрос о преемственности власти Верховного правителя, и я не решаю пока его, ввиду огромной политической сложности этого дела.

Создание Единой Верховной власти произошло в Сибири, и ближайшими участниками в этом деле были сибирские казаки, и одними из первых, которые в моем лице поддержали и укрепили эту власть, — были Оренбургские, Семиреченские и Уральские войска.

Я уверен, что государственно мыслящее казачество Европейской России поможет мне выполнить великую задачу, тяжесть которой я

несу как службу перед Родиной. Довести нашу общую Мать — Единую Великую Россию — до создания власти, отвечающей воле Русского народа, способной дать спокойствие и мир исстрадавшейся Земле Русской, — это цель общая для всех нас. И я верю, что в лице Вас и Всевеликого Войска Донского я найду осуществление работ по достижению этой цели.

Примите мой сердечный привет и передать не откажите Правительству Всевеликого Войска Донского и самому Войску мой поклон и пожелания.

Господь Бог да сохранит Вас, Атаман, и Войско и благословит тяжкие труды Ваши для спасения и блага Родины нашей.

Глубокоуважающий и преданный А. Колмакю.

Белый архив: Сборник материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, Белого движения и т. п. / Под редакцией Я.М. Лисового. Париж, 1926. Т. 1. С. 136, 137.

№ 51

«Из брошюры, изданной летом 1919 г. штабом 3-й армии белых в пропагандистско-просветительских целях»

«Во время войны с немцами, когда все силы русского народа были напряжены в борьбе с врагом, царское правительство оказалось не на высоте положения.

Недоверие народа к царю поддерживалось неудачами, которые несла могучая русская армия <...>

В конце 1916 г. в Государственной думе было открыто указано на то, что царица покровительствует и даже помогает немцам⁷⁹, выставлено было требование, чтобы русское общество, сам народ взяли дело ведения войны в свои руки <...>

Во Временном правительстве были представители всех классов населения. Но вскоре работа правительства была стеснена образовавшимся в Петрограде советом рабочих и солдатских депутатов. Власть совета усилилась до крайней степени — совет встал над правительством. Явился из-за границы Ленин и начал свою проповедь большевизма. Призыв Ленина: «Долой войну» — нашел себе отклик в душе утомленного войной русского солдата; его заманчивые обещания создать райское житье для трудящихся привлекли на сторону большевиков рабочих.

Правительство находилось в положении ребенка со слабыми ногами. Достаточно одного удара — и оно падет.

Группа членов 4-й Государственной думы.
В центре М.В. Родзянко (с головным убором в руке)

А.И. Верховский
(в советское время)

Г.В. Плеханов

А.Ф. Керенский

П.Н. Милюков

А.Ф. Керенский и А.В. Колчак в автомобиле, 1917 г.

Адмирал А.В. Колчак. С рисунка неизвестного художника, 1918 г.

Генерал Л.Г. Корнилов

Генерал Д.Л. Хорват

Н.Д. Авксентьев

А.В. Колчак и Д.Л. Хорват (сидят в центре)
среди членов правления КВЖД и предпринимателей

Американский военный корабль во Владивостоке

Генерал Д.Л. Хорват среди членов Международного Совета Приморья

Французский генерал
П. Жанен

П.В. Вологодский

В.И. Пепеляев

Здание Временного Всероссийского правительства в Омске

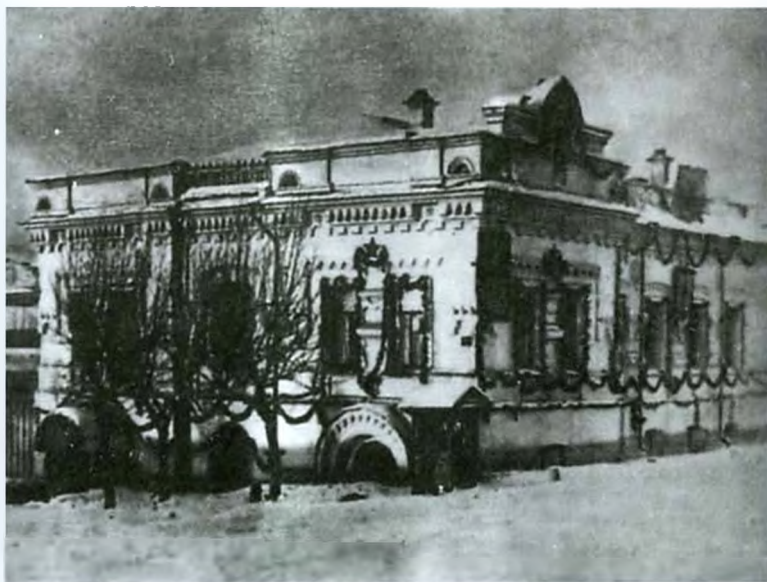
Дом В.И. Волкова в Омске,
в котором осенью 1918 г. проживал А.В. Колчак

Резиденция А.В. Колчака, как Верховного правителя России,
в которой он проживал с 15 декабря 1918 г. по 12 ноября 1919 г.

Семья Императора Николая II, расстрелянная большевиками в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 г.

Дом инженера Н.Н. Ипатьева в Екатеринбурге, в котором в апреле—июле содержалась и была расстреляна семья Императора Николая II

Комната, в которой произошло убийство царской семьи и приближенных к ней лиц

Н.А. Соколов, следователь по особо важным делам

КЪ НАСЕЛЕНІЮ РОССИИ.

18-го Ноября 1918 г.

Всероссийское Временное Правительство расплывшись Сибѣги, Министровъ, принявъ всю полноту власти и передѣль ее жиб. адмиралу русскаго флота Александру КОЛЧАКУ,

Принимъ прѣсть зтой власти въ исключительно трудныхъ условияхъ гражданской войны и полнотѣ разстроивъ государственной жизни, объявивъ я не пошу ни по пути реакціи, ни по гибельному пути партійности. Главной своей цѣлью ставлю создани бое-способной армии для побѣды надъ большевизмомъ и установленіе законности и правопорядка, дабы народе могъ безпривѣтственно забыть себѣ образъ правленія, который онъ пожелаетъ, и осуществитъ великія идеи свободы, нынѣ провозглашаемыя по всему міру. Призываю васъ, граждане, къ единенію, къ борьбѣ съ большевизмомъ, труду и жертвамъ.

Верховный правитель Адмиралъ КОЛЧАКЪ.

18-го Ноября 1918 г.

Воззвание А.В. Колчака к населению России

Генерал А.И. Деникин

Генерал барон П.Н. Врангель

Генерал П.Н. Юденич

Генерал Е.К. Миллер
(снимок в эмиграции)

Верховный правитель
А.В. Колчак в своем кабинете

Генерал Р. Гайда

А.В. Колчак (сидит) среди членов английской военной миссии.
Сзади него стоит генерал А. Нокс

СХЕМА № 5

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, УЧАСТКИ ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЙ, КОТОРЫЕ ПОСЕТИЛ
А.В.КОЛЧАК В НОЯБРЕ 1918 — ОКТЯБРЕ 1919 г. ПРИ ВОСЬМИ ПОЕЗДКАХ НА ФРОНТ.

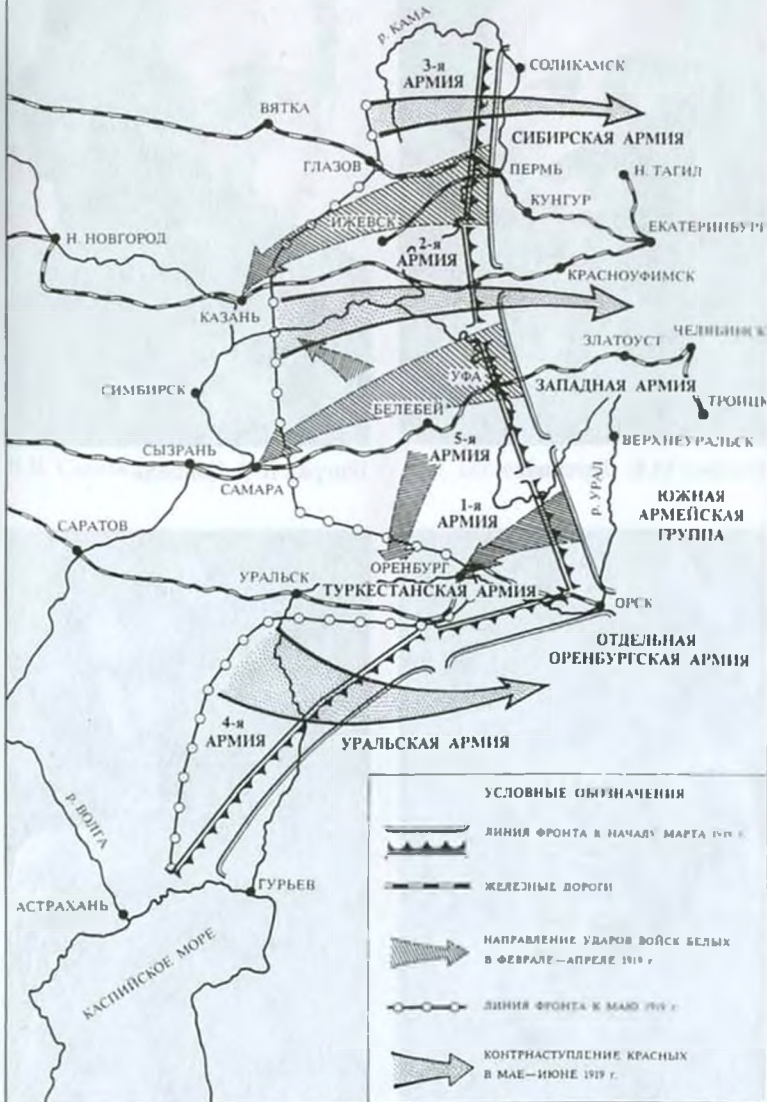
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ	
	РЕЗИДЕНЦИЯ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ А.В.КОЛЧАКА
	ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ
	УЧАСТКИ БОЕВЫХ ПОЗИЦИЙ

● ЕКАТЕРИНБУРГ	КРУПНЫЕ И НЕБОЛЬШИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
● ЛЕБЯЖЬЕ	(ЦИФРЫ В СКОБКАХ — КОЛИЧЕСТВО ПОСЕЩЕНИЙ)
● <u>МЕНДЕЛЕЕВО</u>	НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, ВКЛЮЧЕННЫЕ В СХЕМУ ДЛЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

СХЕМА № 6 ЛИНИЯ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В НАЧАЛЕ МАРТА, НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК А.В.КОЛЧАКА И ИХ ОТСТУПЛЕНИЕ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1919 г.

Генерал М.К. Дитерихс

Генерал В.О. Капель

Генерал А.И. Дутов

Атаман Г.М. Семенов

В.В. Сапожников

А.Н. Гаттенбергер

И.А. Михайлов

Г.К. Гинс

Денежные знаки правительства А.В. Колчака

А.В. Колчак (в центре) в Омске с группой военных и государственных деятелей и представителей стран Антанты

Великий патриот генерал Корнилов решился на смелый шаг — взять Петроград и уничтожить свивший там гнездо большевизм, но это ему не удалось сделать. Вскоре после этого правительство было свергнуто большевиками.

Насилие, ужас, безумие «народных комиссаров», как называют себя Ленин и Троцкий, густым туманом окутали Россию.

Этот тяжелый, кошмарный туман, начавшийся в октябре 1917 г., не рассеялся, к великой нашей печали, до сего времени. Большевизм беспрепятственно распространялся по всей России, принимая все более и более ужасные формы, до конца мая 1918 г.

В это время произошли события огромной важности — с этого момента начинается правильная вооруженная борьба русского народа с советской властью.

Но вскоре возникли недоразумения у чехов с большевиками из-за вмешательства германского посла графа Мирбаха, требовавшего выдачи чехословаков австрийским властям⁸⁰.

Троцкий хотел разоружить чехов, ехавших во Владивосток, но эта попытка кончилась восстанием чехов против советской власти на громадном пространстве от Самары до Нижнеудинска. К чехам присоединились здравомыслящие русские люди. **Тогда-то и возникла русская народная армия.**

Эта борьба с большевиками захватила громадное пространство — часть Поволжья, во главе с городом Самарой, Урал и всю Сибирь. В три месяца от большевиков была очищена вся Сибирь, были взяты Екатеринбург и Казань.

Начавший борьбу с большевиками еще до прихода чехов, Оренбургский казачий атаман Дутов соединился теперь с чехами и сибиряками.

Одновременно с военными действиями против большевиков началась работа внутренняя — образование государственной противобольшевистской власти < >

Государственное совещание продолжалось с 8-го по 23 сентября. Кроме Сибирского и Самарского правительств и атамана Дутова, на нем присутствовали также представители образовавшихся в это время новых правительств Уфимского⁸¹, Киргизского (Алаш-Орда). На совещании было избрано Временное Всероссийское правительство — Директория из пяти лиц: Авксентьева, Чайковского, Астрова, генерала Алексеева⁸² и Вологодского.

Большевики тем временем взяли обратно Казань и Самару. Правительство из Уфы переехало в Омск.

Вскоре, однако, во Временном правительстве началось разногласие. Представители Самарского правительства, поддерживаемые продолжавшим свое существование Комитетом, партийные цели выдвигали на первый план и стремились иметь перевес в правительстве⁸³.

Положение было ужасно: Временное Всероссийское правительство было связано в своей деятельности партийными распрями. Отдельные мелкие правительства вели свою политику. А большевики все усиливались и усиливались. В Советской России лилась кровь невинных людей, слышались стоны страждущих, большевистские комиссары ввели опричнину, дышать было тяжело, воля народа была подавлена. Нужна была твердая воля, горячая любовь к Родине, единый государственный ум, который собрал бы вместе разрозненные силы русских людей на борьбу с большевиками, спас бы Россию, стоящую на краю гибели.

Воплощением всех этих качеств явился военный и морской министр Временного Всероссийского правительства адмирал Александр Васильевич Колчак, который 18 ноября 1918 г., по предложению правительства, встал вместо Директории во главе Всероссийского правительства с званием Верховного правителя и Верховного главнокомандующего.

Кто такой адмирал Колчак? Политикан, человек старого режима, царист, стремящийся к диктатуре?

Нет... Он солдат, хороший патриот, один из первых, признавших и предоставивших себя в распоряжение Временного правительства. В настоящее время у него страстное желание — освободить страну от диктатуры большевиков. Вокруг этого патриота собрались люди различных политических убеждений.

Представитель Англии полковник Уорд говорит: «Встретившись с адмиралом Колчаком и познакомившись с ним и его характером, я верю, что, имея таких людей, русское правительство сумеет справиться с задачей восстановления порядка в государстве».

Джон Эмбри, американский консул, сообщил в газете «Таймс»: «Мое мнение таково, что адмирал Колчак — величайший человек, которого выдвинула революция. Из личной беседы с ним и его министром я заключил, что единственное его желание — это освободить Россию от террора Ленина и Троцкого и учредить правительство, которое будет демократично в лучшем, благороднейшем смысле этого слова».

Таким образом, адмирал Колчак блестяще выполнил самые важные задачи момента — организовал армию, сплотил вокруг себя от-

дельные разрозненные противобольшевистские силы и достиг доверия иностранных держав.

Раз сделано главное, остальное при неумном трудолюбии, железной воле и государственной опытности адмирала Колчака и содействии народа будет быстро сделано.

Мы верим в это, мы знаем, что конец большевизма близок.

Мы верим, что, имея такого вождя, как адмирал Колчак, Россия выйдет возрожденною из тех страданий, которые она терпит, и встанет по-прежнему в первые ряды великих держав».

К и п а р и с о в В. Верховный правитель адмирал А В. Колчак. Издание литературно-художественного отд Осведомит. канцелярии штаба 3-й армии. 1919. С 1—4, 35—36

Раздел 9
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

№ 52

**Обращение Верховного правителя А.В. Колчака
от 18 ноября 1918 г.**

«К населению России

18 ноября 1918 года Всероссийское Временное правительство распалось.

Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне — адмиралу русского флота, Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всеми миру⁸⁴.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

Верховный правитель адмирал *Колчак*».

Kolchak i Sibir. Documenty i issledovaniia. 1919—1926. Volume 1. New York, 1988. P. 17.

№ 53

**Положение о временном устройстве государственной
власти в России, утвержденное Советом министров
18 ноября 1918 г.**

«1. Осуществление Верховной государственной власти временно принадлежит Верховному правителю.

2. Верховному правителю подчиняются все вооруженные силы Российского государства.

3. Власть управления во всем ее объеме принадлежит Верховному правителю. В делах управления подчиненного определенная степень власти вверяется, согласно закону, подлежащим местам и лицам.

Верховному правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности.

4. Все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и по одобрении их оным поступают на утверждение Верховного правителя.

5. Все акты Верховного правителя скрепляются председателем Совета министров и главным начальником подлежащего ведомства; из сего извлекаются указы о назначении и увольнении председателя Совета министров, каковые скрепляются управляющим делами Совета министров.

6. В случае тяжелой болезни или смерти Верховного правителя, а также в случае отказа его от звания Правителя или долговременного его отсутствия, осуществление Верховной государственной власти переходит к Совету министров.

Председатель Совета министров *Петр Вологодский.*

Члены Совета министров: *Александр Колчак, И. Михайлов,
А. Гаттенбергер, А. Устругов, Н. Петров, г.-м.* Сурин, Г. Гинс,
И. Серебренников, С. Старынкевич, А. Шумиловский,
Ю. Ключников, Н. Щукин, Г. Краснов.*

Управляющий делами Совета министров *Георгий Тельберг.*

Правительственный вестник. Омск, 1918. 19 нояб.

* Генерал-майор.

№ 54

**Сообщение о беседе представителей печати
28 ноября 1918 г. с Верховным правителем
адмиралом А.В. Колчаком с изложением
ее содержания***

«В четверг, 28 ноября, представители печати были приняты Верховным правителем, адмиралом А.В. Колчаком.

В беседе с журналистами адмирал высказал мотивы, побудившие его принять Верховную власть, а также и свои взгляды на задачи власти.

«Когда распалось Всероссийское Временное правительство, — так начал свою беседу Верховный правитель, — и мне пришлось принять на себя всю полноту власти, я понимал, какое трудное и ответственное бремя беру на себя.

Я не искал власти и не стремился к ней, но, любя Родину, я не смел отказаться, когда интересы России потребовали, чтобы я встал во главе правления.

Момент, какой мы сейчас переживаем, — исключительной важности. Россия разрознена на части, хозяйство ее разрушено. Нет армии. Идет не только партийная распря, ослабляющая соби́рание страны, но и длится гражданская война, где гибнут в братоубийственной бойне тысячи полезных сил, которые могли бы принести Родине громадные и неоценимые услуги.

Из ряда законодательных актов видно <...>, каким порядком я получил власть и что, в сущности, являлось руководящим началом для сосредоточения этой власти в руках одного лица.

Меня называют диктатором. Пусть так, я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением в республиканских руках.

...Приняв власть, я немедленно разъяснил населению, чем я буду руководствоваться в своей государственной работе.

...Я сам был свидетелем того, как губельно сказался старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным.

С глубокой искренностью скажу вам, господа, что теперь, пережив впечатления тяжелой мировой войны, твердо укрепился на той

---

* Материал приводится с некоторыми сокращениями.

мысли, что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании.

Я всегда являлся сторонником порядка и государственной дисциплины, а теперь в особенности буду требовать от всех не только уважения права, но и, что главное всего в процессе восстановления государственности, поддержания порядка.

Порядок и закон в моих глазах являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными. Я буду принимать все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом. Я буду стремиться к восстановлению правильного отправления всех функций государственной жизни, служащих не только делу государственного строительства, но и возрождению Родины, так грубо, так дерзко нарушенному предательской рукой большевиков⁸⁵.

Мне нет нужды говорить о том, какой вред принесли эти люди для России. Вот почему и дело восстановления России не может не быть связанным с беспощадной, неумолимой борьбой с большевиками. Только уничтожение большевизма может создать условия спокойной жизни, о чем так исстрадалась русская земля; только после выполнения этой тяжелой задачи мы все можем снова подумать о правильном устройстве всей нашей державной государственности.

...Обстановка, в какой мы сейчас пребываем, заставляет меня и моих ближайших помощников сосредоточить все внимание прежде всего на создании сильной боеспособной армии.

...Другая ближайшая задача <...> это соглашение с остальными государственными образованиями, которые стремятся в разных областях освобожденной от большевиков России сохранить русскую государственность. К этому соглашению должны быть приложены все усилия...

В результате этого процесса воссоединения России могут быть поставлены на очередь и те вопросы, которые, вне всякого сомнения, вполне законно волнуют разные общественные круги, — именно вопросы о том, какой же образ правления будет в конце концов установлен в России.

Раз будут созданы нормальные условия жизни, раз в стране будут царить законность и порядок, тогда возможно будет приступить и к созыву Национального собрания.

Я избегаю называть Национальное собрание Учредительным собранием, так как последнее слово слишком скомпрометировано⁸⁶.

...Работы на пути возрождения России предстоит, таким образом, много. Она непосильна одному человеку.

Я был бы безумцем, если бы возмечтал выполнить ее единолично. Нет, вся эта многотрудная работа будет выполнена мною в полном уединении с Советом министров, и глубоко убежден, что наши намерения будут встречены доверием и поддержкой населения страны. В этом меня убеждают сотни приветственных телеграмм, искренних и горячих, которые я получаю сейчас со всех концов Сибири».

В заключение Верховный правитель сказал несколько слов о военной цензуре⁸⁷.

«У меня в штабе разрабатывается положение об отмене предварительной цензуры, которая, я это сознаю, стесняет печать. Цензура вообще большое зло. Но мы живем при особо исключительных условиях, когда возможны широкие злоупотребления печатью для государственной работы. Приходится прибегать к цензуре, хотя она и стесняет государственную прессу, приходится мириться с этим злом».

Правительственный вестник. 1918. 30 нояб.

№ 55

Прокламация штаба Верховного главнокомандующего, изданная в первой половине 1919 г.

*«К народу русскому
О Верховном правителе и правительстве*

Российское правительство возглавляется адмиралом Колчаком, которому Советом министров предоставлена вся полнота власти. Путем торжественного акта, обращения ко всему Русскому народу **Верховный правитель** объявил о своей воле довести страну до **Национального Учредительного собрания**, которому суждено будет решить форму государственного устройства Руси.

Разберемся в этом подробнее.

В години тяжелых испытаний, во время общего горя и бедствий каждая нация, каждый народ прибегают к тому, что называется **единоличная власть**, иначе — отдает правление в руки одного человека, которому вверяет свою судьбу и на котором лежит великий долг **спасти гибнущую родину**.

То же случилось и у нас. Голод, позор, смерть и разрушения — вот что вместо обещанного мира, свободы и хлеба дали России большевики. Разорение центральной России, потоки крови гражданской

войны, пытки и насилия принесли с собою преступления безумцы, которые захватили в свои руки власть.

И вот в то мрачное время, когда казалось, что Россия погибла, нашелся человек, который принял на себя **тяжелый крест власти**, встал на **защиту Родины**, на **защиту попранных прав человека и гражданина**.

Уже давно взоры лучших русских людей были обращены на горячо любившего Родину сурового воина, энергичного и талантливого адмирала **Александра Васильевича Колчака**. Всем были памятны его работы по созданию нашего флота после Японской войны, его полная трудов и лишений жизнь, его командование Черноморским флотом и, наконец, его приезд в Петроград, когда в Совете министров Керенского он прямо и твердо заявил, что деятельность правительства Керенского ведет к гибели России, а не к истинно демократическому народному строю.

Власть была передана адмиралу Колчаку Советом министров 18 ноября 1918 г. Вот первые слова, сказанные Верховным правителем населению России:

«Приняв крест власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, — объявляю: я не пойду ни по пути реакции (обновления старого), ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам». Суровый воин сказал суровые слова, полные государственной мудрости. Он призвал нас к труду и жертвам. Но этот труд и эти жертвы направлены к тому, чтобы осуществить подлинную свободу, чтобы наш уставший, измученный народ через своих представителей создал бы и имел то государственное устройство, которое пожелает сам, а не то, которое ему насильно навязывают большевики.

Таким образом, первая задача **Верховного правителя и правительства**, во главе которого он стоит, заключается в борьбе с большевизмом, в очищении нашей страны от тяжелого гнета убийц и насильников.

Восстановление порядка и законности — вторая задача. **«Законность и порядок, — говорил Верховный правитель, — должны составить фундамент (основу) будущей великой, свободной демократической (народной) России. Я не мыс-**

лю будущего ее строя иначе как демократическим (народным) — иным он быть не может».

«Да здравствует правительство, воле народа отвечающее!» — провозгласил в другой раз адмирал Колчак, и, отвечая народной воле, наше правительство стремится к установлению в стране мирной и спокойной жизни. По воле народа он борется с насильниками, т. к. только полное уничтожение большевизма даст возможность русскому человеку отдохнуть от переживаемого ужаса, зажить так, как он того захочет».

Правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, **непартийно**. Оно не защищает политической партии или какого-нибудь отдельного общественного класса. Оно поставило своей целью **защиту интересов всех**, иначе сказать, оно демократично, общенародно, т. е. заботится не о какой-нибудь отдельной группе лиц, а **обо всем государстве в целом**. Все силы матери-Родине.

Прежде чем сказать о третьей задаче правительства, узнаем его отношение к двум крайне важным вопросам — вопросу аграрному (земельному) и рабочему.

Земля должна принадлежать трудовому народу! Таким образом решается правительством земельный вопрос. Крестьянство — большинство населения России, оно кормит ее, дает ей армию. Наша страна — страна земледельческая, и крестьянину суждено играть в жизни России огромную роль. Земля — трудовому народу — это не только справедливость, но и государственная необходимость, основа процветания и богатства нашей страны.

В области земельного законодательства. «Правительство стоит на точке зрения укрепления и развития мелкой земельной собственности за счет крупного землевладения и широких земельных реформ в целях удовлетворения землей земледельческого населения, нуждающегося в ней», — вот слова **Верховного правителя адмирала Колчака**.

В области рабочего вопроса правительство проникнуто определенной заботой о трудящихся, и работа министерства труда направлена на как можно большее улучшение жизни фабричного, заводского и прочего рабочего люда, труд которого двигает нашу бедную и отсталую страну на путь культуры и цивилизации. Широкие реформы, 8-часовой рабочий день, облегчение условий труда, наряду с улучшением быта рабочего, — вот путь, по которому стремится правительство. Увеличивающаяся производительность фабрик и заводов, заметно улучшающееся железнодорожное движение указывают на государственную зрелость и правильное понимание задач правительства нашими рабочими.

Посмотрим теперь, как мыслит правительство исполнение своей третьей задачи — созыв Национального Учредительного собрания. В одной из своих речей **Верховный правитель** адмирал Колчак сказал об этом следующее: «**Правительство проникнуто идеей возрождения Родины и не мыслит себя призванным к разрешению всех коренных вопросов устройства страны, но считает народ русский единственным хозяином своей судьбы, и когда, освобожденный от гнета и насилия большевиков и язв большевизма, он через своих свободно избранных представителей в Национальном Учредительном собрании выразит свою свободную волю, я и правительство, мною возглавляемое, почтем своим долгом передать правительству, им (народом) установленному, всю полноту власти, нам ныне принадлежащую**».

Таким образом, правительство, стоящее теперь во главе нашего государства, стремится передать свою власть такому правительству, которое в Учредительном собрании свободно выбирает хозяин земли русской — русский народ. Почему называем мы это собрание Национальным? Национальное — значит наше, народное, в отличие от Интернационального — международного, каким было первое созданное в самый разгар революции, когда никто еще не успел ни в чем разобраться, созванное во время всеобщего красного опьянения и под давлением большевиков.

Первому Учредительному собранию было мало дела до нашей страны — Национальное же Учредительное собрание — собрание народное, собрание только тех, кто любит свою страну, а следовательно, имеет право устройства судьбы ее.

Итак, **Верховный правитель и правительство** выводят нашу страну из того ужасного состояния развала, в которое ввергли ее большевики.

Создание России — единой и могучей, создание мирной и спокойной жизни при производительном труде под охраной закона, той жизни, по которой так истосковалось население нашей страны, — великие цели, поставленные правительством.

Власть, которая возложена на **Верховного правителя**, — тяжелый подвиг, великий святой долг перед Родиной, который будет исполнен до конца, до радостного праздника **Воскресения России.**

Штаб Верховного главнокомандующего».

К народу русскому. О Верховном правителе и правительстве. Изд. Штаба Верховного главнокомандующего. Омск, 1919. С. 1—7.

№ 56

Из дневника лидера сибирской организации Партии народной свободы (конституционных демократов) В.Н. Пепеляева о встречах с Верховным правителем России А.В. Колчаком, совместных действиях в проведении политического курса в конце 1918-го — первой половине 1919 г.

«Ноябрь 1918 г.

...19. Ночью неожиданно для себя попал к адмиралу. Составляли вместе с генералом Андогским и полковником Лебедевым обращение к населению. Было несколько проектов, написанных офицерами, и проект незаконченный самого Колчака. Составили новый, краткий. Колчак сказал, что обращение нужно немедленно для союзников, причем они хотят, чтобы было сказано о демократии, отсутствии реакционных намерений и об армии. Так и составили. Адмирал чрезмерно устал. При встрече я приветствовал его от конференции.

Утром видел Михайлова. Он чем-то недоволен. О информ. С.⁸⁸ англичане довольны. Уорд заявил Колчаку, что английская часть в Омске в распоряжении адмирала. Французы доброжелательны и нажимают на чехов в целях их нейтрализации. Разговор Колчака с Болдыревым по аппарату. Болдырев лепетал что-то о кворуме Директории, о возможности на фронте осложнений. Колчак его прервал.

...1919 г., январь

17. Кратко обстановка.

1. Адм [ирал] Колчак признан Деникиным⁸⁸.

2. Союзники все еще не решаются нам активно помочь (странное предложение Англии — газ. 17.1).

...Февраль

...26. Сегодня вместе с министрами был на встрече Верховного правителя, возвратившегося с фронта. Были французы, англичане и японцы. В числе последних и адмирал Танака. Адмирал Колчак его выделил большим вниманием. Иностранцы вскоре ушли. Впечатления Верховного правителя таковы. Поездка дала положительные результаты. Отношение к правительству земства и городов хорошее. Чем ближе к фронту, тем лучше. Настроение войск хорошее. Снабжение плохое. На фронт ничего не доходит.

...Март

...25. вт [орник]. Сделал доклад о положениях на местах Верховному правителю в присутствии министра. О беспорядках сказал, что они не имеют общегосударственного характера. Верховный правитель слушал с большим вниманием. М-р пр. сказал, что, по моим впечатлениям, Дальний Восток от нас уходит помимо своего желания, что необходимая живая связь с ним нецелесообразна и даже вредно какое-либо изменение в положении с Верховным уполномочен. без личного общения с генералом Хорватом.

На это Верховный правитель заметил: «Да, да, необходимо лично». Затем я остановился на необходимости проезда по всей Сибири Верховного правителя или, если это возможно, то высших чинов министерства.

Адмирал сказал: «Нужно сегодня же об этом поднять в [опрос] в Совете. Мне скоро предстоит ехать на фронт снова, а туда когда же?»

Я на это заметил, что если есть хоть малейшая возможность принять героическое решение и ехать лично, то это был бы самый верный способ окончательно укрепить власть. В конце правитель благодарил меня за поездку и доклад.

...Апрель

3. Сегодня у меня на службе был военный министр⁹¹. Речь шла о дополнительном призыве интеллигенции (по новым признакам). Призыв по первому закону дает мало.

Я сделал сегодня отдельный доклад Верховному правителю. Я убеждал его совершить поездку по стране. Он знает, что это нужно и важно, но необходимо ехать на фронт.

«Я не скрою от вас, что скоро я думаю перенести Ставку в Екатеринбург, и тогда еще больше буду прикован к фронту».

В дальнейшей беседе он сказал, что, может быть, до Иркутска поездка возможна, т. к. отнимет меньше времени.

Я сказал, что поездка могла бы быть совершена под лозунгом осмотра новобранцев Омского и Иркутского военных кругов. Верховный правитель согласился.

...Май

...17. Совет Верховного правителя. Верховный правитель прибыл сегодня с фронта. Его встречали министры, военные и иностранцы, среди встречавших был Дутов (не у дел)».

№ 57

Указ Верховного правителя России А.В. Колчака
от 11 декабря 1918 г.
о назначении Главных начальников
в уральских регионах

«Н а з н а ч а ю т с я:

1. Генерал-майор Евгений Кондратьевич Вишнеvский — Главным начальником Самаро-Уфимского края.

2. Товарищ министра торговли и промышленности горный инженер Сергей Семенович Постников — Главным начальником Уральского края с оставлением в должности товарища министра.

Верховный правитель адмирал
Колчак.

Управл. мин. Вн. дел
А. Гаттенбергер.

Упр. делами Сов. мин-в и Верх. прав.
Г. Тельберг»⁹²

ГАРФ, ф. 148, оп. 1, д. 135, л. 2.

№ 58

Сообщение об открытии в Омске
с участием А.В. Колчака заседаний
Правительствующего Сената⁹³

«24 января в Омске в присутствии Верховного правителя, членов правительства, представителей города, земств, высших военных чинов и представителей воинских частей состоялось торжественное открытие временных присутствий Правительствующего Сената. После молебна и привода к присяге новых сенаторов открылось торжественное заседание Правительствующего Сената. Верховный правитель произнес приветственное слово и принес присягу на верность Родине и законам. После чего присягали председатель Совета министров, министры и их товарищи, и помощник архиепископа Сильвестр поднес Сенату икону Спасителя древнего письма».

РГВА, ф. 39500, оп. 1, д. 56, л. 53—54.

№ 59

Письмо

командующего Отдельной Оренбургской армией
и войскового атамана Оренбургского казачьего войска
А.И. Дутова
от 21 февраля 1919 г.

«Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый Александр Васильевич!

С чувством беспредельной преданности пишу Вам это письмо. Ваше посещение нашего круга и невероятно быстрое исполнение наших просьб сделало то, что Ваше имя никогда не забудет Оренбургское казачье войско и пойдет на врага с большей твердостью, ибо оно действительно увидело Вашу заботу о нем.

Я после Вашего отъезда подвергся вновь самым невероятным нападкам и принужден сложить свои полномочия, но Круг вновь избрал меня атаманом, дал из 159 голосов — 157 патентного. Я горжусь этим.

Был у нас на Круге генерал Сукин и давал свои объяснения, получился огромный скандал, и едва удалось уладить дело.

Мне сказано ими, что Вами назначена чрезвычайная следственная комиссия по моему делу и делу генерала Сукина. Я очень рад этому, что все будет точно известно всем.

Ваше высокопревосходительство, пользуясь Вашим любезным предложением, посылаю своего адъютанта с этим письмом для устройства моей семьи.

Я избрал г. Новониколаевск, и адъютант, передав Вам письмо, поедет туда; найдя квартиру, они возвратятся, и тогда я воспользуюсь любезностью Вашей предоставить мне для семьи несколько вагонов, именно: классный вагон, вагон 4-го класса, ресторан, три товарных и одну платформу.

Мне стыдно затруднять Вас такими мелочами, но, будучи уверен в покое моей семьи, я легче и спокойнее могу работать и отдать уже полностью всего себя в Ваше полное распоряжение⁹⁴.

Искренне и навсегда преданный Вам и глубоко уважающий Вас
А. Дутов».

№ 60

**Приказ Верховного правителя А.В. Колчака
управляющему Тургайской областью А.В. Матвееву,
а также Главному начальнику Южноуральского края
генерал-лейтенанту А.И. Дутову от 7 марта 1919 г.
по поводу выселения евреев из г. Кустаная**

«Верховный правитель приказал отменить обязательное постановление уполномоченного [по] охране Коваленко о выселении евреев как незаконное. О приведении в исполнение распоряжения Верховного правителя одновременно сообщая генералу Дутову.

Управляющий МВД *Гаттенбергер*».

ГАРФ, ф. 148, оп. 1, д. 23, л. 63.

№ 61

**Ответ генерала А.И. Дутова об исполнении приказа
Верховного правителя (не позднее 20 марта 1919 г.)**

«Коваленко мною не назначался, постановление о выселении евреев Кустаная я не делал, Коваленко будет смещен [с] должности. Приказ передан [по] телеграфу. По должности начкрая я никаких распоряжений не отдавал, ибо еще к исполнению только приступаю.

Ген.-лейт. *Дутов*».

ГАРФ, ф. 148, оп. 1, д. 23, л. 61.

№ 62

**Из письма А.И. Дутова Верховному
правителю России А.В. Колчаку
от 22 марта 1919 г.**

«Успех Сибирской и Западной армий не мог быть не использован, и мои полки двинулись вперед, не отдохнув... Пока движение идет прилично. Я же занялся налаживанием связи с уральцами и со своими станицами между Оренбургом и Орском. Мне частично удастся поднимать станицы, но это еще только начало. Я уверен, что мне удастся поднять весь округ.

...Из 26 полков, находящихся ныне в армии, свыше 15 работают в Западной и Сибирской армиях...

...У крестьян имеется достаточное число рук для работы; у нас же в станицах абсолютно нет никого. Мы никого не освободили от воинской повинности; даже безрукие и безногие и те служат в обозе. Такого колоссального напряжения не дала ни одна область государства Российского. Вот причина, почему я так упорно отстаиваю Оренбургское казачество, несмотря на многие недочеты. Как курьез, я могу Вам привести следующий факт: полузамерзшая девчонка 13 лет привозит мне пакет от общества одной станицы и на мой вопрос, почему это она привезла, ответила: «Больше некому было привезти»⁹⁵.

...Ваше же официальное заявление, что Вы мыслите новую Россию, построенную лишь на демократических началах, дает мне право быть с вами вполне откровенным».

ГАРФ, ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 49—56.

№ 63

Из письма Главного начальника Южно-Уральского края А.И. Дутова Верховному правителю России А.В. Колчаку от 24 апреля 1919 г.

«По приезде в Троицк я очень внимательно занялся Кустанайским уездом⁹⁶. Мятеж в общем подавлен, но далеко еще не кончен. Много дезертиров и хулиганов ускользнуло на юг, а главное — убежали их руководители Жилев и Таран. По агентурным данным, у них вновь набирается шайка, и им прислали пулеметы и орудия из Челкара, Хвалынска и даже Ташкента.

...Агентурным путем мною добыты сведения, что Алаш-Орда⁹⁷, и, в частности, партия Букейханова, вступили в какие-то тайные сношения с большевиками, и даже предполагался в мае приезд представителей в Оренбург для провозглашения независимости Алаш-Орды.

...Агентура армии дает еще и следующие сведения: интеллигенция и особенно купечество страшно недовольны мобилизацией их и реквизицией белья. Начинаются просто разговоры, что Верховный правитель не нужен, пора поставить царя и разогнать Омское правительство. Вот и сбываются мои предположения, что большевики слева и монархисты — справа соединились и начинают работу совместно. Я, конечно, принимаю все меры к прекращению всего безобразия, жестоко карая за сокрытие белья, лошадей и проч.

...Я боюсь, что вмешиваюсь не в свое дело, но Вы, Ваше Высокопревосходительство, недавно мне говорили, что мои письма для Вас представляют некоторый интерес, вот почему я позволяю себе писать Вам вполне откровенно и главным образом о плохих фактах. Хорошее — само себя оправдывает. М[ожет] б[ыть], мое письмо в силу сообщений только фактов печальных и носит характер как бы безнадежности, но это не так. Ваша популярность и Ваша власть растет и укрепляется ежечасно, я лишь желаю еще большего для Вас и еще больше славы Вам, дабы ничто на Вашем государственном пути не омрачило ореола Вашего имени. Так нужно для всей России».

РАГФ, ф 341, оп 1, д. 52, л 57—64

№ 64

Воззвание Верховного правителя России к башкирскому населению, изданное в апреле (до 16-го числа) 1919 г.

Башкиры!

К вам обращаюсь я — Верховный правитель Государства Российского, в составе разнообразных и многочисленных народностей которого народ башкирский уже несколько веков пользуется защитой и покровительством закона и власти. Эта связь крепка, и теперь, в годину тяжелых испытаний нашей Родины, — верю, она не порвется.

Незначительная часть башкир, презревшая вековое сотрудничество своих отцов и дедов с русским населением на ниве мирного труда и на полях ратных, обнаруживает ныне стремление к государственной самостоятельности, забывая, что преуспевание и развитие культурно-хозяйственной жизни башкирской народности возможно только в составе Великой России⁹⁸.

Башкиры, правительство Государства Российского не посягнет на вашу веру, на ваш быт национальный и хозяйственный, ни на ваши родные земли. Оно вам, как и всем многочисленным народностям, под державой его стоящим, сохранит право благомирного самоуправления, в вопросах местных обеспечив всей полнотой своей власти порядок и законность в управлении, безопасность личную и имущественную и свободу мирного национального развития под сенью государственности. Не верьте тем, кто сулит вам несбыточные обещания государственной самостоятельности, как Российское правительство представляет вам недоброжелателей вашего религиозного и культурного самоуправления. Стойте крепко за правительство, мною возглав-

ляемое: только в нем ныне защита ваших близких и вашего достоинства от красных разбойных банд большевиков, в борьбе против которых должны объединиться все живые силы государства. Стойте крепко, а я — Верховный правитель Государства Российского всею полнотою власти, мне принадлежащей, — вас поддержу и охраню.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий
адмирал *Колчак*.

С подлинным верно — за делопроизводителя
Е. Акишев».

ГАРФ, ф 148, оп 4, д 23, л 86

№ 65

Директивное распоряжение военным и местным гражданским властям о координации действий в борьбе с антигосударственными элементами и предупреждении нарушений законности

(документ не датирован; издан, вероятно, в начале 1919 г.)⁹⁹

«Всем губернским (областным) и уездным комиссарам¹⁰⁰ и особым военным начальникам по назначению командующего армией или командиров корпусов.

В местностях, объявленных на военном положении, наблюдались случаи, когда лица, которым на местах вверено охранение государственного порядка и общественного спокойствия, прибегали к нежелательным мерам и издавали не соответствующие ни закону, ни требованиям момента обязательные постановления. Никогда не следует забывать, что военное положение — это чрезвычайная мера, поэтому и пользоваться ею необходимо с особой осмотрительностью. Твердая власть должна быть, но больше всего она должна быть закономерной. В момент строительства государства закономерность является самой главной основой.

Закон, до тех пор, пока не отменен, должен быть исполнен, хотя бы он казался в известный момент почему-либо или слишком снисходительным, или слишком суровым, ибо нарушитель закона прежде всего роняет престиж своей собственной власти, а затем и всех остальных исполнителей закона.

Нужны и чрезвычайные меры, но ими надо пользоваться так, чтобы враги правительства, которым нужна анархия, а не восстановление Российского государства — с своей крепкой и сильной армией,

каждый ложный шаг, ненужную жестокость, не вызываемую обстоятельствами беспощадность действий не использовали бы для противоправительственной агитации.

По правилам 15 июля 1918 г. права и обязанности по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в местностях, объявленных на военном положении, возлагаются на комиссаров или на особых начальников по назначению командующего армией или командиров отдельных корпусов. Следовательно, как при издании каких-либо обязательных постановлений, так и при принятии активных мер в предупреждение и самое подавление мятежей и вообще противоправительственных выступлений, должна быть полная согласованность в действиях гражданских властей с военными начальниками, и комиссары не должны в таких случаях отстранять себя от активных действий.

Взаимное уважение и взаимное согласие властей, не только внутреннее, но и чисто внешнее, имеет громадное значение для поддержки престижа власти.

По положению о комиссарах (ст. 1) комиссары являются представителями правительства в губерниях и уездах, осуществляя надзор за точным исполнением законов, постановлений и распоряжений правительства. Кроме того, в обязанность комиссаров входит по возможности личное присутствие на месте действия военной власти, изыскание причин противогосударственного движения, успокоение населения, осведомление военных властей о причинах и размерах народного движения и т. п.

Все это дает право и налагает обязанность на комиссаров, принимающих самое живейшее участие в сохранении государственного порядка при военном положении.

В каждом противоправительственном выступлении гражданские власти, согласовав свой план действий с военной властью, прежде всего должны сами исчерпать все необходимые предупредительные меры и только в крайних случаях прибегать к военной силе, чтобы не впасть в ошибки, подрывающие авторитет государственной власти, особенно дорогой в настоящее время, когда начинается возрождение нашей Родины.

Особые военные начальники, действующие по уполномочию командующего армией или командиров корпусов, должны обратить внимание на то, что передача им особых полномочий по закону 15 июля 1918 г. отнюдь не знаменует собою ограничения прав представителей гражданской власти в лице командиров, а напротив, имеет целью, всецело поддерживая гражданскую власть, сосредоточить в руках военных

представителей лишь возможность проявления большей быстроты и решительности при подавлении движений и выступлений, нарушающих государственный порядок.

Статья 13 Временных правил о мерах к охранению государственного порядка отнюдь не противоречит этому, ибо подчинение милиции руководству военных начальников касается только одной области, именно охраны государственного порядка и безопасности, во всех же остальных областях, а равно в отношении устройства ее, штатов, дисциплинарной ответственности, порядка назначения и увольнения и в исполнении остальных своих обязанностей — милиция остается по-прежнему в ведении администрации.

В пределах нормальной жизни военные начальники не должны вмешиваться в деятельность гражданских властей и в сферу ее компетенции, так как этим они лишь подрывают престиж этой власти. В силу предоставленных им полномочий они всегда имеют возможность проявить свое волеизъявление тогда, когда деятельность того или другого гражданского начальника станет угрожать общественному и государственному порядку, или по отсутствию решительности и энергии, или по неправильному пониманию задач охраны государственного порядка.

На основании изложенного предлагаю точно руководствоваться настоящими указаниями и действовать в полном согласии властей военных и гражданских при принятии тех или иных мер против каких-либо выступлений или в предупреждение таковых и в случае разногласия доносить по принадлежности.

Верховный правитель адмирал *Колчак*.

Управляющий министерством внутренних дел *А. Гаттенбергер*.
Вр. управляющий военным министерством генерал-майор *Суринов*.

ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 1, л. 1 и об

№ 66

Указ Верховного правителя России А.В. Колчака от 7 августа 1919 г. о расширении состава Совета при нем, его полномочий и роли¹⁰¹

«В целях обсуждения и согласования мероприятий по вопросам обороны государства, на основании части 2 ст. 3 Положения о Временном устройстве государственной власти в России от 18 ноября 1918 г., повелеваю:

I

На образованный постановлением Совета министров 21 ноября 1918 г. Совет Верховного правителя возложить: сверх дел, отнесенных к его ведению вышеуказанным постановлением, также обсуждение следующих вопросов и мероприятий: а) по организации военно-административного управления на фронте и в тылу; б) по укомплектованию и организации снабжения армии и флота; в) по осуществлению мероприятий, вытекающих из общего плана кампании; г) по вопросам военно-политического значения.

II

При обсуждении сих вопросов Совету Верховного правителя действовать в расширенном составе, а именно с привлечением в качестве членов Совета: а) министров военного и морского; б) главнокомандующего и командующих армиями, если по положению фронта это оказывается возможным; в) начальника штаба Верховного главнокомандующего и его помощников; г) помощника военного министра по делам казачьих войск.

При обсуждении отдельных вопросов привлекать на правах членов Совета соответствующих министров.

Подлинный подписали:

Верховный правитель адмирал *Колчак*

И. о. председателя Совета министров *Г. Тельберг*

И. о. главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров *Т. Бутов*

С подлинным верно:

Делопроизводитель (подпись)».

ГАРФ, ф 148, оп 4, д 81, л 25 об.

№ 67

**Из постановления Совета министров от 27 июня 1919 г.
об учреждении Комитета по обеспечению порядка
и законности в управлении**

«Для достижения должной планомерности, согласованности и быстроты в мероприятиях по обеспечению общественного порядка и по укреплению законности в управлении Совет министров в изменение и дополнение подлежащих узаконений постановил:

1. Учредить Комитет по обеспечению порядка и законности в управлении¹⁰² в составе трех министров: внутренних дел, военного и юстиции.

2. Возложить на означенный Комитет:

а) общее руководство деятельностью военных и гражданских начальников на местах по обеспечению государственного порядка и общественного спокойствия;

б) надзор за действиями гражданских и военных начальников, применяющих исключительные положения о принятии мер к предотвращению и пресечению мероприятий незакономерных.

3. Комитет состоит под председательством министра юстиции.

4. Постановления Комитета приводятся в исполнение соответствующими министрами, а в случае необходимости издания указа или приказа Верховного правителя — в порядке пункта 2 статьи [от] 18 ноября 1918 г., подлежащий министр или председатель комитета представляет о том Верховному правителю.

5. О мерах, требующих изменений действующих законоположений, Комитет через подлежащего министра входит с представлением в Совет министров.

...7. Комитету предоставляется: 1) право отмены всех обязательных постановлений, распоряжений, приказов и приказаний, издаваемых гражданскими и военными начальниками на местах в порядке исключительного положения; 2) право приостанавливать исполнение распоряжений сих начальников в случае подачи на таковые жалоб в Правительствующий Сенат; 3) прямо устранять от должности, временно, впредь до увольнения в подлежащем порядке, всех военных и гражданских начальников, применяющих исключительное положение...

Утверждаю, Верховный правитель адмирал *Колчак*».

ГАРФ, ф. 148, оп 4, д 42, л 1 и об

№ 68

**Из объяснительной записки управляющего делами
Верховного правителя и Совета министров Г.Г. Тельберга,
поданной в Совет министров
(составлена примерно летом 1919 г.)**

«В своем первом, по восприятию власти, обращении к населению Верховный правитель указал, что одной из целей его является «установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепят-

ственно избрать себе образ правления, который он пожелает» .. 28 ноября 1918 г в беседе своей с представителями печати и засим в дальнейшем неоднократно Верховный правитель развивал мысль о тех условиях законности и правопорядка, когда можно будет приступить к созыву собрания, называемого им то Национальным, то Учредительным, где народ в лице своих полномочных представителей установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России, и правительство в своей декларации от 12 января 1919 г заявило «о своем стремлении подготовить страну к выборам в Национальное собрание и созыве в ближайшее время комиссии для разработки соответствующего положения».

Отсюда вытекает необходимость подготовительных работ в этой области со стороны действующего аппарата власти».

ГАРФ, ф 161, оп 1, д 211, л 23

№ 69

Грамота (обращение к народу) Верховного правителя России А.В. Колчака, составленная 16 сентября 1919 г., в тот же день поддержанная постановлением Совета министров и широко опубликованная в печати

«После длительной подготовки к наступлению оружию нашему в тяжких и упорных боях ниспослан крупный успех¹⁰³.

Приближается тот счастливый момент, когда чувствуется реальный перелом борьбы и дух победы окрыляет войска и подымает их на новые подвиги.

И здесь, на Востоке, куда устремлено ныне главное внимание противника, и на Юге России, где войска Деникина освободили от большевиков уже весь хлебородный район, и на западе, у границ Польши и Эстляндии, большевики потерпели серьезные поражения.

Укрепление успехов, достигнутых наступающими под Верховным моим командованием армиями, предрешает завершение великих усилий и искупление тяжких жертв, принесенных на борьбу с разрушителями государства, врагами порядка и благоотступниками. Глубокое волнение охватывает борцов, чувствующих благословенное и радостное приближение мирной и свободной жизни. И вся страна, весь народ в едином непреклонном порыве к победе должны слиться с правительством и армией.

Исполненный глубокою верою в неизменный успех развивающейся борьбы, почитаю я ныне своевременным созвать Государственное земское совещание для содействия мне и моему правительству прежде всего по завершении в момент высшего напряжения сил начатого дела спасения Российского государства.

Государственное земское совещание должно далее помочь правительству в переходе от неизбежно суровых начал военного управления, свойственных напряженной гражданской войне, к новым началам жизни мирной, основанной на бдительной охране законности и твердых гарантиях гражданских свобод и благ личных и имущественных.

Такие последствия продолжительной гражданской войны всего сильнее испытывают на себе широкие массы населения, представляемые крестьянством и казачеством. Вызванная не нами разорительная война поглощала до сих пор все силы и средства государственные¹⁰⁴. Справедливые нужды населения по неизбежности оставались неудовлетворенными, и Государственное земское совещание, составленное из людей, близких земле, должно будет также озаботиться вопросами укрепления благосостояния народного.

Объявляя о принятом мною решении созыва Государственного земского совещания, я призываю все население к полному единению с властью, прекращению партийной борьбы и признанию государственных целей и задач выше личных стремлений и самолюбий, памятуя, что партийность и личный интерес привели великое Государство Российское на край гибели.

Верховный правитель адмирал *Колчак*

Дана в г. Омске, сентября 16 дня, 1919 г.»

Красный архив 1928 № 6 С 72—73

№ 70

Лидер уральских кадетов А.А. Кроль о громоздком аппарате правительства, Ставки, их бюрократизации и об окружении А.В. Колчака в целом

«Вокруг адмирала создан своего рода «двор», его окружали «шептунь». Жардецкий ежедневно появлялся у адмирала к чаю в 5 часов дня. Адмирал знал цену своему окружению, не стеснялся в весьма энергичных эпитетах по его адресу, но других людей не находил, и другого влияния на него не было.

Значение Совета министров отошло на второй план. Господствовали военные и связанные с ними отдельные министры, как Михайлов или Сукин и еще некоторые, входившие в Совет Верховного правителя и образовавшие нечто вроде Звездной Палаты.

При таких условиях нужна была большая осторожность в предложениях. Надо было не раздражать адмирала, не давать слишком больших козырей военным и Жардецкому.

...В Ставке штат был невероятно велик. В ней насчитывалось свыше 2000 человек, и эту цифру сравнивали со штатом Ставки генерала Фоша, командовавшего всеми союзными армиями, в 180 человек.

Генералами, и в особенности юными генералами, омские улицы кишели...

Штаты были раздуты в тылу не только в области военной и морской (было и самостоятельное морское министерство), но и в гражданских органах управления. Тут спасались и спасали от военной службы. Кроме того, омские министры любили большие штаты, чтобы их министерства казались похожими на «настоящие».

К р о л ь Л А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. С 181, 185

Раздел 10

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

№ 71

**Приказ Верховного правителя адмирала А.В. Колчака
об ужесточении методов борьбы с руководимым
коммунистами партизанским движением в Енисейской
и Иркутской губерниях от 31 марта 1919 г.¹⁰⁵**

«I

Для решительного и окончательного прекращения мятежных и разбойных выступлений, продолжающихся в отдельных местах Енисейской и Иркутской губерний, на основании 2 части 3 статьи «Положения о временном устройстве государственной власти в России», объявляю, впредь до отмены, губернии Иркутскую и Енисейскую на военном положении, согласно приложению к статье 23 тома II Св. Зак. (общее учреждение губернское).

II

Для осуществления прав и обязанностей, указанных в приложении к статье 23 тома II Св. Зак., представляю: командующему войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанту Артемьеву — права командующего армией, и командующему войсками, действующими в Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде Иркутской губернии генерального штаба генерал-лейтенанту Розанову — права генерал-губернатора.

III

Приказ мой от 14 марта сего года о военном положении на железных дорогах считать в силе в отношении линии железной дороги и городов, за исключением Ачинска, Минусинска, Красноярска, Кан-

ска и Нижнеудинска, в каковых городах осуществление обязанностей по охране государственного порядка, согласно статьи 6 Правил о военном положении на основании Закона 11 февраля 1919 года, возлагается на генерал-губернатора Розанова.

IV

Приказ этот ввести в действие по телеграфу.

Верховный правитель адмирал *Колчак*.

Военный министр генерал-майор *Степанов*.

За министра внутренних дел товарищу министра *В. Пепеляев*.

Верно Нач [альник] Отд [ела] Деп [артамента] Мил [иции] (подпись)»

ГАРФ, ф 147, оп 3, д 1, л 89

№ 72

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака от 14 мая 1919 г., направленный на пресечение сдачи солдат в плен Красной армии и проявления враждебных действий со стороны населения¹⁰⁶

«Из поступивших ко мне донесений видно, что в последнее время на фронте имели место случаи:

1) Добровольной сдачи в плен молодых солдат армии из числа мобилизованных и переход их к противнику до боя.

2) Во время боев замечались случаи враждебных действий со стороны населения

Подтверждаю к неуклонному исполнению всем начальникам от старших до самых младших мои приказы об отношении к населению и поддержании в этих отношениях законности и охраны личной и имущественной неприкосновенности населения.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1) Все движимое имущество сдавшихся добровольно в плен или перешедших на сторону противника, а также лиц, добровольно служащих на стороне красных, конфисковать в пользу казны;

2) Собственную землю тех же категорий конфисковать в распоряжение правительства и передавать для удовлетворения нужд солдат и их семей, пострадавших во время настоящих военных действий;

3) Во время ведения операции упомянутых выше предателей и изменников в плен не брать и расстреливать на месте без суда; при поимке же их в дальнейшем будущем арестовывать и предавать военно-полевому суду.

Приказ этот распубликовать и распространить среди населения, а также прочесть во всех [ротах], батареях, сотнях и командах

Адмирал Колчак

С подлинным верно: делопроизводитель (подпись)».

ГАРФ, ф 1700, оп 7, д 38, л 94

№ 73

Письмо генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса
от 17 мая 1919 г. о погребении в Перми
бывших придворных дам
А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер

«Секретно

*Его Высокопревосходительству А.В. Колчаку,
Верховному правителю*

Ваше Высокопревосходительство Александр Васильевич.

16-го сего мая в г. Перми мною, в присутствии товарища прокурора Пермского окружного суда Д. Тихомирова и начальника Пермской городской милиции П. Данилова, было совершено погребение тела фрейлины графини Анастасии Гендриковой и гофлектрисы Екатерины Шнейдер.

Обе названные придворные дамы были 10 мая 1918 г., вместе с великими княжнами Ольгой, Татьяной и Анастасией Николаевными и б[ывшим] наследником цесаревичем, доставлены из Тобольска в Екатеринбург и непосредственно с вокзала отправлены в Екатеринбургскую тюрьму, где и содержались до 20 июля того же года. При этом заключении все вещи у них были отобраны, и они остались только в том, в чем были одеты при переезде.

20 июля, вместе с княгиней Еленой Петровной (Сербской), гр. Гендрикова и Е. Шнейдер были отправлены в особом вагоне, под

усиленной охраной в город Пермь, где, по прибытии, были заключены в Пермскую губернскую тюрьму. Одновременно с ними был перевезен туда же и камердинер Алексей Волков

В ночь на 4 сентября (все числа по н[овому] с[тилю], гр. Гендрикова, Е. Шнейдер, А. Волков и еще восемь других лиц, по постановлению Пермской Чрезвычайной Комиссии, были взяты из тюрьмы и отведены в Арестный дом, а оттуда, в ту же ночь, выведены по Сибирскому тракту за 4 версты от города на поля орошения и там в канаве убиты. По дороге А. Волкову удалось бежать.

2 мая сего года Особой комиссией, в присутствии товарища прокурора Д. Тихомирова, трупы были открыты, подвергнуты судебно-медицинской экспертизе и опознанию сведущими лицами и, до моего приезда, временно погребены в общей братской могиле.

14 мая я посетил место убийства и первоначального погребения названных лиц большевиками. На 4-й версте от Сибирского тракта отделяется вправо бревенчатая дорога, разделяющая надвое громадное поле орошения, залитое ассенизационными нечистотами. С левой стороны этой бревенчатой дороги имеется канава глубиной в пол-аршина, с выямком, ограждающим дорогу от залива нечистотами. В этой канаве, посередине поля орошения, и была произведена казнь, и тут же трупы и были зарыты, для чего сделали выемку земли в четверть аршина глубиной; трупы свалены в кучу по четыре и засыпаны сверху землей тоже на одну четверть аршина. С трупов была снята вся верхняя одежда, чулки и башмаки.

16 мая на перепогребение мною были приглашены также члены тюремной администрации, несшие свои обязанности и при большевиках в Пермской губернской тюрьме, для опознания жертв. По их показаниям, княгиня Елена Петровна, гр. Гендрикова и Е. Шнейдер содержались в одной из комнат тюремной больницы и заботами начальника тюрьмы (расстрелянного большевиками на другой день) были обставлены насколько возможно лучше в том смысле, что, кроме хлеба и щей, им иногда покупали, за их счет, молоко.

При моем осмотре трупов гр. Гендриковой и Е. Шнейдер я вполне согласился с первоначальным их опознанием тюремным врачом и фельдшером, которые их пользовали в тюрьме. Опознали их также при мне помощник пермского губернского тюремного инспектора Н. Грацинский и помощник начальника губернской тюрьмы Н. Бехтерев; подтвердил свое первоначальное показание и вызванный мной тюремный фельдшер Г. Мешковский.

Благодаря тому, что зимой трупы сильно промерзли, они сравнительно, ко времени моего осмотра, сохранились хорошо. Я сде-

дал с них несколько снимков, а товарищем прокурора был составлен законный акт

В настоящее время тела помещены мною в более прочные гробы (гроб гр. Гендриковой — оцинкованный, а другого такого же достать не удалось) и деревянный склеп, в особой могиле на новом, Вознесенском кладбище в Перми. Могилы обнесены загородкой, и поставлено два белых креста с наименованием покойниц. Гробы, склеп, загородка, кресты и перепогребение стоили всего 4000 рублей, причем на 3650 рублей у меня имеется счет похоронного бюро, устраивавшего гробы, склеп, загородку и кресты; 250 рублей уплачено старшему милиционеру для вознаграждения работавших чинов и людей и 100 рублей возчикам и извозчикам.

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга и глубоко преданный

Мих. Дитерихс

ГАРФ, ф 341, оп 1, д 52, л 33—36

№ 74

Следователь по особо важным делам Н.А. Соколов¹⁰⁷ о начале расследования обстоятельств убийства царской семьи

«25 июля 1918 г. город Екатеринбург, где содержалась в заключении царская семья, был взят от большевиков войсками Сибирской армии и чехами.

30 июля того же года началось судебное расследование. Оно возникло у судебного следователя по важнейшим делам Екатеринбургского Окружного суда Наметкина в обычном законном порядке: в силу предложения, данного прокурором суда 30 июля за № 131.

7 августа 1918 г. Екатеринбургский Окружной суд в Общем собрании своих отделений постановил освободить Наметкина от дальнейшей работы по делу и возложить ее на члена суда Сергеева.

Такая передача была вызвана, с одной стороны, поведением самого Наметкина, с другой — обстановкой того времени.

Пред лицом фактов, указывавших на убийство если не всей царской семьи, то по крайней мере самого Императора, военная власть, единственно обеспечивавшая порядок в первые дни взятия Екатеринбурга, предъявила Наметкину, как следователю по важнейшим делам, решительное требование начать немедленно расследование.

Опираясь на букву закона, Наметкин заявил военной власти, что он не имеет права начинать следствия и не начнет его, пока не получит предложения от прокурора суда, каковой в первые дни освобождения Екатеринбурга отсутствовал.

Поведение Наметкина вызвало большое негодование по его адресу и в военной среде, и в обществе. В чистоту его беспредельного уважения к закону не верили. Одни обвиняли его в трусости перед большевиками, продолжавшими грозить Екатеринбургу, другие шли в своих подозрениях дальше.

Естественным выходом из создавшегося положения была бы передача дела судебному следователю по особо важным делам, в участок которого входил Екатеринбург, но Казань, где проживал этот следователь, была отрезана от Екатеринбурга большевиками.

По предложению прокурора суд передал дело члену суда Сергееву, что в некоторых случаях разрешалось специальным законом.

В первые месяцы, когда Сергеев вел свою работу, вся свободная от большевиков территория России от Волги до океана представляла собой конгломерат правительств, еще не объединившихся в одно целое. Такое объединение произошло 23 сентября 1918 г. в Уфе, где для всей этой территории возникло одно правительство в лице Директории из пяти лиц.

18 ноября 1918 г. Верховная власть сосредоточилась в руках Верховного правителя адмирала Колчака.

17 января 1919 г за № 36 адмирал дал повеление генералу Дитерихсу, бывшему главнокомандующему фронтом, представить ему все найденные вещи царской семьи и все материалы следствия

Постановлением от 25 января 1919 г член суда Сергеев, в силу повеления Верховного правителя как специального закона, выдал Дитерихсу подлинное следственное производство и все вещественные доказательства. .

...5 февраля меня вызвал к себе адмирал Я был приглашен им как следователь по особо важным делам при Омском Окружном суде. Он приказал мне ознакомиться с материалами следствия и представить ему мои соображения о дальнейшем порядке расследования

6 февраля я защищал перед адмиралом следующий порядок:

1. Расследование должно быть построено на началах закона, как это делалось и до сего момента: устава уголовного судопроизводства.

2. К нему должны быть привлечены в достаточном количестве судебные следователи, ибо оно недоступно физическим силам одного лица.

3. Во главе расследования должна стоять не коллегиальная, а единоличная авторитетная власть. Она представлялась мне в лице сенатора с опытом в следственной технике.

Но суровая действительность была жестока к нам. В далекую Сибирь не пришли такие сенаторы. Отсутствовали и рядовые техники, так как Сибирь почти не знала института судебных следователей. Иные боялись связать свою судьбу с опасным делом.

При вторичном свидании в тот же день 6 февраля адмирал сказал мне, что он решил сохранить обычный порядок расследования и возложить его на меня.

7 февраля я получил предложение министра юстиции о производстве предварительного следствия и в тот же день принял от генерала Дитерихса все акты следствия и вещественные доказательства.

3 марта, перед моим отъездом к фронту, адмирал нашел необходимым оградить свободу моих действий особым актом. Он принял лично на себя моральную заботу о деле и указал в этом акте, что следствие, порученное мне в законном порядке, имеет источником его волю. Эту заботу он проявлял до самого конца».

С о к о л о в Н А Убийство царской семьи М, 1990 С 10—11

№ 75

Генерал-лейтенант А.П. Будберг о положении в «колчакии», интригах в верхнем эшелоне военной власти, действиях А.В. Колчака и некоторых чертах его характера

«27 мая. <...> Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыскивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет; то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников.

28 мая. Сегодня, во исполнение указа Верховного правителя, вступил в управление военным министерством; сказал собранным чинам министерства несколько слов о предстоящей работе, напомнил о нашей великой ответственности перед фронтом. Первым делом отменил действовавшее еще со времен Директории постановление о восьмичасовом рабочем дне для служащих министерства; нелепо и преступно считать работу по часам в такое исключительно горячее время, когда фронт, живущий в несравнимо более тя-

желех условиях, работает день и ночь, иногда не зная отдыха по многу суток подряд.

Поставил начальникам главных управлений их очередные задачи, назначив постепенность и сроки исполнения; подчеркнул им всю величину значения их работы и ее успеха или неуспеха; просил умом и сердцем понять, что наша работа должна возможно скорее и реальнее показать армии и флоту, что мы знаем их нужды, оцениваем их во всей их важности и что мы умеем и способны им помочь и справиться со всеми трудностями положения. Нам надо пробить, а затем и сломать ту стену недоверия, подозрительности, упреков и ненависти, которая выросла между министерством и фронтом; сделав это, мы совершим великое дело, ибо ничего нет хуже того положения, которое установилось в отношениях между фронтом и тылом; сделав это, мы окажемся в состоянии приступить к той коренной, реформационной работе, которая властно требуется обстановкой, и восстановить нормальную деятельность министерства и органов снабжения; времени у нас немного, и к началу зимы мы должны справиться со всеми язвами прошлого, чтобы в свободной и здоровой обстановке начать восстановительную работу в общегосударственном масштабе

Просил проявления самой кипучей деятельности, развития инициативы; просил не бояться самим «беспокоиться» и меня «беспокоить» и помнить, что чем выше положение, тем тяжелее обязанности и тем напряженнее работа; просил проникнуться убеждением, что, став к работе в такое время, мы обрекли себя на великий подвиг, быть может, на жертву и обязаны своим примером показать подчиненным, как надо сейчас служить. Указал, что одновременно с разумным исполнением закона и соблюдением должной экономии надо решительно отмежеваться от вьезшегося в нас мертвого, удушающего внешнего канцеляризма, помня, что деловитость и продуктивность работы возможны при самых простых, но зато практичных формах производства. Просил принять все меры, срочно наладить главные отрасли фронтового снабжения, не останавливаясь перед расходами, ибо сейчас самые лучшие и дешевые способы исполнения это те, которые осуществлены вовремя, в умном предвидении и в умении заблаговременно рассчитать и распорядиться; опоздания всегда вредны, а ныне они могут быть катастрофичны, ибо мы живем средствами дня — регулирующими и обеспечивающими запасов у нас нет.

В проклятом вопросе о «бездействии» и «превышении» власти, этой гибельной гайке, душившей всегда и везде всякую самостоятельность, просил придерживаться, конечно разумно, последней части,

т. е. превышения с немедленным мне докладом для покрытия этого действия моими санкциями.

Начал тяжелое дело. Чем-то оно кончится? Удастся ли направить адмирала в надлежащее русло? Настроение тревожное, но бодрое и приподнятое; чем труднее задача, тем больше хочется ее успешно выполнить. Жена называет это привычкой постоянного первого ученика.

Весь вопрос в том, насколько глубоко и прочно поддержит меня адмирал, в особенности тогда, когда дело коснется Ставки и основных принципов; очень уж он неустойчив; в начале каждого доклада я чувствую, что он предубежден против моего пессимизма, но затем вижу, как доводы и факты его побеждают; к концу доклада он уже на моей стороне, но только до тех пор, пока не придет и не опрокинет кто-либо другой.

В наличной омской обстановке я совсем одинок; принимать участие в интригах, в партийных и кружковых минах и контрминах абсолютно не умею и не способен, и в этом самое слабое место моего положения и моей работы, — придется тянуть одному «против течения».

Черные точки впереди — это колеблющееся и, по-моему, почти безнадежное по части сохранения за нами Урала положение фронта, а затем семеновщина в тылу и атаманщина в самых разнообразных ее формах и проявлениях, все глубже вгрызающаяся в наше хилое тело. Если Верховный не примет самых решительных мер (возможных только при содействии союзников) и не свернет шею читинскому Гришке¹⁰⁸, с его японскими друзьями, и всем его плодящимся последователям, то перспективы на будущее у меня самые мрачные.

29 мая. Утонул в море новой работы; нужно вести новый курс и одновременно познакомиться и с наличным положением, и с прошлым. Еще раз просил начальников управлений, чтобы все исполнялось не как бумажный номер, а как детали живого, кровью пахнущего и жизнями оплачиваемого дела, за которым стоит спасение родины.

Работать тяжело: министерство совершенно разгромлено произведенной реформой, и из него извлечены лучшие работники. Ставка упоена положением победителя и пляшет на наших костях, отбирая имущество, писарей, машинки и пр. и пр. Просил Бурлина положить этому предел, но симпатичный Гаврилыч не в силах мне помочь: его запрягли, навалили на него всю Ставку, и он еле выгребает.

Более честные и искренние из авторов новой реформы, ожесточенно содействовавшие ее проведению, теперь открыто сожалеют о содеянном и сознаются, что сами ошалели от той неразберихи, которую породила всюду эта скороспелка.

Как объяснить и фронту, и тылу, что ныне уже нет главного штаба — инстанции, существовавшей более ста лет с вылившимися в строго определенные и для всех привычные рамки функциями; как объяснить, что военный министр — это не то, к чему привык каждый военный, а что-то вроде старшего каптенармуса, ведающего развозкой и распределением даже не им заготавливаемого снабжения.

Инцидент с Гайдой затянулся; положение создается самое печальное; вместо Бурлина в Пермь отправился генерал Нокс; туда же изволил отбыть и оренбургский казачий атаман генерал Дутов, якобы обещавший уговорить Гаиду и уладить весь инцидент¹⁰⁹.

Зато окончился длительный семеновский инцидент, окончился компромиссным соглашением, мало утешительным для будущего, ибо мало надежды, что японизированная семеновщина перестала быть таковой.

По этому соглашению — факультативной стряпне Иванова-Ринова и разных иностранных и доморощенных пассиваторов — все бывшее считается небывшим; выходка Семенова объясняется излишне горячею любовью к родине, и он признается командиром 6-го Сибирского корпуса с подчинением командующему войсками Приамурского военного округа.

Старого не вернуть; приходится примириться и с этим кургузым решением; хочется только, чтобы читинский атаман хоть теперь опомнился, понял, какое зло он причинял нашему общему делу, и искренне, бескорыстно стал тянуть общую лямку, отойдя бесповоротно и от своих японских друзей, и от своих разбойно-преступных соотрудников. Очень жаль, что адмирал не нашел решимости настоять на отправлении Семенова и Калмыкова на фронт, хотя бы в подчинение к Пепеляеву, который бы живо с ними справился. При теперешнем решении очень сомнительно обращение Семенова в законную веру, а тогда, оставаясь в Забайкалье, в среде своих соотрудников и советников определенно и ядовито антиомского направления, он всегда может дать рецидив, и это будет висеть постоянной угрозой над нашим тылом. Недаром мой начальник канцелярии, глубокий кладезь всех омских разговоров, слухов, сплетен и фактов, докладывает, что среди просеменовских кругов говорят, что атаман исполнит обязательства этого соглашения «постольку-поскольку это будет «им» удобно».

Восстания в близком и глубоком тылу разрастаются; весна и листва дают огромные преимущества повстанческим бандам; средств противодействия у нас нет, так как все годное притянуло фронт, а те импровизированные части, которые посылаются в тыл, способ-

ны только на то, чтобы поднимать новые восстания. Обобрав тыл, Ставка учинила огромный и, быть может, непоправимый промах, ибо без спокойного тыла нам никогда не выгрести.

Мой «пессимизм» считает, что сейчас военными средствами нам уже не справиться с тыловыми восстаниями и что для этого надо или какое-нибудь чудесное изменение настроения населения, созданное экстреннейшими и шкурнополезными мерами, или же немедленная оккупация тыла союзными войсками и введение там смешанного русско-союзного управления, в котором союзная его часть должна гарантировать населению безопасность от атаманщины и беззаконий.

К сожалению, оккупация en masse* возможна только за счет Японии и ее войсками, а между тем то покровительство, которое оказывается японскими начальниками Семенову и Калмыкову, не дает никакой возможности надеяться на нужную для нас политику японской оккупации.

Желая дать вооруженную силу начальникам губерний и областей, министерство внутренних дел стало формировать отряды особого назначения; забыли, что служба таких отрядов требует отборных людей строго законного порядка, и получилось нечто очень мрачное и нелепое, ничтожное по своему военному значению, неспособное справляться с крупными восстаниями, но zelo вредоносное по своей распушенности, жажде стяжания и легкости по части насилий.

В отряды попало немало старых, опытных полицейских и жандармских ярыжек, которые по старой привычке надуть начальство заваливают его донесениями об успехах, разгроме повстанцев <...>, а сами бегают от повстанцев и отводят душу над беззащитным населением. Лучше бы бросили все эти усмирения и ограничились охраной железной дороги; быть может, без усмирений все умирилось бы само собой, особенно когда подошло бы время полевых работ.

Мои разговоры на эту тему вызывают только недоумевающие взгляды; думаю, что некоторые собеседники не прочь отправить меня в госпиталь, а кое-кто не прочь и рекомендовать контрразведке пощупать мою переписку насчет красной опасности.

Лунные человеки, живущие в тумане громких фраз и воздушных замков, продолжают рассчитывать на чехов, уверяя, что те готовы водворить в нашем тылу порядок, даже с применением вооруженной силы.

Это чрезвычайно опасное заблуждение...»

Б у д б е р г А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). Л., 1929. С. 72—77.

*Массированная (фр.).

**Приказ Верховного правителя и Верховного
главнокомандующего А.В. Колчака от 20 июня 1919 г.
об успешной работе Пермских пушечных заводов¹¹⁰**

«Пермские пушечные заводы лишь к началу 1919 г. освободились от советской власти. Хотя заводы и уцелели, но пушечное производство в них было дезорганизовано: части оборудования и большое количество полуфабрикатов были погружены в вагоны и вывезены из пределов заводов. Особенно пострадала замочная фабрика. Большая часть технического персонала разбежалась, а некоторые погибли.

С первых дней освобождения заводов на них было обращено внимание военных и гражданских властей, но в силу вышеизложенных причин началом настоящих работ на заводе можно считать лишь 18 февраля сего года.

Тяжелое положение осложнялось вопросом продовольственным, денежным, недостатком рабочих и, наконец, тем, что работа его протекала вблизи боевых линий и бывали моменты, когда красные, наступая вновь на Пермь, были от заводов не далее 20 верст.

В тяжелые дни испытаний, зная, что перемена военного счастья, неоднократно приносившая освобожденным от советской власти местностям горести вторичного захвата безумным и безжалостным врагом, рабочие, служащие и руководители заводов не предавались унынию: они напрягали все усилия, чтобы с возобновлением изношенной материальной части и рядом больших и мелких услуг — доковки лошадей, починки саней и швейных машин включительно, — оказал посильное содействие доблестным нашим войскам.

За короткое время изготовлено, отремонтировано и выдано войскам большое количество орудий, лафетов, передков, зарядных ящиков и запасных частей к пушкам и гаубицам разных систем, что дало возможность восстановить боевую способность остальной массы орудий, находящихся в войсках.

Производственный результат далеко не исчерпывает огромной работы, производимой Пермскими пушечными заводами, и которые с исключительной энергией выполняют также заказы морского министерства, ремонтируют паровозы, чинят разрушенные мосты и массами сдают Пермской ж[елезной] д[ороге] запасные вагоны и паровозные части.

Пример Пермских пушечных заводов показывает, как быстро с верою в свои силы и в своих руководителей воскресает вслед за нашей доблестной армией дух наших рабочих. Пример Пермских пу-

шечных заводов пусть укажет тем колеблющимся, малодушным и не всегда сознательным людям, которые недостаточно усердно трудятся над восстановлением нашей разрушенной родины.

За отличную работу Пермских пушечных заводов благодарю всех инженеров, мастеров, рабочих, служащих и представителей Главного артиллерийского управления на Пермских пушечных заводах.

Адмирал Колчак».

Отечественные ведомости. 1919. 29 июня.

№ 77

Из доклада о деятельности министерства труда, сентябрь 1919 г.

«Власть в ее целом вполне поддерживает мысль о необходимости существования профессиональных союзов, и не так давно, при приеме Верховным правителем делегации, заявлено, что он и правительство сочувствуют мысли о легализации профессиональных союзов и что вопрос этот стоит лишь в плоскости облечения его в законодательную форму».

ГАРФ, ф. 161, оп. 1, д. 34, л. 88 об.

№ 78

Телеграмма Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака от 23 октября 1919 г. главнокомандующему Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанту А.И. Деникину с изложением программы по аграрному вопросу

«Телеграммой от 28 августа, определявшей пределы моей власти, Верховный правитель уведомил меня, что «общее руководство земельной политикой принадлежит Российскому правительству». На этой почве между Особым совещанием¹¹¹ и омским правительством завязалась переписка, в результате которой последовала на мое имя в особо секретном порядке телеграмма адмирала Колчака от 23 октября № 1005:

«Телеграмма Нератова¹¹² относительно предоставления Вам самостоятельности в земельном законодательстве заставляет меня с полной

искренностью высказать возникающие у меня опасения. Я считаю недопустимой земельную политику, которая создаст у крестьянства представление помещичьего землевладения. Наоборот, для устранения наиболее сильного фактора русской революции — крестьянского малоземелья и для создания надежной опоры порядка в малообеспеченных землею крестьянах, необходимы меры, укореняющие в народе доверие и благожелательность к новой власти. Поэтому я одобряю все меры, направленные к переходу земли в собственность крестьян участками в размерах определенных норм. Понимая сложность земельного вопроса и невозможность его разрешения до окончания гражданской войны, я считаю единственным выходом для настоящего момента по возможности охранять фактически создавшийся переход земли в руки крестьян, допуская исключения лишь при серьезной необходимости и в самых осторожных формах. Глубоко убежден, что только такая политика обеспечит необходимое сочувствие крестьян в освободительной войне, предупреждая восстания, и **устранит возможность** разлагающей противоправительственной пропаганды в войсках и населении. Основные принципы принимаемых правительством мер одновременно Вам сообщаются. Конструкция изданных здесь постановлений по земельному вопросу не всегда удачна и допускает улучшения и даже изменения, но я глубоко убежден в необходимости твердого соблюдения их основных принципов.

Обстановка, где нет старого земельного вопроса, позволяет отнестись к нему с объективной спокойной стороны. Думаю, что ссылка на руководящие директивы, полученные от меня, могла бы оградить Вас от притязаний и советов заинтересованных кругов.

Сердечно желаю Вам дальнейших успехов, как военных, так в не менее важных делах гражданского и политического устройства.

Адмирал Колчаю».

Раздел 11

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТЫЛУ ВОЙСК КОЛЧАКА И РЕАКЦИЯ БЕЛЫХ

№ 79

Из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 18 июля 1919 г.

«О партизанских отрядах в Сибири¹¹³.

...12. Предложить Сибирскому бюро оказывать отрядам материальную помощь через сибирские партийные организации.

Вопрос о директивах для партизанских отрядов переносится в Политическое бюро».

№ 80

Из протокола заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) от 19 июля 1919 г.

«...7. О сибирских партизанских отрядах.

а) В области финансовой поддержки утвердить постановление Оргбюро.

б) Постановить и довести до сведения партизанских отрядов Сибири, что сибирские партизанские отряды должны немедленно установить между собою постоянную связь и координировать свои действия и переход к централизации командования».

Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.): Документы и материалы. Новосибирск, 1959. С. 119.

№ 81

**Выявленные данные о направлении Сибирским
(Урало-Сибирским) бюро ЦК РКП(б)
с начала деятельности по осень 1919 г.
за линию Восточного фронта коммунистов,
партизан, денежных сумм для организации
борьбы против правительства А.В. Колчака**

«Общие же итоги деятельности бюро и отделения таковы. По переправе коммунистов, связанных, разведчиков, партизан: 1) послано на подпольную работу 178 человек, в том числе бюро — 78, отделением — 86, совместно — 14; 2) перешло линию фронта 142 человека, в том числе подготовленных бюро — 71, отделением — 64, совместно — 7; 3) из 142 человек на постоянную работу — 113; 4) ходаками-разведчиками, связными-курьерами — 29; 5) направлено партизан 385 человек, в том числе бюро — 265, отделением — 120; 6) линию фронта из них перешло 87 человек, в том числе подготовленных бюро — 55, отделением — 32; 7) всего направлено в тыл врага 563 человека; 8) из них перешли линию фронта 229, из которых коммунистов было приблизительно 160 человек...

Если точные (по бюро) и приблизительные (по отделению) суммы сложить, то общая сумма составит 8 712 600 рублей. В действительности она была гораздо большей, полагаем, превышала 10 млн. руб., особенно если учитывать расходы военно-политических органов 3-й и 5-й армий, тесно сотрудничавших с бюро ЦК и отделением...»

Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Свердловск, 1989. С. 273—274.

№ 82

**Данные о засылке в начале июля 1919 г.
большевистскими партийными органами
М.Н. Оглоблина с целью убийства
им Верховного правителя А.В. Колчака¹¹⁴**

Из воспоминаний бывшего председателя Сибирского бюро ЦК РКП(б) И.Н. Смирнова о прибытии из Москвы М.Н. Оглоблина и засылке его через линию фронта.

«...Он к нам явился из Москвы от ЦК, откуда был направлен тов. Е. Ярославским. Оглоблин производил впечатление крикливого анар-

хиста, постоянно вступал в споры с нашими товарищами, относившимися в нему подозрительно...

Оглоблин нам заявил, что он едет убить Колчака. И спорили-то с ним преимущественно по этому пункту, доказывая ему нецелесообразность этой затеи. Но он решил твердо Колчака убить».

Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией. М.; Л., 1926. С. 137—138.

№ 83

**Из показаний М.Н. Оглоблина (Посадского)
на допросе белогвардейским органам**

«...От Ярославцева — Московского окружного комиссара — получил разрешение проехать на фронт. Я прибыл к Смирнову с резолюцией Ярославцева, что я должен быть назначен для боевой работы».

РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 179, л. 1.

№ 84

**Из донесений начальника Отдела мобилизации и строя
Центрального военно-революционного штаба
при Челябинском подпольном комитете РКП(б)
«Маруси» (Н.С. Образцова¹¹⁵) о подготовке покушения
на Верховного правителя А.В. Колчака,
взрыва его поезда в феврале 1919 г.**

«Начальник Отдела мобилизации в Ц.В.К.
10 февраля 1919 г.

№ 12

Прошу распоряжения для действия боевого десятка с приездом в город Колчака, боевой десяток изъявляет готовность изолировать его здесь, если будет согласен Ц.В.К.

Начальник отдела (подпись)».

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 5, оп. 3, д. 123, л. 16.

«Начальник отдела мобилизации и строя
В Центральную военную коллегию
14 февраля 1919 г.

Доношу для сведения Ц.В.К., что для подрывных отрядов требуется два белых савана для подготовки всевозможных взрывов, для этого прошу ассигновать сумму...

Начальник отдела (подпись)».

ГАНО, ф. 5, оп. 3, д. 123, л. 10.

«Начальник отдела мобилизации и строя
19/II — 19 г.
В Центральную Военную коллегию

...Колчак проехал 15-го числа в 23 ч. ночи из Троицка на Екатеринбург. Взрывчатых веществ я достал 2 заряда $2\frac{1}{2}$ фунта и одну ручную бомбу с принадлежностями, прошу указать место, куда доставить.

За теми вещами, которые указывал «Орел», мною послано...

Начальник отдела (подпись)».

ГАНО, ф. 5, оп. 3, д. 123, л. 12.

№ 85

Из воспоминаний одного из подпольщиков И.С. Солодовникова об организации крушения поезда А.В. Колчака

«Мы охотились за Колчаком, причем нами была устроена адская машина...»

Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Челябинской области, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 55.

№ 86

**Сведения о неудаче попытки организации
крушения поезда А.В. Колчака**

«В феврале 1919 г. партизаны пытались взорвать поезд, на котором Колчак возвращался в Омск после поездки на Урал. Подпольщики И.Н. Ботов, Ф.М. Балакин, Д.С. Сумин и другие разобрали часть пути между станцией Чернявской и разъездом 31-й километр, но поезд с Колчаком запоздал, и крушение потерпел товарный поезд».

Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг. Челябинск, 1958. С. 109—110.

№ 87

**Бывший главноуправляющий делами Верховного
правителя и Совета министров Г.К. Гинс об актах
произвола военных в отношении населения
и попытках А.В. Колчака их пресечь**

«Только в мае 1919 г. адмирал Колчак понял ошибку и обратился 28 мая с воззванием к офицерам и солдатам Красной армии: «Пусть все, у кого бьется русское сердце, идет к нам без страха, так как не наказание ждет его, а братское объятие и привет».

Начались как раз неудачи, но офицеры переходили. Они объясняли, что переходили намеренно во время неудач, чтобы больше было доверия к их искренности, однако, как показывает типичное дело полковника К.¹¹⁶, вместо братских объятий их встречали презрение и нужда.

— Красноармеец! — крикнул кто-то в театре одному из таких перебежчиков, читавшему публичную лекцию о советской России.

...В руках главноуправляющего сосредоточивалось много данных о положении на фронте. То попадалось какое-нибудь красочное ходатайство, то анонимное письмо, то отчет ездившего по делам чиновника. Ко мне попадали, между прочим, некоторые данные о положении дел в том районе, который занимал казачий корпус.

Почему крестьяне относились враждебно к казакам? Прежде всего потому, что последние предпочитали брать все, что им было нужно, не платя. Но этого было мало. Если казак видит в огороде арбузы, он сорвет все, чтобы перепробовать; если он ночует в хате, то на прощанье поломает скамью или швырнет в колодезь ведро. Какое-то

непонятное озорство, неуважение к чужому труду и праву, презрение к крестьянам, которые якобы не воюют. Все, мол, должны выносить на своей спине казаки.

Многие офицеры не отставали от солдат. Они, правда, не ломали вещей, но зато очень редко расплачивались. Должен повторить — я это уже указывал и раньше, — что правительство не умело обеспечить офицерство, и это было одной из главных причин описываемых явлений.

Адмирал Колчак издал приказ, предписывающий ничего не брать у населения без платы. Когда в одном селе, где стоял отряд, староста расклеил этот приказ, и, между прочим, может быть, из иронии, на стене избы, где квартировал начальник отряда, последний рассвирепел, велел сорвать его, а старосту выпороть за «неуважение» к власти. Адмирал приказал проверить этот случай и строго наказать виновного.

В другом месте, где офицеру указали на то, что приказом адмирала порка и мордобитие запрещены, офицер дал классический ответ: «Приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой». Эта фраза взята из перлюстрированного в Ставке письма священника.

Тяжела была моральная атмосфера. Когда я принимал должность главноуправляющего, я не представлял себе, что эта атмосфера до такой степени безнадежно мрачна. Почему ничего не предпринималось раньше для того, чтобы расчистить ее? Я не могу понять. Теперь я стал осязать ту «военщину», которую считали причиной крушения фронта.

Забывая, что война ведется на русской земле и с русскими людьми, военачальники, пользуясь своими исключительными правами, подвергали население непосильным тяготам. Я ездил на Урал, проезжал плодородные и богатые районы Шадринского и Камышловского уездов. Местное начальство уверяло меня, что население живет спокойно, ни в чем не нуждается, довольно властью и порядком. Но вот отступавшие войска докатились до этих районов. Что случилось с населением, почему стало оно большевистски настроенным? Почему не защищалось всеми силами против нашествия красных?

Вспомним приказы главнокомандующего о поголовной мобилизации всех мужчин, представим себе картину отступления, когда в одном Шадринском уезде было отобрано у крестьян около 5000 лошадей и повозок, — и мы поймем, что никто не «обольшевичился», но все крестьяне проклинали власть, которая причинила им столько бедствий. «Пусть лучше будут большевики».

Я сам видел в Акмолинской области домовитых, зажиточных крестьян, будущих фермеров свободной частновладельческой России; я

ни одной минуты не допускаю мысли, что они стали большевиками. Между ними и коммунизмом ничего общего быть не может. Но они не могли не поддаться настроению «большевизма» как революционной психологии, когда через их деревни прошел казачий корпус.

Прибавлю еще, что нашим войскам приходилось наступать в район, где они еще недавно отступали. Многие деревни испытывали в третий раз разорительные последствия прохождения войск».

Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 306—307.

№ 88

**Указ Верховного правителя А.В. Колчака
от 21 июня 1919 г. об изъятии государственных участков
земель, находившихся в распоряжении крестьян¹¹⁷**

«В тяжелое время борьбы за возрождение Великой России предатели родины из числа жителей селений Тасеева и Степно-Баджейского Енисейской губернии, забыв свой долг перед отечеством, дерзостно подняли преступное, ныне подавленное, восстание против государственной власти и порядка.

На основании части 2 статьи 3 «Положения о временном устройстве государственной власти в России»

П О В Е Л Е В А Ю:

1. Государственные земли, входящие в состав наделов селений Тасеева, Канского уезда и Степно-Баджейского, Красноярского уезда, Енисейской губернии, изъять из пользования крестьян названных селений и обратить в земельный фонд, предназначенный для устройства воинов в порядке закона 14 марта 1919 года.

2. Приведение в исполнение сего указа возложить на министра внутренних дел по согласованию с министрами юстиции и земледелия.

Верховный правитель адмирал Колчак.

Председатель Совета министров *Петр Вологодский*.

С подлинным верно: Делопроизводитель (подпись)».

ГАРФ, ф. 1700, оп. 7, д. 38, л. 93; Русская армия. Омск, 1919. 22 мая.

№ 89

Из приказов военного командования по усилению карательных действий против партизан и поддерживавшего их населения

Из телеграммы командования Иркутского военного округа Уполномоченному по охране государственного порядка и спокойствия в Енисейской и части Иркутской губерний генерал-лейтенанту С.Н. Розанову от 23 марта 1919 г.

«Верховный правитель повелел покончить с Енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими мерами [в] отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. В этом отношении пример японцев [в] Амурской области, объявивших уничтожение селений, скрывающих большевиков, вызван, по-видимому, необходимостью добиться успеха [в] трудной партизанской борьбе [в] лесистой местности¹¹⁸. Во всяком случае [в] отношении селений Кияйское, Нойское¹¹⁹ должна быть применена строгая кара.

Приказываю: <...> за укрывательство большевиков, пропагандистов и шаек должна быть беспощадная расправа, которой не производить только [в] случае, если о появлении этих лиц <...> [в] населенных пунктах было своевременно сообщено ближайшей воинской части <...> за несвоевременные сведения заложников казнить, их дома сжигать...»

ГАРФ, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 372.

№ 90

Из приказа генерал-лейтенанта С.Н. Розанова начальникам военных отрядов от 27 марта 1919 г.

«Селения, население которых встретили правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т. д. отбирать в пользу казны»¹²⁰.

ГАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1429, л. 4.

№ 91

Из обязательного постановления
генерал-лейтенанта С.Н. Розанова

«Правительственные войска ведут борьбу с большевиками... безобразные факты, чинимые большевиками, крушение поездов, убийства лиц администрации... все это заставляет отвергнуть те общие моральные принципы, которые применимы к врагу на войне. Тюрьмы полны вожаками этих убийц. Начальникам гарнизонов вверенных мне городов района приказываю: содержащихся в тюрьмах большевиков из разбойников считать заложниками. О каждом факте, подобно вышеуказанному, доносить мне и за каждое преступление, совершенное в данном районе, расстреливать из местных заложников от 3 до 20 чел. Приказ этот ввести в действие широко. Подробная инструкция следует.

Ген.-лейт. *Розанов*».

Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918—1920 гг.): Сб. документов. Иркутск, 1959. С. 68.

№ 92

Из доклада Межведомственной комиссии по выработке
условий и порядка осуществления указа Верховного
правителя от 21 июня 1919 г. о конфискации земель
причастных к большевизму крестьян селений Тасеева
и Степно-Баджейского Енисейской губернии
(составленного 25 сентября 1919 г.)

«Не угрожает ли он (Указ. — И. П.) <...> грозными катастрофическими последствиями для начавшей только воссоздаваться государственности, не будет ли целесообразнее если не окончательно, то хотя бы на время острого кризиса борьбы с врагами отечества отказаться от проведения в жизнь закона о конфискации крестьянских наделов...

Против проведения в жизнь указа о конфискации говорят также итоги расследований по этим восстаниям. Расследования по крестьянским, так называемым большевистским, восстаниям с достаточной убедительностью говорят, что «крестьянский большевизм», за редкими единичными исключениями, ни больше ни меньше как продукт

недоразумения, обязанный, с одной стороны, оторванности власти от народа, невежеству крестьянских масс и не встречающей себе в деревне противодействия злостной пропаганде врагов государства. Если крестьяне шли и идут за большевистскими агитаторами, то не только потому, что они совершенно не осведомлены о существующей государственной власти, ее программе и задачах. Там, где проникает хотя бы слабое истинное освещение действительного положения вещей, большевистская пропаганда не только не находит для себя почвы, но открыто преследуется самим крестьянством. Расследования дают богатый материал, доказывающий, что крестьянской массе не только чужды, но и враждебны атеизм, коммунизм и интернационализм социалистической большевистской программы. Если, таким образом, возникает вопрос о том, имеются ли крестьяне-большевики, в строгом смысле этого слова, то вполне своевременно задать вопрос и о том, допустимо ли применение указа о конфискации в деревне?

Выше было сказано, что, по мнению комиссии, проведение указа о конфискации, основанное на принципе персональной ответственности, в применении к своеобразному крестьянскому имущественному институту, каким является крестьянский двор, во-первых, невозможно без соприкосновения с имущественными правами других членов не раздельно живущей семьи, во-вторых, может оказаться почти мертвой буквой в отношении многосемейных крестьянских дворов. Это побудило комиссию стать на точку зрения солидарной ответственности, поражающей имущественные права не только виновных, но и лично не причастных к большевизму ближайших его родственников, родителей и жень»¹²¹

Раздел 12

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

№ 93

**Приказ Верховного правителя и Верховного
главнокомандующего адмирала А.В. Колчака,
отданный в январе 1919 г. и опровергающий слухи
о намерении его правительства вступить в переговоры
с советским правительством**

«В последнее время большевиками и другими противогосударственными элементами распространяются слухи, что якобы между ними и нами установится перемирие и все дела будут решены по обоюдному согласию¹²²

Объявляю всем воинам, что указанные слухи изменники распространяют с провокационной целью, чтобы ослабить дух и храбрость наших войск, чтобы ослабить наши силы

Не может быть никакого перемирия между нашими войсками, защищающими существование нашей Родины — России, защищающими жизнь, благополучие и верование всего русского народа, и красноармейскими шайками изменников, погубившими свою родную страну, ограбившими все народное имущество, избивающими без жалости население, надругавшимися над верой и святыней, не может быть соглашения между нашим правительством, отстаивающим право, справедливость и счастье народа, и засевшими в Святом Московском Кремле комиссарами, которые задались только одной целью — уничтожить нашу Родину — Россию и истребить наш народ

Можно вступить в переговоры со всеми народностями России, у которых временно образовались особые правительства, и верить, что с ними можно прийти к братскому и боголюбивому соглашению, которого мы искренне желаем, но с бесчестными и преступными большевиками, с их представителями-убийцами и с мошенниками,

для которых ни закон, ни договор не писаны, разговаривать не приходится.

Прочсть во всех войсковых частях и командах.

Адмирал Колчаку.

ГАРФ, ф. 1700, оп. 7, д. 38, л. 201.

№ 94

**Телеграмма Верховного правителя России А.В. Колчака
поверенному в делах в Стокгольме К.Н. Гулькевичу¹²³
для генерала Н.Н. Юденича от 2 февраля 1919 г.**

«Ваша телеграмма № 15 получена.

Верховный правитель просит Вас передать генералу Юденичу нижеследующую телеграмму: «Горячо приветствую Ваше дело, видя в нем новый решительный шаг к освобождению нашей родины. Крайне желательно установить тесную связь и общность действий. С радостью усматриваю, что все национальные усилия в разных частях России идут к быстрому объединению. Шлю вам пожелание успеха. Со своей стороны настойчиво поддерживаю перед союзниками необходимость оказать вам энергичную помощь в смысле вашей телеграммы. Немедленно перевожу в ваше распоряжение один миллион рублей на наиболее срочные нужды. Деньги переводятся министерством финансов через военного агента в Стокгольме.

Адмирал Колчаку.

Красный архив. 1929. № 2. С. 91—92.

№ 95

**Телеграмма посла в Париже В.А. Маклакова
на имя управляющего министерством иностранных дел
И.И. Сукина от 9 мая 1919 г. для А.В. Колчака**

«Для адмирала Колчака.

Гулькевич телеграфирует за № 179:

Генерал Юденич телеграфирует: «Финские белогвардейцы заняли Олонецк и 26 апреля Лодейное Поле, их отряды подходят к Петрозаводску. В воззвании главного штаба Олонецкой белой гвардии, помещенной в № 110 гельсингфорской газеты, сказано, что у карель-

ского народа одна общая цель с финскими добровольцами — освободить карельскую землю от русских. В Олонецке заведывание дел края приняло на себя временное правление. Таким образом, произошел захват западной части Олонецкой губ., о возможности чего я предупреждал. Отношения финнов к нам враждебно; они, пользуясь нашей временной слабостью, решают свою национальную задачу — создание великой Финляндии. Необходимо помешать им в этом и вместе с тем использовать достигнутое при их содействии очищение края от большевиков. Это, думаю, можно сделать, поручив Ермолову с чинами союзного командования приехать безотлагательно в Петрозаводск и установить там русское управление. Я командирую туда гвардейцев-офицеров, с полковником Долухановым во главе, для организации русской Белой гвардии. Приказал ему непременно войти в соглашение с Ермоловым и Мейнаром, во всем им подчиняясь.

Прошу оказать содействие Долуханову оружием, снаряжением, обмундированием и деньгами. На первоначальные расходы снабжаю его небольшой суммой. № 429».

Копия в Архангельск.

Маклаков».

Красный архив. 1929. № 2. С. 106—107.

№ 96

Телеграмма Верховного правителя А.В. Колчака на имя посланника в Стокгольме К.Н. Гулькевича для генерала Н.Н. Юденича от 26 мая 1919 г.

«Прошу передать генералу Юденичу.

Ссылаюсь на свой № 739.

Нами ведутся переговоры с союзниками на следующих основаниях:

1) Поход Маннергейма на Петроград чрезвычайно желателен, но при непременно условии участия в нем русского отряда под вашим командованием. Так как на финляндцев ляжет главная тяжесть борьбы, то мы считаем возможным согласиться, чтобы общее руководство военными действиями принадлежало Маннергейму. При этом, однако, мы ставим условием, чтобы, по занятии Петрограда, там была установлена русская, вам подчиненная, а не финляндская администрация. 2) Мы просим о поддержке операции союзным флотом. 3) Обращаемся к союзникам с просьбой принять на себя продовольствие Петрограда, указав, что план Нансена может быть применен к Петрограду,

но лишь после освобождения последнего. 4) Просим также союзников о немедленном доставлении снабжения и снаряжения, необходимого для выполнения операций. На финансовую помощь их рассчитывать трудно. Российское правительство готово само предоставить Финляндии и Эстляндии необходимые кредиты в иностранной валюте, о чем должны быть немедленно начаты переговоры. 5) По вопросу о наших политических отношениях с Финляндией считаем, что признание государственной независимости Финляндии может исходить только от Учредительного собрания. В настоящее время никто не правомочен вступать в формальные соглашения по этому поводу от имени России. Однако Российское правительство готово теперь же признать в качестве фактического нынешнее финляндское правительство и установить с ним дружественные взаимоотношения, предоставляя ему полную независимость во внутреннем устройении и управлении Финляндией. 6) Что же касается каких-либо компенсаций или вознаграждений за поход на Петроград и возможных притязаний Финляндии на Карелию, то нами получены в этом отношении исчерпывающие гарантии от французского правительства, основывающиеся на переговорах французского министра иностранных дел с финляндским поверенным в делах в Париже. Российское правительство готово отнестись с полным доверием к Финляндии, полагая, что открытая и ясная позиция, нами занятая, будет лучшим обеспечением правильного решения этих вопросов в будущем. 7) В отношении Эстляндии нашим представителям поручено заверить эстляндцев, что правительство обеспечит за ними самую широкую национальную автономию. Равным образом, им будут даны гарантии в том, что усиление русских частей, находящихся в Эстляндии, имеет единственной целью борьбу с большевиками и что эти части не предназначены для каких-либо действий в ущерб интересам эстонской нации.

Сообщая об изложенном, прошу выполнить все подготовительные действия, которые найдете необходимыми, сносаясь непосредственно с Омском для получения нужных указаний, как военных, так и политических. Сазонов осведомлен о наших взглядах касательно политической стороны дела и установит с вами надлежащую связь и общность политического воздействия. Вы будете уведомлены особой телеграммой о той финансовой помощи, на которую можете рассчитывать¹²⁴. О пополнениях же, которые могут быть обеспечены вашим формированиям, вам будет сообщено генералом Щербачевым¹²⁵.

Адмирал Колчак».

**Письмо российского поверенного в делах в Англии
К.Д. Набокова из Лондона Верховному правителю
А.В. Колчаку от 21 мая 1919 г.**

«Глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Мы находимся теперь накануне неминуемых событий, которые окажут решающее влияние на весь ход европейской политической жизни и на судьбу России: я разумею подписание мирного договора в Париже¹²⁶. Когда письмо это дойдет к вам, общее положение будет поэтому коренным образом разниться от настоящего. Я вынужден ограничиться лишь попыткой осветить вам именно настоящую минуту и, в частности, ту сторону дела, в которой я наиболее способен разобраться в силу своего положения представителя России в Лондоне. Я не буду подробно останавливаться на прошлых ошибках союзников, и, в частности, Англии, в их политике по отношению к России. Справедливая оценка этой политики невозможна без подробного анализа тех международных и внутренних условий, которые ее создали и на нее влияли. Последним актом этой нерешительной политики было предложение съезда на Принцевых островах, потерпевшее заслуженное поражение. Позднейшая попытка «прекратить междоусобие» путем прокормления Советской России (через Нансена)¹²⁷ была настолько явно неосуществима и сделана была так неопределенно и неуклюже, что не стоит на ней останавливаться. Тем временем подготовлялся тот крутой поворот в политике Англии по отношению к нам, при котором мы теперь присутствуем. Говорю правду: поворот этот вызван государственной работой, успешно выполняемой правительством, во главе которого вы стоите, и успехами сибирской армии. Несмотря на то что победоносная война парадоксально не только не облегчила бремени управления Британской империи и сохранения ее в целости, но непомерно увеличила это бремя, несмотря на небывалую еще в истории сложность государственных задач, которые приходится разрешать здешнему правительству, — ныне совершенно очевидно, что задача всемерного содействия освобождения России от анархии и террора большевиков взята на себя именно Англией. Взята при обстановке крайне тяжелой. События на Черноморском побережье, о которых вы знаете из телеграмм, привели к тому, что на юге России имя Франции не произносится иначе как с проклятиями. На севере Франция никакой роли не играет. Таким образом, на помощь Франции рассчитывать абсолютно нельзя¹²⁸. Со стороны Вильсона идет систематическая обструкция всякому политическому мероприятию, клонящемуся к возрождению

русской государственности. Чем диктуется эта политика: тупым ли доктринерством, не отличающим большевизма от «подлинной демократии», идеалы которой исповедует Вильсон, или же подземною работой враждебных возрождению мощной России окружающих Вильсона финансистов, — я утверждать не берусь. Но обструкция эта — явная. Она служит для англичан еще большею помехою, нежели бессилие Франции, ибо от Америки Англия теперь находится в материальной зависимости, граничащей с подчинением (если не рабством)! О воздействии Японии на политику Англии я не решаюсь высказаться определенно, ибо для этого нужно более близкое знакомство с тайнами парижских переговоров. А так как я бессменно оставался в Лондоне (ездил в Париж только на 3 дня в январе), то об этих тайнах я знаю мало.

Имею твердое личное убеждение, что нашей единственною опорой может быть только Англия. Из донесений генерала Головина вы знаете, что военная помощь оказывается нам теперь в размерах, превосходящих наши ожидания. Как в методах оказания нам этой помощи, так и в приемах обсуждения (если не разрешения) политических вопросов ясно замечается стремление руководствоваться указаниями английских ответственных военных начальников на местах английских официальных агентов и свидетельствами частных лиц, англичан предпочтительно перед русскими. Нам это, разумеется, очень тяжело, но нельзя закрывать глаза на то, что в значительной степени такая точка зрения оправдывается обстоятельствами. Оправдывается тем, что между русскими нет единомыслия. Попытка создать в Париже орган, отражающий взгляды и стремления подлинной России, а именно «русское политическое совещание» под председательством князя Львова, несомненно, оказало воздействие на союзные правительства, которые прислушиваются с возрастающим вниманием к заявлениям совещания.

К сожалению, наряду с политическим совещанием, в котором по крупнейшим государственным вопросам, касающимся России, достигается согласие и единомыслие таких людей, как С.Д. Сазонов и Н.В. Чайковский, казалось бы не имеющих общего мировоззрения, работают и в Англии, и, в особенности, в Париже отдельные лица и группы, принадлежащие к крайним течениям. В Париже сейчас орудует вышедший из временного забвения и бездействия Керенский в явно антигосударственном направлении. Отнюдь не преувеличивая значения этой русской оппозиции справа и слева объединению России под покровительством, во главе которого вы стоите, я хочу только сказать, что, раздуваемые печатью, им сочувствующею, эти попыт-

ки подорвать нашу работу вызывают колебания и недоумения как в правительственных кругах Англии и Франции, так, в особенности, у Вильсона. То же явление наблюдается у Юденича, вокруг которого идет гибельная рознь и взаимное подкапывание различных русских политических групп.

Русские заграничные правительственные учреждения (дипломатические, военные, морские, финансовые и т. д.) почти полтора года оставались — со времени большевистского переворота — без указаний правительства. Естественно, что при таких условиях не везде сохранилась та дисциплина, солидарность и чувство ответственности, без которых немыслима государственная работа. Теперь все это понемногу налаживается, и нельзя предъявлять к этим учреждениям чрезмерных требований. Но в то же время естественно со стороны Англии стремление к свободе распоряжения теми мероприятиями, которые фактически составляют собою реальную и мощную помощь России. Теперь ответственные работники в английском правительстве прониклись полным доверием и уважением к вам, считают вас тем человеком, который выведет Россию из ее временного бедствия, и желают, чтобы со стороны русских была та же единодушная и дружная поддержка и вера в спасение России путем перехода всех, ныне разрозненных ее частей под ваше покровительство. Это — основной принцип. В своей работе здесь, преодолевая подчас немалые трудности, я стараюсь всячески проводить этот принцип.

Позвольте мне закончить настоящее письмо, которое пишу накануне отъезда курьера в Омск, выражением вам личной горячей благодарности за ту благосклонную поддержку, которую вы оказали работающему при посольстве отделу Морского Генерального штаба.

Среди всеобщего развала, когда, как я уже упомянул, не у всех сохранилось в достаточной мере чувство долга, для меня было в высшей степени ценною нравственною поддержкою видеть ту самоотверженность, честность, серьезность и энтузиазм, с которыми работали сгруппировавшиеся вокруг меня морские офицеры. Мне отрадно видеть, что их работа оказалась в высшей степени плодотворной. Не будь этой работы, не была бы достигнута связь между Востоком, Севером и Югом — связь, которая, даст Бог, приведет к полному объединению. С такими сотрудниками, как Абаза, Нищенков, Безровный, Медведев, Яковлев, и вся морская молодежь, их помощники, работать — настоящая отрада.

С полною верою в конечное торжество великого вашего дела, в полную победу над врагами России, приношу вам горячие и задушев-

ные пожелания успеха, сил и здоровья, и прошу вас верить в мою готовность служить этому делу по мере сил во имя России и только во имя России.

Глубоко уважающий вас *К. Набоков*.

Колчаковщина С 116—118

№ 98

Ответ Верховного правителя России А.В. Колчака союзным державам на их ноту его правительству от 26 мая 1919 г. 3 июня 1919 г.

«Правительство, мною возглавляемое, было счастливо осведомиться, что цели держав в отношении России находятся в полном соответствии с теми задачами, которые для себя поставило Российское правительство, стремящееся прежде всего восстановить в стране мир и обеспечить русскому народу право свободно определить свое существование через посредство Учредительного собрания.

Глубоко ценя интерес, проявленный державами к русскому национальному движению, и признавая вполне справедливым их желание ознакомиться с политическими убеждениями Российского правительства, я готов подтвердить заявления, за которыми всегда признавал, безусловно, связывающую силу.

1) 18 ноября 1918 г. я принял власть и не намерен удерживать ее ни на один день дальше, чем это требуется благом страны. В день окончательного разгрома большевиков моей первой заботой будет назначение выборов в Учредительное собрание, ныне спешно работает комиссия по подготовке выборов, которая установит их условия и порядок на основах всеобщего избирательного права. Признавая себя соответственным* перед этим Учредительным собранием, я передам ему свою власть, дабы оно свободным решением определило будущее устройство государства. В этом мною была принята присяга перед высшим российским судом, хранителем законности нашего государства. Все мои усилия направлены к тому, чтобы, закончив возможно скорее гражданскую войну сокрушением большевизма, предоставить наконец русскому народу возможность действительно свободного волеизъявления. Всякая затяжка борьбы отложила бы этот день, ибо правительство не считает возможным заменить неотъемлемое право законных и свободных вы-

* Так в документе

боров восстановлением Учредительного собрания 1917 г., избрание в котором происходило под большевистским режимом насилия и большая часть членов коего находится ныне в рядах большевиков. Лишь законно избранному Учредительному собранию будет принадлежать верховное право окончательно решить все основные государственные задачи, как внешние, так и внутренние.

2) Я высказываю вместе с тем готовность уже теперь обсудить с державами все связанные с Россией международные вопросы в свете тех идей сокращения вооружений, предотвращения войн, миролюбивой и свободной жизни народов, завершением которых является Лига Наций, правительство, однако, считает долгом отметить, что окончательная санкция всех решений, принимаемых от имени России, принадлежит Учредительному собранию. Россия в настоящее время является и впоследствии может быть только государством демократическим, в котором все вопросы, касающиеся изменения территориальных границ и международных отношений, должны получить ратификацию представительного органа.

3) Признавая естественным и справедливым последствием великой войны создание объединенного Польского государства, правительство считает себя правомочным подтвердить независимость Польши, объявленную Российским правительством 1917 года, все заявления и обязательства которого мы на себя приняли. Окончательная санкция размежевания между Польшей и Россией должна, согласно принципам пункта второго, быть отложена до Учредительного собрания. Уже теперь мы готовы признать фактически существующее финляндское правительство и обеспечить ему полную независимость во внутреннем устройстве и управлении Финляндией. Окончательное же решение вопроса о Финляндии принадлежит Учредительному собранию.

4) Мы охотно готовы ныне же подготовить решения, связанные с судьбой национальных группировок Эстонии, Латвии, Литвы, Кавказских и Закавказских народностей и рассчитываем на быстрое решение этих вопросов, так как правительство уже теперь обеспечивает автономные права национальностей. Пределы же и характер этих автономий должны, конечно, каждый раз быть определены отдельно. В случае же затруднений в решении этих вопросов правительство охотно воспользуется миролюбивым сотрудничеством Лиги Наций.

5) Вышеуказанный принцип ратификаций с Учредительным собранием, конечно, должен быть применен и к вопросу о Бессарабии.

6) Российское правительство подтверждает еще раз свое заявление от 21 ноября 1918 г., которым оно приняло на себя все национальные долги России.

7) Переходя к вопросам внутреннего устройства, могущим интересовать державы лишь постольку они являются показателями политического направления Российского правительства, я повторяю, что не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 г. То временное решение земельного вопроса, на котором остановилось мое правительство, имеет в виду удовлетворение интересов широких кругов населения и исходит из сознания, что только тогда Россия будет цветущей и сильной, когда многомиллионное крестьянство наше будет в полной мере обеспечено землей. Равным образом при управлении освобожденными частями России правительство не только не ставит препятствий свободной деятельности земских и городских учреждений, но видит в их работе и в укреплении начал самоуправления неприменимое условие возрождения страны и помогает этим органам самоуправления всеми имеющимися у него средствами.

8) Поставив себе задачей водворить в стране порядок и правосудие и обеспечить личную безопасность усталому от насилий населению России, правительство признает, что все сословия и классы равны перед законом. Все они, без различия религий и национальностей, получают защиту государства и закона.

Напрягая все силы и ресурсы страны к достижению указанных выше задач, правительство, мною возглавляемое, высказывается в эти решительные дни от имени всей национальной России. Я уверен, что после сокрушения большевизма мы сможем в полном согласии разрешить все вопросы, в которых одинаково заинтересована каждая из народностей, связанных своей государственной жизнью с Россией.

Адмирал Колчак¹²⁹».

Правительство адмирала А.В. Колчака: Ответ Всероссийского правительства союзным державам на их ноту от 26 мая 1919 года. Изд. «Новая Россия», 1919. С. 2—13.

№ 99

Генерал-лейтенант А.П. Будберг о взаимоотношениях А.В. Колчака и его правительства с союзниками и правительствами их стран

«4 июля... Фронт и тыл поражены бессилием и дряблостью власти, проедены и прогноены разновидностями сибирезвенной атамандщины, этого специфического белого большевизма. Центр требует закона и порядка, машет бумажным мечом по адресу насильников и

беззаконников, а кругом растут и ширятся произвол, презрение ко всякому распоряжению свыше и собственное усмотрение.

К горю нашему, у адмирала нет прочной решимости поставить все на карту и покончить прежде всего со всеми атаманами и с атаманщиной во всех ее разновидностях и проявлениях. Надо это сделать, хотя бы ценой собственного провала, ибо иначе эта язва съест и адмирала, и нас, сожрет всю белую идею и сделает ее надолго постылой и ненавистной для всей Сибири; ведь то, что произошло и продолжается сейчас в Приморье, Забайкалье и что расплзается по Сибири, вопиет, грозит и предостерегает.

Не может быть прочного фронта, раз тыл гноится атаманщиной; не может быть здорового тыла, раз он поражен той же язвой.

На атаманах и карательных отрядах государства не восстановить; всех недовольных и восстающих против насилия не перевешать и не перепороть — рук не хватит, да и руки коротки.

Адмирал объясняет свою нерешительность политикой японцев, открыто поддерживающих дальневосточных атаманов; но это не оправдание, раз только понимать весь смертоносный вред атаманщины. Тогда надо начать открытую и ни перед чем уже не останавливающуюся кампанию против Японии, надо довести все это до сведения союзников, опубликовать все документы, выставить всю правду, и я уверен, что Япония сдаст, ибо таких разоблачений своей политики она очень не любит...¹³⁰

В тылу нам надо немедленно приступить к деловому, созидательному государственному строительству на началах широкого местного самоуправления, восстановить закон, восстановить исполнительные органы разрушенного государственного аппарата и твердой, чистой и полезной для населения работой привлечь на свою сторону здоровые и законопослушные элементы местного населения, найдя в нем ту опору, без которой невозможен окончательный успех нашего дела.

В этом нам нужна немедленная, благожелательная и чистая от всяких экивоков союзная помощь, и об этом надо громко и откровенно заявить. Надо, не боясь ничьих криков, упреков и обвинений, сказать, что нам нужна нейтральная и спокойная сила, чтобы поддержать законность и порядок в стране до того времени, пока мы создадим свои средства для этой цели; сейчас у нас таких средств нет, и в этом огромная трудность нашего положения; те случайные и импровизированные суррогаты, которые мы пытаемся для этого применять, только увеличивают разруху и заставляют население делаться большевиками или сочувствующими любому режиму, кроме нашего.

Все донесения разных усмирителей об умиротворениях, ликвидации и покорности — все это на три четверти ложь и обман, иногда

и невольный. Несомненно, что наружное спокойствие кое-где и во дворяется, но это спокойствие кладбища или придавленное молчание стиснутой ненависти, ждущей только благоприятного случая, чтобы опять развернуться.

Для меня ясно, что без союзной помощи нам уже не справиться с тылом, даже если нам и удастся выправить положение на фронте. Говорил по этому поводу с представителями союзников, с членами Совета министров, с заправилами Ставки и с самим адмиралом; доказывал, что мы не в состоянии своими силами охранить порядок, восстановить закон, успокоить страну и дать ей возможность жить нормальной и здоровой жизнью; но на меня смотрят как на злую каркающую ворону и не хотят вдуматься в тот горький опыт, который дал нам недавно законченный год правительственной и военной деятельности.

Я абсолютно против допуска союзных войск на фронт; наши счета с красными мы сведем сами; союзная помощь нам нужна только в тылу, где мы бессильны справиться с гнездящимся там преступным элементом, с красным и белым большевизмом»¹³¹.

Б у д б е р г А Дневник белогвардейца С. 137—140.

№ 100

Из дневника Главнокомандующего союзными войсками французского генерала М. Жанена о первых встречах с Верховным правителем А.В. Колчаком, его противодействию иностранному вмешательству в дела России

«14—17 декабря (в Омске). Видел министров. Много их.

Наличие младших статс-секретарей увеличивает их численность. Президент Совета министров — некто Вологодский, с трясущимся и заросшим бородой лицом, но в общем довольно любезный, как и Устругов, министр путей сообщения. Министр иностранных дел — Ключников, бывший профессор университета. Единственно, чем он поразил меня, так это красными руками, вылезаящими из слишком коротких рукавов. Военный министр — генерал Сурин, бывший профессор военной академии. Он слывет администратором, стаж капитана прошел во Франции. Министр финансов — молодой человек по имени Михайлов¹³². Как мне уже успели сообщить, он — центр группы, энергично интригующий против адмирала в целях реставрации монархии. Эта группа уже выявила себя различными убийствами,

например убийством сибирского министра Новоселова. Любопытная вещь перманентность министров: они работали с Директорией и работают с адмиралом, который опрокинул Директорию.

В военной среде происходит не меньшая грызня, чем в гражданской. Честолюбцы возбуждаются перспективами повышения и горят желанием помешать своим сослуживцам воспользоваться этими же перспективами. Обвинения в шпионаже, большевизме и пр. очень часты... Начальник Главного штаба — генерал Лебедев, который еще в 1916—1917 гг. был капитаном в Ставке в Могилеве. Мы не предполагали тогда, что он когда-либо будет назначен на такой ответственный пост.

Реньо, которого мы часто видели, все более и более производит на меня впечатление очень честного человека. Он, как и окружающие его лица, за исключением Пешкова, не знает русского языка, что ставит его в крайне затруднительное положение, тем более что честные люди встречаются здесь до того редко, что приходится удивляться даже и мне, человеку много видевшему. У Реньо встретил Сукина, с которым познакомился еще в Вашингтоне. Сукин занимает у адмирала Колчака пост министра иностранных дел. Достаточно было обменяться с ним несколькими словами, чтобы я убедился, насколько верна данная мне информация о том сильном возбуждении, которое вызвала в сферах радиотелеграмма, посланная Ноксу и мне¹³³.

...Адмирал был серьезно болен, и мы — Реньо и я — могли посетить его только 15 декабря. Первая встреча прошла бурно, хотя с нашей стороны была, разумеется, соблюдена учтивость. Он постарел. Я нахожу, что он очень сильно изменился с того дня 1916 г., когда в Ставке адмирал Русин подвел его в моем присутствии к императорскому столу в связи с его назначением на пост командующего Черноморской эскадрой. Его щеки ввалились, цвет лица и глаза лихорадочно горели; очень большой нос выдавался еще сильнее.

Колчак действительно получил для меня телеграмму, пересланную из Владивостока генералом Романовским. Колчак полагал, что теперь, когда он стал у власти, державы откажутся от их проектируемого назначения меня и Нокса. Радиотелеграмма неприятно разочаровала его. Он обращается к нам с бурными многословными и разнообразными возражениями сентиментального характера. Он стал у власти при помощи военного переворота, и поэтому главное командование не может быть отделено от диктаторской власти без того, чтобы она не потеряла под собой почву. «Общественное мнение не поймет этого и будет оскорблено. Армия питает ко мне доверие; она потеряет это доверие, если только будет отдана в руки союзников. Она была со-

здана и боролась без них. Чем объяснить теперь эти требования, это вмешательство? Я нуждаюсь только в сапогах, теплой одежде, военных припасах и амуниции. Если в этом нам откажут, то пусть совершенно оставят нас в покое. Мы сами сумеем достать это, возьмем у неприятеля. Это война гражданская, а не обычная. Иностранец не будет в состоянии руководить ею. Для того чтобы после победы обеспечить прочность правительству, командование должно оставаться русским в течение всей борьбы».

Все это вертится в беседе, все еще очень горячей. Реньо, сохраняя спокойствие, полное доброжелательства, и я, по очереди, проводим с осторожностью, которая необходима в беседе с человеком, находящимся в состоянии нервного возбуждения, все аргументы в пользу этого дела: союзники намерены оказать помощь — это видно из их желания иметь здесь своего человека, они корыстно не заинтересованы в этом вопросе, мое назначение будет продолжаться только до тех пор, пока положение не изменится к лучшему, требование об оказании помощи будет еще больше обосновано, если они будут непосредственно втянуты в военные действия, свою заботливость союзники показали и в назначении человека, находящегося в курсе русских событий и даже окончившего русскую военную академию. Я прибавил лично от себя, что, как дисциплинированный солдат, буду настаивать на выполнении отданного распоряжения. Обязанности, которыми меня хотят почтить, не доставят мне ни малейшего удовольствия, и я бы от них охотно избавился. Я сказал это для того, чтобы убедить его, насколько чужды мне чувства личного тщеславия, а равно намерения посягать на прерогативы правительства.

Наши ответы чередуются с его бурными заявлениями. Он жалуется также на чехов, на их вмешательство в русскую политику и т. д. и т. д. Мы оставляем его очень мало удовлетворенным.

Вторично видел адмирала 17-го. Перед этим узнали мы окольными путями, что собирается Совет министров, который склонился к тому, чтобы наотрез отказаться от нашего содействия. Однако генерал Сурин ярко указал на опасность такого отказа и на различные выгоды от соглашения. Это мнение в конце концов и восторжествовало. Было решено продолжать переговоры. В течение этой второй конференции адмирал было возобновил свои беспорядочные речи, но Реньо, вооружившись карандашом и бумагой, набросал несколько пунктов, над которыми можно было подумать, поработать и продолжать дискуссию. Будет постановлено, что адмирал Колчак в качестве Верховного правителя является, разумеется, также и Верховным главнокомандующим над русскими силами, а я являюсь таковым же только над силами со-

юзников, и что адмирал может назначать меня своим заместителем на фронте, а также своим помощником. Посмотрим, что будет дальше. Протесты адмирала дают основания догадаться, что он претендует на компетентность в военном деле, что, однако, не облегчает положения вещей, ибо очень спорна его компетентность в вопросах пехотной тактики. Русские гостеприимны, но в то же время горды и не любят иностранцев. Это слишком часто заменяет у них истинный патриотизм; их история и нравы это подтверждают».

Ж а н е н М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров / Под редакцией и со вступительной статьей Н.А. Корна-товского. Л., 1930. С. 107—110.

№ 101

Главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.К. Гинс об отношении А.В. Колчака к факту непризнания его правительства западными странами

«Как хорошо, что нас не признали», — часто говорил Верховный правитель. Мы избежали Версаля, не дали своей подписи под договором, который оскорбителен для достоинства России и тяжек для ее жизненных интересов. Мы будем свободны; когда окрепнем, для нас этот договор не обязателен.

Но действительно ли это было счастьем? Не правильнее ли смотрел на положение вещей тот русский человек, который писал с фронта генералу Ноксу?

Я склонен присоединиться ко второй точке зрения. Версальский договор — это не мир, а перемирие, это собрание компромиссов, на которых сошлось большинство, но которых не признали полностью Италия (Фиуме), Румыния (Банат), Польша (восточные границы), Китай (Шаньдунь), Америка (Лига наций); это собрание компромиссов, пересмотр которых будет необходим и неизбежен, как только окрепнут Россия и Германия. С этой точки зрения Версальский договор нам не был опасен.

А между тем признание было нужно как воздух. Правительство, которое вело второй год существования, которому оказывали поддержку все слои населения, которое создало армию и завоевало уважение всех национальных сил во всех концах России, находилось, однако, в крайне тяжелом положении. Оно вело борьбу в стране, лишенной собственной промышленности, опиралось на население, которое не хоте-

ло войны, было окружено людьми, которые подрывали его престиж, стремясь к партийным завоеваниям.

Правительству нужна была моральная поддержка, которая подняла бы его авторитет внутри страны, прекратила бы интриги тех, кто рассчитывал добиться признания скорее, чем Омск. Она дала бы возможность смело выступить против атаманов, покончить с бесцеремонным хозяйничаньем в стране некоторых из интервентов. Правительство говорило бы тогда не с выскочками, вроде Павлу, Гирсы и Благоша, скудный моральный багаж которых не удовлетворял даже самым элементарным требованиям, а говорило бы с Прагой. Всем господам, хозяйничавшим в Сибири, было невыгодно признание омского правительства, и это — лишнее доказательство, что оно было выгодно для русского дела. Было невыгодно признание и для многочисленных претендентов на власть, но и это делало признание жизненно необходимым, потому что покушение на признанное правительство немногие сочли бы возможным.

Министры, ожидавшие признания, были уверены в себе, полны силы; министры, утратившие надежду на него, блекли, как растения, долго лишенные влаги. Министр непризнанной власти — фикция. Государство есть факт не только внутреннего, но и внешнего существования, и если оно не признано и не существует, следовательно, во вне, то и правительства в полном смысле нет.

Постепенно это стали понимать все. Правительство теряло свой престиж. Таков был политический результат непризнания.

При этом и внутри Советской России не было достаточной уверенности, что движется на Москву что-то настоящее, прочное, что [б] утвердить новую власть. В Петрограде не могли не знать, как сфабриковано правительство Юденича, в Вологде знали, как совершался переворот в Архангельске, в Москве получалось радио Парижа, объяснявшее, как союзники экзаменуют Колчака.

Но были еще и внутренние, экономического характера невыгоды, которые проистекали от непризнания. Америка не решалась выдать омскому правительству банкноты, заказанные Керенским. Ни одно правительство не открыло бы Омску займа. Правительство со своей стороны не могло предоставить ни одной концессии.

Не было возможности переменить ни одного посла или посланника, а между тем бесхозяйность российского представительства за границую постоянно давала себя чувствовать.

Признание было нужно, непризнание губило омскую власть».

Раздел 13

РУКОВОДСТВО ВОЙСКАМИ И БОЕВЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

№ 102

Из приказа Верховного правителя и Верховного
главнокомандующего А.В. Колчака от 23 ноября 1918 г.

«Офицеры и солдаты русской армии!

В настоящее время решается судьба нашей Родины. Великая война окончилась великой победой, но мы не участники на мировом ее торжестве¹³⁴. Второй год мы, отказавшиеся от борьбы с историческим нашим врагом, немцами, ведем внутреннюю борьбу с немецким порождением — большевизмом, обратившим великое государство наше в разоренную, залитую кровью и покрытую развалинами страну. Государство создает, развивает свою мощь и погибает вместе с армией. Без армии нет независимости, нет свободы, нет самого государства. Старое государство Российское умерло вместе со старой армией, когда она бросила фронт и обратила свое оружие на внутреннюю борьбу, но теперь начала возрождаться новая молодая армия, и с нею явилась надежда на возрождение и Родины нашей. В тяжелых условиях полного расстройствa всех отраслей государственной жизни — финансовой, промышленности, торговли, железнодорожного хозяйства, работа создания живой силы государственной армии, но одновременно с этой работой идет и непрерывная борьба на наших Западном и Южном фронтах. Кровавая армия германобольшевиков с основой и примесью немцев — мадьяр, латышей, эстов, финнов и даже китайцев, управляемая немецкими офицерами, предавшими свою Родину, — предателями и изменниками, еще занимает большую часть России. Настало время, когда неумолимый ход событий требует от нас победы. От этой победы или поражения зависит наша жизнь или смерть, наше благополучие или несчастье, наша свобода или позорное рабство. Уже близок час Великого Суда —

международного конгресса мира, и если к этому часу мы не будем победителями, то лишимся права голоса на совещаниях народов-победителей и нашу свободу будут решать без нас. От вас, офицеры и солдаты, зависит теперь судьба нашей Родины.

Я знаю тяжесть жизни и работы вашей; армия плохо одета, плохо обута, с трудом прокармливается, ограничена в оружии и средствах борьбы. Родина повелительно требует от всех вас великих жертв, великих страданий. Кто откажется от них теперь, тот не сын Родины. В час колебания государственной власти и угрозы новой анархии я не сложу страшную тяжесть Верховной власти и всю ответственность, с нею связанную, перед нашей Родиной и к вам [обращаюсь] с призывом [в] том помочь мне в достижении одной цели, одной задачи, для которой каждый из нас должен отдать все свои силы, знания, а когда надо, то и жизнь; создать дисциплинированную боеспособную армию Русскую, способную дать Родине победу, которая только одна может возродить и воскресить погибшее государство. Как ни тяжело наше положение, но мы не одни — с нами братские чехословацкие войска и союзные, героическая армия генерала Деникина, принявшего командование от покойного Верховного главнокомандующего генерала Алексева, партизанские и добровольческие отряды Бичераховых*, Покровского и других, действующих на Северном Кавказе, и пришедшие на помощь нашей Родине отряды Великобритании и Франции, закаленные в великой борьбе народов, с юга и севера помогают нам охватить германо-большевизм в железное кольцо, внутри которого он захлебнется в крови и грязи. Я призываю вас сплотиться около меня, как первого офицера и солдата, сковать свои ряды воинской дисциплиной, отказаться от всякой политики, партийности, отбросить мелкие личные счеты, интриги и вражду, уже приведшие нас однажды к гибели, и выполнить честно свой долг перед Родиной, с оружием в руках смыть тяжкий позор, на нее наброшенный, очистить ее от предателей и врагов и создать в ней условия мирной, спокойной жизни, когда Временная Верховная власть Верховного правителя и Верховного главнокомандующего могла бы передать судьбу государства в руки народа, предоставить ему устроить государственное управление по своей воле свободного народа, достойного занять подобающее место среди великих государств.

Да поможет Бог Всемогущий, которого многие из нас в годы великих испытаний забыли, выполнить свои обязательства и долг пе-

* В тексте документа допущена описка — Вичераховых.

ред Родиной и принести труд наш ее возрождению, счастью, свободе.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России

Колчак.

Приказ прочесть во всех ротах и командах».

ГАРФ, ф. 1561, оп. 1, д. 121, л. 65. и об.

№ 103

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака от 22 ноября 1918 г. о приведении структуры и штатов в соответствие с «Положением о Полевом управлении войск»

«Чрезвычайный рост штабов различных наименований вызывает необходимость принятия срочных мер по приведению этих органов командования в определенные нормы. Количество служащих в штабах вызывает справедливые нарекания со стороны строевых офицеров и фронта, и расходы, связанные с содержанием штабов, совершенно непосильны в настоящее время для государства.

Деятельность штабов не должна выходить из «Положения о Полевом управлении войск», и штабы должны быть органами чисто военного командования, а не сложными и громоздкими административно-политическими аппаратами.

Приказываю поэтому привести все войсковые штабы к норме, определенной положением о полевом управлении войск¹³⁵.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России

адмирал Колчак».

Правительственный вестник. 1918. 24 нояб.

№ 104

Указ Верховного правителя России А.В. Колчака от 30 ноября 1918 г. о восстановлении празднования Дня Святого Георгия

«П Р И К А З Ы В А Ю восстановить день празднования Св. Великомученика и Победоносца Г е о р г и я 26 ноября (ст. ст.).

Считать этот день праздником всей Русской армии, доблестные представители которой высокими подвигами, храбростью и мужеством запечатали свою любовь и преданность нашей Великой Родине на полях брани.

День сей торжественно праздновать ежегодно во всех воинских частях и командах¹³⁶.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий
адмирал *Колчак*».

Правительственный вестник. 1918. 4 дек.

№ 105

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака от 6 января 1919 г. в связи с рождественскими праздниками

«Офицеры, солдаты и казаки русской армии, уже пятый год встречаем мы великий день Рождества Христова под гром орудий в напряженной тяжелой борьбе за счастье и мощь Великой России. Много великих имен, много закаленных бойцов пало в борьбе за спасение родины, покрыв себя неувядаемой славой; на смену им пришли другие, одушевленные теми же мыслями, стремлениями, той же любовью к родной земле. Армия изменников еще не побеждена, но растут и крепнут наши силы, молодая армия возрождается, расправляет мощные крылья; немало испытаний, немало трудов ее еще ожидает, но она выйдет победительницей, иного быть не должно, с твердой верой в промысел Божий и призвание народа русского.

Сегодня, в торжественный день Рождества Христова, я приветствую вас, доблестные русские офицеры, солдаты и казаки. Я верю, что исполнят свой долг все, в ком бьется сердце любви к родине. Я верю, что [в] наступающем Новом году мы снова сможем назвать себя сынами единой великой России.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах.

Подлинный подписал: адмирал *Колчак*».

РГВА, ф. 39502, оп. 1, д. 3, л. 19.

№ 106

Приказ главного начальника Курганского военного округа от 4 марта 1919 г. о приведении «всех чинов» армии к присяге с приложением постановления Совета министров об установлении нового текста присяги и торжественных дополнительных обязательств, утвержденных Верховным правителем А.В. Колчаком¹³⁷

«§ 1

Объявляю при сем приказ по военному ведомству № 32, гор. Омск, февраля 11 дня, 1919 года.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий повелел:

1. Привести к присяге на верность государству Российскому всех чинов армии, состоящих в ее рядах как по призыву, так и поступивших в армию добровольно.

2. Присягу обставить торжественно. Начальствующим лицам объяснить все значение и смысл присяги.

Текст присяги и торжественного обещания при сем объявляю.

Приложение: Утвержденное Верховным правителем постановление Совета министров 28 января 1919 года.

Военный министр генерал-майор *Степанов*.

На подлинном написано:

Утверждаю Верховный правитель адмирал *Колчак*.

Постановление Совета министров января 28 дня, 1919 года. Об установлении текстов присяги и торжественного обещания для лиц, поступающих в ряды армии по призыву, а равно и текста особого обязательства для лиц, поступающих в армию добровольно.

Совет министров в изменение узаконений п о с т а н о в и л:

1. Изложить текст присяги на верность службы, приносимой при поступлении на военную службу молодыми солдатами, принадлежащими к христианским вероисповеданиям:

«Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым его Евангелием и Животворящим Крестом в том, что, вступая в ряды Русской армии (во флот), я буду верно и нелицемерно служить государству Российскому до последней капли крови; клянусь радеть о славе и пользе государственной: исполнять законы и приказания начальников, хранить вверенную мне, как воину, служебную тайну и поступать во всем, как честному, верному, послушному,

храброму воину надлежит, памятуя, что за неисполнение сего я понесу ответственность перед Богом и Законом.

В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. Аминь».

2. Утвердить следующий текст торжественного обещания для всех лиц, независимо от религиозных убеждений:

«Я, нежепоименованный, вступая на военную службу в ряды Русской армии, даю торжественное обещание в том, что ревностно, не щадя своей жизни, до последнего своего смертного часа, как истинный сын своей родины, буду радеть о славе и пользе государства Российского, нести безропотно все обязанности, на меня как на воина возлагаемые, исполнять не за страх, а за совесть все приказания и распоряжения начальников с полной готовностью, за нарушение чего отвечать по закону.

Да поможет мне Господь Бог Всемогущий честно выполнить мои обязанности. Настоящее мое торжественное обещание скрепляю своей подписью».

3. Установить текст торжественного дополнительного обязательства для лиц, поступающих в армию добровольно, таким образом:

«Поступая добровольно на военную службу в ряды Русской армии по _____, 1919 год на условиях при сем приложенных, я, гражданин Российского государства _____ независимо от общей присяги (торжественного обещания) даю торжественное обязательство в том, что во время нахождения моего на военной службе буду помнить о долге моем перед Родиной и обязуюсь:

1) Строго соблюдать существующие военные законы и уставы, а также и те, кои будут введены в действие во время нахождения моего на военной службе.

2) Для поддержания дисциплины и авторитета начальников никогда не осуждать их действия, а наоборот, всегда и всеми силами способствовать поддержанию их авторитета.

3) Точно и беспрекословно исполнять приказания и распоряжения своих начальников.

4) Во время нахождения моего на военной службе не состоять ни в каких политических партиях и организациях и не участвовать ни в каких политических выступлениях.

5) Прилагать все силы и старание к исполнению возложенных на меня военной службой обязанностей, сохраняя вверенное мне по службе и принадлежащее государству имущество.

6) Заботиться о подчиненных мне моих младших сослуживцах, во всем являть им пример исполнения воинского долга и вселять в них

понятия о высоком звании воина храброго, честного, исполнительного и благородного.

7) Во время участия моего в боевых действиях и во всех случаях, когда мне будет грозить явная опасность, не щадить моей жизни и, если надо, принести ее в жертву для пользы и славы Российского государства.

Если же нарушу сие торжественное обязательство, я подлежу за это ответственности по всей строгости военных законов».

Председатель Совета министров *Петр Вологодский*
 Военный министр *Н. Степанов*
 Управляющий делами Верховного правителя
 и Совета министров *Г. Тельберг*

К приказу по В.В.* 1919 г. № 32

Порядок приведения к присяге на верность службы государству Российскому солдат частях войск.

По окончании новобранцами одиночного образования и усвоения ими положения о звании солдата, о значении присяги и воинской дисциплины, перед тем, чтобы поставить их в ряды и назначить на действительную службу, они будут служить, для сего, в назначенный командиром день, выводится в строй часть, если можно, в полном составе — причем новобранцы строятся отдельно. Командир части в нескольких словах разъясняет новобранцам значение долга службы и присяги, а затем приказывает прочесть статьи воинского устава о наказаниях, касающиеся нарушения обязанностей службы в военное время (ст. 243—248, кн. 22 Свод воен. постан.**), и статьи, за какие подвиги на поле брани награждают Георгиевскими крестами, а частям вручают особые отличия (кн. 8 С.В.П. 1869 г. и приказ по Военному ведомству 1913 г. № 642), после чего новобранцы приводятся к присяге духовным лицом того исповедания, к которому они принадлежат, а в случае неимения такового — командиром части.

Если нельзя привести одновременно к присяге всех новобранцев, то это может быть исполнено в несколько раз.

Присягающий должен: а) по время присяги держать правую руку поднятой вверх, б) повторять слова присяги, которые ему читает духовное лицо, и по окончании присяги целовать: христиане — Крест и Евангелие, магометане — слова Алкорана, евреи — Библию.

* Военное ведомство.

** Здесь и далее — ссылки на Свод военных постановлений.

В тех местах, где не окажется духовного лица соответствующего инославного исповедания, приведение к присяге должно быть возлагаемо на кого-либо из грамотных солдат соответствующей религии, а если присягающий сам грамотен, то ему самому предоставляется читать слова присяги (в переводе на соответствующий язык).

За неимением же грамотных инославных исповеданий и из-за неграмотности приводимого к присяге лица, наряженное для привода его к оной, должно читать ему слова, написанные русскими буквами...

...Во исполнение сего приказываю: немедленно по получении настоящего приказа при торжественной обстановке, насколько этому позволит обстановка, привести всех к присяге и в последующем телеграфировании в штаб округа.

Основание: телеграмма деж [урного] ген [ерала] Зап [адной] ар-м [ии] № 3185/инс.

Подписал: Главный начальник округа Генерального штаба

генерал-майор *Георгиевский*.

РГВА, ф. 39502, оп. 1, д. 3, л. 80—82.

№ 107

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака от 6 мая 1919 г. об укреплении дисциплины в армии и повышении ответственности солдат и офицеров перед населением

«В настоящее время идет война с большевиками. Мы боремся за то, чтобы в Русском государстве возвратился твердый законный государственный порядок, чтобы личность каждого и его имущество были неприкосновенны, чтобы каждый мог спокойно работать и пользоваться плодами своего труда.

Теперь пока только армия может дать все это населению.

Армия, действуя против врага оружием, в то же время своим примером строгого соблюдения законности и порядка должна вселить в население уверенность, что она создает порядок, а не нарушает его.

Войска должны вести себя так, чтобы население относилось к ним с уважением и благодарностью, видя в каждом офицере и солдате защитника, войска и население должны видеть друг в друге братьев.

Необходимо, чтобы войска бережно относились к нуждам крестьян и вообще населения, бережно относились к их имуществу, ничего не разрушая самовольно и не позволяя себе ничем пользоваться

даром, а тем более не посягать на личную неприкосновенность. Все должно совершаться на основании закона, а в потребных случаях — по решению суда или приказу высшего начальства, когда это необходимо по боевой обстановке; никакие самовольные действия отдельных лиц не допустимы.

Начальникам и всем офицерам надлежит быть первыми в исполнении своих обязанностей и примером законных, справедливых отношений к населению и твердо и настойчиво требовать того же от своих подчиненных.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах и командах.

Адмирал Колчаку.

ГАРФ, ф. 148, оп. 4, д. 80, л. 24 и об.; Русская армия. 1919. 18 окт.

№ 108

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака от 28 мая 1919 г. о предоставлении права командующим армиями и отдельными корпусами в производстве обер-офицеров в следующие чины и награждении их орденами за боевые отличия

«Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 28 мая 1919 г. № 137:

Командующим армиями и отдельными корпусами предоставляю право производить обер-офицеров, находящихся в строю, **за боевые отличия** в следующие чины до капитана включительно и награждать орденами **за боевые отличия** до ордена Св[ятой] Анны II степени с мечами включительно.

При производстве и наградах должен соблюдаться установленный законом порядок, группового награждения за общие отличия не допускаю.

На каждого представляемого боевой подвиг должен быть выражен и выбор лиц достойных награждения должен производиться под личную ответственность начальников, от коих представления будут исходить.

Копии приказов о награждении вместе с наградными листами представлять мне на утверждение.

Адмирал Колчаку.

ГАРФ, ф. 40 028, оп. 1, д. 6, л. 9.

№ 109

Указ Верховного правителя А.В. Колчака от 10 июня 1919 г. о назначении генерал-лейтенанта Е.К. Миллера и генерала от инфантерии Н.Н. Юденича на командные посты

«Назначаются: первое — генерал-губернатор Северной области Генштаба генерал-лейтенант Миллер — Главнокомандующим всеми сухопутными, морскими вооруженными силами России, действующими против большевиков на Северном фронте. Второе — Генштаба генерал от инфантерии Юденич — Главнокомандующим всеми русскими сухопутными, морскими вооруженными силами против большевиков на Северо-западном фронте. Права и обязанности генерал-лейтенанта Миллера и генерала от инфантерии Юденича определяются статьями 90 и 100 положения [о] полевом управлении войск в военное время¹³⁸.

Верховный правитель *Колчак*».

РГВА, ф. 39502, оп. 1, д. 15, л. 23—24.

№ 110

**Генерал-лейтенант А.П. Будберг о конфликте
А.В. Колчака и Р. Гайды**

«4 июня. Утром вернулся из Перми адмирал; одновременно приехали Гайда и Дутов, а с востока прикатил смененный с должности командующего войсками Приамурского округа казачий держиморда Иванов-Ринов. Надо весьма опасаться, что эта политиканствующая троица устроит здесь какой-нибудь кавардак.

Акинтиевский, ездивший с адмиралом на ликвидацию гайдовской истории, рассказал мне подробности всего инцидента. 26 мая председатель Совета министров получил телеграмму Гайды с просьбой, чтобы Совет министров поддержал те требования, с которыми Гайда обратился к Верховному правителю.

Но требований этих к адмиралу не поступило, — видимо, в последнюю минуту не хватило духа послать.

Когда Вологодский доложил Верховному правителю о полученной телеграмме, то адмирал вызвал Гайду по беспроволочному телеграфу и, после нескольких вопросов, спросил Гайду: намерен ли он исполнить его, Верховного главнокомандующего, приказание?

Гайда на это ответил: да, но поскольку они не будут мешать его, как командующего Сибирской армией, оперативным распоряжениям. Отсюда и завязалась вся история, обостренная требованием убить Лебедева¹³⁹.

После совещания с Ноксом и Жаненом адмирал решил сам ехать к Гайде, так как иных средств для разрешения инцидента не было: трагическое бессилие верховной по названию власти и верховного по званию командования, вынужденных советоваться с иностранцами и не имеющих реальных средств заставить выполнить свою волю...

Было решено идти напролом; взяли с собой весь конвой Верховного правителя, приказали изготовиться находящемуся в Екатеринбурге батальону охраны Ставки и двинулись на запад усмирять непокорного сибирского командарма из перебежавших к нам фельдшеро-австрийской армии¹⁴⁰. Осуществились предсказания тех, которые предупреждали адмирала, когда он пригласил Гайду на русскую службу.

При отправлении было решено, что если Гайда будет продолжать оказывать неповиновение, то его арестовать и отправить немедленно в Омск. Подъезжая к Перми, не знали даже, встретит ли Гайда Верховного главнокомандующего или нет; уже в самой возможности такого сомнения кроются грозные для будущего перспективы. Но Гайда оказался вполне по внешности корректным и встретил адмирала с обычной помпой и по уставу. После встречи и ухода с платформы почетного караула вокзал был занят частями адмиральского конвоя, изготовившимися против всяких случайностей, а адмирал пригласил Гайду в свой вагон и объявил ему, что так как он позволил себе отказаться от исполнения приказаний Верховного главнокомандующего и пытался поднимать Совет министров против Верховного командования, то адмирал не считает возможным более оставлять его в должности командующего Сибирской армией и предлагает сдать командование начальнику штаба армии, а затем ждать решения дальнейшей своей судьбы в Омске.

Гайда горячо оправдывался, доказывая, что он был обязан довести до сведения Совета министров о том, что распоряжения Ставки губят армию.

Тогда адмирал спросил Гайду, почему же он раньше ему этого не донес, не доложил, не сделал никогда ни одного намека о такой оценке распоряжений Ставки, а между тем это была его прямая, как командира, обязанность. Эти слова адмирала очень знаменательны, ибо дают всему выступлению Гайды настоящую оценку, подтверждая, что интересы армии были только внешним предлогом, а внутренней причиной были обиженное честолюбие и шалая несдержан-

ность. Все это очень характерно для нашей армии, и в этом отношении вспоминаются истории порт-артурского коменданта Смирнова со Стесселем, Гриппенберга с Куропаткиным, Субботича с адмиралом Алексеевым, начальника Заамурского округа Мартынова с генералом Хорватом и масса разных мелких случаев, где вместо откровенного и правдивого доклада шли разные подвохи, молчаливое собирание невыгодных для противной стороны фактов, злорадство над чужими ошибками, а потом сразу все выливалось в резкие столкновения, пронунциаменто, ультиматумы и пр. и пр.

Сейчас отношения старших начальников очень портятся благодаря гнусной и чисто провокационной деятельности многих видных представителей контрразведки, которая ядовитой грибной плесенью обволокла верхи управления и многих высоких начальников, незаметно для них втянув их в свою атмосферу сыска, влезания в чужие души и мысли и размазав эту нравственную грязь по всей духовной стороне военного управления. Это я видел в Харбине, Владивостоке и вижу теперь и в Омске; сейчас у каждого большого политиканствующего начальника имеется отдел (неофициальный, конечно) контрразведки, занятый исключительно шпионством и наблюдением за другими, больше всего, конечно, инакомыслящими и противными их господину лицами.

Один только адмирал безукоризненно чист по этой части и брезгливо выслушивает, когда ему преподносят стряпню этих гнойных нарывов нашей разведывательной организации. Работают тут матерые специалисты по части фабрикации разных донесений и очень умело потрафляют на вкус своих господ, еще более умело ссоря их с неудобными для них лицами, собирая материал для погубления противников, конкурентов по власти и влиянию и т. п.

Такой орган существовал до меня и в военном министерстве, но я его уничтожил и в первый же час моего вступления в должность, совершенно так же, как упразднил должности адъютантов и оберофицеров для поручений при военном министре.

При дальнейшем разговоре адмирал на заносчивое заявление Гайды о том, что в случае его ухода с поста командующего армией войска сейчас же побегут, ответил, что за последствия отвечает он сам, как Верховный главнокомандующий.

После довольно длительных пререканий и обмена колкостями адмирал поставил Гайде ультиматум выехать из Перми в течение двух часов, причем в случае согласия ему будет разрешено уехать самому и еще в звании командующего армией; в противном же случае — будут приняты иные меры. Гайда долго молчал, но затем с усилием проговорил, что он солдат и полученное приказание исполнит и про-

сит только разрешения съездить домой и собраться в дорогу, обещая честным словом выехать в течение назначенного срока. На это адмирал ответил, что, хотя Гайда уже два раза давал ему честное слово и оба раза его нарушил, он все же еще раз попробует испытать прочность гайдовских обещаний и поэтому дает просимое разрешение.

Гайда сначала промолчал, но затем повышенным тоном заявил, что он согласился на предъявленное ему требование и обязался честным словом его исполнить только потому, что этого требовал сам адмирал, а не из страха или по принуждению; в противном случае дело кончилось бы совсем иначе.

Через два часа Гайда экстренным поездом выехал в Омск, сдав командование армией генералу Богословскому; перед отъездом он был у адмирала, который успел за это время совсем отойти и даже бесполокоился, не был ли он «слишком жесток» к Гайде. Тут же появился всюду сующий свой нос атаман Дутов, стал просить за Гайду, и адмирал совсем смягчился. Вот сущность того, что рассказал мне Акинтьевский.

Гайда явился в Омск с отборным конвоем в 356 человек, и сейчас он самая реальная сила во всем Омске.

В результате как будто бы адмирал и победил, но нехорошая это победа; ядовита и та обстановка, в которой возможны такие коллизии; непрочна и гнила та система управления, при которой возможны такие отношения; преступен Гайда, не нашедший в своей мелкой честолюбивой душе смелости вовремя заявить свой взгляд на действия Ставки, последовавший, собственно говоря, примеру Семенова и нанесший новый тяжелый удар авторитету власти и Верховного командования. Гайда обязан был давно возвысить голос против шалого и безграмотного лебедевского управления, но должен был сделать это открыто, обоснованным личным докладом в установленном для этого порядке; мне думается, что при омском пленении адмирала один только Гайда и мог поднять голос против действий Ставки и заставить омское болото с этим считаться; но способ осуществления все изгадил; прежде всего, заявление было сделано слишком поздно, затем, оно сделано в недопустимо дерзкой форме, с ясным оттенком угрозы и удара по Верховному командованию. Между тем при частых поездках адмирала на фронт у Гайды были многочисленные случаи возможности переговорить с адмиралом в нейтральной обстановке, выяснить ему детально все, что делается его именем, и убедить его в необходимости изменить состав Ставки и ее режим; данных для доказательства предъявляемых обвинений было более чем достаточно, и если бы при этом Гайда сумел избежать излишне острой и

субъективной окраски, то несомненно, что можно было бы убедить Колчака, и последний, при присущей ему прямоте, честности и пламенном желании лучшего и полезного, сам пошел бы на решение, которое подсказывалось интересами России и армий.

Вместо этого Гайда дал все козыри в руки своих противников, которым ничего не стоило вздыбить адмирала против бунтовщической по форме выходки командующего Сибирской армией.

Не прав во многом и адмирал, или, вернее сказать, порывистость его натуры и его податливость советам людей, которым он почему-либо верит; адмиралу следовало бы спокойнее взглянуть на этот инцидент, осознать значение этого выступления и поглубже заглянуть в причины, его вызвавшие.

На все это надо было взглянуть широко, объективно, вне личных отношений к Гайде и Лебедеву и вне квалификации выпада зазнавшегося нахала; надо было решить исходя из всесторонних и широких выводов и заключений, а не базируясь только на подуськиваниях испуганной и заинтересованной Ставки и тех омских кругов, которым надо было выгородить своего ставочного патрона. По-моему, у адмирала было два решения: или никуда не ездить и отрешить Гайду как бунтовщика от должности и предать его суду; или же поехать на фронт, поговорить с обоими командирами и достойными доверия начальниками, все выяснить, все узнать и тогда уже решаться. Вместо этого весь инцидент проведен в атмосфере сгущенного личного раздражения, взаимных подозрений и затушеванной беспристрастности; не государственно все это, мелко очень и пахнет лавочкой. Еще раз — и который уже раз — в сумбурной истории наших дней решающее значение получили субъективные импульсы отдельных личностей, неспособных возвыситься до государственного спокойствия и героического отрешения от эгоистических, самолюбивых и честолюбивых побуждений.

Старая восточная пословица о том, что «семейное счастье состоит в умении супругов вовремя по пустякам уступить», конечно широко понимаемая, опять не нашла применения. Всю ссору свели на скорлупу, а об ядре позабыли. В результате пострадали и Гайда, и адмирал, и авторитет власти, а выиграла только красные.

По возвращении адмирала в Омск он вызвал к себе Лебедева и Бурлина и передал Лебедеву просьбу Гайды приехать к тому объяснить. Лебедев отказался, чем сделал огромную ошибку, доказывающую только мелочность его натуры и величину его самомнения, неспособного пожертвовать пустяками ради пользы большого дела; случайному выкидышу омского политического водоворота — если только он не боялся физического насилия со стороны Гайды — сле-

довало забыть на время личную обиду и выручить своего заступника адмирала из того тяжелого положения, в котором тот находился.

Ведь адмирал не так силен, чтобы не считаться с положением Гайдой, за которым стоит ореол освободителя Сибири от власти большевиков и на стороне которого сильные симпатии Сибирской армии, за интересы которой он заступился.

Пока что остановились на дряблом решении назначить комиссию из генералов Дитерихса, Матковского и Иностранцева для рассмотрения основательности обвинений, предъявленных Гайдой к Ставке и к Лебедеву. Не люблю я комиссий вообще, а в таком деле и в таком составе — сугубо; родится из нее какое-нибудь половинчатое постановление компромиссного характера на тему «нельзя не сознаться, но нельзя и не признаться...».

Сегодня стало известно, что адмирал получил из Парижа запрос пяти держав с просьбой сообщить политическую программу омского правительства, — при удачном разрешении ожидается признание правительства и власти адмирала¹⁴¹.

Адмирал дал ответ, который считается вполне удовлетворяющим союзников, но отказался дать согласие на привлечение к власти членов комитета Учредительного собрания, так как главари их перекинулись на сторону большевиков и с ними невозможно никакое соглашение.

Странно, однако, что такие серьезные вопросы решаются помимо Совета министров, каким-то келейным способом; по конституции Совету министров принадлежит огромная власть, но все это сведено на нет созданием Совета Верховного правителя, где все вершится так, как того хотят Михайлов и его подголосок, дипломатический вундеркинд Сукин, выскочивший неизвестно в силу каких достоинств на пост управляющего министерством иностранных дел и пытающийся разыгрывать из себя великого дипломата. Какой-то злой рок преследует адмирала в составе его главнейших помощников.

5 июня. Лебедев дипломатически болен и будет считаться таковым до окончания работ комиссии генерала Дитерихса; если последний действительно [болен], как о нем говорят, то он должен сказать адмиралу правду и настоять на немедленном удалении Лебедева и на коренной реорганизации Ставки. Пока же — все стоит, вмесю работы идет шушуканье, создание и распространение всевозможных сплетен. Вся местная грязь заколыхалась и издает сильное зловоние. Дугов, Иванов-Ринов и иже с ними носятся по городу и что-то махлюют. Бесконечно тяжело все это, противно и навеивает самые грустные мысли; как я ни погружен в свою работу, но не могу совершенно отгородиться от шумов и запахов окружающей сутолоки и от миазмов омского болота.

Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие...

20 июня. Под влиянием омских кругов, настроенных в последние дни очень решительно, адмирал решил покончить с Гайдой и уволил его от командования, разрешив отправиться в заграничный отпуск. По словам Бурлина, адмирала подвинула на это решение полученная им от Деникина телеграмма о признании последним власти адмирала как Верховного правителя и главнокомандующего. Получив эту телеграмму, адмирал, до тех пор еще колебавшийся, послал за Гайдой, показал ему телеграмму и в присутствии Вологодского и Сукина спросил, будет ли Гауда исполнять приказания назначенного главнокомандующим фронтом генерала Дитерихса. На это Гауда ответил, что будет исполнять только приказы адмирала, но не чьи-либо иные; тогда адмирал объявил ему, что увольняет его от командования Сибирской армией и разрешает уехать за границу.

В Ставке говорят, что перед свиданием с Верховным правителем Гауда был у сэра Эллиота и других иностранных представителей и жаловался им на то, что вчера Лебедев и Андогский продали Россию японцам и уже вызвали в Омск японские войска.

Как-никак, а Гауде везет: он уходит в самое скверное для фронта время, но сохраняет право валить потом неудачи прошлого и будущего на то, что его удалили от командования.

Разрешением Гауде съездить еще раз в Екатеринбург адмирал сделал большой промах, так как, несомненно, эта поездка будет использована во вред власти и Верховному командованию. Раздачей продуктов, материалов и пособий Гауда снискал себе немалую популярность в населении Екатеринбурга, среди которого довольно сильно эсерство и где общественный блок, пытавшийся когда-то создать собственное уральское правительство, остро враждебен Омску и сидящей в нем власти; известно, что там происходили тайные совещания, осудившие весь омский курс и постановившие, что надо срочно вызвать из-за границы князя Львова, Керенского и Некрасова и поручить им образовать новое правительство.

Неудачно также разрешение ехать через Иркутск, где стоят чехи, которые не особенно благорасположены к самому Гауде, но, несомненно, будут его поддерживать, потому что он чех и потому что им было лестно, что их собрат главнокомандует русскими войсками. Есть возможность отправить Гауду через Монголию, что ликвидировало бы

сразу весь этот инцидент и гарантировало бы от возможности дальнейших хлопот и обострений¹⁴².

На фронте идут затяжные бои в районе Уфы с отрицательными для нас результатами; сказывается беспечность Ставки и штабов армий по обеспечению стыка между армиями, который безуспешно пытаются заткнуть спешно выброшенными туда конными частями. Потеря Уфимского района для нас особенно чувствительна, так как здесь заготовлены огромные запасы зерна и крупы; кроме того, масса запасов брошена войсками при отступлении, так как дивизии и полки вытащили вперед многомесячные запасы разнообразного довольствия и при поспешном отходе не смогли их вывезти. Посланные мною на фронт штаб-офицеры удостоверили, что моя просьба, обращенная месяц тому назад к начальникам снабжений армий, расходовать в первую голову перволинейные запасы и беречь тыловые магазины, исполнена не была. Один из полков Сибирской армии бросил при отходе бывшие при нем запасы продовольствия на сто тридцать дней...»

Б у д е р г А Дневник белогвардейца. С. 89—95, 117—118

№ 111

Бывший министр внутренних дел и председатель Совета министров В.Н. Пепеляев о конфликте Верховного правителя и его Ставки с командующим Сибирской армией генерал-лейтенантом Р. Гайдой (из дневника)

«1919 г. ...Май.

...17. На фронте положение трудное. Западная отступает. Судьба страны в руках Анатолия¹⁴³ и его солдат...

26. Телеграмма генерала Гайды. Председатель Совета министров о настоянии удалить генерала Лебедева, которого он отказывается признавать. Ставит в вину «безумные директивы». Угрожает отводом своих войск...

Затем состоялся Совет Верховного правителя, на котором Лебедев обрисовал обстановку. Верховный правитель заявил, что будет говорить о Гайде решительно.

27. Верховный правитель почти весь день говорил с Гайдой, даже отменил доклады. Вечером в Совете министров стало известно, что конфликт почти исчерпан. Гайда заявил, что он подчиняется. Верховный правитель сказал, что он назначит комиссию для расследования действий Лебедева.

28. Совет Верховного правителя: вращались около вопроса с Гайдой. Верховный правитель рассказал о своем с ним разговоре.

29. На докладе Верховный правитель предложил мне ехать с ним сегодня на фронт.

30. Поезд Верховного правителя. После завтрака адмирал позвал меня к себе. Час говорили о Гайде. Адмирал находит, что его надо уволить.

31. Стоянка на станции Билимбай. Ходил с Мартьяновым и Самойловым в поселок (завод) Билимбай. Были в Земской волуправе. Смета 53 000, из которых 40 тысяч на содержание состава управления милиции, 25 человек на участках, начальник участка — бывший народный учитель.

...Июнь

1. Около 11 часов утра — Пермь. Почетный караул. Штаб и сам Гайда. Верховный правитель пригласил в вагон Гайду, меня, начальника штаба Сибармии — Богословского и начальника [одного] пехотного штаба полковника Аниктявского¹⁴⁴. Тяжелая сцена.

Верховный правитель сразу начал с существа. «В тяжелом положении виноваты вы, Ваше превосходительство». Гайда старался изложить обстановку, но правитель прервал. Я изложил взгляд министров: «Телеграмма вызвала удивление; Совет министров не решает таких дел отдельно от Верховного правителя». Верховный правитель потребовал, что [бы] Гайда выехал в Омск, где он решит вопрос окончательно: «Можете ли вы оставаться комармии. Исполните ли вы мое [приказание]?»

После нескольких возвращений к тому, что уже было сказано, Гайда сказал, что он исполнит.

«Могу ли я вам верить?»

«Ваш вопрос, [Ваше] высокопревосходительство, для меня обидно».

Верховный правитель повторил вопрос: «Могу ли я быть уверен, что вы ничего не предпримете против меня?» Гайда молчит. Тогда я прервал тяжелую паузу: «Верховный правитель не сомневается в ваших рыцарских качествах, генерал, но его вопрос вытекает из обстановки». Тогда Гайда ответил: «Если бы это были не вы, Ваше высокопревосходительство, да, тогда бы предпринял, а против вас нет». Около часа Гайда у меня. Говорили долго. Гайда сказал, что с Верховным правителем беседовал более спокойно. Гайда сначала вел беседу в тоне: «Я уж не вернусь на русскую службу». Затем стал излагать план войны и меры к улучшению командования. Да, Гайда с искрой Божией.

В половине 2-го я выехал на станцию Верецагино. Анатолий встретил меня со штабом. Затем мы были с ним почти все время вдвоем. Он

не знал о телеграмме Гайды. Но в критической части согласен с ней. Гайда, по его мнению, необходим. «Он умеет заставлять работать. Гайда не опасен. Он и не захочет на кого-нибудь посягнуть, да и не может. Он все-таки чех». Какие гарантии, что Гайда не прогивопоставит себя Верховному правителю?» — «Да, я — гарант. Об этом ты можешь даже сказать Верховному правителю». Положение фронта Анатолия весьма удовлетворительно. Но ввиду отхода Вержбицкого может стать опасным. А [натолий] все-таки наступает и возьмет скоро Глазов. При продвижении он будет мобилизовать.

Вернулся в 2 часа ночи, и мне доложили, что Верховный правитель примет меня в 9 часов утра.

2. Принимал с утра администрацию: гор. гол., предс. 3 уп. и др. Доклад у Верховного правителя. Разговор с Богословским — он ничего не знал о телеграмме Гайды и о его разговоре по аппарату, узнал лишь потом из лент. Получено сообщение от Сукина, что гр [аф] Мартель¹⁴⁵ и он выезжают в Тюмень [с] нотой Клемансо. Екатеринбург. К нам прицепился генерал Дитерихс.

3. Тюмень. Граф Мартель передал ноту Клемансо. Втроем, правитель, Сукин и я составляли ответ. Проект ответа Сукин привез с собою. Я настоял на некоторых существенных изменениях в п. 3 и 4 (Финляндия и прочие национальные вопросы). Нота, проект ответа Сукина и окончательный ответ у меня есть. Ответ был готов в 4¹/₂ дня и вечером передан из Ишима по прямому проводу во Владивосток¹⁴⁶. Я был у графа де Мартеля с визитом. Переводил. Граф выпытывал у меня насчет земства, что делают все иностранцы.

6. Выслал несколько лиц из Омска. Гайда возвращается командовать Сибармией — это мудрое решение».¹⁴⁷

ГАРФ, ф. 195, оп 1, д. 1а, л 9—10

№ 112

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака от 15 июня 1919 г. о результатах майского, досрочного призыва новобранцев в Омском округе

«В мае месяце на территории Сибири производился досрочный призыв новобранцев сроков службы 1920—1922 гг. Счастлив отметить блестящие результаты его на территории Омского военного ок-

руга. Во всех уездах округа за период мобилизации не было ни одного случая нарушения порядка или какого-либо недоразумения. Поступление призываемых на сборные пункты шло в образцовом порядке. Наряды Главного штаба выполнены с большим перебором против предположенного числа. В некоторых уездах перебор достиг 100 процентов, а на всей территории округа до 40 процентов с лишним. Мобилизация, начатая 8 мая, закончилась в общем, за исключением некоторых уездов, где она была отложена в силу климатических условий, уже к 26 мая¹⁴⁸.

Столь примерные результаты производства мобилизации указывают, что вся, как подготовительная, так и исполнительная, работа проведена с должным вниманием, усердием и согласованностью и что вновь поставленные после разрушения их большевиками военные и гражданские учреждения, ведающие воинской повинностью населения, доказали свою подготовленность и ответственность личного состава порученному ему делу. В своевременности же прибытия на призыв и соблюдении полного порядка среди новобранцев вижу серьезное отношение и правильное понимание задач и нужд государства среди самого населения.

Вам, отцы и матери, пославшие и снарядившие своих сыновей по первому призыву правительства, принадлежит в этом хвала и честь. Молодые солдаты дают уверенность, что как начали — правдой, так и проведут и закончат ею свою службу на защиту Родины от ее врагов.

Адмирал Колчак».

Отечественные ведомости. 1919. 20 июня.

№ 113

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака от 25 июня 1919 г. в связи с признанием его верховенства А.И. Деникиным

«Офицеры и солдаты русской армии. Приказ главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанта Деникина от 30 мая с. г. за № 45 ознаменовал окончательное создание Русской армии, как [и] сама Родина, — **единой и нераздельной**¹⁴⁹.

Эта, отныне единая Русская армия создавалась частями независимо друг от друга, среди трудностей, лишений и страданий, создавалась ге-

роическими подвигами офицеров и солдат-казаков и непреклонной волей вождей-начальников.

Таким трудным путем явились вооруженные силы Сибири и на северо-западе России. Эти силы, совместно с казачьими войсками, вступили в беспощадную борьбу с предателями Родины, образовавшимися по немецким инструкциям и с помощью немецких шпионов и агитаторов позорным правительством Центральной России, известным под именем советской власти.

Это правительство, обманувши массу населения Центральной России обещанием мира, хлеба и счастливой жизни, разрушило всенародное хозяйство, разорвало всенародное достояние, заменив его фальшивыми, ничего не стоящими бумажными деньгами. Оно обрекло на голодную смерть большую часть населения в Советской России и залило Родину нашу кровью лучших сынов.

Но близится день суда и расправы. Армия Русская совершит этот суд над предателями Родины, предавшими ее вечному врагу — немцам, для осуществления сумасшедших попыток основать международное социалистическое государство, лишенное национальности, права и личности.

В эти дни создания армии Великой и Неразделимой России я от имени нашей светлой России приношу глубокую благодарность главнокомандующим и командующим армиями, офицерам и солдатам, преклоняюсь перед казаками и перед великими трудами, страданиями и кровью, пролитыми за ее благо и счастье, преклоняюсь с непоколебимой верой в светлое будущее России, народа русского и Русской армии.

Продолжайте свой великий подвиг служения Родине, памятуя, что только полное уничтожение позорного большевизма, его правительства и вооруженных сил позволит нашей измученной Родине и русскому народу устроить свою судьбу по своей воле, дать мир и возможность занять ему должное место среди великих народов.

Господу Богу благоугодно будет благословить воинскую работу и труды ваши конечным успехом и увенчать их созданием Единой и Нераздельной Великой Родины нашей.

Адмирал Колчак».

№ 114

**Приказ Верховного правителя и Верховного
главнокомандующего А.В. Колчака от 15 июля 1919 г.
об упорядочении вещевого и продовольственного
снабжения Западной и Сибирской армий**

«Донесения и доклады о событиях, имевших место на фронте Западной и Сибирской армий за последнее время, развертывают яркую безотрадную картину полного отсутствия какой-либо системы в ответственном деле снабжения войск всем тем, что необходимо для их жизни и службы.

Вместо правильной организации снабжения и вместо разумного, бережливого использования наших весьма ограниченных средств, средства эти и запасы довольствия разбирались и развозились по всему фронту без системы, без учета, без проверки правильности требований и их соответствия с действительными нуждами.

Постепенно создалась совершенно недопустимая система образования собственных войсковых складов и заполнения их огромными количествами всяких запасов, накапливаемых путем предъявления в довольствующие учреждения неправильных требований на штатную наличность людей и лошадей, превышающую иногда в несколько раз действительное их состояние.

На фронте, непосредственно за боевыми линиями, образовались подвижные и неподвижные склады отдельных частей, содержавшие месячные и двухмесячные запасы продовольствия и высасывающие все армейские и ближние магазины.

Накопленные таким образом запасы распределялись по фронту весьма неравномерно, оставляя некоторые участки без снабжения, расходовались без всякого контроля и учета, часто портились, а при отходе часть их пришлось бросить или уничтожить.

Предметы вещевого снабжения, добываемые нами с великим трудом и дорого оплачиваемые, расходовались также бессистемно и без учета, залеживались безвестно в тыловых складах и магазинах, распределялись несправедливо и неравномерно, раздавались по тылам, подолгу бродили по железным дорогам в запломбированных вагонах, и в результате в то время, когда посланное на фронт вещевое снабжение могло, хотя и не вполне, удовлетворить неотложные нужды боевых частей фронта, эти нужды удовлетворены не были.

Отсутствие организации снабжения в смысле правильного эшелонирования запасов и правильного и контролируемого расхода их отразилось на деле снабжения самым губительным образом.

Виновные в этом понесут законную кару, но сейчас необходимы самые исключительные меры для предотвращения возможности повторения впредь таких событий.

Главкомандующему фронтом и командующим армиями пове-
леваю:

1) В кратчайший срок осуществить мероприятия, указанные в приказе моем от 26 июня сего года за № 155.

2) Заместить все ответственные должности по снабжению лицами, соответствующими по своим званиям и служебному опыту, и дать им все средства и способы правильного и энергичного отправления возложенных на них обязанностей.

3) Принять самые решительные меры по исполнению подчиненными начальниками всех правил и указанного Положения о полевом управлении войск в военное время, устанавливающих порядки и способы снабжения войск, а также равно и тех распоряжений и приказов, кои будут отдаваться по делу снабжения уполномоченными на то начальниками и учреждениями.

4) Решительно прекратить систему тайного накапливания запасов и образования негласных собственных складов, приняв все меры к тому, чтобы насущные нужды частей удовлетворялись равномерно путем правильной организации надлежаще эшелонированных магазинов и регулярного подвоза. Способы и порядки правильного снабжения в войсках, начиная с армии и кончая ротой, подробно и точно указаны в положении о полевом управлении войск и в положениях об управлении полком и о хозяйстве в войсках. Надо их исполнять.

5) Установить порядки распределения запасов, обеспечивающие в первую очередь интересы боевых частей фронта.

Напоминаю еще раз, что наши средства очень ограничены, что в расходовании их необходима самая строгая система и разумная, а подчас и скупая бережливость, но что при правильной организации и при разумном бережливом расходовании неотложные нужды всех боевых частей будут удовлетворены.

Подписал:

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал
Колчак».

РГВА, ф. 39998, оп. 1, д. 18, л. 3 и об.

№ 115

**Генерал-лейтенант А. П. Будберг о душевном состоянии
и действиях А. В. Колчака после поражения его войск
в Челябинском сражении**

«14 июля. Челябинск совершенно неожиданно попал в угрожаемое положение; еще третьего дня генерал-квартирмейстер Ставки на мой вопрос о безопасности Челябинского узла ответил гарантией этой безопасности на полторы-две недели, а сегодня все резко изменилось.

У Кыштымского завода случилась какая-то неустойка, и остатки Западной армии сразу откатились к Челябинску, обнаружив последнее железнодорожное сообщение с Южной армией генерала Белова. Я еще две недели тому назад отправил этой армии несколько поездов со снабжением и теплой одеждой, но боюсь, что хозяйничающее на железной дороге Челябинск—Омск управление военных сообщений Западной армии могло их где-нибудь задержать.

Узнал по секрету, что Лебедев вырвал у адмирала согласие передвинуть поближе к фронту резервные дивизии Омского военного округа под предлогом того, что там они будут свободны от караулов и скорее окончат полевую подготовку; говорят, что дивизии отправлены под гарантией честного слова, что они не будут пущены в бой ранее середины или конца августа. Сейчас идет спешное снабжение этих совершенно не готовых для боя дивизий обозом, пулеметами, средствами связи.

Гайда с особым поездом отбыл в заграничный отпуск, получив от адмирала 70 000 франков золотом. Его хотели отправить обычным пассажиром экспресса, но он заартачился; создался целый конфликт, в который вмешался Дутов, и в конце концов Омск скис и разрешил Гайде ехать своим поездом и со своим конвоем. Злые языки говорят, что вся собака зарыта в том, что вагоны Гайды нафаршированы золотом, платиной и уральско-сибирскими сувенирами, которые невозможно и небезопасно везти прямо в экспрессе, да еще и с проездом мимо Семенова, у которого насчет мимоидущих ценностей особый нюх для учуяния и станция Даурия для освобождения владельцев от этих ценностей.

Знающие Гайду говорят, что он не простит адмиралу своей отставки и что адмирал делает большую ошибку, разрешив ему ехать через всю Сибирь вольным человеком.

Заходил ко мне С. И. Колокольников; он хорошо понимает всю грозность слагающейся обстановки и на фронте, и в Омске, и в тылу и передал, что решено послать к адмиралу бывшего государственно-

го контролера Феодосьева, связанного с адмиралом личной дружбой, с тем чтобы он раскрыл Верховному правителю глаза на все происходящее в Ставке, в правительстве, в стране и в армии; считают необходимым этим путем попытаться сломить засилье той камарильи, которая пленила адмирала, скрывает от него правду и ведет не то узкопартийную, не то широкоэгоистическую политику.

Колокольников думает, что после ноябрьского переворота у адмирала остались какие-то обязательства перед Вологодским, Михайловым, Лебедевым и Петровым, и в этом их сила.

Поразительно, до чего в Омске повторяется в миниатюре Царское Село: та же слепота вверху, та же непроницаемая стенка кругом, застилающая свет и правду, обдывающая свои делишки... Неужели же будут и те же результаты?

Вечером заседание Совета министров с участием адмирала; разбирался очень серьезный вопрос о разгрузке Омска от излишних учреждений. Обстановка на фронте приближает Омск к району боевых действий, делает его тыловым для фронта городом, и очистка его от всех небоевых учреждений является неотложным вопросом. При обсуждении вопроса только я и генерал Матковский стояли за немедленную эвакуацию Омска и за переезд правительства на восток...

Но мы остались одиноки; здесь почему-то прочно укоренилась мысль, что правительство должно сидеть в Омске, что бы ни случилось на фронте, и что переезд из Омска равносителен признанию своей гибели; очевидно, тут играют огромную роль специфически омские интересы, боящиеся упустить правительство из-под своего влияния и лишиться всех выгод, связанных с состоянием на положении временной столицы. Все это узкий эгоизм омского курятника, уже сделавший то, что всероссийская по названию власть сделалась управлением омского градоначальства.

Адмирал приехал угрюмый, но настроенный в пользу эвакуации; его сразу поймали на его любимом коньке — боязни быть заподозренным в уклонении от опасности и в каких-либо себялюбивых побуждениях. Затем полились уверения, что раз правительство тронется из Омска, оно уже не существует.

После длительных разговоров остановились на половинчатом решении назначить комиссию по эвакуации, назвав ее комиссией по разгрузке Омска (слово «эвакуация» признано опасным и паническим).

Спорить было бесцельно; я пролаял только свое принципиальное несогласие с комиссионным решением столь серьезных дел.

Вернулся домой злым как черт. Ну разве это правительство! Разве можно считать правительством эту кучку присосавшихся к Омску второразрядных обывателей, уверенную и уверяющую, что существование государственной власти может зависеть от географического или звукового названия; хотя бы вспомнили слова Лиры о короле, короле всегда и везде, короле от головы до ног (ввиду монархической опасности с транскрипцией на демократический тон).

Раз Урал потерян, место центральной власти не Омск, а Иркутск, на границе Восточной и Западной Сибири, подальше от фронтовых переживаний. Прежде это затруднялось соединением в лице адмирала постов Верховного правителя и Верховного главнокомандующего; теперь, с образованием фронта и с передачей фактического командования Дитерихсу, ничто не препятствует отвести Ставку (выжав ее сначала на 40%) на любое расстояние от фронта. <...>

18 июля. Наштаверх умчался на фронт, предоставив Бурлину тащить неуклюжую и скрипучую колымагу ставочной черной работы и распутывать все омские узлы и узелки.

Матковский очень озабочен вытяжкой на фронт его дивизий, которые только что начали курсы стрельбы и тактические учения; он боится, что какая-нибудь авантюра затянет их на фронт и они пропадут так же, как и дивизия Каппеля.

Приходил генерал Такаянаги поговорить о способах и размерах потребной нам материальной помощи, причем в разговоре употребил фразу: «Вы все просите и просите...» (в смысле «клянчите»). Я резко его оборвал и просил усвоить и помнить, что мы не выпрашиваем, а договариваемся и за все взятое платим или выдаем прочные обязательства.

Японец засюсюкал и извинился за неудачное выражение, сославшись на плохое знание языка. Дал ему все сведения; не помню, который уже раз я даю эти сведения разным представителям разных миссий, но осуществление продолжает топтаться в области разговоров и обещаний. Получаем только то, что направлено к нам по старому решению Англии и Франции...

19 июля. Голова идет кругом от работы; эвакуация перемешала все тылы; все многочисленные штабы и управления утекают на восток, потеряв связь со своими частями, и последние, особенно по части довольствия, брошены на произвол судьбы. Бывшая система снабжений (если только ее можно назвать этим именем) рухнула, всякий оборот запасов прекратился, и войска перешли на существование за счет местных средств, причем во многих случаях происходит самый бесцеремонный грабеж.

На нашу невыгоду красноармейцам на фронте отдан строжайший приказ не трогать населения и за все взятое платить по установленной таксе. Адмирал несколько раз отдавал такие же приказы и распоряжения, но у нас все это остается писаной бумагой и кимвалом бряцающим, а у красных подкрепляется немедленным расстрелом виновных...

20 июля. Следствием фронтовой катастрофы явилась начавшаяся в Омске обывательская паника, да еще по первому разряду; шкурники и спекулянты побелели от страха и удирают на восток; билеты на экспрессы продаются с премией в 15—18 тысяч рублей за билет. Уговаривал Устругова поднять цены на экспресс в десять раз; бегунцы будут платить не поморщившись, и это будет самым справедливым налогом за наживу и трусость. Но мы слишком деликатны для таких чрезвычайностей, а жаль, ибо по сезону должна быть и музыка...

31 июля. Тяжкая обстановка грозит разрушить последние остатки нормальной системы государственного управления; появились разные кандидаты в спасители отечества, лезущие к адмиралу с готовыми указами.

Я сторонник единовластия, единоличного управления в такое исключительное время, но надо, чтобы единовластие находилось в талантливых руках и осуществлялось планомерно; то же, что сейчас у нас творится, хуже всяких совдепов и комиссарщины; адмиралу преподносится и им одобряется и утверждается всевозможная разнокалиберщина, несогласованная, непродуманная; в результате получается невероятная неразбериха. Отзывчивость адмирала и судорожное искание им лучших и действительных средств, при его непрактичности и неподготовленности по большинству вопросов государственного и военного управления, только ухудшают положение.

Мне особенно приходится испытывать результаты этой неразберихи, так как все касающееся военного ведомства и снабжений препровождается мне на исполнение; на меня падает нелегкая обязанность сглаживать все противоречия и приводить в сколько-нибудь приличный вид всех рождаемых этим путем юридических, финансовых и снабжательных крокодилов. Усугубляется сие и тем, что многое приходит ко мне не только утвержденным адмиралом, но уже и проводимым в жизнь явочным порядком, причем авторы кричат, что при малейшей задержке исполнения вырванных ими у адмирала распоряжений они не отвечают за последствия.

Адмирал вместо того, чтобы послать всех этих прожектеров к черту и убедиться, что ничего от этого не произойдет, со всем соглаша-

ется, волнуется осуществлением, громыкает и штурмует в случае малейшей задержки и ждет чуда от современных Симонов-волхвов типа Иванова-Ринова и иже с ним.

В Ставке совершенно непристойная буря по поводу задержки в производстве в полковники какого-то подполковника Васильева, имеющего счастье состоять супругом певицы Каринской; Васильев, по рассмотрению дежурного генерала, никакого права на производство не имеет, но жена все время клянчит за него у адмирала.

Последний изругал Бурлина и приказал выслать на фронт дежурного генерала Ставки Кондрашева; жалкая картина в специфически морском духе.

Иванов-Ринов добился экстренного ассигнования сибирским казакам ста миллионов рублей. Ожил, рыщет, нюхает и пробирается в дамки дальневосточный спиртовоз Б.Р. Хрещатицкий; казачья конференция в полной силе.

Вечером был приглашен к генералу Жанену, где был и адмирал; последний сам поднял со мной сепаратный разговор о челябинской операции; я ему доложил, что считаю, что сейчас необходимо немедленно ее прекратить и приказать сделать все возможное, чтобы вывести втянутые в нее войска с наименьшим для них ущербом.

Адмирал промолчал, но попросил ускорить обед, затем прошел в кабинет к Жанену, где и подписал телеграмму Лебедеву об отступлении; он очень мрачен и встревожен.

1 августа. Все связанное с челябинской авантюрой¹⁵⁰, а главное — мое бессилие ее остановить и предотвратить все ее последствия, привело меня к решению просить адмирала об увольнении меня от должности, и если нельзя дать места на фронт, то и в отставку. Мне не под силу оставаться спокойным зрителем того, как убиваются последние надежды на успех того дела, которому служим и для которого так много приносится в жертву. Хочу получить полную свободу действия, не нарушая дисциплины, кричать правду и добиваться ее торжества; надеюсь, что найдутся сочувствующие, и тогда, быть может, получатся более положительные результаты. Пусть я острый пессимист, но до сих пор я был прав в том, что именуют моим пессимизмом. Мне не верят, не разделяют моих опасений; адмирал на меня косится; мои доклады ему неприятны, а главное — ни к чему не приводят.

После обеда получил согласие на увольнение, но с приказанием нести обязанности военного министра до прибытия в Омск едущего сюда из Парижа генерала Головина¹⁵¹.

При разговоре с адмиралом по поводу челябинской операции убедился, что Лебедев сумел так начинить адмирала фаршем собственного изготовления, что тот узаконил себе чудовище, рожденное Лебедевым и Сахаровым, и глубоко огорчен неудачей «своей» операции».

Б у д б е р г А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). С. 154—156, 160—161, 178—179.

№ 116

**Обращение Верховного правителя А.В. Колчака
к крестьянским и солдатским массам,
переданное 1 августа 1919 г. по телеграфу
с указанием «Официально»**

«Омск

1 августа от Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. Крестьяне и солдаты, неужели вы еще можете верить большевистским смутьянам и обманщикам? Неужели вы еще не видите, что враги народа, захватив власть, разграбили достояние крестьян и горожан, обездолили рабочих своими лукавыми обещаниями, привели всех нас к нищете и родину нашу [к] гибели.

Я и мое правительство заявили вам, что мы считаем справедливым и необходимым отдать всю землю трудящемуся народу.

Я это сказал, и весь мир слышал мои слова. Теперь я повторяю это вам, крестьяне и солдаты, и я не отступлюсь от своих слов. Помните это твердо и не верьте обманщикам-большевикам.

Помните также, что необходимо разбить те банды, которые [в] слепоте и темноте своей защищают народных комиссаров, забыв Бога и народ. Помогайте же нашей армии, честно бьющейся за спасение Бога и народа.

Каждый лишний день власти Совета народных комиссаров отдалает тот час, когда русская кормилица-земля перейдет в руки земледельцев-крестьян, любящих свою родину-мать и спасших ее в смутное время.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал
Колчак.

29 июля 1919 г. Омск. 1 август».

ГАРФ, ф. 1700, оп. 7, д. 38, л. 342.

№ 116

**Шифрованная телеграмма
Главнокомандующего Восточным фронтом
генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса
от 23 августа 1919 г. Верховному правителю
и Верховному главнокомандующему А.В. Колчаку**

*«Верховному правителю и Верховному главнокомандующему.
Из Ставки.*

Оперативная обстановка к утру 23 августа. Противник продолжает развивать активность на обоих флангах Восточного фронта, вынудив арьергарды 1-й Сибирской армии отвести приказом на линию Варгаши—Кабанье, что на тракте Звериноголовская — Петропавловск, в 120 верстах от Тобола. На Южном фронте¹⁵² продолжается нажим противника от Оренбурга в направлении Орска. Штаб Южной армии перешел [в] Актюбинск.

На фронте генерала Деникина наши успехи развиваются [в] районе Полтава—Киев—Одесса, заняты Лохвица, Короча, Ворожба. В районе Камышина большевики продолжают наступать; бои происходят верстах в 25—35 к северу от Камышина. [О] прочих фронтах сведений не поступало. [На] внутренних фронтах: [в] Барнаульском районе восстание подавляется в северной и западной части, но в южной части оно расширяется путем движения крестьянского переселенческого населения против мобилизовавшихся сибирских казаков. Пришлось оставить в Южной Сибири одиннадцать сотен сибирских казаков для подавления восстания. Генерал Головин выехал из Владивостока 18 августа.

Генерал-лейтенант *Дитерихс*.

Расшифровал и зашифрованное сжег 24 августа 1919 года «3» час.
«02» мин.

подпоручик *Ольшевский*.

ГАРФ, ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 324.

Екатеринбург. Здание Музыкального общества

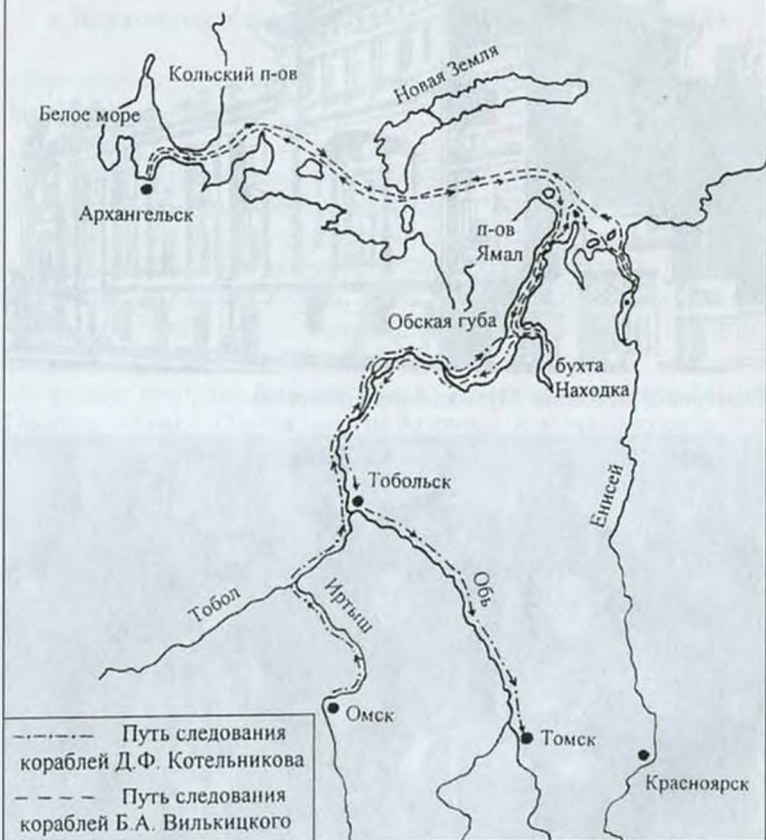

А. В. Колчак с группой генералов и офицеров. Слева от него — генерал Р. Гайда, справа — генералы Б. П. Богословский и С. А. Домонтович. Стоят (слева направо): штабс-капитан Соломодинцев, подполковник Танкошкур (?), полковник Касаткин, ротмистр В. В. Князев и английский консул в Екатеринбурге Т. Г. Престон.
Екатеринбург, февраль 1919 г.

СХЕМА № 7

ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, ОРГАНИЗОВАННАЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ А.В. КОЛЧАКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 Г.

А.В. Колчак вручает награды солдатам. Екатеринбург, май 1919 г.

Группа офицеров в Екатеринбурге

Погоны чинов 25-го Екатеринбургского адмирала Колчака
горных стрелков полка

Орденский знак
«За Великий Сибирский
поход»

Атаман Г.М. Семенов и американский генерал В.С. Гревс (сидят)
в группе русских и иностранных генералов и офицеров

Японский генерал Оташи (сидит в центре)
в группе иностранных генералов и офицеров

НА КОЛЧАКА.

РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ!

Царский адмирал, помещик и помещик влад. даровое тысячесов. вундтаст оеицеров и керредо куудов — КОЛЧАК с своими белогвардейскими бандами угрожает перерезать богатейшие пути: ВОЛГУ и СИБИРСКУЮ ДОРОГУ, по которым в наши голодные губернии непрерывно идет сейчас хлеб и другие необходимые для трудящихся продукты.

Удача Колчака несет смерть, рабство, худший голод, борзу, старое засилье помещиков, купцов, царских жандармов и все прочие ужасы царского строя жизни.

Гордый пролетариат, сознательное трудовое крестьянство не позволит сосать из себя кровь немытыми пауками самодержавия.

Революционные рабочие — **КОМУНИСТЫ** — везут на Колчака.

За хлеб, за власть трудящихся, за Красное знамя Рабоче-Крестьянской Революции
В П Е Р Е Д!

Каждый честный сознательный гражданин Советской Республики, подшефив очередной мобилизации, обязан как революционер исполнить свой долг.

Да здравствует мобилизация!

Да здравствует Рабоче-Крестьянское Правительство!

Да здравствует единение трудящихся всего мира!

За нами победа!

*Инициативная Коммунистическая группа рабочих
и служащих Угрюмовского завода*

Листовка большевиков

Л.Д. Троцкий (Бронштейн)

С.С. Каменев

М.В. Фрунзе

М.Н. Тухачевский

В.К. Блюхер

Е.М. Мамонтов

Д.Е. Зверев

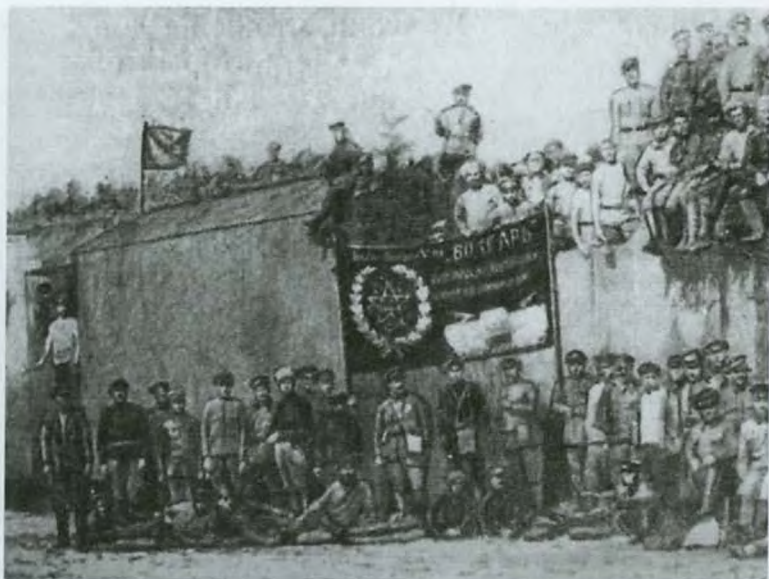
А.В. Колчак, 1919 г.

А.В. Колчак на фронте, октябрь 1919 г.

Вручение знамени

Красный бронепоезд «Волгарь», 1919 г.

Отступление войск генерала В.О. Каппеля зимой 1919/20 г.

Поручик М.К. Ермолин

Генерал А.Н. Пепеляев

31
Протокол № 4
по делу о покушении на убийство Г.Б.Сидорова
до 1920. Иркутск. Иркутский Архив. Л.В.С.
2020.

Последний (тюремный)
снимок А.В. Колчака.
Иркутск, январь 1920 г.

Н.Н. Смирнов

А.А. Ширямов

К.А. Попов

С.Г. Чудновский

И.И. Бурсак (Б. Блатлидер)

В.И. Ишаев

Вступление красных в Иркутск 7 марта 1920 г.

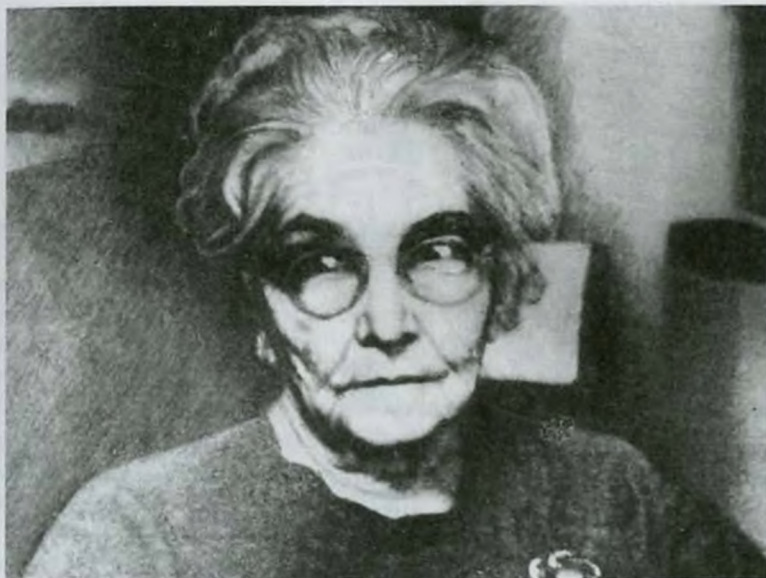
Арестованные большевиками в Иркутске члены Временного Всероссийского правительства

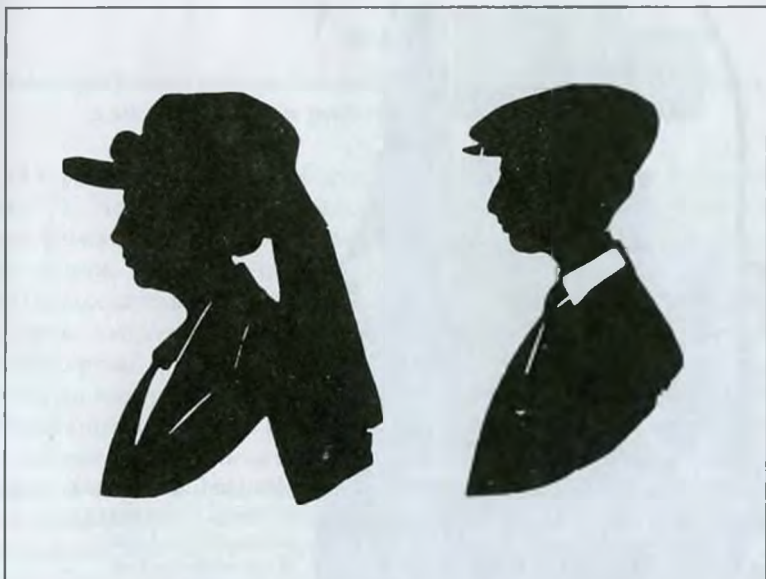
Обложка первого тома издания дневниковых записей и воспоминаний Г.К. Гинса. Пекин, 1921 г.

А.В. Тимирева в период советских тюрем и ссылки

А.В. Тимирева в 1969 г.

С.Ф. Колчак, урожденная Омирова, с сыном Ростиславом.
1923–1926 гг.

Храм Успения Пресвятой Богородицы
на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем

Могила С.Ф. Колчак,
вдовы А.В. Колчака,
на кладбище Сент-
Женевьев-де-Буа.
Март 1992 г.
Фото С.А. Сапожникова

№ 118

**Сообщение об отъезде Верховного правителя
и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака
на фронт в феврале 1919 г.**

«В субботу, 8 февраля, Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак отбыл на фронт. Цель поездки — осмотр воинских частей и разрешение на месте вопросов снабжения, финансирования и продовольствия армии. С Верховным правителем выехали на фронт представители ведомств: Военного, Финансового, Снабжения и продовольствия, Иностранных дел и Путей сообщения.

Верховного правителя провожали: председатель Совета министров, управляющий делами Верховного правителя и Совета министров, начальник штаба, а также генерал Жанен, сэр Чарльз Эллиот, граф де Мартеаль и другие представители союзных миссий.

На перроне был выстроен почетный караул Омского гарнизона, а также английских и чешских войск».

Отечественные ведомости 1919 11 фев

№ 119

**Телеграфное сообщение штаба 2-го Уфимского корпуса
для передачи в роты от 14 февраля 1919 г.**

«14 февраля 1919 г. Сообщаю копию телеграммы для передачи в роты. [В] Челябинске состоялось торжественное объединенное заседание Земского собрания и представителей торгово-промышленников, кооперации. Заседание посетил Верховный правитель адмирал Колчак. Председатель городской думы, приветствуя Верховного правителя, сказал, что Дума стоит на почве деловой работы и твердо помнит, какие жертвы требуются сейчас для спасения России и для помощи армии, на которую направлены все надежды. Председатель Земского собрания приветствовал Верховного правителя и от имени крестьян, из которых состоит Земское собрание. В ответной речи Верховный правитель выразил предположение правительства по вопросам земельным, финансовым, экономическим, транспортным. Окончательное разрешение земельного вопроса возможно только тогда, когда вся Россия будет освобождена и [произойдет] объединение правительственных органов, выражающих волю российского народа. В настоя-

щее время правительство считает основными принципами земельного вопроса право частной собственности, желательность мелкого землевладения. Заявление Верховного правителя о том, что правительство не считает возможным вступить в сношение с большевиками и послать делегацию на Принцевы острова, горячо и единодушно было приветствовано всем собранием»¹⁵³.

РГВА, ф. 39998, оп. 1, д. 7, л. 1.

№ 120

Сообщение о посещении Верховным правителем А.В. Колчаком 13 февраля 1919 г. передовых позиций

«Златоуст, 17 февраля. 13 февраля поезд Верховного правителя в 9 утра прибыл на станцию <...> в штаб корпуса, части которого ведут бой. Приняв парад, Верховный правитель награждал Георгиевскими крестами 85 солдат и поздравил с производством в генералы двух начальников дивизий и одного командира полка и в офицеры трех юнкеров. Сильное впечатление производил этот смотр войск в живописной, окруженной горами долине, когда части под бодрые звуки оркестра проходили церемониальным маршем мимо Верховного правителя и новых георгиевских кавалеров. Поезд Верховного правителя отправился дальше. Верховный правитель принимал парад и награждал Георгиевскими крестами, восторженно приветствуемый войсками. С последнего разъезда Верховный правитель в броневом поезде проехал до самых передовых позиций. В одной версте от сторожевых охранений Верховный правитель обходил по снежным тропинкам боевые части, воодушевляя бойцов. Посетил в землянке перевязочную летучку, куда были принесены раненые. Верховный правитель награждал их Георгиевскими крестами и пожелал скорейшего выздоровления. Неожиданный приезд Верховного правителя в район боевых действий произвел сильное впечатление на войска, для которых этот день был днем удачи. Было занято три деревни, взято два орудия и пулеметы»¹⁵⁴.

Правительственный вестник. 1919. 19 февр.

№ 121

Письмо А.В. Тимиревой из Омска от 14 февраля 1919 г.
А.В. Колчаку на Урал во время его пребывания
на фронте и в прифронтовых районах

«Дорогой мой, милый Александр Васильевич, какая грусть! Мой хозяин умер вот второй день после долгой и тяжелой агонии; похороны будут в воскресенье. Жаль старика и хозяйку, у которой положительно не все дома, хотя она и бодрится... Такая вьюга, что я не дошла бы домой со службы, если бы добрый человек не подвез — ничего не видно, идти против ветра — воздуха не хватает... не дает вздохнуть. Домишко почти занесен снегом. Окна залеплены, еще нет 5, а точно сумерки. К тому же... за стеной кухарка по складам читает псалтырь над гробом. Уйти — нечего и думать высунуть нос на улицу. Я думаю: где Вы, уехали ли из Златоуста, и если да, то, наверно, Ваш поезд стоит где-нибудь, остановленный заносами. И еще — что из-за этих заносов Вы можете пробыть в отъезде дольше, чем предполагали, и это очень мало мне нравится. За Вашим путешествием я слежу по газетам уже потому, что приходится сообщения о нем переводить спешным порядком для телеграмм, но, Александр Васильевич, они очень мало говорят мне о Вас, единственном моем близком и милым... Крутом все больны, кто лежит... кто еле ходит. Я пока еще ничего, хожу от одной постели к другой. Говорят, что с наступлением ветров это общее правило в Омске...

Дорогой мой, милый, возвращайтесь только скорее, я так хочу Вас видеть, быть с Вами, хоть немного забыть... Это только и терпим. Кругом болезни, смерть и горе. Я знаю, что нехорошо и несправедливо желать для себя хорошего, когда всюду плохо; но ведь это только теория, осуществимая разве, когда уляжешься на стол... как мой хозяин. Но я же живу и совсем не умею жить, когда кругом один сплошной и непроглядный... И потому, голубчик мой родной Александр Васильевич, я всю неделю... закрываю двери.

Очень жду Вас, и Вы приезжайте скорее и будьте таким милым, как Вы умеете быть, когда захотите, и каким я Вас люблю. Как Вы живете? По газетам Ваши занятия состоят преимущественно из парадов и раздачи Георгиевских крестов — довольно скудные сведения, по правде говоря. А пока до свидания. Я надеюсь, что Вы не совсем меня забываете.

Милый Александр Васильевич, пожалуйста, не надо [забывать]. Я раза 2 была у Вас в доме, Михаил Михайлович поправляется... Это так приятно. Ну, Господь Вас сохранит и пошлет Вам счастья и удачи во всем. *Анна*».

ГАРФ, ф 341, оп 1, д. 52, л. 267—272

№ 122

Сообщение о пребывании Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака 15 февраля 1919 г. в городе Троицке¹⁵⁵, встрече с генерал-лейтенантом А.И. Дутовым

«ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ В Г. ТРОИЦКЕ

15 февраля в 10 часов утра поезд Верховного правителя прибыл в Троицк. На вокзале были выстроены казачьи и французские части. Верховный правитель принял парад, представители города поднесли адрес. Председатель Войскового круга приветствовал Верховного правителя и просил посетить заседание круга. В солнечный морозный день Верховный правитель с атаманом Дутовым и своей свитой проехали на тройках, сопровождаемые почетным казачьим конвоем и киргизскими всадниками в ярко-белых чалмах. Войсковой круг Оренбургского казачьего войска приветствовал Верховного правителя долго несмолкаемыми криками «Ура» и аплодисментами. После приветственной речи председатель круга прочел доклад Войскового круга Верховному правителю.

Войско более года ведет беспощадную войну с большевиками; 14 станиц сожжено дотла, войсковое хозяйство подорвано. Войсковой круг высказывает ряд пожеланий. Среди них следующие: признать Оренбургские местные деньги общегосударственными; перечисление станиц из Троицкого и Челябинского уездов обратно в область войска Оренбургского; принять обмундирование и снаряжение казаков на счет казны; выдать безвозвратную ссуду в 50 000 000 рублей на восстановление погоревших станиц; принять на казенное содержание все учреждения войскового правительства; возможно скорее мобилизовать остальные казачьи войска, дабы дать возможность весной часть казаков отпустить на полевые работы; мобилизовать неказачье население, живущее среди казаков и на казачьей земле, наравне с казаками; выдать неурожайным станицам бесплатно хлеб и снабдить войско овсом; дать хотя бы три маршрутных поезда Владивосток—Челябинск;

принять на счет казны признание семейств убитых казаков; утвердить войсковое самоуправление и войсковой банк; дать возможность покупки в первую очередь и доставки сельскохозяйственных машин; подчинить все казачьи части Оренбургского казачьего войска в административном отношении войсковому атаману; ускорить постройку Троицко-Орской ж [елезной] д [ороги]; развить телеграфную и телефонную связь в войске; утвердить Оренбургский почтово-телеграфный округ со включением в него Тургайской и Уральской областей.

В заключение доклада говорится: «Не питая никаких сепаратных желаний, Войсковой круг заявляет всему русскому народу в лице вас, Верховный правитель, что войско Оренбургское, отдавая самое дорогое на благо Родины — жизнь своих воинов, стремится только к созданию вновь Великой Единой России и укреплению твердой государственной власти».

РЕЧЬ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

В ответной речи, прерываемой не раз криками «Ура» и аплодисментами, Верховный правитель в словах четких и твердых охарактеризовал казачество как подлинную демократию, причем демократию воинствующую. Казачество является одной из надежных опор государственности; в первые же дни Верховный правитель нашел большую моральную поддержку в казачестве. Как солдат, Верховный правитель принял власть от Совета министров, считая, что этим признается необходимость все подчинить задачам вооруженной борьбы за освобождение России, и на этом пути казачество пойдет с ним. Он верит, что будущее Национальное (Учредительное) собрание не только признает все казачьи вольности, но и укрепит их. Относительно доклада Войскового круга Верховный правитель, обрисовав трудное положение финансов и всего государственного хозяйства, заявил, что он передаст доклад на рассмотрение правительства и надеется на возможность прийти к взаимному соглашению.

Председатель круга заявил, что казачество будет верно служить Верховному правителю.

Приветствуемый восторженно членами круга, Верховный правитель покинул заседание круга.

Днем Верховному правителю был дан Войсковым кругом обед. В 4 часа дня поезд отошел из Троицка. Вечером в Челябинске Верховный правитель принял караул командующего армией и башкирскую делегацию».

№ 123

Сообщение о пребывании Верховного правителя
и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака
16—17 февраля 1919 г. в Екатеринбурге¹⁵⁶«ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ
ПРИБЫТИЕ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

В воскресенье 16 февраля в 1 час дня в Екатеринбург прибыл Верховный правитель адмирал А.В. Колчак, в сопровождении походного штаба, товарища министра продовольствия Н.А. Мельникова, представителей министерств иностранных дел, военного и путей сообщения, директора канцелярии ген [ерала] Мартьянова, чиновника особых поручений Н.А. Самойлова и представителя прессы писателя С.А. Ауслендера. В ожидании приезда Верховного правителя на вокзале собрались представители высшей военной власти, городского и земского самоуправления, общественных организаций и политических партий. Встреченного почетным караулом Верховного правителя приветствовали городской голова Н.А. Лебединский и председатель земской управы П.Е. Патрушев, которые поднесли хлеб-соль. Пропустив церемониальным маршем прибывшие на вокзал войска, Верховный правитель отправился в сопровождении встретивших его депутаций в Кафедральный собор, где епископом Григорием было совершено молебствие.

РЕЧИ

В 4 часа дня в помещении Уральского горного училища состоялся устроенный городским самоуправлением торжественный обед в честь прибытия Верховного правителя. На обеде был произнесен ряд речей.

Председатель городской думы П.А. Кронеберг приветствует Верховного правителя не только как храброго воина, но и как опытного и мудрого администратора. В частности, Екатеринбургская городская дума, по словам оратора, приветствует подписанный Верховным правителем новый закон о выборах в городское самоуправление, который давал населению возможность свободного изъявления своей воли, вносит необходимые коррективы в прежний закон.

Главный начальник Уральского края С.С. Постников отмечает в своей речи, что хотя помыслы и деятельность правительства направлены по преимуществу на удовлетворение нужд фронта, но оно не оставляет своими заботами и государственное хозяйство, которое постепенно входит в нормы.

— Я верю, — заканчивает оратор, — что наше правительство, возглавляемое Верховным правителем, освободит Россию и дойдет до Москвы. Я пью за возрождение и процветание Родины!

Генерал-лейтенант Гайда приветствует адмирала Колчака от лица Сибирской армии как Верховного главнокомандующего.

Председатель биржевого комитета П.В. Иванов указывает, что торгово-промышленный класс давно пришел к выводу о необходимости для спасения России установления в ней единой и твердой власти. Но голос Уфимского торгово-промышленного съезда не был услышан. Взнявший на себя тягость Верховной власти адмирал Колчак придерживается в своих государственных делах лозунга, провозглашенного им в его прекрасной декларации: он доказал свою решимость не идти «ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности».

Епископ Григорий останавливается вначале на характеристике большевизма и, рассматривая его не с точки зрения практической, а с точки зрения слова Божия, находит, что большевизм представляет из себя проявление прежде всего грубой алчности. Далее оратор обращается к теперешней власти и сравнивает ее носителя адмирала Колчака с библейским Моисеем, который с Божьим благословением выведет русский народ в страну обетованную.

Английский консул м-р Престон указывает, что если Западная Европа может ошибаться в своих суждениях о происходящем в России, то представители союзных держав, бывшие очевидцами русской революции, хорошо знают, что такое большевики, и потому искренно желают русскому народу успеха в борьбе с ними.

Краткие речи были произнесены также Л.А. Кролем, американским и французским консулами и представителем Чехословацкого Национального совета доктором Павлу.

РЕЧЬ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

На все произнесенные приветствия Верховный правитель ответил одной речью. Прежде чем изложить свои взгляды на важнейшие вопросы политической жизни России, Верховный правитель указал на происхождение и возникновение его единоличной Верховной власти. После того как большевизм разлился широкой волной по России, в Сибири образовалось правительство, взявшее на себя задачу возрождения государственности и борьбы с большевизмом. В интересах успешности этой борьбы Совет министров в конце концов пришел к убеждению в необходимости сосредоточения и

объединения всей власти в одних руках, и в руках военных, и потому решил, во-первых, самоотстраниться, во-вторых, передать власть Верховному правителю, ее принявшему. Первая задача правительства, возглавляемого Верховным правителем, есть борьба с большевизмом, который не окончится и в Москве. В Москве окончится борьба с большевиками. Но большевизм, как отрицание государственности, морали, долга и обязательств перед страной, есть явление, широко охватившее страну, требующее упорной и объединенной борьбы власти и общества.

В настоящую минуту на первую очередь выдвигается борьба с большевиками и, следовательно, воссоздание армии. Но воссоздание армии в условиях современности немыслимо без правильно функционирующего государственного хозяйства и управления страной. Доброкачественную и обладающую всем нужным оборудованием армию можно иметь только в благоустроенном государстве.

В чрезвычайно трудных условиях пришлось поэтому заняться вопросами государственного благоустройства. В первую очередь и особое внимание было обращено на восстановление суда, завершенное восстановлением законности, пред которым Верховный правитель лично принес присягу, дабы акт этот явил собою свидетельство, что Верховный правитель и власть, ему принадлежащая, стоят под сенью закона.

Все усилия власти направлены к упорядочению железнодорожного транспорта, без чего и армия не может работать успешно.

Закон о городских выборах свидетельствует о том, что правительство не помышляет об ограничении принципов широкого самоуправления и государственной самодеятельности населения; признано было лишь необходимым внести некоторые поправки в избирательный закон, недостаточно приспособленный к государственным требованиям и местным условиям. Так, повышен возрастной ценз, введено условие оседлости, отменена пропорциональная система выборов, устранена от выборов армия.

В социальных вопросах особое внимание власти принадлежит земельному вопросу, так как из всех изменений, внесенных революцией, изменения, происшедшие в области земельных отношений, являются наиболее осязательными и действительно важными. Власть не может ныне сказать, каково будет экономическое решение земельного вопроса, но об одном он может заявить вполне определенно: возврата к старому земельному строю не будет и быть не может. По мысли Верховного правителя и правительства, земельная политика должна иметь целью создание многочисленного крепкого крестьянс-

кого и мелкого землевладения за счет землевладения крупного. Этого требуют государственные интересы.

В области социального законодательства, регулирующего положение рабочего класса, правительство предпринимает ряд мер для улучшения условий труда.

Переходя к вопросам международным, Верховный правитель отметил, что нет никаких оснований полагать, что могут измениться существовавшие ранее отношения между Россией и нашей стороной и самой близкой союзницей — Францией, а также Великобританией, выразив уверенность, что отношения с Америкой и Японией примут также характер вполне дружеский; все это позволяет надеяться, что правительство встретит если не помощь в прямом смысле слова, то содействие союзников в его борьбе с большевиками.

По вопросу о совещании на Принцевых островах Верховный правитель заявил, что прямого приглашения, обращенного к нему, не получило. Было перехвачено радио, полное пропусков, в котором русские политические и военные образования приглашались прислать представителей на это совещание. Правительство не сочло возможным ответить на подобное приглашение (продолжительные аплодисменты). Оно лишь ограничилось извещением своего находящегося в Париже министра иностранных дел Сазонова о своем решении не вступать в сношения с большевиками — для осведомления союзников, если бы то потребовалось.

Затем Верховный правитель в любезных выражениях поблагодарил всех устроителей и участников банкета и встречи и после короткой беседы в частном порядке с разными лицами отбыл.

БАНКЕТ

Вечером Верховный правитель присутствовал на устроенном в честь его прибытия банкете в музыкальном училище. На банкете были исключительно представители военной власти. Были приглашены также актеры драматической труппы городского театра и сотрудники оперного балета, которые экспромтом устроили концертное отделение. Банкет закончился в 3-м часу ночи.

До 12 часов дня 17 февраля Верховный правитель принимал в своем поезде делегации от различных учреждений и организаций. Затем посетил штаб Сибирской армии и военные лазареты. В 4 часа Верховный правитель сделал смотр на Монастырской площади Екатеринбургскому уланскому полку.

ПАРАДНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Вечером 17 февраля в городском театре состоялся парадный спектакль в честь Верховного правителя. На спектакле присутствовали военные чины, гласные городской думы, представители земского самоуправления, правительственных учреждений и общественных организаций, учащиеся местных учебных заведений и т. д.

В ложе Верховного правителя — командующий Сибирской армией ген [ерал] -лейтенант Гайда, главный начальник края С.С. Постников, уполномоченный по охране и помощник начальника края ген [ерал] -майор Домонтович и сопровождающие Верховного правителя представители министерств.

Верховный правитель прибыл в театр на исходе 9-го часа и был встречен троекратно исполненным гимном «Коль славен», дружным «Ура» и аплодисментами всего зала.

В программу спектакля были включены отрывки из опер «Аида» и «Кармен», оперетты «Барсельерь» и концертное отделение.

Закончился спектакль к 12 часам ночи.

ОТЪЕЗД ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

18 февраля Верховный правитель отбыл из Екатеринбурга.

Отечественные ведомости. 1919. 18—19 февр

№ 124

**Сообщение о поездке Верховного правителя
и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака
18—21 февраля 1919 г. в Пермь
и на передовые позиции**

**«ПОЕЗДКА ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ
НИЖНИЙ ТАГИЛ И ПЕРМЬ**

18 февраля на станции Нижний Тагил Верховный правитель принял делегацию рабочих, изложивших свои нужды. 19 февраля в 9 часов утра поезд Верховного правителя подошел к разукрашенной зеленью и флагами станции Пермь I. Приняв почетный караул, Верховный правитель с генералами Гайдой и Пепеляевым, сопровождаемый свитой, проехал в собор. Епископ Казанский Борис произнес прочув-

ствованное слово, приветствуя вождя той армии, которая принесла освобождение Перми.

После молебна состоялся грандиозный смотр войскам. Церемониальным маршем проходили перед Верховным правителем героические части корпуса генерала Пепеляева. При проезде по улицам, украшенным флагами и вензелями, Верховный правитель был предметом шумных и восторженных манифестаций.

В зале благородного собрания Верховному правителю представился длинный ряд делегаций, поднесших адреса и хлеб-соль.

Отвечая на приветствия, Верховный правитель сказал, что есть суровые законы войны, которые заставляют многим поступиться. Во имя грядущего счастья осуществить все великие проблемы придется, вероятно, будущему правительству. Правительство, возглавляемое Верховным правителем, работая для внутреннего строительства, будет стараться базироваться на принципах демократичности, поскольку это не будет идти вразрез с суровыми требованиями беспощадной борьбы. Но с этим необходимо примириться, дабы дать возможность в освобожденной России правительству, опирающемуся на волю народа, реализовать все желания русского народа. После завтрака в штабе генерала Пепеляева Верховный правитель проехал на торжественное заседание Земского собрания и городской думы. Председатель губернской земской управы и председатель городской думы сделали доклады о положении Пермской губернии и намеченных работах; оба они приветствовали Верховного правителя и выразили уверенность, что правительство, возглавляемое Верховным правителем, выведет Россию из всех ужасов гражданской и экономической разрухи.

В ответной речи Верховный правитель высказал взгляды правительства на вопросы внутреннего строительства, подчеркнув свою радость, что пожелания общественных учреждений не расходятся со взглядами правительства. Относительно внешней политики Верховный правитель заявил о категорическом отказе правительства послать делегатов на Принцезы острова. Днем Верховный правитель посетил среднечуебное заседание, вечером состоялся устроенный думой обед и после обеда — концерт.

НА ФРОНТ

20 февраля, в 5 часов утра, поезд Верховного правителя отбыл на фронт. На станции, сопровождаемый генералами Гайдой и Пепеляевым, Верховный правитель сделал смотр боевым частям Сибирской армии, возродившим древнюю славу России. Делегации крестьян при-

фронтальной полосы поднесли Верховному правителю хлеб-соль и в простых искренних словах благодарили за спасение. После приема крестьяне были приглашены на чай в столовую-вагон Верховного правителя. Из рассказов крестьян вырисовываются ужасающие картины отвратительных насилий, чинимых коммунистами над крестьянским населением. В нескольких деревнях при отступлении было уничтожено все мужское население, не вступившее в Красную армию.

НА ПЕРЕДОВОЙ ПОЗИЦИИ

Поезд Верховного правителя продвинулся до последнего разъезда, в нескольких саженьях от которого стоит наша батарея. При прибытии поезда батарея была в горячей работе и громким салютом приветствовала Верховного главнокомандующего. Осмотрев выстроенные воинские части и раздав Георгиевские кресты, Верховный главнокомандующий с генералами Гайдой и Пепеляевым и небольшой свитой проехал вдоль самых позиций в нескольких верстах от неприятеля, осматривая окопы, батареи и полки. Солдаты радостно приветствовали своего вождя, награждавшего храбрых [воинов] Георгиевскими крестами. Несколько раз деревня, где находился Верховный главнокомандующий, обстреливалась красными; на наших батареях Верховный главнокомандующий наблюдал за удачной стрельбой¹⁵⁷. На обратном пути Верховный правитель на станциях осматривал части и госпитали. Вернувшись в Пермь, Верховный правитель осматривал пермские лазареты.

МОТОВИЛИХА

21 февраля Верховный правитель осматривал Мотовилихинский завод. В конторе завода представители уездного земства, инженеры и служащие приветствовали Верховного правителя и поднесли хлеб-соль. Верховный правитель обошел цехи завода и подробно ознакомился с производством. После осмотра состоялось под председательством Верховного правителя деловое совещание по работе завода. Днем Верховный правитель принимал делегации. Многие передают Верховному правителю, что приезда Верховного правителя в широких кругах населения вызывает огромный энтузиазм. Все газеты наполнены восторженными статьями и подробными описаниями пребывания Верховного правителя в Перми».

№ 125

**Письмо группы пермских женщин с приветствием
А.В. Колчака по случаю приезда в их город
и просьбой вручить им его карточки**

«Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый Александр Васильевич!

19 февраля 1919 года стал нам, женщинам Перми, днем дорогим: мы имеем счастье приветствовать хлебом-солью нашего Верховного правителя.

В память этого дня мы решаемся просить Ваше Высокопревосходительство не отказать нам [и передать нам] Ваши карточки.

Примите уверения в глубоком нашем уважении.

*Фелициата Алексеевна
Ф. Кольцова,
А. Николаева,
М. Волошинова,
П. Иванова,
Е. Миронова»¹⁵⁸.*

ГАРФ, ф 341, оп 1, д 52, л 291—292

№ 126

**О пребывании Верховного правителя и Верховного
главнокомандующего адмирала А.В. Колчака на обратном
пути с фронта в Екатеринбурге, принятии 23 февраля
1919 г. парада и вручении Георгиевского знамени
25-му Екатеринбургскому имени адмирала Колчака
горных стрелков полку**

«В 4-м часу дня 23 февраля на Кафедральной площади состоялся парад в честь прибытия Верховного правителя. Войска расположились на площади и выстроились [в] каре.

Прибыв на площадь в сопровождении генералов Гайды, Богословского и Домонтовича и свиты, Верховный правитель обошел под звуки «встречи» оркестра вдоль фронта и поздоровался с войсками, ответившими ему дружным: «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство». После молебствия, совершенного под открытым небом, перед собором, Верховный правитель соизволил вручить коленопреклоненно-

му командиру Екатеринбургского 25-го полка, подполковнику Герасимову, Георгиевское знамя. Командир награжденного полка поцеловал знамя и, держа его в руке, обратился к Верховному правителю с краткой речью, в которой он отметил, что 25-й полк возник из сформировавшихся по освобождению Екатеринбурга добровольческих отрядов, и указал, что этим полком пройден славный путь, принесено много жертв и пролито много крови. Теперь, удостоившись высокой награды, полк, по словам его командира, с удвоенной энергией будет продолжать начатое им дело.

Затем командир полка передал знамя знаменосцу и отошел к находившейся на площади своей роте. Туда же направился Верховный правитель. Обращаясь к роте, подполковник Герасимов сказал: «Я клянусь, что пожалованное нам знамя будет освящено нашей кровью и нашими подвигами. Клянусь в этом как за себя, так и за офицеров и стрелков моего полка. Мы доставим врученному нам знамени достойную его славу. Аминь».

После раздачи знаков боевого отличия офицерам и стрелкам 25-го полка Верховный правитель принял парад, которым командовал полковник Лабунцов. Пропустив войска церемониальным шагом, Верховный правитель отбыл под дружные крики «Ура» и звуки оркестра».

Отечественные ведомости. 1919. 25 февр.

№ 127

Из воспоминаний члена ЦК Партии народной свободы (конституционных демократов), бывшего заместителя (товарища) председателя Областного правительства Урала Л.А. Кроля о пребывании и выступлениях Верховного правителя А.В. Колчака в феврале 1919 г. в Екатеринбурге

«В феврале адмирал Колчак при поездке на фронт прибыл в Екатеринбург. Въезд его был обставлен военной властью своеобразно: вдоль улиц стояли шпалерами войска, а толпу старались разогнать в боковые улицы.

В торжественном заседании городской думы, в ответ на речи представителей фракций, от к-д до с.-р., адмирал произнес прекрасную речь, тонко подчеркнув в одном месте ее согласие свое с каким-то положением, высказанным народным социалистом В.Я. Бахтеевым (что для малоискушенных людей стало означать, что адмирал — чуть не энес).

В речи адмирала были определенно сильные места: «Большевики слева, как отрицание морали и долга перед Родиной, большевизм справа базирующийся на монархистских принципах, но, в сущности, имеющий с подлинным монархизмом столько же общего, сколько большевизм слева — с истинным демократизмом, еще много времени будет требовать для упорной борьбы с собой. Одни отрицают право, другие желают быть выше права. Я не мыслю себе будущего строя иначе как демократическим... Народ русский является единственным хозяином своей судьбы, и когда он через своих свободно избранных представителей в Национальном Учредительном собрании выразит свою свободную волю об основных началах политического, национального и социального бытия, то я и правительство, мною возглавляемое, почтем своим долгом передать ему всю полноту власти, нам ныне принадлежащей».

Казалось бы, чего больше можно ожидать от диктатора?

Но я наблюдаю одновременно не только за адмиралом Колчаком, но и за сидящим неподалеку от него комендантом города, генералом Домонтовичем. Он, видимо, не особенно привык владеть выражением своего лица, и на нем восторга от речи адмирала наблюдается мало.

Речь адмирала и сам он производят прекрасное впечатление.

Но утром на завтра по городу идет весть, что, покуда адмирал говорил в думе, генералы его в поезде весьма веселились и тоже говорили: «Пусть доберется до Москвы; мы им покажем тогда Учредительное собрание!»

Что из двух реально?

Ответ на это получила отправившаяся к адмиралу делегация от общественности с А.С. Белорусовым во главе. Она пошла с предложением о том, чтобы не подчинять края и начальника края военной власти, как это, по слухам, проектируется.

В результате — адмирал стучал кулаком по столу и кричал, что гражданские чины показали свою полную негодность; правда, и среди военных мало людей толковых, но эти хоть дисциплинированы, хоть слушаются.

Этим, как мне передавал один из участников делегации, дело и кончилось.

Бедный А.С. Белоруссов не только получил первое разочарование: с ним по приходе домой случился сильнейший сердечный припадок, от которого он не мог оправиться несколько дней.

Значит ли это, что Колчак был неискренен? Нет.

Когда к нему, в это же время, городской голова обратился с просьбой освободить из тюрьмы редактора газеты, писавшей назав-

тра после переворота, что Колчаку и министрам — место в тюрьме, то Колчак ответил: «Что же? По-своему он тогда был прав: если бы переворот окончился неудачно, мы были бы преступниками». И он тут же распорядился об освобождении заключенного.

Колчак, несомненно, был искренним человеком. Он искренно не отдавал себе отчета в противоречии между «Уставом о полевом управлении войск» и его собственным отзывом о большевиках справа, желающих стоять над законом.

Беда этого несомненного патриота, прекрасного человека и превосходного моряка была в том, что политическая его подготовка была ниже средней.

Затем, как и большинство военных, он очень высоко ставил «Устав о полевом управлении войск», который, может быть, вполне пригоден для занятых армией мест в **неприятельской стране**, но чрезвычайно мало пригоден в гражданской войне в применении у себя дома».

К р о л ь Л.А. За три года: Воспоминания, впечатления и встречи С. 166—167.

№ 128

Описание подвига в бою командира 25-го Екатеринбургского имени адмирала Колчака полка горных стрелков подполковника Герасимова в рапорте командира артиллерийского дивизиона капитана Соколова начальнику 7-й Уральской дивизии горных стрелков от 12 февраля 1919 г.

«Согласно Вашего словесного приказания при сем представляю дознание о подвиге командира 25-го Екатеринбургского адмирала Колчака полка горных стрелков подполковника Герасимова в бою 29 января 1919 года. Из представленных документов и опроса свидетелей офицеров работа и подвиг подполковника Герасимова заключались в следующем.

Для выполнения полученной задачи, назначенной полку на 29 января, подполковник Герасимов разрабатывает и выполняет наступление с целью овладения селом Орда¹⁵⁹.

Сам находясь при главных силах, он в то же время руководит действием оходной колонны (3 батальона) капитана Берсенева и не теряет связи с 11 ротой, получившей самостоятельную задачу демон-

стрировать на с. Орау с восточной стороны с целью привлечь на себя внимание и силы противника. Главный удар намечен был с запада с обходом с севера» <...> «Причем сразу же условия боя сложились во всех отношениях выгодные для противника, который превосходными силами обрушился с двух сторон, юго-западной и юго-восточной, на отряд подполковника Герасимова, находившийся в лощине и выходявший на южную окраину деревни Подзуево. Имея за собою командные высоты, противник стремился окружить отряд подполковника Герасимова. Силы оказались слишком неравны: против 2 батальонов 25-го полка наступали 3 полка: 245-й, 246-й, 247-й.

Красным уже удалось охватить с востока наши главные силы, потеснив наш левый фланг, замкнув отряд в лощине в полукольцо.

Подполковник Герасимов, находясь все время на линии цепей, лично видел картину боя и непрерывно отдавал распоряжения для противодействия этой попытке охвата, принимая меры, [чтобы] в свою очередь нанести удар с фланга обходящим цепям противника, чем и остановил натиск красных на своем левом фланге. Противник вливал все новые и новые силы, под давлением которых наши цепи понесли большие потери в командном составе, стали в середине участков отходить за батарею.

Последняя, занимая совершенно открытую позицию, находясь под перекрестным огнем и неся потери, продолжала вести самый интенсивный и губительный огонь и сдерживала натиск красных, двинувшихся с криком «Ура» в атаку. Положение становилось весьма серьезным. Подполковник Герасимов вводит свой последний резерв и частью его задерживает атакующих красных, а остальную часть бросает для нанесения удара левому флангу противника, расстраивает тем его ряды и наносит замешательство на его левом фланге. Но порыв и стремление вперед красных все еще сломлено не было. Видя, что наступает критическая минута, подполковник Герасимов решает броситься в контратаку и смело верхом выезжает вперед цепей. Своим примером и командой: «Братья, командир полка впереди, в атаку!» настолько воодушевил своим геройским поступком солдат, что наши отступившие было цепи поднялись и яростным натиском бросились на противника и не только остановили его удар, но сбили его, обратив в бегство, гоня за село его расстроенные части.

Сбив противника, подполковник Герасимов, не останавливаясь, продолжает развивать успех, преследуя лично дрогнувшего противника и сбивая остальные попытки организовать сопротивление и уничтожая его отдельные банды. Рассчитанные действия обходной

колонны капитана Берсенева имели громаднейшее значение на ход событий, так как вовремя сбили попытку красных организовать сопротивление в с. Орда.

Все изложенные действия подполковника Герасимова дали возможность полку, несмотря на чрезвычайную утомленность солдат отряда тяжелыми боями 24-го и 26 января, разбить наголову три полка красных: 2-й Пензенский (245), 3-й Пензенский (246) и 4-й Сводный Советский (247)¹⁶⁰ и после жестокого боя занять 15 деревень и 2 села и захватить трофеи: два пулемета, большое количество винтовок и патронов.

Таким образом, исключительно благодаря чрезвычайной выдержке, самообладанию, военному чутью, твердой решительности, непрерывной уверенности в успехе, умению быстро оценить обстановку, спокойной распорядительности и личной храбрости подполковника Герасимова не только было спасено положение 25-го Екатеринбургского адмирала Колчака полка, оказавшегося в весьма тяжелом положении, но и вырвана победа из рук превосходившего численностью и вполне подготовленного к нашему наступлению противника, который оказался наголову разбитым и бежал, отдав трофеи.

Приняв на себя удар и ликвидировав попытку красных наступать, подполковник Герасимов значительно облегчил операцию генерала Тарасевича у д. Шляпниково — Мезенцы, увенчавшуюся полным успехом и захватом трофеев.

Приложение: описание боя, показания штабс-капитана Солтановских, прапорщика Шерстобитова, поручика Позднякова, подпоручика Герасимова.

Капитан *Соколов*.

РГВА, ф. 39517, оп. 1, д. 14, л. 7 и об.

№ 129

Телеграмма командира 3-го Уральского корпуса генерал-лейтенанта В.В. Голицына от 15 марта 1919 г. Верховному правителю А.В. Колчаку о теплой встрече его воинов как освободителей в Уфе

«Вне всякой очереди. Военная Омск. Верховному правителю, лично

Граждане освобожденной Уфы¹⁶¹, чувствуя хлебом-солью войска, просят меня доложить Вашему Высокопревосходительству их горячую

признательность и сердечное пожелание скорейшего выполнения великого подвига восстановления единой неразделимой России. 15 марта № 0892.

Генерал-лейтенант *Голицын*.

Верно:

Начальник штаба полковник *Рютель*».

РГВА, ф. 40022, оп. 1, д. 17, л. 225.

№ 130

Телеграфное сообщение о приезде Верховного правителя России А.В. Колчака в Екатеринбург 8 мая 1919 г.

«Поезд Верховного правителя Верховного главнокомандующего адмирала Колчака восьмого мая прибыл утром в Екатеринбург, был встречен на вокзале командующим армией генералом Гайдой, высшими чинами Сибирской армии, представителями земства города.

Верховный правитель посетил штаб Сибирской армии, где принял доклады. [В] три часа дня состоялся парад войскам, представившимся в блестящем виде.

Особое внимание обращали [на себя] ударный батальон, только что вернувшийся с позиции, кавалерийские части, английский военный оркестр. На правом фланге в числе начальствующих лиц находились представители английских, французских, чехословацких и сербских войск. Вечером в поезде Верховного правителя состоялось совещание Верховного правителя с командующим армией генералом Гайдой. Ночью поезд Верховного правителя отбыл [из] Екатеринбурга».

РГВА, ф. 39502, оп. 1, д. 15, л. 26—27.

№ 131

Из дневника генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга о поездке с Верховным правителем и Верховным главнокомандующим в мае 1919 г. в Екатеринбург

«6 мая. Верховный правитель едет в Екатеринбург на съезд представителей фабрично-заводской промышленности Уральского района, на котором думает разобратся в положении этого края и разрешить вопросы по восстановлению разрушенной уральской промышленности.

Поздновато спохватились, так как положение на фронте Западной армии делается тревожным; к сожалению, Ставка смотрит на все это очень легкомысленно, как на временный неуспех, и уверена, что с вводом в дело отправляемых туда резервов все будет исправлено. Оптимизм такой, что делаются все приготовления по переезду Ставки в Екатеринбург.

Адмирал предложил мне ехать с ним на Екатеринбургский съезд, чему я очень обрадовался, так как это дает возможность близко познакомиться с положением Урала, с видными представителями местной промышленности и общественности, а в Екатеринбурге увижу прославленные резервные формирования Сибирской армии.

Восстановление Урала имеет, несомненно, колоссальное значение, и военное и государственное, ибо если с Божьей помощью дойдем до Волги и перекатимся за нее, то при помощи уральских заводов избавимся от иностранной помощи по части снабжений, дадим населению работу и возродим к жизни огромный промышленный район, который долгое время, впредь до восстановления южных и среднерусских районов, должен будет питать всю Россию и всю Сибирь. Перспективы тут открываются грандиозные, и реставрация Урала должна быть начертана и осуществлена в огромном масштабе, не жалея средств. Урал должен стать новым сердцем новой России.

7 мая. Еду в поезде Верховного правителя в Екатеринбург. Адмирал мрачен и утомлен; молчит и только сверкает глазами. Вся свита почти молчит, я пытался разговорить адмирала, желая узнать от него планы по действиям на фронте, познакомиться с общей политической обстановкой и вообще разобраться в том, что такое представляет собою наш Верховный правитель и главнокомандующий. Однако все мои попытки оказались тщетными, что меня очень огорчило, так как я очень рассчитывал на дни переезда, свободные от назойливой текущей работы и очень удобные для обсуждения вопросов, планов и задач будущего и проверки работы прошлого.

Дорога Омск — Тюмень — Екатеринбург в порядке, на станциях чисто.

8 мая. Утром прибыли в Екатеринбург; на вокзале встречены командующим Сибирской армией генералом Гайдой; почетный караул от ударного имени Гайды полка с его вензелями на погонах, бессмертными нашивками и прочей бутафорией; тут же стоял конвой Гайды в форме прежнего императорского конвоя.

Все это очень печальные признаки фронтового атаманства; противно видеть все эти бессмертные бутафории, достаточно опозоренные в последние дни агонии старой Русской армии; еще противнее вмес-

то старых заслуженных вензелей видеть на плечах русских офицеров и солдат вензеля какого-то чешского авантюриста, быть может, и храброго, но все же ничем не заслужившего чести командовать русскими войсками.

Сам Гайда, ныне уже русский генерал-лейтенант, с двумя Георгиями, здоровый жеребец очень вульгарного типа, по нашей дряблости и привычке повиноваться иноземцам влезший на наши плечи, держится очень важно, плохо говорит по-русски. Мне — не из зависти, а как русскому человеку — бесконечно больно видеть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революционно-го омута, вылетевшему из австрийских фельдшеро в русские герои в военачальники...

В штабе армии был сделан оперативный доклад и прочитаны сводки о ходе действий в Западной армии. Я был ошеломлен и подавлен тем, что в тоне докладывавших (какой-то полковник, генерал Богословский и сам Гайда) сквозило несдерживаемое удовольствие по поводу неудач в Западной армии и усердно подчеркивались свои, довольно проблематичные при общем положении фронта, успехи.

Я знал, что между штабами армии раздор и нелады, но никогда не думал, что дело зашло так далеко...

Было обидно, что адмирал всему этому верил и радостно улыбался, когда ему повествовали, как Пепеляев под гром колоколов будет вступать в Москву; ведь если мы будем строить все на таких проектах, то легко добраться и до возможности потерять самую возможность когда-либо увидеть эту Москву¹⁶².

Поехали на парад; по дороге я пытался вкратце доложить свой взгляд на невозможность пока московского похода, но радостно настроенный адмирал рассмеялся и сказал, что когда я ближе познакомлюсь с армиями, то уверю в эту возможность.

Моего возражения, что тут дело не в армиях, а в непреодолимых условиях того, что в военной науке называется общим именем «обстановка», адмирал даже не выслушал.

Войск на парад вытащили много, говорили, чуть ли не до 25—30 тысяч, но я предпочел бы видеть один настоящий полк старого порядка; среди разнообразных форм неприятно поражали чешские колпачки ударных полков, заменившие наши фуражки (уверяют, что колпачки легче шить).

Некоторые части одеты в английское обмундирование, доставленное генералом Ноксом, и в массе выглядят аккуратно и для неопытного глаза даже внушительно; остальные части одеты порядочными оборванцами...

Церемониальным маршем, на который, видимо, части долго на-таскивались, прошли гладко и вызвали этим общий восторг; адмирал улыбался, а свита охала и восхищалась. Я же поверг адмирала в изумление, когда на обратном пути к вагону высказал ему свое сомнение в боевой пригодности этих частей, так как они пока что хороши только для массовых построений и церемониального марша; он ничего мне не сказал, потемнел и начал нервно курить. Опять доказательство моего пессимизма!

...Главным начальником снабжений у Гайды состоит бывший командир 27-го корпуса генерал Рычков; по его словам, чрезвычайно трудно наладить дело снабжения при наличном командном составе и при установившихся на фронте привычках, ибо все доморощенные полководцы ничего не понимают в устройстве тыла и в необходимости правильной его работы, не понимают, не знают и не хотят понять или узнать. Они думают, что достаточно приказать, а еще лучше — пригрозить, — и все сделается как по щучьему велению.

О тыле и снабжении они вспоминают только тогда, когда от забвения о них становится совсем плохо, и тогда начинают искать виноватых; обыкновенно все кончается сваливанием вины на тыл и военное министерство...

Силы же налицо нет, ибо Омск импотентен, а командующие армиями ни малейшим образом не намерены самообуздываться и обуздывать подчиненных. Внутренней, идейной дисциплины, способной заставить подчинить общему свое личное, — нет...

Пепеляев захватил все запасы, найденные в Перми, и не хочет ни с кем делиться; он же заставил все местные заводы работать только на свой корпус; Гривин, Вержбицкий, Казагранди делают то же самое и не исполняют ничьих приказаний; благодаря этому в одних частях архиизбыток, а в других — голод и нищенство...

9 мая. День отдыха; адмирала уговорили отдохнуть, и наш поезд передвинули на ближайшую станцию Исеть, где предлагали организовать охоту и рыбную ловлю, но скверная погода нарушила все эти планы...

10 мая. Вернулись в Екатеринбург; вечером состоялось открытие съезда представителей фабрично-заводской промышленности Урала и Приуралья; собралось свыше 500 человек; приехали званые и незваные, так как съезд, несомненно, возбудил огромный интерес и породил надежды на то, что новая власть постарается справиться со всеми бедами и язвами, разъедающими и добивающими местную промышленность¹⁶³.

Надежда на нового барина, который приедет и рассудит, одна из основных в обиходе русского человека. Жалко только, что съезд созван наспех, программы работы до сих пор нет. Адмирал очень заинтересован съездом и надеется, что при его помощи можно будет многое сделать.

Задача предстоит грандиозная: надо восстановить разрушенную уральскую промышленность и поставить ее в здоровые и прочные условия работы, подвоза, снабжений и сбыта; это придает съезду не только всероссийское, но даже мировое значение, ибо только здесь, на Урале, и возможно быстрое и срочное восстановление и начало новой, по внешности и по духу центральной для всей России промышленности.

Урал и Приуральский район, при их неисчерпаемых богатствах, при центральном положении, при выполненных за время войны огромных технических улучшениях, при наличии собственного, поколениями связанного с заводами и промыслами населения, имеют перед собой ослепительное будущее. Нужно твердо, талантливо, даже вдохновенно наметить новые, нешаблонные пути реставрации, перерождения и новой жизни.

Первое заседание открыл адмирал; старались, чтобы вышло торжественно, но спешка и отсутствие организации обратили все всмятку.

Речь Верховного правителя была им прочитана; составлял ее, кажется, назначенный председателем съезда член Совета министров Г.К. Гинс. Речь не яркая, не выпуклая, видимо наспех набросанная; голос у адмирала глухой, невыигрышный, еще более терял в огромном сыром зале с железобетонным потолком. Речь приветствовали овациями, вызванными, несомненно, большими надеждами, связанными со съездом.

Съезд начался очень чинно и деловито; Гинс председательствовал мастерски; заседание мало напоминало наши бурливые, бранчливые разговорки.

Несомненно, серьезность задачи, тяжести пережитого воодушевляли деловых людей, а военное положение и общее настроение сдерживали столь обычных у нас ораторей, делающих такие съезды ареной для своего красноречия и для выявления своей оппозиционности и демократических чувств. Видно было, что все заявления и разъяснения были поручены двум главным ораторам — бывшему главному начальнику Уральского края С.С. Постникову и председателю бюро горнопромышленников Европеусу.

Обедали у Гайды в шикарном особняке суконного фабриканта Злоказова. Я сидел с шибко лезущим вверх генералом Сахаровым,

сотрудником Нокса по устройству Владивостокской офицерской школы, автором проекта создавать молодых офицеров краткосрочным обучением. Судя по его деятельности, он по идеологии недалеко ушел от блаженной памяти графа Аракчеева; по словам профессора Николаевского инженерного училища генерала Ипатовича-Горанского, Сахарова в училище звали «бетонной головой»; внешний вид его подходит к этому названию, внутреннее содержание, по-видимому, тоже. Он влюблен в Иванову-Ринова и заявил мне, что тот представляет крупного государственного человека. Оба они держиморды аракчеевского типа, и оба были бы хорошими командирами дисциплинарного батальона, где их «государственные» качества нашли бы отличное применение. В Омске на эти типы спрос; неспособная рассуждать стремительность нравится, и в ней видят залог твердости и успеха <...>

13 мая. Вечером выехали обратно в Омск. Проведенного в Екатеринбурге времени не жалею, ибо здесь получил много ценных наблюдений и пришел, к сожалению, к грустным и тяжелым выводам. Повидал Гайду и его антураж, убедился в их ничтожной боевой ценности при огромной самонадеянности, бахвальстве и склонности к атаманщине. Их стратегические разговоры и военные умозаключения очень напомнили мне такие же разговоры членов разных армискомов и комиссаров, сделавшихся сразу великими стратегами, вождями и политиками. Я не сомневаюсь в том, что эти скороспелые генералы сами ходят в штыковые атаки (если последние только бывают, в чем я, грешный человек, не уверен), но это приводит к тому, что настоящего управления войсками ни на боевом фронте, ни в тылу нет; нет и не будет, ибо учиться эти вундеркинды не желают.

Увидел сибирские резервы и с горечью убедился в том, что, несмотря на всю серьезность положения, у нас сохранились старые привычки готовить войска для парада, а не для войны, и втирать очки внешностью и подмазанным показом; с ужасом думаю о том, что сидящие в Екатеринбурге стратеги способны на то, чтобы отправить эти совершенно сырые толпы на фронт и поставить их в условия, требующие продолжительного напряжения и умения маневрировать; тогда все это несомненно побежит; будь успешное наступление, то, конечно, пригодились бы и такие части, которые постепенно бы втянулись и выровнялись, но сейчас их пуск в бой будет равносильен тому, чтобы тушить костер, заваливая его вязанками соломы.

Обманывают Верховного, убежденного теперь, что у него есть нетронутые резервы и поэтому все неудачи на фронте Западной ар-

мии скоро будут поправлены; обманывают и тешат свое распухнувшее самолюбие: поглядите-ка, какие мы великие организаторы, маги и волшебники, рождающие полки, дивизии и десятки тысяч укомплектований. И нет средств бороться с этим обманом, ибо Ставка тоже ничего не понимает и думает только об успехах, победах и трофеях».

Б у д б е р г А. Дневник белогвардейца С. 16—35.

№ 132

Сообщение о пребывании Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака 14 мая 1919 г. в Уфе во время его второй поездки на фронт

«Уфа. 14.V. Верховный правитель произвел смотр войск и объезд госпиталей. Там Верховный правитель наиболее отличившимся раненым раздавал Георгиевские кресты. В честь Верховного правителя городом был дан обед. С речами выступили представители города, земства, Биржи и торгово-промышленных организаций, Союз сельских хозяев, судебного ведомства, культурно-просветительских обществ. С вниманием была выслушана речь рабочего, просившего в будущем строительстве России не забыть рабочий класс.

На все приветствия Верховный правитель ответил одною речью. Произнесенная с подъемом и блестящая по форме, глубокая по содержанию, она произвела сильнейшее впечатление. Верховный правитель говорил в этот раз о психологии, моральных основах большевизма, как учения, отрицающего идеи чести, долга и ответственности перед Отечеством и своей совестью. С этим моральным разложением, которым проникнуты ныне все классы общества, общество же и должно бороться само, ибо никакая внешняя борьба здесь не поможет. Приняв на себя власть, он, Верховный правитель, верил и продолжает верить в моральные силы общественности.

Около 11 часов вечера под крики «Ура» и аплодисменты собравшихся Верховный правитель отбыл из зала гарнизонного собрания, где был устроен обед, и направился в штаб армии. При выходе оттуда он был благословлен поднесенной ему иконой Святого Сергия Радонежского и отбыл в свой поезд, который отошел из Уфы в час ночи 14 мая».

Правительственный вестник. 1919. 16 мая.

№ 133

**Сообщение о посещении Верховным правителем
и Верховным главнокомандующим адмиралом
А.В. Колчаком 30 июня — 3 июля 1919 г. станции
Поклевской, городов — Камышлова, Екатеринбурга и
Златоуста во время его четвертой поездки на фронт**

«На станции Поклевская Верховный правитель в салон-вагоне принял депутацию от союза хлеботорговцев, поднесшую Верховному правителю на нужды армии 20 000 рублей. Депутацию представлял [общий] член Государственного совета Поклевский-Козелл.

Вечером в Камышлове Верховный правитель принял управляющих Пермской и Вятской губерниями, с которыми беседовал об организации помощи беженцам.

В 9 часов поезд Верховного правителя прибыл в Екатеринбург.

На вокзале Верховный правитель был встречен главнокомандующим фронтом генерал-лейтенантом Дитерихсом и высшими чинами военного и гражданского ведомств...

Около 11 часов вечера поезд Верховного правителя отошел со станции Екатеринбург. В дальнейшей поездке Верховного правителя сопровождает главнокомандующий фронтом генерал-лейтенант Дитерихс.

2 июля около двух часов дня поезд Верховного правителя имел краткую остановку на станции Златоуст, где Верховным правителем приняты генерал-майор Вишневецкий, начальник горного округа, и начальник Златоустовского завода.

Около 5 часов вечера Верховный правитель прибыл на станцию, где был встречен почетным караулом Особого отряда при штабе Западной армии и высшими чинами штаба. Немедленно по приезде начался оперативный доклад начальника штаба. К 8 часам вечера прибыл в поезд с фронта ген[ерал]-майор Сахаров, приглашенный вместе с своим начальником штаба к столу Верховного правителя.

После обеда начался доклад ген[ерал]-майора Сахарова, окончившийся глубоко за полночь. 3 июля с утра Верховный правитель принимал военные доклады».

Правительственный вестник 1919. 4 июля; Отечественные ведомости. 1919. 6 июля.

№ 134

Воспоминания генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, как в бытность его командующим Западной (затем — 3-й) армией к нему приезжал Верховный правитель и Верховный главнокомандующий А.В. Колчак

«Дважды приезжал за это время отхода от Челябинска на Петропавловск ко мне в армию Верховный правитель адмирал Колчак, чтобы лично проверить нашу работу, и видел условия, в каких она протекала.

Однажды, когда мы ехали автомобилем к передовым частям, адмирал обратился ко мне в разговоре с вопросом:

— А почему вы без револьвера?

Я ответил, что мой тяжелый наган, казенного образца, вожу всегда с собою, но носит его мой ординарец, унтер-офицер.

— Так нельзя, — возражал А.В. Колчак, — надо иметь постоянно при себе. Вот смотрите, я ношу всегда сам, — добавил он, ударив рукою по маленькому браунингу, висевшему в чехле у его пояса. — Мало ли что может случиться! Необходимо иметь непоколебимое решение, быть всегда готовым выпустить шесть пуль, защищаясь, а последняя себе. Живыми в руки нам даваться нельзя...

Примерно через месяц ко мне явился офицер-ординарец адмирала и передал от него сверток: карманный испанский парабеллум № 21 727 и письмо, которое приложено ниже <...>

Привожу этот небольшой случай, но характерный, рельефно показывающий три стороны взгляда покойного А.В. Колчака на положение, в котором приходилось тогда вести работу, с постоянной мыслью о последней пуле для себя; его исключительно внимательное отношение к нам, офицерам; небольшая иллюстрация того, как стоял у нас в армии вопрос с оружием.

В последние приезды перед сентябрем адмирал имел очень утомленный, даже усталый вид. И каждый раз, уезжая, он говорил мне:

— Вы знаете, здесь, на фронте, отдыхаешь, — так все хорошо, просто, такая здоровая атмосфера настоящего дела. Если бы они могли так же работать в тылу».

Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 130

**Генерал-лейтенант А.П. Будберг о поездке
А.В. Колчака на фронт в августе 1919 г.**

«21 августа. С утра собирались ехать в Ижевскую дивизию¹⁶⁴, но адмирал чувствует себя простуженным и поездку отложил. Ижевская дивизия резко выделяется на всем фронте по своему составу; она образовалась исключительно из ижевских рабочих; такой состав придает ей редкую однородность.

Хотел проехать в ближайшие штабы корпусов или, как их теперь называют, групп, но оказалось, что они находятся в движении, продолжая отход на восток; понимая, что в такое время приезда тылового посетителя более чем некстати, изменил свое намерение и объехал ближайшие к станции районы, где стоят обозы и куда отходят некоторые резервы

Впечатление то же, что и вчера; по внешности серо и неказисто, но внешнего порядка более, чем можно было ожидать после трехмесячного отступления; количество нестроевого элемента поражает своими размерами; бросается в глаза очень приличное снабжение обозных и всей штабной челяди.

Внутренней дисциплины мало; больше всего заботы о личных удобствах; обязанности же постольку-поскольку это не обременительно и не неприятно.

Был в штабе армии и в нескольких канцеляриях; всюду усердно пишут, и получается впечатление кипучей работы.

Познакомился с состоянием снабжений; полтора месяца тому назад Неклютин уверял, что организация особой агентуры по приобретению и использованию местных средств выдачей их сразу в войсковые части идет очень успешно; я поверил и радовался, ибо видел в этом одно из действительных средств по облегчению подвоза и по прекращению грабежей, по выработанной нами схеме, по всему фронту должны быть учреждены уполномоченные министерства продовольствия и снабжения с большими правами и кредитами, идущие вместе с войсками, покупающие у жителей все для войск необходимое и передающие все приобретенное сразу же на войсковое довольствие.

В действительности оказалось, что нигде до сих пор таких уполномоченных нет и они где-то в тылу собираются приступить к этим обязанностям. Таковы оказываются результаты проверки деятельности этого черепашого министерства

Связь войск с их довольствующим тылом налажена очень слабо, несмотря на благоприятные условия отхода на свой тыл, при таких

условиях и при должной заботливости можно было отлично наладить довольствие и не обижать население, но этого, к сожалению, не сделано.

Войска убеждены, что в тылу ничего нет и что бесполезно даже надеяться что-либо оттуда получить; поэтому все базируется на собственный промысел и добывание.

Даже штаб армии не знает своих армейских средств; офицеры жаловались мне, что их заедают вши, а в отделении полевой аптеки цгтарма столько дезинсекционных средств, что ими можно вымазать несколько раз всю армию.

Трудно представить, до чего доходит беззаботность армейских верхов; сейчас вся армия жметя к железной дороге и в отношении довольствия находится от нее в полной зависимости; однако управление военных сообщений до сих пор не догадалось, что надо установить движение правильно ходящих этапных поездов, обслуживающих войсковые нужды; такие поезда имеют серьезное значение для упорядочения снабжения и всей тыловой службы, вносят систему, связывают фронт и тыл и становятся обычно крупным фактором в хозяйственной и обывденной жизни войск; их приход и уход делаются одним из важнейших событий дня для всех тяготеющих к известной станции войск и учреждений.

Когда я выразил сожаление об отсутствии таких поездов, то мне ответили, что они давно в ходу, и даже дали расписание, которое при проверке оказалось никем не исполняемой бумагой; когда-то хотели установить такое сообщение, отдали все распоряжения, да забыли проверить исполнение.

Все так и осталось писаной бумагой; к сожалению, таких случаев десятки — подтверждение тому, что не все, что пишется в штабах, выговаривается в низах.

За завтраком у адмирала видел весьма юного генерала Косьмина, из недавних поручиков, убежденного сторонника того, чтобы все старшие начальники сами ходили с винтовками в штыковые атаки или прикрывали отступление.

Этот абсурд самым прочным образом укрепился на фронте, и им так нафаршировали адмирала, что он сам готов взять винтовку и драться наравне с солдатами; я уверен, что он проклинает омскую работу, которая мешает ему устремиться на фронт и показать тот идеал начальника, который ему рисовали и рисуют; это объясняет его частые поездки на фронт, ибо он боится, чтобы его не упрекнули в отсиживании в тылу.

Вечером адмирал разговорился на политические темы и выказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и историче-

ской обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на свое положение как на посланный Небом подвиг и непоколебимо убежден, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России все ее величие и славу и возвратить все отпавшие и отторженные от нас земли.

Он с восторгом рассказал случай с отказом принять предложение помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндии; когда же я ему высказал, что не было ли такое решение крупной военной и государственной ошибкой, то он весь вспыхнул, страшно огорчился и ответил, что идею великой неделимой России он не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды. Несомненно, что это его *credo*.

Слушая его, думал, сколько хорошего можно сделать из этого вспыльчивого идеалиста, полярного мечтателя и жизненного младенца, если бы слабой волей руководил кто-нибудь сильный и талантливый, и руководил так же искренно и идейно, как искренен и предан идее служения России сам адмирал.

23 августа. Поздно вечером вернулись в свой поезд, а рано утром отправились в штаб 2-й армии; опять понеслись четыре автомобиля по пустынным полям и перелескам, руководствуясь старой и плохой картой; адмирал очень рискует, пускаясь в такие поездки, но никто не решается ему об этом сказать, ибо пользы не будет, но зато штормование будет самое генерал-адмиральское.

Распрощались с Сахаровым, усердно настраивавшим адмирала на убеждение, что все наше спасение в наступлении и что постоянный отход разваливает армии; повторялись напетые в академии разговоры о «подлой обороне» и о том, что побеждает всегда наступающий; все это давно известно, но следует знать также, что всякому овощу свое время и что бывают такие обстоятельства, когда все спасение в своевременном и разумно руководимом отступлении и в искусном применении всех выгод оборонительной войны.

Сейчас вся обстановка такова, что мы должны отходить, должны обороняться и выигрывать всячески время, нужное для приведения в порядок наших частей.

Наступление же с остатками армий, без резервов и укомплектований — это полное безумие, последняя ставка зарвавшегося игрока.

Что Сахаров бубнит о наступлении, это вполне понятно, ибо ему надо поправить свое положение, подорванное челябинской неудачей; по своей военной ограниченности он не в состоянии даже разобраться как следует в данном вопросе и оценить возможность наступления во всей его совокупности. У него, как у большинства наших че-

столюбивых выскочек, главную роль играет желание и собственное усмотрение, а все остальное ломается и пригибается так, чтобы соответствовать требованиям и хотениям воли, самодурства и фантазии. В общем гибельное засилие маниака, над которым нет контроля и удержки.

Пересекли длинные колонны обозов,двигающихся на восток; характер все тот же, только кое-где на повозках очень много женщин и детей.

Штаб 2-й армии расположен в большом торговом селе Мокроусове; командующий 2-й армией генерал Лохвицкий произвел на меня благоприятное впечатление своим обстоятельным и правдивым докладом о состоянии армии.

Адмирал сразу же перешел на необходимость в конце августа начать наступление. Лохвицкий очень тактично, с разными подходами, без острых углов, но обстоятельно и доказательно доложил, что недавно принятая им армия находится в таком состоянии, что наступать не может, хотя бы даже потому, что части войск во время отхода растеряли все средства связи; затем все отделы снабжения находятся в самом жалком состоянии, усугубляемом тем, что 2-я армия не базируется на железную дорогу и принуждена жить подвозом по грунтовыми дорогам, не имея организованных колесных транспортов.

Так же умело доложил Лохвицкий и о подорванном нравственном состоянии армии; вообще это был правдивый доклад настоящего начальника, разобравшегося во всей обстановке и не боящегося докладывать правду и собственное мнение.

Состояние тыла армий действительно хаотично; при образовании фронта самостоятельное снабжение армий было сначала уничтожено, а потом приказали его опять восстановить, и все это внесло неопределяемую путаницу в это сложное и скрипучее дело.

Старые кормильцы, хозяйственные хвосты дивизий и полков, разорвались на кучки и находятся неизвестно где; многое улетело в общем эвакуационном потоке в Новониколаевск и Красноярск; правильная система снабжения из магазинов регулярным кругооборотом обозов и транспортов не существует.

Вечером воспользовался благоприятной обстановкой, созданной докладом Лохвицкого, и, стараясь всячески сдерживаться, начал доказывать адмиралу, что армии еще не окрепли настолько, чтобы с ними можно было рисковать на решительное и длительное наступление.

Пришлось следовать примеру Лохвицкого и идти последовательными подступами, чтобы не дать адмиралу сразу заикнуться и прекратить

разговор. Очень трудно говорить по такому деликатному и сложному вопросу с моряком и касаться тонкостей и деталей сухопутной войны, да еще в заведомо неприятном для собеседника направлении.

Адмирал сразу закинулся и нервно стал выбрасывать доводы о необходимости наступления как спасения от развала армий, о невозможности обороны и пр. и пр.

Когда он выкипятился, я доложил ему свои подробные соображения о зависимости всякой операции — а тем более наступательной — от устройства тыла и обеспеченности снабжений; обрисовал маневренную, нравственную и техническую неготовность частей и выразил уверенность, что части смогут начать наступление, но окажутся неспособными его развивать.

Закончил докладом, что временно надлежит отказаться от идеи наступления и перейти временно к обороне на укрепленных позициях на Ишиме и даже на Иртыше.

На это адмирал довольно холодно ответил мне, что главнокомандующий фронтом и командующий 3-й армией, отлично осведомленные о состоянии подчиненных им армий, настроены совершенно иначе и удостоверяют, что к сроку задуманного наступления все будет готово в вполне удовлетворительной степени.

Опять выходило «сапожник, знай свои сапоги»; тем не менее я повторил свои доводы о недопустимости при нашем положении риска и о том, что лучше потерять пространство, чем нашу последнюю живую силу.

24 августа. Утром узнали, что вчера вечером красные внезапным налетом конного отряда захватили станцию Лебяжью, с которой только что убрали в тыл поезда адмирала и Сахарова; очевидно, красные узнали, что на станции стоит штаб армии и решили попробовать захватить столь ценный приз.

Выяснилось также, что 23 августа весь левый фланг 3-й армии и ее штаб были совершенно обнажены, так как самая левофланговая группа генерала Каппеля, слабая числом и вымотанная боями и переходами, потеряла способность удерживать фронт и, угрожаемая прорывом надвинувшихся красных, откатилась на 30 верст на восток, оставив штаб армии ничем не прикрытым.

С занятием Лебяжьей штаб 2-й армии и находящийся в нем Верховный правитель и Верховный главнокомандующий очутились вне всякой связи с соседними штабами армий и со Ставкой.

С изумлением пришлось узнать, что вся связь штаба 2-й армии шла через станцию Лебяжью, т. е. не назад, а вбок и даже немного вперед.

Связи назад не было, и все просьбы начальника штаба армии об устройстве таковой разбивались об упрямство начальника общего отдела Ставки, который убивал все технические средства связи на подготовку какой-то весьма нелепой сети на случай наступления.

Хорошо еще, что в течение всей ночи красные не догадались перерезать железнодорожные провода, в которые были включены армейские станции, и нам удалось кое-что узнать и кое-что передать.

Не без труда удалось убедить адмирала, что ему нельзя продолжать разъезжать по частям 2-й армии, не имея никакой связи с Омском, и что надо переехать в такой пункт, где бы он был связан и с Омском, и со всеми штабами армий.

Адмирал крайне рассержен на то, что неожиданный откат левого фланга 3-й армии нарушил все расчеты и всю идею «его» наступления и что теперь придется отнести назад линию развертывания назначенных для наступления дивизий.

Я еще раз воспользовался случаем и опять доложил адмиралу, что надо повременить с «его» идеей наступления, так как случай с группой Каппеля предупреждает еще раз, что все пределы сопротивляемости частей перейдены, что нервы у них перетянуты и что с такими больными войсками невозможны никакие наступательные операции ..

После часового разговора очень расстроенный адмирал спросил меня, что же делать, если не наступать, я доложил опять, что надо все расстроенные дивизии отвести за Ишим, спешно отрекогносцировать и укрепить восточные берега и на укрепленных позициях задержать красных до тех пор, пока мы не произведем необходимые организационные реформы, выправим настроение и снабжение армий, наладим резервы и укомплектования и вообще подготовимся к настоящей наступательной операции с полной надеждой на успех. Я не хотел пугать адмирала, высказывая свое мнение, что эта готовность будет не ранее следующей весны; мне было необходимо только попытаться сломать, и прочно сломать, навязанную ему веру в необходимость скорого наступления.

Одновременно с укреплением линии Ишима надо продолжать отход фронтовых дивизий к этой линии, избегая ежедневных изматывающих войска стычек, под прикрытием арьергардов из более стойких частей.

По отходе за Ишим, занятый к этому времени отдохнувшими частями, передовые дивизии составят резервы оборонительных участков, что позволит им также отдохнуть. Одновременно надо использовать конницу, бросив ее глубоким набегом в тыл и на сообщения

красных (очень жалко, что Каппель заболел дизентерией, что снимает его кандидатуру на командование конницей).

В конце беседы очень взволнованный адмирал сказал мне, что многое из сказанного мной кажется ему убедительным и он еще поговорит с Сахаровым и пересмотрит уже принятое решение по поводу наступления.

Переговоры с Сахаровым грозят свести на нет все мои усилия. Первый удар успеху моего доклада был нанесен приехавшим к адмиралу начальником конной группы генералом Волковым, настроенным очень воинственно и сразу поднявшим наступательные тенденции адмирала. Уже тут я понял, что моя борьба проиграна и что наступление мне не остановить.

После обеда понеслись на станцию Макушино, но нашего поезда там не нашли, так как ввиду угрожаемого положения этой станции его отправили на станцию Петухово; тут же узнали, что группа Каппеля продолжает катиться назад и вместо нее экстренно выдвинута на левый фланг Ижевская дивизия.

На станции Петухово к адмиралу явился Сахаров; сначала он был очень смущен, докладывая об откате своего левого фланга, но скоро оправился и сделался хозяином положения. В частности, доложил, что из подслушанного на линии разговора между красными штабами стало известным, что налет на Лебяжью был произведен отрядом известного уральского партизана Катирина, хотевшего захватить штаб 3-й армии¹⁶⁵; как человека я пожалел бы Сахарова, если бы его захватили красные, но был бы доволен, если бы этот горе-полководец исчез с нашего стратегического горизонта.

Под влиянием Сахарова и общего шторма, вызванного переводом поезда на станцию Петухово, адмирал быстро вернулся к своему наступательному настроению и продолжал злиться на красных и на группу Каппеля за то, что нажим первых и откат второй сорвали весь его план наступления и все надо наново переделывать.

Решено вернуться в Омск; моя поездка с адмиралом кончилась довольно быстро; оптимистических впечатлений из нее я не вынес; зато убедился, что эти поездки совершенно бесполезны для дела; потревоженные в своем обиходе штабы и войска смотрят на них косо и даже недружелюбно, искренности намерений адмирала и его стремления разделить общие тяготы и всячески помочь никто не знает и не оценивает; подарки и награды, им рассыпаемые, скоро забываются; зато крепко учитываются и не забываются случайные штормы, разносы, задержка железнодорожного движения, мотание частей на смотры и т. п.

У царской власти эти минусы кое-как покрывались традициями, ну а новой аплике все это ставится в счет.

25 августа. Свита адмирала позволяет себе делать очень печальные для авторитета власти распоряжения; сегодня утром остановили оба эшелона адмиральского поезда на забитом разъезде только потому, что иначе адмирал не успеет пробиться до прихода поезда на станцию Петропавловск.

Адмирал этого и не подозревал, а между тем это на 1¹/₂ часа задержало всю эвакуацию заваленного эшелонами и грузами Макушинского узла...

В Петропавловске адмирал выслушал доклады начальника резервной группы генерала Косьмина о состоянии пяти дивизий (по численности равных батальонам) 3-й армии, стоящих здесь на отдыхе. Юный генерал, несомненно, желал угодить в тон адмиралу и бойко докладывал, что если ему дадут то-то и то-то, то к началу сентября или «немножко позже» все его части будут готовы к наступлению...

Я убедился, что то, что Косьмин считает воинскими частями, представляет собой совершенно сырые кучи людей, имеющих внешний облик солдат, но лишенных внутренней спайки и специальной подготовки. Да иначе и быть не могло: наши вундеркинды никак не могут учесть той разницы, которая внесена в наш обиход отсутствием у нас старых и опытных кадров; они живут прежними привычками, когда эти кадры в несколько недель переваривали приходящие к ним укомплектования и своими боевыми и моральными качествами руководили и вели за собой остальной молодой состав части.

Теперь все это отошло в область прошлого, и с этим надо считаться, особенно же если вы желаете предъявить к войскам (ныне уже специфически милиционного характера, да еще с прибавкой насильственных мобилизаций) требования длительного и напряженного наступления. Ведь последнее требует опытного командования, знающих и втянутых в войну кадров, обученного состава, прочности морального состояния, удовлетворительного хотя бы снабжения и сносной подготовки войскового и армейского тыла.

Ничего этого у нас нет, а мы пыжимся начинать решительное наступление. Мы базируемся на числе «штыков», а их-то у нас — в настоящем, боевом значении этого слова — и нет.

Ставка гонит сюда все, что только можно собрать в тылу по части пополнений; несколько таких эшелонов стояло здесь на станции, и я их обошел; народ все здоровый и по внешнему облику довольно симпатичный; одеты в новое обмундирование, но не имеют снабжения, необходимого для похода (его нет и в частях); срок обучения в ты-

ловых частях колеблется между 2 и 11 днями, причем занятия сводились главным образом к словесности, отдаванию чести, гимнастике и маршировке; многие не видали еще винтовки, а стреляли только одиночные люди из застрявших почему-либо в этих частях на более долгие сроки.

Судя по внешнему виду, из этих укомплектований можно сделать хороших солдат, но для этого надо несколько недель усердной работы опытных и добросовестных руководителей; пример этому можно видеть в Омске по результатам работы нашего владивостокца Волкова и его офицеров.

Адмирал опять полон наступательными тенденциями и приказывает всячески торопить снабжение; доложил, что все, что было, отдано на фронт или захвачено Ивановым-Риновым, но что того, что выслано и сдано войсковым приемщикам, достаточно для снабжения наших армий; надо только расшевелить армейские снабжения, так как из доклада коменданта станции я знаю, что вещевые эшелоны стоят по неделям без разгрузки.

Из беседы с командирами частей убедился, что, несмотря на многочисленные штабы и бесчисленные осведомления, войска сидят в полной темноте по части всего, что делается в тылу, в стране, в правительстве и т. п. (Только от меня узнали, например, о новых окладах пенсий.) Настроение к союзникам довольно недружелюбное, так как изверились в их реальную помощь, болезненно желательную, потому что все истомились, истрепались, сознают всю трудность положения и жаждут облегчения и помощи».

Б у д б е р г А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). С. 222—224, 227—233

№ 136

Бывший главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.К. Гинс о поездке А.В. Колчака в октябре 1919 г. на фронт

«В начале октября Верховный правитель собирался в дальнюю поездку, в Тобольск. Я решил сопровождать адмирала. Мне хотелось ближе познакомиться с ним, хотелось также побывать на фронте, у самого огня, увидеть солдат, офицеров, ознакомиться с их настроениями...

Поездка в Тобольск состоялась. Для адмирала был реквизирован самый большой пароход «Товарпар». Он должен был отойти в Се-

мипалатинск. Уже проданы были билеты, и публика начала занимать каюты, когда пришло приказание: «Всем пассажирам выгружаться». Шел дождь. Другого парохода не было, а публику гнали с парохода.

Бедный адмирал! Он никогда не знал, что творилось его именем. Исправить сделанного уже было невозможно, и я ничего не сказал ему...

Адмирал выехал в мрачном настроении. Он долго не выходил из дому, у него затянулся доклад главнокомандующего фронтом. Прибыв наконец с большим запозданием на пароход, он первым делом поручил мне сделать распоряжение, чтобы в Омске были освобождены все большие здания под лазареты.

По всему видно было, что военный доклад Дитерихса был не из ободряющих. Адмирал очень неохотно согласился подписать несколько срочных законов:

— Последний раз подписываю при отъезде — прикажите, чтобы мне докладывали не позже чем накануне.

Но вот все сделано, и пароход отходит. Быстро промелькнули собор, купол здания судебных установлений, загородная роща, сельскохозяйственное училище, где все мы отдыхали после трудовых недель, вот уже Захламинская станица — все знакомые места, с которыми связано столько горько-сладких воспоминаний.

Вышел посмотреть на Омск и адмирал.

Правый берег Иртыша становится выше, интереснее. Пароход идет быстро. Через два-три часа мы уже проезжаем лучшие места: Чернолучье, где я когда-то неудачно отдыхал в дни увольнения Гришина-Алмазова, потом Краснолучье. Берег украшен бором, довольно живописен, а Иртыш вертится во все стороны, извивается, оправдывая свое простонародное имя «Вертыш», и, огибая какую-нибудь луку, мы иногда приближаемся к тому месту, где только что были, но с другой стороны.

— Как здесь легко обстреливать пароходы, — с оживлением говорит один офицер из походной канцелярии, любуясь «по-своему» видами. — Я, как пулеметчик, мог бы пустить ко дну любой!

Вот направление мыслей, которое породила многолетняя война.

Стало, однако, темнеть. Задернули занавески. Углубились в книги — и незаметно подкралась беспредметная, тягучая тоска.

Искусственный покой, когда кругом все пылает, хуже работы. Она отвлекает и рассеивает. Но зато как полезно искусственное уединение. Как оно удобно для того, чтобы осмотреться, обдумать все назревшее.

Я постучал к адмиралу. Он сидел за книгой и был, по-видимому, недоволен, что его покой опять нарушен. Мне нужно было получить некоторые указания. Разговорились. Зашла речь о впечатлениях командированного мною в губернские города Сибири помощника моего, Бутова.

— Все одно и то же, одно и то же. Как же, наконец, это исправить? — сказал адмирал. — У вас-то самого есть какое-нибудь предложение?

Действительно, все было «старое», набившее оскомину и в то же время до боли живое, вопиющее. Беззакония на местах, невероятные задержки центра в ответах на запросы с мест, волокита, безграмотная военная цензура, которая доходит до того, что извлекает из газет заметки управляющих губерниями.

Приказать, чтобы было иначе, — это не значит что-либо сделать; все будет идти по-прежнему. Издать хорошие законы? Какая гарантия, что они исполняются?

— Знаете, — сказал адмирал, — я безнадежно смотрю на все ваши гражданские законы и оттого бываю иногда резок, когда вы меня ими заваливаете. Я поставил себе военную цель: сломить Красную армию. Я главнокомандующий и никакими реформами не задаюсь. Пишите только те законы, которые нужны моменту. Остальное пусть делают в Учредительном собрании¹⁶⁶.

— Адмирал! Мы ведь только такие законы и пишем. Но жизнь требует ответа на все вопросы. Чтобы победить, надо обеспечить порядок в стране, надо устроить управление, надо показать, что мы не реакционеры, словом, надо сделать столько, что на это у нас не хватает рук.

— Ну и бросьте, работайте только для армии. Неужели вы не понимаете, что какие бы мы хорошие законы ни писали, все равно нас расстреляют, если мы провалимся!

— Отлично! Но мы должны писать хорошие законы, чтобы не провалиться.

— Нет, дело не в законах, а в людях. Мы строим из недоброкачественного материала. Все гниет. Я поражаюсь, до чего все испоганились. Что можно создать при таких условиях, если кругом либо воры, либо трусы, либо невежи! И министры, честности которых я верю, не удовлетворяют меня как деятели. Я вижу в последнее время по их докладам, что они живут канцелярским трудом; в них нет огня, активности. Если бы вы, вместо ваших законов, расстреляли бы пять-шесть мерзавцев из милиции или пару-другую спекулянтов, это нам помогло бы больше. Министр может сделать все, что он захочет. Но

никто сам ничего не делает. Вот вы излагаете мне разные дефекты управления, ваш помощник их видел — что же вы сделали, чтобы их устранить? Отдали вы какие-нибудь распоряжения?

Адмирал начал волноваться. С обычной своею манерою в минуты раздражения, он стал искать на столе предмет, на котором можно было бы вылить накипевшее раздражение.

— Хорошо, — сказал я, — разрешите мне распорядиться, чтобы военные цензора назначались по соглашению с управляющими губерниями.

— Этого нельзя. Нет, из этого ничего не выйдет.

Адмирал сразу потух. Казалось, своим предложением я сразу попал в наиболее чувствительное место. Подчинение военного мира гражданскому — это было в его глазах чем-то сверхъестественным, почти чудовищным.

— Я знаю, — прибавил он, — вы имеете в виду военное положение, милитаризацию и т. д. Но вы поймите, что от этого нельзя избавиться. Гражданская война должна быть беспощадной. Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас. Так было в Англии во время войны Алой и Белой розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне. Если я сниму военное положение, вас немедленно переарестуют большевики, или эсеры, или ваши же члены Экономического совещания, вроде Алексеевского, или ваши губернаторы, вроде Яковлева.

Я улыбнулся, потому что нападки на членов Экономического совещания, представлявших, с моей точки зрения, самую невинную оппозицию, казались мне стрельбою из пушек по воробьям. Я не раз говорил об этом адмиралу, и сейчас не мог не вернуться к своей мысли.

— Мы должны работать с новыми людьми. Если мы не дадим выговориться тем, кто страдает парламентским зудом, как Кроль или Алексеевский, не назначим губернаторами или даже министрами нескольких честолюбивых эсеров, не сделаем послом Авксентьева или главнокомандующим революционного генерала, вроде Пепелёва, или партизана, вроде Каппеля, — мы ничего не достигнем... В чем смысл революции? В социальном переустройстве? Ничего подобного: все вернется в прежние рамки собственности и экономической конкуренции. В государственном переустройстве? Едва ли: народ не интересуется людьми, которые обладают непосредственно близкою им властью. Я считаю, что революция в конечном результате приведет к реакции и культурной, и государственной, но она переродит мозг

страны, обновит, как тиф, организм, вынеся на поверхность новых людей. И я стоял и стою за крестьянские съезды, за Земское совещание только потому, что они могут выдвинуть совсем новых «земляных» людей, которым население будет верить. И эта вера — единственное и исключительное условие победы. Вот в чем мое убеждение!

Я говорил взволнованно, а адмирал, наоборот, успокаивался

— Но почему же вы, например, не новый человек? Почему другие министры не новые? Ведь мне писали, что как раз моему правительству и ставят в плюс князь Львов и другие наши парижане, что оно состоит из свежих людей.

— Я не «новый», потому что не имею достаточного общественного стажа, а в Сибири и я и большинство других министров, вроде Сукина, Краснова, Тельберга, Смирнова, — люди «навозные», чуждые сибирской общественности. Мы все оттого и держимся за Вологодского, что он один обладает большою известностью в Сибири, восполняя этим недостаток большинства. Не буду говорить о других, но я-то сам — что мог я сделать, как мог бы я решиться на более самостоятельную и ответственную роль, когда я для одних — обрусевший немец, для других подозрителен, как говорил один омский монархист, «по черноте масти», для третьих — загадочная личность или, по сплетням, даже хуже! Я видел уже весной, когда соглашался работать активнее, что у меня поддержки нет, что я ни на кого не могу опереться. Мне не будут верить и будут мешать. И это участь почти всех омских министров, и оттого-то мы только «омские», мы — министры «полустанка»...

— Опирайтесь сейчас можно только на штыки.

— Нет, я с этим не согласен. Мы виновны в происходящем отступлении именно тем, что не сумели создать себе иной опоры. Все мы, ваши министры, не сумели помочь вам в создании опоры в стране. Мы говорили, что опираемся на крестьянство, но не отдавали себе ясного отчета в том, как эта опора создается, как теснее связать крестьянство с властью. Мы не сумели организовать на местах «крестьянской» обороны, «крестьянской» власти, а в центре «крестьянского» парламента. Не будучи ни политиками-профессионалами, ни общественными деятелями, мы не умели приобрести популярности, мы были неподвижны, не ездили, не говорили.

— Но ведь вы же ездили, Пепеляев постоянно ездит.

— Не знаю, как Пепеляев, но мои поездки были неудачны. На Урале я нигде не выступал как выразитель политического направления власти; я ездил как председатель Экономического совещания, с узкими интересами к состоянию заводов. Ни я, ни Шумиловский нигде не показали себя министрами. Какая-то непривычка быть носи-

телями власти, вредная неприязнительность, скромность, неумение разворачиваться, захватывать общественное внимание... Мы были только путешественниками, только наблюдателями.

— Но почему же? Кто вам мешал?

— Каюсь: наше неумение, но также, скажу откровенно, сознание фактической безответственности. Куда ни взглянешь, везде чувствуешь, что к омским министрам относятся все как к чему-то временному, второстепенному, что настоящая власть сейчас — вы и командующие армиями, что на нас всех смотрят лишь как на статистов власти... С тех пор как произошел переворот 18 ноября, центр тяжести переместился в военные круги. Вы и ваши генералы приняли на себя слишком много ответственности. При Сибирском правительстве и Вологодский, и все мы были другими, не только законодателями. Гришин-Алмазов и через него и весь военный мир были подчинены Совету министров. С тех пор как совместными усилиями эсеров и кучки интриганов устранили Гришина и посадили Иванова-Ринова, все покатило под гору. И сейчас я отчетливо чувствую, что вы поглотили всю гражданскую часть и что переложение ответственности на Верховного правителя, при формальном только ограничении его власти, подействовало разлагающе на членов правительства.

Наступило молчание. Адмирал нервно стучал карандашом по столу. В Омске в это время господствовало настроение в пользу расширения диктатуры, и адмирала постоянно настраивали против Совета министров.

— Я не могу теперь изменить этого порядка, — сказал адмирал. — Я считаю, что для временной войны только Положение о полевом управлении войск и система власти, им указанная, и могут годиться. Я Верховный главнокомандующий, и потому я ответственен за все. Так и должно быть по полевому управлению, которое я считаю несравненным по обдуманности и стройности. В нем опыт и гений веков.

— Ваше Высокопревосходительство! Я не раз слышал от вас этот отзыв, но, простите меня, я не верю теперь в полевое положение, как не верю и в Свод законов. С тех пор как Директория заставила нас воскресить старый Свод, а не приспособляться к новым условиям, наша борьба с большевиками пропиталась контрреволюцией. Я много испортил себе крови на аграрном вопросе и сейчас боюсь, что окружающие Деникина приведут его к краху плохой земельной политикой, но еще хуже, по-моему, что все канцелярии живут старыми законами, не проявляют творчества, инициативы, а ваши генералы живут Положением о полевом управлении войск, вовсе не рассчитан-

ным на гражданскую войну, они уничтожают на местах гражданскую власть и самодеятельность населения. Как будто в неприятельской стране организовали штабы, как будто готовились к завоеванию всего мира. Военное министерство похоже на музей древностей — до того оно пропитано отжившим бюрократизмом. Нет, ни со старыми людьми, ни со старыми законами далеко не уедешь!.. Возле вас долго стоял на самом ответственном политическом посту человек, который не верил в нашу способность победить большевиков. Я был поражен, когда узнал об этом. Я не понимал, как он мог оставаться на посту, который занимал, не веря в дело. Теперь, после всех неудач, я готов согласиться, что мы не можем победить, если не воодушевим населения и не создадим себе политической опоры. Разве вы не чувствуете, что все кругом нас безучастно к власти? Члены Экономического совещания говорят мне, что правительство не сможет выехать из Омска, что падение Омска предрешит и его гибель. Нужно повернуть руль в сторону тыла.

Адмирал нахмурился. Его глаза выдавали мрачные предчувствия, которыми он был полон. Его лицо стало трагичным.

Я не знаю, соглашался ли он со мной, но после моих с жаром произнесенных слов наступило тяжелое молчание.

Я хотел уже продолжать, когда он вдруг твердо произнес:

— Они могут взять Омск, если Деникин придет в Москву. Я знаю, что большевики обрушатся тогда всюю силою на Сибирь. Я боюсь, что мы тогда не выдержим... Вы правы, что надо поднять настроение в стране, но я не верю ни в съезды, ни в совещания. Я могу верить в танки, которых никак не могу получить от милых союзников, в заем, который исправил бы финансы, в мануфактуру, которая ободрила бы деревню... Но где я это возьму? А законы все-таки ерунда, не в них дело. Если мы потерпим новые поражения, никакие реформы не помогут; если начнем побеждать, сразу и повсюду приобретем опору. Вот если бы я мог как следует одеть солдат или улучшить санитарное состояние армии! Разве вы не знаете, что некоторые корпуса представляют собою движущийся лазарет, а не воинскую силу? Дутов пишет мне, что в его оренбургской армии свыше 60% больных сыпным тифом, а докторов и лекарств нет. Во всем чувствуется неблагоустроенная и некультурная окраина, которой напряжение войны не по силам. Устройство власти — это менее важный вопрос, чем ресурсы страны и снабжения. Я понимаю, что большевики действуют как шайка, которая повсюду насадила своих агентов и не только дисциплинировала их, как в бывшей казацкой вольнице, но и заинтересовала привилегией положения. Я не имею партии, никогда не

соблазняя преимуществами и не верю в то, чтобы деньгами или чинами можно было преобразовать наше мертвое чиновничество, но если можно как-нибудь изменить систему управления, то я хотел бы этого.

— А я считаю, что важен и интерес, и система. Но последнее, конечно, важнее, и если угодно, я скажу вам то, что мы, члены правительства, уже единодушно сознаем, какое средство пробудит активность власти. Надо взяться за реконструкцию центральной и местной власти. Председатель Совета министров должен стать помощником Верховного правителя по гражданской власти, с большими полномочиями. Совет министров необходимо сделать менее громоздким: политику должна делать небольшая и сплоченная группа лиц. Товарищи министров и временные их заместители не должны принимать участие в закрытых заседаниях, чтобы не создавалось случайности в голосовании. При этих условиях центральная гражданская власть станет влиятельнее, живее и решительнее.

— Ваш проект похож на казацкую программу, — заметил мне адмирал. — Они хотят сделать меня чем-то вроде императора и в то же время требуют помощников. «Помощники диктатора» — это какой-то абсурд. Опять начнутся бесконечные разговоры Жардецкого, Устрялова и других о необходимости чистой диктатуры. А тут, кроме Совета министров, еще и помощники!

Действительно, казачья конференция предлагала создать должность помощника Верховного правителя по гражданской части и сократить вдвое число министров. Этот проект казался мне не лишеным смысла, но в нем следовали дальше совершенно неприемлемые и очень характерные для того времени требования казачества: во-первых, создается новая должность министра по казачьим делам, во-вторых, этот министр не назначается, а избирается конференцией, в-третьих, этот министр не может управлять министерством без участия конференции, ни один относящийся к казачеству закон не может быть проведен без предварительного рассмотрения в конференции (типичный совдеп), и, наконец, казачьи части выступают в поход только под предводительством своих выборных атаманов (хотя бы их стратегические таланты были ничтожны). Прочитав этот проект в целом, можно было впасть в отчаяние безнадежности — до такой степени ясны были в нем личные стремления и политиканство группы казацких дельцов. Я не удивляюсь, что многим приходила мысль вовсе уничтожить казачьи войска, роль которых во всем движении оказалась роковой, чтобы с корнем вырвать казацкое политиканство и атаманину.

— А затем лица, — продолжал адмирал, — кто может быть помощником?

— Как вам понравился Третьяков? — спросил я.

Третьяков только что приехал в Омск. Я видел его перед отъездом только один раз, но у адмирала он провел несколько вечеров, рассказывая ему о Париже и о своих странствованиях. Он ехал не спеша, месяца три, заезжал в Пекин, в Токио. Я просил Сукина поторопить его, но Сукин удивился, зачем это: «Разве это так нужно?» Сказать ему, что я рассчитываю на Третьякова как на будущего премьера, я не решился.

— Третьяков произвел на меня хорошее впечатление, — ответил адмирал на мой вопрос, но спустя минуту прибавил: — Вот Пепеляев — это энергичный человек и понимает военные задачи.

Мы не вернулись больше к этой теме. Я избегал всегда разговоров о личностях.

Перешли к Земскому совещанию, как голосу населения, нужному не для законодательства, а для отражения местных настроений, для собирания жалоб с мест и разоблачений беззаконий и произвола агентов.

Стали беседовать о местном управлении. И тут оказалось не трудно найти общие точки зрения. Прежде всего — децентрализация. При управляющих губерниями должны быть утверждены советы из высших чинов губернского управления, представителей самоуправлений и сведущих лиц. Эти советы должны обладать властью распорядителей кредитами и правом издания обязательных постановлений.

Разговор, однако, слишком затянулся. Адмирал спросил о текущих делах. Он заметил у меня в папке коллекцию характерных сероватых листиков — «Приказов Верховного правителя и Верховного главнокомандующего».

— Зачем они у вас?

— Знаете ли, адмирал, что я из-за ваших приказов могу попасть под суд?

Он удивился. Между тем, действительно, меня уже просили однажды пожаловать в частное заседание первого департамента Сената. Я был там и получил указания на несомненные формальные и материальные нарушения законности в приказах Верховного правителя. Так, например, некоторые из этих указов предоставляли командующим войсками право помилования лиц, приговоренных к смертной казни. Это было понято так, что обратиться с просьбой о помиловании к Верховному правителю запрещено. Действительно, мне пришлось затем познакомиться с этим на практике.

Я рассказал адмиралу один случай.

Приезжаю вечером в управление. Меня ждут просители. Подают прошение на имя Верховного правителя о помиловании. Звоню к директору канцелярии и спрашиваю, как в таких случаях поступают. «Адмирал теперь не рассматривает этих прошений, — был ответ. — Надо отправить прошение к командующему войсками». Звоню к командующему: «Он сегодня уезжает в Томск, поезд уходит через полчаса». Между тем до приведения приговора в исполнение остается несколько часов. Я требую автомобиль и еду на вокзал. Играет музыка. Вагон набит провожающими, но я все же проникаю туда и объясняю генералу, в чем дело. «А! Помню, помню, я уже утвердил приговор». — «Помилуйте, генерал, ведь один из осужденных обвинен в том, что убил с целью грабежа китайца-спекулянта. Во-первых, это уголовное преступление, а во-вторых, осужденный несовершеннолетний». — «Разве так?»

Приговор удалось изменить.

Адмирал был искренне удивлен, когда узнал, насколько практика изменила смысл его приказа. Он вовсе не предполагал отказываться от рассмотрения приговоров, а целью его приказа было ускорение помилования в тех случаях, когда командующий сам усматривает основания для помилования. Вышло же так, что приказ ускорил процедуру расстрелов.

Еще больше удивлен был адмирал, когда узнал, что путем своих приказов он изменял действующие законы, иногда в противовес постановлениям Совета министров. Так, например, один из приказов создал должность начальника санитарно-эвакуационной части. Этому начальнику присвоены были, по приказу, одновременно права командующего отдельной армией, права члена Совета министров и, наконец, ревизирующего сенатора. Между тем Совет министров рассматривал и отклонил подобный законопроект.

Другой приказ о бельевой повинности в пользу армии, который был скреплен и мной, исключительно для удостоверения подписи адмирала — приказ прислан был уже готовым, лишь для опубликования, — установил совершенно новое наказание, неизвестное русским законам, — «высылку в Советскую Россию».

Я не захватил с собой в поездку всех приказов, как хотел сделать, но и приведенных оказалось достаточно.

Адмирал обещал впредь не подписывать никаких приказов Верховного правителя без моего отзыва относительно их законности.

Он согласился также с тем, что Ставка могла представлять ему к подписи только приказы «Верховного главнокомандующего». Но фор-

мальную сторону адмирал обыкновенно понимал плохо. И я видел, что и сейчас она казалась ему несущественной, а между тем все эти старые приказы были яркою иллюстрацией фактического преобладания военной власти в стране и неприемлемости неограниченной диктатуры.

Разговор наш закончился рассмотрением одного частного случая из практики Иркутской губернии. О нем мне сообщил Бутов. Какой-то офицер потребовал выдачи ему арестованных из тюрьмы и расстрелял их. Судебные власти никак не могли получить этого офицера в свое распоряжение. Адмирал приказал от своего имени сделать необходимые распоряжения.

Каково же было мое удивление, когда через недели две-три я узнал от Тельберга, что, к негодованию судебных властей, арестованного ими офицера, по распоряжению Верховного правителя, выпустили.

Ошибся ли я сам, по рассеянности, когда составлял телеграмму, или соврал мой секретарь — так и не удалось выяснить. Но из благожелания блага не вышло. Я поступил неправильно, докладывая дело другого ведомства, и получил лишний урок печальных недоразумений...

На другой день утром мы были в Таре. Маленький городок на левом берегу Иртыша обращал на себя внимание множеством колоколен и белыми стенами больших домов. В его внешности сказался дух седой старины. Тобольск и Тара — древнейшие поселения русских в Сибири.

Стояли мы в Таре недолго — задерживались лишь для того, чтобы принять телеграммы из Омска.

Наиболее интересным посетителем на пароходе оказался бывший министр Северного правительства В.И. Игнатьев. Я знал его еще по Петрограду. Его вынесли на поверхность волны революции. Он проявлял ораторские способности и любовь к политической деятельности. Честолюбие его всегда толкало вперед, он никогда не удовлетворялся скромным положением.

Из Архангельска он выехал в августе и направился в Омск.

Я представил его адмиралу, и он рассказал нам много интересного. В то время как русское командование, преследуя политические цели, стремилось развивать успех, захватить территорию, с малыми силами идти на большие дела, в расчете на поддержку населения — англичане, державшие командование в своих руках, руководствовались соображениями исключительно военного характера, укреплялись на узкой полосе, не позволяли рисковать.

Летом 1919 г русских сил на Северном фронте было уже больше, чем английских, но известие о предстоящем уходе англичан, под давлением рабочей партии, вызывало все же панику. Состоялось за-

седание представителей общественности, и решено было защищаться, но преобразовать систему управления. Отсюда, очевидно, и возникло недовольство Положением об управлении Северным краем, которое было выработано в Омске в сентябре.

Нам стали понятны последние радиотелеграммы из Архангельска. Там происходила борьба за парламент, ответственное коалиционное министерство и все прочие атрибуты демократического строя, что считалось тогда наиболее важным для борьбы с большевизмом. Все это были знакомые нам признаки упадка настроений и веры в победу и власть.

Распрощались с Игнатьевым, взяли на пароход офицера-моряка, старого сослуживца адмирала. Он тоже приехал с севера и пришел представиться адмиралу, как своему старому товарищу. Тронулись дальше.

Полученные в Таре телеграммы не принесли ничего сенсационного.

Мы выезжали из Омска под впечатлением победы Деникина. Нам казалось, что каждый день должен был приносить новую радостную весть. Но на этот раз ничего нового не было. Не произошло существенных перемен и на нашем Сибирском фронте.

Но зато получилась сенсационная телеграмма относительно Дальнего Востока. Семенов сообщал, что вынужден ввести свои войска в полосу отчуждения, ввиду нарушения Китаем каких-то прав русских на служебные помещения. Мой заместитель сообщал, что по этому поводу состоялось экстренное заседание Совета министров, и выражал надежду, что инцидент будет улажен.

Как выяснилось впоследствии, Семенов давно уже затевал распространить свое влияние на Китайскую Восточную железную дорогу и теперь выслал в Харбин два броневых поезда, но, встретив противодействие и китайских, и русских войск, отказался от своего плана, который он готовил давно и с которым приезжал в Мукден к всесильному в Маньчжурии Чжан Цзолину.

По мере того, как мы продвигались на север, погода становилась все лучше. Днем было так тепло, что, когда пароход останавливался для погрузки дров, все выходили гулять...

Чем ближе мы подъезжали к Тобольску, тем больше возрастал интерес к положению дел на северном участке нашего фронта.

Адмирал объяснил нам, что предполагал он застать на севере.

Большевики, взяв Тобольск, направили часть сил против отошедшей к северу группы наших войск, которая прикрывала транспорт, шедший с товарами и снаряжением Северным морским путем. Другая часть пошла на юг к Омску.

Когда началось октябрьское наступление, большевики были отогнаны из Тобольска по направлению к Тюмени. В то же время были посланы отряды вдогонку группе красных, шедших на Омск, в расчете, что красные изберут кратчайший путь на Тюмень, застрянут в болотах, и когда выйдут на Тобол, то окажутся окруженными. «Впереди, — говорил адмирал, — окажется главная группа наших войск, идущая сейчас на Тюмень прямо из Тобольска, а сзади их окажутся преследующие их войска».

Адмирал явно предвкушал удовольствие удачной и верной операции. Но по мере того, как мы ехали, выяснилось, что план не удастся. Красные не пошли по кратчайшему пути отступления, так как он оказался трудно проходимым из-за болот и распутицы; вопреки всем ожиданиям, они повернули обратно на Тобольск и по частям разбивали наши небольшие отряды, которые шли в расчете преследовать отступавшего противника, а встретили в действительности наступавшего. Командир воткинцев, Юрьев, видя ошибку, самовольно изменил план и разбил красных, но сейчас же был уволен. Красные продолжали наступать на Тобольск.

Накануне нашего приезда артиллерия красных обстреливала пароход на Иртыше и гремела под самым Тобольском. Было не безопасно и для нашего парохода. Окруженными оказались в конце концов не красные, а наши части. Подойдя опять к Тобольску, красные, не заходя в город, повернули на Тюмень и, таким образом, оказались в тылу тех наших войск, которые шли по Тоболу в тюменском направлении. Только благодаря тому, что весь водный транспорт был захвачен в наши руки, удалось посадить войска на баржи и перевезти под Тобольск.

В этом положении застал северную группу, находившуюся под командой генерала Редько, приезд адмирала Колчака.

Адмирал, рассчитывавший, по-видимому, доехать до Тюмени, попал в действительности только в Тобольск, да и то находившийся в ненадежном положении. Мы подходили к самой линии огня, под охраной блиндированного и вооруженного артиллерией буксира, но нигде не чувствовалось особенного подъема и не похоже было на победное настроение.

Фронт производил впечатление какой-то безалаберщины и пассивности командования. Повсюду на дороге мы видели разбросанные отряды, новобранцев, которые сидели без дела, потому что никто их не перевозил за отсутствием якобы транспорта, а между тем у Тобольска все штабы разместились на больших пароходах, хотя в городе было много свободных помещений.

Генерал Редько дал плохие отзывы решительно о всех своих со-трудниках и только полковника Барзидовского представил в генера-лы, но и то после производства стал выражать удивление, что такой молодой офицер получил генеральский чин. А между тем этот Бар-зидовский сумел пробиться к Тобольску с Урала в самых тяжелых условиях. Постоянно окруженный красными, он пробивался и довел свои части куда было приказано не падая духом.

Отличное впечатление производил и он сам, и офицеры его диви-зии, выдвинувшиеся большею частью из солдат.

...У Тобольска Иртыш так широк, что не похож сам на себя. У самой реки, на низком берегу — главная часть города, позади крутая возвышенность, и на ней белеют стены кремля и блестят ма-ковки церквей. Там находится большая часть официальных учреж-дений и сад с памятником Ермаку. Всюду глубокая старина и пат-риархальность. В церкви, что на берегу, посреди татарского базара, интересная историческая надпись о том, как храм этот сооружали в самом нечестивом месте и как татары хотели помешать этому, но «победило православие».

В кремль ведет высокая и крутая каменная лестница. Подымаем-ся. Перед нами богомольная старушка, а навстречу спускается пья-ный офицер. Он берет старушку за подбородок и говорит ей: «Иди, иди, старушенция, выпей».

Пьяных офицеров было, вообще, много.

А между тем о красных никто дурно не отзывается. Расстреляли двух: одного за организацию противосоветского отряда, другого, ев-рея-«буржуя», за защиту своей собственности. В городе поддерживал-ся порядок, пьяных не было. Когда уходили, увезли меха, городскую кассу и пожарный обоз, но никого не грабили.

В музее мы нашли комплект советских газет за период пребывания большевиков в Тобольске. Видно было, что газеты шаблонны и заготов-лены заранее. В них разъяснялись задачи советской власти, приводились биографии выдающихся советских вождей, в частности командующих, давались указания о необходимости уважать кооперацию, подымать производительность крестьянского хозяйства и т. д. Все было рассчи-тано на завоевание симпатий населения. Мотивы новые, незнакомые, непохожие на прежних большевиков.

Среди героев революции и Красной армии особенно восхвалял-ся командующий красной дивизией «товарищ» Мрочковский*. Судя

*Правильно — Мрочковский Сергей Витальевич — начальник Северного экспедиционного отряда, затем командир бригады 51-й стрелковой дивизии.

по газете, этот рабочий обладал необычайными способностями и железной волей. Одного взгляда на пленного белогвардейца было ему достаточно, чтобы определить, подлежит ли белогвардеец расстрелу или может быть принят на службу. Дисциплина у него строгая. В его дивизии каждый знает, что за малейшую провинность будет отвечать. Мы раньше не раз встречали фамилию Мрочковского в военных сводках. Возможно, что эта характеристика не отличалась преувеличением.

Другой советский «генерал», Блюхер¹⁶⁷, тоже из рабочих. О нем мы много раз слышали в пути. Крестьяне рассказывали, что всегда при трудных обстоятельствах красные говорили о Блюхере: «он выручит», «он нас не выдаст». И действительно, выручал.

Наиболее интересным в газетах было, однако, интервью преосвященного Иринарха. О нем говорил весь город, который, кстати сказать, представлялся вымершим: так мало было в нем народа после эвакуации всех правительственных учреждений.

Архиерея посетила еврейка и беседовала с ним об отношении советской власти к церкви и об его впечатлениях о большевиках. Он отзывался о них хорошо. Сказал, что удивлен порядком и доброю нравственностью, что он считает Омск Вавилоном и что колчаковцы вели себя много хуже, чем красные. Преосвященный, в свою очередь, посетил совдеп. Ему показали издания классиков для народа, и он пришел в восторг. Далее выяснилось, что все церковное имущество останется неприкосновенным, но только церковь не может рассчитывать на содержание от казны. Архиерей был доволен.

Теперь он встретил адмирала Колчака с иконою и речью на тему: «Дух добра побеждает дух зла».

Адмирал заходил в покои епископа. У крыльца его выхода ждала небольшая группа любопытных, преимущественно женщин и детей. Никакого воодушевления в городе не было.

...По пути несколько раз останавливались. Были смотры, раздачи наград и подарков, прием депутатий.

Татары все сплошь настроены против большевиков. Была трогательная картина, когда в одной деревне депутация татар поднесла Колчаку гусей — лучшее, что она могла дать.

Русские крестьяне выходили к пароходу в надежде купить спички, мыло и другие необходимые вещи в обмен на яйца, масло, картошку. Денег они не хотели. Они не выражали никакого озлобления по адресу большевиков и откровенно говорили, что «воевать охоты нет».

Военные части производили хорошее впечатление. Настроение доброе, одеты удовлетворительно. Генерал Бардзиловский сознался, что он задержал для своих солдат транспорт с несколькими тысячами полушубков, эвакуировавшийся из Тюмени.

Тут же отмечу, что, несмотря на это, лишь только мы вернулись в Омск из Тобольска, была получена телеграмма с жалобой на недостаток теплого обмундирования. Куда же оно девалось?

Больше всего меня поразила во время этих остановок какая-то деловитость и холодность адмирала при встречах с солдатами. Смотря на берегах Иртыша напоминали городские парады, когда генерал скорым маршем обходит ряды и громкое «здра-жела» не выражает никаких чувств. Ни одной задушевной беседы, ни одного простого ласкового слова.

Однажды адмирал, узнав, что на берегу стоят воткинцы, пожелал поговорить с ними. Он приказал им окружить его кольцом, оставив ряды.

Что же он сказал им?

— Воткинцы! Я должен сказать вам откровенно, что в последнее время ваша былая слава померкла. Я давно не слышал о вашем участии в боях. Между тем ижевцы, ваши родные братья, за последнее время участвовали в ряде боев и показали такую доблесть, что я везу им Георгиевское знамя. Я хотел бы, чтобы и вы не отставали от них.

Воткинцы кричали «Ура!». Один пожилой мужичок упал на колени, выражая восторг, что видит Верховного правителя. Адмиралу это очень не понравилось, он насупился и поспешил уйти, сказав: «Встаньте, я такой же человек, как и вы». — «Нет, вы Верховный правитель...»

Томительно было возвращение обратно в Омск. Поездка не дала никаких сильных впечатлений. Побед не оказалось. Известия из Омска ничего радостного не приносили. Утешались мы только тем, что везде наблюдали бодрое настроение и, казалось, достаточную стойкость войск.

Я вез с собой в Тобольск большую партию изданий Русского Общества печати. Офицеры и солдаты с жадностью набрасывались на литературу и газеты. Они совершенно не представляли себе, что делается на свете: где Деникин, где Юденич, что думает делать правительство.

В Омске существовало бесчисленное количество осведомительных организаций: Осведверх (при Ставке), Осведфронт, Осведказак, Осведарм — все это военные организации, в которых находили себе убежище многочисленные офицеры и призванные чиновники. Один

известный в Сибири профессор записался в добровольцы. Его провожали молебнами и напутственными речами. Через неделю он оказался в Осведказеке.

Организации эти требовали громадных ассигнований. Как они расходовали деньги, я затрудняюсь сказать, но что большинство из них работало впустую — это факт. На всем пути от Омска до Тобольска мы не нашли никаких следов работы центра. Войска обслуживались своими местными изданиями. В этом отношении особенно удачно работал «Осведарм 3».

Помимо военных организаций, существовала гражданская, «вольная» — Бюро печати. Основано оно было как акционерное предприятие, причем большая часть акций принадлежала казне. Тем не менее работники Бюро печати считали себя независимыми и поэтому не считали, что их общественное достоинство испытывает какой-либо ущерб. «Казенными» литераторами они не хотели быть.

Это предубеждение казалось мне не больше как вредным предрассудком. Нежелание идти на казенную службу и спокойное существование на казенные средства, но под видом общественных деятелей — это одно из зол русской действительности.

Однако я не считал нужным посягать на свободу Бюро печати. Оно работало с большой энергией, и успехи его были очевидны. Издававшаяся им маленькая «Наша газета» расходилась в 20 тысячах экземпляров. Печаталось множество плакатов, листовок, брошюр.

Но всего этого было мало. Бюро завело плакатный вестник: краткие осведомительные телеграммы, которые рассылались повсюду, где только были телеграфные конторы. Но плакаты оставались известными только телеграфистам. В Таре я убедился в этом. То же самое происходило и в остальной Сибири. Генерал Будберг прислал мне телеграмму с дороги: «Медленно подвигаясь на Восток, убеждаюсь всюду в полном отсутствии осведомленности». Плакатный вестник не вывешивался даже на станциях.

Мы стали собирать в Омске прочитанные газеты. На фронте больше верили свободной печати. Но я не уверен в том, что газеты развозились. Верховный правитель рассказывал, что в Ишиме он наблюдал полную неосведомленность даже в лазаретах.

Чиновники из Особого Отдела работали живее, чем Бюро печати, в смысле организации осведомления на местах. Они разъезжали в вагонах-читальнях, ездили на фронт, собирали книги и газеты. Правда, директор Бюро печати, А.К. Клафтон, жаловался, что военные власти, не зная Бюро печати — «что это за «частная организация?» — чинили препятствия его агентам.

Бюро печати, повторяю, работало по совести. Его литература, плакаты, агитационная деятельность развивались с каждым днем. Слабая сторона была только в распространительной части¹⁶⁸.

Зато истинным бедствием было бесконечное размножение «осведов». Не успели назначить генерала Лебедева командующим Южной группой, у него сейчас появился свой «освед», получил он — сейчас же потянулась казачья конференция: подавай ей десяток миллионов. Происходила какая-то вакханалия. Атаманство проникло во все поры жизни. Появились атаманы санитарного дела, атаманы осведомления и т. д. Каждый старался урвать себе власть и кредиты.

Когда мы ехали из Тобольска и рассматривали агитационные листки, составленные большевиками, мы обратили внимание прежде всего на художественные их достоинства, значительно превосходившие наши: карикатуры были исполнены очень искусно.

Воспользовавшись случаем, я рассказал адмиралу, как обстоит у нас организационная сторона осведомительного дела.

Впервые узнав от меня некоторые подробности, адмирал обещал по возвращении в Омск закрыть все многочисленные «осведы», объединив их в одну организацию, чтобы сэкономить средства, сократить число служащих и устранить постоянное повторение одних и тех же сюжетов. Плакат, изображавший солдата, рвущегося в бой с красными, был издан, с разными вариантами, сразу пятью «осведами» и до того набил оскомину, что производил впечатление противоположное тому, на которое был рассчитан.

Среди военных оказался один человек больших организаторских способностей, полковник Клерже. Он дал делу осведомления большой размах. Его почему-то уволили. Интриги, личная зависть, честолюбие развивались с такою дьявольскою силою, что было невозможно работать. Совсем как гидра, у которой на месте одной отрубленной головы вырастало семь новых.

...За эту поездку я впервые получил возможность ближе узнать адмирала. Что это за человек, которому выпала такая исключительная роль? Он добр и в то же время суров; отзывчив — и в то же время стесняется человеческих чувств, скрывает мягкость души напускною суровостью. Он проявляет нетерпеливость, упрямство, выходит из себя, грозит — и потом остывает, делается уступчивым, разводит безнадежно руками. Он рвется к народу, к солдатам, а когда видит их, не знает, что им сказать.

Десять дней мы провели на одном пароходе, в близком соседстве по каютам и за общим столом кают-компаний. Я видел, с каким удовольствием уходил адмирал к себе в каюту читать книги, и я понял, что он

прежде всего моряк по привычкам Вождь армии и вождь флота — люди совершенно различные Бонапарт не может появиться среди моряков

Корабль воспитывает привычку к комфорту и уединению каюты В каюте рождаются мысли, составляются планы, вынашиваются решения, обогащаются знания Адмирал командует флотом из каюты, не чувствуя людей, играя кораблями

Теперь адмирал стал командующим на суше Армии, как корабли, должны были заходить с флангов, поворачиваться, стоять на месте, и адмирал искренно удивлялся, когда такой корабль, как казачий корпус, вдруг поворачивал не туда, куда нужно, или дольше, чем следовало, стоял на месте Он чувствовал себя беспомощным в этих сухопутных операциях гражданской войны, где психология значила больше, чем что-либо другое Оттого, когда он видел генерала, он сейчас хватался за него, как за якорь спасения Каждый генерал, кто бы он ни был, казался ему авторитетом Никакой министр не мог представляться ему выше по значению, чем генерал

И когда адмирал, объясняя нам Тобольскую операцию, удивлялся, почему она не удалась, и покорно слушал доклад генерала Редько, удалившего героя Воткинского завода, полковника Юрьева, за то, что он без разрешения победил, — я понял, что Верховного главнокомандующего нет

Что же читал адмирал? Он взял с собою много книг Я заметил среди них «Исторический вестник» Он читал его, по-видимому, с увлечением Но особенно занимали его в эту поездку «Протоколы сионских мудрецов» Ими он прямо зачитывался Несколько раз он возвращался к ним в общих беседах, и голова его была полна антимасонских настроений Он уже готов был видеть масонов и среди окружающих, и в Директории, и среди членов иностранных миссий

Еще одна черта обнаруживалась в этой непосредственности восприятия новой книжки Адмирал был политически наивным человеком Он не понимал сложности политического устройства, роли политических партий, игры честолюбий как факторов государственной жизни Ему было совершенно недоступно и чуждо соотношение отдельных органов управления, и потому он вносил в их деятельность сумбур и путаницу, поручая одно и то же дело то одному, то другому Достаточно сказать, что переписка с Деникиным по политическим вопросам велась сразу в трех учреждениях Ставке, министерстве иностранных дел и управлении делами Увы! Приходится сказать, что не было у нас и Верховного правителя Адмирал был по своему положению головою государственной власти В ней все объединялось, все сходилось, но оттуда не шло по всем направлениям единой руково-

дящей воли Голова воспринимала, соглашалась или отрицала, иногда диктовала свое, но никогда она не жила одною общею жизнью со всем организмом, не служила ее единым мозгом

Но если адмирал был неудачным полководцем и политиком, то зато как обладатель морских и технических знаний он был выдающимся. В своей специальной области он обнаруживал редкое богатство эрудиции. Он весь преображался, когда речь заходила о знакомых ему вопросах, и говорил много и увлекательно. Как собеседник он был обаятелен. Много юмора, наблюдательности, огромный и разнообразный запас впечатлений — все сверкало, искрилось в его речи в эти минуты задушевной и простой беседы. И в это время чувствовалось, что этот человек мог оправдать надежды, что не напрасно он поднялся на такую высоту.

Будь жизнь несколько спокойнее, будь его сотрудники немного более подготовленными — он вник бы в сущность управления, познал бы жизнь государственного механизма, как он понимал механизмы завода и корабля, единство всех частей, их взаимное соотношение, их стройность.

Но в такое время, когда все были неподготовлены, когда никто даже из лучших профессиональных политиков не сумел найти методов успокоения революционной стихии, — как мог справиться с нею тот, кто всю жизнь учился быть хозяином не на суше и в огне битв, а лишь на море и в царстве льдов, кто провел большую часть жизни не на широком общественном просторе, а в тесной и уединенной каюте!

Адмирал в кругу близких людей был удивительно прост, обходителен и мил. Но когда он одевался, чтобы выйти официально, он сразу становился другим: замкнутым, сухим, суровым. Не показывает ли это, что роль Верховного правителя была навязана ему искусственно, что изображал он эту роль деланно, неестественно. Весь этикет, который создали вокруг него свита и церемониймейстеры, был не по душе человеку, который привык к солдатской рубашке и паре офицерских ботфортов.

Редкий по искренности патриот, прямой, честный, не умеющий слукавить, умный по натуре, чуткий, темпераментный, но человек корабельной каюты, не привыкший управлять живыми существами, наивный в социальных и политических вопросах — вот каким представлялся мне адмирал Колчак после нашей поездки в Тобольск. Я одновременно полюбил его и потерял в него веру. Какую ответственность взяли на себя люди, которые в ночь на 18 ноября 1918 г. решили выдвинуть адмирала на место Директории!»

Из дневника бывшего министра внутренних дел,
председателя Совета министров В.Н. Пепеляева¹⁶⁹
о встречах с Верховным правителем России
А.В. Колчаком и совместной работе с ним
в июне — октябре 1919 г.

«1919, июнь

...7. Молебен и парад по случаю годовщины свержения большевиков¹⁷⁰. Парад произвел блестящее впечатление. Сов[ет] Верх[овного] правителя. Ничего особенного. Я поднял вопрос о Семиреченской области и о Туркестане. Нужно ускорить их очищение при помощи инородцев.

...11. Генерал Гайда приказал Анатолию отойти на левом фланге. Совет правителя. Положение на фронте весьма тяжелое. Частичная деморализация. Верховный правитель задержал меня и Тельберга и просил заняться вопросом о Государственном совете.

12. У меня был с визитом Высокий комиссар Англии сэръ Эллиот. Сукин ознакомил меня с телеграммой Коковцова правителю, переданной японской миссией. Коковцов¹⁷¹ обвиняет Парижское совещание (Львов и др.) в стремлении создать Русское новое правительство под контролем союзников. Такая же телеграмма от Трепова¹⁷², так же переданная, в которой указывается на то, что Паржиское совещание состоит из членов Временного правительства.

Трепов рекомендует послов, которые связаны с этой организацией, в частности Париж рекомендовал гр[афа] Коковцова.

Я доложил правителю составленную мною телеграмму генералу Юденичу, где между прочим говорится: «Верховная власть на освобожденной Вами территории принадлежит правительству, возглавляемому Верховным правителем адмиралом Колчаком, и осуществляется Вами именем Верховного правителя. Поэтому никакого нового правительственного образования на вверенной Вам территории допускать не следует». Правитель одобрил.

Во время моего доклада от генерала Жанена спрашивали, не может ли правитель принять [его] по чрезвычайно важному делу.

13. Чехи в Иркутске что-то затевают¹⁷³. Туда уехал Жанен. Телеграмму Юденичу я несколько изменил. Смысл, конечно, тот же.

14. Совет правителя. Мы получаем ряд приветствий. Чаще всего из Архангельска. Мы живем на проценте тех эффектов, которые произвели весенним наступлением. Положение весьма тяжелое. Но лишь

кажется, что статистическое положение большевиков несравненно хуже нашего...

21. Совет правителя. Правитель подписал указ об отобрании в казну земли у крестьян сел Степно-Баджейского и Тасеевского. Он спрашивал моего мнения об этом в последний доклад, я ответил утвердительно.

[2] 2. Решено назначить Деникина заместителем Верх [овного] главнокомандующего. Верховный правитель поднял сегодня вопрос шире — вообще о преемнике на случай несчастья, но дан совет этого не касаться.

[2] 3. Сазонов считает, что хотя признания формального нет, но нужно все-таки отметить перемену в положении и подтвердить полномочия послов.

[2] 4. Правитель решил обратиться к Маннергейму с просьбой содействовать успеху Юденича пропуском наших военных частей через финляндскую границу. Их не выпускают из Финляндии, м [ежду] т [ем] их 8000 человек.

24. Доклад. По окончании доклада правитель уже у двери заговорил о Гайде. По его словам, Гайда позволил ряд бестактностей. Ему была подчинена в оперативном отношении Западная армия. Это стало известно, и его начали поздравлять. Тогда как это была лишь оперативная мера, не подлежащая оглашению. Затем он в приказе оскорбил командный состав Западной армии. Те обратились к Верховному с просьбой предать их суду*. Правитель тогда назначил Дидерихса**. Гайда, приехав в Омск, заявил, что, желая подчиниться непосредственно правителю, он просит отпустить его в Чехию.

Верховный правитель сначала в этом отказал. Затем предоставил решать самому. Гайда решил уехать в Екатеринбург, и как поступит — неизвестно.

...25. Совет правителя, текущие дела. Правитель несколько настроен против Сибармии, но у кого есть тенденция отмечать «заслуги Западной армии», которые выражаются главным образом в том, что она «уже пережила кризис», тогда как Сибирская начинает его только переживать. Как будто кризис Сибармии начался изнутри ее, а не из-за неудач Западной. Правитель огласил телеграмму Анатолия, в которой тот указывает, что больше ста чел [овек] Барабинского полка перешло к красным. И что предохранить армию от развала мож-

* Видимо, речь идет о требовании командования рассмотреть характер их взаимоотношений с Р. Гайдой в судебных инстанциях.

** В данном и других случаях В.Н. Пепеляев пишет фамилию Дидерихса неточно — через «д».

но лишь наступлением. Кое-кто хочет почерпнуть доказательства из этой телеграммы, что и Западная армия не виновата в своем отходе. А также и того, что Сибирская отходит не вследствие разгрома Западной, а вследствие «кризиса» в ней самой

Правитель ищет объективной правды

27. Доклад Верховному правителю текущего характера. <...>

28. Совет правителя. Сукин сообщил, что Юденич заключил соглашение с Финляндией.

29. Правитель неожиданно выехал на фронт.

Июль

...6. <...> Совецание. Сукин сообщил о проекте соглашения Юденича с Финляндией. Финны из участия во взятии Петрограда требуют — признания безусловно независимости, самоопределения Карелии и Олонецкой губернии и т. д.

Предложение отклонить и ответить в духе нашей ноты. Предстоит решить вопрос о чехах. Воевать они не расположены. В связи с этим выдвигается вопрос о приглашении японцев к охране к западу от Байкала

Поднимает этот вопрос Ставка. Сукин не возражает. Деникин занял большое пространство. Екатеринослав, Богодухов, Белгород, Лиски, Новохоперск, Балашов, Царицын. Возможно, что далее наступление будет труднее.

На одном из Советов правитель сказал, что получил сведения, раскрывающие смысл фраз Деникина об измене в тылу. Вокруг этого борются две партии: одна за связь с Сибирью и признание адмирала, другая за самостоятельный поход на Москву. Своим признанием правителю Деникин, очевидно, хотел положить предел неопределенности, которую желали использовать. А последним актом он отправил в путешествие беспокойных людей ..

9. Вечером прибыл правитель с фронта. В вагоне он нам (Вологодский, Кемберг, я, Сукин, Лебедев, Андерсон) сообщил свои впечатления. Положение отчаянное. Возможно, будут сданы Екатеринбург и Челябинск (по мнению генерала Дидерихса)...

13. 5-й день нет данных о деникинском наступлении. Сведения черпались из большевистских радио [передач], их теперь нет.

Приезжие за последние дни из деникинской армии передают чрезвычайно интересные вещи: Деникин не пользуется популярностью. Кумиром армии является молодой генерал Врангель. Деникин перед признанием адмирала был якобы накануне ареста. Совецание¹⁷⁴ относится враждебно к омскому правительству.

...20. Днем меня вызвал правитель и задал вопрос о последней резолюции Иркутского губ. зем. собр., я назвал ряд возможных* мер, чрезвычайных и нормальных. Он просил к вечеру доложить.

Я советовался с Тельбергом и другими министрами и остановился на предании суду. Яковлева¹⁷⁵ решил вызвать в Омск. Вечером снова был у правителя. Он одобрил. Много говорил со мной на тему об общем положении, о сегодняшнем приеме блока (в течение двух часов). И вдруг сказал: «Знаете, не кажется ли Вам, что диктатура д[олжна] б[ыть] действительно диктатурой?» Разговор на эту тему не углубился. Правитель одобрил мое намерение съездить на фронт.

...23. Совет Правителя. Ничего большого. Под Челябинском будут бои, которые сейчас [пользуются] излишком внимания правителя. Он отменил даже доклады министров, за исключением моих и министерства внутренних дел.

Реорганизация армии продолжается...

...25. Сегодня меня вызвал по проводу из Тюмени Анатолий. Он почти безнадежно смотрит на положение, если армия, «которую нужно создавать снова», не услышит от самого «народа» призыва к борьбе. Этот призыв от народа он мыслит себе в образе голоса «Земского собора», который нужно созвать «немедленно». Он ждет этого созыва, заявляя, что иначе не верит в создание армии и хочет уйти. Я ответил ему, что не верю вполне в этот способ и вообще не верю в искусственные меры, принимаемые от случая к случаю. Обещал подумать, доложить правителю и приехать к нему для более полного взаимоосведомления. С провода я был у правителя в час своего доклада. Изложил ему беседу и предложил съездить на фронт, куда мне вообще нужно, разъяснить Анатолию обстановку, из которой он увидит, что голос народа получить не так просто¹⁷⁶.

Правитель просил меня съездить. В Ставке, пока я дожидался провода, я узнал, что Челябинск нами потерян, хотя, быть может, и не окончательно. Верховный правитель мне объяснил обстановку на фронте и смысл боев в районе Челябинска, которые начнутся частью сегодня, частью 28-го. «Генерал Дитерихс, — сказал правитель, — был против этих боев, за отход без боя от Челябинска, но я приказал дать бой. Это риск: в случае неудачи мы потеряем армию и имущество. Но без боев армия все равно будет потеряна из-за разложения. Я решил встряхнуть армию. Если бы Вы знали, что я пережил за эти дни».

Верховный правитель действительно выглядит измученным.

* В документе — возложенных

26. Совет правителя. Еще до Совета Андогский сказал мне, что начало боев «плюс все»...

29. Сегодня выезжаю пароходом на фронт к Анатолию. Цель — переговорить с ним, лично увидеть фронт, а также проверить Тобольскую губернию.

Правитель принял меня вчера и дал письмо для Анатолия, которое писал при мне и прочел.

Поводом к нему послужило письмо правителю генерала Дитерихса, в коем последний пишет о разговоре с Анатолием и генералом Зиневичем*, когда они подняли вопрос о Земском собрании. Письмо правитель написал довольно резко и раздраженно.

И еду.

Август

13. <...> Приехал в Омск Узнал, что кризис .

15**. <...> Прибыл правитель.

16. 3 часа дня Совет министров. Верховный правитель принял отставку Михайлова и не — Сукина.

Совет Верховного правителя. Правитель удручен «кризисом». Он подписал указ о Тельберге и Гинсе, но отложил о Михайлове, сказав, что предварительно [переговорит] с Гойером¹⁷⁷.

...19. Верховный правитель принял меня вечером. Говорили о съезде крестьян. Вчера об этом говорил мне Иванов-Ринов, который сегодня был у правителя. Я спросил, говорил ли он об этом с Ивановым-Риновым.

«Да, говорил и он, но я сам об этом думал». Я сказал, что с самого разговора с братом о Земском собрании <.. > я думаю о Совете крестьян в форме или съезда председателей волостных земских управлений, или особых делегатов от волостных сходов. Я предложил обдумать конкретно этот вопрос к его возвращению. Он едет сегодня в 3-ю армию, потом во 2-ю, всего дней на 5. Я рассказал правителю о действиях генерала Гайды, злоупотребляющего*** именем Анатолия, говорил общу [естественным] деятелям о необходимости переворота

20. Совет министров. Сукин сообщает, что при Юдениче все-таки создавалось правительство, которое признало независимость Эстонии.

...22. Совет министров. Доклад о фронте. Потерянное соприкосновение с противником, уж на лицо снова. Он перегруппировался,

* Автор дневника записывает фамилию неточно — Зеневич

** В дневнике дата записана неточно — 13

*** В документе — злоупотребляя

2-я армия вместо 3-й¹⁷⁸. Южнее Кургана он наступает. Деникин хорошо наступает. Блестящий проект основных положений о выборах Учредительного собрания.

...24. Т. к. большинство съезда — настоящие крестьяне, то я решил поговорить с ними о милиции. Кажется, произвел прекрасное впечатление. Я еще больше верю съезду крестьян.

25. Я был с отдельным визитом у майора Кошека. Говорили о многом. Кошек¹⁷⁹ не исключает возможность участия чехов на фронте.

26. Доклад правителю. Он крайне занят. Совет министров.

27. Совет правителя. Говорили м[ежду] п[рочим] о Добровольческом движении, м[инист]ры, однако, плохо этим интересуются.

28. Верховный правитель со мной и генералом Голицыным был на собрании беженцев с Урала. Многолюдность, подъем. Встреча и простонародность собрания сильно подействовали на правителя. Он произнес прекрасную речь. Будучи у него после собрания, я сказал ему, что задача моя приблизить его к простому народу. Собрание же убедило его в этой необходимости и верности. Правитель предложил мне ехать с ним на фронт.

...30. Совет министров в присутствии Верховного правителя.

Правитель сделал простой и ясный анализ положения. Наши неудачи — от приступа к большевизму, который еще не изжит, от этих приступов не спасут никакие перемены в составе министров. Между тем вред несомненный от перемен налицо. Вывод — никаких перемен. Никаких также изменений сейчас в положении Государственного Экономического совещания. Верно, что ничего неопределенного. Наконец правитель сказал несколько слов о фронте, где готовится наступление...

Сентябрь

...2. Доклад. Верховный правитель настаивает, чтобы я ехал с ним на фронт. Он едет 4—5 сентября.

3. Сегодня получил письмо от А.В. Карташева¹⁸⁰ из Гельсингфорса от 25.V (с оказией). Он вводит в круг работу русских деятелей Финляндии за полгода. Как всегда, раздор внутри, и Юденич, видимо, не активен совсем. Им вертят. Русский С.З. корпус¹⁸¹ мал и гол. Эстония и Финляндия презренно заносчивее. Совет правителя, Сукин сообщил, что получены сведения о свержении Юденича в пользу Родзянко, офицера. Недовольными за социалистическим правительством Манозев и — бесполезности унижения перед Эстонией. Решено выждать и подтвердить оказание помощи персонально Юденичу. Правитель поделился сведениями о фронте.

23, вт[орник]. Прибыл утром правитель.

В 2 часа я ему делал доклад о работе «Общественности» в связи с созывом Гос. земск. совещ. Верховный правитель сказал, что он не допустит обсуждения вопроса об изменении системы власти. Правитель вызвал Сукина и предложил ему в моем присутствии сделать доклад о Дальнем Востоке. Поведение Америки возмутительно. Она предъявила нам требования убрать Семенова, Калмыкова; генерал Гревс задержал направленное нам оружие, за которое уже уплачено золотом. Чехи недовольны исключением Гайды. Англия, Франция, Япония заявили Сукину, что они не имеют намерения поддерживать Дальневосточное движение против правительства. Моррис заявляет тоже о себе лично. Япония еще не ответила на американскую ноту. Во время доклада мне сообщили, что получена телеграмма от Розанова о попытке переворота, предупрежденного взводом наших войск. Вечером Совет министров сделал характеристику всех уездных земств и высказался за дополнительное представительство от групп.

Вечером я был у правителя с тел [еграммой] с Востока. Была будто бы попытка переворота в ночь на 19 сентября, но расстроена взводом* во Владивостоке вер [ных] войск. В чем попытка — Розанов не сообщает¹⁸².

...24. <...> Совет правителя. Правитель изложил обстановку на фронте, Иванов-Ринов возмущается. Рейд и тыл противника, сказал правитель — такое дело — которого нельзя требовать от обыкновенного военачальника.

25. Вручил правителю — протокол заседания 5 июня¹⁸³. Правитель едет сегодня в 1-ю армию.

...Октябрь

1. Совет правителя.

Первое заседание комиссии по законодательству о Гос. зем. сов. Участвовали 5 министров и 5 членов Государственного экономического совещания. Обсуждение вполне деловое...

...7. Правитель выехал на пароходе в Тобольск. С ним Гинс и морской министр.

...17. Доклад Верховному правителю. Я сказал о намерении ехать в Алтайскую губернию. Правитель одобрил.

18. Вечером Совет министров под председательством Верховного правителя; вопрос фон-дер-Гольц¹⁸⁴. Решено выяснить способ завязать

* Очевидно, имеется в виду взвод солдат.

нормальные сношения с Германией, исходя из намерения, что война фактически кончилась.

...20. У меня был Третьяков. Говорил об обстановке политической и военной.

В городе опять толки о смене председателя Совета министров. Кандидатами считаются Третьяков и я.

21. Доклад. Правитель просил ускорить поездку.

Доложил о турках.

22. У меня был С. Упорно говорил о начавшемся в «обществе», в кругах обсуждения вопроса о премьере. Меня находят нужным сохранить на посту министра внутренних дел, т. к. совмещать оба поста считают невозможным. Я сказал, что меня не удовлетворит пост премьерера и пошел бы я на него только по приказанию.

Вечером Совет министров под председательством Верховного правителя. Он изложил обстановку военную, которую считает грозной, о чем ставит в известность Совет министров.

23. Мой доклад. Текущие дела. Правитель что-то ждет от моей поездки особенного*.

ГАРФ, ф. 195, оп 1, д 1а, л. 9—13; Красный архив 1928 № 6. С. 58—80.

* Конец дневниковых записей.

Раздел 14 ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

№ 138

**Справка о сумме, числящейся на текущем счету
А.В. Колчака в банке на 3 апреля 1919 г.**

«СПРАВКА

На текущем счету Верховного правителя за № 212.501 к 3 апреля состоит:

Руб. 123 506-47

из коих поступило:

через канцелярию Верховного правителя — Руб. 43 412-88

и непосредственно внесено в Банк — Руб. 80 093-59.

Всего поступлений Руб. 123 506-47.

3/IV-919 г.

Делопроизводитель (подпись)».

ГАРФ, ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 304.

№ 139

**Телеграмма А.В. Колчаку о переводе денежной суммы
его жене С.Ф. Колчак (Омировой) в Париж
от 27 апреля 1919 г.**

«Из Владивостока, 27/IV [1919 г.]».

Десять тысяч франков переведены телеграфом мадам Колчак [в] Париж [на] английское посольство, которое получит указания своего министерства иностранных дел. Чешко. Номер 115».

ГАРФ, ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 305.

**Письмо А.В. Колчака жене С.Ф. Колчак в Париж
от 15-го и 20 октября 1919 г.¹⁸⁵**

«Дорогая Соничка!

Перед отъездом моим из Омска в Тобольск я получил твое письмо от 4-VI, а в пути в г. Тара встретился с В.В. Романовым¹⁸⁶, передавшим мне твое письмо от 8-VI.

Я возвращаюсь после объезда Северного фронта из Тобольска в Омск на пароходе по Иртышу. Почти 2¹/₂ месяца, с начала августа, я провел в разъезде по фронту. С конца августа армии начали отступление и после упорных и тяжелых месячных боев отбросили красных на реку Тобол. Война приняла очень тяжелый и ожесточенный характер, осложняемый осенним временем, бездорожьем и усиливающимися эпидемиями сыпного и возвратного тифа.

Трудно предсказывать будущее в гражданской войне, где можно ожидать более чем в какой-либо другой борьбе неожиданностей, но думается, что борьба затянется еще на много месяцев. Мы, т. е. кто вышел на нее, будем продолжать ее до окончательной победы, когда большевизм будет стерт с лица нашей Родины.

13 октября исполнился год, как я приехал в Омск, намереваясь пробраться на юг к генералу М.В. Алексееву, и 7 октября прошел год, как этот большой человек умер. На днях будет 11 месяцев, как я принял на себя крест Верховного вождя и я, говоря об этом, говорю не фразу. Только те, кто имели такую власть, как я, могут понять и оценить, что это такое.

11 месяцев прошли, как 11 часов или 11 лет, — сказать трудно. Были часы, которые продолжались, казалось, без конца, были месяцы, промелькнувшие совершенно незаметно.

Не мне оценивать и не мне говорить о том, что я сделал и чего не сделал. Но я знаю одно, что я занес большевизму и всем тем, кто предал и продал нашу Родину, тяжкие и, вероятно, смертельные удары. Благословит ли Бог меня довести до конца это дело — не знаю, но начало конца большевиков положено все-таки мною. Весеннее наступление, начатое мною в самых тяжелых условиях и с огромным риском, в котором я вполне отдавал себе отчет, явилось первым ударом по Советской Республике, давшей возможность Деникину оправиться и начать в свою очередь разгром большевиков на юге. Троцкий понял и открыто высказал, что я являюсь главным врагом Советской Республики и врагом беспощадным и неумолимым. На мой фронт было брошено все, что только было возможно, и было сдела-

но все, что можно было сделать, чтобы создать у меня большевизм и разложить армию. И эту волну большевизма я перенес, и эта волна была причиной отхода моих армий в глубь Сибири. Большевики уже пели мне отходную, но «известия оказались несколько преувеличенными», и после ударов со стороны Деникина, облегчивших мое положение, я перешел опять в наступление. Ряд восстаний в тылу не остановил меня, и я продолжаю вести беспощадную борьбу с большевиками, ведя ее на истребление, т. к. другой формы нет и быть не может.

Ты спрашиваешь меня о союзниках и внешней помощи с их стороны.

Я не буду много говорить об этом прежде всего потому, что я не доверяю никогда бумаге своих взглядов в таких деликатных вещах.

Скажу лишь, что все отношения, на иностранной политике основанные, определяются успехом или неудачей. Когда у меня были победы, все было хорошо, когда были неудачи — я чувствовал, что меня никто не поддержит и никто не окажет помощи ни в чем. Все основано только на самом примитивном положении — победителя и побежденного. Победителя не судят, а уважают и боятся, побежденному — горе! Вот сущность всех политических отношений, как внешних, так и внутренних.

Больше я на эту тему говорить не буду.

Мне странно читать в твоих письмах, что ты спрашиваешь меня о представительстве и каком-то положении своем как жены Верховного правителя. Я прошу тебя уяснить, как я сам понимаю свое положение и свои задачи. Они определяются старинным рыцарским девизом Богемского короля Иоанна, павшего в битве при Кресси: «Ich diene»*. Я служу Родине своей Великой России так, как я служил ей все время, командуя кораблем, дивизией или флотом.

Я не являюсь ни с какой стороны ни представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера. По существу, я Верховный главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской Власти, так как для успешной борьбы нельзя отделять последние от функций первого.

Моя цель первая и основная — стереть большевизм и все с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности

---

* Я служу (нем.). В письме допущена неточность. Французский (но не «богемский») король Иоанн II Добрый попал в английский плен не в битве при Креси, а у Пуатье, спустя 10 лет. В первой из этих битв французов возглавлял король Филипп VI, и в плен он не попадал.

говоря, все остальное, что я делаю, подчиняется этому положению. Я не задаюсь решить вопроса о всем том, что должно последовать за выполнением первой задачи; конечно, я думаю об этом и намечаю известные операционные направления, но в отношении программы я подражаю Суворову перед Итальянским походом и, перефразируя его ответ гофкригсрату, говорю: «Я начну с уничтожения большевизма, а дальше как будет угодно Господу Богу!»

Вот и все. Таким образом, я прошу тебя всегда руководствоваться этими положениями в отношении меня.

Во внешних отношениях, особенно с иностранцами, надо помнить, что я глава непризнанного правительства, и я поэтому держу себя крайне неофициально с представителями иностранных держав, памятуя, что последние были одно время готовы признать Ленина и Троцкого как законных «демократических» глав Российской Социалистической республики.

Я солдат прежде всего, я больше командую, чем управляю, я привык, по существу, приказывать и исполнять приказания. Когда Родина и Ее благо потребуют, чтобы я кому-либо подчинился, я это сделаю без колебаний, ибо личных целей и стремлений у меня нет и своего положения я никогда с ними не связывал. Моя сила в полном презрении к личным целям, и моя жизнь и задачи всецело связаны с указанной выше задачей, которую я считаю государственной и необходимой для блага России. Меня радует все, что способствует этой задаче, мои печали лежат только в том, что препятствует ее осуществлению. Все остальное временно имеет второстепенное значение и даже никакого значения не имеет. Я знаю, что ты не поймешь и не разделишь моего отношения ко всему, что не связано непосредственно с моей службой Родине.

У меня почти нет личной жизни, пока я не кончу или не получу возможности прервать своего служения Родине.

Ты пишешь мне все время о том, что я недостаточно внимателен и заботлив к тебе. Я же считаю, что сделал все, что я должен был сделать. Все, что я могу сейчас желать в отношении тебя и Славушки, чтобы вы были бы в безопасности и могли бы прожить спокойно вне России настоящий период кровавой борьбы до Ее возрождения. Ты не можешь ни с какой стороны, кроме уверенности моей в безопасности и спокойной жизни твоей за границей, помочь мне в этом деле. Ваша будущая жизнь и в переносном, и в прямом смысле зависит от исхода той борьбы, которую я веду. Я знаю, что ты заботишься о Славушке, и с этой стороны я спокоен и уверен, что ты сделаешь все, что надо, чтобы воспитать его до того времени, когда я буду в

состоянии сам позаботиться о нем и постараться сделать из него слугу Родины нашей и хорошего солдата. Прошу тебя положить в основание его воспитания историю великих людей, т. к. примеры их есть единственное средство развить в ребенке те склонности и качества, которые необходимы для службы, и особенно так, как я ее понимаю. Я много говорил с тобой об этом и полагаю, что ты знаешь мои на этот предмет суждения и мнения.

Относительно денег я писал, что не могу высылать более 5000 фр. в месяц, т. к. при падении курса нашего рубля 8000 фр. составят огромную сумму около 100 000 руб., а таких денег я не могу расходовать, особенно в иностранной валюте.

Из моего письма ты усмотришь, что никакой роли в смысле представительства и приемов не только не требуется исполнять, но, по моему мнению, она недопустима и может поставить тебя в очень неприятное положение. Прошу быть крайне осторожной во всех случаях, разговорах и встречах с иностранными и русскими представителями. Господь Бог сохранит и благословит тебя и Славушку. До свидания. Целую тебя и Славушку.

Твой Александр».

Военно-исторический вестник. Париж, 1960. № 16. С. 17—19.

«Дорогая Соничка.

Я продолжаю свое письмо, т. к. курьер во Францию уезжает только на днях и я могу еще поговорить с тобой. За последние дни на фронте идут тяжелые кровавые бои, и я скоро опять туда отправляюсь.

Идет борьба на жизнь и смерть, и эта ставка для большевиков последняя. Не знаю, чем окончится эта фаза больших операций. Есть слухи о взятии Петрограда, но пока только слухи — от Юденича пока подтверждений нет.

По-видимому, большевикам в Европейской России приходит конец, и они теперь будут усиливать свой натиск на мой фронт в Сибирь.

О себе мне говорить много не приходится. Я или на фронте, или в своем кабинете в Омске, зачастую не имея в течение дня $1/2$ часа свободных от работы. Все развлечения сводятся к довольно редким поездкам верхом за город да к стрельбе из ружей — я последнее время почему-то полюбил это занятие. У меня есть несколько верховых лошадей; как главнокомандующий, я должен перед войсками появиться верхом, недавно генерал Нокс подарил мне канадскую лошадь.

Часто мне приходится работать одному по ночам в своем кабинете, и я завел себе котенка, который привык спать на моем письменном столе и разделять со мной ночное одиночество.

Только что меня прервали от письма докладом о положении на фронте — очень серьезно, и мне надо сейчас же заняться рядом распоряжений. Приходится кончать письмо, чтобы завтра утром его отправить. Когда оно придет к тебе, не знаю.

Еще раз обращаю твое внимание на осторожность, с которой следует относиться к письмам на мое имя. Они могут всегда попасть в чужие руки и читаться посторонними.

Прошу не забывать моего положения и не позволять себе писать письма, которые я не могу дочитать до конца, т. к. я уничтожаю всякое письмо после первой фразы, нарушающей приличие. Если ты позволяешь слушать сплетни про меня, то я не позволяю тебе их сообщать мне. Это предупреждение, надеюсь, будет последним.

Пока до свидания.

Твой Александр».

Военно-исторический вестник. Париж, 1960. № 16. С. 19.

№ 141

Письмо А.В. Колчака сыну Ростиславу в Париж, написанное, очевидно, 20 октября 1919 г.

«Дорогой милый мой Славушок.

Давно я не имею от тебя писем, пиши мне, хотя бы открытки по несколько слов.

Я очень скучаю по тебе, мой родной Славушок. Когда-то мы с Тобой увидимся.

Тяжело мне и трудно нести такую огромную работу перед Родной, но я буду выносить ее до конца, до победы над большевиками.

Я хотел, чтоб и ты пошел бы, когда вырастешь, по тому пути служения Родине, которым я шел всю свою жизнь. Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, — это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей.

Господь Бог благословит Тебя и сохранит, мой бесконечно дорогой и милый Славушок. Целую крепко Тебя. Твой *papa*».

Военно-исторический вестник. Париж, 1960. № 16. С. 19—20.

Раздел 15

ОТ ВОЕННЫХ ПОРАЖЕНИЙ — К КАТАСТРОФЕ

№ 142

Из доклада председателя Реввоенсовета РСФСР Троицкого
ЦК РКП(б) от 5 августа 1919 г. о необходимости захвата
стран Востока с предварительным разгромом войск
А.В. Колчака

«ЦК РКП
С е к р е т н о

Крушение Венгерской республики, наши неудачи на Украине и возможная потеря нами Черноморского побережья, наряду с нашими успехами на Восточном фронте, меняют в значительной мере нашу международную ориентацию, выдвигая на первый план то, что вчера еще стояло на втором.

Разумеется, время теперь такое, что большие события на Западе могут нагрянуть нескоро. Но неудача всеобщей демонстративной стачки, удушение Венгерской республики, продолжение открытой поддержки похода на Россию, — все это такие симптомы, которые говорят, что инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время...

Иначе представляется положение, если мы станем лицом к Востоку¹⁸⁷. Правда, разведывательные и оперативные сводки Восточного фронта так общи и, по существу, небрежны, что я до сих пор не составил себе вполне точного представления о том, разбили ли мы Колчака вконец или только побили его, дали ему все же возможность увести значительные силы на меридиан Омска. Во всяком случае, здесь открыты довольно широкие ворота в Азию, где — предполагая даже худшее, т. е. что Колчак еще не разбит, — нам противостоят все же не крупные, изолированные силы, с крайне протяженными и необеспеченными коммуникациями...

Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная армия является несравненно более значительной силой,

чем на полях европейской (политики). Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения.

Разумеется, операции на Востоке предполагают создание и укрепление могущественной базы на Урале. Эта база нам необходима во всяком случае, независимо от того, в какую сторону нам придется в течение ближайших месяцев или, может быть, лет стоять лицом — в сторону Запада или Востока. Необходимо во что бы то ни стало возродить Урал. Всю ту рабочую силу, которую мы тратили или собирались тратить на рабочие поселения в Донской области¹⁸⁸ и проч., необходимо теперь сосредоточить на Урале... Международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии.

Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо боеспособнее 3-го Интернационала¹⁸⁹.

Родина. 1990. № 10. С. 12—13.

№ 143

Воспоминания главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина о конфликте с командующим Кавказской армией генерал-лейтенантом П.Н. Врангелем в связи с обвинением его последним в уклонении весной и летом 1919 г. от прорыва войск на Восток, соединения с войсками А.В. Колчака и предотвращения их поражения¹⁹⁰

«В широко распространявшемся генералом Врангелем втором, февральском памфлете¹⁹¹ имелись, между прочим, также строки: «Моя армия освободила Северный Кавказ. На совещании в Минеральных

Водах 6 января 1919 г. я предложил Вам перебросить ее на Царицынское направление, дабы подать помощь адмиралу Колчаку, победоносно подходившему к Волге.

Мое предложение было отвергнуто, и армия стала перебрасываться в Донецкий бассейн, где до мая месяца вела борьбу под начальством ген. Юзефовича, заменившего меня во время болезни.

Предоставленный самому себе адмирал Колчак был раздавлен и начал отход на Восток. Тщетно Кавказская армия пыталась подать помощь его войскам. Истомленная походом по безводной степи, обескровленная и слабо пополненная, она к тому же ослаблялась выделением все новых и новых частей для переброски их на фронт Добровольческой армии, войска которой, почти не встречая сопротивления, шли к Москве.

В середине июля мне наконец удалось связаться с уральцами, и с целью закрепления этой связи я отдал приказ 2-й Кубанской дивизии генерала Говорущенко переброситься в район Камышина на левый берег Волги.

...Опасения... оказались не напрасными: через неделю началось новое наступление крупных сил противника правым берегом Волги, потребовавшее участия там и первого Донского корпуса и Говорушки и заставившее все же Кавказскую армию бросить Камышин и отойти к самому Царицыну...*

Но кто станет разбираться в таких стратегических деталях!.. И вопрос о «соединении с войсками Верховного правителя» стал именно тем камнем, который готовился задолго и был брошен открыто в февральском письме...

После признания мною власти Колчака все командующие армиями и отрядами от себя и от имени войск свидетельствовали о высоком нравственном удовлетворении свершившимся объединением. Кроме одного. Через две недели я получил письмо от барона Врангеля: по его словам, он молчал, считая исполнение приказа прямым своим долгом, как подчиненного. Но, прочитав в газетах обращения других командующих, спешит отозваться, чтобы я не подумал, что он иначе, чем они, относится к совершившемуся...

А впоследствии написал:

«Боевое счастье улыбалось Вам, росла слава, и с ней вместе стали расти в сердце Вашем честолюбивые мечтания, совпавшие с целым рядом наших побед. Ваш приказ о подчинении Вас адмиралу Колчаку

*Здесь — конец цитаты из письма-памфлета П.Н. Врангеля. Кавычки А.И. Деникиным не поставлены.

доказывал, казалось, противное. Будущая история покажет, поскольку этот Ваш шаг был добровольным... Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, «отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине» и «ставя превыше всего ее счастье...». Не жизнь приносите вы в жертву Родине, а только власть; и неужели подчинение другому лицу для блага Родины есть жертва для честного сына ее... Эту жертву не в силах был уже принести возвысивший ее, упоенный новыми успехами честолюбей».

«Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты...»*

...В силу предоставленных мне еще 19 ноября 1919 г. Верховным правителем полноты прав, в области переговоров с Верховным кругом и реорганизации власти я не был стеснен в своих решениях.

В то время, когда происходили эти события на Юге, в Иркутске совершался кровавый эпилог. Оставленный своими, преданный «главнокомандующим союзными войсками в Сибири», французским генералом Жаненом, плененный ненавидевшими его чехословаками, Верховный правитель был отвезен ими в Иркутск и отдан в руки социал-революционного «Политического центра».

Революционная демократия торжествовала. Объявив адм. Колчака «врагом народа», его заключили в тюрьму и подвергли допросу по обвинению в «предательстве им Родины». Еще не закончилась судебная процедура, когда ввиду угрозы подошедшей к Иркутску армии генерала Войцеховского, по распоряжению «правительства» 25 января адмирал Колчак был расстрелян¹⁹².

Революционная демократия, совершив это преступление — акт политической мести, передала власть большевикам, уйдя снова в подполье.

Глубокую скорбь вызвала во мне весть о гибели адмирала Колчака. История оценит подвиг большого патриота и несчастного правителя, поднявшего на свои плечи безмерно тяжелое бремя власти в годину тяжких испытаний. Она произнесет и свой приговор над теми людьми, что, не сделав ничего для спасения страны, мнили себя вправе быть его судьями и палачами.

Я узнал о смерти Верховного правителя еще в Тихорецкой. Событие это поставило передо мной весь тяжелый вопрос о преемстве «всероссийской власти...».

Д е н и к и н А.И. Очерки русской смуты; В 5 т. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. Берлин. С. 114—116, 311.

* Письмо-памфлет (февраль 1920 г.), широко распространенное на Юге России и за границей.

№ 144

**Воспоминания генерал-лейтенанта, командующего
3-й армией К.В. Сахарова о встречах с Верховным
правителем А.В. Колчаком осенью 1919 г. в Омске**

«Вместе с генералом Дитерихсом я отправился к адмиралу Колчаку, в его особняк на Иртыше; снова сделал доклад о положении на фронте. Вывод был таков: необходимо немедленно продолжать наступление, гнать разваливающихся красных, чтобы до наступления морозов занять горные проходы Урала; для этого необходимо выполнить три условия — немедленная присылка пополнений, теплой одежды и координация действий всех армий.

Адмирал Колчак выслушивал, как всегда, внимательно весь доклад. Он сидел теперь оживленный и смотрел прямо своими черными, как ночь, глазами, качая часто головой в знак согласия. А в конце я услышал повторение почти дословно той же фразы:

— Я знаю, как армии трудно, но ничего, — продержитесь до конца октября, когда Деникин возьмет Москву...

Вечером в тот же день за обедом и после него я имел длинный и совершенно близкий разговор с адмиралом. Он еще более оживленный и полный надежд и как будто даже помолодевший вследствие последних успехов армии, много и горячо говорил, высказывал свои задушевные мысли.

— Вы не поверите, Константин Вячеславович, как тяжела эта власть. Никто не понимает; думают, что я цепляюсь за нее. А я бы отдал тому, кто был бы достойнее и способнее меня...

В то же время уже начали ходить слухи, направляемые какой-то скрытой центральной интригой, о том, что генерал Деникин стремится стать сам во главе всего Русского дела, а с другой стороны, что генерал Дитерихс подготавливает переворот и намерен захватить власть в свои руки.

— Все равно ведь, — продолжал адмирал, — не может русский народ остановиться ни на ком, не удовлетвориться никем. Будь ты человек-солнце, нашли бы пятна и раздули их. И это естественно. Нельзя вычеркнуть истории великого народа, нельзя насиловать его характера, свойств и всего уклада...

— Как вы представляете себе, Ваше Высокопревосходительство, будущее?

— Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроения армии и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней России, тоска и стыд за то, что с ней сделали...

— В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которые желает весь народ, его массы. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии и призвании на престол своего народного вождя, законного царя. Только это движение и может иметь успех.

— Так почему же не объявить теперь же о том, что омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся:

— А что скажут наши иностранцы, союзники?.. Что скажут мои министры?¹⁹³

Верховный правитель развил мне свою мысль, что необходимо идти путем компромиссов, и он, местами противореча сам себе, защищал точку зрения, что временное соглашение с эсерами найти нужно, так как их поддерживают все «союзные» представители. Видно было, что адмирал устал в борьбе и уже уступал.

С а х а р о в К.В. Белая Сибирь. С. 147—148.

№ 145

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 4 ноября 1919 г.

«§ 1

В настоящий решительный период нашей борьбы с лживыми и кровожадными обманщиками русского народа — большевиками, когда должны быть напряжены все наши силы, я решил быть все время среди моих армий и дать отпор красным изменникам.

Зная и оценивая ваши труды, жертвы, доблестные войска Восточного фронта, я не сомневаюсь, что скоро ваша доблесть и беззаветная служба Родине дадут вновь перелом военного счастья, остановят зарвавшегося врага и вы отбросите его на запад. Одновременно я принимаю ряд основных решительных мер, дабы устранить недочеты в снабжениях и пополнениях, чтобы дать наибольшее усиление работ всей страны на поддержку фронту.

Наступающая зима и победы наших русских армий на юге и северо-западе России, на путях к Москве и Петрограду, заставляют большевиков делать сейчас судорожные последние усилия, чтобы отсрочить свою гибель. Чувствуя ее в измученной ими Центральной

России, они хотят пробить себе путь отступления на Сибирь, чтобы и эту часть нашей Родины подвергнуть тем же несчастьям и злу. Но не быть этому.

Я требую от каждого, от генерала до рядового бойца, твердого и беззаветного исполнения долга. Требую напряжения всех сил страны для дружной, горячей работы на помощь нашим доблестным армиям.

§ 2

Главкомандующим армиями Восточного фронта назначаю командующего Московской группой армий генерал-лейтенанта Сахарова.

§ 3

Генерал-лейтенанта Дитерихса назначаю в мое распоряжение.

§ 4

Командующим Московской группой армий назначаю командующего Волжской группой генерал-майора Каппеля.

§ 5

а) Железные дороги — Омскую, Томскую и Забайкальскую — объявляю на военном положении и всех служащих, начиная от министра путей сообщения и до рядового рабочего, объявляю состоящими на военной службе и в подчинении Главкомандующего Восточным фронтом.

б) Министерство снабжения, со всеми его органами и служащими, объявляю также состоящими на военной службе с подчинением Главкомандующему Восточным фронтом.

в) Железным дорогам и министру снабжения принять самые решительные меры к срочной подаче на фронт теплой одежды и пополнений.

§ 6

Требую от всех министерств, ведомств и лиц наибольшего напряжения сил для создания могучих средств к борьбе

§ 7

Призываю городские и земские управы оказывать самую деятельную помощь по призыву и сбору добровольцев и обеспечению их семей. Только могучее напряжение сил приведет к победе над большевизмом и даст нам возможность предоставить народу [возможность] принять участие в здоровом строительстве государства.

Главкомандующему Восточным фронтом совместно с министром внутренних дел разработать положение о предоставлении семьям военнослужащих бойцов в городах и населенных пунктах — квартир и продовольствия натурой.

Адмирал Колчаку.

ГАРФ, ф 161, оп. 1, д 251, л 116 и об

№ 146

**Г.К. Гинс об А.В. Колчаке и его правительстве
в период их эвакуации, поражения и арестов**

«...В конце октября у Верховного правителя состоялось заседание Совета министров. Вопреки уверению Тельберга, что адмирал не любит многолюдных заседаний, он быстро привык к совместным заседаниям с министрами.

Поставлен был вопрос об эвакуации. «Правительство, армия и золото должны быть вместе» — такова была формула адмирала. Все речи только развивали эту тему.

Горячо говорил Третьяков. Он призывал оставаться в Омске до последнего.

— Может быть, вам, — сказал он, обращаясь к адмиралу, — суждено повторить бессмертный поход Корнилова. Мы пойдем с вами.

Но адмирал больше одобрял практические действия, чем слова. Он требовал, чтобы разгрузка совершалась быстрым темпом.

Я вполне разделял это стремление. Работать в Омске было невозможно. Он был военным лагерем. Правительство только мешало своим присутствием, а между тем тыл все больше отрывался от власти. В Иркутске избрана была социалистическая городская дума, в Благовещенске тоже. Контрразведка доносила о большой ажитации земцев. Можно было предвидеть, что правительство опоздает и с переездом, что раньше, чем оно приедет, на Востоке образуется другое.

Поэтому я с своими учреждениями не медлил и в первую очередь двинул в Иркутск Государственное экономическое совещание и Бюро печати. Я считал, что для существования правительства нужно, как минимум, перенести в Иркутск управление делами, как центральный аппарат, Экономическое совещание, как некоторую общественную опору, и, наконец, средства печати, как орудие агитации.

Другие министры не спешили. Эвакуация готовилась уже раньше, в августе, но была отменена. Это всех развратило. Всем казалось, что так будет и теперь. Заниматься эвакуацией считали проявлением трусости, а не благоразумия. Омская общественность требовала защиты Омска во что бы то ни стало. Государственное экономическое совещание, выслушав указ о перерыве работ, постановило выразить Верховному правителю полную готовность, по первому призыву, вновь приступить к работе по содействию правительству в его тяжелых трудах. Была избрана делегация к адмиралу в составе Червен-Водала, Щукина и полковника Березовского.

Адмирал согласился принять ее. Но когда утром 31 октября я пришел вместе с делегацией к адмиралу, он был в таком настроении, что я боялся скандала. Он пригласил к себе сначала меня одного, стукнул кулаком по столу и спросил: «Вы с делегацией?» — «Да». — «Просите!» Это было сказано таким тоном, что я ожидал возможности самой невероятной выходки.

Однако обошлось благополучно. Волнуясь за адмирала, престиж которого я всячески охранял, волнуясь и за престиж Совещания, председателем которого я был, я прочел резолюцию Совещания, принятую в связи с указом о перерыве работ. Потом Червен-Водала деликатно и тактично стал развивать мысль о том, что запасный центр нужен, но что Омск, по мнению всех членов Совещания, так важен политически, что его надо защищать.

Адмирал успокоился и оживился. Это было и его мнение. Он подчинился одно время авторитету Дитерихса, стоявшего за оставление Омска, но был рад слышать все, что говорило в защиту Омска.

Дальше речь пошла о председателе Совета министров, о необходимости перемен. Адмирал рассказал о своей беседе с Вологодским, о доверии своем к Пепеляеву, о том, что он ждет его возвращения.

После этого произошло то частное заседание министров, на котором была признана большинством необходимость смены премьера. Только общая обстановка разгрузки, под видом которой происходила фактическая эвакуация, помешала осуществлению перемен в кабинете.

Только одну неделю пробыл после этого в Омске Совет министров, и вся эта неделя проходила в колебаниях: эвакуироваться или нет. Верховный правитель поддался господствующему настроению. Он решил защищать Омск. На этом решили сыграть генералы-карьеристы.

Командовавший 3-й армией генерал Сахаров просил у Верховного разрешения приехать в Омск. Ему разрешили. Однажды адмирал вызвал Третьякова, Неклютина, Устругова, Пепеляева и меня к себе. Это был не Совет Верховного, а импровизированное заседание. Присутствовали Сахаров и назначенный его помощником Иванов-Ринов. Сахаров сделал доклад о положении на фронте, о нуждах армии, о настроениях ее. Из всего вытекало, что защищаться нельзя. Но, к общему удивлению, он сделал неожиданно и нелогично вывод, что защищаться нужно. Дитерихс не присутствовал.

Выслушав доклад, мы хотели возражать, но испортил дело Устругов. Вместо того чтобы сразу изложить свои сомнения, он задал вопрос, будем ли мы обсуждать доклад командующего армией.

— Конечно нет! — резко заметил адмирал. — Я пригласил вас только для информации.

Поделившись своими соображениями о неустранимости беспорядка в деле снабжения и транспорта, пока будет существовать многовластие, мы разошлись.

На другой день пришлось очень долго ожидать адмирала. Было за двенадцать, когда он вышел принять доклад.

— Знаете, — сообщил он мне, — я всю ночь обсуждал здесь положение и решил защищать Омск. Главкомандующим будет Сахаров.

Указ был уже подписан. Сахаров, который накануне держал себя с неприличною самоуверенностью, был мне совершенно незнаком. Я съездил к Ноксу узнать его мнение. Он сказал, что Сахаров смелый офицер, что, может быть, ему и удастся выполнить свой план и защитить Омск.

Все распоряжения Дитерихса об эвакуации были отменены. Поезда, следовавшие из Омска, были задержаны. Некоторым частям приказано было выйти из Новониколаевска в Омск, выехавшим чинам военного министерства — вернуться. Все перевернулось вверх дном.

Адмирал ободрился. Но прошел день, другой, и выяснилось, что остановить отступление невозможно. Распоряжения Сахарова внесли только лишний сумбур. Чтобы оправдать себя, он обвинял во всем Дитерихса.

Адмирал не мог спокойно говорить о Дитерихсе. Он называл его чуть ли не изменником, обвиняя, главным образом, в том, что он увел с фронта Сибирскую армию и, таким образом, обнажил фланг остальных. Докладчики не хотели быть честными и не сообщали, что они сами присоединились к плану Дитерихса и что уведенная армия фактически состояла только из штабов, обозов и небольших потрепанных отрядов.

Между тем совершалось нечто непредвиденное.

Взоры всех с тревогой впились в сторону Иртыша. Он не замерзал. Падал мокрый снег, стояла распутица, зима упорно не приходила.

Незамерзшая, непроходимая река на пути отступающей армии — это грозило такой катастрофой, о которой язык отказывался говорить.

Адмирал весь ушел в свои глаза. Они смотрели мимо собеседников, большие, горящие, бездонные, и были устремлены в сторону фронта...

Совет министров все еще ничего не понимал. Против эвакуации упорно возражали несколько министров. Вологодский беспомощно разводил руками. Никто не хотел видеть, что творилось в Омске. Город перешел всецело во власть военных. Приехавшего из Архангельска Игнатьева, бывшего члена Северного правительства, посадили в тюрьму, без ведома кого-либо из министров. Добиться, почему он посажен, никто не мог. Подозревали дикое.

Жардецкий приехал сообщить мне, что готовится арест Сукина, Михайлова и меня, ввиду вредного влияния нашего на адмирала. Уже самое сопоставление фамилий людей, резко расходившихся в политике и ее приемах, свидетельствует о нелепости плана. Но все было возможно.

В то время как пребывание правительства в Омске лишало его последнего влияния, страна потеряла всякую связь с столицей. «Правительственный вестник» дальше Омска не выходил. Учреждения перестали работать. Сам Совет министров тратил время на бесплодные споры об эвакуации.

Я не верил искренности некоторых возражавших. Это были случайные люди для Сибири, люди, которые могли смотреть на оставление Омска как на конец своей карьеры; Иркутск, по-видимому, их не интересовал, и потому они нисколько не входили в рассмотрение перспектив переезда. А может быть, они были дальновиднее других и были уверены, что власть, оставляя Омск, неминуемо погибнет.

Вопрос решил сам адмирал. Он приказал выезжать. Спешно приняли мы положение о Государственном экономическом совещании,

на всякий случай закон о денежной реформе, закон о предоставлении законодательных прав Совету министров, на случай разобщения с Верховным правителем — и собрались в путь.

В субботу 8 октября* состоялось последнее совместное заседание Совета министров с Верховным правителем. Адмирал утвердил все законы. Он остановился только на вопросе о назначенных членах Совецания. Некоторые министры находили, что от назначения лучше совсем отказаться, адмиралу казалось, наоборот, что надо увеличить число назначенных членов.

В соседней комнате ждал чиновник, чтобы отнести закон в типографию. На следующий день он появился в «Правительственном вестнике», последнем его номере, вышедшем в Омске. Министры сердечно простились с адмиралом...»

Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. Т. 2. С. 408—412.

№ 147

Из телеграммы Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и главнокомандующего армиями Восточного фронта генерал-лейтенанта К.В. Сахарова от 11 ноября 1919 г. министру иностранных дел С.Д. Сазонову, высокому комиссарам и послам В.Н. Крупенскому, Н.А. Кудашеву и Б.А. Бахметеву

«...Крайне тяжелые условия снабжения войск сибирского фронта и значительное численное превосходство большевиков вынудили сибирские войска к глубокому отходу и временному оставлению г. Омска — резиденции Российского правительства.

...Российское правительство приносит эту жертву во имя сохранения армии для дальнейшей борьбы с большевиками.

Высокий моральный дух, проявленный войсками в тяжелых боях последних месяцев, преисполняет правительство твердой верой, что после некоторого отдыха, укомплектования и пополнения недочетов в материальной части сибирские войска вновь приобретут могучий и наступательный порыв пробуждения национального чувства в русском народе, в его борьбе с грубыми узурпаторами власти большевиками-интернационалистами, и все крепнущая в народе ненависть к этим

---

* Несомненно, здесь допущена описка и речь идет о заседании 8 ноября 1919 г.

насилыникам позволяют правительству спокойно взирать на будущее с полной верой в конечный успех.

Ярким доказательством народной ненависти к большевикам служит массовое бегство населения пер [ед] волной наступающих большевиков: рабочие Воткинских, Ижевских, Златоустовских и Саткинских заводов почти в полном составе бежали от большевиков, крестьяне Приволжья, Урала и частично Западной Сибири покинули с женами и детьми свои родные станицы, уходя от насилий большевистских банд.

Примирение с большевиками, ненависть к которым пустила столь глубокие корни в народе, — невозможно; возможна только беспощадная борьба до полного уничтожения советской власти.

Россия обращает внимание дружественных держав, что, принося неисчислимые жертвы в борьбе с большевиками, она выполняет тем самым не только свою национальную задачу, но и борется с мировой опасностью — большевизмом, который в большей или меньшей степени угрожает всем нациям мира.

...При таких условиях Российское правительство, возглавляющее все русские силы, ведущие борьбу с большевиками, будет исполнено твердой уверенностью, что оно доведет эту борьбу до победного конца».

ГАРФ, ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 22—23.

№ 148

Меморандум руководства чехословацких войск от 13 ноября 1919 г. с протестом против действий властей и о стремлении выехать на родину¹⁹⁴

«...Невыносимое состояние, в каком находится наша армия, вынуждает нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехословацкая армия могла бы обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чем разрешен с согласия всех союзных держав.

Войско наше согласно было охранять магистраль и пути сообщения в определенном ему районе и задачу эту исполняло вполне добросовестно.

В настоящий момент пребывание нашего войска на магистрали и охрана ее становятся невозможными просто по причине бесцельности, равно как и вследствие самых элементарных требований справедливости и гуманности...

Такая наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние русские дела, и она-то и есть причина того, что мы, соблюдая полную лояльность, против воли своей становимся соучастниками преступлений. Извещая об этом представителей союзных держав, мы считаем необходимым, чтобы они всеми средствами постарались довести до всеобщего сведения народов всего мира, в каком морально-трагическом положении очутилась чехо-словацкая армия и каковы причины этого.

Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как лишь в немедленном возвращении домой из этой страны, которая была поручена нашей охране, и в том, чтобы до осуществления этого возвращения нам была предоставлена свобода к воспрепятствованию бесправия и преступлений, с какой бы стороны они ни исходили.

Б. Павлу, а-р Гирса

13/XI 1919, г. Иркутск».

Kolchak i Sibir. Documenty i issledovaniia. 1919—1926. Volume 1. New York, 1988. P. 448—449.

№ 149

**Телеграмма Верховного правителя адмирала
А.В. Колчака в связи с чехословацким меморандумом
в правительственные органы от 25 ноября 1919 г.**

«Весьма экстренно.

Иркутск — начглав, предсовмину, управляющему мининдел.

Из поезда Верховного правителя.

Ознакомившись [с] чешским меморандумом от 13 ноября за подписями Павлу и Гирса, повелеваю прекратить всякие сношения с этими лицами, как вступившими на путь политического интриганства и шантажа, войти со срочным представлением через Сазонова к чешскому правительству с предложением отозвать этих лиц из России и заменить их другими, умеющими себя хотя бы вести прилично¹⁹⁵.

Адмирал Колчаку».

25/XI 1919 г.».

Kolchak i Sibir. Documenty i issledovaniia. 1919—1926. Volume 1. New York, 1988. P. 449.

**Телеграмма Верховного правителя А.В. Колчака
представителям союзных стран от 25 ноября 1919 г.
в связи с чехословацким меморандумом¹⁹⁶**

«Иркутск. Из поезда Верховного правителя. Генералам Жанену и Ноксу, дипломатическим представителям: Франции, Англии, Японии и Америки, предсовмину и управляющему мининдел.

Ознакомившись с текстом чешского меморандума от 13 ноября сего года, врученного представителям союзных держав, довожу до вашего сведения нижеследующее. Нескрываемые симпатии чешских представителей к антигосударственным настроениям и связь некоторых из них с теми элементами, которые, разрушив государственность России, практически не отличаются от большевиков, определились еще год тому назад при формировании первого национального русского правительства. Уже тогда отдельные представители вступили на путь политического шантажа, угрожая оставлением уральского фронта чешскими войсками, вмешиваясь в вопросы персональных назначений членов правительства. Неизменно в дни тяжелых испытаний при неудачах русской армии и затруднениях, в которых оказывалось русское правительство, отдельные чешские представители, особенно на Дальнем Востоке, вели открытую противоправительственную работу, всеми силами стараясь подорвать его авторитет, престиж русского национального дела. Еще в августе эта деятельность приняла настолько недопустимый характер, что вызвала обращение к чешскому правительству с просьбой об отозвании некоторых лиц, как Гайда и Гирса, из пределов России. Эти лица определенно подготовляли во Владивостоке восстание против русского правительства, войдя в связь и сношение с теми частями населения, которые, как это подтвердилось при попытке восстания, ничем не отличались от большевиков. Гайда, бывший на русской службе, был вычеркнут из списков русской армии за эту подготовительную работу, и позорное поведение его во время попытки возмущения во Владивостоке только подтвердило справедливость этого акта. Что касается до Гирсы, именующего себя чешским представителем, то я считаю необходимым заявить, что ни мне, ни правительству совершенно не известны ни положение, ни его полномочия, известна только его противоправительственная работа на Дальнем Востоке. Точно так же и Б. Павлу, подписавшийся под упомянутым меморандумом, официально не известен мне, как имеющий полномочия от чешского правительства. В силу этого я ни в какой мере не могу рассматривать чешский меморандум, подписанный Пав-

лу и Гирсой, как документ, имеющий отношение к чешскому правительству или даже к военному чешскому командованию, и рассматриваю этот меморандум как акт, за который персонально ответственны только именующие себя чешскими представителями Павлу и Гирса. Я не считаю нужным давать какой-либо ответ по существу этого меморандума, который оцениваю как поступок политического интриганства и шантажа со стороны лиц, его подписавших. Я не могу только не обратить внимания на связь этого меморандума с попыткой большевистского восстания во Владивостоке и на характер его, как стремления получить санкцию великих держав на вмешательство вооруженной силой в русские внутренние дела. Допуская возможность такого вмешательства, я заявляю, что малейшие шаги в этом смысле будут мною рассматриваться как враждебный акт, фактически оказывающий помощь большевикам, и я отвечу на него вооруженной силой и борьбой, не останавливаясь ни перед чем. Что же касается лиц, подписавших упомянутый меморандум, то мною отдано распоряжение правительству о прекращении с ними всяких сношений и о представлении чешскому правительству отозвать этих лиц из России, и если угодно, то прислать представителей, которые по крайней мере умели бы себя вести прилично.

Адмирал Колчак
Жуковский¹⁹⁷

25/XI 1919 г. № 215».

Kolchak i Sibir Documenty i issledovaniia 1919—1926 Volume 1 New York, 1988 P 150—151

№ 151

**Переговоры по прямому проводу Верховного правителя
России А.В. Колчака (поезд Верховного правителя)
и председателя Совета министров П.В. Вологодского
(г. Иркутск) 21 ноября 1919 г.**

«Председатель Совета министров П.В. Вологодский]. Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство. Я побеспокоил вас приглашением к прямому проводу для разговоров по поручению Совмина¹⁹⁸. Получили вы или нет мою телеграмму шифрованную с изложением единодушного мнения Совмина о необходимости изменения состава Совмина с приглашением в состав его представителей общественных течений. Получили ли вы также

телеграмму Гинса с изложением мотивов такого постановления Совмина с более подробным изложением их, чем указано в моей телеграмме?¹⁹⁹ Каково ваше мнение? Совмин считает необходимым скорейшее получение ответа. Я слушаю вас.

Верховный правитель А.В. Колчак. Телеграммы вашей я не получил и мнения по этому вопросу пока не имею.

П.В. Вологодский. Разрешите сейчас доложить вам сущность этого заявления Совмина. По долгу совести и службы я обязан указать вам на исключительную серьезность момента. За истекшие дни я и прочие члены правительства имели достаточную возможность ознакомиться с создавшимся положением. Все слои населения, до самых умеренных, возмущены произволом, царящим во всех областях жизни, и бессилием правительства положить конец своеволию отдельных военных начальников. Все указывают на полную расходимость слов с делом. Программа, неоднократно возвращенная вами и правительством, приветствуется, но никто более не верит в возможность ее воплощения в жизнь при установившейся системе или, вернее, бессистемности управления. Недопустимый по форме Чехо-Словацкий меморандум справедлив по существу, ибо рисует действительное положение страны. Самые лояльные люди готовы броситься в преступные авантюры в поисках выхода из невыносимого положения. Владивостокский инцидент свидетельствует о крайней сгущенности политической атмосферы, [которая] совершенно не исключает возможности новых вооруженных выступлений. Здесь это чувствуется очень остро. Тяжесть положения усугубляется ужасающим финансовым кризисом, баснословной дороговизной, надвигающимся голодом в Восточной Сибири и плохими известиями с фронта. Авторитет правительства, а также ваш личный падает с каждым часом, неудачный подбор высших военных начальников, претендующих на исключительное влияние на вас, полное игнорирование Совета министров не может укреплять положения. Недопустимо, чтобы Совмин не знал истинного положения дела на фронте, о состоянии армии и ее материальных ресурсах после оставления Омска. Приходится питаться сведениями из посторонних источников, не всегда достоверных. Положение с чехами чрезвычайно остро. Чехи оставляют охрану линии на этих днях, если не будет достигнуто компромисса. Для них, связавших свою судьбу с нами, не безразлична политика правительства. Бесправие, произвол военных властей не могут привлечь их симпатий. Они видят один выход из положения — путем действительного демократического переустройства правительства — и осуждают автократический путь насильственных переговоров. Совмин во вчерашней телеграмме указал вам первый путь, и он ждет Вашего ответа

сегодня, иначе завтра может быть будет поздно. Позвольте в этот грозный и ответственный момент поставить вопрос прямо: нужен вам Совет министров или не нужен? Если да, то дайте ему полную возможность быть действительной властью, которая, опираясь на широкие общественные круги, вывела бы страну из создавшегося тяжелого положения. Пусть военные делают свое военное дело и не вмешиваются в сферу гражданского управления. Довольно обвинять только тыл, нужно оздоровить и фронт. Вы должны властью разрушить то средостение, которое на гибель общего дела создано происками честолюбцев и интриганов между вами и Советом министров, вручившим вам год тому назад осуществление Верховной власти. Если вам нужен Совет министров, то дайте ему возможность на деле быть вашим сильным сотрудником в тяжелой борьбе. Для этого председатель Совета министров должен иметь возможность создать властной своей солидарностью кабинет, опирающийся на широкие общественные круги.

Поручите тому, кого вы считаете для данного момента наиболее подходящим лицом, могущим сформировать нужный кабинет и представить вам завтра же конкретную программу действий этого кабинета. Простите за правдивое слово. Но Совмин и я считали себя нравственно обязанными сказать вам это в этот тяжелый момент нашей государственной жизни. В частности, в отношении себя напомним вам о всегдашней моей готовности уступить свой пост более волевому и активному лицу. Теперь более чем когда-либо я чувствую слабость своих сил руководить деятельностью Совета министров.

Совет министров собирается завтра днем [в] 2 часа для заслушивания вашего ответа. Я кончил.

В е р [х о в н ы й] п р [а в и т е] л ь. Я вашей телеграммы до сих пор не получил. Имею лишь телеграмму Гинса, с положениями которой согласен, т. к. они были уже обдуманы в Омске. Я считаю необходимым призвать на пост председателя Совета министров Виктора Николаевича Пепеляева и ему поручить составить солидарный кабинет. Я считаю совершенно необходимым существование Совмина и не мыслю без него управления страной ввиду тяжелого положения армии и необходимости связать ее потребности с управлением государством. Ввиду невозможности в ближайшее время оставить район армии, я решил несколько видоизменить состав Совещания при Верховном правителе: Верховное совещание состоит под моим председательством, в состав его входят главнокомандующий фронтом, его помощники, председатель Совета министров и министры: военный, внутренних и иностранных дел, путей сообщения, финансов и снабжения. Ввиду практической невозможности иметь вблизи фронта всех

поименованных министров, вместо них могут быть товарищи их или заместители. Без наличия такого Совета я не могу согласовать работу правительства, которому буду сообщать свои решения по вопросам Верховного управления государством в виде директив или общих указаний. Предоставляю разработку их Совмину или ведомствам по принадлежности. Только таким путем я считаю возможным согласовать работу высшего военного командования и правительства. О положении дела на фронте Совмин оповещается ежедневно, и перерывы происходили только ввиду перемещения штабов. Я кончил.

П.В. В о л [о г о д с к] и й. Разрешите ваше решение передать сегодня же Пепеляеву, чтобы он смог завтра же сообщить Вам список министров, с которыми он считает возможным работать.

Предположения ваши о способе согласования работы военного командования и правительства разрешите передать на предварительное заключение Совета министров.

Имею честь кланяться.

В е р [х о в н ы й] п р [а в и т е] л ь. Очень прошу передать все это Пепеляеву, но предварительное обсуждение моего решения об образовании при мне и под моим председательством Верховного совещания не нужно, т. к. я подписал уже об этом указ и совещание это функционирует, разрабатывая наиболее важные мероприятия, вызываемые состоянием армии и фронта, которые я не премину сообщить предсовмину.

Я кончил. Имею честь кланяться».

ГАРФ, ф. 195, оп. 1, д. 12, л. 2—3 и об.

№ 152

Разговор министра внутренних дел В.Н. Пепеляева с Верховным правителем А.В. Колчаком. Иркутск — поезд Верховного правителя, 22 ноября 1919 г.

«И р к у т с к. У аппарата ли Верховный правитель?

[В] п о е з д е. Когда Верховный правитель придет — скажем.

П о е з д у а п п а р а т а.

Министр у аппарата: м [инистр] в [нутренних] д [ел].

Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство. Жду ваших указаний.

В е р х о в н ы й п р а в и т е л ь. Здравствуйте, Виктор Николаевич — вы просили переговорить со мной по прямому проводу по

вопросу, о котором мы с вами беседовали в Омске²⁰⁰. Вчера я говорил с предсовмином, и причем убедительно, что коренные изменения в личном составе Совета министров и правительства совершенно необходимы. Я решил просить вас занять пост председателя Совмина, оставляя пока за собой должность министра внутренних дел, и поручить вам сформировать солидный кабинет. Об этом я уже послал вам телеграмму. Получили ли вы ее?

Прошу Вашего заключения.

М и н и с т р. Телеграмму получил сегодня ночью. Возлагаемые вами на меня новые обязанности непомерно тяжелые вообще, особенно тяжкие [в] настоящий момент, спустя всего две недели после последнего моего доклада вам в Омске, когда я доложил вам о тревожных симптомах для всего дела борьбы. Ныне обстановка, несомненно, труднее. Прежде всего, я не знаю степени опасности, угрожающей Западной Сибири, то есть последним нашим ресурсам. Некоторые последние распоряжения Главного командования, несмотря на внешне решительный тон, трактуются как жест отчаяния, целый ряд кризисов: продов [ольственного], денежного и других усугубляют опасность. Резкая критика власти всеми кругами. Впечатление [в] пути, как по Алтайской губернии, так и в нынешнюю поездку, убеждают меня в общей ненависти. В нынешней уродливой двоевластной системе — военной [и] внутреннего управления тылом, загадочном [положении] Дальнего Востока — вот остановка, от которой еще не опустились руки, но на которую нужно прямо взглянуть в глаза, и создавать власть на принципе только личных перемен без решительных перемен к изживанию всех указанных ненормальностей будет опасным самообманом, а мое согласие только на внешние перемены было бы обманом вас и страны. Я жду ответа, Ваше Высочайшее превосходительство.

В е р х о в н ы й п р а в и т е л ь. Я совершенно не закрываю глаза, ибо мне лучше чем кому-либо известна вся тяжесть настоящего положения.

Основной причиной неудовлетворительного внутреннего управления являются незаконность деятельности низших агентов власти, как военных, так и гражданских. Деятельность начальников уездной милиции, отрядов особого назначения, всякого рода комендантов, начальников отдельных отрядов представляет собой сплошное преступление. Все это усугубляется деятельностью военных частей — польских и чешских, ничего не признающих и стоящих вне всякого закона. Приходится иметь дело с глубоко развращенным контингентом служащих, преследующих только личные интересы, игнорирующих всякие понятия о

служебном долге и дисциплине. Такова среда, с которой приходится работать. Но эту работу продолжать необходимо, как ни тяжело положение Западной Сибири. Но я не считаю его безнадежным, так как армия во всех своих частях сохранила управление и организацию, но она сильно ослаблена, плохо [поставлено] снабжение и совершенно измучена. Не надо забывать, что тяжесть борьбы выносят только офицеры и добровольческие кадры, которые бесценно дерутся уже второй год. Я всеми силами стараюсь поднять и укрепить добровольческое движение, и вчера на собрании общественных деятелей в думе в Ново-Николаевске я встретил единодушное желание идти навстречу этой работе. Каковы будут ее результаты по числу и времени — сказать трудно, но я делаю все возможное в этой области. Ни о каком отчаянии со стороны командного состава не может быть и речи, и о каком жесте вы говорите, я не понимаю. Вот все, что я могу вам сказать по этому вопросу. Я по-прежнему считаю вас единственным лицом, способным создать твердую правительственную власть, и прошу вас принять мое предложение. Тяжесть и трудность которых я вполне понимаю. Я кончил.

М и н [и с т р]. Благодарю за доверие Вашего Высокопревосходительства, дорогое для меня всегда. Прошу вас выслушать несколько слов, в которых я общими чертами наметил бы основы программы и формирования кабинета. Эти основы ждут вашего согласия, и я не позволю себе без него хотя бы один шаг:

1) Верховный правитель управляет страной через назначенных министров. Командование воюет.

2) Необходимо проникновение в народ, сближение с оппозицией, объединение здоровых сил страны.

3) Отказ от исключительно военной системы управления страной. Поддержка широкого добровольческого движения, решительное вступление на путь законности и борьбы с произволом. Сокращение ведомств.

4) Расширение прав Государственного земского совещания, попытка сближения с чехами. Жду указаний.

В е р х о в н ы й п р а в и т е л ь. По изложенным вами вопросам у меня есть две неясности. Первое — какое расширение прав вы считаете необходимым и вопрос — о каком сближении с чехами вы говорите и какие пути для этого сближения существуют? Чехи сами не желают этого сближения, и вопрос об их уходе уже решенный в этом смысле. Я бы поставил вопрос о сближении с Японией, которая одна в состоянии помочь нам реальной силой по охране железной дороги, которую чехи оставили. Прямо [ставить] этот во-

прос, о деталях которого говорить сейчас не буду. Я был всегда сторонником содружеской работы с чехами и поляками, но признаю, что деятельность чехов отшатнула от них армию, которая в массе своей возмущена тем отношением, которое встретила ее работа со стороны чехов еще зимой прошлого года, со стороны поляков это отношение до сих пор совершенно положительное. Я бы обратил ваше особое внимание на более тесное сближение с поляками и польским правительством. Поляки желают помочь как участники борьбы на фронте и не прикрываются никакими демократическими лозунгами, чтобы оправдать свое желание-нежелание драться, желание, правда, вполне законное, понятное.

М и н [и с т р]. Расширение прав Госуд [арственного] Зем [ско-го] совещания я мыслю себе пока как возможность эволюции его в законодательное учреждение, но оставляю это сейчас в запасе, не выдвигая на первую очередь, но, может быть, сейчас придется обдумать вопрос об отказе от шагов по назначению, ибо существуют течения бойкотирования этим учреждениям. В этом вопросе я не проявляю торопливости. Сближение с Японией я вообще считаю давнишним лозунгом и одобряю его, не упомянув лишь потому, что он мною подразумевался. Я не буду увлекаться призраком сближения с чехами, но сейчас здесь это не считают призраком, и может быть, на наше счастье, удастся сломать лед. Я полагаю, что для более детального суждения мне необходимо будет прибыть к вам. Если не предполагается вашего прибытия сюда, каковое во многих отношениях крайне важно. Какие окончательные указания вам угодно будет мне дать по всему мною доложенному?

В е р х о в н ы й п р а в и т е л ь. Последние вопросы, конечно, требуют всестороннего обсуждения, личных переговоров между вами и мной. Я совершенно связан сейчас театром военных действий, и пока армия не примет вполне устойчивое положение, я ее не могу оставить. Поэтому ваш приезд я считаю желательным, но право ставить, решить вам о времени его. Я указом своим от вчерашнего числа образовал при себе Верховное совещание, которое мне необходимо для обсуждения вопросов по Верховному управлению, связанных с потребностями армий и фронта. Должны в него входить те же лица, что в состав Совета Верховного правителя, то есть: предсовмина и часть министров с представителями Главного командования. Фактически я не могу сейчас вызывать всех необходимых министров и поэтому считаю возможным вместо них иметь заместителей. Здесь со мной находится мин [истр] путей сообщения, товарищ мин [истра] внутренних дел Ячевский, товарищ мин [истра] иностр [анных] дел

Жуковский Они и входят в это совещание. Присутствие уполномоченных вашего и министров мне здесь необходимо, ибо только тогда я буду в состоянии согласовывать потребности армии с требованиями государственного управления и сообщать в виде указаний на дальнейшую разработку соответствующих мероприятий в Совмин или отдельные ведомства. Поэтому благоволите назначить мне для этого совещания уполномоченных вами и министрами лиц. Вы вызываете Ячевского [в] Иркутск, но присутствие вашего и министра внут [рених] дел крайне необходимо здесь, а поэтому прошу вашего мнения. в случае вызова Ячевского заменить его Самойловым, который находится при мне.

М и н [и с т р]. Я вполне удовлетворен вашим желанием живой связи с ведомствами, думаю, что вы не допустите возможности случайного образования двух Советов министров, а также конкуренции между Совмином и новым совещанием. Ячевского я могу оставить дольше. Встречают ли одобрение мои основные положения, указанные мной до вашего вопроса по двум из них?

В е р х о в н ы й п р а в и т е л ь. Вопрос о расширении прав Зем [ского] совещ [ания] в принципе не вызывает возражения, но практически не могу сказать, [к чему] приведут выборы. Полагаю, что этот вопрос может быть решен, когда определится характер и состав По второму вопросу, как и по всем остальным, возражений нет. Что касается до Верховного совещания при мне, то его цель, в сущности говоря, определяется образованием органа, отвечающего бывшему Совету обороны. Этот орган никоим образом не может конкурировать с Сов [етом] мин [истров], так как не располагает аппаратом и является лишь совещательным органом при мне. Результаты его работы будут выражаться в общих указаниях, которые я своевременно буду сообщать вам.

М и н и с т р. Я отчетливо понял ваш ответ, и сомнений он не вызывает.

В е р х [о в н ы й] п р а в и т [е л ь]. Есть что-либо мне передать?

М и н [и с т р]. Сейчас нет. Я ходатайствую о сообщении мне для ориентации систематически сводок о фронте, ибо осведомленность в этом для меня в этот ответственный момент нужна как воздух

В е р х [о в н ы й] п р а в и т [е л ь]. Разве вы не получали сводок, которые посылались предсовмину?

М и н [и с т р]. Мы получили несколько отрывочных частей сводок, а сводки только два раза, и то один раз одновременно с тем,

что можно было знать уже из газет; кроме сводок, я просил бы распоряжения вашего уведомления меня, [если] это возможно будет, о признаках упрочения фронта. Повторяю, многое зависит от этого.

В е р х [о в н ы й] п р а в и т [е л ь]. Все это будет сделано. Я сам лично буду следить за вашим осведомлением. Теперь прошу вас считать себя председателем [Совета] министров, указ о чем сегодня будет передан телеграфно. Прошу сообщить ваше мнение о назначении Вологодского председателем ком [иссии] по выборам в Учред [ительное] собрание²⁰¹.

М и н [и с т р]. Я совершенно с этим согласен.

В е р х [о в н ы й] п р а в и т [е л ь] Примите мои сердечные пожелания успехов [в] вашей тяжелой работе, принятой на себя, и уверенность [в] согласованной деятельности вашей со мной с конечной целью спасения нашей Родины.

Пока до свидания.

М и н [и с т р]. Благодарю Вас за столь полное доверие и пожелания. Мои силы и даже жизнь [в] вашем распоряжении во имя России. Я прошу лишь, когда нужны [будут] более крупные люди, обеспечить меня возможностью стать [в] ряды ваших войск простым солдатом. Да хранит вас Господь!

В е р х [о в н ы й] п р а в и т [е л ь]. Всего лучшего, Виктор Николаевич. Дай Бог вам силы, здоровья».

ГАРФ, ф 195, оп 1, д 15а, л 2—13

№ 153

Телеграмма-грамота Верховного правителя А.В. Колчака из его поезда в Иркутск от 23 ноября 1919 г. бывшему председателю Совета министров, П.В. Вологодскому

«Глубокоуважаемый Петр Васильевич. В условиях тягостных не менее, чем ныне переживаемые страной, приняли Вы пост председателя Временного Сибирского правительства летом 1918 года. Под Вашим руководством оно объединило весь освобожденный от советской власти Восток, и, когда за распадением образованного на Уфимском совещании Всероссийского Временного правительства я воспринял от Совета министров, коего Вы были председателем, всю полноту Верховной власти, — Вы неизменно облегчали мне Вашим опытом и многообразными знаниями тяжелое бремя правления, всегда пользу-

ясь моим неограниченным доверием. Ныне, когда Ваше утомление от непрерывных и тяжких государственных забот лишает Вас возможности отдать служению родине и борьбе за нее столь энергии и сил, как Вы того желали бы, — я, с сожалением расставаясь с вами как председателем Совета министров, считаю своим долгом высказать Вам мою признательность за услуги, оказанные Вами родине. Я уверен, что и на новом посту, мною Вам поручаемому, Вы будете продолжать Ваше служение в обстановке спокойной, творческой и необходимой для светлого будущего нашей родины работы — весь свой государственный опыт и всю силу своей любви к великому русскому народу. Дан в г. Новониколаевске 23 ноября 1919 года.

Искренне уважающий Вас адмирал *Колчак*».

ГАРФ, ф 193, оп. 1, д 17, л. 1—2

№ 254

Из воспоминаний генерал-лейтенанта атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова о его попытке подавить повстанческое выступление в Иркутске и спасти адмирала А.В. Колчака

«...Я получил телеграмму о том, что чехи не пропускают поезд Верховного правителя и последний просит меня воздействовать на них и на генерала Жанена в нужном направлении. По получении такого сообщения я немедленно приказал генерал-майору Скипетрову с тремя бронепоездами, Монголо-бурятским конным [отрядом] и Маньчжурским стрелковым полком двинуться навстречу поезду адмирала и, приняв его под свою охрану, следовать в Забайкалье, до пункта, по указанию адмирала.

К ночи 31 декабря 1919 г. отряд генерала Скипетрова сосредоточился на станции Михалево, что в 30 верстах от Иркутска. К этому времени предместья города Иркутска (Звездочка и Глазково на левом берегу Ангары и Знаменское — за рекой Ушаковкой) находились в руках войск образовавшегося в Иркутске эсеровского «Политического центра». Войсками этими командовал капитан Калашников. В самом городе Иркутске еще держались юнкера, сотня иркутских казаков и добровольцы из офицеров и солдат. Что касается станции Иркутск, то она находилась в руках чехов.

На станции Иркутск стоял поезд главнокомандующего союзными войсками, французского генерала Жанена.

Ранним утром 1 января 1920 г. авангард Скипетрова подошел к Иркутску, имея намерение с налета захватить станцию. Однако чехи предательски пустили на наш головной бронепоезд паровоз. Произошло столкновение, в результате коего у броневика оказался испорченным паровоз и разбита передняя артиллерийская площадка. Железнодорожное полотно оказалось поврежденным и загроможденным двумя паровозами и разбитой платформой. Пришлось остановиться около входных стрелок на станцию и выгружать части из эшелонов.

Несмотря на эту непредвиденную задержку, части генерала Скипетрова начали успешно занимать предместья Звездочку и Глазково, тесня калашниковцев к реке Иркут.

Переправиться на правую сторону Ангары не было возможности, ибо Ангара еще не встала, а понтонный мост был разведен, так что связи между вокзалом и городом не было.

Только из Михалева удалось переправить к селу Листвиничное роту маньчжурцев, которая из Листвиничного на автомобилях и была перепрошена в Иркутск.

В разгар боя на левом берегу Ангары, когда части Скипетрова уже заняли всю Звездочку, в дело неожиданно вмешались чехи. Ссылаясь на приказание Жанена, они потребовали у генерала Скипетрова немедленно прекратить бой и отвести войска на станцию Байкал, грозя в противном случае применить вооруженную силу. В подтверждение своей угрозы чехи выдвинули против наших частей свой бронепоезд «Орлик», который по своему вооружению и оборудованию был сильнее наших трех броневиков, вместе взятых.

Ввиду невозможности связаться с городом и малочисленности нашего отряда, генералу Скипетрову ничего не оставалось, как отвести части сначала на станцию Михалево, потом и на станцию Байкал.

Отступление наших частей на левом берегу Ангары произвело самое тягостное впечатление на гарнизон города Иркутска, который тоже отступил на Листвиничное, а потом переправился на станцию Михалево.

8 января, на второй день праздника Рождества Христова, части генерала Скипетрова были предательски разоружены чехами на станции Байкал.

...Нападение на наши эшелоны чехи совершили в 12 часов дня, когда солдаты обедали».

№ 155

**Открытое письмо адмиралу А.В. Колчаку
командующего войсками Енисейской губернии
генерал-майора А.К. Зиневича от 28 декабря 1919 г.
с предложением передачи власти Земскому собору²⁰²**

«Военная, оперативная.»

Поезд Верховного правителя: адмиралу Колчаку, атаману Семенову; Владивосток — генералу Розанову; Хабаровск — атаману Калмыкову; Иркутск — японской миссии, французской миссии, английской миссии, миссии Соединенных Штатов Америки.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ АДМИРАЛУ КОЛЧАКУ

Я, командующий войсками Енисейской губернии, генерал-майор Зиневич, как честный солдат, чуждый всякого политического авантюризма и политических интриг, переживший четыре кампании, шел за вами, пока верил, что провозглашенные вами лозунги борьбы за Учредительное собрание как единую свободную волю русского народа будут вами действительно проведены в жизнь родной страны; теперь, после катастрофы на фронте, я вижу, что лозунги, во имя которых мы объединились вокруг вас, были только громкими фразами, обманувшими народ и армию.

Вместо того чтобы идти рука об руку с идейными борцами за свободу и счастье народа и с общественными организациями, вы своей политикой оттолкнули от себя народ и армию, окружив себя такими лицами, как Матковский, Розанов, Марковский, Сахаров и им подобными, которые своим мракобесием и близорукой жестокостью создали многочисленные фронты внутри Сибири и подорвали доверие населения к власти, погубив наше святое дело, с таким успехом начатое. Живя всегда душа в душу с офицерами и солдатами вверенных мне частей, близко стоящий к народу, как сын простого рабочего и лишь за время последней войны получивший высокие назначения, я всегда говорил им, что веду их в бой только за благо всего народа против насильников воли народной, кто бы они ни были, и если борьба примет почему-либо другой характер, я не поведу их никогда против воли народной, а приму определенное решение. Теперь настало для этого время: гражданская война пожаром охватила всю Сибирь, армии нет, офицеры — эти безропотные и честные борцы за родину, брошены на произвол судьбы. Власть бездействует и

позорно бежит на восток, готовая броситься в объятия любой реакции. Я призываю вас, как гражданина, любящего свою родину, найти в себе достаточно сил и мужества отказаться от власти, которая фактически уже не существует, и передать дело строительства родины Земскому собору, на необходимость созыва которого я вам указывал еще в Тюмени в конце июля 1919 года. На станции Тайга, месяц тому назад, в беседе с председателем Совета министров и командующим 1-й Сибирской армией генерал-лейтенантом Пепеляевым еще до предъявления ими вам ультиматума, вы согласились на немедленный созыв Земского собора, но до сих пор вы не смогли или не захотели ничего сделать в этом направлении; даже теперь, сознавая свое бессилие, вы продолжаете повелевать на бумаге, чему может служить примером ваш последний приказ № 243, чем вы окончательно отрунули от себя не только население, но и офицерство и армию. Томская, новониколаевская трагедии и ваше отношение к полковнику Ивакину — этому рыцарю без страха и упрека, доведенному до отчаяния создавшейся обстановкой безвластия, безначалия и дикого произвола и искавшему выхода из мрака реакции, окутавшей нашу прекрасную Сибирь, — доказывает еще раз, что вы лишь цепляетесь за власть, не будучи в силах, не имея желания стать действительным борцом за народную свободу во имя счастья родины и прекращения гражданской войны, уже третий год заливающей потоками братской крови нашу страну. Я в последний раз призываю вас дать возможность народу вылить свою волю и докладываю вам, что, если вы не передадите добровольно власть народным представителям в лице немедленно созванного Земского собора, я впредь ваших повелений выполнять не буду и пойду туда, куда прикажет русский народ, полагая, что, как вы, так и я, все русские граждане в настоящий катастрофический момент являются кузнецами счастья родины и грядущих поколений. Мы должны решиться на героические меры, хотя бы пришлось погибнуть в борьбе за светлое будущее. Адмирал, будьте гражданином и найдите в себе силы и мужество передать выпавшую из ваших рук власть Земскому собору как выразителю воли русской демократии.

Генерал-майор *Зиневич*.

Верно: Начальник оперативного отдела штаба командующего войсками Енисейской губернии капитан *Комин*.

28/XII 1919 г., *Красноярск*».

ГАРФ, ф. 195, оп. 1, д. 26, л. 1—2; Kolchak i Sibir. Documenty i issledovaniia. 1919—1926. Volume 1. New York, 1988. P. 429—430.

**Из протокола переговоров членов Российского
правительства с представителями союзных держав
и командованием их войск 2 января 1920 г. в Иркутске,
в поезде генерала М. Жанена на предмет сдачи власти
Политическому центру**

«Заседание открывается в 2 часа пополудни.

Открывает заседание генерал Жанен, обращаясь с речью к союзным представителям. В своей речи он выставляет в кратких словах необходимость достигнуть если не соглашения с противными партиями, то по крайней мере прекращения кровопролития. Далее, чтобы создать себе ясное представление обо всем происходящем кругом, необходимо выслушать как членов омского правительства, так и представителей восставших...

Г е н е р а л С ы р о в о й. Все занято до Слюдянки. Семеновские и другие эшелоны загромождали станцию.

Г е н е р а л Ж а н е н. Единственный факт, который можно констатировать, это тот, что с тех пор как войска Семенова здесь, ничего больше не ладится. Лучший способ... с этим прикончить, т. е. чтобы они ушли... вот уже четыре дня, как исправляют путь, потом портят его, опять исправляют и вновь наблюдаются повреждения...

М и н и с т р Ч е р в е н - В о д а л и²⁰³. Господа высокие комиссары, представители союзных наций — позвольте мне обратиться к вам, чтобы довести до вашего почтенного сведения о создавшемся положении и предложить вам несколько вопросов, если вы дадите на это ваше высокое согласие.

После омской катастрофы русское правительство ясно увидело, что политика, которую оно вело до сих пор, была никуда не годной, и оно задало себе вопрос, возможно ли в настоящее время вложить в основу правительства политику, которая могла бы удовлетворить мнение общества и земства, которое уже давно домогается власти.

Мы поделились нашими впечатлениями с адмиралом Колчаком, но... он... не сделал ничего другого, как только передал власть Пепеляеву. Это обстоятельство поставило нас перед следующей дилеммой: или дать возможность образоваться совершенно реакционному кабинету и отказаться войти в него, или же согласиться на сотрудничество с Пепеляевым, чтобы попытаться по возможности улучшить положение. Наша группа состава правительства из лиц, прибывших с Юга России или принадлежащих к разным сибирским политическим партиям, которые всегда были и будут против реакционной по-

литики, — борется лишь за право и законность. Кабинет составил, и мы тотчас же принялись за дело, настаивая на том, чтобы Верховный правитель прибыл бы в Иркутск и... чтобы все решения проходили бы через Совет министров. Таким образом, Совет министров стал бы ответственным правительственным органом. Мы также поставили в условие, чтобы председатель Совета министров отправился бы на фронт и предложил бы всем начальствующим лицам, не способным исполнять свои обязанности, сложить с себя власть. Генерал Дитерихс* должен был быть призван. Министр Пепеляев был, таким образом, послан на фронт для выполнения этого поручения и чтобы способствовать скорейшему приезду сюда Верховного правителя. В это время правительство начало входить в сношение с земствами и городами... от политики слов мы перешли к политике действий, пытаясь этим дать удовлетворение обществу и призывая своих главнейших представителей к сочувствию в общем деле для спасения государства. Для нужд различных обществ я велел выдать немедленно шесть миллионов рублей, и было постановлено открыть добавочный кредит — 27 миллионов для кооперативов, для того чтобы оказать помощь делу продовольствия... Итак, могу подтвердить, что мы не держались одних обещаний. Я также приказал выпустить немедленно на свободу многих политических заключенных, между ними был Алексеев, один из защитников настоящего движения. Все, что мне было сказано относительно отдельных личностей, которых следовало освободить, — все было исполнено. Таким образом, я могу заявить с чистой совестью, что мы уже начали самым действительным образом осуществлять либеральную политику, не переставая считать за основную мысль борьбу против большевизма. Наши условия имели назначение привести нас к тесному соглашению с либеральными элементами. Образование нового кабинета Пепеляевым нам показалось неудачным поступком. Я прошу всех здесь присутствующих лиц смотреть на то, что я здесь передаю, как на секрет. Я затрону здесь все вопросы, могущие осветить вам те трудности, которые представляла наша цель. Я уже упомянул о том, что для нас, пришедших от генерала Деникина, политика, которую проводили министры адмирала Колчака, представлялась пагубной. Мы скоро поняли, что Пепеляеву будет трудно сделать что-либо, так как в качестве министра внутренних дел он успел приобрести всю ненависть среди общества и народа. Мы пытались предупредить адмирала об опасности, но столкнулись с его твердым и упрямым решением не назначать никого другого. К тому же

---

*Фамилия в документе зафиксирована неправильно — Дидерикс.

мы знали, что в кругах, близких к адмиралу, готовились предпринять еще более реакционную политику²⁰⁴. Вместе со своими товарищами, не желая отказаться от задачи, которую мы на себя возложили, я обратился к представителям от земств. С их стороны я встретил некоторое внимание, и я надеялся, что мы таким образом достигнем известных результатов.

Рассуждая таким образом, я разрешил собрания совета от земств, хотя это и было незаконно, но я думаю, что дебаты их дадут мне некоторые ценные указания относительно их намерений.

Они высказались в пользу соглашения и заключения мира с большевиками, заявляя, что дальнейшая борьба невозможна и что необходимо немедленно вступить в переговоры с ними.

Такая точка зрения была недопустима.

Хотя меня впоследствии и обвиняли в том, что я не арестовал соглашателей, но я никого не тронул. Это должно было доказать, что правительство чувствовало себя настолько сильным, чтобы подавить в необходимую минуту различные движения, которые уже обрисовались. Я считал целесообразным не принимать никаких мер против агитаторов, а наоборот, приглашал их к себе для свободной беседы. Я искал их сотрудничества, но они отказались.

Теперь же я совершенно убедился, что настоящее движение — только переход к большевизму, может быть, и я дал бы себя увлечь этим движением, если бы у меня не было этого убеждения. Я рассматриваю соглашение, и я смогу засвидетельствовать перед высокими комиссарами и представителями союзных наций, что, если бы мы могли только передать власть в руки людей с честными и добрыми намерениями по отношению своей родины и которые могли бы действительно восстановить государство, — мы бы это сделали не колеблясь.

В настоящее же время мы видим, что это совершенно невозможно, и нам противно отрешиться от власти при этих условиях.

Я не могу примириться с единомышленниками Ленина и ленинцев, их действия угрожают не только России, но и всему миру.

Вы, может быть, думаете, что движение, которое теперь развертывается перед вашими глазами, господа, не что иное, как движение социал-революционных земств, но мы убеждены, что это не так. Сегодняшнее возмущение направлено только к тому, чтобы открыть двери большевизму.

Я сам жил среди них в Москве, я принимал участие в некоторых их работах, я знаю, чего мне надо держаться. Обстоятельства, при которых вспыхнуло это возмущение, к несчастью, отнимают у нас возможность принять надлежащие меры к его немедленному

прекращению. И действительно, как только мы узнали, что станция и высоты были заняты восставшими, недостаток в сообщениях и страх при бомбардировке попасть в союзные дипломатические миссии заставили нас прекратить все военные меры, которые были нами определены. К несчастью, мы не могли установить никакой связи с вами. Просьба, которую я вам передавал приехать ко мне для переговоров насчет создавшегося положения, не была получена вами вовремя.

Если бы сегодняшнее собрание состоялось бы на 2—3 дня раньше, то правительственные войска, смею вас уверить, остались бы хозяевами положения.

После ответа, полученного русским главнокомандующим от генерала Жанена, где было сказано, что если только наши войска будут атаковать станцию, то им придется столкнуться с союзными силами, — правительство решило еще один раз попытаться прийти к соглашению с представителями городов и земств, так как власть, которую они хотели захватить силою, могла бы им быть вверена, если бы они только заявили, что желают продолжать борьбу против большевизма.

Но они заявили, что политика, которую они собрались провести, имела своим основанием соглашение с большевиками. Таким образом, отрешаясь от власти в пользу земств, мы на самом деле сознательно ее передаем большевикам.

С этого момента правительство, употребив все надлежащие меры для того, чтобы удалить конфликт, решило бороться и не покинет это решение.

Наша ответственность перед страной была бы слишком велика, если мы сознательно передали бы власть людям, которые немедленно вверят ее нашим врагам.

Сначала было решено, что только один гарнизон примет участие в неприязненных действиях. Верховный правитель, не будучи в состоянии посоветоваться с нами, доверил атаману Семенову начальство над всей этой областью. Он и принял на себя распоряжение одной части военных действий.

Теперь мы хотим знать, в каких отношениях мы будем в этом случае к союзному командованию. Мы рассматриваем это как ключ к задаче.

Из всего того, что я уже раньше сказал, вы, господа, можете заключить, что настоящее правительство — увы — не представляет больше интересов всей России. Мы считаем, что передача власти местной организации не может состояться, если только у Омского правительства не будет отнято право на общую власть. Мы должны покинуть

эту власть и заняться чисто сибирской организацией. Для этой цели мы хотим предложить адмиралу Колчаку передать свой титул Верховного правителя генералу Деникину. Этот вопрос может быть разрешен окончательно, когда он и Пепеляев придут сюда.

Ж а н е н. Имеете ли вы какие-либо сведения, касающиеся адмирала? Вы знаете, что до 18 декабря он был в Красноярске, он несколько раз телеграфировал, прося, чтобы его пропустили возможно скорее, у него не было угля... это было в первые дни выступления. Положение было уже трудное. После этого я узнал, что революция вспыхнула в Нижнеудинске, где ожидали адмирала, чтобы арестовать его. Чешская охрана получила от меня приказ защищать его, а также поезда с золотым запасом, следующие вместе с ним. Третьего дня я получил от чешского коменданта из Нижнеудинска телеграмму, где говорится, что в этом городе объявлена республика. Эта республика хотела потребовать от адмирала его отречения и передачи всех ценностей, имеющихся в его распоряжении, новым местным властям, за исключением золота, которое должно быть передано сюда главному революционному правительству. По получении этой телеграммы состоялось собрание союзных высоких комиссаров, после чего адмиралу была отправлена телеграмма, копию с которой вы имеете.

Ч е р в е н - В о д а л и. У меня действительно имеется копия с этой телеграммы. Что касается адмирала Колчака, я прошу у вас от имени правительства разрешения переговорить с ним по прямому чешскому проводу, чтобы попросить его всецело передать свою власть генералу Деникину...

Я вас прошу дать мне ответ относительно возможности сообщения с адмиралом. Мне кажется, вопрос этот имеет громадное значение, и я бы желал, чтобы он был разрешен в том смысле, в котором я его только что выставил.

Ж а н е н. Возможно, что уже поздно говорить с адмиралом, так как, вероятно, ему уже предъявлен ультиматум от представителей республики в Нижнеудинске. Во всяком случае, господа высокие комиссары решат, что еще возможно сделать. Имейте только в виду, что положение уже не то, что было неделю назад.

(Представитель Японии г. Като и высокие комиссары удаляются в кабинет генерала Жанена в 3 часа 30 минут. В 4 часа г. Като выходит из кабинета и приглашает генерала Сырового и японского полковника принять участие в совете.)

(Генерал Жанен в это время разговаривает с Червен-Водали о поездах с золотом.)

Ж а н е н (к Червен-Водали). При отъезде моем из Омска я предложил адмиралу взять поезда с золотом под мою охрану, но... адмирал это отклонил... доверия не было...

(Комиссары и военные представители союзных держав возвращаются. — И. П.)

Ч е р в е н - В о д а л и. Ваш ответ побуждает меня ознакомить вас с военным положением. Оборона Иркутского округа находится в руках войск достаточно сильных, чтобы удержать фронт на некоторое время. Тем не менее правительство считает, что предварительные потери, которые повлекут за собою эти военные действия, не оправдают цели, так как она чисто местная. Наши войска, предоставленные самим себе, недостаточно сильны, чтобы могли мы устроить здесь необходимую базу для дальнейшей борьбы и работы. Таким образом, мы принуждены отказаться от нашей первоначальной мысли, и нам остается только против господ Высоких комиссаров взять на себя труд посредничества с восставшими и вести переговоры о перемирии. Если вы признаете для себя возможным, мы примем следующие условия:

1) Военные действия между обеими сторонами должны быть немедленно прекращены. Чтобы гарантировать исполнение этого первого пункта, город, станция и предместье Глазково будут заняты войсками союзников.

2) С одной стороны, восставшие войска, с другой — правительственные должны отступить за пределы зоны, занятой союзными войсками, куда обе воюющие стороны не могут проникнуть. Союзники допустят и обеспечат свободный проезд на Восток адмиралу Колчаку, председателю совета Пепеляеву, министру Устругову и другим военным и политическим деятелям, желающим быть эвакуированными, а также военным организациям, желающим проехать в Забайкалье. Будет обеспечена быстрая эвакуация Иркутского гарнизона, который за недостатком подвижного состава отправится форсированным маршем до Байкала, чтобы затем пароходом переправиться до Мысовой. Также будет разрешено правительству, чиновникам правительственных учреждений и их семьям покинуть область. Кроме того, союзное командование обеспечит всему русскому золоту и серебру, находящемуся в пути или в Иркутске, эвакуацию на Восток. Золотой запас, находящийся в поездах, должен считаться принадлежащим Всероссийскому правительству, следовательно, не может быть передан никакому частному правительству, а только представителю всей страны и все это под охраной междусоюзнических частей и при формальном удостоверении высоких комиссаров.

Золото, находящееся в Иркутске, будет эвакуировано на Восток, так же как и все местные правительственные организации, следовательно, оно будет в распоряжении этих организаций. Что касается бумажных денег, они также должны быть отправлены на Восток. Возможно будет оставить только некоторую часть новой власти, приблизительно... одну десятую, чтобы иметь для первых надобностей достаточное количество знаков. В данный момент я не предвижу других условий.

Вопросы о подробностях могут быть разработаны позже.

Во время эвакуации союзные войска все время будут занимать город, сами же они будут эвакуироваться постепенно, по мере того, как будет учреждена новая власть. Мы не желаем и не можем сами передать нашу правительственную власть, так как считаем себя центральной властью всей России, тогда как здесь составитя только областная организация.

В ы с о к и й к о м и с с а р Ф р а н ц и и М о г р а. Перемирие, которое вы предлагаете, заключает в себе эвакуацию правительства на Восток? Так ли я вас понял?

Ч е р в е н - В о д а л и. Совершенно так. Мы сильно желаем, чтобы господа высокие комиссары приняли это решение.

М о г р а. А адмирал Колчак будет считаться обыкновенным частным лицом?

Ч е р в е н - В о д а л и. Мы известим и будем настаивать на его возможно скорейшем отречении от власти, это будет сделано тотчас же по получении нами шифра... Я еще раз обращаюсь к вам, господа высокие комиссары, чтоб все, что здесь было мною сказано, считалось бы строжайшим секретом.

Я п о н с к и й п р е д с т а в и т е л ь К а т о. Чтобы ответить на все вопросы, сформулированные господином Червен-Водалаи, я прошу время для размышления.

Ч е р в е н - В о д а л и. Время дорого, а потому прошу вас о немедленном рассмотрении моих вопросов.

(Высокие комиссары удаляются в 6 часов.

В 7 часов 43 минуты высокие комиссары возвращаются в зал, предлагая членам русского правительства выслушать прочтение их ответа на просьбу о перемирии.)

В ы с о к и й к о м и с с а р А н г л и и Х о д с о н. Союзные комиссары предлагают членам русского правительства выслушать их ответ: «Союзные комиссары были бы готовы официально предложить услуги для того, чтобы установить отношения между обеими сторонами, и, следовательно, прозондировать членов Иркутского Полити-

ческого центра на тот случай, если бы они были готовы начать переговоры с правительством. Союзные представители, однако, считают для себя невозможным распространить свое вмешательство так далеко, а также не могут взять на себя ответственность за исполнение предложенных условий, они должны обсуждаться непосредственно между делегатами обеих сторон».

Червен - Водали. Мне необходимо посоветоваться со своими сослуживцами относительно ответа, который я только что получил. Мы думали... что союзники примут более активное участие в событиях. Нам будет трудно и даже непосильно с одними только нашими силами предпринять что-либо. Мы считаем, что все здесь высказанное может быть осуществлено лишь при действительном сотрудничестве союзников, в особенности все то, что касается золотого запаса и безопасности для некоторых лиц. Относительно золота и адмирала Колчака, насколько я имел честь слышать от вас, приняты меры.

Мора. Относительно золотого запаса и адмирала мы уже приняли все меры предосторожности, о чем нами было доведено до сведения вашего правительства.

Червен - Водали. Господа высокие комиссары. Может быть, вы согласитесь с тем, что не достаточно ограничиться одними разговорами? Я еще раз повторяю, мы не перестаем считать, что перемирие или мир могут быть заключены только при содействии союзников. Чтобы самим достичь этого, мы будем принуждены продолжать военные действия, чтобы занять стратегический пункт, необходимый для выполнения нами разработанного плана. Я еще раз обращаюсь к вам, господа высокие комиссары союзных держав, и прошу вас изменить ваше решение во имя самых высоких и святых идей. Путь, предложенный нами, один только может разрешить задачу, не нарушая интернациональных законов. Я еще прошу вас не переставать интересоваться положением, иначе мы выйдем из него только кровью и ценою жертв, которых сейчас невозможно исчислить. Я прошу вас об этом во имя закона нравственности и человеколюбия.

Генерал Жанен. Господин Червен-Водали просит меня спросить вас, пожелаете ли вы вернуться сюда после обеда. За это время он переговорит со своими сослуживцами.

Представитель Японии Като. Мы можем обратиться сюда опять в 9 часов.

(Всеми это предложение принимается. Все встают и расходятся — заседание прерывается.)

В 9 часов 30 минут все снова собираются в поезде генерала Жанена. Высокие комиссары и союзное командование беседуют отдельно от представителей русского правительства. В 10¹/₂ часа русские делегаты присоединяются к союзникам. Генерал Жанен передает Червен-Водали о новом решении относительно перемирия. То же самое повторяет комиссар Англии Ходсон.)

Х о д с о н. Господа, высокие комиссары союзных вам держав доводят до вашего сведения, что они готовы выведать у Иркутского Политического центра их истинные намерения. Если им это удастся, они готовы сделать все возможное, чтобы привести обе враждующие партии к приемлемому соглашению. Должен, однако, добавить, что высокие комиссары могут лишь поручиться за свое доброе желание и будут счастливы, если этот их поступок может остановить кровопролитие.

Ч е р в е н - В о д а л и. Благодарю вас за проявление доброй воли. Я бы хотел знать, когда вам будет возможно приступить к зондированию насчет возможности переговоров. Мы бы хотели перемирия на 24 часа, в продолжение которого можно было бы обсудить условие дальнейшего соглашения.

Г е н е р а л Ж а н е н. Я знаю одно лицо, оно находится в моем распоряжении, которое возьмется за это сложное поручение.

Ч е р в е н - В о д а л и. Если возможно это сделать еще сегодня, то тем лучше, военные действия могли бы быть прекращены...

(...Представители Политического центра, находящиеся в это время в штабе революционных войск, здесь же присоединяются к декларации капитана Калашникова и назначают от себя и штаба трех делегатов, чтобы отправиться в поезд генерала Жанена.

Союзные представители и делегация революционеров прибывают в поезд генерала Жанена в 1 час 45 минут.

Делегация, войдя в вагон, где находились все высокие комиссары и представители союзного военного командования, обращается со следующей речью к ним.)

Т о в а р и щ п р е с е д а т е л ь П о л и т и ч е с к о г о ц е н т р а А х м а т о в (по-французски). Господа высокие комиссары и господа представители союзных нам войск. Мы прибыли к вам, чтобы подтвердить вам наше согласие о предлагаемом вами перемирии, но, к сожалению, по техническим соображениям мы не можем взять на себя обязанность заставить прекратить военные действия с нашей стороны раньше 12 часов дня.

Мы согласны начать переговоры с правительством, если им будет дано ручательство, что войска атамана Семенова примут на себя обя-

занность точно выполнить перемирие, текст которого я имею честь вам прочесть.

«Перемирие на 24 часа заключено между Национально-сибирской революционной армией и правительственными войсками. Перемирие начинается в полдень 3 января с. г. Переговоры относительно дальнейшего соглашения могут начаться с утра, при неременном условии, что войска атамана Семенова не произведут никакого движения за это время перемирия²⁰⁵. Правительство берет на себя дать атаману Семенову специальные приказания для соблюдения настоящего договора, как только он будет подтвержден надлежащими подписями обеих сторон».

(Входит депутация Омского правительства, обменивается поклонами, выслушивает вторично текст перемирия, а также вышеприведенную декларацию капитана Калашникова и здесь же заявляет согласие подписать перемирие. Все подходят к столу и подписывают. От правительства: военный министр генерал Ханжин, председатель Совета министров Червен-Водала, министр путей сообщения Ларионов.

Со стороны Политического центра и революционной армии: товарищу председателя Политического центра Ахматов, представитель земств Ходукин, начальник штаба Революционной армии поручик Зоркин.

Беседуют мелкими группами, условиваются на переговоры в 1½ дня. Расходятся в 2 часа 10 минут утра.)

ЗАСЕДАНИЕ 3 ЯНВАРЯ 1920 Г.

(Делегаты правительства собираются в поезде генерала Жанена, представители Политического центра в поезде высокого комиссара Англии господина Ходсона, откуда происходит обмен условий и предложений в письменной форме.)

Представители Центра составляют условия принятия перемирия:

«1) Во время перемирия не должно быть предпринято ни одно военное действие.

2) В настоящее время из Иркутска не могут быть вывезены или эвакуированы имущество и драгоценные предметы правительства.

3) Пароходы, как и всякая другая национальная собственность, которые были увезены куда-либо правительством адмирала Колчака, должны быть возвращены.

4) Войска Семенова должны отступить за пределы Иркутской губернии.

5) Охрана туннелей и путей от Слюдянки до Иркутска будет поручена и немедленно передана войскам Национальной революционной армии.

6) Юнкерские школы и все политические организации, принимавшие участие в бою, будут разоружены.

7) Локомотивы и весь подвижной состав Иркутской железнодорожной сети должны оставаться на месте.

8) Адмирал Колчак должен немедленно подать в отставку.

9) Совет министров должен подать в отставку.

10) Атаман Семенов должен отказаться от всех должностей, которые ему были пожалованы адмиралом Колчаком.

11) Политические личности, которые виноваты в настоящей гражданской войне, должны быть переданы новому правительству.

12) Все виновные лица должны быть переданы суду.

(Подписи)

Товарищ председатель Политического центра *Ахматов*

Председатель земств *Ходукин*

Начальник главного штаба Национальной революционной армии

поручик *Зоркин*».

(Отправляется в пакете правительственной делегации в поезде генерала Жанена.)

Правительственная делегация дает следующий письменный ответ:

«1) Необходимые ручательства по поводу выполнения перемирия уже сделаны правительством, и необходимые меры приняты военными властями.

2) Насколько нам известно, большая часть находящихся в Иркутске ценностей еще не была эвакуирована. Ценности, находящиеся в этом городе, будут предметом справедливого распределения между различными правительственными учреждениями.

3) Этот вопрос должен быть разрешен. С нашего ведома имущество или собственность государства эвакуировано не было. Распределение этого имущества должно быть произведено таким образом, чтобы удовлетворить потребностям государства и округа.

4) Войска Семенова будут удалены тотчас же, как только получится гарантия по поводу эвакуации солдат на восток. Офицеры и чиновники желают покинуть Иркутскую губернию.

5) Охрана туннелей, как это было предусмотрено решением высоких комиссаров, доверена, согласно русскому правительству, междусоюзному командованию. Мы просим не возражать против этого решения.

6) После эвакуации лица, желающие остаться в Иркутске, могут быть разоружены. Желающие покинуть этот город будут иметь право отправиться на восток при оружии. Будет дана гарантия в том, что лица, желающие ехать на восток, не употребят свое оружие против враждебной партии.

7) Подвижной состав с Томской железной дороги, находящийся в Иркутске, сохранен и выдан под расписку новому правительству в том состоянии, в котором он находился в начале выступления.

8) Этот пункт уже исполнен, так как правительство телеграфировало особенно адмиралу, чтобы он подал в отставку.

9) Этот вопрос рассматривается, и Совет министров подаст в отставку до своего отъезда из Иркутска, и как только будут разработаны образцы, по которым будет образовано местное или областное правительство, тогда будут переданы должности и с этого времени и все обязанности переходят к новой власти. В самом Иркутске, на время эвакуации, власть может быть вручена союзному командованию, которое примет на себя охрану города и станции.

10) Польза, которую может доставить отставка генерала Семенова для Восточной и Забайкальской области, а также и для Иркутска, должна быть доказана. Правительство со своей стороны сомневается в пользе этой меры.

11 и 12) Правительство всегда пыталось найти мирный исход, конфликт же всецело приписывается восставшим, так как они первые открыли огонь. Ответственность, таким образом, не падает на правительство, и оно просит враждебную партию отказаться от пунктов 11-го и 12-го.

(Подписи)

Председатель Совета министров *Червен-Водали*
 Министр путей сообщения *Ларионов*
 Военный министр генерал *Ханжин*.

(В запечатанном пакете отсылается в поезд английского Высокого комиссара.

По получении от правительства ответа на свои условия перемирия делегаты Революционной армии и Политического центра составили следующую ноту:)

«Ответы, данные правительством на 12 пунктов наших условий перемирия, производят впечатление полного отсутствия искренности. Кажется, будто правительство желает выиграть время, чтобы восстановить свои силы и мобилизовать их в Забайкалье с тем, чтобы продолжить гражданскую войну, от которой уже достаточно страда-

ла страна. Согласно условиям, которые нам предложены, вновь установленная власть с самого начала была бы под угрозой от власти, находящейся в Забайкалье. Не имея достаточно смелости, чтобы с пользой провести задачу демократической реорганизации, которую власть хочет предпринять, эвакуация частей Сибирской армии открыла бы совершенно свободный доступ в страну советским войскам. К тому же образование нового государства в Забайкалье заставило бы новое правительство капитулировать перед большевизмом...»

Г е н е р а л Ж а н е н (*входя в залу со своим личным адъютантом*). В городе творится Бог знает что, полная анархия... такие донесения получены мною из чешского штаба. Я издал приказ... ввиду оставшихся отдельных банд, как семеновских, так и других солдат, чешскому гарнизону немедленно взять охрану города и мирных жителей в свои руки. Приказал поставить усиленную охрану у Государственного банка и у тюрьмы... мне сейчас доложили, когда чешский караул явился около Государственного банка... там оказалась эвакуация имущества в полном ходу... Караул обезоружил похитителей в то время, когда ящики с золотом стали накладывать на повозки, произошла незначительная перестрелка, и все имущество водворено на место, часть солдат арестована и содержится на чешской гауптвахте, часть же успела бежать. Около тюрьмы происходит бой, подробные донесения еще отсутствуют. Я, господа, удаляюсь к себе... у меня срочные дела в связи с этими происшествиями.

(Вид весьма суровый и рассерженный, при этом утомленный... кланяется и удаляется...)

В зале шум, растерянность среди членов правительства, генерал Вагин приближается к выходным дверям, получается вид бегства... Ходукин повышает голос, говорит медленно и отчетливо, в зале устанавливается тишина.)

Х о д у к и н. Ввиду того что правительственные войска разбежались, население просило об охране, 53-й Сибирский полк вступил в город. Перемирие нарушено в силу того, что правительственные войска фактом своего бегства произвели движение, цель которого нам неизвестна.

М и н и с т р Л а р и о н о в (*неуверенным голосом*). Господа, в силу сложившихся обстоятельств и заявления генерала Жана, что город занят чешскими войсками... за спокойствие ввиду чего можно поручиться и ввиду того, что наши обсуждения и передача власти... еще не оформлена... я от имени правительства прошу вас продления перемирия.

(Неизвестный входит в зал, направляется прямо к господину Ходукину и что-то говорит ему вполголоса.)

Х о д у к и н. Город фактически занят... Некоторые части перешли добровольно к восставшим и заняли город от их имени. Порядок... установлен... В общем все спокойно... Я объявляю заседание закрытым. Власть старая пала по воле народа. Политический центр вступает в исполнение своих обязанностей и передает власть Национальному собранию, которое будет созвано в самом непродолжительном времени.

(Все встают, подходят друг к другу, делегаты враждебных партий мирно беседуют маленькими группами, получается впечатление вечера, который заканчивается.

11 часов 25 минут вечера.

Мирная беседа сменяется живым обсуждением предыдущего заседания, получается впечатление, что вчерашняя вражда забыта. Все делегаты правительства на местах, лишь генерал Вагин незаметно исчез. Все смеются, даже слышны шутки. Слышно, как на перроне вокзала расставляется караул революционных войск...)

Колчаковщина. Из белых мемуаров / Под редакцией и со вступительной статьей Н.А. Корнатовского. Л., 1930. С. 176—183, 186—189, 192—195, 238—239.

№ 157

Записка чехословацкого офицера, составленная 2 января 1920 г. в Нижнеудинске, на предмет предоставления возможности переговоров Совета министров с Верховным правителем по прямому проводу

«Г. генерал!

Ген [ерал] - квар [тирмейстер] майор Грабчик из чехоштаба. Иркутск просит передать Вам, что Совет министров желает говорить с Верховным правителем из канцелярии чехоштаба по прямому проводу относительно передачи власти. Совет министров будет вызывать, вероятно, завтра.

В случае согласия Верхов [ного] прав [ителя] на этот разговор прошу известить меня, откуда будет ему желательно говорить — из штаба или из поезда.

Н-удинск, 2 января 1920 г.

Майор (подпись)».

№ 158

**Телеграмма Совета министров адмиралу А.В. Колчаку
от 3 января 1920 г. с настоятельной просьбой
отречься от Верховной власти и передать ее
генерал-лейтенанту А.И. Деникину**

«Нижеудинск, поезд Верховного правителя.

Создавшаяся в [Иркутске] политическая обстановка повелевает Совету министров говорить с вами откровенно. Положение в Иркутске после упорных боев гарнизона и забайкальских частей против повстанцев заставляет нас в согласии с командованием решиться на отход на восток, выговаривая через посредство союзного командования охрану порядка и безопасности города и перевода на восток антибольшевистского центра, государственных ценностей и тех из войсковых частей, которые этого пожелают. Непременным условием вынужденных переговоров об отступлении является ваше отречение, так как дальнейшее существование в Сибири возглавляемой вами российской власти невозможно. Совмин единогласно постановил настаивать на том, чтобы вы отказались от прав Верховного правителя, передав их генералу Деникину, и указ об этом передали через чехоштаб предсовмину для распубликования. Это даст возможность согласить идею единой всероссийской власти, охранить государственные ценности и предупредить эксцессы и кровопролитие, которые создадут анархию и ускорят торжество большевизма на всей территории. Настаиваем на издании вами этого акта, обеспечивающего от окончательной гибели русское дело. О необходимости обеспечить передачу Верховной власти Деникину телеграфировал уже раньше Сазонов.

По уполномочию Совета министров, за предсовмина

Червен-Водали.

Военный министр генерал Ханжин
Управляющий министерством путей сообщения *Ларионов*».

Kolchak i Sibir. Documenty i issledovaniia. 1919—1926. Volume 1. New York, 1988. P. 498—499.

№ 159

**Указ Верховного правителя А.В. Колчака
от 4 января 1920 г. о передаче Верховной власти
в России генерал-лейтенанту А.И. Деникину
и всей полноты военной и гражданской власти
на территории Российской Восточной окраины,
объединенной Российской Верховной властью,
генерал-лейтенанту атаману Г.М. Семенову²⁰⁶**

«Ввиду предрешения мною вопроса о передаче Верховной Всероссийской власти главнокомандующему Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской Восточной Окраине оплота государственности на началах неразрывного единства со всей Россией:

1. Предоставляю главнокомандующему Вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа, генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Окраины, объединенной Российской Верховной властью.

2. Поручаю генерал-лейтенанту атаману Семенову образовать органы государственного управления в пределах распространения его полноты власти.

Верховный правитель адмирал *Колчак*
Председатель Совета министров *В. Пепеляев*
Директор канцелярии Верховного правителя
генерал-майор *Мартьянов*».

Раздел 16

О ЗОЛОТОМ ЗАПАСЕ И «ЗОЛОТОМ ЭШЕЛОНЕ»

№ 160

Данные о золотом запасе России в Казани и вывозе его в Самару летом 1918 г.

«...В Казань за это время было доставлено золота в монете и слитках на сумму свыше 500 млн. рублей номинальных, 531 ящик с золотом, платиной и изделиями (медалями и крестами) Монетного двора, около 8 миллионов серебряной монеты и на 133 миллиона рублей ценных бумаг вкладчиков Петроградской Столичной сберегательной кассы...

В сообщении по радио Лебедева²⁰⁷ номинальная стоимость казанского золотого запаса была определена суммой 657 000 000 рублей. Разницу можно, пожалуй, легче всего объяснить недостаточной точностью сообщения Лебедева, которое преследовало лишь агитационную цель, сообщая о перевозке золотого запаса из Казани, он надеялся ослабить в глазах большевиков значение города и уменьшить их интерес к нему.

Согласно того же сообщения Лебедева, находилось в Казанском золотом запасе на сто миллионов кредитных билетов, на огромную сумму всяких других драгоценностей, равно как и запасы платины и серебра. Чиновники Государственного банка (сообщил И.М. Брушвит в журнале «Пржерад», г. изд. 1, № 3) оценивали стоимость золотого запаса приблизительно на один миллиард сто миллионов рублей...»

К у д е л а И.Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах Прага, 1924. С. 6, 15.

№ 161

**Из акта, составленного комиссией
(по распоряжению А.В. Колчака) учета золотого запаса,
доставленного в Омск из Самары
через Уфу и Челябинск, к 10 мая 1919 г.**

«В наличности оказалось следующее количество мест:

- с российской монетой — 6517 ящиков, 1803 двойных и 8 одинарных мешков на сумму 499 435 177 руб. 65 коп.;
  - с иностранной монетой — 220 ящиков, 381 двойных и 12 одинарных мешков на сумму 40 577 839 руб. 36 коп.;
  - с переоцененной (дефектной) монетой — 261 двойных и 3 одинарных мешков на сумму 15 385 566 руб. 13 коп.;
  - со слитками — 391 ящик плюс 1235 ящиков, отосланных во Владивосток, на сумму 95 078 493 руб. 25 коп.;
  - с полосами — 3 ящика на сумму 529 594 руб. 24 коп.;
  - с кружками — 7 ящиков на сумму 525 447 руб. 23 коп.
- Итого, на сумму 651 532 117 руб. 86 коп.

Кроме того, в трех ящиках с 17 почтовыми посылками с ценностями лаборатории на имя Монетного двора указанные суммы в учетных документах (499 898 руб.) не соответствовали их оценке, после проверки (486 598 руб.), в силу чего в итоговую сумму их не включили».

К л а д т А., К о н д р а т ь е в В. Быль о «золотом эшелоне» М., 1966 С 44

№ 162

**Данные Наркомфина СССР о расходовании и вывозе на
восток, до эвакуации, золотого и серебряного запаса,
хранившегося в Омске, правительством А.В. Колчака**

«Вывезено бывшим Сибирским правительством золотого запаса в марте, августе и сентябре 1919 г. во Владивосток на сумму 190 899 641 руб. 50 коп., которое было продано и отчасти депонировано в качестве гарантии по разным операциям, а именно:

Продано в мае 1919 года:

Французам	126 пуд [ов]
Англичанам	516 «

В июне 1919 года

Англичанам и французам	698 пудов
Японцам	140 пуд [ов]

В августе 1919 года

Японцам	502 пуда
---------	----------

В сентябре 1919 года

Японцам	500 пуд [ов]
Французам	750 пуд [ов]
И в с е г о	3232 пуд [а]

Депонировано (передано иностранцам в качестве гарантии)

В обеспечение займа в Японии	1500 пуд [ов]
« « « Англо-Американского Синдиката	3937 ¹ / ₂ п [уда]
На приобретение винтовок	
от Америки	100 п [удов]
от фирмы Ремингтон	50 п [удов]
« « пулеметов Кольта	50 п [удов]
Излишне высланные в Гонконг	
и осталось в Шанхае	375 п [удов]
И в с е г о	6012 ¹ / ₂ пуда
И т о г о	9244 ¹ / ₂ пуда

Отправлено во Владивосток, но задержано в Чите Семеновым золота

В слитках	10 557 744 р [уб]	06 коп
В монете	33 000 000 р [уб]	

Отправлено золота в слитках при эвакуации в Читу на сумму 486 598 р [уб]

А всего вывезено золотого запаса на сумму — 241 066 014 руб 63 коп

Золото оценено монеты по номинальной их стоимости, а слитки — 5 р 50 к — 5 р 40 к золотом

Растрчено колчаковским правительством — серебряного запаса

Отправлено во Владивосток	6 569 000 руб
« « «	15 700 000 руб
« в разные города	13822 руб 90 коп
А в с е г о	22 282 822 р 90 коп »

Сибирский революционный комитет (Сибревком) Август 1919 — декабрь 1925 Сб документов и материалов Новосибирск, 1959 С 117—119

№ 163

Отправка «Золотого эшелона» с поездами Верховного правителя А.В. Колчака из Омска в Иркутск

«К 31 октября 1919 г по распоряжению Колчака золотой запас был полностью перевезен из Омского отделения банка на городскую станцию и подготовлен к вывозу на восток Перевоз золота из банка производился ночами, под усиленным конвоем И все же один мешок с золотом из вагона № 344 036 пропал В нем было 60 тысяч золотых рублей Вместе с ним в неизвестном направлении исчезли два доверенных офицера Колчака

Кулябко пошел было дать показания о личности бежавших, но его резко оборвал начальник контрразведки

— Не мешайся под ногами, старик, молчание — вот твое золото

Ценности были размещены в пудмановских вагонах, вокруг которых стояли офицерские посты с пулеметами Все 29 вагонов были поставлены на санитарный путь, на некоторых из них ярко выделялись красные кресты И вот 12 ноября последовала команда следовать на восток «Золотой эшелон» уходил на восток под грохот пушек Красной армии, которая стремилась к «столице» Колчака

В Новониколаевске поезд пополнился двумя ящиками с золотыми слитками весом больше 4 пудов, прихваченных белочехами из Пермского отделения банка в Нижнеудинске в вагоны с золотом были перенесены 20 ящиков с монетой, которые хранились в купе Верховного правителя Причем это было далеко не все золото, которое хранил у себя Колчак »²⁰⁸

К л а д т А, К о н д р а т ь е в В Быль о «золотом эшелоне» С 56—57, 66

№ 164

Сведения о похищении из «Золотого эшелона» в ночь на 12 января 1920 г. на станции Тыреть 13 ящиков с золотом

«Чиновник Государственного банка заметил, что у груженного золотом вагона № 566 028 пломбы повреждены. По вскрытии вагона ящики оказались стоящими не в обычном порядке, а при подсчете числа ящиков была установлена недостача 13 ящиков, т. е. в вагоне их оказалось 187 вместо 200²⁰⁹, значащихся по акту № 5 от 14 ноября 1919 г.».

К у д е л а И.Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах. С. 20.

№ 165

Сведения о доставке золотого запаса из Иркутска 3 мая 1920 г. в Казань

«В соответствии с Куйтунским соглашением 1920 г. между Сов[етским] пр[авительств]ом и командованием Чехосл[овацкого] корпуса последнее передало 1 марта представителям ВРК Иркутска 18 вагонов, содержащих 5143 ящика и 1678 мешков с золотом и др[угими] ценностями номинальной стоимостью в 409 625 870 руб. 86 коп. 3 мая 1920 г. золотой запас РСФСР был доставлен в Казань и помещен в кладовые банка»²¹⁰.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 222.

№ 166

Генерал-лейтенант Д.В. Филатьев о ходе отступления Верховного правителя адмирала А.В. Колчака с фронтовыми частями, сопровождавшими «Золотой эшелон», и негативных последствиях этого акта для Белого движения и его лично

«Не подлежит сомнению, что на колебания адмирала оказывала влияние боязнь за судьбу золота, которое невозможно было перегрузить на сани, но и ехать с ним дальше по железной дороге при враж-

дебности чехов и населения было небезопасно. Проехал бы в свое время Колчак сразу же в Иркутск одновременно с министрами, и золото было бы сохранено, и сам адмирал уцелел бы, да и весь ход событий мог бы быть иной.

Кстати, о золоте. Ген[ерал] Жанен еще в Омске предлагал адмиралу взять золото под свою охрану и гарантию и вывезти его на восток. Адмирал на это предложение отвечал: «Я лучше передам его большевикам, чем вам, союзникам я не верю». Этот без надобности слишком грубый ответ был, по существу, может быть, и правилен, так как персональная и единоличная гарантия Жанена не могла почитаться достаточной. Возможно, что при том ходе событий, какой они приняли в Сибири, золото поступило бы в подвалы банков союзников и пошло бы в счет русских долгов».

Ф и л а т ь е в Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918—1922. Впечатления очевидца Париж, 1985. С. 105—106.

Раздел 17

ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ В ОСВЕЩЕНИИ ДРУЗЕЙ И ВРАГОВ

№ 167

Дневниковые записи генерала М. Жанена на заключительном этапе его деятельности в Сибири

«29 ноября. Поздним утром прибыли в Иркутск. Долго совещался с Сыровым и Гирсом, совещались до завтрака и после него.

В политическом отношении город в сильном волнении. Население настроено против Колчака. Власть правительства колеблется. Много эсеров, и они имеют влияние. Иркутская дума отказалась участвовать в праздновании чехо-словаками праздника независимости 28 октября, ввиду той косвенной поддержки, которую чехословаки оказывали омскому правительству, а также потому, что чехословацкое правительство «не достаточно социалистическое». Меморандум оправдывается возбуждением, произведенным среди чехословацких солдат поступками и действиями местных властей. Благодаря меморандуму солдаты совершенно подтянулись в моральном отношении. Зато он произвел чрезвычайное впечатление на русских и иностранцев. Все думали, что чехословацкие части готовят выступление против адмирала и его правительства.

Прибыв сюда, министерство пало само собой. Пепеляеву, министру внутренних дел, было поручено адмиралом создать новое министерство. Пепеляев требует права ликвидировать предыдущее, предать его членов суду, провести некоторых военных в военный совет, выбрать министров либеральных убеждений, созвать Земский собор, наконец, жить в добром согласии с чехословаками. Переговоры с адмиралом продолжаются уже четыре дня. Пепеляев отправился к нему в 11 часов, чтобы окончательно вырешить этот вопрос. Он об-

ратился к Дидериксу*, которому не доверяет. Новыми министрами называют Третьякова и финансов — Бурьшкина.

Адмирал ответил на чехо-словацкий меморандум не менее резкими телеграммами, из которых одна послана представителям союзников, а другая председателю Совета министров. В этой последней он предписывал срочно телеграфировать Сазонову, чтобы тот потребовал у чехо-словацкого правительства «присылки лиц, умеющих себя вести прилично». Получив эту телеграмму, министр Пепеляев пошел вести с Колчаком переговоры по телеграфу (я получил через два дня подробный отчет). Пепеляев категорически заявил адмиралу: «Совет министров в сомнении, что они (телеграммы) действительно вами подписаны. Прошу вас мне это подтвердить». Получив утвердительный ответ, Пепеляев ответил: «Необходимость требует, чтобы они немедленно были вычеркнуты из списков. Здесь положение критическое, если конфликт немедленно не будет улажен — неминуем переворот. Симпатии на стороне чехов. Общественность требует перемены правительства. Настроение напряженное. Ваш приезд в Иркутск пока крайне нежелателен. Я слагаю с себя всякую ответственность». Адмирал ответил: «Я возрождаю Россию и, в противном случае, не остановлюсь ни перед чем, чтобы силой усмирить чехов, наших военнопленных». Пепеляев просил отставку, адмирал ее не принял...

Иркутск. 11 декабря... Адмирал одержим манией величия и наивным лукавством умопомешанного²¹¹. Известно, что он вел по прямому проводу переговоры с Семеновым, побуждая его двинуться сюда, чтобы повесить министров, обещая ему даже часть вагонов с золотом, которые он за собой тащит.

Новая телеграмма от генерала Занкевича, который требует чехо-словацких офицеров для охраны поездов адмирала...

12 декабря... Генерал Дидерикс и его жена пришли благодарить меня за помощь, которую благодаря мне оказали им чехо-словаки. 8-го, когда адмирал телеграфировал, что снова вручает ему главное командование, Дидерикс поставил абсолютным условием: «Немедленный отъезд адмирала в армию Деникина. Дидерикс открыто говорит, что у адмирала прогрессивный паралич. Министры подтверждают это на основании диагноза врачей. В Новониколаевске к нему явились представители кооперативных организаций и группы в количестве 250 почтенных граждан: они хотели предложить ему 40 000 добровольцев и 300 миллионов рублей.

*Правильно — Дидерихсу.

Он их ничего не смогли сказать и ушли

Адмирал требует у меня для свободного продвижения чехо-словацких офицеров и в то же время посылает . ядовитые телеграммы с жалобами на них.

14 декабря. Сыровой, прибывший ночью, рисует мне картину опустошения. Между Мариинском и Красноярском дезертировали почти все железнодорожники. Немногие оставшиеся саботируют: семафоры закрыты, вокзалы пусты. В Боготольском депо 30 пустых или замороженных паровозов и фут льда на рельсах. Для приведения всего в порядок они оставили там чешских железнодорожников. Беспорядок чрезвычайный, 3 паровоза, отправленные из Боготола в Мариинск, исчезли. Угля не хватает. Транспорт отправленных из Черемховских копей захвачен в дороге. Необходимо организовать транспорт и его конвоировать, одновременно с этим усилить производство: жалованье рабочим не выплачено за три месяца... Колчака, который, как ему говорили, находится в полусумасшедшем состоянии, он не видел. Окружающие его люди ищут утешения в вине (ему пришлось « посадить » некоторых из них). Пропустить его рискованно в связи с настроением войск ..

24 декабря. Адмирал, кажется, назначил Семенова главнокомандующим на западе от Байкала и в Иркутске. Нижнеудинск охвачен восстанием, сегодня ночью ожидают восстание здесь. После обеда два японских офицера известили нас о восстании в городе. Лучший здешний 53-й полк, обученный английскими офицерами, перешел на сторону социалистов-революционеров и занимает вокзал и предместье. На станции спокойно. Чешский бронированный поезд «Оралик» несет охрану. Несколько чешских отрядов послано для подкрепления охраны на берегу Байкала.

В час дня влетает, как вихрь, Лохвицкий в сопровождении адмирала Смирнова. Беспokoясь за адмирала Колчака, который может прибыть сюда в разгаре восстания, Лохвицкий просит предупредить его об этом и остановить его поезд. Это сложная вещь, так как сноситься можно только через чешских телеграфистов. Он опасается также, что Колчак будет оскорблен, — опасение, которое не может быть принято по внимание. Телеграмма, составленная Лохвицким, передается от его имени командиру чешскими войсками в Нижнеудинске, а я прошу командующего сделать все возможное, чтобы защитить адмирала. Лохвицкий и Смирнов садятся в мой поезд. Нарышкин, мой товарищ по русской военной академии, тот самый, который хотел « саботировать », если мне будет вверено главнокомандование над русскими, также просит приюта, снимает ору-

жие и просит, чтобы послали за двумя чемоданами к генералу Кандшину, так как он сам не осмеливается это сделать...

23 января 1920 г. Получен ряд телеграмм по поводу Колчака. Есть от верховных комиссаров, переданные через Фукуду, есть от Будберга и моего старого друга Лохвицкого. Эти два сановника, мирно проживающие во Владивостоке или в Харбине, откуда они заботливо следят за судьбой адмирала, высказывают трогательное негодование при мысли, что я не повел ради него на смерть чехов. Буксеншц²¹² составляет им ответ в немногих суровых словах, напоминая, что если они хотят защищать Колчака, то следовало бы стоять немного поближе, а не у конца телеграфного провода. Что касается Верховных комиссаров, то свою информацию, посланную вчера, я дополняю новой телеграммой, текст которой негодующий, злой, ибо они в самом деле слишком злоупотребляют моим терпением. Единственным их делом было в Иркутске — требовать паровозов у Скипетрова и, получив их, уехать. Я уверен, что поступили так не из трусости, а просто потому, что уж очень надоела эта грустная история. Несмотря на мои настояния, они не предприняли никаких шагов перед обеими сторонами: ни в отношении охраны золота, ни в отношении безопасности адмирала. Они не смогли даже добиться у него отречения в такой форме, которой можно было бы поверить, ни даже вовремя побеспокоиться о заложниках, судьба которых определила его участь, как я об этом предупреждал. Обещав добиться активного содействия Семенова, они ограничились благосклонной передачей заверений этого вождя банды убийц.

В настоящее время мы посреди врагов: на японцев нельзя рассчитывать, а Семенов занял угрожающую позицию. Чехи отражают на протяжении 2000 километров атаки красных, которые заставили сдать поляков; арьергард дерется в трудных условиях, не хватает ни паровозов, ни угля. Вокруг Байкальского озера резня шла вовсю, тридцать один заложник был сброшен в воду. Банды Семенова продолжают убивать и грабить²¹³.

Обо всем этом господа комиссары не заботятся. Их тревожит только то, что я, о чем они были предупреждены мною, не нарушил данных мне инструкций и не рискнул подвергнуть разгрому чехо-словацкую армию в честь того, кто, погубив Сибирь, предписал взорвать туннели, чтобы таким образом обеспечить также гибель и чехо-словацкой армии».

№ 168

**Записка генерал-лейтенанта М.И. Занкевича
председателю Совета министров В.Н. Пепеляеву
с изложением требований чехо-словацкого командования
об ужесточении режима охраны поезда А.В. Колчака
(не датирована; составлена в Нижнеудинске,
очевидно, в конце декабря 1919 г.)**

«Глубокоуважаемый Виктор Николаевич.

Чешский начальник эшелона, в видах более надежной охраны, просит меня:

- 1) чтобы никто из вагонов не выходил;
- 2) в случае необходимости послать за начальником — посылать определенных, вполне надежных людей, по 1 с вагона, предупредив их, чтобы они никому не говорили, с каким поездом они едут;
- 3) на станциях Тулун, Зима, Черемхово, Иркутск никого не выпускать;
- 4) офицерам у окон по возможности не показываться.

Искренне Вас уважающий

М. Занкевич».

ГАРФ, ф. 195, оп. 1, д. 37, л. 1.

№ 169

**Записка председателя Совета министров В.Н. Пепеляева
о гарантии со стороны чехо-словацкого командования
в благополучном продвижении к Иркутску эшелонов
А.В. Колчака и с золотым запасом (не датирована;
составлена примерно в то же время, что и записка
М.И. Занкевича)**

«1) Можно ли рассчитывать, что в случае повторения обстоятельств, подобных черемховским, чехи не останутся немymi зрителями, а окажут определенную поддержку правительству²¹⁴.

2) Можно ли рассчитывать, что чешское командование примет все меры к благополучному проходу поездов Верховного правителя мимо Черемхова... во время прохода будет там еще сохраняться власть повстанцев или я должен принять особые меры к охране поезда Верховного правителя и поездов с ценностями».

ГАРФ, ф. 195, оп. 1, д. 37, л. 2 и об.

Из воспоминаний начальника штаба Верховного правителя, генерал-лейтенанта М.И. Занкевича об обстоятельствах выдачи адмирала А.В. Колчака чехословаками и союзниками Иркутскому Политцентру

«На протяжении от Омска до тайги поезд адмирала Колчака двигался в непосредственной связи с армией, со штабом главнокомандующего. На всех больших станциях поезд останавливался на продолжительное время.

Адмирал совещался с командным составом армии, с местными властями. Все это до чрезвычайности замедляло движение поезда. На станции Тайга адмирал решил отделиться от армии и возможно скорее продвинуться в Иркутск, дабы предупредить надвигающуюся в этом городе революцию. Но было уже поздно.

За станцией Тайга пошли новые затруднения, поезда адмирала вошли в район эвакуации чехов, фактически захвативших всю железнодорожную линию в свои руки. Чехи спешили возможно скорее уйти из угрожаемой большевиками зоны. На почве открытого отказа чехов пропустить вне очереди поезда адмирала вышел целый ряд острых конфликтов с чешскими военными властями и войсками, что имело результатом огромные задержки в движении поезда адмирала. Так, в Красноярске чехи задержали адмирала на 6 дней, в течение которых шли бесконечные переговоры с ними о дальнейшем пропуске адмиральских поездов вне очереди; на 6-й день чехи наконец согласились пропустить вне очереди поезд с адмиралом и поезд с золотым запасом, остальные же поезда адмирала, всего числом до 5, так и застряли где-то за Красноярском.

Адмирал, жестоко страдая морально от постоянных недоразумений с чехами, приказал атаману Семенову воздействовать на них под угрозой непропуска их эшелонов через Забайкалье; атаман Семенов, не отдавая себе отчета в слабости своих сил, слишком энергично принялся за воздействие на чехов и, к сожалению, довел впоследствии дело до вооруженного с ними столкновения, окончившегося неудачно для войск Семенова. Чехи, неправильно отождествляя действия Семенова с адмиралом, прониклись большой к нему неприязнью.

...Недостаток угля, паровозов и постоянные недоразумения с чехами продолжали донельзя тормозить движение адмирала и за Красноярском, и только в 20-х числах декабря его поезд, равно как и поезд с золотым запасом, подошли к станции Нижнеудинск (1100 верст от Иркутска).

К этому времени обстоятельства уже приняли чрезвычайно трагический оборот для адмирала

Через три дня после отъезда адмирала из Красноярска им была получена телеграмма от командира 1-го Сибирского корпуса генерала Зиневича, в которой этот генерал, захватив с группой эсеров город Красноярск, требовал от адмирала немедленного созыва Земского собора и отречения от власти. Вместе с тем распоряжением Зиневича была прервана связь адмирала с армией. Через несколько дней после этого события 1-я Сибирская армия, находившаяся в районе Красноярска, почти в полном составе перешла к большевикам. Армии правительства адмирала Колчака уже не было.

Не могу не упомянуть здесь еще об одном обстоятельстве, тоже имевшем тяжелые последствия для адмирала.

В начале октября началась эвакуация чехов от станции Тайга. В конце сентября было приступлено к эвакуации Омска, откуда было выпущено около 300 эшелонов. За станцией Тайга головные эшелоны омской эвакуации уперлись в хвостовые эшелоны чехов, которые, стремясь скорее уйти на восток и совершенно уже перестав считаться с правительством адмирала и с самим адмиралом, отказались пропустить вперед русские эшелоны; это вызвало сначала приостановку движения русских эшелонов, а потом захват их большевиками; лишь около половины этих эшелонов были заполнены материальной частью, остальные эвакуировали, главным образом, семьи офицеров, а частью и солдат. Многие из этих семей погибли от голода, холода и сыпного тифа еще до захвата их большевиками. Гибель эшелонов с семьями нанесла огромный моральный ущерб офицерству армии и была одной из главных причин быстрого и окончательного ее разложения. Офицерство открыто роптало на адмирала. Адмирал обвинял чехов в предательстве. Чехи обвиняли адмирала в непредусмотрительности, заявляя, что еще в конце июля они довели до сведения правительства, что их эвакуация, которая должна была поглотить всю ничтожную провозоспособность железной дороги, начнется с 1 октября. Адмирал же говорил мне, что о предстоящей эвакуации чехов он узнал только в начале сентября.

Катастрофа с русскими эшелонами еще больше обострила и без того уже вконец испорченные отношения между адмиралом и чехами.

Остается пожалеть, что эвакуация Омска была начата столь поздно. Мне известно, что адмирал хотел начать эвакуацию Омска еще в конце июля; однако эта мысль встретила решительную оппозицию в Совете министров, который в своей слепоте, совершенно не отдавая себе отчета в обстановке, вынес приблизительно такую формулу по

сему вопросу: «Эвакуация Омска дурно отразится на моральном состоянии армии, к тому же в ней не встречается и необходимости, ибо Омск не может быть сдан и не будет сдан».

К сожалению, адмирал, вопреки своему убеждению, подчинился мудрому решению сих государственных мужей²¹⁵.

Не менее трагичны были и события внутри страны.

Иркутск, после нескольких дней боя, перешел в руки новой революционной власти, именовавшей себя правительством политических бюро, по существу то были эсеры, но уже дышавшие на ладан под угрозой скорого захвата власти большевиками...

...При такой обстановке рано утром в 20-х числах декабря поезд адмирала подходил к станции Нижнеудинск. В версте от станции поезд был остановлен сигналом. Дежурный офицер с паровоза доложил мне, как начальнику штаба адмирала, что станция занята чешской пехотой и артиллерией. Вслед за сим ко мне явился чешский майор в сопровождении 2 офицеров и сообщил, что, согласно полученному им из штаба союзных войск в Иркутске приказанию, поезд адмирала и поезд с золотым запасом должны быть задержаны на станции Нижнеудинск до дальнейших распоряжений.

На мой вопрос, как надлежит понимать это распоряжение и что предполагает он предпринять во исполнение полученного приказания, чешский майор (командир чешского ударного батальона майор Гассек) заявил мне, что он намерен разоружить конвой адмирала. Я ответил ему, что абсолютно не согласен на эту меру, и предложил майору запросить по прямому проводу дополнительных указаний и разъяснений штаба союзных войск.

Адмирал, которому я немедленно доложил о происшедшем, одобрил мои распоряжения. Через несколько часов майор Гассек явился ко мне и сообщил дополнительные инструкции, полученные им из штаба союзных войск от генерала Жанена. Инструкции эти заключались в следующем:

1. Поезда адмирала с золотым запасом состоят под охраной союзных держав.

2. Когда обстановка позволит, поезда эти будут вывезены под флагами Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Франции, Японии и Чехо-Словакии.

3. Станция Нижнеудинск объявляется нейтральной. Чехам надлежит охранять поезда адмирала и с золотым запасом и не допускать на станцию войска вновь образовавшегося в Нижнеудинске правительства²¹⁶.

4. Конвой адмирала не разоружать.

5. В случае вооруженного столкновения между войсками адмирала и нижнеудинскими разоружить обе стороны; в остальном предоставлять адмиралу полную свободу действий. Последний пункт ясно указывал, что союзники уже не рассматривали адмирала как Верховного правителя.

...Начался период нижнеудинского сидения, продолжавшийся около двух недель.

...Бои в Иркутске шли сначала с переменным успехом, потом успех окончательно склонился на сторону восставших.

В это-то время чехами была получена новая инструкция из Иркутска из штаба союзных войск, а именно: если адмирал желает, он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне, вывоз же всего адмиральского поезда не считается возможным. Относительно поезда с золотым запасом должны были последовать какие-то дополнительные указания.

Это новое распоряжение поставило адмирала в чрезвычайно трудно положение.

...По приказу адмирала мною была послана Высокому комиссару Японии г[енерал]у Като телеграмма приблизительно такого содержания: «Адмирал настаивает на вывозе всего поезда, а не одного только его вагона, так как он не может бросить на растерзание толпы своих подчиненных. В случае невозможности выполнить просьбу адмирал отказывается от вывоза его вагона и разделит участь со своими подчиненными, как бы ужасна она ни была».

...Возникла мысль искать спасения в походе в Монголию.

Адмирал был горячим сторонником этой идеи.

Я должен был принять на себя начальствование этой экспедицией. Переговорив конфиденциально по поручению адмирала с майором Гассеком, я получил от него заверения, что со стороны чехов никаких препятствий нашей экспедиции сделано не будет; мало того, чехи дали нам сведения о силах большевиков, занимавших тракт, в предвидении нашей попытки пробиться на Монголию.

Адмирал глубоко верил в преданность солдат конвоя. Я не разделял этой веры...

На другой день все солдаты, за исключением нескольких человек, перешли в город к большевикам. Измена конвоя нанесла огромный моральный удар адмиралу, он как-то весь поседел за одну ночь.

Решено было пробиваться на Монголию с одними только офицерами. Поздно вечером я собрал старших офицеров в вагоне адмирала, чтобы отдать распоряжения для похода, который был решен на следующую ночь.

Когда распоряжения были отданы и я уже хотел отпустить офицеров с разрешения адмирала, один из старших морских офицеров (моряки обслуживали броневик, охранявший поезд адмирала) обратился к адмиралу со словами: «Ваше высокопревосходительство, ведь союзники соглашаются вас вывезти». — «Да». — «Так почему бы вам, ваше высокопревосходительство, не уехать в вагоне; а нам без вас гораздо легче будет уйти, за нами одними никто гнаться не станет, да и нам так будет легче и удобнее». — «Значит, вы меня бросаете», — вспыхнул адмирал. «Никак нет, если вы прикажете, мы пойдем с вами».

Когда мы остались одни, адмирал с горечью сказал: «Все меня бросили». После долгого молчания он прибавил: «Делать нечего, надо ехать». Потом он сказал: «Продадут меня эти союзнички». Я ответил адмиралу, что отданные союзниками до сего времени распоряжения не дают основания для таких предположений, но что, если у него есть сомнения, я самым настойчивым образом советую ему эту же или ближайшей ночью переодеться в солдатское платье и, взяв с собой своего адъютанта, лейтенанта Трубчанинова, скрыться в одном из проходивших чешских эшелонов. (Эвакуировавшиеся чехи беспрепятственно принимали и вывозили в своих эшелонах спасавшихся от большевиков наших офицеров.)

Для большей верности я предлагал адмиралу в течение 48 часов скрывать от всех его исчезновение. Адмирал задумался и после долгого и тяжелого молчания сказал: «Нет, не хочу я быть обязанным спасением этим чехам».

Я ответил адмиралу, что, если у него есть сомнения, я еще раз настойчиво советую ему прибегнуть к указанному мною способу уйти от большевиков. Но после долгого внутреннего колебания адмирал все же решил ехать в вагоне.

...Вагон с адмиралом был прицеплен к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка.

К этому же эшелону был прицеплен и вагон председателя Совета министров В.Н. Пепеляева, который по пути со станции Тайга присоединился к нам в Нижнеудинске.

...Перед самым отходом поезда в Иркутск начальник чешского эшелона, к которому был подцеплен вагон адмирала (майор Кровак), сообщил мне следующие, полученные им из штаба союзных войск инструкции:

1. Вагон с адмиралом находится под охраной союзных держав.
2. На этом вагоне будут подняты флаги Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Франции, Японии и Чехо-Словакии.

3. Чехи имеют поручение конвоировать вагон адмирала до Иркутска.

4. В Иркутске адмирал будет передан Высшему союзному командованию (т. е. генералу Жанену).

Действительно, битком набитый людьми вагон с адмиралом вскоре изукрасился флагами перечисленных наций и в таком виде в хвосте чешского эшелона двинулся в Иркутск.

Путешествие до Иркутска длилось 6 или 7 дней и сопровождалось большими трудностями. На всех главнейших станциях большевики собирались в значительных силах, требуя от чехов выдачи адмирала, большевистские банды из Тайги угрожали взрывом железнодорожного пути и нападением на эвакуировавшиеся чешские эшелоны, железнодорожной забастовкой; по мере приближения к Иркутску возбуждение на линии и в самом Иркутске все росло и росло. При таких условиях было ясно, что чехи не повезут нас дальше Иркутска. Но мы знали, что в Иркутске находятся два батальона японцев, и твердо рассчитывали, что дальнейшее конвоирование вагона с адмиралом будет возложено на японцев.

...15 января, по прибытии на станцию Иннокентьевская, чехи объявили нам, что поезд пойдет в Иркутск только на следующий день...²¹⁷

...Уже к ночи начальник эшелона прислал ко мне офицера, который сказал, что в данное время происходят какие-то переговоры по прямому проводу между генералом Сыровым (командиром корпуса чехов), находящимся на станции Иркутск, и Жаненом, переговоры идут об адмирале, но их суть пока неизвестна.

...Уже поздно ночью за мной зашел чешский офицер, с которым мы отправились в штаб эшелона...

...В штабе я узнал, что генерал Жанен находится... на станции Танхой... в 260 верстах от Иннокентьевской.

Ехать к генералу Жанену этой же ночью смысла уже не имело.

...Когда я проснулся, было уже совсем светло: передо мной стоял начальник эшелона, который сказал мне, что Сыровой только что вызывал его к прямому проводу и сообщил ему, что вопрос об адмирале решен, но в каком смысле — он сообщит по прибытии поезда в Иркутск; начальник эшелона добавил также, что только что со станции Иркутск запросили номер вагона адмирала.

Я спросил, когда мы выезжаем в Иркутск; начальник эшелона ответил, что тотчас же.

...Было уже почти темно (вероятно, часов около 4—4½ дня), когда поезд пришел на станцию Иркутск.

Начальник эшелона почти бегом направился к Сыровому.

Спустя некоторое время он вернулся и с видимым волнением сообщил мне, что адмирала решено передать Иркутскому революционному правительству; сдача назначена на 7 часов вечера. Я настойчиво просил начальника эшелона сейчас же предупредить об этом адмирала и его окружающих. Он ответил, что это им уже сделано, немедленно по выходе от Сырового он послал в вагон адмирала своего адъютанта.

Между 5—7 часами вечера многим офицерам, сопровождавшим адмирала, удалось уйти из его вагона, пользуясь темнотой и тем обстоятельством, что окружавшие вагон адмирала чеки беспрепятственно пропускали всех выходящих из вагона офицеров; вооруженные большевики держались в это время еще поодаль, и от них было не трудно скрыться на забитой вагонами станции.

Иркутское правительство просуществовало не больше десяти дней, после чего, в сознании своей слабости, добровольно передало свою власть большевикам, в руках которых и оказался, таким образом, адмирал Колчак, один из благороднейших русских людей.

...Остается пожалеть, что союзники (или генерал Жанен) с самого начала не заявили адмиралу просто и прямо, что меры к его спасению ими принимаются, но они не уверены, что им удастся спасти адмирала.

Это открыло бы глаза адмиралу и его окружающим. При принятом же союзниками образе действий и при полном отсутствии связи с ними адмирал, несмотря на овладевшие им сомнения, все же имел вполне, как казалось, обоснованную надежду, что он не будет выдан своим врагам на растерзание».

Белое дело. Летопись белой борьбы / Материалы, собранные и разработанные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светлейшим князем А.И. Ливенем под редакцией А.А. фон Лампе. Берлин, 1927. Т. 2. С. 148—157.

№ 171

Воспоминания бывшего заместителя командующего войсками Политцентра капитана А.Г. Нестерова об аресте А.В. Колчака

«После многодневных упорных боев в ночь с 4-го на 5 января 1920 г. рабочие дружины и восставшие солдатские части полностью овладели Иркутском. Повстанцами был захвачен колчаковский Совет министров, но поезд, в котором ехал Колчак, еще только медленно

продвигался к Иркутску. Главнокомандующий войсками интервентов французский генерал Жанен на вопрос Колчака, будет ли ему обеспечена возможность безопасного проезда, гарантировал надежную охрану поезда и приказал белочешским войскам охранять Колчака и поезд с золотым запасом.

Неприятности для кровавого диктатора начались, как только он достиг территории, находившейся под контролем Иркутского ревкома и войск повстанческой армии.

В Нижнеудинске отряды рабочих и местных партизан попытались задержать поезд белого правителя. Назревало вооруженное столкновение с чехами. Опасаясь разгрома численно небольших сил нижнеудинцев, наше командование из Иркутска порекомендовало не вступать в бой и пропустить поезд. То же самое повторилось на станции Зима, где отважный командир партизанского отряда Новокшенов настойчиво требовал выдачи Колчака. Дело кончилось тем, что в один из вагонов сел партизан Соседко, как представитель партизанского отряда.

В Черемхове дело приняло более серьезный оборот. Здесь шахтеры ультимативно потребовали выдачи Колчака, пригрозив приостановить работу шахт и прекратить отпуск угля чешским эшелонам. Иркутск располагал несравненно большими, чем Черемхово, вооруженными силами для давления на белочехов. У повстанцев в Иркутске было несколько полков пехоты и конница, весьма неплохо по тому времени вооруженные и хорошо обеспеченные боеприпасами, а главное, имевшие артиллерию, отнятую у белогвардейского генерала Сычева. Словом, было чем припугнуть наших врагов и показать свою силу. Руководствуясь директивой Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин, мы предложили черемховским товарищам пропустить поезд Колчака в Иркутск. Заверив шахтеров, что здесь диктатор не уйдет из наших рук и не избегнет кары за свои преступления. Черемховские шахтеры согласились, и поезд проследовал в Иркутск.

В начале дня 15 января Колчак прибыл на станцию Иркутск²¹⁸ под конвоем белочехов, но в его поезде находилась и небольшая группа черемховских рабочих и партизан в качестве охраны. Начались переговоры с белочехами о выдаче Колчака и золотого эшелона восставшим. Только на таком условии мы обеспечивали им беспрепятственную эвакуацию на Восток. Чехи согласились, но просили, чтобы операция по аресту Колчака была проведена как можно скорее. Они опасались задержки чешских эшелонов.

Узнав о согласии белочешского руководства выдать нам Колчака, я немедленно связался с Василием Букатым²¹⁹, начальником Централь-

ного штаба рабоче-крестьянских дружин, и доложил ему о результате переговоров и необходимости подготовить для операции надежный конвой. Букатый ответил, что арест Колчака Центральный штаб поручает мне, а сам он займется подбором людей для этой операции и направит их на вокзал²²⁰.

Когда я подошел к вокзалу, было уже темно. Конвой прибыл и ждал меня. В большинстве это были солдаты из бывшей колчаковской инструкторской школы, о которой Букатый сказал, что там «имеются свои надежные люди».

Часов в 8 вечера, а может быть, несколько позднее, мы вышли из вокзала и подошли к нескольким освещенным вагонам, стоявшим на ближних путях. Поезд стоял без паровоза, его угнали рабочие-железнодорожники. У вагонов стояли солдаты-чехи, а поодаль бойцы нашей первой железнодорожной дружины. Первыми за ним в вагон вошли мы. В середине салона на диване сидел Колчак, его окружала группа офицеров и несколько человек в штатском.

Чешский офицер на русском языке, но с сильным акцентом объявил Колчаку: «Господин адмирал, приготовьте ваши вещи. Сейчас вас передаем местным властям»

Впечатление, какое произвели эти слова, трудно передать. Колчака как будто ударил электрический ток, он вскочил, лицо его страшно исказилось. В его голосе было отчаяние и ужас, он буквально закричал: «Как! Неужели союзники выдают меня?! Это предательство! Где же гарантии генерала Жанена?»

Чех промолчал. Свита Колчака стояла совершенно растерянная.

Колчак стал нервно и суетливо одеваться. Его жена сохранила больше самообладания. Она взяла бывшего правителя за руку, принудила его сесть рядом и некоторое время держала руку Колчака в своих. Все молчали. Довольно скоро Колчак овладел собой и дальше держался хотя и напряженно, но внешне спокойно, был очень бледен и молчалив.

Выйти из вагона было предложено только двоим: Колчаку и председателю Совета министров его правительства Пепеляеву.

В здании вокзала составили акт передачи. Колчаку предложили сесть. Вдруг я вспомнил: ведь мы же его не обыскали. Дело непривычное и, скажу, не очень приятное. Обратившись к Колчаку, я попросил его на минутку подойти ко мне. Спрашиваю: «Адмирал, у вас есть оружие?»

Он молча достал из кармана «Кольт».

Акт подписан. Все формальности закончены. Выходим на площадь и направляемся к берегу по Вокзальной улице. Впереди Колчак, за

ним Пепеляев. Подошли к кромке льда. Тут Колчак, молчавший всю дорогу, спросил: «Давно ли встала Ангара?» Я ему ответил: «Недавно. Ангара только что встала...»

Действительно, кругом громоздились торосы, зияли полыньи, и только кое-где пролегли свежие цепочки следов на снегу. Ночь была очень темная, беззвездная. Над рекой стоял туман. Идти можно было только цепочкой. Показав рукой на ледяную тропу, я сказал: «Вперед, адмирал!» Пошли. Впереди Колчак, затем я с наганом в руке, дальше Пепеляев, за ним начальник конвоя, затем Тимирева* и цепь наших солдат.

Путь был очень напряженным: кругом темень, куда ни помотришь — нагромождение льда. В голове одна мысль: «А что, если Колчак бросится вправо или влево? Скорее вправо, к станционным путям, где стоит японский эшелон...»

Но, чувствуя, что в затылок ему смотрит дуло нагана, адмирал на побег не решился. Он торопливо шел по льду, как будто хотел скорее преодолеть это опасное расстояние. Вышли мы к правому берегу Ангары, недалеко от курбатовской бани. Нас уже ждали. Арестованных посадили в машины и кратчайшим путем повезли в тюрьму.

Там были готовы к приему Колчака. И вот формальности закончены, конвой уводит его в камеру. Задание большевистского Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин выполнено».

Годы огневые, годы боевые: Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961. С. 204—206

№ 172

Воспоминания председателя (затем — заместителя председателя) Чрезвычайной следственной комиссии по делу А.В. Колчака К.А. Попова²²¹

«Мне пришлось участвовать в допросах Колчака, производившихся Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске. Созданная эсеро-меньшевистским Политическим центром, комиссия эта затем, с переходом власти к Ревкому, была реорганизована в губернскую Чрезвычайную комиссию; состав же комиссии, допрашивавшей Колчака, оставался неизменным до самого последнего дня допроса. Ревком совершенно сознательно сохранил его, несмотря на то что в этом составе был меньшевистовавший Денике и два правых эсера — Лукь-

* Фамилия А.В. Тимиревой в оригинале написана неточно — Темирева.

янчиков и Алексеевский. Все эти лица были полезны для допроса уже тем, что близко знакомы были с работой колчаковского правительства и к тому же прямо или косвенно участвовали в подготовке иркутского выступления против него, в нанесении ему последнего удара, результаты которого были уже предрешены вступлением в Сибирь Красной армии и взятием ею колчаковской столицы — Омска. При наличии этих лиц в Следственной комиссии больше развязывался язык у Колчака: он не видел в них своих решительных и последовательных врагов. Самый допрос Колчака, арестованного или, вернее, переданного «Политическому центру» из рук в руки чехо-словаками — если не ошибаюсь — 17 января 1920 г.²²², начался накануне передачи власти Политическим центром Ревкому, и, следовательно, все допросы, считая со второго, производились уже от имени Советской, а не эсеро-меньшевистской власти.

Комиссия вела допрос по заранее определенному плану. Она решила дать путем этого допроса историю не только самой колчаковщины в показаниях ее Верховного главы, но и автобиографию Колчака, чтобы полнее обрисовать этого «руководителя» контрреволюционного наступления на молодую Советскую республику. Замысел был правильный, но его выполнение доведено до конца не было. События на еще не ликвидированном фронте гражданской войны, висевшая несколько дней над Иркутском угроза временного захвата города подоспевшими остатками колчаковских банд вынудили Ревком расстрелять Колчака в ночь с 6-го на 7 февраля вместо предполагавшейся его отправки после следствия на суд в Москву²²³. Допрос поэтому оборвался там, где начиналась его самая существенная часть — колчаковщина в собственном смысле, период диктатуры Колчака как Верховного правителя. Таким образом, обстоятельства сложились так, что историко-биографический характер допроса в силу случайных обстоятельств привел к отрицательным результатам. Допрос, несомненно, дал недурной автопортрет Колчака, дал автоисторию возникновения колчаковской диктатуры, дал ряд характернейших черт колчаковщины, но не дал полной, исчерпывающей истории и картины самой колчаковщины.

Последний допрос производится 6 февраля, днем, когда расстрел Колчака, по существу говоря, был уже решен, хотя окончательного приговора вынесено еще не было. О том, что остатки его банд стоят под Иркутском, Колчак знал. О том, что командным составом этих банд предъявлен Иркутску ультиматум выдать его, Колчака, и его премьер-министра Пепеляева, Колчак тоже знал, а неизбежные для него последствия этого ультиматума он предвидел. Как раз в эти дни при обыске в тюрьме была захвачена его записка к сидевшей там же,

в одном с ним одиночном корпусе, его жене Тимиревой. В ответ на вопрос Тимиревой, как он, Колчак, относится к ультиматуму своих генералов, Колчак отвечал в своей записке, что он «смотрит на этот ультиматум скептически и думает, что этим лишь ускорится неизбежная развязка». Таким образом, Колчак предвидел возможность своего расстрела. Это отразилось на последнем допросе. Колчак был настроен нервно, обычные спокойствие и выдержка, которыми отличалось его поведение на допросах, его покинули. Несколько нервничали и сами допрашивавшие. Нервничали и спешили. Нужно было, с одной стороны, закончить определенный период истории колчаковщины, установление колчаковской диктатуры, а с другой — дать несколько зафиксированных допросом ярких проявлений этой диктатуры в ее борьбе со своими врагами не только революционного, но и право-социалистического лагеря — лагеря тех, кто эту диктатуру подготовил. Это, значительно забегаая вперед от данной стадии допроса, сделать удалось, но удалось в очень скомканном виде.

На этом последнем допросе Колчак, очень нервничая, все-таки проявил большую осторожность в показаниях; он остерегался и малейшей возможности дать материал для обвинения отдельных лиц, которые уже попали или могли еще попасть в руки восстановленной советской власти, и — малейшей возможности обнаружить, что его власть, направленная на борьбу с ишачадем ада — большевиками, дышащими только насилием и произволом, сама могла действовать вне всякого закона, боялся, как бы его допрос не помог сдернуть с этой власти покров, которым он старался ее прикрыть в течение всех своих показаний, — покров неуклонного стремления к законности и порядку.

В.И. Ленин в своей речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства говорил: «Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал против рабочих и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вульгарная защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит».

Комиссия, выясняя некоторые яркие факты из области насилий, производившихся Колчаком и колчаковской военщиной, несомненно, до некоторой степени впала в тон такого «довольно неумного порицания Колчака». Но слишком живо чувствовались тогда в Сибири эти насильничание и преследования, чтобы можно было говорить о них с Колчаком, сохраняя то отношение к нему, которое рекомендует нам В.И. Ленин. Важна, однако, не эта черта допросов, а важно то отношение, которое проявляет сам носитель военной, типично фаши-

стской контрреволюционной диктатуры²²⁴ к актам насильничания. Если комиссия была склонна и «довольно неумно порицать за них Колчака», то сам Колчак все время обнаруживает стремление либо замазать эти акты, либо свалить их на бесчинства отдельных лиц и групп в о п р е к и воле диктатора и его правительства, либо найти им законное оправдание. Совершенно откровенно, рисуя себя безоговорочным сторонником и проводником идеи противопоставления белогвардейской военной диктатуры военной диктатуре большевиков, он не хочет, не имеет мужества принять на себя всю ответственность за все последствия этой диктатуры, за те способы ее осуществления, которые были для нее и неизбежны, и единственно возможны.

Белогвардейская военная диктатура (это отчетливо видно из показаний Колчака) из диктатуры централизованной превратилась в диктатуру отдельных генералов и казачьих атаманов, из насилия, твердо руководимого из единого центра, — насильничание над Сибирью отдельных шаек, ускользнувших от подчинения «верховному правителю» и его правительству. Но она все-таки была единой диктатурой, сверху донизу, строящейся по одному и тому же образцу, действующей одними и теми же методами. И разница между верхом и низами этой диктатуры была только одна: верх стремился стыдливо прикрыть в глазах своих руководителей — империалистических держав Антанты — то, что совершенно свободно, открыто, без всякого намека на стыдливость развертывали в своей «работе» низы с их контрразведками и караульными отрядами, с их Волковыми, Красильниковыми и Анненковыми.

Эта разница сказалась в показаниях Колчака. Он давал их не столько для допрашивавшей его власти, сколько для буржуазного мира. Он знал, что его ожидает. Ему не было нужды что-либо скрывать для своего спасения. Спасения он не ждал, ждать не мог и не делал ради него попытки хвататься за какие бы то ни было соломинки. Но ему нужно было перед лицом буржуазного мира показать себя действовавшим против врагов этого мира, против пролетарской революции, твердо, решительно, но в то же время в рамках буржуазной легальности. Он плохо знал тот буржуазный мир, на защиту которого был выдвинут англо-французскими империалистами. Он не знал, что та диктатура, которую он возглавлял в Сибири и которую так неудачливо стремился распространить на всю страну, — образец и подобие западноевропейского фашизма, диктатуры фашистской, выдвигаемой самим буржуазным миром, перед которым он хочет показать себя носителем законности и порядка, сам «довольно неумно порицая» Семеновых, Калмыковых и проч., и проч., за то, что они

без всякой законности и без всякого порядка насильничали над рабочими, расстреливали, пороли и т. д.

Та же неумная стыдливость перед буржуазным миром заставляет Колчака скромничать и в другом отношении: он никак, даже в отношении далекого прошлого, не хочет признать себя монархистом. И свой монархизм, монархические цели всей своей борьбы с большевизмом он прикрывает флером устремлений демократических, — опять ради буржуазного мира и благодаря плохому пониманию этого мира²²⁵.

Если исключить эти характерные черты показаний Колчака и помнить уже отмеченную нами боязнь его дать материал для обвинения своих сотрудников, помощников и слуг, то следует признать, что показания Колчака в общем и целом в достаточной мере откровенны.

Как держался он на допросах? Держался как военнопленный командир, проигравший кампанию армии, и с этой точки зрения держался с полным достоинством. Этим он резко отличался от большинства своих министров, с которыми мне приходилось иметь дело в качестве следователя по делу колчаковского правительства. Там была, за редким исключением, трусость, желание представить себя невольными участниками кем-то другими затеянной грязной истории, даже изобразить себя чуть не борцами против этих других, превращение из вчерашних властителей в сегодняшних холопов перед победившим врагом. Ничего этого в поведении Колчака не было.

Но в одном он близко подходит к своим гражданским соратникам, разделявшим с ним пребывание в одиночном корпусе иркутской тюрьмы. Все они, как на подбор, были совершеннейшими политическими ничтожествами. Ничтожеством в политическом отношении был и их глава — Колчак. Его показания обнаруживают и это с достаточной ясностью. Он — политически безличная фигура²²⁶. Он — просто игрушка в руках держав Антанты. У него, с его голой идеей военной диктатуры и скрытой мыслью восстановления монархии, нет никакой политики, кроме той, которая диктуется ему противоречивыми влияниями и этих держав, и окружающих его групп и группочек военщины и торгово-промышленных кругов, с их сомнительного качества политическими руководителями. В этих противоречивых влияниях он безнадежно путается и запутывается тем больше, чем сильнее становится напор наступающей Красной армии, пока наконец не предается своими же вчерашними союзниками — чехо-словаками, конечно, с ведома тех же держав Антанты, поставивших его во главе контрреволюции.

Ограничиваюсь этими краткими замечаниями.

Как бы ни расценивать постановку допроса Колчака и его показания, опубликование их, несомненно, даст немало ценного для всякого желающего изучить историю контрреволюции. И уж конечно, для всякого историка ее.

К. Попов».

Допрос Колчака. Л., 1925. С. III—VII.

№ 173

Из протокола допроса А.В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссией 6 февраля 1920 г.

«6 февраля 1920 года²²⁷.

А.Н. А л е к с е е в с к и й*. Чтобы выяснить ваше отношение к перевороту, требуется установить некоторые дополнительные пункты. Между прочим, для Комиссии было бы интересно знать — перед переворотом, или во время его, или после встречались ли вы в Сибири или на Востоке с князем Львовым, который тогда через Сибирь выезжал в Америку?

А д м. К о л ч а к. Нет, с князем Львовым я не виделся: мы разъехались. Я виделся только с другим Львовым — Владимиром Михайловичем²²⁸.

А.Н. А л е к с е е в с к и й. Не имели ли вы от князя Львова письма или указания?

А д м. К о л ч а к. Кажется, какое-то письмо из Парижа было во время пребывания в Омске, но это было позже, приблизительно летом. Это письмо не содержало ничего важного и относилось, главным образом, к деятельности той политической организации, которая была в Париже и во главе которой стоял Львов. До этого я со Львовым не имел личных сношений и никаких указаний, переданных через него от кого бы то ни было, не имел. Письмо, о котором я говорил, было передано через Консульскую миссию в Париже в июле.

А.Н. А л е к с е е в с к и й. В это время через Сибирь проезжал и находился в Омске Савинков?

А д м. К о л ч а к. Савинков заходил ко мне, когда я еще [жил] на квартире у Волкова. Мы с ним беседовали, меня он расспрашивал, интересуюсь положением вещей, т. к. он только что приехал с

*В цитируемом издании инициалы Алексеевского даны не везде точно, надо — А.Н. (Александр Николаевич).

Востока, интересовался моим взглядом на отношение Японии к нам. Это было в первые дни моего приезда, насколько помнится, в доме Волкова. Виделся я с Савинковым только один раз, т. к. он вскоре уехал. По вопросу внутренней политики я не беседовал с ним...²²⁹

А.Н. А л е к с е е в с к и й. Когда вы приняли власть Верховного правителя, каково было отношение к перевороту правительств, существовавших на территории, освобожденной от большевистской власти?

А д м. К о л ч а к. В первое время никакого, т. к. не было никакой связи. Когда произошли все события, относительно которых я говорил прошлый раз, то был решен вопрос относительно отправки членов Директории за границу. Под надежным конвоем они были отправлены, кажется, на второй день вечером. В первый же день, часа в 3—4, было устроено второе заседание, на котором [решено] было учредить Верховный суд для разбора всего этого дела. На второй день я с утра поехал в Ставку. Все это время я жил в одной комнате и всю работу проводил в Ставке. В Ставке исполнявший должность начальника штаба вручил мне целый ряд телеграмм, полученных из разных мест Сибири, которые прибывали в течение первых пяти дней. Эти телеграммы были из самых разнообразных мест, городов и частей армии и т. д. Эти телеграммы дали мне уверенность, что по крайней мере армия меня приветствует. Это были ответы на мое извещение, их были десятки, среди них были телеграммы отдельных лиц. Помнится, я получил даже телеграмму с приветствием от Союза сибирских маслоделов. В последующие дни приходили депутации и приветствия от различных крестьянских общин, в первые же дни приходили телеграммы главным образом от армии и военных частей. Тогда эти телеграммы дали мне полную уверенность, что то, что было сделано, сделано правильно и отвечает настроению и пожеланию армии. Одной из первых была получена телеграмма от Хорвата, в которой он приветствовал меня, признавал меня Верховным правителем и передавал себя в мое распоряжение. Одной из первых телеграмм была также получена телеграмма от атамана Дутова. Вместе с ней получилась телеграмма от правительства Оренбургского. Затем была получена одна весьма характерная телеграмма от Уральцев²³⁰, хотя и несколько более осторожно составленная: они приветствовали меня, но просили сообщить, какую политическую цель я ставлю в первую очередь. Я подтвердил им, что моя задача заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность собрать Учредительное собрание, на котором была [бы] высказана воля народа. Очень скоро я полу-

чил ответную телеграмму с приветствием и заявлением, что они передают себя в мое распоряжение, что они вполне разделяют мою точку зрения и осуществление задачи, которую я ставлю перед собой, считают необходимым. Но я не получил никаких известий только от двоих: от Семенова и Калмыкова. От них не было никаких сведений, но это меня не особенно беспокоило, т. к. я был уверен, что Семенов будет против меня, ввиду тех отношений, которые сложились раньше. Поэтому едва ли можно было рассчитывать, что Семенов пойдет вместе со мной; вероятно, он попытается действовать отдельно, независимо. Будучи еще военным министром, я отчетливо сознавал, в каком положении находится снабжение армии, поэтому на второй же день я снесся с Вологодским и просил, кажется, его и министра снабжения, которым был в то время Зефиров, и еще несколько министров обсудить этот вопрос, т. к. я считаю необходимым, чтобы в первую очередь правительство занялось изучением вопросов экономического характера, т. к. вопрос снабжения стоит настолько остро, даже в самом Омске, что я считаю, что все усилия правительства должны быть положены в первую очередь на создание обеспечения снабжения армии. Я сказал, что необходимо, чтобы завтра же вечером было устроено заседание, на котором я выскажу свои взгляды, чтобы было собрано Экономическое совещание. Это совещание было разработано тут же: были выбраны представители торгово-промышленников, кооперативов и банков, которых можно было избрать здесь же в Омске. Таким образом, было основано Экономическое совещание, на котором я первую неделю сам вел заседание. Я каждый вечер бывал там сам, пока не изложил все те задачи, которые я считал необходимым осуществить для обслуживания армии. Затем, когда началось обсуждение общих вопросов, мне уже было трудно, к тому же я заболел.

А.Н. А л е к с е е в с к и й. Как отнеслись к перевороту представители иностранных держав, которые в то время были в Омске или которые после приехали в Омск?

А д м. К о л ч а к. Насколько помню, в Омске в то время был представитель Америки Гаррис и Франции — Реньо. Представителя Англии еще не было, был только полковник Уорд; Нокс же приехал позже. Со стороны Японии была только чисто военная миссия. Представителями чехов были тогда — военным представителем Кошек и Рихтер. Вообще отношения со стороны всех, кто ко мне ни являлся, были самыми положительными. Гаррис, американский представитель, относился ко мне с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайной благожелательностью. Это был один из

немногих представителей Америки, который искренно желал нам помочь и делал все, что мог, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения Гаррис, насколько я помню, прибыл ко мне первый с визитом. На другой день Гаррис сказал мне: «Думаю, что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение, но, наблюдая всю атмосферу, всю обстановку, я могу только приветствовать, что вы взяли власть в свои руки при условии, конечно, что вы сморите на свою власть как на временную, переходную, конечно; основной вашей задачей является довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, т. е. выбрать правительство по своему желанию» Я сказал ему: «Это есть моя основная задача; вы знаете хорошо, что я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени, кроме веры в меня тех лиц, которые меня знают. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишний день, как только можно будет от нее отказаться». На это Гаррис сказал мне: «Я вам сочувствую и считаю, что если вы пойдете по этому пути и выполните задачи, которые ставятся перед вами, то в дальнейшем мы будем работать вместе». В таком же духе говорил со мной и Реньо. Полковник Уорд был у меня на следующий день и сказал, что он также считает, что это единственная форма власти, которая должна быть. «Вы должны нести ее до тех пор, пока наконец ваша страна не успокоится и вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа». Я сказал, что моя задача работать вместе с союзными представителями в полном согласии и что я смотрю на настоящую войну как на продолжение той войны, которая шла в Европе...

А.Н. А л е к с е е в с к и й. В это время было заключено предварительное перемирие с Германией. Таким образом, Германия вышла из войны и устанавливалось общее замирение Европы. Не возникало ли у вас мысли, что и для России надо искать мирного выхода из того положения, которое создалось?

А д м. К о л ч а к Я об этом не думал, т. к. видел, что этот мир нас не касается, и считал, что война с Германией продолжается. Я тогда в первое время надеялся, что в случае, если нам удастся одержать известные успехи на фронте, то мы будем приглашены на мирную конференцию, где мы получим право голоса для обсуждения вопроса о мире, т. к. этого не случилось, то я считал, что мы находимся в состоянии войны с Германией. В числе телеграмм, полученных мною, я получил со значительным опозданием и телеграмму из Уфы за подписью 5—6 членов Учредительного собрания (кажется,

там были подписи Нестерова, Девятова). Первая часть телеграммы состояла из ругани: меня называли узурпатором, врагом народа и т. д.; вторая часть носила более серьезный характер: там заявлялось, что Комитет членов Учредительного собрания повернет свои [войска] на Омск и откроет новый фронт внутренний против меня. Настолько первая часть была для меня безразлична, настолько вторая часть носила характер вызова или угрозы. На это надо было как-нибудь реагировать, хотя я и получил сведения, что все части Народной армии (я получил приветствия от большей части) настроены сравнительно спокойно и что ему угрозу вряд ли удастся осуществить. Я, между прочим, получил донесение из Челябинска (это передавалось как слух, и за точность я не могу ручаться, но это было интересно, как характеристика отношения чехов), что, когда случился переворот, будто бы в Уфе состоялось совещание членов Учредительного собрания, на котором вопрос был поставлен таким образом, что надо соединиться с большевиками и начать общее наступление на Восток. На это будто бы чехи ответили, что если члены Учредительного собрания войдут в сношения с большевиками, то они их всех перевешают. Чехи в это время были заняты своей эвакуацией с челябинского фронта и создали там ужасное положение. В Челябинске было забито несколько тысяч вагонов, так что всякое передвижение на этом фронте было чрезвычайно тяжело. Я думаю, что это оказало большое влияние на снабжение армии: не было даже предумышленного задерживания, но в это время почти ничего не могли подавать в Западную армию, благодаря забитости Челябинского узла. Когда я получил эту телеграмму, я послал Дитерихсу и Гайде телеграмму арестовать в Екатеринбург Чернова, о котором я получил сведения, что он живет в каком-то крепком доме, что при нем сто человек охраны, а также арестовать членов Учредительного собрания. Это было выполнено, и Чернов был арестован, но затем Гайда, по-видимому по требованию Национального совета, направил поезд, в котором был Чернов и часть его охраны, которые были арестованы в обстановке сопротивления (была брошена бомба, но, к счастью, убитых не было, были только раненые), почему-то через Челябинск, и в Челябинске Чернов был освобожден. Так или иначе, Чернов попал в Национальный совет, оттуда он бежал, уехал за фронт и перебрался в Европейскую Россию. Кем был освобожден Чернов, не имею точных сведений, но полагаю, что это был Национальный совет...

А.Н. А л е к с е е в с к и й. Продолжайте ваш рассказ о событиях, происходивших в Омске. Какие перемены вы находили нужным сделать в системе управления страной?

А д м. К о л ч а к. Первый период, как вы увидите, я был лишен возможности заниматься этим делом. Главный вопрос, который занимал меня в это время, была подготовка и обеспечение Пермской операции, которая была сообщена мне Гайдой, когда я виделся с ним. Она требовала быстрой подачи известного контингента комплектования из центральной Сибири. Это было связано с величайшими затруднениями в смысле снабжения, обмундирования и т. д. Это была главная моя задача, и я в это время употреблял все усилия на то, чтобы ее обеспечить. По этому поводу мне пришлось войти в связь и контакт с генералом Ноксом, который находился во Владивостоке; я ему послал телеграмму о том, что в первую очередь необходимо выслать на Урал патроны и снабжение в екатеринбургскую армию срочным порядком, так как во всем этом чувствуется громадный недостаток; я запросил его, в каком положении находится подвоз боевых припасов, о которых Нокс писал, что они будут доставлены, и в это время шло очень быстрое и непрерывное сношение с Владивостоком. Вслед за тем, когда был обнародован приказ о предании суду Волкова, Катанаева и Красильникова, Семенов, до сих пор молчавший, реагировал на этот вопрос телеграммой, направленной непосредственно ко мне, в которой он заявлял, что он требует выдачи этих лиц к себе, что он считает, что предавать их суду я не имею права, что деятельность этих лиц может быть судима только впоследствии и что он требует их выдать в его распоряжение. На нее я, конечно, не ответил; я отправил ее в штаб и сказал, что не стоит отвечать на нее. Вслед за тем вечером, в то время когда мы потребовали прямой провод во Владивосток для переговоров с Ноксом, мне доложили, что прямого провода нет, что Чита прервала сообщение. Я предложил начальнику штаба выяснить этот вопрос. На это мне ответили совершенно неопределенно, говорили, что никакого перерыва нет, а все-таки мы не можем получить Владивосток, и ясно, что перерыв находится в Чите. Тогда я, чтобы что-нибудь делать, приказал зашифровать телеграмму и послать окружным путем, была возможность еще через Монголию послать во Владивосток (с перечислением) с требованием получить все, что нужно для фронта, но все же приказал попытаться вызвать Владивосток, потому что такие зашифрованные телеграммы не заменяют переговоров по прямому проводу. Затем я получил известие, которое показало, что это было недоразумение, и это на меня произвело впечатление чрезвычайно серьезное: это была первая угроза транспорту с оружием, обувью и т. д., задержанному где-то на Забайкальской железной дороге. Впоследствии оказалось, что это не было преднамеренной задержкой, а задержка благодаря не-

порядкам на линии; а мне доложили это так, что я поставил это в связь с перерывом сообщения и решил, что дело становится очень серьезным, что Семенов уже задерживает не только связь, но задерживает и доставку запасов. Я просил Лебедева, который вступил в должность начальника штаба, вызвать по прямому проводу или Семенова, или его начальника штаба и окончательно выяснить вопрос, делается ли это умышленно или нет, и если это делается не умышленно, то я прошу содействия и облегчить мне возможность сношения и протолкнуть вне очереди поезда с припасами и предметами снабжения для фронта. Лебедев получил такой ответ, что они просто не желают разговаривать. Тогда я, обдумавши этот вопрос и пользуясь тем, что Волкова я послал в Иркутск, решил поручить Волкову организовать отряд здесь, в Иркутске, и двинуться на Забайкальскую железную дорогу для того, чтобы обеспечить нам провоз наших грузов. Словом, создался целый конфликт. В отношении Семенова я тогда издал приказ: 4 или 5 дней задерживается связь с Владивостоком, задерживается перевоз боевых припасов, я считаю это актом предательства по отношению к армии со стороны Семенова и отрываю его от должности. Это был приказ, который знаменовал собою перерыв всяких сношений с Семеновым. Насколько я был прав, трудно сказать, но я рисую вам ту обстановку и те мотивы, по которым я тогда действовал. В ответ на это не последовало ничего, но иностранные представители, которые тоже были оповещены об этой истории, спросили, что я намерен делать. Я сказал, что такие случаи надо решать с оружием, я постараюсь собрать войска и двинуть их для того, чтобы обеспечить Забайкальскую железную дорогу и продвинуть по ней грузы. Насколько это мне удастся, я не знал, но во всяком случае у меня другого выхода не было, потому что я пытался войти в соглашение, но из этого все равно ничего не вышло. Об этом событии стало известно Ноксу и Жанену, который в это время приехал во Владивосток и был на пути к Омску. Из Читы я получил предложение от генерала Жанена подойти к прямому проводу, что я и сделал, причем он сообщил мне, что положение чрезвычайно осложняется в Забайкалье и что он считает долгом мне сообщить следующее: командующий японской дивизией... заявил, что он не допустит никаких вооруженных действий на железнодорожной линии и что в случае, если я попробую ввести войска в Забайкалье, то японские войска вынуждены будут выступить против них. Почему это сделали, я хорошо не знаю, но он действительно вызывал меня к прямому проводу и сказал, что он рекомендует мне быть очень осторожным, более спокойным и надеяться, что этот конфликт может разрешить-

ся благополучным путем и что решение его вооруженной силой является совершенно невозможным. Тогда я оставил это распоряжение. Японцы сообщили, что они берут на себя гарантию, что связь будет действовать и что движение на линии железной дороги прекращаться не будет. Это мне в тот момент разрешало то сомнение и то затруднительное положение, в котором я находился в отношении доставки на фронт предметов снабжения, и я подчинился тому положению, разрешить которое я своими средствами иначе не мог.

А. Н. А л е к с е е в с к и й. Вы, значит, понимали, что за Семеновым стоят японцы?

А д м. К о л ч а к. Раз они заявляют, что они со своими войсками выступят, то я своими жалкими средствами что же мог сделать? Я примирился с этим как с временным явлением, надеясь, что я со временем разрешу этот вопрос. В это время центр тяжести моей деятельности лежал в Пермской операции, и я стремился всеми силами ее обеспечить. И действительно, связь после этого восстановилась, грузы, хотя с некоторым опозданием, все же были доставлены, и с этой стороны подготовительная работа этой операции шла и это меня до известной степени устраивало...

А. Н. А л е к с е е в с к и й. Во время вашей болезни произошло известное выступление в Омске, как вы отнеслись к нему?

А д м. К о л ч а к. Приблизительно [в] 20-х числах Лебедев мне сообщил, что имеется агентурное добытое контрразведкой сведение, что в Омске готовится выступление железнодорожных рабочих на линии железной дороги, что ожидается забастовка на линии железной дороги и т. д., что все это идет под лозунгом советской власти, но он большого значения не придает, что в Омске находится достаточное количество войск, что гарнизон вполне надежный и вряд ли может быть какое-нибудь выступление.

А. Н. А л е к с е е в с к и й. Никаких особых указаний вы по этому поводу ему не давали?

А д м. К о л ч а к. Нет, все делалось автоматически. На случай тревоги раз навсегда было составлено расписание войск, где какие части находятся, город был разбит на районы, все было принято во внимание, никаких неожиданностей быть не могло, и мне не приходилось давать указаний. Накануне выступления, вечером, мне было сообщено Лебедевым по телефону или, вернее, утром следующего дня, что накануне был арестован штаб большевиков в числе 20 человек, — это было за сутки до выступления. Лебедев сказал: «Я считаю все это достаточным для того, чтобы все было исчерпано и выступления не будет...»

Председатель. Известно ли вам, что лица, которые арестовывались в связи с восстанием в декабре, впоследствии подвергались истязаниям в контрразведке и какой характер носили эти истязания? Что принималось военными властями и вами, Верховным правителем, против этих истязаний?

А д м. Колчак. Мне никто этого не докладывал, и я считаю, что их не было.

Председатель. Я сам видел людей, отправленных в Александровскую тюрьму, которые были буквально сплошь покрыты ранами и истерзаны шомполами, это вам известно?

А д м. Колчак. Нет, мне никогда не докладывали; если такие вещи делались известными, то виновные наказывались...

Председатель. Известно ли вам, что Розанов давал распоряжения о сжигании сел и деревень для подавления якобы восстания, при обнаруживании оружия и т. п.?

А д м. Колчак. Я не думаю, чтобы Розанов такие распоряжения давал, потому что по этому поводу есть телеграммы, которые я посылал Артемьеву и Розанову, которые имеются даже в газете в виде приказа Артемьеву, где я дал общие указания, как поступать в этих случаях борьбы с восстанием, где я указывал, что в случае, если жители будут замешаны в том или ином деле, на них накладывается денежный штраф, а затем конфискация имущества и земель в пользу тех, кто подавляет восстание. Это указание мое, которое было сделано, конечно, не указывало как общую меру сжигания деревень, но я считаю, что во время боев и подавления восстания такая мера неизбежна и приходится прибегать к этому способу. Эта мера, конечно, не может быть применена в виде распоряжений, а только как мера во время столкновения, во время боя за деревню, и весьма возможно, что деревня эта сжигается, но чтобы Розанов или Артемьев давали такие распоряжения, я не думаю; потому что есть распоряжения, которые делал Артемьев, где сжиганий нет. В случае бегства заложника сжигание его дома могло бы быть сделано, но только в отдельных случаях, но не как общая мера. У вас, вероятно, есть данные от том, что Розанов давал такие приказания?

Председатель. Да, показание Сыромятникова.

А д м. Колчак. Сколько мне известно, из доклада того же Розанова, я знал два или три таких случая, где деревни были сожжены, и я признал это правильным, потому что эти случаи относились к деревне Степно-Баджейской, которая была сожжена повстанцами, это была укрепленная база повстанцев, следовательно, она могла быть разрушена и уничтожена, как всякое укрепление. Второй случай —

Кийское и третий случай — Тасеево, где-то на севере, я точно не могу сказать, но эти случаи, как мне представлялось, носили военный характер, потому что это были укрепленные пункты, которые уничтожались в бою, это была [база] повстанцев, и если база была взята, то она должна быть уничтожена, для того чтобы ею не могли воспользоваться впоследствии.

А.Н. А л е к с е е в с к и й. Можно было оставить гарнизон.

А д м. К о л ч а к. Деревня Степно-Баджейская была сожжена самими повстанцами, Тасеево был укрепленный пункт, который во время войны может быть уничтожен. Я должен сказать, что такие случаи на большом Западном фронте были очень редки, там тоже были 2—3 случая, когда деревни были сожжены в боях. Я недавно беседовал с одним из членов революционного комитета, он меня спрашивал, известны ли мне зверства, которые проделывались остальными частями. Я сказал, что в виде общего правила это мне неизвестно, но в отдельных случаях я допускаю. Далее он мне говорит: «Когда я в одну деревню пришел с повстанцами, я нашел несколько человек, у которых были отрезаны уши и носы вашими войсками». Я ответил: «Я, наверное, такого случая не знаю, но допускаю, что такой случай был возможен». Он продолжает: «Я на это реагировал так, что одному из пленных я отрубил ногу, привязал ее к нему веревкой и пустил его к вам в виде око за око, зуб за зуб». На это я ему только сказать мог: «Следующий раз весьма возможно, что люди, увидав своего человека с отрубленной ногой, сожгут и вырежут деревню». Это обычно [на] войне и [в] борьбе так делается»*.

Архив Русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. М., 1991. Кн. 5. Т. 10. С. 298—299, 301—305, 308—310, 318—321.

* Конец протокола допросов.

Раздел 18

ВО ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ. РАССТРЕЛ

№ 174

Приказ Реввоенсовета 5-й армии Иркутскому ревкому, переданный 23 января 1920 г. по телеграфу, о содержании под арестом А.В. Колчака и возможности его расстрела

«Реввоенсовет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи советской власти Российской республики. Станция Юрты. 23 января 1920 г. Начдив 30-й Лапин, военком Небельсон, за наштадива Голубых».

Военно-исторический журнал. 1964. № 4. С. 126—127.

№ 175

Телеграмма И.Н. Смирнова Ленину и председателю РВС республики Троцкому от 26 января 1920 г. о своем приказе иркутским коммунистическим руководителям расстрелять А.В. Колчака

«В Иркутске власть безболезненно перешла к комитету коммунистов... Сегодня ночью дал по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме».

Учительская газета. 1990. № 49. 4—11 декабря.

№ 176

**Письменное распоряжение Ленина заместителю
председателя Реввоенсовета республики Э.М. Складскому
на предмет отправки шифрованной телеграммы
председателю Сибревкома, Сибирского бюро ЦК РКП(б)
и члену РВС 5-й армии И.Н. Смирнову об А.В. Колчаке
(документ составлен в конце января
или начале февраля 1920 г.)**

«Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин.

Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?»

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф. 2, оп. 1, д. 6601, л. 1; Бумаги Троцкого. 1920—1922 Париж, 1971. Ч. II. С. 30, 32

№ 177

**Телеграмма (подтвержденная приказом через курьера)
И.Н. Смирнова руководителям коммунистической
организации и советских органов в Иркутске
о расстреле А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева
(документ не датирован; до 7 февраля 1920 г.)**

«Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения советской власти в Иркутске, настоящим приказываю вам находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

И о ф ф е Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 260.

№ 178

**Последние строки А.В. Колчака — из записки
А.В. Тимиревой, написанной в начале февраля 1920 г.
в тюремной камере²³¹**

«Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботы обо мне. Как отнестись к ультиматуму Войцеховского²³², не знаю, скорее думаю, что из этого ничего не выйдет или же будет ускорение неизбежного конца. Не понимаю, что значит «в субботу наши прогулки окончательно невозможны»? Не беспокойся обо мне. Я чувствую себя лучше, мои простуды проходят. Думаю, что перевод в другую камеру невозможен. Я только думаю о тебе и твоей участи — единственно, что меня тревожит. О себе не беспокоюсь — ибо все известно заранее. За каждым моим шагом следят, и мне очень трудно писать. Пиши мне. Твои записки — единственная радость, какую я могу иметь...»*

Я молюсь за тебя и преклоняюсь перед твоим самопожертвованием. Милая, обожаемая моя, не беспокойся за меня и сохрани себя. Гайду я простил. До свидания, целую твои руки».

Известия. 1991. 19 октября.

№ 179

**Постановление Иркутского Военно-революционного
комитета о расстреле А.В. Колчака, а также В.Н. Пепеляева
от 7 февраля 1920 г. и свидетельства об исполнении
постановления в 5 часов того же числа²³³**

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 27

Иркутского Военно-революционного комитета
от 7 февраля 1920 года**

Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и проч. и таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения, по городу разбрасываются портреты Колчака и т. д.

---

* А.В. Книпер-Тимирева привела отрывок из одной из записок А.В. Колчака. Вот его текст: «Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось — только бы нам не расставаться» (Минувшее. Исторический альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 142). Можно предположить, что отрывок взят именно из приведенной записки, опубликованной в газете с сокращением

** В ряде случаев при публикациях постановление датируется 6 февраля 1920 г.

С другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего «ответа» упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба

Все это заставляет признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью — освобождение одного из тяжчайших преступников против трудящихся — Колчака и его сподвижников. Восстание это, безусловно обреченное на полный неуспех, тем не менее может повлечь за собой еще ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв мести со стороны возмущенных масс, не желающих допустить повторение такой попытки

Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета народных комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской республики, объявивших Колчака и его правительство вне закона, Иркутский Военно-революционный комитет постановил

1 Бывшего Верховного правителя — адмирала Колчака,

2 Бывшего председателя Совета министров — Пепеляева — расстрелять

Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв

Председатель Иркутского Военно-революционного комитета

А Ширямов

Члены *А Сноскарев, М Левенсон*

Управделами Обороны

Сибирские огни 1924 № 4 С 138

«Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта Иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии *С Чудновский*
Комендант города Иркутска *И Бурсак*»*

Разгром Колчака Воспоминания М, 1969 С 280

* Данный текст содержится на оборотной стороне подлинника приведенного выше постановления. Как видим, уже в этом случае постановление Иркутского ревкома № 27 датируется 6 февраля

**Воспоминания бывшего председателя Иркутского ревкома
и Сибирского комитета РКП(б) А.А. Ширямова
об обстоятельствах расстрела А.В. Колчака**

«Председателю следственной комиссии товарищу Чудновскому было дано распоряжение иметь наготове надежный отряд, который в случае боя на улицах должен был взять Колчака из тюрьмы и увезти его из города в более безопасное место. Но числа 3 февраля следственная комиссия представила в ревком список человек в 18, роль которых в колчаковщине была достаточно выяснена. По мнению комиссии, она подлежали расстрелу. В числе их был Колчак.

Ревком выделил из списка только двух — Колчака и председателя Совета министров Пепеляева. Все же в тот день вопрос о Колчаке был оставлен открытым²³⁴.

Находившемся в штабе 5-й армии товарищу Сурнову²³⁵ было по прямому проводу передано поручение выяснить, как отнесется ревсовет к расстрелу Колчака. Чехи нашим переговорам не препятствовали. Ответ товарища Смирнова указывал, что если парторганизация считает этот расстрел необходимым при создавшейся обстановке, то ревсовет не будет возражать против него.

Ночью постановление ревкома было передано товарищу Чудновскому для исполнения.

Вместе с Колчаком был расстрелян палач-вешатель, приводивший в Иркутской тюрьме в период колчаковщины в исполнение смертные приговоры, — китаец, отвратительное существо. Оставшись «без работы», он предложил нам свои услуги. Мы присоединили его к Колчаку.

На рассвете 7 февраля «Верховный правитель всяя России», его первый министр и его первый палач были расстреляны нарядом лево-эсеровской дружины в присутствии председателя Следственной комиссии товарища Чудновского и члена Военревкома товарища Левенсона²³⁶.

Трупы их были спущены в прорубь реки Ангары»

Ш и р я м о в А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Сибирские огни 1924 № 4 С 137—138

Воспоминания бывшего председателя Иркутской ЧК
и Чрезвычайной следственной комиссии
по делу А.В. Колчака С.Г. Чудновского

«В первых числах февраля 1920 г. Иркутску угрожала опасность со стороны наступающих каппелевских и других белогвардейских банд. В самом Иркутске было огромное количество враждебных советской власти элементов. Состояли они преимущественно из бежавших из разных мест Сибири контрразведчиков и охранников. В тюрьме сидела вся головка бывшего «правителя всей России» вместе с самим «правителем» Колчаком.

Контрреволюционеры окрылились и стали готовиться к активному выступлению.

Материалы, захваченные при обысках, указывали на существование в Иркутске подпольной белогвардейской организации, которая поставила себе задачей освободить Колчака и объединить вокруг него остатки разбитых белых армий. Оценивая всю важность разработки материалов, касающихся Колчака и его правительства, следственная комиссия вела подробнейший допрос самого Колчака, Пепеляева и других. Необходимо было выявить полную картину деятельности бывших правителей и судить Колчака открытым народным судом.

Допрос Колчака продолжался до 5 февраля 1920 г.²³⁷. В этот день стало известно, что не только иркутская контрреволюция добивается освобождения Колчака, но что этого добивается и Войцеховский, он требует, чтобы ему выдали Колчака, Пепеляева и других, грозя в противном случае начать громить Иркутск²³⁸.

После допроса арестованных видных контрразведчиков стало ясно, что живой Колчак является чем-то вроде приманки или даже наркотиком для возбуждения контрреволюции.

...Считая положение опасным, я доложил об этом председателю революционного комитета т. Ширямову, причем очевидна была необходимость немедленно же расстрелять руководящую головку контрреволюции — человек около двадцати. Ответом на попытки контрреволюции должна быть решительная расправа со всеми теми, вокруг которых бандиты предполагали объединиться.

Это предположение было передано ревкому для обсуждения. Пока же дано было распоряжение принять все меры к тому, чтобы не допустить возможности побега Колчака из тюрьмы и иметь надежную часть для эвакуации, в случае надобности, Колчака в тыл.

В течение всего дня 6 февраля слышны были глухие отзвуки дальней орудийной стрельбы. Поступали сведения, что Войцеховский близко подходит к станции Иннокентьевская. Приходилось чуть ли не ежечасно проверять караулы в тюрьме и тщательно осматривать прилегающие к тюрьме кварталы. В тюремных коридорах было установлено дежурство дружин.

...6 февраля революционный комитет передал мне постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Поздно ночью я отправился в тюрьму, чтобы выполнить приказ ревкома. Со стороны Иннокентьевской слышны были выстрелы. Иногда они казались совсем близко. Весь город замер. Осмотрев посты и убедившись, что на постах стоят свои люди, лучшие дружинники, я направился в одиночный корпус и открыл камеру Колчака.

...«Правитель» стоял недалеко от двери, одетый в шубу и папаху. Видимо, Колчак был наготове, чтобы в любую минуту выйти из тюрьмы и начать «править». Я прочел ему приказ ревкома. После этого ему надели наручники.

— А разве суда не будет? Почему без суда?

По правде сказать, я был несколько озадачен таким вопросом. Удерживаясь, однако, от смеха, я сказал:

— Давно ли вы стали сторонником расстрела только по суду?

Передав Колчака конвоем, я отправился в верхний этаж, где находился Пепеляев.

Пепеляев сидел на своей койке и тоже был одет. Это еще больше убеждало, что «правители» с минуты на минуту ждали своего освобождения²³⁹. Увидев вооруженных людей в коридоре, Пепеляев побледнел и затрясся. Противно было смотреть на эту громадную тушу, которая тряслась как студень. Ему был объявлен приказ.

— Меня расстрелять... за что, — проговорил он, зарывав, и вслед за тем быстро-быстро выпалил следующее, видимо заранее приготовленное, заявление: — Я уже давно примирился с существованием советской власти, я все время стремился просить, чтобы меня использовали на работе, и приготовил даже прошение на имя Всероссийского Центрального исполнительного комитета, у которого прошу меня помиловать и очень прошу меня не расстреливать до получения ответа от ВЦИКа.

Взяв у него бумагу и передав кому-то из стоящих около дверей товарищей, кажется моему секретарю Сергею Мосину, я сказал Пепеляеву:

— Приказ ревкома будет исполнен, что касается просьбы о помиловании, то об этом надо было подумать раньше.

Пепеляев, рыдая, продолжал бессвязно бормотать что-то насчет своей ошибки в жизни, недостаточности учета обстановки. Я передал его конвою.

Захватив внизу Колчака, мы направились в тюремную контору. Пока делались распоряжения о выделении 15 человек из дружины, охранявшей тюрьму, доложили, что Колчак желает обратиться ко мне с какой-то просьбой.

— В чем дело?

— Прошу дать мне свидание с женой... Собственно, не с женой, — поправился он, — а с княжной Темиревой²⁴⁰.

— Какое же имеете вы отношение к Темиревой?

— Она очень хороший человек, — отвечает мне Колчак. — Она заведовала у меня мастерскими по шитью солдатского белья.

Хотя окружающая нас обстановка не располагала к шуткам и смеху, но после слов Колчака никто из товарищей не мог удержаться — все расхохотались.

— Свидания разрешить не могу, — говорю Колчаку. — Желаете ли вы еще о чем-нибудь попросить?

— Я прошу сообщить моей жене, которая живет в Париже, что я благословляю своего сына.

— Сообщу²⁴¹.

Рядом с Колчаком сидел Пепеляев, который продолжал рыдать. Наконец он поднялся с места и дрожащей рукой передал мне записку, в которой нетвердым почерком было написано обращение к матери и еще к кому-то с просьбой благословить его на смерть и не забыть «своего Виктора». Подавая записку, Пепеляев что-то залепетал, но понять его было совершенно невозможно.

— Хорошо, записку передадим.

Не прошло и минуты, как прибежал товарищ и спросил, можно ли разрешить Колчаку закурить трубку. Я разрешил. Товарищ ушел, но вскоре вернулся обратно, бледный как смерть.

— В чем дело? — спрашиваю. Не дожидаясь ответа, я как-то инстинктивно бросился в комнату, где находились Колчак и Пепеляев. Вижу, один из конвоиров держит в руках носовой платок и показывает то на Колчака, то на платок. Я взял платок и начал его ощупывать. Оказалось, что в одном из углов платка завязано что-то твердое, продолговатое, на ощупь напоминающее пулю к револьверу системы Браунинга малого калибра. Колчак сидит бледный, трубка в зубах трясется. Я развязал узел и вынул маленький капсульт с какой-то белой начинкой. Нетрудно было догадаться, что Колчак хотел отравиться.

Все формальности наконец закончены. Выходим за ворота тюрьмы. Мороз 32—35°. Ночь светлая. Тишина мертвая. Только изредка со стороны Иннокентьевской раздаются отзвуки отдаленных орудийных и ружейных выстрелов. Разделенный на две части конвой образует круги, в середине которых находятся: впереди Колчак, а сзади Пепеляев, нарушающий тишину молитвами.

В 4 часа мы пришли на назначенное место. Выстрелы со стороны Иннокентьевской слышатся все яснее, все ближе. Порой сверлит мысль: в то время, когда здесь кончают свою подлую жизнь два бандита, в другой части города, быть может, контрреволюция делает еще одну попытку к погрому мирного трудящегося населения. И именно потому, что знаешь, что кровавое дело Колчака еще где-то продолжает тлеть, не терпится, и винтовки как-то сами устанавливаются в руках так, чтобы произвести первый выстрел.

Раньше, чем отдать распоряжение стрелять, я в нескольких словах разъяснил дружинникам сущность и значение этого момента.

Но вот все готово. Отдано распоряжение. Дружинники, взяв ружья наперевес, становятся полукругом.

На небе полная луна: светло как днем.

Мы стоим у высокой горы, к подножию которой примостился небольшой холм. На этот холм поставлены Колчак и Пепеляев. Колчак — высокий, худощавый, типа англичанина, его голова немного опущена. Пепеляев же небольшого роста, толстый, голова втянута как-то в плечи, лицо бледное, глаза почти закрыты: мертвец, да и только.

Команда дана. Где-то далеко раздался пушечный выстрел, и в унисон с ним, как бы в ответ ему, дружинники дали залп. На всякий случай еще один.

Приказ ревкома выполнен. Расстрел Колчака и Пепеляева ускорила контрреволюция своими выступлениями, поэтому яма не была приготовлена.

— Куда девать трупы? — спрашивают начальник дружины и комендант тюрьмы.

Не успел я ответить, как за меня почти разом ответили все дружинники.

— Палачей сибирского крестьянства надо отправить туда, где тысячами лежат ни в чем не повинные рабочие и крестьяне, замученные колчаковскими карательными отрядами... В Ангару их.

И трупы были спущены в вырубленную дружинниками прорубь.

Так и закончили свой контрреволюционный путь «правитель» Колчак и его первый министр Пепеляев».

**Воспоминания бывшего коменданта Иркутска
И.Н. Бурсака об аресте, содержании в тюрьме,
допросах и расстреле А.В. Колчака**

«15 января на станцию Иркутск подошел поезд с вагоном Колчака под охраной чешских легионеров. С этим же составом прибыли и восемь вооруженных рабочих во главе с начальником партизанского отряда В.И. Буровым, посаженных в поезд на станции Черемхово в качестве дублеров чешского караула. К вечеру заместитель командующего войсками Политцентра А.Г. Нестеров сообщил штабу рабоче-крестьянских дружин, что Политцентр получил согласие командования чехословацкого корпуса на арест Колчака, Пепеляева, их свиты и что ему Политцентр поручил провести эту операцию. Он просил начальника штаба рабоче-крестьянских дружин Букатого подобрать надежный конвой, который должен еще засветло прибыть на станцию.

Конвой собрали в основном из солдат бывшей инструкторской школы. Часам к семи вечера я пришел на вокзал к помощнику коменданта Польшаеву и часов около десяти вечера увидел «Верховного» и его «премьера», которых конвой во главе с Нестеровым вывел из салон-вагона и привел на вокзал в комендатуру. Колчак и Пепеляев были в подавленном состоянии, первый молчал, второй что-то шептал. На вопрос Нестерова, есть ли у них оружие, Колчак вынул из кармана револьвер и вручил его Польшаеву, тот передал его мне. По предложению чехов составили акт передачи Колчака и Пепеляева. Документ этот подписали представитель командования чехословацкого корпуса и Нестеров — уполномоченный Политцентра.

После этого из вагона вывели княжну Тимиреву* — гражданскую жену Колчака, супругу бывшего омского военного министра М.А. Гришину-Алмазову, а также несколько офицеров штаба «Верховного». Всех их препроводили в губернскую тюрьму.

В Иркутске в это время еще хозяйничали эсеры. Комендантом города был штабс-капитан Кашкадамов, комендантом тюрьмы — офицер Кутепов, родственник известного белогвардейского генерала Кутепова, начальником гарнизона — есаул Петелин. Командовал войсками Политцентра штабс-капитан Калашников, начальником штаба был Бандейкин. Не было никакой уверенности, что белогвардейцы (а

* Княжной или княгиней А.В. Тимирева не была. Неточно дается мемуаристом и ее фамилия.

их в Иркутске скопилось немало) не попытаются освободить всю банду во главе с «Верховным правителем».

В эти дни мне неожиданно удалось связаться по телеграфу с 5-й армией. У аппарата был член Реввоенсовета армии председатель Сибревкома И Н Смирнов. Он передал для Иркутского большевистского губкома указание В.И. Ленина: золотой запас на восток не пропускать, а Колчака при первой же возможности направить в распоряжение Реввоенсовета 5-й армии для отправки в Москву²⁴².

Я немедленно доложил о разговоре А.А. Ширямову. На следующий день (это было 17-е или 18 января) Ширямов вызвал меня и сказал, что я назначен комендантом города вместо Кашкадамова, а В. Букастый — начальником штаба войск Политцентра вместо Бандейкина.

Мне надлежало тотчас же приступить к исполнению обязанностей коменданта. Я думал, что этот вопрос согласован с Политцентром, но, когда утром прибыл в комендатуру и предложил Кашкадамову сдать мне дела, он ответил, что о моем назначении ничего не знает, и стал звонить в Политцентр, но не дозвонился. Тогда Кашкадамов отправился к своему начальству лично.

Я тем временем сел за стол коменданта, вызвал адъютанта Сереброва (ныне он член КПСС, проживает в Чите) и, объявив ему о моем назначении, приказал вызвать командира комендантского батальона поручика Кудряшова. С ним я был связан ранее, как с человеком, сочувствовавшим большевикам. Позднее, в 1920 г., он был принят в члены РКП(б). Кудряшов явился быстро. Я приказал ему поднять батальон по тревоге и построить во дворе. На это ушло всего несколько минут. Я выступил перед солдатами с краткой речью, призывая перейти на сторону восставшего народа. Отобрав 20 бойцов, которых знал лично, расставил караулы по управлению и у дверей своего кабинета. Еще раньше я распорядился немедленно отпечатать приказ о моем вступлении в должность коменданта Иркутска и развесить этот приказ по городу.

Едва я закончил все эти дела, как вбежал возбужденный Кашкадамов и заявил:

— Должность сдавать не буду, никакого приказа Политцентра нет!

— А вам и сдавать не нужно, — спокойно ответил я. — Все уже принято. Вам советую возвратиться в Политцентр и получить, пока не поздно, новое назначение...

Видя, что адъютант и командир комендантского батальона не на его стороне, Кашкадамов хлопнул дверью и ушел.

Я по телеграфу доложил Ширямову о выполнении его распоряжения и затем приказал назначить комендантом тюрьмы подпоручика В.И. Ишаева, предварительно освободив его с гауптвахты, куда засадил

его Политцентр как большевика. Полностью был сменен караул в тюрьме. В тот же день по указанию губкома я предложил есаулу Петелину сдать мне штаб гарнизона. Тот беспрекословно выполнил это требование.

Коменданту тюрьмы, которая находилась теперь в моем ведении, как коменданта города, я дал указание принимать всех, кого будут направлять Чрезвычайная следственная комиссия Политцентра и другие органы, но никого ни в коем случае не выпускать без моего письменного разрешения. В тот же вечер я приехал в тюрьму и вместе с ее комендантом и начальником караула прошел по корпусам, приказал поставить дополнительно круглосуточные караулы из бойцов рабочих дружин. После этого стал смотреть камеры. Вошел и к Колчаку. Он сидел на койке в накиннутом на плечи романовском полушубке. Увидев нас, встал. Между нами состоялся следующий разговор:

— Я комендант города и начальник гарнизона. Есть ли у вас жалобы?

— Никаких.

— Довольны ли вы питанием?

— Я эту пищу кушать не могу.

— Мы на воле сейчас не лучше питаемся.

— Следствие будет?

— Да, будет.

— Кто будет вести его?

— Чрезвычайная следственная комиссия. Уже назначена.

Проверку в тюрьме я проводил два-три раза в сутки и столько же раз докладывал об этом Ширямову лично или письменно.

Политцентр не мог никак примириться с тем, что эсер Кашкадамов отстранен от должности коменданта города, а есаул Петелин добровольно сдал пост начальника гарнизона. Особенно были возмущены эсеры тем, что без моего разрешения все постановления Чрезвычайной следственной комиссии и Политцентра об освобождении заключенных не выполняются. Больше того, следственный отдел управления коменданта затребовал дела некоторых заключенных и начал производить аресты белогвардейских офицеров, которыми кишмя кишел Иркутск. При обысках у них обнаружили целые склады оружия.

Губком РКП(б) был полностью в курсе положения в городе, знал, что войсковые части Политцентра настроены по-большевистски и ждут только команды штаба рабоче-крестьянских дружин. Кроме того, к Иркутску стягивались партизанские отряды Н.А. Бурлова, Н.В. Дворянова, Н.А. Каландарашвили* и других. Всего сосредоточилось около

* Правильное написание фамилии — Каландаришвили

б тысяч пехотинцев и 800 конников. Как начальник гарнизона я в первый же день побывал почти во всех воинских частях, сообщил солдатам, кто я и кем назначен комендантом города и начальником гарнизона. После этого я доложил губкому партии, что везде слышал одно требование: поскорее ликвидировать «центропуп», как насмешливо называли Политцентр солдаты.

В эти дни 5-я армия, победоносно громя колчаковцев и интервентов, быстро продвигалась к Иркутску. Заметно усилились удары партизан. Интервенты стали бояться посылать в села свои команды за фуражом и продовольствием — местное население уничтожало их. В большинстве уездов губернии большевистские ревкомы и советы уже взяли власть в свои руки. Учитывая все это, а также и то, что по Сибирскому тракту приближалась каппелевская группа (остатки армий Колчака) и скоро эти отборные белогвардейские части могли появиться под Иркутском, губком РКП(б) 19 января решил создать Военно-революционный комитет во главе с А.А. Ширямовым. В состав комитета вошли также И.В. Сурнов, Д.К. Чудинов, В.И. Литвинов и А. Сноскарев. В тот же день состоялось совместное совещание губкома РКП(б), Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин и бюро сибирской группы левых эсеров (автономистов). Совещание единогласно решило:

1. 25 января 1920 г. созвать Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
2. Военно-революционному комитету потребовать от Политцентра передать власть немедленно.
3. Центральному штабу рабоче-крестьянских дружин довести принятое решение до сведения командования экспедиционного корпуса интервентов.

20 января представители Иркутского губкома РКП(б) и Политцентра обсуждали уже вопросы, так сказать, техники передачи власти. Политцентр выделил «временный совет сибирского народного управления» по вопросу передачи власти Военно-революционному комитету. На следующий день был составлен акт передачи власти, подписанный Политцентром, «временным советом сибирского народного управления», с одной стороны, и большевистским Военно-революционным комитетом — с другой, в присутствии представителей чехословацкого командования.

В городе продолжали оставаться еще небольшие части чехов: их контрразведка, штаб гарнизона, комендатура, хозяйственные команды. Днем и ночью по улицам разбегжались чешские броневики, нервируя население и наши патрули.

21 января, взяв с собой Польшяева, помощника по комендатуре, и командира комендантского батальона Кудряшова, я поехал в гостиницу «Националь», где размещался штаб гарнизона чехов.

От имени Военно-революционного комитета я предложил начальнику чешского гарнизона отвести из города на станцию все части, команды, а также штаб гарнизона и комендатуру, прекратить разъезды броневиков по городу. Тут же предупредил, что в случае невыполнения броневики будут взорваны, а части разоружены. Когда Польшяев перевел все это, чешский капитан побледнел, вынул из кобуры револьвер, положил перед собой и спросил с усмешкой:

— Сложили ли вы сами свои чемоданы и когда собираетесь удрать?

— В первую очередь мы собираемся выпроводить непрошенных гостей, — ответил я. — Кстати, полковник Фукуда со своими японскими частями как раз сегодня уже убрался на восток, а ваш генерал Сыровый получил разрешение Военно-революционного комитета на проезд войск на восток. А то, знаете, хвост прищемит 5-я армия, а голова, чего доброго, может застрять у кругобайкальских туннелей!

Я уехал к себе, а через два часа чешский комендант позвонил Польшяеву и сообщил, что броневики в городе больше не появятся. Вывод частей он просил разрешить закончить 23 января в 24.00.

25 января я со штабом гарнизона и комендатурой занял помещение гостиницы «Националь». Военно-революционный комитет командующим войсками вместо эсера Калашникова назначил большевика Д.Е. Зверева, сменил ряд командиров частей. Я же, оставаясь в должности коменданта города и начальника гарнизона, стал одновременно и начальником Иркутского укрепленного района. Военно-революционный комитет заменил также председателя Чрезвычайной следственной комиссии. Им был назначен С. Чудновский, который имел уже в своем распоряжении подготовленный аппарат для борьбы с внутренней контрреволюцией.

Допросы Колчака, начатые еще при Политцентре, продолжались. До перехода власти к большевикам мне пришлось как-то раз видеть Колчака на следствии. Держался он спокойно, видимо, у него была еще надежда как-нибудь выпутаться. Вопросы, на которые ему приходилось отвечать, были преимущественно общеполитическими. Другой характер приняли допросы, когда председателем Чрезвычайной следственной комиссии стал С. Чудновский. Колчак, очевидно, начал понимать, что дело его плохо. Большевики не эсеры. Каким-то путем факт перехода власти к большевикам стал известен Кол-

чаку. В конце января, когда я при обходе тюрьмы зашел в его камеру, между нами состоялся такой разговор:

— Гражданин комендант, разрешите задать вопрос?

— Задавайте.

— Скажите, пожалуйста, кто у власти в Иркутске?

— Большевики. Военно-революционный комитет, которому Политцентр передал 20 января власть.

— А как отнеслись к этому чехи?

— 5-я армия гонит чехов на восток, как и остатки ваших армий, а здесь они боятся застрять на Кругобайкальской дороге. Кроме того, восставшие войсковые части потребовали от Политцентра немедленной передачи власти большевикам. Ясно вам? Передача прошла без каких-либо инцидентов.

— Да, теперь многое стало ясно. Но почему меня продолжают допрашивать члены комиссии, назначенные Политцентром?

— Председателем Чрезвычайной следственной комиссии назначен член губернского комитета партии большевиков товарищ Чудновский вместо Попова, а для окончания допросов пока оставлены юристы, члены комиссии, работавшие раньше.

Последние дни января и начало февраля прошли в напряженной подготовке к отражению подходивших к Иркутску частей каппелевской группы белых, которой командовал генерал Войцеховский. Энергично велась очистка города от белогвардейской агентуры, шло строительство оборонительных сооружений, формирование и подготовка новых дружин из добровольцев — рабочих и учащихся.

Силы противника нам не были известны. Особенно усложняла обстановку неясная позиция чехов. 29 января они нанесли вероломный удар в спину нашему отряду в тысячу бойцов под командованием А.Г. Нестерова, посланному Военно-революционным комитетом к станции Зима против каппелевских частей. Этот отряд чешское командование пропустило из Иркутска с обещанием соблюдать нейтралитет. И вдруг — предательство.

В городе опять стало тревожно. Осевшие в Иркутске белогвардейцы предприняли попытку, правда неудачную, освободить Колчака.

3 февраля Чрезвычайная следственная комиссия представила ревкому список на 18 человек из числа содержащихся в тюрьме. В этом списке значились: А. Колчак, председатель Совета министров колчаковского правительства В. Пепеляев и другие наиболее отличившиеся в зверствах против рабочих и крестьян главари белогвардейщины. На заседании 6 февраля Чудновский и я, учитывая, что генерал Войцеховский отказался сложить оружие и требует выдачи Колчака и его

окружения, а также то, что по данным, имеющимся в Чрезвычайной следственной комиссии и в следственном отделе управления коменданта города, в Иркутске действует белогвардейская организация, ставящая целью освободить Колчака и его помощников, настаивали на расстреле всех 18 человек. Военно-революционный комитет с нами не согласился и вынес приговор о расстреле только Колчака и Пепеляева. В постановлении ревкома говорилось: «Бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева — расстрелять. Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв».

Вечером 6 февраля я был вызван в ревком, там уже находился предгубчека Чудновский. Ширямов вручил нам постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Мы вышли и договорились с Чудновским, что я подготовлю специальную команду из коммунистов. Коменданта тюрьмы предупредил о предстоящем расстреле и приказал ему не отлучаться, а весь караул держать в боевой готовности. Во втором часу ночи я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал и Чудновский.

Мы вошли в камеру к Колчаку и застали его одетым — в шубе и шапке. Было такое впечатление, что он чего-то ожидал. Чудновский зачитал ему постановление ревкома. Колчак воскликнул:

— Как! Без суда?

Чудновский ответил:

— Да, адмирал, так же, как вы и ваши подручные расстреливали тысячи наших товарищей.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в камеру к Пепеляеву. Этот тоже был одет. Когда Чудновский зачитал ему постановление ревкома, Пепеляев упал на колени и, валяясь в ногах, умолял, чтобы не расстреливали. Он уверял, что вместе со своим братом генералом Пепеляевым давно решил восстать против Колчака и перейти на сторону Красной армии. Я приказал ему встать и сказал:

— Умереть достойно не можете...

Снова спустились в камеру Колчака, забрали его и пошли в контору. Формальности закончены.

К 4 часам утра мы прибыли на берег реки Ушаковки, притока Ангары. Колчак все время вел себя спокойно, а Пепеляев — эта огромная туша — как в лихорадке.

Полнолуние, светлая, морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне:

— Пора.

Я даю команду:

— Взвод, по врагам революции — пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь. Так «Верховный правитель всея Руси» адмирал Колчак уходит в свое последнее плавание.

Возвращаемся в тюрьму. На обороте подлинника постановления ревкома о расстреле Колчака и Пепеляева пишу от руки чернилами: «Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 г. за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися:

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии *С. Чудновский*
Комендант города Иркутск *И. Бурсак*».

Б у р с а к И.Н. Конец белого адмирала // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 266—279.

№ 183

Воспоминания бывшего коменданта иркутской тюрьмы В.И. Ишаева о казни А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева

«Банды Колчака разбиты. Власть лежит на улице, в пыли. Политический центр в Иркутске вынужден сложить свои полномочия, передать город красным...

Город взят красными, превратился в военный лагерь. Тянутся длинные обозы. Сплошь и рядом среди улицы сломанная повозка, брошенные «доспехи»...

По городу ползут слухи. Откуда-то издали доносятся залпы. Это отступающие остатки каппелевских банд громят окрестные деревни. Состояние напряженное.

Ночь. Здание иркутской тюрьмы высится над рекой. Переключка часовых. Тяжело тащится по полу приклад винтовки. Лязг отчетливо слышится далеко в Знаменском предместье.

Тишину рассекает громкий окрик часового: «Стой!». Автомобиль останавливается. Отделяются две тени... «Именем Революционного комитета»... Три звонка... Дверь, тяжело скрипя, выбрасывает заспанного, утомленного коменданта тюрьмы товарища Ишаева²⁴³. На каланче бьет час ночи. Коменданту вручается приказ Революционного

комитета. «Контрреволюционная агитация, в городе беспокойно... Портреты Колчака разбрасываются на улицах... Постановил... Колчака и Пепеляева... расстрелять».

Товарищ Чудновский, председатель Иркутской губчека, и товарищ Бурсак, комендант города, предъявляют мандаты. «Приготовить дежурную комнату, караул, все должно быть спокойно. Проведите к осужденным». Коридором общего корпуса через двор проходим в одиночный корпус. Открывается дверь камеры Колчака. Первым вошел комендант тюрьмы, за ним — товарищ Чудновский и затем товарищ Бурсак. Адмирал Колчак сидит на койке и при входе тяжело поднимается. Жесткое лицо, ни один мускул не дрожит, но за ресницами теряется пугливый взгляд. Товарищ Чудновский подходит вплотную и говорит: «По поручению Иркутского революционного комитета мы пришли объявить вам постановление, касающееся вас».

Колчак переступил с ноги на ногу и ответил с легкой хрипотой в голосе: «Слушаю».

Товарищ Чудновский громко, отчетливо зачитывает постановление Революционного комитета о расстреле Колчака и Пепеляева. Пауза. «Какие есть просьбы или заявления?» — спрашивает товарищ Чудновский. «У меня есть просьба разрешить мне проститься с женой». Товарищ Чудновский объясняет, что по целому ряду причин разрешить свидания не может. Спрашивает, есть ли еще какие просьбы. Броском головы в сторону Колчак показывает, что больше просьб нет. Медленно, тяжело шагая, не оглядываясь, выходит Колчак из камеры. В коридоре окружает его конвой.

Вышли. Двор. Не пройдя двадцати шагов от одиночного корпуса, Колчак вытаскивает из кармана скомканный носовой платок и как-то неестественно долго возится с ним у рта, делая вид, что откашливается. Вдруг прыжок. Комендант тюрьмы быстро схватывает Колчака за руку, в которой платок, и отбирает его. На каменной мостовой с легким стуком падает «пилюля» с беловатым порошком, просвечивающим сквозь желатин. Это — яд. Колчак спокоен, не издал ни звука. Пилюля передается товарищу Чудновскому, и шествие движется дальше. Дежурная комната, стол, три глубоких стула. Вперед проходят два красноармейца. За ними Колчак. Проходит. Садится на первый стул, облокотившись рукой на стул. В том же порядке подходим к камере Пепеляева. Открываем дверь. Пепеляев спит, но от шума, произведенного ключом, вскакивает с постели, торопливо одевается. Первым говорит «Здравствуйте», и в голосе слышится мелкая дрожь, которая постепенно усиливается и переходит в плач, продолжавшийся все время до конца. Тихо проходим одиночный корпус, двор и

входим в дежурную комнату. Встреча Пепеляева с Колчаком проходит без слов. Спустя несколько минут полурота красноармейцев, выстроившись перед тюрьмой, окружает осужденных. Мы тихо движемся сначала по набережной реки Ушаковки, а затем первым прилегающим переулком проходим на гору. Легкий февральский мороз. По небу скачет прожектор. В городе и Знаменском предместье слышатся отдельные выстрелы. Изредка раздается отчетливая трескотня пулеметов. Наконец пришли. Горка, с которой ясно видна тюрьма. Чистое место. Луна заливает матовым светом белую поляну. Тихо. Полурота строится в две шеренги. «Смирно». Пепеляев обращается к адмиралу: «Прощайте, адмирал». — «Прощайте», — сухо и коротко ответил Колчак. Раздается команда: «Полурота, пли». Залп. На каланче пробило два часа»²⁴⁴.

Воспоминания участника расстрела А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева В. Ишачева // Уральская новь. Свердловск, 1926. № 3. С. 9.

№ 184

Список вещей по «описи», изъятых у А.В. Колчака в камере и снятых с него после расстрела. Составлен 7 февраля 1920 г.

«Шуба (имеется в виду подбитая мехом шинель. — И. П.), шапка, подушечка, два носовых платка, две щетки, электрический фонарь, банка вазелина, один платок носовой, чемодан с мелкими вещами, расческа, машинка для стрижки волос, портсигар серебряный (тот самый, который Колчак, возможно, взял с собой и положил на снег за несколько минут до расстрела. — И. П.), кольцо золотое, четыре куска мыла, именная печать, часы с футляром, бритва с футляром, кружка, чайная ложка, губка, помазок, мыльница, одеяло, чай, табак, дорожная бутылка, френч, полотенце, простыня, Георгиевский офицерский крест, зубная щетка, чайная серебряная ложка, банка консервов, банка сахара, кожаные перчатки, белье: три пары носок, две простыни, две рубахи, три носовых платка, платок черный, две пары кальсон, стаканчик для бритья, ножницы».

Поволяев В. Колчак. Верховный правитель: Повесть. М.: Астрель, 2001. С. 482—483.

Раздел 19

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ А.В. КОЛЧАКА ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

№ 185

«Оценка» Лениным (июль 1919 г.)

«...Теперь правда о Колчаке (а Деникин — его двойник) раскрыта вполне. Расстрелы десятков тысяч рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине²⁴⁵. Даже среди меньшевиков и эсеров, которые сами были предателями рабочих, были на стороне Колчака и Деникина, все больше находится людей, которые вынуждены признать эту правду.

Надо во главу угла всей агитации и пропаганды поставить осведомление народа об этом. Надо разъяснить, что либо Колчак с Деникиным, либо советская власть, власть (диктатура) рабочих; середины нет; середины быть не может...»

Л е н и н В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 47.

№ 186

Из полемики между английским генералом А. Ноксом и французским генералом М. Жаненом, состоявшейся на страницах лондонского журнала «Славянский мир» в середине 20-х годов в связи с публикацией М. Жаненом отрывков из его сибирского дневника

А. Нокс писал:

«Первоначальной мыслью было — поручить генералу Жанену командование над всеми войсками в Сибири — русскими и союзными. Между тем, и это вполне естественно, — с самого же начала не было малейшей надежды, чтобы русские, начавшие войну за освобождение

своей собственной территории, согласились поставить во главе армий иностранца. Их категорический отказ от этого предложения задел, как это видно из каждой строки отрывков, самолюбие генерала...

В Сибири, по-видимому, все оказались виновны в последовавшем разгроме, все, кроме самого генерала Жанена. Отрывок из его дневника от 12 ноября 1919 г. особенно это подчеркивает. Он пишет, что англичане, поставившие Колчака у власти, были столь же дальновидны, как и в деле свержения Николая II. «Не будь этого, не знаю, удалось ли бы нам одолеть большевизм в России, но я убежден, что удалось бы спасти и организовать Сибирь». Прежде всего укажем на то, что переворот, который поставил Колчака у власти еще до приезда генерала Жанена в Сибирь, был совершен Сибирским правительством без ведома и всякого содействия Великобритании...²⁴⁶

Обвинение Англии в свержении покойного императора не что иное, как немецкая выдумка, в которой нет и тени правды, а генерал Жанен, разумеется, должен это знать...

Заключительная трагедия в Сибири была подготовлена многими факторами. Одним из них, достойным упоминания, но, разумеется, опущенным автором дневника, является тот факт, что французский генерал оказался не способен надлежащим образом дисциплинировать контингенты союзных войск, находящихся под его командованием.

Альфред Нокс.

М. Жанен отвечал:

«Генерал Нокс почтил отрывки моих записей о Сибири, напечатанных моим другом Ледра в последнем декабрьском номере, своим ответом и поправками. По его мнению, мое самолюбие было уязвлено тем, что русские отказались вручить мне командование над их национальными контингентами. Возможно, что на моем месте он бы счел себя бесконечно оскорбленным таким положением, так как в глубине души он недолюбливал русских и, кроме того, был лишен редкого случая проявить свои военные способности. Что касается меня, то я могу подтвердить ему — и он это сам прекрасно знает, так как мы неоднократно беседовали друг с другом во Владивостоке во время чтения параллельных телеграмм, полученных нами из Лондона и Парижа, — что я никогда не желал получить подобного командования.

Если я оспариваю вопрос о высшем командовании, то исключительно сообразуясь только с повторными распоряжениями, полученными из Парижа по согласованию с Лондоном, из двух мест, где, по-видимому, не были осведомлены о положении...²⁴⁷

Остается последний аргумент, стрела Парфянина, инсинуация английского генерала, согласно которой войска, которыми я коман-

довал, не были взяты мною как следует в руки и оказались, благодаря своей недисциплинированности, одной из причин заключительной трагедии. Я имел под своим командованием только чехов и различные контингенты иностранцев. Эти последние вовсе не участвовали в боях после моего приезда, значит — дело идет об одних чехах. Английский генерал, без сомнения, повторяет слова своих русских друзей, окружавших Колчака. Да, я часто слышал, как повторяли ему и его близким, что чехи — преступники потому, что, очистив Сибирь от большевистских войск, они отказались продолжать сражаться за русских... Это я, в согласии с их правительством, отозвал чехов с фронта, который они создали почти что одними своими силами, и расположил их вдоль Сибирской магистрали. Они охраняли ее более 8 месяцев, обеспечивая нормальную торговлю и самое существование колчаковского правительства, которое не чувствовало к ним ни малейшей благодарности за эту косвенную, но существенную помощь...

Мои офицеры признавались мне, что они против воли поддерживают такой режим, и один из них в моем присутствии сказал в посольстве С. Штатов, что принадлежал к семье, в которой приверженность к законной власти является наследственной, но будь он сибиряк, то предпочел бы Колчаку большевиков. Я сам, ничем не способствовавший возвышению последнего, спрашивал себя не раз, не ложится ли на меня ответственность за преступления, совершаемые ежедневно, в связи с той косвенной поддержкой, которая дала омскому правительству возможность существовать...²⁴⁸

М. Жаненю.

Ж а н е н М. Отрывки из моего сибирского дневника. С. 107.

№ 187

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева, являвшегося осенью и зимой 1919 г. помощником главнокомандующего по хозяйственной части, об А.В. Колчаке

«...Как человек, адмирал Колчак, несомненно, заслужил в полной мере наименования рыцаря без страха и упрека, никогда и ничего лично для себя не искавшего и отдавшего всего себя на служение родине.

Преклоняясь перед рыцарским образом адмирала Колчака, я отнюдь не собираюсь его канонизировать и находить бесспорным все, что он делал как Верховный правитель.

Мне придется в порядке изложения указать на многие его промахи, и особенно на одну его колоссальной важности ошибку, из-за которой, быть может, погибло Сибирское дело, и Россия не обрела своего спасения через Сибирь. Но и при этом я никогда не упущу из виду, что не вина Колчака, если он — выдающийся моряк — оказался совсем несведущим в военно-сухопутном деле и вынужден был слушать советы других, которые оказались не на высоте задачи. Не его также вина, что на его плечи свалилось огромное дело, требовавшее большого и всестороннего опыта по гражданскому управлению, какового опыта у него быть не могло и не оказалось у его помощников, которые уже стояли у власти до него. Он не искал власти, она сама к нему пришла в естестве ореола, которым было окружено его имя задолго до того, что он случайно оказался в Омске в момент избрания диктатора. Трагедия адмирала Колчака, а вместе с тем и трагедия России, явилась результатом чрезвычайно сложной и запутанной обстановки и совокупности самых разнородных сил, тянувших общее дело в разные стороны. Вполне вероятно, что такой всеобъемлющий гений, как Наполеон, сумел выйти с честью и из таких обстоятельств, но ведь Наполеоны не появляются и раз в тысячелетие. Колчак им не был, а обстановка, в которой ему пришлось действовать, оказалась во сто крат сложнее, чем та, с которой столкнулся Наполеон в начале его головокружительной карьеры. Одновременно с Колчаком на Юге России действовал сухопутный генерал Деникин, в полной мере искушенный в ратном деле и окруженный плеядой старых опытных генералов и сливок государственных и общественных деятелей. Но и он не преуспел. Значит, были какие-то общие неумолимые причины нашего неуспеха на всех фронтах Белой борьбы. Это обстоятельство должно быть учитываемо при оценке деятельности адмирала Колчака»²⁴⁹.

Ф и л а т ъ е в Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918—1922. Впечатления очевидца Париж, 1985. С 13, 17—18.

№ 188

Г.К. Гинс об А.В. Колчаке как личности и Верховном правителе России

«...7 февраля в Иркутске национальный вождь — адмирал Колчак был расстрелян без суда и до окончания допроса. Адмирал встретил смерть мужественно, с глубоким презрением к убийцам.

В течение года имя адмирала произносилось в глубине России с благоговением. Его ждали как избавителя. Его имя — это имя целого движения, целой эпохи русской революции.

Адмирал Колчак — одна из наиболее ярких фигур нашего военного мира. Он был хорошо известен за границей еще во время Великой войны, заслужил славу одного из наиболее храбрых и способных морских офицеров и пользовался большим авторитетом.

Во время войны с Германией Колчак отличается сначала в Балтийском море, где маленький русский флот отстаивает побережье от нападений крупных морских сил Германии, а затем, в должности командующего Черноморским флотом, он обеспечивает господство России в Черном море.

Близкие к адмиралу люди рассказывают много интересных случаев из его жизни, в которых проявились особенности характера адмирала. Наиболее известны его смелые выходы в Черноморском флоте, которому он, немедленно по прибытии в Севастополь, приказал выйти в море, в поход, и эффектная сцена, когда адмирал бросил в волны свое Георгиевское оружие, спасая его от матросов-большевиков.

Адмирал присутствовал на заседании Всероссийского правительства, под председательством Керенского, когда тот послал записку генералу Корнилову не быть особенно откровенным, ввиду присутствия некоторых лиц (намекалось на Чернова). Впоследствии адмирал, считая военные силы России разрушенными, предпочел выехать из России и отправился в Америку с официальным ответным визитом американским морякам.

До последнего времени адмирал больше всего ненавидел «керенщину» и, может быть, из ненависти к ней допустил противоположную крайность, излишнюю «военщину»...

Как человек, адмирал подкупал своей искренностью, честностью и прямоотой. Он, будучи скромным и строгим к себе, отличался добротой и отзывчивостью к другим. Чистота его души находила выражение в его обворожительной улыбке, делавшей обычно строгое лицо адмирала детски-привлекательным.

Адмирал был лишен свойств неограниченного властителя. Войскам, желавшим видеть того, за кого они сражаются, он сказал так: «Вы сражаетесь не за меня, а за родину, а я такой же солдат, как и вы».

Адмирал был человеком кабинетным, замкнутым, проводить время за книгой было его любимым занятием. Очень часто он становился угрюмым, неразговорчивым, а когда говорил, то терял равновесие духа, обнаруживал крайнюю запальчивость и отсутствие душевного равновесия. Но он легко привязывался к людям, которые были постоянно возле

него, и говорил с ними охотно и откровенно. Умный, образованный человек, он блистал в задушевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, нисколько не стремясь к тому, очаровать своего собеседника.

Те, кто знал все неприятности, все интриги, окружавшие адмирала, могли только сочувствовать ему и страдать за него. Но те, кто не знал всей обстановки работы Верховного правителя, выносили часто глубокое разочарование и даже раздражение из-за несдержанности и неуравновешенности его характера.

Что-то глубоко трагическое чувствовалось и в наружности, и в характере человека, который был выдвинут судьбой на первое место в антибольшевистской России. Но, как бы ни была интересна личность адмирала, его характеристика в настоящее время не только не может быть отделена, но целиком должна поглощаться характеристикой того политического движения, которое он возглавлял.

Не личным свойствам адмирала надо приписывать победы первого периода его деятельности и поражения второго. Одновременно с Сибирским рухнул и Южнорусский фронт генерала Деникина. Очевидно, в самом фундаменте антибольшевистского государства была гниль, самые стены его были непрочны, самый план постройки был неудачен.

Адмирал сделал все, что мог, и прошел крестный путь. История бережно сохранит его имя, и потомство будет чтить его память...

Мы, современники и участники событий, не можем быть судьями, но мы вправе и обязаны поделиться впечатлениями о том, что пока незаметно прошло для культурных наций...

Мы не можем быть судьями, но мы не можем малодушно и виновато молчать, когда предан и убит тот, кто любил только Россию и ничего не хотел для себя, и когда целиком опорочивают всю деятельность правительства, которое, быть может, заблуждалось или действовало неумело, но ставило себе задачи благоразумные и честные, отвечавшие национальным стремлениям и интересам.

Адмирал Колчак связал свое имя с идеей, во имя которой велась гражданская война, — идеей единой великой России. Его непорочная репутация служила залогом честности движения, и под его знамя встали все противники большевизма. Может быть, в самой идее этого объединения противобольшевистских сил таилась гибель движения? Но эта идея поддерживалась большинством, она воодушевляла, и, по мнению всех сторонников ее, только два человека могли воплотить эту идею: адмирал Колчак и генерал Деникин.

Движение не могло измениться от того, первый или второй был Верховным правителем.

Они действовали единодушно, но другие силы оказались могущественнее их.

Адмирал Колчак был выразителем тех политических течений, которые вошли в русло союзнической ориентации. Нанесено ли поражение этой ориентации? Была ли она ошибкой движения? Адмирал не мог ей изменить по личным убеждениям, и вся почти русская антибольшевистская общественность была на стороне союзников, рассматривая борьбу с большевиками как продолжение антигерманской войны.

Адмирал стоял за Учредительное собрание, и он, несомненно, созвал бы его и передал ему власть.

Не было ли ошибкой откладывание острых вопросов до отдаленного неизвестного момента Учредительного собрания, когда земледельческая Россия требовала ответов сейчас же? И здесь адмирал был выразителем лишь общего единодушного убеждения в неполномочности временного правительства решать основные вопросы устройства государственной жизни. Основные идеи, лозунги и даже метод действий были даны, таким образом, не адмиралом, а эпохой. Судить за них адмирала никто не вправе, выполнение же зависело не от вождя.

Общепризнанный гений Наполеона не спас его армии ни в России, ни в битве при Ватерлоо, и гений бессилён там, где общие условия делают невозможной победу.

Перелистывая страницы непродолжительной, но бурной истории гражданской войны Сибири с большевизмом, мы найдем много ошибок адмирала и в подборе лиц, и в способах действий, но надо знать обстановку и условия работы, чтобы судить, можно ли было поступать иначе.

На Юге России было больше и людей, и культурных средств, но и там антибольшевистские силы понесли серьезное поражение — очевидно, причины поражения лежат глубоко, и поверхностные наблюдения их не откроют.

Будущая Россия оценит благородство адмирала Колчака и воздвигнет ему памятник благодарности, но и нам, современникам, стыдно не отдать должного светлой памяти мужественного и самоотверженного Правителя. Мы должны оградить его имя от несправедливых, клеветнических обвинений. Он был не «врагом народа», а его слугой, но если ему не суждено было сделать для народа то, к чему Российское правительство искренне и упорно стремилось, то это не его вина. Он хотел улучшать благосостояние народной массы, но это оказалось невозможным в условиях непрекращавшейся войны и разрушенного транспорта.

Адмирал Колчак погиб за чужие грехи, и культурный мир должен понять, что предательство по отношению к адмиралу — великое зло-

деяние не только перед Россией, которая лишилась одного из лучших своих граждан, но и перед достоинством наций, флаги которых красовались в столице антибольшевистского движения — Омске и которые приняли под свое покровительство адмирала, и, наконец, перед историей, ибо для нее останется много неизвестных фактов и мыслей, о которых мог бы поведать только адмирал Колчак. Лишь небольшая часть этого богатого материала заключается в полных захватывающего интереса показаниях адмирала в Иркутске.

Скорбный образ адмирала, с его пронизательными и печальными глазами и мученическими линиями лица, будет долго памятен.

Как постоянный укор, будет он преследовать и тех, кто взял на себя неблагодарную роль предателей, и тех, чья вина привела гражданскую войну к ее тяжелому финалу.

Тех же, кто любит Россию, этот образ заставит склонить голову и мучительно вспомнить о неизмеримой глубине бедствий, переживаемых великим государством»²⁵⁰.

Г и н с Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. (Впечатления и мысли члена омского правительства). Пекин, 1921. Т. 1, ч. 1. С. 3—9.

№ 189

Строки сподвижника А.В. Колчака контр-адмирала М.И. Смирнова

«...Десять лет тому назад погиб от рук большевистских палачей доблестный вождь, патриот, любивший свое Отечество выше всего, адмирал Александр Васильевич Колчак...

В течение года его имя произносилось в глубине России с благоговением. Его ждали как избавителя. Его имя — имя целого движения, целой эпохи русской революции. Он связал свое имя с идеей единой великой России. Залогом честности этой идеи служило непорочное имя адмирала, и вокруг него объединились все честные противники большевизма, все искренние русские патриоты. Адмирал Колчак считал, что долг национальной России быть верной союзникам. Эту идею разделяли все вожди противобольшевистских сил. Адмирал дал обещание довести Россию до Национального Учредительного собрания, и он исполнил бы это обещание, если бы обстоятельства не были против него. Не личным свойствам А.В. Колчака надо приписать неудачу его движения. На Юге России за эту же идею боролись и Деникин, и Врангель, вокруг них было гораздо больше культурных сил,

чем в далекой Сибири, но и их борьба не привела к успеху. Очевидно, стихия разрушения была сильнее их.

В личной жизни А.В. Колчак был чрезвычайно искренним, честным, отзывчивым и добрым человеком. Умный, образованный, он очаровывал в задушевной беседе. Прекрасный военный оратор, он краткой образной речью проникал в сердца слушателей и способен был увлекать за собой массы.

Его правилом, как активного военного моряка, было нападать на врага, но он всегда умел взвешивать шансы успеха. В войне на море ему неизменно сопутствовало военное счастье, и операции, которые он вел, всегда были успешны. Не случись революции, Колчак водрузил бы русский флаг на Босфоре.

Предательство адмирала есть великое злодеяние перед Россией.

Его скорбный взгляд, отражавший в себе горе и мучение за несчастья Родины, всегда будет памятен и будет преследовать тех, которые совершили предательство над ним, над Сибирскими армиями и над национальной Россией. Тем же, кто любит отечество, этот взгляд всегда будет напоминать о их великом, еще не исполненном долге перед Родиной.

Вождей гражданской войны принято называть «белыми вождями». Белый цвет есть признак чистоты намерений, честности жизни, искренности души. Ни к кому другому так не подходит название «белый вождь», как к адмиралу Колчаку.

Спи спокойно в земле, доблестный воин, верный сын отечества, национальная Россия не забудет твоих подвигов.

Апрель 1930 г.

Лондон»²⁵¹.

Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. Париж, 1930. С. 59—60.

№ 190

Из дневниковых записей и воспоминаний А.В. Тимиревой (Книпер) об А.В. Колчаке

«Восемнадцати лет я вышла замуж за своего троюродного брата С.Н. Тимирева²⁵². Еще ребенком я видела его, когда проездом — в Порт-Артуре шла война с Японией — он был у нас в Москве. Был он много старше меня, красив, герой Порт-Артура. Мне казалось, что люблю, — что мы знаем в восемнадцать лет! В начале войны с Герма-

нией у меня родился сын, а муж получил назначение в штаб командующего флотом адмирала Эссена. Мы жили в Петрограде, ему пришлось ехать в Гельсингфорс. Когда я провожала его на вокзале, мимо нас стремительно прошел невысокий широкоплечий офицер.

Муж сказал мне: «Ты знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции».

У меня осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага.

Познакомились мы в Гельсингфорсе, куда я приехала на три дня к мужу осмотреться и подготовить свой переезд с ребенком.

Нас пригласил товарищ мужа Николай Константинович Подгурский, тоже портартурец. И Александр Васильевич Колчак был там. Война на море не похожа на сухопутную: моряки или гибнут вместе с кораблем, или возвращаются из похода в привычную обстановку приморского города. И тогда для них — праздник. А я приехала из Петрограда 1914—1915 годов, где не было ни одного знакомого дома не в трауре — в первые же месяцы уложили гвардию. Почти все мальчишки, с которыми мы встречались в ранней юности, погибли. В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-нибудь не было вестей, кто-нибудь был ранен. И все это камнем лежало на сердце.

А тут люди были другие — они умели радоваться, а я уже с начала войны об этом забыла. Мне был 21 год, с меня будто сняли мрак и тяжесть последних месяцев, мне стало легко и весело.

Не заметить Александра Васильевича было нельзя — где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и о чем бы ни говорил — даже о прочитанной книге, — оставалось впечатление, что все это им пережито. Как-то так вышло, что весь вечер мы провели рядом, долгое время спустя я спросила его, что он обо мне подумал тогда, и он ответил: «Я подумал о вас то же самое, что думаю сейчас».

Он входил — и все кругом делалось как праздник; как он любил это слово! А встречались мы нечасто — он был флаг-офицером по оперативной части в штабе Эссена и лично принимал участие в операциях на море, потом, когда командовал минной дивизией, тем более. Он писал мне потом: «Когда я подходил к Гельсингфорсу и знал, что увижу Вас, — он казался мне лучшим городом в мире».

К весне я с маленьким сыном совсем переехала в Гельсингфорс и поселилась в той же квартире Подгурского, где мы с ним встретились в первый раз. После Петрограда все мне там нравилось — красивый, очень удобный, легкий какой-то город. И близость моря, и белые ночи — просто дух захватывало. Иногда, идя по улице, я ловила себя на том, что начинаю бежать бегом.

Тогда же в Гельсингфорс перебралась и семья Александра Васильевича — жена и пятилетний сын, Славушка. Они остановились пока в гостинице, и так как Александр Васильевич бывал у нас в доме, то он вместе с женой сделал нам визит. Нас они не застали, оставили карточки, и мы с мужем должны были ответить тем же. Мы застали там еще нескольких людей, знакомых им и нам.

Софья Федоровна Колчак рассказывала о том, как они выбирались из Либавы, обстрелянной немцами, очень хорошо рассказывала. Это была высокая и стройная женщина, лет 38, наверно. Она очень отличалась от других жен морских офицеров, более интеллектуальна, что ли. Мне она сразу понравилась, может быть, потому, что и сама я выросла в другой среде: мой отец был музыкантом — дирижером и пианистом, семья была большая, другие интересы, другая атмосфера. Вдруг отворилась дверь и вошел Колчак — только маленький, но до чего похож, что я прямо удивилась, когда раздался тоненький голосок: «Мама!» Чудесный был мальчик.

Летом мы жили на даче на острове Бренде под Гельсингфорсом, там же снимали дачу и Колчаки. На лето все моряки уходили в море, и виделись мы часто, и всегда это было интересно. Я очень любила Славушку, и он меня тоже. Помню, я как-то пришла к ним и он меня попросил: «Анна Васильевна, нарисуйте мне, пожалуйста, котика, чтоб на нем был красный фрак, а из-под фрака чтоб был виден хвостик», — а Софья Федоровна вздохнула и сказала: «Вылитый отец!»

Осенью как-то устроились на квартирах и продолжали часто видеться с Софьей Федоровной и редко с Александром Васильевичем, который тогда уже командовал минной дивизией, базировался в Ревеле (Таллинн теперь) и бывал в Гельсингфорсе только наездами. Я была молодая и веселая тогда, знакомых было много, были люди, которые за мной ухаживали, и поведение Александра Васильевича не давало мне повода думать, что отношение его ко мне более глубоко, чем у других.

Но запомнилась одна встреча. В Гельсингфорсе было затемнение — война. Город еле освещался синими лампочками. Шел дождь, и я шла по улице одна и думала о том, как тяжело все-таки на всех нас лежит война, что сын мой еще такой маленький, и как страшно иметь еще ребенка, — и вдруг увидела Александра Васильевича, шедшего мне навстречу. Мы поговорили минуты две, не больше; договорились, что вечером встретимся в компании друзей, и разошлись. И вдруг я отчетливо подумала: а вот с этим я ничего бы не боялась — и тут же: какие глупости могут прийти в голову! И все.

Но где бы мы ни встречались, всегда выходило так, что мы были рядом, не могли наговориться, и всегда он говорил: «Не надо, знаете

ли, расходиться — кто знает, будет ли еще когда-нибудь так хорошо, как сегодня». Все уже устали, а нам — и ему и мне — все было мало, нас несло, как на гребне волны. Так хорошо, что ничего другого и не надо было.

Был как-то вечер в Собрании, где все дамы в русских костюмах, и он попросил меня сняться в этом костюме и дать ему карточку. Портрет вышел хороший, и я ему его подарила. Правда, не только ему, а еще нескольким близким друзьям. Потом один знакомый сказал мне: «А я видел ваш портрет у Колчака в каюте». — «Ну что ж такого, — ответила я, — этот портрет не только у него». — «Да, но в каюте у Колчака был только ваш портрет и больше ничего».

Потом он попросил у меня карточку меньшего размера, «так как большую он не может брать с собой в поход».

Так прошли 1915-й и 1916 годы до лета...

...Я сказала ему, что люблю его. И он ответил: «Я не говорил вам, что люблю вас». — «Нет, это я говорю: я всегда хочу вас видеть, всегда о вас думаю, для меня такая радость видеть вас, вот и выходит, что я люблю вас». И он сказал: «Я вас больше чем люблю».

Потом он уехал. Провожало его на вокзале много народу. Мы попрощались...

Недели через две вечером... матрос Черноморского флота... передал мне письмо...

Эффект был необычайный...

Письма приходили часто — дня через три, то по почте, то с оказией...

А С.Ф. Колчак собиралась ехать в Севастополь.

...Она была очень хорошая и умная женщина и ко мне относилась хорошо. Она, конечно, знала, что между мной и Александром Васильевичем ничего нет, но знала и другое: то, что есть, — очень серьезно, знала больше, чем я. Много лет спустя, когда все уже кончилось так ужасно, я встретила в Москве с ее подружкой, вдовой адмирала Развозова, и та сказала мне, что еще тогда С.Ф. говорила ей: «Вот увидите, что Александр Васильевич разойдется со мной и женится на Анне Васильевне». А я тогда об этом и не думала: Севастополь был далеко, ехать туда я не собиралась, но жила я от письма до письма, как во сне, не думая больше ни о чем.

Осенью С.Ф. уехала с сыном в Севастополь...

Революция — Февральская — шла полным ходом. Мой муж срочно уехал в Ревель на корабль, которым тогда командовал. В Гельсингфорсе был убит адмирал Непенин — убит зверски, убито несколько

знакомых мне офицеров. В Кронштадте — тоже. Что в Ревеле — неизвестно. Что в Севастополе — неизвестно...

Мы ехали во Владивосток — мой муж, Тимирев, вышел в отставку из флота и был командирован советской властью туда для ликвидации военного имущества флота...

Но события принимали другой оборот. В Харбине тогда царь и бог был генерал Хорват — сформировались воинские части против советской власти, — Александр Васильевич решил посмотреть на месте, что там происходит. Так он оказался в Харбине.

В последнем письме он писал, что, где бы я ни была, я всегда могу о нем узнать у английского консула и мои письма будут ему доставлены. И вот мы во Владивостоке. Первое, что я сделала, — написала ему письмо, что я во Владивостоке и могу приехать в Харбин. С этим письмом я пошла в английское консульство и попросила доставить его по адресу. Через несколько дней ко мне зашел незнакомый мне человек и передал мне закатанное в папиросу мелко-мелко исписанное письмо Александра Васильевича.

Он писал: «Передо мной лежит Ваше письмо, и я не знаю — действительность это или я сам до него додумался...»

Я решила ехать. Мой муж спросил меня: «Ты вернешься?» — «Вернусь». Я так и думала, я только хотела видеть Александра Васильевича, больше ничего. Я ехала как во сне. Стояла весна, все сопки увели черемухой и вишней — белые склоны, сияющие белые облака. О приезде я известила Александра Васильевича, но на вокзале меня встретила Женя, сказала, что Александр Васильевич в отъезде, и увезла меня к себе.

А Александр Васильевич встречал меня, и мы не узнали друг друга: я была в трауре, так как недавно умер мой отец, а он был в защитного цвета форме. Такими мы никогда друг друга не видали. На другой день я отыскала вагон, где он жил, не застала и оставила записку с адресом. Он приехал ко мне. Чтобы встретиться, мы с двух сторон объехали весь земной шар, и мы нашли друг друга.

Он навецал меня в той семье, где я жила, потом попросил меня переехать в гостиницу, днем он был занят, мог приходить только вечером, и всегда это была радость.

А время шло, мне пора было уезжать — я обещала вернуться. Как-то я сказала ему, что пора ехать, а мне не хочется уезжать.

— А вы не уезжайте.

Я приняла это за шутку — но это шуткой не было.

— Оставайтесь со мной, я буду вашим рабом, буду чистить ваши ботинки, вы увидите, какой это удобный институт.

Я только смеялась. Но он постоянно возвращался к этому. Наконец я сказала:

— Конечно, человека можно уговорить, но что из этого выйдет?

— Нет, уговаривать я вас не буду — вы сами должны решить.

...Я приехала во Владивосток, чтобы окончательно покончить со своей прошлой жизнью. За месяц, что я провела в таком тесном общении с Александром Васильевичем, я привыкла к полной откровенности и полному пониманию, а тут я точно на стену натолкнулась.

— Ты не понимаешь, что ты делаешь, ты теряешь себя, ты погибнешь и т. д. и т. п.

Мне было и жалко и больно — непереносимо.

Я уехала разбитой и измученной, поручив своим друзьям Крашенинниковым не оставлять моего мужа, пока он в таком состоянии. Я знала, что все, что можно, они сделают.

Был июнь (июль?) месяц²⁵³, ясные дни, тихое море. Александр Васильевич встретил меня на вокзале в Токио...

Александр Васильевич увез меня в Никко, в горы.

Это старый город храмов, куда идут толпы паломников со всей Японии, все в белом, с циновками-постелями за плечами. Тут я поняла, что значит — возьми одр свой и ходи: одр — это просто циновка. Везде бамбуковые водопроводы на весу, всюду шелест струящейся воды. Александр Васильевич смеялся: «Мы удалились под сень струй...»

В самые последние дни его, когда мы гуляли в тюремном дворе, он посмотрел на меня, и на миг у него стали веселые глаза, и он сказал: «А что? Неплохо мы с вами жили в Японии». И после паузы: «Есть о чем вспомнить». Боже мой...

Как трудно писать то, о чем молчишь всю жизнь, — с кем я могу говорить об Александре Васильевиче? Все меньше людей, знавших его, для которых он был живым человеком, а не абстракцией, лишенной каких бы то ни было человеческих чувств. Но в моем ужасном одиночестве нет уже таких людей, какие любили его, верили ему, испытывали обаяние его личности, и все, что я пишу, — сухо, протокольно и ни в какой мере не отражает тот высокий душевный строй, свойственный ему. Он предъявлял к себе высокие требования и других не унижал снисходительностью к человеческим слабостям. Он не разменивался сам, и с ним нельзя было размениваться на мелочи — это ли не уважение к человеку?

И мне он был учителем жизни, и основные его положения: «ничто не дается даром, за все надо платить — и не уклоняться от уплаты» и «если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу — тогда не так страшно» — были мне поддержкой в трудные часы, дни, годы.

И вот, может быть, самое страшное мое воспоминание: мы в тюремном дворе вдвоем на прогулке — нам давали каждый день это свидание, — и он говорит:

— Я думаю, — за что я плачу такой страшной ценой? Я знал борьбу, но не знал счастья победы. Я плачу за вас — я ничего не сделал, чтобы заслужить это счастье. Ничто не дается даром.

...Никогда я не говорила с А.В. о его отношении к семье, и он только раз сказал о том, что все написал С.Ф. Как-то раз я зашла к нему в кабинет и застала его читающим письмо — я знала ее почерк, мы переписывались, когда она уехала в Севастополь. Потом он мне сказал, что С.Ф. написала ему, что хочет только создать счастливое детство сыну²⁵⁴. Она была благородная женщина.

После смерти А.В. она хотела получить его записи, попавшие в Пражский музей, их ей не выдали. И хорошо сделали — в основном это были адресованные мне и неотправленные письма. Эти письма через 50 лет я получила (переписанные для меня из московского архива), ей не надо было их читать, это свидетельство его любви, несмотря на сдержанность тона и на то, что из них ясно отсутствие между нами близости.

Я вспоминаю ее с уважением и душевной болью, но ни в чем не упрекаю себя. Иначе поступить я не могла.

Из Омска я уехала на день раньше А.В. в вагоне, прицепленном к поезду с золотым запасом, с тем, чтобы потом переселиться в его вагон. Я уже была тяжело больна испанкой, которая косила людей в Сибири. Его поезд нагнал наш уже после столкновения поездов, когда было разбито несколько вагонов, были раненые и убитые. Он вошел мрачнее ночи, сейчас же перевел меня к себе, и началось это ужасное отступление...

И ему, и мне трудно было — и черной тучей стояло это ужасное время, иначе он его не называл. Но это была настоящая жизнь, ничем не заменимая, ничем не замененная. Разве я не понимаю, что даже если бы мы вырвались из Сибири, он не пережил бы всего этого: не такой это был человек, чтобы писать мемуары где-то в эмиграции в то время, как люди, шедшие за ним, гибли за это и поэтому.

Последняя записка, полученная мною от него в тюрьме, когда армия Каппеля, тоже погибшего в походе, подступала к Иркутску: «Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось — только бы нам не расставаться».

И я слышала, как его уводят, и видела в волчок его серую папаху среди черных людей, которые его уводили.

И все. И луна в окне, и черная решетка на полу от луны в эту февральскую лютую ночь. И мертвый сон, сваливший меня в тот час, когда он прощался с жизнью, когда душа его скорбела смертельно. Вот так, наверное, спали в Гефсиманском саду ученики. А наутро — тюремщики, прятывшие глаза, когда переводили меня в общую камеру. Я отозвала коменданта и спросила его:

— Скажите, он расстрелян? — И он не посмел сказать мне «нет».

— Его увезли, даю вам честное слово.

Не знаю, зачем он это сделал, зачем не сразу было узнать мне правду. Я была ко всему готова, это только лишняя жестокость, комендант ничего не понимал.

Полвека не могу принять —
Ничем нельзя помочь —
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.
Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

30 января 1970 г.»²⁵⁵.

К н и п е р А.В. С Александром Васильевичем Колчаком // Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Т. 1. С. 123—142.

№ 191

Историк С.П. Мельгунов об А.В. Колчаке как Верховном правителе России и личности

«Глава I

ДИКТАТОР

1. Черты для характеристики*

Для биографа всегда целесообразнее дать общую характеристику личности после того, как перед читателем пройдет вся жизнь человека, жизнеописанию которого он посвящает свой труд. Но я не пишу биографии Колчака. Присущие его образу индивидуальные черты нужны мне лишь для обрисовки эпохи, нужны постольку-поскольку эти

*Из подстрочий составителем исключена полемика С.П. Мельгунова с другими авторами. Оставлены лишь отдельные пояснения, примечания.

черты характера Верховного правителя накладывали свой отпечаток на текущие события. Вникнув в психологию того, кому суждено было принять на себя бразды правления, выпадавшие из ослабевших рук общественных группировок, пожалуй, отчетливее представишь себе и самый омский переворот 18 ноября.

Какими побуждениями руководился Колчак в своей сибирской деятельности?

Ярко и образно отвечает на этот вопрос барон Будберг, сам подведший в дневнике итоги тех наблюдений и суждений, иногда резких и односторонне субъективных, которыми переполнены его записи о личности и деятельности Верховного правителя.

Оставив пост управляющего военным министерством и возвращаясь в Харбин «с разбитыми вдребезги иллюзиями о возможности скорого избавления России от навалившейся на нее красной погони и ее белой разновидности — атамандины всех видов и калибров»... Будберг в записи дневника 26—31 октября 1919 г. дает такую общую характеристику Колчака.

«Характер и душа адмирала настолько налицо, что довольно какой-нибудь недели общения с ним для того, чтобы знать его наизусть.

Это большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее России; несомненный неврастеник, быстро вспышкающий, чрезвычайно бурный и несдержанный в проявлении своего неудовольствия и гнева... ради этой идеи его можно уговорить и подвигнуть на все, что угодно; личного интереса, личного честолюбия у него нет, и в этом отношении он кристально чист.

Он бурно ненавидит всякое беззаконие и произвол, но по несдержанности и порывистости характера сам иногда неумышленно выходит из рамок закона и при этом преимущественно при попытках поддержать этот самый закон и всегда под чьим-нибудь посторонним влиянием.

Жизни в ее суровом, практическом осуществлении он не знает и живет миражами и навязанными идеями. Своих планов, своей системы, своей воли у него нет, и в этом отношении он мягок, как воск, из которого советники и приближенные лепят что угодно, пользуясь тем, что достаточно облечь что-нибудь в форму необходимости, вызываемой благом России и пользой дела, чтобы иметь обеспеченное согласие адмирала...

Тяжело смотреть на адмирала, когда неожиданно он наталкивается на коллизию разных мнений, и ему надо принять решение; видно, что он боится не ответственности решения, а принятия неверного, вредного для всепоглощающей его идеи решения...

Он... болезненно реагирует на все, что становится на пути осуществления главной задачи спасения и восстановления России, причем, как и во всем, тут нет ничего личного, эгоистического, честолюбивого...

Попав на высший пост военного командования, адмирал, со свойственной ему подвижнической добросовестностью, пытался получить не приобретенные раньше знания, но попал на очень скверных и недобросовестных учителей, давших ему то, что нужно было для назначения адмирала в желательном для них духе...

На свой пост адмирал смотрит как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше, и мне думается, что едва ли есть еще на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренно, убежденно, проникновенно и рыцарски служит идее восстановления единой великой и неделимой России. Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый, детски и благородно доверчивый. Вечно мятущийся в поисках лучших решений и спасительных средств; вечно обманываемый и обманываемый, обуреваемый жаждой личного труда, примера и самопожертвования; не понимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться; далекий от того, что вокруг его и его именем совершается...»

Действительно, нельзя отказать автору дневника в образности изображения. Его зарисовка как бы фотографически запечатлевается в восприятии. Но насколько она соответствует действительности под пером человека, чрезмерно любящего аналитически «разглядывать жизнь» и слишком уверенного в познании истины?

Одна черта преобладает во всей этой характеристике. Будберг приехал в Омск с некоторым предубеждением против Колчака; по харбинским рассказам и впечатлениям других он думал встретить скорее «самовластного и шалого самодура». «Совершенно ошибся», — записывает он после первого же свидания... И во всех последующих призывах он подчеркивает исключительный идеализм, которым веяло от всей фигуры «полярного мечтателя».

Не один Будберг выносит такое впечатление. Вернувшийся из Омска в Харбин генерал Флуг передает Будбергу, что адмирал «чище, честнее, идейнее всех»... Эти свойства не могли не очаровать тех, которые подходили к Колчаку не с мерилom формальных и трафаретных политических оценок и которые искали, как, например, беллетрист Ауслендер, прежде всего «подлинной человечности»... Подобное очарование отнюдь не являлось результатом искусного приема, примененного опытным *charmeur*'ом, — увлекала та про-

стота, внимательность, отзывчивость и непосредственность, с которой Колчак, внешне замкнутый даже в отношении близких, обращался к новому лицу...

По-видимому, самая внешность подкупала. «Этот человек одной наружностью внушает доверие», — пишет в июне 1919 г. один солдат, впервые увидавший адмирала. Нервный, порывистый, с правильными, волевыми чертами лица, с подвижными, умными глазами (впечатление профессора Лёгра), с какой-то горькой и странной складкой в губах — Колчак не мог не привлекать к себе внимания и симпатий.

Колчак был человек порыва и повышенной нервозности, которую он сам в таких словах характеризовал на допросе: «Я бываю очень сдержанным, но в некоторых случаях я взрываюсь». Он действительно был весь соткан из нервов. «Мне всегда казалось, — говорит Струве, — что у него слишком много нервов, слишком много того, что в научном физиологическом смысле называется чувствительностью»... Другими словами, у Колчака был холерический темперамент. Он быстро переживал каждое свое ощущение и при отсутствии лукавства и скрытности бурно реагировал на события. Всякая неприятность отражалась на его внешности (Иностранцев). «Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет, то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников» (Будберг...).

Все эти черты были бы пагубны для дела, если бы Колчак в эксцессах гнева терял чувство меры, принимал решения, диктуемые повышенной восприимчивостью, — «рыцарь подвига» мог сделаться насадителем произвола и насилия. Этого не было. Колчак не только был отходчив, но с чрезвычайной легкостью признавал и свою неправоту (особенно если он нарушал своими действиями «закон») и шел на уступки, которые некоторые из окружавших склонны были приписывать исключительно слабости воли. Ближайшие сотрудники адмирала, по-видимому, быстро приспособлялись к его неуравновешенности и не чувствовали моральной тяжести от бурных выходов своего шефа. Он кромсал перочинным ножом ручки своего кресла, бурлил — «нахохлится, но терпеливо слушает», по выражению Будберга. Людей с таким характером легко можно полюбить — им охотно прощают лишнюю подчас резкость. Такие люди лести не любят, к интригам не склонны. Перед ними безбоязненно можно говорить откровенно. Будберг передает довольно характерный эпизод. Рассказан он им в целях показать «печальное воздействие старших военных начальников на адмирала», ко-

торый принял орден Георгия III степени за взятие Перми. «Я не знал этого пожалования, — рассказывает Будберг, — и, видя на адмирале шейного Георгия, думал, что он получил его во флоте в прошлую войну; поэтому когда Лебедев в вагоне адмирала заговорил о пожаловании Георгиевских крестов за какой-то бой, то я, не стесняясь в выражениях, высказал свой взгляд на позорность такого награждения во время гражданской войны. Только после, когда мне объяснили, в чем дело, я понял ошалевшие взгляды и отчаянные жесты присутствовавших, делаемые мне с соседнего с адмиральским стола»... Конечно, отношение адмирала к Будбергу не изменилось от невольной бестактности последнего.

Резкость адмирала шокировала иностранцев. Надо сказать, однако, тех из них, которые с самого начала встали в довольно враждебное отношение к Колчаку, как это было с представителями французской военной миссии во главе с генералом Жаненом. Очевидно, здесь дело было не в экспансивности Верховного правителя, который не умел скрывать своих переживаний и с излишней откровенностью подчас их высказывал. Штефаник будто бы сказал: «Думал встретить диктатора, а нашел больного в 39-градусной горячке»... Конечно, для руководителя высшей политикой это было минусом, ибо жизнь требовала часто умения приспособляться к дипломатической фальши.

Нервность Колчака повышалась в связи с неудачами в Сибири. При его впечатлительности это было естественно. Колчак всего себя отдавал служению родине и готов был требовать такой же жертвенности от других. Поистине Колчак душою болел о России. И не приходится издеваться над «расшатанными нервами» Верховного правителя, как это делает автор из «Чехо-Сл. Дневника»²⁵⁶. Болезненность переживаний чрезвычайно усилилась к октябрю, когда началась сибирская катастрофа. Генерал Иностранцев, назначенный 19 мая генералом для поручений при Колчаке и отмечающий его «деловитость и понимание», в октябре уже не узнает адмирала — перед ним больной человек с воспаленными от бессонницы глазами. В дни эвакуации Омска это «нравственно измученный человек»... Почему? Это станет ясно, когда мы познакомимся с фактами, которыми отмечен первый год диктатуры Верховного правителя.

Генерал Жанен с легкостью утверждает, что Колчак был морфинистом... Откуда получил он такие данные? Никто другой об этом не говорит. Все, кого я спрашивал, решительно отрицают это. Приходится думать, что шеф французской военной миссии вновь почерпнул информацию от одного из своих многочисленных «тайных агентов».

* * *

«Бедный и беспомощный идеалист»... Честный, искренний, прямой — этот человек «мягкий воск», из которого можно лепить все, что угодно. «Скорее хорошего можно было бы сделать из этого вспыльчивого идеалиста, полярного мечтателя и жизненного младенца, если бы слабой волей руководил кто-нибудь сильный и талантливый и руководил так же искренне и идейно. Как искренен и предан идее службы России сам адмирал».

Будберг — чрезвычайно субъективный наблюдатель с гипертрофией чувства критики. К его выводам надо относиться с большой осторожностью. Но то, что он так высоко ставил моральные качества характеризуемого лица, само по себе знаменательно. Слабоволие как-то не вяжется в моем представлении с большой доверчивостью к людям... Доверчивость отнюдь не синоним слабости воли и податливости чужому влиянию. Будберг старается вести параллель между императором Николаем и Колчаком. Между тем трудно себе представить более разные типы:

Другой наблюдатель, Гинс, имевший возможность близко подойти к интимным переживаниям адмирала в течение десятидневной совместной поездки в октябре в Тобольск, в конце концов разочарованно замечает: «Человек корабельной каюты, не привыкший управлять живыми существами. Наивный в социальных и политических вопросах... Да, это «редкий по искренности патриот, горячий, честный, не умеющий лукавить, умный по натуре, чуткий, темпераментный, но...» У Гинса, как было уже сказано, особый подход — он отторгается от того, что участвовал в проведении кандидатуры «неудачливого диктатора». Для политики Гинса Колчак как бы слишком примитивен. «Бонапарт не может появиться среди моряков, — устанавливает уже общий тезис мемуарист: — Адмирал командует флотом из каюты, не чувствуя людей, играя кораблями»... Колчак был прежде всего моряк по привычке: «Он добр и в то же время суров; отзывчив — и в то же время стесняется человеческих чувств, скрывает мягкость души напускной суровостью. Он проявляет нетерпеливость, упрямство, выходит из себя, грозит — и потом остывает, делается уступчивым, разводит безнадежно руками. Он рвется к народу, солдатам, а когда видит их, не знает, что им сказать».

Так ли это? Не придумана ли такая концепция? Колчак — прекрасный, по-видимому, оратор, не умел говорить с массами?.. А его выступления в Черноморском флоте в те тревожные дни, когда современник очевидец записал: «Колчак один на высоте?» Колчак, под-

держанный партией эсеров, усиленно выступает в ряде митингов. Предоставляю слово этому современнику:

«Я помню один из колоссальных митингов в цирке, где собралось несколько тысяч матросов. Здесь, в месте, где играл оркестр, собрался весь президиум Совета рабочих и солдатских депутатов. Цирк жужжал, как улей, когда раздался звук колокольчика и председатель, Конторович, отчетливо произнес:

— Слово принадлежит командующему флотом товарищу адмиралу Колчаку...

Настала мертвая тишина, и когда во весь свой рост поднялся, опираясь на барьер ложи, адмирал Колчак, то цирк разразился неистовыми аплодисментами, и не скоро адмирал мог начать свою речь.

В своей красиво построенной речи, понятным, простым языком адмирал нарисовал картину развала армии, нарисовал то печальное и позорное будущее, что ожидает страну при поражении. Он сказал, что благодаря своей сознательности во всей России только Черноморский флот сохранил свою мощь, свой дух, веру в революцию и преданность родине, и теперь — долг флота из своей среды выделить тех, кто сумеет увлечь за собой армию на подвиги, что «сказкой казарменной стали». Бесконечные аплодисменты раздались в ответ на слова адмирала. Был такой подъем, такой взрыв искреннего патриотизма, что снова поверилось в русский народ, снова казалось, что не все потеряно...

Тогда родилась «Черноморская делегация», которая увлекла за собой полки на галицийском фронте, в большинстве — погибла во главе этих полков»...

Достаточно указать, что даже такие пристрастные исследователи, как большевистские историки, должны признать, что Колчаку удалось благодаря личному влиянию добиться «огромных успехов» в Севастополе.

Мы часто склонны считать людей, которых мы понимаем, и наивными, и элементарными. Если запальчивость отличительная черта моряков, то Колчак типичный моряк. Но он далеко не морской волк изображения Станюковича; это не шаблонный тип, который создает бытовая специфическая обстановка. Это моряк совершенно незаурядный. Человек очень определенных и своеобразных взглядов. Взгляды его можно не разделять, можно оспаривать, но нельзя им отказать в большой оригинальности.

Психология и мирозерцание Колчака многим из нас будут чужды. Их, во всяком случае, не поймут те, которые меряют только по признанному трафарету. Для иных достаточно прочесть свидетельство Гин-

са, что Колчак с интересом читал «Протоколы сионских мудрецов» и был пропитан антимасонскими настроениями, — и облик адмирала безнадежно потускнеет в их представлении; достаточно им узнать, что адмирал высоко ставил старый устав о полевой службе, одно из «самых глубоких и самых обдуманых военных положений», считая его настоящим «кодексом диктатуры», т. е. кодексом чисто военного управления... и адмирал станет для них уже не только «политически наивным», а прямым реакционером в общепринятом смысле этого слова, между тем назвать адмирала реакционером, по образному выражению Будберга, было бы «подлостью».

Колчак был, несомненно, прогрессивный человек, чуждый, правда, трафаретной политики. Он ее не понимал, ею не интересовался, потому что на первом плане для него стояла «великая военная идея». И он строит себе особую социологию в духе «Трех разговоров» Вл. Соловьева: «Война для него «великое честное и святое дело». Война очищает человека, уничтожает того зверя, который господствует над миром, над человеческой массой. Идеология социализма бессильна побороть эти исторически сложившиеся силы. Война в этих условиях приобретает высший религиозный и метафизический смысл — он выше «справедливости», выше личной жизни... Эта иррациональная — по собственным словам Колчака — основа делает войну началом как бы очистительным, несмотря на то что война сама по себе связана со многими отрицательными явлениями. Так смотрел Колчак на мировую войну. Для него она была подлинно «великой». Она дала ему полную компенсацию, даже «счастье и радость». Может быть, это была одна из тех «диких фантазий», которыми он иногда руководствовался в жизни». В Японии он часами сидит перед камином и наблюдает за клинком кинжала, который в его сознании начинает оживать внутренне в нем скрытой силой. Здесь скрыта как бы часть этой живой души войны. Колчак начинает понимать сокровенный смысл старинного японского культа «холодной стали».

Колчак прежде всего «солдат». Он с гордостью чувствует себя офицером, который должен получать и отдавать приказания. Он с большим сочувствием отмечает слова одного японского деятеля: «Дисциплина есть основание свободы» — дисциплина истинное выражение свободы. Поэтому ему так трудно приказывать, не располагая силами для выполнения (Черноморский флот в революционные дни). Это — ужасное состояние».

Подобная концепция не случайна для Колчака. Она продумана им. Он вдумчиво и долго изучает вопрос. Метафизика для него не

временное отвлечение от тяжелой действительности, не забава ума и воображения. Нет, вся система выработанных взглядов соответствует сущности его натуры. Мы узнаем, что полярный искатель, специалист в той отрасли науки, в которой как бы отсутствуют черты натурфилософии, тщательно читает Ф Кемпийского и Тертуллиана. Это он делает во время поста. Уже в период первого своего плавания он занимается буддийской литературой и изучает философию Конфуция. Буддийские гностики соответствуют его душевным настроениям. В монашеских орденах воинствующего буддизма он находит ту дисциплину, которая одна укрепляет волю. И он вслед за буддийскими сектантами склонен видеть в дисциплине своего рода искусство, которое можно развить специальными приемами, чтобы читать в подлиннике Конфуция — одного из «величайших мыслителей», — Колчак изучает язык. Переводит Суна, которого считает одним из самых выдающихся военных мыслителей эпохи VI столетия до Р.Х.

Мы видим, что все это несколько необычно для «узкого моряка». «Мечтатель» об «общем благе» целиком погружается в свои мысли. Они его так захватывают, что свою практическую жизнь он строит в соответствии с догмой. В годы войны он почти фанатик идеи служения Родине. Только дикость Гойхбарга²⁵⁷ может говорить об «измене» России в момент поездки в Америку. Колчака чрезвычайно не удовлетворяют те взгляды на войну, с которыми он сталкивается в демократической стране.

Войну можно вести, только желая ее. Демократия войны не хочет. Америка ведет войну только со своей узкой национальной точки зрения. Такая психология в данный момент Колчаку кажется абсурдной. «Мне нет места здесь, — записывает он. — Я оказался на положении близком к кондотьеру, предложив чужой стране свой военный опыт, знания, а в случае надобности, голову и жизнь в придачу».

Интересы родины требуют, однако, действия. «Победа над Германией единственный путь ко благу родины» <...> «Я считал, — говорит он в своих показаниях, — что то направление, которое приняла политика правительства (правительства чисто «захватного порядка»), которое начало с заключения Брестского договора и разрыва с союзниками, приведет нас к гибели. Уже один этот факт, обеспечивающий господство немцев над нами, говорил за то, что это правительство действует в направлении нежелательном, отвечающем чаяниям немецких политических кругов»... Поэтому Колчак с «восторгом» принимает вновь предложение английского правительства ехать на Месопотамский фронт.

В записках Колчака, которыми мы пользуемся²⁵⁸, имеется почти провиденциальная отметка по поводу одного сообщения о смерти от холеры: «Неважная смерть, но много лучше, чем от рук сознательного пролетариата или красы и гордости революции». Этой судьбы не избежал Колчак. Слишком остро в нем было ощущение поруганной чести. «Испытал чувство, похожее на стыд, при виде порядка и удобства жизни», — говорит он о своем пребывании во время войны в Лондоне. Две войны и революция сделали нас инвалидами: «Отцы социализма давно уже перевернулись бы в гробах при виде практического применения их учений». Колчак принимает гражданскую войну как неизбежное очистительное зло: нет другого пути возрождения нации. Для Колчака общество, не желающее бороться, не существует... Поэтому он сторонится беженцев в Японии и живет там одиноко. Все его помыслы направлены к отысканию путей служения стране.

Может быть, я невольно не всегда точно и ясно изложил чуждое мне мирозерцание Колчака. Для этих штрихов я заглянул в интимную переписку покойного «мечтателя».

* * *

Разрушение заложено в основание человека — так смотрел Колчак на революцию. Истерической толпой легко овладеть. Но «я не создан быть демагогом». Поэтому и испытывает Колчак такое «отвращение» к политике. Но это «отвращение» вовсе не означает приверженности к старому дореволюционному режиму, о чем его с пристрастием допрашивала иркутская «следственная» комиссия. Колчак ей ответил: «У вас под монархистом понимается человек, который считает, что только эта форма правления может существовать. Как я думаю, у нас (т. е. у офицеров) таких людей было мало... Для меня лично не было даже такого вопроса — может ли Россия существовать при другом образе правления. Конечно, я считал, что она могла бы существовать»...

Нет основания предполагать, что многократные утверждения Верховного правителя о передаче власти по установлении нормальных условий Учредительному собранию того или иного наименования являются тактической мимикрией, позой перед Европой и Америкой. Поручкой была «кристальная честность», которой отмечен характер омского «диктатора». Колчак говорил о созыве Представительного собрания в первом же интервью с представителями печати, он определенно подчеркнул это в речи 23 февраля на объ-

единенном заседании Городской думы и Земства в Екатеринбурге. Эта речь даже на Кроля произвела «прекрасное впечатление» — другие называли ее «струей свежего воздуха в спертую и удушливую атмосферу тыловой жизни»...

Для Колчака диктатура во всяком случае не была чем-то самодевулирующим. Он не держался власти из-за личных побуждений...

Простота в быте и обхождении была отличительной чертой омского диктатора...

Этот человек не любил лести и «в действительности был чужд наклонностей автократа» (интервью Вологодского в «Заре»). В нем была та своего рода «величественность», которая не достигается никаким внешним блеском одеяния и поз.

* * *

И еще одну черту надо отметить для характеристики «кровавого» диктатора. По-видимому, по натуре это был удивительно мягкий человек, умевший нисходить к недостаткам других и всегда боявшийся быть жестоким по отношению к людям. Возможно, что сентиментальность вообще не подходила к суровому времени. Недаром большевики, вышедшие из недр интеллигенции и опровергшие всем своим существованием былой тезис «Вех» о неспособности интеллигенции держаться за власть, оказались в период гражданской войны победителями: они показали, каких внешних результатов можно достигнуть последовательным и циничным насилием. Для всех будущих диктаторов они дали показательный урок. Сибирская «деспотия» носила иной характер. И при ней были эксцессы. Пожалуй, слишком много. Повторяющиеся эксцессы становятся, конечно, системой. Но сам диктатор, более чем кто-либо, морально страдал от того, что давала сибирская жизнь, — он так же «бурно» ненавидел и насилие. С горечью он сознавал, что это насилие творится все же его именем... Колчак «хороший человек, патриот... К сожалению, ему приходится бороться с саранчой справа и слева», — писал один солдат с фронта 19 июня.

Это наивно-грубое выражение известного нам солдата дает, в свою очередь, ответ тем политическим противникам Верховного правителя, которые пытаются его сделать как бы символом «самой мрачной реакции».

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. III. Т. 1. С. 9—23, 25, 28, 31—36.

Историк П.Н. Милюков об А.В. Колчаке как Верховном правителе России и личности

«...Роль Колчака в перевороте была менее всего активной. Выдвинутый офицерством благодаря личной репутации человека высоких моральных качеств, глубокого знатока в своей специальности военноморского дела, притом обладающего огромной инициативой и «железной волей», Колчак, в сущности, мало подходил к той роли, которую на него возложили. Он взял ее на себя из чувства долга, как гражданского, так и военного, — как взял бы всякое поручение, исходящее от признанной им власти и направленное к спасению родины путем применения силы. В Омск он приехал только 7—8 ноября²⁵⁹, проездом на Юг, к ген [ералу] Алексееву, которому намеревался предложить свои силы на других фронтах в рядах союзников, американцев или англичан (к японцам, особенно после их двусмысленной политики при его попытке сформировать войска для генерала Хорвата, Колчак относился отрицательно — и отношение это было взаимное). Знание морского дела не могло, конечно, быть применено к сухопутной войне. Легенда о «железной воле» Колчака очень скоро разрушилась, и люди, хотевшие видеть в нем «диктатора», должны были разочароваться. Человек тонкой духовной организации, чрезвычайно впечатлительный, более всего склонный к углубленной кабинетной работе, Колчак влиял на людей исключительно своим моральным авторитетом, но не умел управлять ими. К тому же он приехал в Омск после ряда пережитых нервных потрясений. И ранее склонный предаваться порывам внезапного гнева, который принимали за обнаружение сильной воли, Колчак становился все нервнее, нетерпеливее и раздражительнее в несвойственной ему роли Верховного правителя и в омской обстановке, шедшей совершенно вразрез с его обычными вкусами.

Основные условия были так же неблагоприятны, как и субъективные. Колчак принял власть в такой момент, когда предприятие, которое он должен был привести к успешному окончанию, было уже в значительной степени подорвано. Чехи — главная военная сила на фронте — уже начали эвакуацию Челябинского фронта...»

М и л ю к о в П. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 2. Антибольшевистское движение. Париж, 1927. С. 51—53.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ К ЧАСТИ I

¹ **Мельгунов Сергей Петрович (1879—1956)** — русский историк, профессор, публицист и политический деятель, один из руководителей Партии народных социалистов. Октябрьский переворот встретил враждебно. В 1923 г. эмигрировал за границу, где участвовал в издании журнала «Голос минувшего на чужой стороне».

² **Милюков Павел Николаевич (1859—1943)** — русский историк и политический деятель, лидер Партии народной свободы (конституционно-демократической). Депутат Государственной думы 3-го и 4-го составов. После Февральской революции входил во Временное правительство России в качестве министра иностранных дел. Принимал участие в борьбе против власти большевиков. В 1920 г. эмигрировал за границу. В период 2-й мировой войны способствовал росту вооруженного сопротивления французских патриотов гитлеровцам.

³ **Смирнов Михаил Иванович (1879 — 1940)** — контр-адмирал, закончил Морской кадетский корпус несколькими годами позже А.В. Колчака. Участник 1-й мировой войны, служил в составе Балтийского флота. В 1916 г. вместе с Колчаком переведен на Черноморский флот. Флаг-капитан, затем начальник штаба флота. В 1917—1918 гг. в составе военно-морской миссии во главе с Колчаком в США. Управляющий морским министерством правительства А.В. Колчака, одновременно командующий Камской речной военной флотилией с 1920 г. — в эмиграции. Организовывал получение помощи семье Колчака, его сыну — высшего образования.

⁴ **Колчак Ростислав Александрович (1910—1965)**, сын А.В. Колчака. Вместе с матерью Софьей Федоровной после отъезда отца в июне 1917 г. из Севастополя (в Петроград, а затем во главе военно-морской миссии в США) оставался в этом приморском городе. Грянувшая затем Гражданская война разлучила его с отцом навсегда. В 1919 г. с матерью эмигрировал во Францию. В 1939—1940 гг. служил во французской армии, участвовал во 2-й мировой войне, испытал немецкий плен. Умер в Париже, лишь на 10 лет пережив свою мать. В Париже проживает его сын, внук Александра Васильевича, — Александр, родившийся в 1933 г.

⁵ **Гинс Георгий Константинович (1887—1972)** — профессор Омского сельскохозяйственного института, главноуправляющий Верховного правителя и Совета министров, председатель Государственного экономического совещания. В 1920 г. эмигрировал. Был профессором Харбинского университета в Китае, а в 1945—1954 гг. — Калифорнийского в США.

⁶ **Склянский Эфраим Маркович (1892—1925)** — член партии большевиков, участвовал в Октябрьском перевороте в Петрограде, затем — комиссар Главного штаба и Ставки Верховного главнокомандующего, член коллегии и зам. народного комиссара по военным и морским делам. С октября 1918 г. — зам. председателя РВС республики, член Совета обороны. После Гражданской войны — на хозяйственной работе.

⁷ **Болдырев Василий Георгиевич (1875—1933)**. Окончил Академию Генерального штаба. Участник 1-й мировой войны, с сентября 1917 г. — командующий 5-й армии, генерал-лейтенант. После Октября арестован, затем освобожден. В 1918 г. — в руководстве «Союза возрождения России» и член «Национального центра». Член Уфимской Директории, главнокомандующий ее войсками. После омского переворота 18 ноября 1918 г. смещен с поста, выехал в Японию. В 1920—1922 гг. на командной и иной работе в Дальневосточной демократической республике. В ноябре 1922 г. арестован советскими органами. Заявил о своем желании служить советской власти, в 1926 г. амнистирован. В последние годы жизни — на кооперативной работе. В 1933 г. вновь арестован и 20 августа того же года расстрелян.

⁸ **Верховский Александр Иванович (1886—1938)**. Окончил Академию Генштаба. Участвовал в Русско-японской и 1-й мировой войнах. Накануне Февральской революции был назначен начальником штаба Черноморской пехотной дивизии, предназначенной для десантирования в Турцию. Февральскую революцию приветствовал и включился в активную общественно-политическую деятельность, но в целом поддерживал командующего Черноморским флотом А.В. Колчака. В начале июля 1917 г. назначен командующим Московским военным округом. В начале сентября произведен в генерал-майоры и назначен военным министром, член Директории. После Октября участвовал в борьбе против большевистской власти. В 1919 г. вступил в Красную армию. После Гражданской войны — на военной и преподавательской работе. Комкор.

⁹ **Барон Будберг Алексей Павлович**. Окончил Академию Генерального штаба, генерал-лейтенант, участник 1-й мировой войны, начальник 70-й пехотной дивизии, командир 14-го армейского корпуса 5-й армии. Вскоре после Октябрьского переворота уехал в Маньчжурию, включился в Белое движение. В правительстве А.В. Колчака — товарищ военного министра, с мая по август 1919 г. — министр. С 1920 г. — в эмиграции.

¹⁰ **Сахаров Константин Вячеславович (1881—?)**. Окончил Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны, полковник. Участник корниловского выступления. В 1918 г. перешел за линию Восточного фронта, из Уфы выехал в Омск. Генерал для поручений при А.В. Колчаке. С мая 1919 г. — начальник штаба, с июня — командующий Западной (3-й) армией, генерал-лейтенант. В ноябре 1919 г. — главнокомандующий Восточным фронтом, аре-

станов братьями А.Н. и В.Н. Пепеляевыми, смещен А.В. Колчаком с поста главкома. В 1920 г. эмигрировал в Германию.

¹¹ **Лебедев Дмитрий Антонович (1883—1921)**. Участник 1-й мировой войны, полковник. Приехал в Омск из Добровольческой армии по поручению А.И. Деникина. Сблизился с А.В. Колчаком в бытность его военным министром, принял участие в перевороте 18 ноября 1918 г. Был произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего, а затем одновременно занимал должность и военного министра. В августе 1919 г. с указанных должностей смещен и назначен командующим Отдельной степной группой войск на правах командующего армией. Эмигрировал в Китай. Участвовал и далее в борьбе с советской властью. Убит на Дальнем Востоке.

¹² **Деникин Антон Иванович (1872—1947)**. Окончил Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны. В апреле—мае 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов, генерал-лейтенант. Участвовал в выступлении А.Г. Корнилова. Временным правительством был арестован и после Октябрьского переворота бежал на Дон. Один из организаторов Добровольческой армии, с апреля 1918 г. ее командующий, а с октября — главнокомандующий, 1-й зам. председателя Особого совещания (правительства). С января 1919 г. — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С июня 1919 г. — зам. Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России (А.В. Колчака), с января 1920 г. — восприемник А.В. Колчака как Верховного правителя России. В апреле 1920 г. передал командование войсками П.Н. Врангелю и эмигрировал.

¹³ **Кроль Лев Афанасьевич (1871—1931)** — инженер-предприниматель, лидер уральских кадетов, масон, председатель Пермского губернского комитета, член ЦК партии, депутат Учредительного собрания, участник Уфимского государственного совещания летом и осенью 1918 г. Товарищ председателя и главноуправляющий министерства финансов областного правительства Урала, гласный Екатеринбургской городской думы, в 1919 г. — Пермского губернского земства, с 1922 г. — в эмиграции, во Франции.

¹⁴ **Семенов Григорий Михайлович (1890—1946)**. Окончил Оренбургское военное училище. Участник 1-й мировой войны, есаул. С июня 1917 г. — комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию добровольческих частей. Октябрьский переворот встретил враждебно. Во главе Особого Маньчжурского отряда боролся с советской властью; потерпев поражение, отступил в Китай. С лета 1918 г. возглавил антисоветское движение в Забайкалье, командуя отрядами (Забайкальским фронтом). По поручению Временного Сибирского правительства сформировал отдельный Восточно-Сибирский корпус. Опирался на японскую поддержку. Объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. Сначала отказывался признавать Верховного правителя А.В. Колчака. После примирения произведен в генерал-лейтенанты. 24 декабря 1919 г. Колчаком назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами в тылу, а 4 января 1920 г. ему была передана вся полнота военной и государствен-

ной власти на территории Российской восточной окраины. Продолжал борьбу с советами в Забайкалье и затем в Приморье. В сентябре 1921 г. эмигрировал в Китай. В 1945 г. советскими войсками захвачен в Маньчжурии и по приговору суда казнен.

¹⁵ **Дитерихс Михаил Константинович (1874—1937)**. Окончил Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны; начальник штаба 3-й армии, с сентября 1917 г. — генерал-квартирмейстер, а с 3 ноября начальник штаба Ставки. Генерал-лейтенант. Затем уехал на Украину и стал начальником штаба чехословацкого корпуса, Западного фронта, его главнокомандующим. Под его руководством чехословацкие части передовых эшелонов захватили Владивосток. В начале 1919 г. перешел на службу в армию Колчака, которым был назначен генералом для поручений, руководил расследованием обстоятельств убийства царской семьи. С июля 1919 г. командовал Сибирской армией, в июле—ноябре — главнокомандующий Восточным фронтом, а с августа одновременно — военный министр. Руководил эвакуацией вещественных доказательств, следственных материалов по делу царской семьи. В июне 1922 г. в Приморье избран Земским собранием Единоличным правителем и воеводой земской рати. Вел борьбу с советской властью, в октябре 1922 г. эмигрировал в Китай.

¹⁶ **Книпер Анна Васильевна** (урожд. Сафонова, в первом браке Тимирева) (1893—1975). Родилась в городе Кисловодске в семье известного музыканта, в дальнейшем — директора Московской консерватории В.И. Сафонова. С 1906 г. с семьей жила в С.-Петербурге. В 1911 г. вышла замуж за троюродного брата — морского офицера, в дальнейшем контр-адмирала С.Н. Тимирева. В начале 1-й мировой войны познакомилась с А.В. Колчаком. Между ними завязалась большая дружба и любовь. На протяжении ряда лет вели переписку. В 1918 г. встретились в Харбине и фактически вступили в гражданский брак. Тимирева при правительстве, возглавлявшемся Колчаком, выполняла роль переводчика, руководила группой женщин, занятых пошивом одежды для военнослужащих. При аресте Колчака в январе 1920 г. заключена в Иркутскую тюрьму. Вскоре освобождена, но в 1921 г. вновь арестована. На протяжении многих лет, вплоть до реабилитации в 1960 г., находилась в тюрьмах, лагерях, ссылке. Умерла в Москве. Написала воспоминания, частично опубликованные.

¹⁷ **Жанен Пьер Морис**, окончил французскую военную академию. Участник 1-й мировой войны, начальник французской военной миссии в России. Генерал. Зимой 1918—1919 гг. правительствами стран Антанты был назначен главнокомандующим русскими и союзными войсками в Сибири. Но в связи с протестом А.В. Колчака вопрос был пересмотрен, и М. Жанен в итоге стал главнокомандующим союзными войсками, включая чехословацкие.

¹⁸ **Гревс Вильям Сидней (1865—1940)** — командующий американскими войсками в Сибири и на Дальнем Востоке, генерал.

¹⁹ **Уорд Джон** — начальник английского отряда (батальона Мидсекского полка), полковник. Член Лейбористской партии, член парламента.

²⁰ **Ширямов Александр Александрович (1883—1955)**. В 1917—1918 гг. вел партийную, советскую и хозяйственную работу в Забайкалье и

на Дальнем Востоке. С июля 1918 г. участвовал в подпольной партийной работе и партизанском движении в Приморье. С ноября 1919 г. — председатель Сибирского областного подпольного комитета РКП(б), находившегося в Иркутске. С января 1920 г. — председатель Иркутского ревкома и председатель губернского совета. В марте—мае 1920 г. — член Дальневосточного бюро РКП(б), член Военного совета Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В дальнейшем — на партийной, советской и хозяйственной работе.

²¹ **Пепеляев Виктор Николаевич (1884—1920)**. Закончил Томский университет, преподаватель гимназии в Бийске. Депутат 4-й Государственной думы. Член Партии народной свободы. Участник 1-й мировой войны (работал в питательном отряде), полковник. Комиссар Временного правительства в Кронштадте, участник корниловского выступления. После Октябрьского переворота — член Московского отделения «Национального центра», по поручению которого в августе 1918 г. выехал в Сибирь. Член созданного в октябре в Омске Восточного бюро ЦК Партии народной свободы, с ноября — председатель Президиума ее Восточного отдела. Один из организаторов и руководителей правительственного переворота 18 ноября 1918 г. Директор департамента милиции и товарищ министра внутренних дел, с 18 июля 1919 г. — министр внутренних дел, с 23 ноября — председатель Совета министров. Вместе с Колчаком арестован и 7 февраля 1920 г. расстрелян.

²² **Смирнов Иван Никитич (1881—1936)**. Член Реввоенсовета 5-й армии (до того и республики), председатель Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского ревкома, с марта 1919 г. — кандидат в члены ЦК РКП(б). На протяжении длительного времени руководил работой по разложению армии и тыла за линией Восточного фронта, нелегальной работой коммунистов, вооруженной борьбой против режима А.В. Колчака. В соответствии с тайным указанием Ленина направил Иркутскому ревкому приказ о расстреле А.В. Колчака. В дальнейшем избирался членом ЦК РКП(б), был наркомом почт и телеграфа СССР. За принадлежность к троцкистской оппозиции исключался из партии в 1927 г., в 1930 г. был восстановлен, в 1933 г. вновь исключен, а в 1936 г. расстрелян.

²³ Морской кадетский корпус был открыт в Санкт-Петербурге в 1752 г. как среднее военно-морское учебное заведение, в 1867 г. реорганизованное в высшее привилегированное учебное заведение. Вначале срок обучения составлял 3 года, а с 1891 г. — 6 лет. В 1917 г. корпус был закрыт. Из его стен на протяжении более чем полутора веков вышло много выдающихся флотоводцев, ученых и государственных деятелей.

²⁴ Императорская Санкт-Петербургская академия наук основана в 1724 г. Петром I как высшее научное учреждение. По уставу 1747 г. — Императорская академия наук и художеств, с 1803 г. — Императорская академия наук, с 1836 г. — Императорская Санкт-Петербургская академия наук, с мая 1917 г. — Российская академия наук, с 1925 г. — Академия наук СССР, с 1991 г. — Российская академия наук.

²⁵ **Макаров Степан Осипович (1849—1904)** — русский флотоводец и ученый, вице-адмирал. Окончил морское училище. В Русско-турецкую вой-

ну 1877—1878 г. осуществил атаки турецких кораблей шестовыми минами, впервые в русском флоте применил самодвижущуюся мину-торпеду. В 1886—1889 г. командуя корветом «Витязь», совершил кругосветное плавание. Собрал богатые научные наблюдения, обобщенные им в труде «Витязь» и «Тихий океан», за который получил премию Академии наук и золотую медаль Географического общества. В 1890 г. произведен в контр-адмиралы, а спустя 6 лет — в вице-адмиралы. С 1894 г. командовал эскадрой Средиземного моря. В 1894—1896 г. совершил второе кругосветное путешествие. Предложил построить ледокол («Ермак»), руководил его строительством, в 1899-м и 1901 г. совершил на нем арктические плавания. С 1899 г. — главный командир Кронштадтского порта. Продолжал работу над вопросом улучшения боевых качеств кораблей. После начала Русско-японской войны 1 февраля 1904 г. назначен командующим Тихоокеанским флотом, вскоре погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на mine.

²⁶ **Барон Толль Эдуард Васильевич (1858—1902)** — геолог, арктический исследователь. Окончил Дерптский университет. В 1885—1886 гг. участвовал в руководимой А.А. Бунге экспедиции Академии наук на Новосибирские острова; обследовал о. Большой Ляховский, Землю (остров) Бунге, о. Фаддеевский, западный берег о. Новая Сибирь, о. Котельный. В 1883 г. возглавлял экспедицию Петербургской АН в северные районы Якутии, обследовал пространство между нижним течением рек Лены и Хатанги. Впервые описал плоскогорье между реками Анабар и Попигаи, горный кряж между реками Оленек и Анабар (названный Толлем хребтом В.В. Прончищева). В 1899 г. участвовал под начальством С.О. Макарова в плавании ледокола «Ермак» к берегам Шпицбергена. В 1900—1902 гг. возглавлял экспедицию Академии наук на парусно-моторной шхуне «Заря» к Новосибирским островам. Во время плавания, и особенно во время зимовок «Зари» у северо-западных берегов полуострова Таймыр и у западного берега острова Котельный, один или вместе с другими участниками экспедиции выполнил комплекс гидрографических, физико-географических и геологических исследований. При переходе в ноябре 1902 г. с о. Беннетта по неокрепшему морскому льду на юг вместе с тремя спутниками пропал без вести. Именем Толля названа гора на Новой Земле, гора на о. Беннетта, залив на северо-западном берегу полуострова Таймыр, мыс на о. Циркуль в Шхерах Минина, плато на о. Котельный.

²⁷ **Нансен Фрицьоф (1861—1930)** — норвежский ученый, полярный исследователь, общественный и политический деятель. В 1888 г. первым пересек Гренландию на лыжах, в 1893—1896 гг. руководил экспедицией на шхуне «Фрам» в Арктике. В 1913 г. совершил плавание вдоль берегов Северного Ледовитого океана к устью р. Енисей, затем путешествовал по югу Восточной Сибири и Дальнему Востоку. Сделал много открытий в области океанографии. Участвовал в организации помощи голодающим России в начале 20-х годов. Лауреат Нобелевской премии мира.

²⁸ Новосибирские острова — архипелаг, расположенный к северу от побережья Восточной Сибири, между морями Лаптевых и Восточно-Сибирским, состоят из трех групп: Ляховские острова на юге, собственно Ново-

сибирские, или Анжу, и Де-Лонга острова. Собственно Новосибирские острова состоят из островов: Новая Сибирь, Бельковский, Котельный и Фаддеевский, между которыми располагается Земля Бунге. Первые сведения о Новосибирских островах сообщил в начале XVIII века казак Поярков. В 1712 г. острова Большого Ляховского достиг отряд казаков во главе с М. Вагиным. В дальнейшем острова архипелага исследуются целым рядом ученых и путешественников (Я. Санниковым и др.), в том числе Э.В. Толлем, А.В. Колчаком.

²⁹ «Земля Санникова» — крупный остров (земля), якобы существующий севернее Новосибирских островов. Впервые о существовании обширной земли в указанном районе сообщил в 1811 г. русский полярный путешественник, исследователь Я. Санников. Наличие этой земли предполагал и Э.В. Толль. В первые десятилетия XX века было доказано, что «Земли Санникова» не существует. Экспедиция Толля одной из задач имела поиск этой «земли» или доказательств ее отсутствия.

³⁰ Остров (земля) Беннетта — остров в группе островов Де-Лонга, в свою очередь входящих в архипелаг Новосибирских островов, открыт в 1881 г. американской экспедицией Дж. Де-Лонга. Назван именем писателя Дж.Г. Беннетта, финансировавшего экспедицию.

³¹ **Бегичев (Бигичев) Никифор Александрович (1874—1927)** — моряк-боцман, участвовал в экспедициях Э.В. Толля и А.В. Колчака, в Русско-японской войне. В 1922 г. участвовал в экспедиции поиска экипажа норвежского судна «Мод». Открыл 2 острова в Хатангском заливе, названных его именем.

³² **Хоменко Александр Александрович (1867—1939)** — капитан 2-го ранга, с 1916 г. — вице-адмирал. В 1904—1905 гг. — старший офицер крейсеров 2-го ранга «Новик» и «Азия». Умер в Швейцарии.

³³ **Круссер Г.П. (1878—?)** — с 1913 г. капитан 2-го ранга, службу начал с 1896 г., в 1901 г. произведен в мичманы. В 1904 г. — командир 75-мм батареи, в подчинении А.В. Колчака.

³⁴ **Гучков Александр Иванович (1862—1936)** — лидер партии «Союз 17 октября» (октябристы). С 1907 г. член Государственного совета, депутат Государственной думы 3-го и 4-го ее составов (с марта 1910-го по март 1911 г. ее председатель). На протяжении многих лет в Думе и вне ее занимался военными вопросами. В годы 1-й мировой войны председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. После Февральской революции — военный и морской министр Временного правительства (по начало мая 1917 г.). Участвовал в подготовке выступления генерала Л.Г. Корнилова. После Октября боролся против власти большевиков. В 1918 г. эмигрировал в Берлин, в дальнейшем жил во Франции.

³⁵ **Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858—1913)** — русский гидрограф-геодезист, генерал-лейтенант с 1910 г. В 1880 г. окончил Морскую академию. В 1894—1901 гг. возглавлял гидрографические работы от устья р. Печора до р. Енисей, в Енисейском заливе и в Обской губе. С 1907 г. — начальник Главного гидрографического управления. Органи-

звал ряд полярных экспедиций. Его деятельность имела большое значение для обеспечения безопасности мореплавания (учреждение особого корпуса гидрографов, издание новых карт, строительство маяков и знаков, улучшение мореходных инструментов и др.).

³⁶ **Матисен Федор Андреевич (1872—1921)** — русский военный гидрограф и путешественник. В 1897 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в Шпицбергенской экспедиции в 1899 г., вместе с А.В. Колчаком в Русской полярной экспедиции 1900—1902 гг. Сподвижник А.В. Колчака в разработке проекта строительства ледоколов «Вайгач» и «Таймыр». Организатор и руководитель первой советской гидрографической экспедиции к устьям рек Лены и Оленека в 1920 г. Его имя носит пролив между островами Вилькицкого, Таймыр и Нансена у северного берега полуострова Таймыр.

³⁷ **Вилькицкий Борис Андреевич (1885—1961)** — русский гидрограф-геодезист. Сын А.И. Вилькицкого. В 1908 г. окончил Морскую академию, участвовал в Русско-японской войне. В 1913—1915 гг. — начальник полярной гидрографической экспедиции на судах «Вайгач» и «Таймыр», целью которой было освоение Северного морского пути. Экспедицией открыта Северная Земля (Николая II), ряд островов. Впервые осуществлено сквозное плавание из Владивостока в Архангельск. Поддерживал контакты с А.В. Колчаком, участвовал в борьбе с советской властью. В 1920 г. эмигрировал. Участвовал в экспедициях, вел гидрографические работы. Его именем назван пролив между Северной Землей и Таймырским полуостровом.

³⁸ **Григорович Иван Константинович (1835—1930)** — русский военно-морской деятель. С 1911 г. — контр-адмирал, в дальнейшем — адмирал. Участник Русско-японской войны. Командовал броненосцем «Цесаревич», затем — Порт-Артурским портом. В 1905 г. — начальник штаба Черноморского флота и портов, с 1906 г. — командир порта Ливава, с 1908 г. — главный командир Кронштадтского порта. С 1909 г. — товарищ морского министра, с 1911-го по февраль 1917 г. — министр. Руководил разработкой и осуществлением ряда судостроительных программ. В 1916 г. выдвигался на пост председателя Совета министров, но из-за либеральных взглядов отвержен не был. После Октябрьского переворота служил в Морской исторической комиссии. Составил «Мемуары бывшего морского министра». В 1923 г. с разрешения советского правительства уехал во Францию.

³⁹ **Эссен Николай Оттович, фон (1860—1915)** — русский адмирал. В 1880 г. окончил Морской корпус, в 1886 г. — Морскую академию. Участник Русско-японской войны, командовал броненосцем «Севастополь». В 1906—1908 гг. — начальник минной дивизии, совершенствовал минное дело и настойчиво обучал ему личный состав. С 1909 г. — начальник морских сил Балтийского моря, с 1911 г. — командующий Балтийским флотом. Под его руководством был разработан план операций, в том числе минной защиты флота на случай войны с Германией. Умер в мае 1915 г.

⁴⁰ **Император Николай II Александрович (1868—1918)** — с августа 1915 г. — Верховный главнокомандующий. Отрекся от престола 2 (15) марта 1917 г., автоматически перестав быть и Верховным главно-

командующим. В ночь с 16-го на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге по указанию Ленина и Свердлова вместе с семьей был расстрелян.

⁴¹ **Русин Александр Иванович (1861—1956)** — адмирал. Начальник Морского Генерального штаба, одновременно и Морского походного штаба Ставки. В 1917 г. эмигрировал.

⁴² **Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918)** — генерал от инфантерии. Окончил Академию Генштаба в 1890 г., участник Русско-японской войны. В 1-й мировой войне — начальник штаба и командующий Юго-Западным фронтом. С августа 1915 г. по март и с конца августа по ноябрь 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего. В марте—мае 1917 г. — Верховный главнокомандующий. После большевистского переворота выехал в Новочеркасск. Создал «Алексеевскую организацию», формировал и возглавил Добровольческую армию. С декабря 1917 г. — член «триумvirата» Донского гражданского совета. В июне 1918 г. «Национальным центром» выдвигался кандидатом в военные диктаторы России. С 31 августа 1918 г. — председатель Особого совещания. Умер 8 октября 1918 г. в Екатеринодаре.

⁴³ **Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856—1929)** — в 1895—1905 гг. — генерал-инспектор кавалерии, с 1905 г. командовал войсками гвардии и Петербургским военным округом, одновременно в 1905—1908 гг. — председатель Совета государственной обороны. В 1914—1915 гг. — Верховный главнокомандующий, в 1915—1917 гг. — главнокомандующий Кавказским фронтом. С 1919 г. — в эмиграции.

⁴⁴ **Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924)** — один из лидеров партии «Союз 17 октября» (октябристы). В 1906—1907 гг. — член Государственного совета. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов (1907—1917), с 1911 г. — ее председатель. В дни Февральской революции, находясь в оппозиции к царскому правительству, возглавил Временный комитет Государственной думы, в дальнейшем председатель частных совещаний членов Государственной думы. После Октябрьского переворота находился при Добровольческой армии А.И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Югославию.

⁴⁵ **Керенский Александр Федорович (1881—1970)**. Окончил Петербургский университет, адвокат, приобрел большую известность в связи с судебными процессами и как оратор. Член 4-й Государственной думы, председатель фракции трудовиков. Был видным членом, а затем руководителем масонской ложи. В годы 1-й мировой войны — оборонец. В ходе и после Февральской революции — член и тов. председателя исполкома Петроградского совета, член Временного комитета Государственной думы. Вступил в Партию социалистов-революционеров. С образованием 2 марта Временного правительства — в его составе — министр юстиции, затем — военный и морской министр, с 8 июля — его председатель, а с конца августа и Верховный главнокомандующий. Вел борьбу с антиправительственным выступлением генерала Л.Г. Корнилова. После Октябрьского переворота возглавлял борьбу за его подавление, затем уехал на Дон и эмигрировал во Францию. В 1940 г. переехал в США.

⁴⁶ **Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918)** — революционный деятель, марксист, философ. Вначале — народник, один из руководителей организаций «Земля и воля» и «Черный передел». С 1880 г. в эмиграции. Организатор марксистской группы «Освобождение труда». Один из основателей РСДРП, лидер меньшевиков и II Интернационала. Боролся с большевизмом. В годы мировой войны занимал патриотические позиции. По возвращении после Февральской революции в Россию поддерживал Временное правительство, ориентировался на конституционно-демократическое развитие страны. Октябрьский большевистский переворот встретил враждебно, предпринял усилия воздействовать на рабочих, демократическую общественность по предотвращению несвоевременных попыток перехода к социализму, Гражданской войны и хаоса.

⁴⁷ **Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918)** — генерал от инфантерии. В 1898 г. окончил Академию Генштаба. Участник Русско-японской войны. В 1907—1911 гг. военный атташе в Китае. Участник 1-й мировой войны — командовал бригадой, дивизией, армией, фронтом. С июля по конец августа 1917 гг. — Верховный главнокомандующий. Предпринял неудачную попытку установления военной диктатуры. Был арестован. После Октября бежал в Новочеркасск, где вместе с М.В. Алексеевым и А.И. Деникиным сформировал и возглавил Добровольческую армию. Член «триумвирата» Донского гражданского совета. 13 апреля 1918 г. убит в бою при наступлении на Екатеринодар.

⁴⁸ В советской литературе, в том числе энциклопедической, обычно утверждается, что А.В. Колчак Временным правительством был снят с поста командующего флотом, что не соответствует действительности. Из приведенного документа, а также других источников следует, что он был вызван правительством в Петроград «для личного доклада». После ознакомления с событиями в Севастополе комиссии морского министерства Колчаку настоятельно предлагалось вернуться туда для продолжения командования флотом. Он отказался и в конечном итоге от должности этой был освобожден. После этого вступивший в начале июня во временное командование флотом контр-адмирал В.К. Лукин в должности был утвержден.

⁴⁹ Советское руководство пошло на сепаратные переговоры с Германией и ее союзниками о мире. Они начались 9 (22) декабря 1917 г. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор. Согласно ему, от России отторгались громадные территории (примерно в 1 млн кв. км), в том числе и те, которые в то время еще занимали российские войска, с населением в 56 млн чел., огромными национальными ресурсами. Россия обязывалась выплатить контрибуцию в размере 6 млрд марок (большевики успели тайно переправить Германии 93 т 536 кг золота), распустить армию, передать военно-морской флот противнику и т. д. Текст этого позорного, по сути антинационального договора не публиковался, не был доведен даже до делегатов VII Чрезвычайного съезда РКП(б), давшего большевистскому руководству санкцию на его заключение. Хотя после поражения Германии в ноябре 1918 г. договор был расторгнут, ущерб его для судеб страны был колоссальным. Определяющей в заключении Брестского договора была лич-

ная роль Ленина. Мотивы и обстоятельства его заключения требуют дальнейшего научного исследования.

⁵⁰ Китайско-Восточная железная дорога (позднее — Китайская Чанчуньская железная, с 1953 г. — Харбинская железная дорога) — от русской станции Маньчжурия через Харбин до Даляня (Дальний) с ветками. Была построена Россией в 1897—1903 гг. по русско-китайскому договору 1896 г. На протяжении десятилетий за овладение ею шла борьба между Россией, Китаем и Японией. В итоге она стала собственностью Китая. В 1918 г. во владении России находилась лишь северная часть КВЖД, а южная часть была за Японией. В это время японское правительство прилагало усилия к захвату и остальной части КВЖД, пока что оказывая давление на правление во главе с генералом Д.А. Хорватом и используя другие средства, в частности зависимость от себя Г.М. Семенова, других командиров русских отрядов. Правление КВЖД не подчинилось советскому правительству. Обладая значительными средствами, оно вместе с прибывшими туда белыми эмигрантами стремилось создать крупный очаг сопротивления большевикам, распространить его на Дальний Восток.

⁵¹ **Хорват Дмитрий Леонидович (1858—1937)** — генерал-лейтенант, в 1902—1918 гг. — управляющий Китайско-Восточной железной дорогой. В 1917 г. — одновременно комиссар Временного правительства России на КВЖД. Активный участник антисоветского движения на Дальнем Востоке. Летом 1918 г. объявил себя Временным Верховным российским правителем. А.В. Колчаком после прихода к власти был назначен Верховным уполномоченным по Дальнему Востоку. С мая 1919 г. одновременно — командующий войсками Приамурского военного округа. Играл значительную роль в Белом движении и позднее. Остался в Китае. Был советником Мукденского (Шэньянского) правительства по делам КВЖД. С 1924 г. — председатель Дальневосточного отделения Русского общевоинского союза.

⁵² **Дербер Петр Яковлевич (1884—1929)** — член Партии социалистов-революционеров. С января 1918 г. — глава Временного правительства автономной Сибири, действовавшего нелегально в Томске, затем перебравшегося в Харбин. В июне—сентябре 1918 г. — председатель Совета министров Временного правительства автономной Сибири во Владивостоке. В сентябре правительство ликвидировано, Дербер признал Временное Сибирское правительство (омское). Позднее был арестован, сидел в Семипалатинской тюрьме.

⁵³ **Вологодский Петр Васильевич (1863—1928)** — присяжный поверенный. В прошлом — член Партии социалистов-революционеров, член 2-й Государственной думы. Председатель Временного Сибирского правительства (с июня 1918 г.), член Директории (сентябрь—ноябрь 1918 г.). С ноября 1918 г. — председатель Совета министров, член Совета Верховного правителя России. С ноября 1919 г. — сенатор. В конце 1919 г. эмигрировал.

⁵⁴ **Нокс Альфред Уильям Фортефью (1870—1964)** — английский генерал. Военную службу начал в 1891-м. В 1911—1917 гг. был военным атташе при русской армии. Видный член консервативной партии. В 1918 г. —

глава британской миссии в Сибири. С декабря 1918 г. — зам. главнокомандующего союзными войсками в Сибири по вопросам тыла, организации снабжения войск интервентов и армии А.В. Колчака.

⁵⁵ **Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943)** — один из организаторов Партии социалистов-революционеров. В 1907—1917 гг. — в эмиграции, затем председатель Уфимской Директории — Временного Всероссийского правительства. В 1917 г. — член исполкома Петроградского совета, председатель исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, в июле—августе — министр внутренних дел Временного правительства, в октябре — председатель Предпарламента (Временного Совета Республики). В 1918 г. — один из руководителей Союза возрождения России, участвует в свержении власти большевиков в Поволжье, председатель Уфимского государственного совещания. В результате правительственного переворота 18 ноября 1918 г. арестован, затем выслан за границу. В 30-е годы возглавлял в Париже русскую эмигрантскую масонскую ложу «Северная звезда».

⁵⁶ **Гайда Радола (настоящие фамилия и имя Гейдаль Рудольф) (1892—1948)**. Чех. Фельдшер. Участник 1-й мировой войны, унтер-офицер (присвоил себе затем звание офицера) австро-венгерской армии. В 1915 г. перешел на сторону черногорских войск, затем пробрался в Россию, вступил в чехословацкий корпус. С весны 1918 г. — командир полка, капитан. Один из руководителей чехословацкого антибольшевистского мятежа, командующий Сибирской группы. С сентября 1918 г. — генерал-майор, командир 2-й чехословацкой дивизии. С октября — на русской службе, командующий Екатеринбургской группой войск, Сибирской армией. С января 1919 г. — генерал-лейтенант. В июле смещен, уехал на Дальний Восток. За организацию в ноябре 1919 г. антиколчаковского мятежа во Владивостоке «вычеркнут из списков русской армии», лишен звания. Выехал в Чехословакию. С середины 20-х годов — один из руководителей фашистских организаций в Чехословакии, сотрудничал с гитлеровцами. В 1945 г. арестован и в 1948 г. казнен по приговору суда.

⁵⁷ «Национальный центр» — антисоветское подпольное объединение, созданное в мае—июне 1918 г. в Москве. Его отделения имелись в других городах. В него входили проантантовски настроенные бывшие члены «Правого центра», представители церковного собора, «Совета общественных деятелей», торгово-промышленных кругов. Лидерами Национального центра были бывший октябрист Д.Н. Шипов, затем кадеты М.М. Федоров и Н.Н. Щепкин. В числе руководителей также были кадеты: Н.М. Астров, А.А. Червен-Водала, В.А. Степанов, В.И. Штейнингер, А.В. Карташев и др. Центр был широко связан с Белым движением в ряде районов страны, в том числе в Сибири.

⁵⁸ **Сыровы Ян (1888—1971)** — чехословацкий военный и государственный деятель. В сентябре 1914 г. вступил в добровольческую чешскую дружину (в составе русской армии на Юго-Западном фронте). С весны 1918 г. — командир полка чехословацкого корпуса. Во время антибольшевистского выступления (конец мая 1918 г.) командовал группой корпуса, занимавшей эшелонами район от Челябинска до Омска. В конце

августа 1918 г. был произведен в генерал-майоры и назначен командиром корпуса. Одновременно до ноября 1918 г. командовал «союзническими» вооруженными силами в Сибири и на Урале. Затем до января 1919 г. — главнокомандующий Западным фронтом. По возвращении на родину — на военной и государственной работе, военный министр и премьер-министр.

⁵⁹ **Волков Вячеслав Иванович (1877—1920)** — казачий полковник, активный участник свержения советской власти в Западной Сибири. Комендант г. Омска. Один из руководителей правительственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске. Верховным правителем присвоено звание генерал-майора. Командовал корпусом. Убит в бою.

⁶⁰ **Иванов-Ринов Павел Павлович** — в прошлом служил в полиции, исправник одного из уездных городов Туркестана. Весной 1918 г. возглавлял одну из подпольных организаций в Западной Сибири под нелегальной фамилией Ринов, участвовал в свержении советской власти. Полковник, затем — генерал-майор, генерал-лейтенант, командир корпуса, военный министр Временного Сибирского правительства. Выполнил военные поручения на Дальнем Востоке. Осенью 1919 г. — командир казачьего корпуса.

⁶¹ **Катанаев А.В.** — командир казачьего полка, войсковой старшина, в дальнейшем — полковник, генерал-майор.

⁶² **Красильников Иван Николаевич (1888—1920)**. К моменту приезда в Омск Колчака — войсковой старшина. Командовал казачьим партизанским отрядом. Активный участник, главный исполнитель плана правительственного переворота 18 ноября 1918 г., после чего произведен в полковники, в дальнейшем — генерал-майоры. Руководил преимущественно карательными операциями против партизан. Умер в январе 1920 г. в Иркутске от тифа.

⁶³ **Антогский Александр Иванович (1876—1931)** — генерал-майор, профессор, в 1918 г. начальник Академии Генерального штаба, эвакуировавшейся в Екатеринбург, затем в Казань. 1-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, в 1919 г. — временно начальник этого штаба. Эмигрировал в Китай.

⁶⁴ **Чернов Виктор Михайлович (1873—1952)** — лидер Партии социалистов-революционеров, ее теоретик. Участвовал в народническом движении. Учился в Московском университете. В 1904 г. разработал программу партии. Считал марксизм неприменимым в России. После Февральской революции был членом бюро и товарищем председателя Президиума исполнительного комитета Петроградского совета, членом ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов. С мая по август — министр земледелия. 5 января 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. С сентября — член Комуча и Уфимского государственного совещания. Один из руководителей съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге. После правительственного переворота 18 ноября в Омске пытался организовать борьбу против Верховного правителя А.В. Колчака. Был арестован и выслан в Челябинск, где скрылся. Вел борьбу с властью большевиков. В 1920 г. нелегально эмигрировал. В годы 2-й мировой войны участвовал в движении Сопротивления во Франции, затем переехал в США. В 20-х гг. разработал теорию «конструктивного социализма».

⁶⁵ **Дутов Александр Ильич (1879—1921)** — атаман Оренбургского казачьего войска. Окончил Неплюевский кадетский корпус (в Оренбурге), затем Николаевское кавалерийское училище и Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны, войсковой старшина. В июне 1917 г. избран председателем совета Всероссийского союза казачьих войск. В сентябре на чрезвычайном войсковом круге избран войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска. Полковник. После Октябрьского переворота начал вооруженную борьбу против советской власти и с переменным успехом продолжал ее до чехословацкого выступления. В 1918—1919 гг. — командующий Оренбургской отдельной армией, главный начальник Южноуральского края. С лета 1918 г. — генерал-майор, а с осени — генерал-лейтенант. В марте 1920 г. с остатками войск ушел в Китай. В марте 1921 г. убит в г. Суйдин.

⁶⁶ Национальный совет при чехословацком корпусе и в России вообще был филиалом организации, созданной чехословацкой политической эмиграцией в 1916 г. в Париже под названием «Чехословацкий национальный совет». Ставил главной целью достижение государственной независимости Чехословакии, входившей в состав Австро-Венгерской монархии. С созданием в середине ноября 1918 г. первого чехословацкого правительства Национальный совет представлял его. В декабре 1918 г. филиал был ликвидирован и заменен назначенной прибывшим в Сибирь и на Урал военным министром Чехословакии М.Р. Штефаником «Специальной коллегией для России». Действовала до конца эвакуации корпуса, часто по традиции продолжала именоваться Национальным советом. Сначала возглавлялась Б. Павлу, затем В. Гирсой.

⁶⁷ **Войцеховский Сергей Николаевич (1883—1951)**. В 1912 г. окончил Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны, подполковник. В 1917—1918 гг. — начальник штаба 1-й чехословацкой дивизии, активный участник антисоветского восстания. Летом 1918 г. командовал Челябинской группой чехословацких войск, в ноябре—декабре — группой войск на Бугульминском и Уфимском направлениях, в январе—мае 1919 г. — 2-м Уфимским корпусом, с конца мая — Уфимской группой войск, будучи уже генерал-лейтенантом. С июля 1919 г. командовал 2-й Сибирской армией, с января 1920 г. — главнокомандующий войсками, с которыми отошел в Забайкалье. Продолжал борьбу с советской властью, в дальнейшем эмигрировал. После окончания 2-й мировой войны оказался в советских лагерях, где и погиб.

⁶⁸ Русское политическое совещание (Парижское совещание) было сформировано в Париже в конце 1918 г. В него входили: кн. Г.Е. Львов (предс.), В.А. Маклаков, С.Д. Сазонов, Н.В. Чайковский, Б.В. Савинков, С.Н. Третьяков, П.Б. Струве и др. Претендовало на роль руководящего центра Белого движения в России, ставило целью «отстаивание единства, целостности и суверенитета России», спасение «русской демократии и революции» с помощью стран Антанты. 5 июля 1919 г. Совещание самораспустилось.

В качестве дипломатического представительства с полномочиями от А.В. Колчака и А.И. Деникина действовала группа политиков (Н.В. Чайковский, С.Д. Сазонов, Г.Е. Львов и В.А. Маклаков).

⁶⁹ **Миллер Евгений Карлович (1867—1939)**. В 1892 г. окончил Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны. Генерал-лейтенант. С осени 1917 г. — представитель Ставки Верховного главнокомандующего при Главном командовании Италии. В январе 1919 г. вошел во Временное правительство Северной области, командовал его войсками. В мае 1919 г. А.В. Колчаком назначен главнокомандующим войсками Северной области и затем главным начальником края (генерал-губернатором). С февраля 1920 г. — военный министр и управляющий иностранными делами воссозданного Временного правительства Северной области. С конца того же месяца — эмигрант. Похищен советскими спецслужбами и убит.

⁷⁰ **Юденич Николай Николаевич (1862—1933)**. В 1887 г. окончил Академию Генштаба. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. В марте—апреле 1917 г. — главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Генерал от инфантерии. Осенью 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Эстонию. В январе 1919 г. Русским комитетом (создан в ноябре 1918 г. в Хельсинки) объявлен лидером Белого дела на северо-западе России. Формировал армейские части. Руководил весенне-летним наступлением 1919 г. на Петроград. Вел переговоры с регентом Финляндии генерал-лейтенантом К. Маннергеймом об условиях военного сотрудничества и борьбе с большевиками, но идея подключения в борьбу 100-тысячного финского войска не получила одобрения А.В. Колчака. 10 июня 1919 г. назначен Колчаком главнокомандующим войсками белых на северо-западе России и генерал-губернатором края. В августе вошел в Северо-Западное правительство, в октябре—ноябре возглавлял поход на Петроград. Потерпев поражение, отступил в Эстонию. Там эстонскими властями его войска были разоружены. С 1920 г. — в эмиграции.

⁷¹ **Михайлов Иван Андрианович (1891—1946)**. Закончил Петербургский университет. Министр финансов Временного Сибирского, а после свержения Директории — Всероссийского правительств. Играл активнейшую роль в борьбе с Директорией, подготовке переворота 18 ноября 1918 г. Член Совета Верховного правителя. За карьеризм и интриганство, организацию убийства ряда демократических деятелей прозван Ванькой-Каином. После смещения с поста министра выехал в Харбин, работал в правлении КВЖД.

⁷² **Сапожников Василий Васильевич (1861—1924)** — профессор Томского университета, ботаник, ученик К.А. Тимирязева. Участник многих научных экспедиций и открытий. Член кадетской партии. С 1 июля 1918-го по 2 марта 1919 г. — министр народного просвещения Временного Сибирского правительства. Умер в Томске.

Шумиловский Леонид Иванович (1876—1920) — министр труда Временного Сибирского, а после переворота 18 ноября 1918 г. — Всероссийского правительств. Был членом РСДРП (меньшевиков), с вступлением в правительство заявил о выходе из партии. Прежде работал учителем на Алтае. Участвовал в 1-й мировой войне. В Иркутске вместе с другими министрами в январе 1920 г. был арестован. Осужден и в июле 1920 г. расстрелян.

⁷³ **Белорусов (настоящая фамилия Белевский) Алексей Станиславович (1859—1919)** — журналист, общественный деятель. В 1919 г. редак-

тор «Отечественных ведомостей», издававшихся в Екатеринбурге. Член Партии народной свободы (к.-д.). В 1890—1900-х годах в течение 10 лет отбывал ссылку в Сибири за участие в народническом движении. После поражения революции 1905—1907 гг. эмигрировал во Францию, вел журналистскую работу, был корреспондентом газеты «Отечественные ведомости». Участвовал в политической деятельности при А.В. Колчаке. Подготовительная комиссия под его руководством разрабатывала вопрос о Всероссийском правительственном собрании учредительного характера и областных представительных учреждений. Были выработаны «Общие положения», которые предполагалось положить в основу будущего закона о выборах в Национальное Учредительное собрание. Умер в сентябре 1919 г. в Иркутске.

⁷⁴ **Барон Врангель Петр Николаевич (1878—1928).** Окончил Горный институт и Академию Генштаба. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн, командир корпуса, генерал-майор. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию, командовал дивизией и корпусом. Генерал-лейтенант. С января 1919-го по январь 1920 г. — командующий Кавказской Добровольческой армией. За выступление с требованием отстранения А.И. Деникина с поста главкома Вооруженных сил Юга России был отставлен от командования армией. 4 апреля сменил А.И. Деникина на посту главкома. С 11 мая — главком (Русской армией), возглавлял оборону Крыма и эвакуацию гражданского населения и войск после их поражения в 1920 г. В эмиграции в Париже создал и возглавлял Русский общевоинский союз.

⁷⁵ **Барон Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867—1951)** — финский государственный и военный деятель, генерал-лейтенант, с 1933 г. — маршал. Окончил Гельсингфорский университет и Николаевское кавалерийское училище (Петербург). До 1917 г. — на службе в русской армии, участвовал в 1-й мировой войне. С 1918 г. — главнокомандующий финской армией. В декабре 1918 г. — июле 1919 г. — регент Финляндии. Руководил военными действиями финской армии против Красной армии в 1939—1940 гг. и в 1941—1944 гг. — в союзе с Германией. С августа 1944-го по март 1946 г. — президент Финляндии, в дальнейшем — в отставке.

⁷⁶ В декабре 1917 г. в Оренбурге было создано Башкирское правительство во главе с А.З. Валидовым (1890—1970), Ш.А. Манатовым (1892—1936). После выступления чехословаков правительство провозгласило автономию Башкирии и приступило к формированию башкирских частей. Было признано Временным Сибирским правительством с подчинением ему башкирских войск. А.В. Колчак ликвидировал башкирскую автономию, а ее войска подчинил генералу А.И. Дутову. Башкирское полулегальное правительство в январе 1919 г. вступило в связь и в переговоры с представителями советской власти. Этому причиной было также занятие в то время Красной армией Уфы и западных районов Уфимской губернии. В феврале 1919 г. часть башкирских войск перешла на сторону Красной армии (в дальнейшем некоторые из частей и подразделений вернулись к белым), в марте была провозглашена Башкирская автономная советская социалистическая республика. Но многие участники башкирского национально-демократического движения, члены правительства (ревкома) республики порвали с большеви-

стским руководством страны. Главной причиной было фактическое нарушение автономии, навязывание руководителям республики, башкирскому населению коммунистической идеологии.

⁷⁷ **Розанов Сергей Николаевич** — генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего (при В.Г. Болдыреве), особоуполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Енисейской и Нижнеудинскому уезду Иркутской губернии. В дальнейшем командовал войсками в Приморье.

⁷⁸ Не имея возможности освещать многочисленные восстания в тылу войск А.В. Колчака, кратко остановлюсь лишь на наиболее значительном в ранний период его правления — в Омске 22 декабря 1918 г. В этом возникает надобность и потому, что о нем упоминается во многих документах и материалах и во время допроса А.В. Колчака по поводу этого события возникло много вопросов. Находившийся с ноября 1918 г. в Омске Сибирский областной подпольный комитет РКП(б) (на протяжении ноября 1918 г. — марта 1919 г. он назывался «Центральным комитетом РКП(б) Сибири») руководил подготовкой вооруженного восстания. Целью ставилась задача свержения власти в надежде, что удастся в Омске и других городах и районах продержаться до прихода Красной армии. Предполагалось единовременное выступление коммунистов и сочувствующих им рабочих, солдат и крестьян. Инициативная роль отводилась омским рабочим, распропагандированным солдатам и политзаключенным. К вооруженному выступлению готовилось несколько тысяч человек. Город и его пригороды были разбиты на 4 района со штабами по подготовке восстания. Их деятельность направлял Центральный военно-революционный штаб. Восстание наметили на час ночи с 21-го на 22 декабря 1918 г. Приведенные в готовность революционные силы ждали сигнала к выступлению. Но успешно сработала контрразведка штаба армии А.В. Колчака. Были выявлены две конспиративные квартиры во 2-м районе. До 80 человек, подготовившихся к выступлению и руководству, были ею схвачены. В рядах руководства коммунистов возникло замешательство, решено было восстание отменить. Однако руководители 1-го района все же выступили. Им удалось вовлечь в восстание и часть солдат, освободить часть политзаключенных. К восставшим в 1-м районе присоединились группы рабочих и подразделения солдат во 2-м районе. Наиболее крупным было выступление в 4-м районе — на станции Куломзино и в поселке Новоомск, куда сообщение об отмене его не было доставлено. Куломзино восставшими рабочими и солдатами было захвачено, разоружен чехословацкий батальон. Если в самом городе военные власти разбили отряды и группы восставших уже утром, то в Куломзине решить эту задачу колчаковцам удалось только к вечеру 22 декабря. В ходе борьбы погибло несколько сот человек; по приговору военно-полевого суда, по официальным сообщениям в печати, было расстреляно 166 человек, по другим данным — гораздо больше. В это же время было расстреляно несколько членов Учредительного собрания и видных меньшевиков и эсеров из числа политзаключенных, в восстании не участвовавших. В тот момент выступления в других городах

не произошло. Но несколькими днями позже — 27—28 декабря восстали рабочие станции Иланская и рабочие и часть солдат военного городка в Канске Енисейской губернии. Они также потерпели поражение.

⁷⁹ Я не освещаю специально историю партизанского движения, как и антиколчаковского подполья, ибо этому посвящена большая литература, в том числе целый ряд моих монографий. Кратко познакомлю лишь с некоторыми виднейшими партизанскими командирами и руководителями подполья.

⁸⁰ **Ворожцов Матвей Иванович (1889—1922)**. Окончил военную авиашколу. Участник 1-й мировой войны, летчик. В 1918 г. — начальник и комиссар Красной гвардии в Томске. С лета 1918 г. — член Барнаульской подпольной коммунистической организации. С осени 1919 г. — командир 1-й Чумышской партизанской дивизии, участвовавшей в борьбе с войсками А.В. Колчака, затем влившейся в Красную армию. В дальнейшем — на военной работе.

⁸¹ **Мамонтов Ефим Мефодьевич (1888—1922)**. В 1910—1918 гг. — в армии; участник 1-й мировой войны, унтер-офицер. В 1917 г. — член солдатского комитета, делегат 1-го Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов. С конца 1918 г., начав с террористического акта, включился в партизанское движение. С октября 1919 г. — главнокомандующий партизанской Крестьянской Красной армии Западной Сибири. С июня 1920 г. организатор и командир добровольческой Сибирской бригады, действовавшей на Западном и Южном фронтах.

⁸² **Громов (Мамонов) Игнатий Владимирович (1884—1971)**. Участвовал в 1-й мировой войне, ефрейтор, председатель Каменского уездного совета (Алтайская губерния). В 1918 г. — организатор коммунистического подполья в Камне-на-Оби, командир партизанского отряда. С октября 1919 г. — командир корпуса в партизанской армии Е.М. Мамонтова. После Гражданской войны — на советской работе. Участвовал в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.

⁸³ **Кравченко Александр Диомидович (1881—1923)**. Прапорщик. В 1917 г. — член Ачинского совета. С лета 1918 г. — в подполье и в партизанском движении. С марта 1919 г. — главнокомандующий партизанской армией Степно-Баджейской партизанской республики (Енисейская губерния). Летом 1920 г. сформировал добровольческий полк, который действовал на Западном фронте. С конца 1920 г. — на советской работе.

⁸⁴ **Щетинкин Петр Ефимович (1885—1927)**. Участник 1-й мировой войны, штабс-капитан. С конца 1917 г. — член Ачинского совета. С декабря 1918 г. — командир партизанского отряда, который соединился с армией А.Д. Кравченко. Зам. ее командующего и начальник Главного штаба. С января 1920 г. — на военной и советской работе.

⁸⁵ **Яковенко Василий Григорьевич (1889—1937)**. Участник 1-й мировой войны. С января 1918 г. — председатель Тасеевского волысполкома (Канский уезд Енисейской губернии). Организатор антиколчаковского восстания в конце декабря 1918 г. В 1919—1920 гг. — председатель партизанского армейского совета и штаба. С января 1920 г. — на советской ра-

боте. В 1922—1925 гг. нарком земледелия, нарком социального обеспечения РСФСР.

⁸⁶ **Зверев Даниил Евдокимович (1894—1941)**. Участник 1-й мировой войны. Прапорщик. Командир отряда Красной гвардии, затем — в Красной армии. В июле 1918 г. — в плену белых. С мая 1919 г. — в отряде особого назначения Иркутского губернского управления Государственной охраны. Перешел на сторону партизан. С января 1920 г. — командующий Восточно-Сибирской советской армией, руководил борьбой с каппелевцами. В дальнейшем — на военно-политической и хозяйственной работе.

⁸⁷ **Журавлев Петр Николаевич (1887—1920)**. Участник 1-й мировой войны, офицер. С апреля 1918 г. — в партизанском движении в Забайкалье. С сентября 1919 г. — командующий Восточно-Забайкальским партизанским фронтом. В феврале 1920 г. был смертельно ранен в бою.

⁸⁸ **Лазо Сергей Георгиевич (1894—1920)**. Прапорщик. В 1917—1918 гг. — на советской и военной работе в Восточной Сибири, командующий войсками Забайкальского фронта. С осени 1918 г. — на подпольной работе в Приморье. С июня 1919 г. — командующий партизанскими войсками. С января 1920 г. — зам. председателя военного совета Временного правительства Приморской областной земской управы, на военной и партийной работе. 5 апреля арестован и сожжен в паровозной топке.

⁸⁹ **Голощекин Филипп (Шая) Исаевич (Исаакович) (1876—1941)**. Член РКП(б) с 1903 г. Входил в состав ЦК партии. В 1917—1918 гг. — на партийной и советской работе на Урале. Один из организаторов расстрела царской семьи и ее родственников. В сентябре 1918-го — январе 1919 гг. — главный политический комиссар 3-й армии. С декабря 1918 г. — член Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б). С августа 1919 г. — на советской и партийной работе.

⁹⁰ **Молотов Константин Михайлович (1894—?)**. Один из видных западносибирских большевиков. В июле 1918 г. в Тюмени был включен в состав Организационного бюро РКП(б) Сибири. На нелегальной большевистской конференции в сентябре был избран председателем Сибирского подпольного обкома партии, оставался им до ноября 1918 г. Вел революционную работу в Томске. Один из организаторов антиколчаковского восстания в этом городе в декабре 1919 г. В дальнейшем — на партийной, советской и журналистской работе.

⁹¹ **Нейбут Арнольд Яковлевич (Екабович) (1889—1919)**. С 1917 г. — председатель Дальневосточного краевого бюро РСДРП(б) и председатель Владивостокского совета, с июня 1918 г. — на подпольной работе в Омске. В ноябре избран председателем подпольного ЦК РКП(б) Сибири, в декабре 1918 г. включен в состав Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б). В феврале 1919 г. арестован и расстрелян в Омске.

⁹² **Масленников Александр Александрович (1890—1919)**. В 1917 г. — председатель Самарского городского совета, член губкома партии РСДРП(б), член ВЦИК. С мая 1918 г. — самарский губвоенком, организатор борьбы с чехословаками. После занятия ими Самары арестован, отправлен в лагерь в Омск, откуда совершил побег и включился в подпольную ра-

боту. В ноябре 1918 г. избран членом подпольного ЦК РКП(б) Сибири, который с февраля 1919 г. возглавил. С декабря 1918 г. член Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б). В апреле 1919 г. арестован и расстрелян.

⁹³ **Суудер Хендрик Янович (1883—1919)**. За большевистскую деятельность высладался из Эстляндии в Сибирь. В 1917-м — начале 1918 г. — председатель Тартусского совета. В дальнейшем — в Сибири, с лета 1918 г. — на подпольной работе. В марте 1919 г. избран членом Сибирского подпольного обкома РКП(б). В июне 1919 г. в Иркутске организовал подпольную конференцию, восстановившую разгромленный комитет, и стал его председателем. В сентябре 1919 г. был арестован и в ноябре умер в тюрьме.

⁹⁴ **Ханжин Михаил Васильевич (1872—1961)** — генерал от артиллерии. Закончил Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге, Михайловское артиллерийское училище, в дальнейшем — Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны, генерал-лейтенант Октябрьский переворот встретил враждебно. Летом 1918 г. сформировал 3-й Уральский корпус и командовал им с января по июнь 1919 г. командовал Западной армией. С октября 1919 г. — военный министр. С 1920 г. — в эмиграции в Китае. В 1945 г. арестован советскими властями, вывезен в СССР, до 1954 г. находился в заключении. Умер в г. Джамбуле.

⁹⁵ **Белов (настоящая фамилия Виттенкопф) Г.А.** Участник 1-й мировой войны, полковник. В 1918 г. — начальник Главного штаба войск Временного Сибирского правительства. В 1919 г. командовал Южной группой войск (Южной армией). Генерал-майор. В 1920 г. эмигрировал.

⁹⁶ **Толстов Владимир Сергеевич (1884—1956)**. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Участник 1-й мировой войны, полковник. В марте 1918 г. возглавил антисоветский переворот в Гурьеве. Присвоено звание генерал-майора. С апреля 1919 г. — атаман Уральского казачьего войска и командующий Уральской армией. Генерал-лейтенант. В конце 1919-го — начале 1920 г. возглавил отступление остатков своей армии в Форт-Александровский на Восточном побережье Каспийского моря, а затем в Иран. В эмиграции проживал и скончался в Австралии.

⁹⁷ **Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925)**. Активно участвовал в революционном движении, в вооруженном большевистском восстании в октябре 1917 г. в Москве. В 1917—1918 гг. — на советской и военно-политической работе. В феврале—мае 1919 г. — командующий 4-й, в мае—июне — Туркестанской армиями. С марта — одновременно командующий Южной группой Восточного фронта. Организовал и развил контрнаступление группы. С июля 1919 г. — командующий войсками Восточного, с августа 1919 г. по сентябрь 1920 г. Туркестанского фронтов. С сентября 1920 г. командовал Южным фронтом. В дальнейшем — на военной работе. С января 1925 г. — председатель Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам. В том же году умер во время хирургической операции.

⁹⁸ **Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937)**. В 1914 г. окончил военное училище. Участник 1-й мировой войны, подпоручик. С начала

1918 г. — в Красной армии. С июня 1918 г. по начало января 1919 г. командовал 1-й армией Восточного фронта. В январе—марте 1919 г. — помощник командующего Южным фронтом, командующий 8-й армией. В апреле—ноябре 1919 г. — командующий 5-й армией Восточного фронта, завершавшей разгром основных сил армии А.В. Колчака. В дальнейшем командовал Кавказским, Западным фронтами, 7-й армией при подавлении выступления кронштадтских моряков в марте 1921 г., затем войсками Тамбовского района, подавлявшими антибольшевистское восстание крестьян во главе с А.С. Антоновым. В дальнейшем — начальник штаба Красной армии, заместитель и 1-й заместитель наркома обороны. С 1935 г. — Маршал Советского Союза. В 1937 г. расстрелян.

⁹⁹ **Каменев Сергей Сергеевич (1881—1936)**. В 1907 г. окончил Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны, полковник. В апреле 1918 г. добровольно вступил в Красную армию. До сентября 1918 г. — на командных должностях на западных участках. С сентября 1918 г. — командующий Восточным фронтом, а с июля 1919 г. по апрель 1924 г. — главнокомандующий Вооруженными силами республики. В дальнейшем — начальник штаба Красной армии, заместитель наркома по военным и морским делам. Командарм 1-го ранга.

¹⁰⁰ Непосредственными руководителями восстания куреня им. Т.Г. Шевченко были председатель подпольного Военно-революционного совета, анархист, бывший студент Пермского университета В.И. Орловский и заранее назначенный на должность командира полка фельдфебель С. Пацык.

¹⁰¹ **Каппель Владимир Оскарович (1883—1920)**. В 1913 г. окончил Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны. Подполковник. В июне—сентябре 1918 г. командовал отрядом, затем группой войск Комуча, действовавших на правом берегу Волги, в районах Сызрани, Симбирска и Казани, полковник, с ноября 1918 г. — генерал-майор. В 1919 г. командует 1-м Волжским корпусом, в дальнейшем — Московской группой. Генерал-лейтенант. С ноября 1919 г. — командующий 3-й армией. С декабря — главнокомандующий Восточным фронтом. Во время похода отморозил ноги. После их ампутации продолжает вести войска. Заболел воспалением легких и 26 января 1920 г. умер близ Иркутска.

¹⁰² При подходе частей Красной армии к Челябинску руководители городской подпольной организации А.И. Медведев, И.С. Солодовников и другие в ночь на 24 июля подняли рабочих города и каменноугольных копей на вооруженное восстание. Повстанцам удалось, разобрав железнодорожные пути, организовать ряд крушений, отрезать пути вывода эшелонов на юг, а затем и на восток. Проведение эвакуации и обороны, отступление белых оказались между двух огней; часть их вырвалась из города, но немало солдат этого сделать не успели. Утром 24 июля в Челябинск ворвались 243-й и часть 242-го полков 27-й стрелковой дивизии 5-й армии. Было захвачено в плен 1500 солдат и офицеров, большие трофеи, в том числе 32 исправных паровоза, тысячи вагонов с различным грузом. Местными коммунистами, политическими работниками в городе, в поселках, на копиях была незамедлительно развернута политическая пропаганда и мобилизация добровольцев, их

вооружение и отправка на фронт. Силы 5-й армии резко возросли, что и явилось залогом ее последующего успеха.

¹⁰³ До вступления А.В. Колчака в должность Верховного правителя флаг белых в Сибири был бело-зеленым, военнослужащие носили такого же цвета ленточки.

¹⁰⁴ «Протоколы сионских мудрецов» — это материал из нескольких десятков страниц (в русском издании 1917 г. — 83). Он стал известен читателю после появления впервые в российской печати в 1903 г., с тех пор переведен на многие языки и издан в различных странах мира. Содержание его выглядит как доклад-установка на завоевание руководящего положения в мире «сионскими мудрецами» — евреями-сионистами с использованием тайных масштабных, разнообразных и беззастенчивых методов и средств. На протяжении десяти десятилетий на страницах печати идут споры о том, подлинный ли это документ или фальшивка. Внимание А.В. Колчака, очевидно, как и многих других, «Протоколы...» привлекли в связи с тем, что многие процессы в обществе совпадали с их установками-прогнозами, и в связи с тем, что в революции и Гражданской войне большую роль играли евреи. Непосредственные руководители его расстрела (С.Г. Чудновский и Б. Блатиндер — И.Н. Бурсак) оказались представителями этой же национальности.

¹⁰⁵ Говоря о явно неблагоприятных делах чехословацкого корпуса, его руководства в отношении народа России и ее национального достоинства, я в то же время не могу не отметить и нечто другое. Эмигрантам из России в Чехословакии ее правительственные органы оказывали большее внимание и помощь, чем где-либо еще.

¹⁰⁶ **Пепеляев Анатолий Николаевич (1891—1938)**. В 1910 г. окончил Павловское военное училище. Участник 1-й мировой войны, подполковник. В мае 1918 г. возглавил антисоветское выступление в Томске. Полковник. С августа 1918 г. командовал Среднесибирским корпусом в составе Екатеринбургской группы (затем — Сибирской армии). Генерал-майор. С начала 1919 г. — генерал-лейтенант. Во второй половине 1919 г. — командующий 1-й Сибирской армией. Продолжал борьбу с красными в Забайкалье. В 1921 г. выехал в Харбин. В 1922—1923 гг. — во главе Сибирской добровольческой дружины участвовал в Якутском антисоветском восстании. В июне 1923 г. в порту Аян с группой приверженцев сдался советским войскам. Приговорен к расстрелу, замененному ВЦИК 10-летним заключением. В 1938 г. расстрелян. Брат В.Н. Пепеляева.

¹⁰⁷ **Третьяков Сергей Николаевич (1882—1944)** — видный московский финансист, фабрикант и общественный деятель. В 1917 г. примкнул к кадетам. Один из организаторов Всероссийского союза торговли и промышленности, с сентября 1917 г. — председатель Экономического совета и Главного экономического комитета Временного правительства России. После Октябрьского переворота выехал на Дальний Восток, входил в правление КВЖД. Осенью 1919 г. прибыл в Омск и был включен в состав правительства в качестве заместителя его главы и министра торговли и промышленности и иностранных дел. В декабре 1919 г. С.Н. Третьяков вы-

ехал в Читу для переговоров с Г.М. Семеновым и другими лицами. Эмигрировал.

¹⁰⁸ **Червен-Водали Александр Александрович (1872—1920)** — бывший член Главного комитета союза городов, Московской городской управы и Всероссийского союза торговли и промышленности. Член Партии народной свободы (кадетов), член правления «Национального центра». Работал в правительстве А.И. Деникина. Им и «Национальным центром» был командирован в Сибирь, где вскоре был включен в состав правительства. После выезда В.Н. Пепеляева в войска, а С.Н. Третьякова в Читу председательствовал в Совете министров. В июле 1920 г. расстрелян в Омске.

¹⁰⁹ А.И. Деникин указывал, что, получив известие о передаче А.В. Колчаком ему Верховного правления, он фактически в него не вступал. В это время критическим становилось положение белых и на Юге страны.

¹¹⁰ **Ермохин Михаил Капитонович (1890 — после 1957)** — русский офицер, участник антибольшевистского движения на Востоке России. Родился в г. Екатеринбург. Окончил местную гимназию (1907) и поступил на военную службу вольноопределяющимся. В 1909 г. вышел в запас, служил в Екатеринбургской городской управе и в управлении железной дороги. В 1914 г. мобилизован в армию (в 126-й запасной полк), с апреля по июль 1915 г. — на фронте, командир роты 23-го Низовского полка, прапорщик, подпоручик. В июле того же года был контужен, лежал в госпиталях. С января 1916 г. вновь на фронте в составе 335-го Анапского полка, командир роты. В марте 1918 г. демобилизовался, приехал в Екатеринбург. В августе 1918 г. вступил в Белую армию. В конце августа был назначен младшим офицером при коменданте Верх-Исетского завода (окраина Екатеринбурга), с конца сентября — помощником коменданта. В марте 1919 г. был назначен начальником охраны района раскопок по поиску останков расстрелянной в июле 1918 г. царской семьи, поручик. Затем командовал отрядом особого назначения, а с июля 1919 г. охраной главкома фронта и штаба генерала М.К. Дитерихса. В ноябре Верховным правителем А.В. Колчаком назначен начальником команды охраны «Золотого эшелона». В конце 1919 г. в Забайкалье, затем с семьей в эмиграции — в Маньчжурии. Вступил в Русский общевоинский союз, участвовал в антисоветской деятельности. Служил в железнодорожных и других организациях, в Харбине и других местах, на копяк. В 1943 г. стал осведомителем японской разведки (сообщал о настроениях среди российских эмигрантов). 14 августа 1945 г. арестован советскими органами, вывезен в СССР. В 1946 г. осужден на 15 лет лагерей; находился в Иркутской области. 26 июля 1990 г. посмертно реабилитирован.

¹¹¹ **Паначев Николай Павлович (1888 — после 1960)** — участник в качестве красногвардейца, затем командира Красной армии в борьбе с антибольшевистскими выступлениями в составе Красноуфимского полка в составе 4-й Уральской (30-й стрелковой) дивизии. Ко времени вступления в марте 1920 г. дивизии в Иркутск — командир 3-го батальона 262-го Красноуфимского полка. Был начальником охраны «Золотого эшелона» в пути его следования от Иркутска до Ачинска Енисейской губернии. С бойцами

вернулся в Иркутск, в свою дивизию. Участвовал в ее составе в сражениях на Южном фронте, в борьбе с повстанческими отрядами Н.И. Махно и другими на Украине. Награжден орденом Красного знамени. В 1924 г. демобилизовался, вернулся на родину, на Урал, долгие годы жил в пос. Арти (ныне — Артинский район Свердловской области), находился на советской и хозяйственной руководящей работе.

¹¹² **Косухин Александр Афанасьевич (1900—1939)** — работник ВЧК. Родился в Щигровском уезде Курской губернии. Там же включился в революционную борьбу в рядах большевиков. После Октябрьского переворота сотрудник Щигровской ЧК. В составе красногвардейского отряда весной 1918 г., как чекист, участвовал в борьбе с белыми на Юге страны. В мае того же года был направлен в той же системе службы в Туркестан, затем в состав Восточного фронта. Был сотрудником Особого отдела 5-й армии, участвовал в борьбе с армией А.В. Колчака на завершающем этапе, проведении террористических актов, арестов среди бывших ее солдат и офицеров и населения. Уполномоченным ВЧК и членом Сиббюро ЦК РКП(б) И.П. Павлуновским был направлен через линию фронта в Иркутск, где участвовал в ликвидации власти Колчака, его правительства и Политцентра, принятии от чехословаков «Золотого эшелона». Руководил его отправкой в Казань. Был на приеме у Ленина. В дальнейшем на чекистской работе в Иркутске, на Дальнем Востоке, других районах и в Курской области, в конце жизни — там же на государственной службе. Умер в августе 1939 г.

¹¹³ **Варга Иштван (1894—1945)** — офицер Австро-Венгерской армии, участвовал в 1-й мировой войне, против Русской армии. В 1916 г. попал в русский плен, находился в концентрационном лагере в Енисейской губернии. Бежал из него и затем вступил в Красную армию, активно участвовал в формировании интернациональных частей. С января 1920 г. — командир батальона интернационального полка, а с февраля — 1-го интернационального полка дивизии им. 3-го Интернационала. Был начальником охраны «Золотого эшелона» в пути его следования от Ачинска до Казани. С июня 1920 г. командир 1-го Туркестанского стрелкового полка, затем член Реввоенсовета и помощник народного военного визира (комиссара) Хорезмской народной республики. В 1922 г. награжден знаком военного ордена Хорезмской Красной армии.

¹¹⁴ **Чудновский Семен Григорьевич (настоящие имя и отчество — Самуил Гдальевич) (1889—1937)**. Родился в мещанской семье г. Бердичева. Начинал с ученичества в кожевенной мастерской. Рано включился в революционную работу. Арестовывался, отбывал ссылку. Февральская революция заставила его в Киеве, где он вскоре вступил в партию большевиков, стал ее активистом. В марте 1918 г. на военно-штабной снабженческой работе в Поволжье. В мае из Москвы направлен на советскую работу в Сибирь. В районе Иркутска попал в плен к белым повстанцам, заключен в губернскую тюрьму. Освобожден из нее Политцентром 27 декабря 1919 г. В январе 1920 г. назначен председателем губЧК, затем и председателем следственной комиссии по делу А.В. Колчака. Руководил расстрелом его и В.Н. Пепеляева 7 февраля. В дальнейшем служил в карательной системе

Томска, Новониколаевска, Смоленска. С 1928 г. — в Свердловске, председатель Уральского, затем — Свердловского областных судов. С 1935 г. — председатель Ленинградского облсуда. В 1937 г. арестован и расстрелян (в Москве). В 1957 г. посмертно реабилитирован.

¹¹⁵ **Бурсак Иван Николаевич** (настоящие фамилия и имя — **Блатиндер Борис**) (1895 — после 1970). Член партии большевиков с августа 1917 г. Родился в мещанской семье местечка Черный Остров Каменец-Подольской губернии. В 1915 г. призван в армию. Участник Февральской и Октябрьской революций в Петрограде. С начала 1918 г. — в Красной армии. В мае того же года направлен в Сибирь, где после захвата власти чехословаками и белыми повстанцами арестован и посажен в тюрьму. В декабре 1919 г. Политцентром освобожден.

¹¹⁶ Речь идет о группировке белых, подходивших к Иркутску. В целом, по оценке С.Н. Войцеховского, в район Читы к весне вышло около 15 тысяч солдат и офицеров бывшей армии А.В. Колчака.

¹¹⁷ Сейчас российскому читателю известно содержание письма Ленина заместителю председателя РВС РСФСР Э.М. Склянскому с текстом для направления шифрованной телеграммы члену Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнову, которое в данной книге приводится (см. параграф «Как решался вопрос об убийстве Колчака» и документ № 176 в части II).

КОММЕНТАРИИ К ЧАСТИ II

¹ **Фош Фердинанд (1851—1929)** — маршал Франции, в 1917—1918 гг. — начальник Генерального штаба, с апреля 1918 г. — Верховный главнокомандующий союзными войсками. Сыграл выдающуюся роль в победе стран Антанты в 1-й мировой войне.

² Остров Колчака, переименованный в 30-е годы в остров С.И. Расторгуева, находится в Пясинском заливе, у Северо-Западного побережья полуострова Таймыр.

³ Автобиография А.В. Колчака полностью опубликована автором. И поэтому, и в связи с тем, что в первой части книги многие данные использованы, объем ее ограничен, приведу лишь отрывок, в котором Колчак дает оценку революционным событиям, выражает отношение к большевикам и указывает на мотивы подключения в борьбу против них. Это стало его кредо.

⁴ Русская полярная экспедиция началась в июле 1900 г. и продолжалась до 1903 г. Она была организована Императорской Санкт-Петербургской Академией наук. Донесение начальника экспедиции Э.В. Толля было составлено во время первой зимовки экспедиции на полуострове Таймыр.

⁵ А.В. Колчак в составе экспедиции возглавлял гидрографические исследования, но участвовал также и в магнитологических работах. Итоги гидрографической работы в дальнейшем он изложил в более подробном отчете и ряде научных работ, в том числе монографии «Лед Карского и Сибирского морей».

⁶ В связи с тем что начальник экспедиции Э.В. Толль, отправившийся с тремя спутниками в пешее путешествие к острову Беннетта, по нему самому и севернее (в расчете на открытие и «Земли Санникова»), в назначенное время не вернулся, решено было организовать его поиск. Новую экспедицию Академия наук поручила организовать и возглавить А.В. Колчаку. Из документа следует, что она решала не только поисково-спасательные, но и научно-исследовательские задачи.

⁷ Экспедиция, возглавлявшаяся А.В. Колчаком, установила, что Э.В. Толль и его спутники астроном Ф.Г. Зееберг, проводники В. Горохов и Н. Прото-дьяконов погибли. В дальнейшем этот вывод подтвердился. На острове Бен-

нетта, примерно в том месте, откуда они отправились на юг в расчете на выход по льду к Новосибирским островам и на материк, но в пути погибли, поставлен памятник-крест на их символической могиле.

⁸ Монография А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей» выпущена в свет в серии записок Императорской Санкт-Петербургской Академии наук отдельным изданием. В сокращенном виде она издавалась за рубежом и не потеряла своего значения до настоящего времени.

⁹ Дневник А.В. Колчака, который он вел, будучи тяжело больным и раненым, охватывает последние дни обороны русскими сухопутными и военно-морскими силами Порт-Артура, вплоть до капитуляции. Защитники Порт-Артура еще в состоянии были продолжать оборонительные бои. Об этом свидетельствует и то, что вплоть до 21 декабря 1904 г. батареи А.В. Колчака по-прежнему готовы были продолжать огонь по противнику. Комендант Порт-Артура генерал-лейтенант А.М. Стессель за несвоевременную сдачу крепости в 1908 г. осужден к смертной казни, замененной 10 годами заключения в крепости (по распоряжению царя освобожден досрочно в апреле 1909 г.). В дневнике называются имена некоторых адмиралов, генералов, офицеров и солдат, которые участвовали в обороне Порт-Артура. Неоднократно упоминающийся Круссер — подчиненный А.В. Колчаку офицер, командир одной из его батарей (75-мм калибра). Круссер Г.П. (1878—?), как и Колчак, был флотским офицером, позднее, с 1913 г., — капитан 2-го ранга. Непосредственным начальником самого Колчака был командир вооруженного сектора Скалистых Гор, капитан 2-го ранга, с 1916 г. вице-адмирал А.А. Хоменко (1867—1939).

¹⁰ А.В. Колчак командовал, в сущности, двумя батареями (по обычной военной терминологии — артиллерийским дивизионом).

¹¹ А.В. Колчак Георгиевским оружием был награжден уже после возвращения в Санкт-Петербург, причем не только за подвиги на море, но и на суше в качестве командира артиллерийских батарей. Не случайно этим золотым оружием оказался не морской кортик, а сабля.

¹² **Чернышев Феодосий Николаевич (1856—1914)** — русский геолог и палеонтолог, академик с 1903 г., директор Геологического музея Академии наук, участник Шпицбергенской экспедиции.

¹³ Ледоколы «Вайгач» и «Таймыр» из Санкт-Петербурга во Владивосток отплыли 27 октября 1909 г.

¹⁴ В связи с телеграммой из морского министерства о необходимости приехать в Санкт-Петербург для продолжения работы в Главном морском штабе А.В. Колчак руководство экспедицией передал И.С. Сергееву (его затем заменил Б.А. Вилькицкий).

¹⁵ Воспоминания генералом Н.В. Савичем написаны в эмиграции не позднее 1923 г.

¹⁶ Государственная дума — законодательное учреждение парламентского типа с ограниченными правами. Существовала в 1906—1907 гг. Третья Государственная дума (Государственная дума 3-го созыва) открылась 1 ноября 1907 г. и функционировала весь срок, на который была избрана, — до осени 1912 г. Председателем ее вначале был Н.А. Хомяков, а с марта 1910 г. — ли-

дер партии «Союз 17 октября» А.И. Гучков. Комитет по государственной обороне Думы возглавил Гучков. С этого времени началось сотрудничество А.В. Колчака с видным предпринимателем и политическим деятелем, возобновленное в дальнейшем, после Февральской революции 1917 г., когда тот стал военным и морским министром.

¹⁷ А.В. Колчак, другие морские офицеры и адмиралы, прогрессивная часть военно-морского ведомства активно боролись за возрождение флота на современном уровне технической мысли и в итоге добились выдающихся результатов. Несмотря на то что реализация разработанной ими программы завершилась уже в ходе 1-й мировой войны, военно-морской флот в целом оказался гораздо лучше подготовленным к войне, чем армия, и противостоял он флоту противника, несмотря на меньшую мощь, весьма успешно.

¹⁸ А.В. Колчак в то время (до декабря 1913 г.) был еще капитаном 2-го ранга.

¹⁹ «Шпиц» — острое, игла. Имеется в виду адмиралтейское здание в Санкт-Петербурге, увенчанное «иглой», в котором размещался Главный морской штаб и в котором («под шпием») несколько лет работал А.В. Колчак.

²⁰ **Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911)** — выдающийся русский государственный деятель, в рассматриваемое время (с 1906 г.) председатель Совета министров. Проводил прогрессивную политику. При нем Россия стала процветать. Занимался и укреплением обороноспособности страны. Смертельно ранен Д.Г. Богровым. А.В. Колчак высоко чтит П.А. Столыпина и, будучи Верховным правителем России, использовал в проведении внутривластного курса некоторые его идеи, в частности по аграрному вопросу.

²¹ Имеется в виду приезд А.В. Колчака, тогда командующего Черноморским флотом, в Петроград в начале июня 1917 г., когда он подал с этого поста в отставку.

²² Контр-адмирал М.И. Смирнов — первый биограф А.В. Колчака, служил в Балтийском флоте, некоторое время под его началом, и все последующие годы был вместе с ним. Его сведения имеют высокую степень достоверности. Однако следует учитывать, что Смирнов глубоко чтит А.В. Колчака, на мой взгляд, иногда несколько идеализировал его, подчас преувеличивал и роль. В частности, в предлагаемом читателю отрывке, рассказывая о плане мобилизации Балтийского флота на случай войны, М.И. Смирнов приписывает его подготовку одному А.В. Колчаку, тогда как в этом большое участие принимал и адмирал Н.О. Эссен.

²³ Песня написана в Сибири в 1919 г. пехотным офицером, но посвящена подвигам А.В. Колчака на флотах.

²⁴ А.И. Верховский в дальнейшем перешел на сторону советской власти, служил в Красной армии, воспоминания писал в 30-х годах. Все это не могло не наложить сильнейшего отпечатка на общий их тон, выражение отношения к А.В. Колчаку, оценку его деятельности. Следует учесть и то, что воспоминания публиковались после смерти автора в условиях жесточайшей цензуры и произвольно подвергались издательством правке. Но и из приведенного текста можно уловить, что отношения между Верховским и

Колчаком были деловыми, взаимоуважительными. Такими они были в 1917 г. и в действительности.

²⁵ Речь идет о длительное время вынашивавшейся и готовившейся крупномасштабной операции по захвату проливов Босфор, Дарданеллы и Константинополя (Стамбула) — столицы Турции, воевавшей на стороне Германии. Главная роль в готовящейся операции отводилась Черноморскому флоту и ударной десантной дивизии, подчиненной командующему флотом. Предполагалось участие в ней войск Румынского фронта, а также военноморских сил союзников.

²⁶ П.Н. Милюков указывает на логическую предопределенность выдвижения в Сибири А.В. Колчака на роль диктатора в связи с тем, что он как кандидат на такую роль рассматривался еще в 1917 г., причем во всероссийском масштабе.

²⁷ К.И. Иорданский явно преувеличивает степень вовлеченности А.В. Колчака в заговорщическую деятельность военных кругов. Нельзя согласиться и с его оценкой взглядов Колчака как контрреволюционных, тем более — монархических. Неточен Иорданский и в освещении причин отъезда Колчака в Америку: угрозы ареста его Временным правительством и своего рода бегства из России из-за этого на деле не было. Колчак долго ждал разрешения А.Ф. Керенского на отъезд в США, что само по себе уже опровергает версию К.И. Иорданского.

²⁸ Сам А.В. Колчак отмечал, что о большевистском перевороте узнал не в Сан-Франциско, а лишь по прибытии в Японию. Очевидно, он имеет в виду получение по прибытии в Японию конкретных данных о характере событий в Петрограде в октябрьские дни, захвате власти большевиками.

²⁹ А.В. Тимирева — любимая А.В. Колчаком женщина, в дальнейшем его гражданская жена. Колчак писал ей письма на протяжении более чем полутора лет — с лета 1916 г. по начало весны 1918 г. До нас дошли две тетради, в которых содержатся черновые тексты этих писем. В них он подробно, часто по дням, описывает свою деятельность, плаванья, деловые и личные встречи, делится мыслями, планами. Поэтому черновики писем (чистовые варианты, очевидно, в чем-то и по содержанию, и по форме отличались от них), тетради, в определенной мере могут рассматриваться как дневники. Отсюда их высокая значимость в изучении не только взаимоотношений А.В. Колчака с А.В. Тимиревой, но и его жизни и деятельности. По прибытии поезда с вагоном А.В. Колчака в Иркутск, перед арестом, эти тетради, которыми он особо дорожил, и другие бумаги он передал для сохранения одному из своих адъютантов — подполковнику А.Н. Апушкину. Тот из поезда благополучно скрылся, выбрался из Сибири и поселился в Чехословакии. В 1927 г., испытывая нужду в средствах, Апушкин передал тетради Русскому заграничному архиву за 150 долларов (в то время — сумма значительная). Эти тетради с 243 страницами текста в 1945 г. чехословацким правительством были переданы советским представителям, а теми, в свою очередь, в Государственный фонд СССР. Тетради поступили в ГАРФ, в котором и хранятся поныне.

³⁰ «Генмор» — Генеральный (Главный) морской штаб.

³¹ По вызову военного и морского министра Временного правительства А.И. Гучкова А.В. Колчак выезжал из Севастополя в Петроград и пробыл там в 20-х числах апреля, во время антиправительственных демонстраций, несколько дней. Гучковым тогда ему предлагалось вступить в командование Балтийским, более крупным, чем Черноморский, флотом для предотвращения его разложения. Но от этого предложения А.В. Колчак отказался, справедливо считая, что переломить ход событий на этом флоте ему не удастся.

³² После возвращения в Севастополь в апреле 1917 г. А.В. Колчак, действуя в контакте с Центральным военным исполнительным комитетом (совет депутатов военных моряков и сухопутных частей), возглавлявшимся тогда умеренными социалистами-эсерами и меньшевиками, организовал крупную делегацию, которая оказывала патриотическое влияние на гарнизоны Москвы, Петрограда, моряков Балтийского флота и солдат фронтовых частей.

³³ А.В. Колчак имеет в виду его отъезд из Севастополя в связи с вызовом для доклада Временным правительством и подачей им телеграфного заявления об отставке с поста командующего Черноморским флотом. В Севастополь и к командованию флотом Колчак уже не вернулся.

³⁴ А.В. Колчаку Временным правительством предлагалось вернуться к командованию Черноморским флотом, но в связи с его интенсивной большевизацией и разложением Колчак от этого предложения отказался, а другого назначения не получил. Поэтому дал согласие на ранее сделанное ему членом американской миссии адмиралом Д.Г. Гленноном предложение выехать с военно-морской миссией в США для передачи в этой союзной державе своего опыта.

³⁵ **Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937)** — английский государственный и политический деятель, один из основателей Лейбористской партии. Во время мировой войны стоял на пацифистских позициях, критиковал английское правительство за участие в ней.

А.В. Колчак ошибается, ставя на одну доску Д.Р. Макдональда с Лениным, рассматривая его как немецкого агента.

³⁶ **Джеллико и Пенн** — английские адмиралы, руководители военно-морского ведомства. Джеллико Джон Рашуорт (1859—1935) — граф, адмирал флота, во время 1-й мировой войны — главнокомандующий Гранд-флотом (Большим флотом). С декабря 1916-го до конца 1917 г. — 1-й морской лорд (1-й лорд адмиралтейства — его руководитель).

³⁷ Письмо написано во время длительного пребывания А.В. Колчака в Японии, Йокохаме, куда он прибыл из Сан-Франциско примерно 8-го или 9 ноября 1917 г. В это время он выяснил, что в России власть захвачена большевиками, вступившими в переговоры с германскими властями с целью заключения сепаратного мира. Колчак рассматривал власть большевиков и ее отказ от союзных обязательств и продолжения войны незаконными. Поэтому решил участвовать в войне против Германии и ее союзников в составе вооруженных сил Англии и предложил ее властям (через посла этой страны в Японии Конингема Грина) свои услуги. Его предложение через некоторое время было принято. Ему предписывалось отбыть на Месопотамский фронт (на Ближний Восток).

³⁸ А.В. Колчака с юношеских лет интересовала наука и культура Древнего Востока — Китая и Японии. Он изучал китайский язык. Естественно, его, как профессионального военного, особо интересовали военная наука и традиции Востока, в данном случае Японии, военная символика и атрибутика, высокий уровень мастерства средневековых оружейников этой страны.

³⁹ Данный документ свидетельствует о душевных переживаниях А.В. Колчака в период неопределенности своего положения и т. д. Подобные состояния, настроения Колчака отдельные авторы склонны расценивать как впадение его в мистику, что не имеет под собой оснований.

⁴⁰ Данное письмо (его черновик) А.В. Тимиревой является последним в тетрадах А.В. Колчака вообще. По прибытии в Сингапур он получил уведомление о необходимости возвращения на Дальний Восток, о чем просили английские власти русские дипломаты, в частности посол в Китае князь Н.А. Кудашев. Такой поворот в судьбе Колчака связан и с тем, что изменилась военная и политическая обстановка на Месопотамском фронте, с которого, как и из Закавказья (Кавказский фронт), русские войска, солдаты и офицеры, среди которых, очевидно, и предполагалась его работа, выбыли, дезертировали.

⁴¹ Автор воспоминаний допускает неточность. А.В. Колчак приехал в Омск не в конце сентября, а 13 октября 1918 г.

⁴² **Роговский Евгений Францевич** — член Партии социалистов-революционеров, член Комуча. Летом и осенью 1918 г. — председатель и управляющий ведомством государственной охраны его правительства. По прибытии в Омск был назначен товарищем министра внутренних дел и заведующим милицией «с правом доклада» (права на выход на председателей Директории и Совета министров без санкции своего министра). В ночь на 18 ноября 1918 г. был арестован и затем выслан за границу.

⁴³ Записки Д. Уорда о поездке А.В. Колчака в Екатеринбург, Челябинск и на фронт в ноябре 1918 г. являются единственным обстоятельным источником.

⁴⁴ **Франк** — русский полковник, адъютант Д. Уорда.

⁴⁵ Речь идет о Тихвинском женском монастыре в Екатеринбурге, на площади перед которым проходили парад и церемония по поводу вручения чехословацким частям и подразделениям знамен с участием военного министра А.В. Колчака.

⁴⁶ Имеется в виду дом инженера Н.Н. Ипатьева в Екатеринбурге, в котором содержалась под арестом и была расстреляна в ночь с 16-го на 17 июля 1918 г. царская семья.

⁴⁷ **Голицын Владимир Васильевич** — генерал-майор (в 1919 г. — генерал-лейтенант). С мая 1917 г. состоял генералом для поручений при Ставке. В Сибири и на Урале командовал дивизией, корпусом. После ранения — на излечении на Дальнем Востоке. По приезде оттуда в Омск возглавил формирование добровольческих дружин. В дальнейшем — в эмиграции.

⁴⁸ Д. Уорд неточно излагает события. Речь должна идти о выступлении А.Г. Корнилова не против Учредительного собрания, которое открылось лишь

в январе 1918 г., а против руководящих органов советов, ЦК партии большевиков и т. п. организаций.

⁴⁹ Телеграмма на основе интервью составлялась и передавалась чехословаками на очень плохом русском языке. Составитель произвел стилистическую правку текста, не искажая его смыслового содержания.

⁵⁰ А.В. Колчак, говоря о «советско-германской России», связи правительства большевиков с правительством Германии, исходил из отрицательной оценки Брестского мира, советского режима, сговоров большевистской верхушки с германскими военными властями еще до октября 1917 г. и продолжения тайных связей, получения от них денег и в дальнейшем, сведения о которых просачивались в круги политиков Белого движения уже тогда.

⁵¹ Имеется в виду Уфимское государственное совещание, состоявшееся 8—23 сентября 1918 г. в Уфе, на котором были представлены местные правительства белых, различные политические, национальные организации, казачьи войска восточных районов страны. На нем было создано единое Временное Всероссийское правительство — Директория.

⁵² «В Москве мы намечали генерала Алексеева...» Имеется в виду деятельность «Национального центра» — подпольной антисоветской организации, руководящую роль в которой играли кадеты и другие буржуазные партии.

⁵³ Под неназванным в дневнике лицом, по моему мнению, имеется в виду командир чехословацкого корпуса генерал Ян Сыровы.

⁵⁴ Гришин-Алмазов (Алмазов — подпольная кличка, взятая им в дальнейшем как часть фамилии) Алексей Николаевич. Один из руководителей свержения советской власти в мае—июне 1918 г. в Сибири, полковник. Военный министр Сибирского Временного правительства, генерал-майор. Осенью 1918 г. уехал на Юг России, к генералам М.В. Алексееву и А.И. Деникину. Погиб летом 1919 г. при попытке переправиться в Сибирь по Каспийскому морю.

⁵⁵ Имеется в виду 2-я Сибирская конференция кадетов в Омске в середине ноября 1918 г., оказавшая влияние на свержение Директории и установление власти А.В. Колчака.

⁵⁶ Кудрявцев С.А. и Жардецкий В.А. — видные члены Партии народной свободы в Сибири.

⁵⁷ В ночь на 18 ноября 1918 г. в Омске была арестована часть членов Директории, в том числе ее председатель Н.Д. Авксентьев. Была установлена военная диктатура. Верховным правителем России провозглашен А.В. Колчак.

⁵⁸ В словах Г.К. Гинса о допущенной ошибке в связи с назначением А.В. Колчака Верховным главнокомандующим есть доля истины, ибо он не был специалистом по ведению военных действий на суше, фактически ими руководили его подчиненные генералы, но за их неудачи ответственность ложилась и на него самого.

⁵⁹ Джон Уорд, несомненно, участвовал в заговоре по свержению Директории и обеспечению прихода к власти А.В. Колчака. Английская часть, которой он командовал, готова была оказать А.В. Колчаку при надобности военную поддержку.

⁶⁰ Данный документ носит характер и дневника, и воспоминаний. В.Г. Бодырев вел дневник. Но судя по содержанию, он в дальнейшем вносил в него дополнения и исправления. Только с учетом этого обстоятельства можно вполне понять записи — предвидение каких-то грядущих событий, которые действительно совершились, привлечение А.В. Колчака в состав правительства при нелестной характеристике его как личности, опасения, что его могут выдвинуть на роль диктатора и т. д.

⁶¹ Омский национальный блок, «Блок 14-ти» («священный союз», по выражению В.Г. Бодырева) был создан кадетами в октябре 1918 г. в Омске с целью консолидации всех антибольшевистских сил (председатель — кооператор А.А. Балакшин). Оказывал влияние на А.В. Колчака и его правительство. Прекратил существование осенью 1919 г.

⁶² Степанов Н.А. — генерал-лейтенант, военный министр одного из составов правительства А.В. Колчака.

⁶³ Святицкий Н.В. (1887—?) — член Партии социалистов-революционеров, депутат Учредительного собрания. В 1918 г. — секретарь Комуча, участник съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге. После переворота 18 ноября 1918 г. вошел в эсеровскую группу «Народ», отказавшуюся от вооруженной борьбы с советской властью. Участник переговоров с ее представителями в Уфе на предмет заключения соглашения. В дальнейшем работал в советских учреждениях.

⁶⁴ Красильников И.Н. в указанное время еще не был генералом, имел чин войскового старшины, равнозначный подполковнику, В.И. Волков же был не войсковым старшиной, а полковником. Непосредственно арест членов Директории производился не Волковым, а Красильниковым.

⁶⁵ В.М. Чернов не точно передает обстоятельства ареста А.В. Колчака. Он не был пленен в результате победы восстания в Иркутске, а арестован в момент прибытия в этот город.

⁶⁶ Главной причиной вступления Г.М. Семенова в конфликт с А.В. Колчаком была та, что первый из них ориентировался на японскую, а второй — англо-французскую поддержку. На этой же почве борьба между ними началась еще весной 1918 г., в период нахождения А.В. Колчака на Дальнем Востоке.

⁶⁷ Брошюра В. Сибирякова — образец клеветнических, фальсификаторских публикаций советских органов печати и издательств о жизни и деятельности А.В. Колчака, как и других представителей Белого движения. Характеристика автором личности Колчака не имеет ничего общего с реальностью. В частности, адмирал никогда не занимался рукоприкладством, был корректным по отношению к матросам, не был придворным. Как показано в первой части книги, Колчак был противником восстановления помещичьего землевладения, ориентировался на создание крепких крестьянских хозяйств. Никаких актов о «восстановлении Нерчинской каторги» он не принимал. Забайкальская область практически вообще оказалась неподвластной А.В. Колчаку, став вотчиной Г.М. Семенова.

⁶⁸ А.И. Дутов был единственным из командующих армиями, кто сразу же открыто и безоговорочно поддержал А.В. Колчака после его прихода к

власти и провозглашения Верховным правителем России, что радикально повлияло на позиции других генералов.

⁶⁹ Под «чешским Советом» подразумевается чехословацкий Национальный совет — его филиал при чехословацком корпусе.

⁷⁰ Под «партией», «связь с которой бывшего правительства послужила причиной омских событий», имеется в виду Партия социалистов-революционеров, связанная с Директорией (Временным Всероссийским правительством).

⁷¹ Под «Уфимским собранием» А.В. Колчак, видимо, подразумевает или съезд членов Учредительного собрания, открывшийся в Самаре и продолживший работу в Уфе и Екатеринбурге, или Совет управляющих ведомствами в Уфе, возможно, тот и другой.

⁷² Из документа вытекает, что А.В. Колчак уже в первые месяцы правления принимал меры к усилению работы по исследованию Сибири, прилегающих к ней арктических вод.

⁷³ **Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927)** — русский государственный деятель, дипломат. С мая 1909 г. — товарищу министра, а с сентября 1910 г. по июль 1916 г. — министр иностранных дел. В 1918—1920 гг. был членом правительства А.И. Деникина — А.И. Драгомирова, а затем членом Русского политического совещания в Париже и представителем правительства А.В. Колчака в нем. Официально же внешнеполитическое ведомство его правительства возглавляли в начале Ю.В. Ключников, а затем И.И. Сукин. С 1920 г. Сазонов в эмиграции.

⁷⁴ А.В. Колчак неправильно расценил телеграмму С.Д. Сазонова как официальное признание правительством А.И. Деникина его Верховной власти. Такой акт Деникиным был предпринят гораздо позднее (в конце мая 1919 г.).

⁷⁵ В письмах А.В. Колчака и А.И. Деникина говорится о «представительстве России», «русском правительстве в Париже», «Политическом совещании» в этом городе, отдельных политических деятелях. Речь идет об одном и том же органе — «Русском политическом совещании» в Париже. Все упомянутые лица — Г.Е. Львов, С.Д. Сазонов, Н.В. Чайковский, В.А. Макалов, М.Н. Гирс — входили в его состав. Члены этого совещания претендовали на роль Российского правительства, но ни А.В. Колчак, ни А.И. Деникин не признавали за ним такого статуса, рассматривали его лишь как свое представительство за границей. Данный орган следует отличать от «Политического совещания», созданного в мае 1919 г. генералом Н.Н. Юденичем.

⁷⁶ Государственный совет был упразднен после победы Февральской революции 1917 г., а Государственная дума несколько позднее — накануне Октябрьского переворота (6 октября). Следовательно, речь фактически идет о приветствии А.В. Колчака от имени бывших членов уже ликвидированных государственных органов России.

⁷⁷ **Богаевский Африкан Петрович (1872/73—1934)** — генерал-лейтенант. В 1918—1919 гг. — председатель Донского правительства, с февраля 1919 г. — атаман Войска Донского. С января 1919 г. Донское войско вошло в подчинение генерала А.И. Деникина, а с июня — опосредованно и

А.В. Колчака, как Верховного правителя и Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России.

⁷⁸ Речь, очевидно, идет о генерал-майоре Сычеве, который в конце 1919 г. был командующим Иркутским военным округом и начальником Иркутского гарнизона, потерпел поражение от восставших рабочих и солдат и бежал в Забайкалье.

⁷⁹ Факт «измены» императрицы Александры Федоровны (бывшее имя — Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) — дочери великого герцога Гессен-Дармштадтского, родственницы германского императора Вильгельма II, конечно же не имел места. Обвинение несостоятельно.

⁸⁰ Одной из причин восстания чехословацкого корпуса против советской власти явилось и воздействие на его руководство представителей Англии и Франции.

⁸¹ Составитель, указывая на участие в Государственном совещании в Уфе в сентябре 1918 г. «Уфимского» правительства, ошибается. Такового не существовало. Возможно, он под ним имел в виду Уральское областное правительство в Екатеринбурге, представители которого в совещании действительно участвовали.

⁸² Автор ошибочно вместо генерала В.Г. Болдырева в числе членов Директории назвал генерала М.В. Алексева (в действительности он заочно был избран заместителем Болдырева).

⁸³ На основе решений Уфимского государственного совещания «Самарское правительство» перестало существовать. Комуч трансформировался в съезд членов Учредительного собрания, Совет управляющих ведомствами перешел на положение областного Уфимского правительства (председатель В.Н. Филипповский); в его ведении фактически находилась Уфимская губерния, да и то не полностью. В декабре 1918 г. тот и другой были упразднены.

⁸⁴ А.В. Колчак ориентировался на созыв Учредительного (Национального) собрания нового состава по достижении победы над большевиками, которое и должно было определить государственное устройство страны.

⁸⁵ Говоря в данном и других случаях о «предательстве» большевиков, А.В. Колчак имел в виду главным образом заключение их руководством кабального Брестского договора с огромными уступками Германии, фактически не избавившими Россию от военных действий с ее стороны.

⁸⁶ А.В. Колчак выступление членов Учредительного собрания против установленного 18 ноября 1918 г. режима военной диктатуры, а позднее — вступление части их в переговоры и соглашение с советскими властями считал компрометацией этого разогнанного большевиками учреждения.

⁸⁷ Цензура печати А.В. Колчаком вскоре была введена, но она не была такой жесткой, как в Советской России. Выходили различные, в том числе социалистические газеты, кроме большевистских. Те или иные из них периодически закрывались, но затем часто под другим названием вновь выходили.

⁸⁸ Кто подразумевается под «С», определенно сказать трудно. Им мог быть и кто-то из министров (И.И. Серебренников, В.В. Сапожников), член английской миссии капитан Л. Стевени. Есть данные, что главу английской

военной миссии за 2—3 дня до омского переворота информировал полковник (в дальнейшем генерал) К.В. Сахаров.

⁸⁹ А.И. Деникин признал А.В. Колчака как Верховного правителя России только в конце мая 1919 г.

⁹⁰ В.Н. Пепеляев А.В. Колчаком был назначен товарищем управляющего (министра) министерства внутренних дел, а 18 июля — министром. До того времени министром был А.Н. Гаттенбергер, которого и имеет в виду Пепеляев.

⁹¹ В рассматриваемое время военным министром был генерал-майор (позднее — генерал-лейтенант) Н.А. Степанов.

⁹² Главные начальники краев наделялись большими полномочиями, по существу равнозначными генерал-губернаторским. Позднее главным начальником Южно-Уральского края был назначен генерал-лейтенант А.И. Дутов.

⁹³ Правительствующий сенат в России существовал с 1711-го по 1917 г. Вначале он был высшим органом по делам законодательства и государственного управления, с первой половины XIX в. — высшим судебным органом, а с 1864 г. стал высшей кассационной инстанцией. Сенат при Колчаке официально наделялся большими полномочиями, но особой роли не сыграл.

⁹⁴ В связи с военными неудачами Юго-Западной армии, оренбургских казачьих частей, разложения ряда из них зимой 1918—1919 гг. А.В. Колчак выражал недовольство их командующим А.И. Дутовым. В результате позднее с поста командующего он был снят, а 23 мая армия была расформирована, ее части вошли во вновь сформированную Южную армию. В сентябре 1919 г. А.И. Дутов вновь назначен командующим армией. Переезд А.И. Дутова на жительство в Новониколаевск, о котором он пишет А.В. Колчаку, не состоялся. Будучи освобожденным от командования армией, Дутов оставался атаманом Оренбургского казачьего войска и вместе с тем являлся главным начальником Южно-Уральского края.

⁹⁵ Жаловаться на усталость личного состава оренбургских казачьих частей и местного населения в целом А.И. Дутов имел все основания, ибо здесь раньше, чем где-либо, в октябре 1917 г. началась и продолжалась уже почти полтора года масштабная борьба против власти большевиков.

⁹⁶ В письме А.И. Дутова речь идет об одном из наиболее крупных восстаний в тылу колчаковских войск — Кустанайском. Оно началось в конце марта и продолжалось по вторую половину мая 1919 г. В нем участвовали многие тысячи крестьян, солдат-новобранцев, рабочих и освобожденных ими политзаключенных. В числе инициаторов и руководителей восстания были и коммунисты, и беспартийные, недовольные колчаковским режимом крестьяне (таким был командующий повстанцами А. Жилев). Восстание, охватившее Кустанайский уезд Тургайской области и примыкавшие к нему районы, было подавлено крупными военными силами. Часть повстанцев прорвалась на соединение с Красной армией в район Челкара.

⁹⁷ «Алаш-орда» — Народный совет «Алаш-орды» — образованное в декабре 1917 г. казахское националистическое правительство, разместившееся в Семипалатинске. В нем доминировало влияние кадетов. Выступа-

ло за автономию казахов (тогда их называли киргизами) «Алаш-орды», вступало в конфронтацию с правительством Колчака.

⁹⁸ В обращении имеются в виду националистические и национально-демократические движения башкир, охватывавших и их национальные части, отдельные из которых в феврале 1919 г. перешли на сторону Красной армии. Еще с декабря 1917 г. существовало Башкирское правительство во главе с А. Валидовым и Ш. Манатовым. Оно добивалось признания автономной Башкирии, которую провозгласило после установления на Урале власти белых. Комуч и Временное Сибирское правительство фактически такую признали, разрешали формировать национальные части с подчинением их себе. А. В. Колчак ликвидировал башкирскую автономию, Военный совет и штаб башкирских войск, передав их под командование генералу А. И. Дутову. Это вызвало большое недовольство среди башкирских политиков, воинов и населения. Оно нарастало и в результате действий коммунистов-подпольщиков и им сочувствующих. Своим воззванием, обещанием самоуправления в составе единого Российского государства А. В. Колчак стремился как-то устранить просчеты и добиться поддержки со стороны башкирского населения.

⁹⁹ Издание распоряжения было вызвано сигналами с мест о нарушениях законности представителями местных, но особенно военных властей. Правительство А. В. Колчака стремилось отрегулировать отношения между двумя этими властями, избежать применения неоправданных, произвольных репрессивных действий военных властей на местах. Вместе с тем сам А. В. Колчак в дальнейшем все больше опирался на военные структуры, проявляя тем самым непоследовательность в политике, объективно способствуя произволу штабов, генералов и офицеров.

¹⁰⁰ До начала 1919 г. главы правительственной администрации в губерниях (областях) и уездах продолжали именоваться «комиссарами», как это было при Временном Сибирском правительстве (и до Октябрьского переворота 1917 г.). Затем эти главы администрации стали именоваться «управляющими».

¹⁰¹ Документ свидетельствует о попытках А. В. Колчака путем большой концентрации власти в своих руках и ограничения прав Совета министров добиться большего эффекта в действиях на фронте и работе тыла. В конечном итоге добиться этого не удалось.

¹⁰² «Комитет по обеспечению порядка и законности в управлении» рассматривал вопросы и принимал меры к обеспечению в центре и на местах властными органами и их представителями законности, оказывал в этом содействие Верховному правителю.

¹⁰³ В первой половине сентября 1919 г. войска А. В. Колчака начали неожиданное для командования Восточного фронта красных контрнаступление. В боях между реками Ишим и Тобол белые достигли значительных успехов и потеснили красных. Войска генерала А. И. Деникина в это время наступали в московском направлении и подходили к Курску. У Верховного правителя появились большие надежды на общую победу Белого движения.

¹⁰⁴ А. В. Колчак из-за продолжающейся войны радикальные перемены в государственном устройстве считал несвоевременными. Но под давлением

усиливавшегося либерального крыла в составе правительства и вне его он склонился к идее созыва Государственного земского совещания, о чем и извещалось в приведенном документе. Началась разработка положения о совещании. 16 ноября 1919 г. Колчак издал указ о выборах в него не позднее 1 января 1920 г. К этому времени мыслилось придать ему законодательные права. Указ запоздал, и Государственное земское совещание создано не было.

¹⁰⁵ В Енисейской и западной части Иркутской губерний к весне 1919 г. развернулось наиболее мощное партизанское движение, в составе которого находилось до 5 тысяч человек.

¹⁰⁶ Приказ был отдан во время пребывания А.В. Колчака в Уфе. Именно в конце апреля — первой половине мая произошел ряд случаев перехода на сторону Красной армии западнее и юго-западнее Уфы целых частей и многих воинских подразделений.

¹⁰⁷ **Соколов Николай Алексеевич (1882—1924)**. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Служил по судебному ведомству в Пензе. После большевистского переворота он перебрался в Омск, где был назначен судебным следователем по особо важным делам Омского окружного суда. В феврале 1919 г. Соколов Верховным правителем А.В. Колчаком был назначен следователем по выяснению обстоятельств убийства царской семьи. В дальнейшем эмигрировал, увезя с собой значительную часть вещественных доказательств преступления. Умер во Франции.

¹⁰⁸ «Читинский Гришка» — атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов. Административным центром войска и Забайкальской области была Чита.

¹⁰⁹ Р. Гайда, командовавший Сибирской армией, в ультимативной форме потребовал от Совета министров (а фактически от А.В. Колчака) изменений в составе руководства войсками, в частности устранения генерала Д.А. Лебедева от должности начальника штаба Ставки. Он сам претендовал на пост главнокомандующего фронтом. Майский конфликт с Р. Гайдой А.В. Колчаком в мае — июне временно был улажен.

¹¹⁰ Во время пребывания в Перми в феврале 1919 г. А.В. Колчак посетил Мотовилихинский пушечный завод и, как отмечали сопровождавшие его лица и очевидцы, продемонстрировал свое знание производства. Основная масса рабочих крупнейшего завода высказывалась за поддержку политики Верховного правителя.

¹¹¹ Особое совещание — правительство Юга России под председательством генерала А.М. Драгомирова (фактически при генерале А.И. Деникине). Создано 31 августа 1918 г. в Екатеринодаре (ныне — Краснодар), именовалось вначале Высшим органом гражданского управления. 30 декабря 1919 г. Особое совещание А.И. Деникиным упразднено и заменено правительством при Главнокомандующем Вооруженных сил Юга России во главе с генералом А.С. Лукомским. В марте 1920 г. его сменило Южно-русское правительство (председатель — кадет М.В. Бернацкий). Его преемником стало правительство Юга России П.Н. Врангеля.

¹¹² **Нератов А.А.**, дипломат, в рассматриваемое время — начальник управления иностранных дел Особого совещания — правительства А.И. Деникина.

¹¹³ ЦК РКП(б) для руководства подпольной работой коммунистов в тылу войск А.В. Колчака и развертывания повстанческого партизанского движения во второй половине декабря 1918 г. образовал Сибирское бюро ЦК РКП(б), в дальнейшем именовавшееся также Урало-Сибирским и размещавшееся в прифронтовой полосе (при Реввоенсовете 5-й армии). Бюро имело отделение, размещавшееся при Реввоенсовете 3-й армии.

¹¹⁴ М.Н. Оглоблин под фамилией Посадского был переправлен Сибирским бюро ЦК через линию фронта во второй половине июня 1919 г. Судя по некоторым документам, был задержан белыми. Во время допросов дал подробные сведения об этом конспиративном партийном органе. О задании убить А.В. Колчака Оглоблин показаний не давал.

¹¹⁵ **Образцов Николай Семенович** («Маруся») состоял в Партии левых эсеров, вместе с группой своих единомышленников зимой 1918/19 г. включился в состав большевистской подпольной организации. В марте 1919 г. он наряду с другими подпольщиками был арестован колчаковскими властями, дал показания о работе подпольщиков, оказал помощь в аресте целого ряда из них. В дальнейшем был зачислен на службу в контрразведку белых. Эмигрировал.

¹¹⁶ Под именем «полковника К.» имеется в виду полковник Котомин, командовавший бригадой в 35-й стрелковой дивизии 5-й армии красных. Перешел на сторону белых с 11 офицерами, вовлеченными в антисоветскую организацию.

¹¹⁷ Села Степно-Баджейское и Тасеево стали центрами восстания недовольных колчаковским режимом крестьян, формирования крупных партизанских соединений. Повстанческие выступления подавлены не были. Отступив под ударами карательных войск в более отдаленные районы, партизаны продолжали борьбу. Указ Верховного правителя об изъятии земельных наделов у участников партизанского движения, очевидно, выполнен не был. Он явился предметом длительного разбирательства Межведомственной комиссии, и его законность ею оспаривалась.

¹¹⁸ Речь идет о применении японскими карательными отрядами, подавлявшими крестьянские восстания в Амурской области и других местах, жестоких методов — сжигания их селений, в частности волостного села Ивановки в марте 1919 г., массовых расстрелов. Издавал ли «повеление» такого рода А.В. Колчак — сказать трудно. Сам он на следствии в феврале 1920 г. отрицал это. Текста документа исследователями не выявлено.

¹¹⁹ Кияйское (Кияйская) — волостное село в Красноярском уезде. Ной (Нойское) — село Вершино-Рыбинской волости Канского уезда Енисейской губернии.

¹²⁰ В соответствии с приказом генерала С.Н. Розанова сжигались дома в селах Степно-Баджейское и Тасеево, производились расстрелы крестьян. Розанов, как и большевики, чекисты, широко применял систему заложничества. Жестокость одних была сопряжена с жестокостью других.

¹²¹ Межведомственная комиссия, как видно из документа, защищая частнособственнические отношения, законность, определенно высказалась против проведения в жизнь указа Верховного правителя от 21 июня 1919 г. о

конфискации земель у семей участников антиколчаковского партизанского движения. Насколько можно судить по источникам, хотя А.В. Колчак свой указ не отменил, но и не настаивал на его реализации, в силу чего он в жизнь проведен не был.

¹²² Слухи о возможности вступления в переговоры советского правительства и правительства А.В. Колчака были основаны на предполагавшейся конференции представителей борющихся сторон на Принцевых островах. Правительство Ленина высказалось за участие в ней, правительства же белых — против, и она не состоялась.

¹²³ **Гулькевич К.Н.** — полковник, в период Гражданской войны — посланник России (то есть Белого движения) в Швеции.

¹²⁴ А.В. Колчак высказывался за участие финских войск в борьбе с большевиками, в частности в походе на Петроград, но на конкретной договорной основе, исключающей признание независимости Финляндии. Он решительно выступал против притязаний финского правительства на российские территории, в частности Карелию. Условия финской стороной приняты не были, участия в борьбе за Петроград она не приняла.

¹²⁵ **Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857—1932)** — генерал от инфантерии (в 1917 г. — помощник румынского короля по ведению военных операций и главнокомандующий русскими армиями Румынского фронта), военный представитель Верховного правителя России при союзных правительствах и командовании их войск.

¹²⁶ Речь идет о мирных переговорах участников 1-й мировой войны в Париже, предстоящем заключении Версальского мирного договора (подписан 28 июня 1919 г.).

¹²⁷ Предполагалось оказание России продовольственной и медицинской помощи путем создания международного благотворительного общества во главе со знаменитым норвежским ученым, полярным исследователем Ф. Нансеном («план Нансена»). Тогда этот гуманитарный план реализован не был.

¹²⁸ Документ свидетельствует о больших разногласиях между правительствами союзных стран Антанты, что не могло не сказаться на их политике в отношении к России и правительствам А.В. Колчака и др. К.Д. Набоков, в частности, правильно прогнозировал, что меньше всего Белому движению можно ожидать помощи от Франции.

¹²⁹ Документ носит характер правительственной декларации, включает в себя программные установки во всех основных областях его деятельности. Эта программа, демократическая по своей сути, могла быть реализована в условиях завершения гражданской войны в пользу белых. Она получила одобрение в правительственных кругах западных буржуазно-демократических государств, в связи с чем более реальной становилась возможность официального признания ими правительства А.В. Колчака и его самого как Верховного правителя России. Однако последовавшие затем новые военные поражения привели к отказу от идеи признания его этими государствами де-юре.

¹³⁰ А.П. Будберг явно переоценивал возможности А.В. Колчака и его правительства в борьбе с Г.М. Семеновым, атаманщиной вообще. Попытка Колчака отстранить Семенова от власти, сместить с военного поста резуль-

татов не дала, ибо за спиной этого (как и других атаманов на Дальнем Востоке) стояли наиболее мощные силы интервентов — японские дивизии. К тому же и в Омске среди политиков и военных кругов, а именно — генералов и офицеров Сибирского, Семиреченского, Енисейского и других казачьих войск, также проявлявших этот «правый большевизм» — атаманину, Семенов получил определенную поддержку. И сам А.В. Колчак не смог избавиться до конца от их влияния.

¹³¹ По крайней мере, спорным представляется утверждение А.П. Будберга о пользе недопущения союзных войск на фронт, необходимости использования их только в тылу. С отводом чехословацких частей с фронта фактически именно так все и обстояло, но положение к лучшему не изменилось, скорее наоборот.

¹³² Михайлов И.А. — министр финансов до прихода к власти А.В. Колчака; длительное время после этого играл крупную роль, сплывая вокруг себя наиболее реакционно настроенных министров и военных деятелей. Принято было говорить о «кружке Михайлова». Явившись одной из ключевых фигур в организации переворота 18 ноября 1918 г. и прихода к власти А.В. Колчака, И.А. Михайлов затем все больше не удовлетворялся действиями Верховного правителя, как недостаточно решительными в борьбе с левой оппозицией и революционным движением. С министерского поста А.В. Колчаком в дальнейшем был смещен.

¹³³ Речь идет о телеграмме глав правительств Англии и Франции, полученной в Омске 13 декабря 1918 г. как реакции на протест А.В. Колчака против назначения М. Жанена главнокомандующим и иностранными, и русскими войсками в Сибири. Телеграмма гласила, что этот генерал становится главкомом лишь союзнических (иностраных) войск. Дневник, воспоминания Жанена — серьезное свидетельство того, как остро, болезненно воспринимал А.В. Колчак попытки вмешательства иностранных представителей в его военную и государственную деятельность, покушения на суверенитет России вообще.

¹³⁴ Речь идет о 1-й мировой войне, которую многие уже тогда называли «великой», и ее завершении поражением Германского блока, подписанием 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия. (Официально война закончилась подписанием 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора.)

¹³⁵ Попытка А.В. Колчака остановить структурный и количественный рост военного (как и гражданского) аппарата в конечном итоге к положительным результатам не привела.

¹³⁶ Имя святого Георгия (Егория) Победоносца глубоко почиталось в христианских странах, в том числе в России. Ортодоксальная христианская житийская литература говорит о Георгии как о современнике римского императора Диоклетиана (284—305), дослужившемся в его армии до высокого военного чина и выступившего против гонений на христиан, за это мучимого пытками («Великомученик») и казненного. Ему приписываются подвиги за правду, во спасение людей. Считается покровителем Англии, в Российской империи — Грузии, Москвы (его изображение в виде всадника на коне, поражающего змия, стало эмблемой города; оно входило и в герб России). В 1769 г. был учрежден высший военный орден Св. Великомуче-

ника и Победоносца Георгия 4 степеней, а в 1913 г. — военный Георгиевский крест (под другим наименованием — как «Знак отличия военного ордена» — существовал с 1807 г., в 1856 г. был разделен на 4 степени). 23 апреля (по старому стилю) отмечался праздник Св. Георгия в стране и ее армии. А.В. Колчак восстановил награждение воинов орденом Св. Георгия и Георгиевским крестом. Как видно из приведенного документа, он восстановил и празднование этого дня как «праздника всей Русской армии». Этот праздник был приурочен к 26 ноября (по новому стилю 9 декабря) в связи с учреждением ордена в 1769 г. именно в этот день.

¹³⁷ Документ в целом, в том числе тексты присяги и обязательств добровольцев, процедура их принятия представляют ныне не только познавательный, но и практический интерес. При реорганизации, фактически — создании, в какой-то мере — воссоздании Российской армии, несомненно, должны быть и будут использованы лучшие дооктябрьские военные традиции, которые в новых исторических условиях преемственно прививались в армии Колчака.

¹³⁸ Назначение генералов Е.К. Миллера и Н.Н. Юденича главнокомандующими войсками белых на Севере и Северо-Западе России, где они и действовали, последовало после признания ими А.В. Колчака как Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. На время удалось достигнуть договоренности о подчинении ставке Р. Гайды, который продолжал командовать Сибирской армией, даже получил в оперативное подчинение Западную армию. Однако вскоре конфликт возобновился и в итоге закончился увольнением Р. Гайды в июле 1919 г.

¹³⁹ Конфликт был начат Р. Гайдой и направлен против Ставки, начальника штаба Д.А. Лебедева, а фактически — и А.В. Колчака. Мотивами его были не только ошибки, действительно допускаявшиеся Ставкой, но также и явные претензии Гайды, командовавшего армией, на общее руководство войсками фронта и его попытки самооправдаться за собственные неудачи в весеннем сражении.

¹⁴⁰ А.П. Будберг, говоря о «перебежавших к нам фельдшерах австрийской армии», иронизирует над Р. Гайдой, который в прошлом служил в австро-венгерской армии фельдшером, командного опыта не имел.

¹⁴¹ Под ответом А.В. Колчака на запрос пяти держав из Парижа имеется в виду приведенный выше документ (№ 98).

¹⁴² Прогноз А.П. Будберга относительно того, что уволенный с русской службы Р. Гайда будет и дальше действовать во вред А.В. Колчаку, оправдался. В ноябре 1919 г. Гайда во Владивостоке организовал антиправительственный путч, закончившийся его поражением. Колчак лишил его воинского звания и приказал выслать за пределы России.

¹⁴³ Анатолий — брат автора дневника, командир Среднесибирского корпуса Сибирской армии А.Н. Пепеляев.

¹⁴⁴ В.Н. Пепеляев под полковником Аниктявским, очевидно, имеет в виду полковника Акинтьевского, сопровождавшего А.В. Колчака в поездке на фронт.

¹⁴⁵ **Граф де Мартель** — представитель французского правительства.

¹⁴⁶ В.Н. Пепеляев указывает на точное время и обстоятельства составления ответа А.В. Колчака союзникам на их ноту от 26 мая 1919 г. и свое участие в этом.

¹⁴⁷ В.Н. Пепеляев в оценке действий Р. Гайды прежде всего опирался на мнение своего брата, в то время хорошо сработавшегося с честолюбивым командармом.

¹⁴⁸ В Сибири, даже в Омском военном округе, не говоря уже об Урале, майско-июньская мобилизация 1919 г. прошла далеко не столь благополучно, как она оценивается в приказе Верховного правителя. Высоким был уровень уклоняющихся от мобилизации, дезертирства со сборных пунктов, воинских частей. Режим Колчака вступал в глубокий кризис, что непосредственно отражалось на состоянии армии.

¹⁴⁹ Говоря об «окончательном создании русской армии, как и самой Родины», — «единой и нераздельной», о приказе А.И. Деникина от 30 мая, А.В. Колчак имеет в виду признание этим генералом, представляющим наиболее мощную армию белых, после его собственной, предрешение вопроса об объединении всех основных антибольшевистских сил.

¹⁵⁰ Челябинская операция, рассчитанная на отвод войск из Челябинска, «заманивание» частей 5-й армии красных в «мешок» в целях последующего разгрома их ударами с севера и юга планировалась начальником штаба и военным министром Д.А. Лебедевым и командующим Западной армией К.В. Сахаровым. Запланирована она была бездарно, авантюрно. Взята была во внимание сравнительная немногочисленность 5-й армии красных, но игнорировались антиколчаковские настроения местных рабочих, среди которых активно действовали коммунисты, наблюдался бурный рост партизанского движения. А.В. Колчак дал себя увлечь идеей этого плана и одобрил его. В результате его армия потерпела жестокое поражение, в сущности предпринявшее катастрофический исход всего дела.

¹⁵¹ Генерал Н.Н. Головин ехал в Омск через Владивосток по поручению Русского политического совещания и генерала Д.Г. Щербачева — военного представителя А.В. Колчака и А.И. Деникина при союзных правительствах. Головин прилагал большие усилия к достижению официального признания правительствами западных стран правительства А.В. Колчака, выступал по этому поводу в английском парламенте.

¹⁵² В данном случае под Южным фронтом подразумевается левый фланг того же Восточного фронта, на котором действовала упоминающаяся далее Южная армия под командованием генерал-майора Г.А. Белова.

¹⁵³ Президент США Вильсон Томас Вудро (1856—1924) 22 января 1919 г. от имени Антанты обратился ко всем правительствам России с предложением о перемирии и созыве конференции на Принцевых островах (в Мраморном море) на основе сохранения занимаемых к этому времени территорий. Советское правительство из тактических соображений высказалось за участие в конференции, правительства белых, в том числе А.В. Колчака, заявили о своем отказе участвовать в ней. Конференция не состоялась.

¹⁵⁴ Надо полагать, что имеется в виду станция и поселок Аша-Балашевский Завод (ныне г. Аша) в Уфимской губернии, где в то время размещался штаб 3-го Уральского корпуса Западной армии белых. Линия фронта на этом участке проходила между этой станцией и Уфой.

¹⁵⁵ В связи с занятием в январе 1919 г. Оренбурга красными войсковой круг разместился в г. Троицке.

¹⁵⁶ В Екатеринбурге размещался штаб Сибирской армии, руководящие органы многих общественных и иных организаций. А.В. Колчак намеревался перенести свою Ставку в этот город. Были предприняты некоторые практические меры к этому, в частности освобождались здания под Ставку, квартиры для ее состава, штаб Сибирской армии весной 1919 г. был перемещен в Пермь. Но в связи с последовавшим ухудшением обстановки на фронте, отступлением войск из Поволжья и Предуралья на восток Ставка оставалась в Омске.

¹⁵⁷ А.В. Колчак выезжал на фронт по железной дороге от Перми в сторону Глазова. Фронтальная линия проходила в нескольких десятках километров от Перми, близ станции Менделеево.

¹⁵⁸ Полагаю, что письмо от имени группы женщин написала Фелицата Алексеевна, она же — Ф. Кольцова.

¹⁵⁹ Волостное село Орда (Ординское) Осинского уезда Пермской губернии находится южнее г. Кунгура. В его районе в январе 1919 г. шли упорные бои с переменным успехом. Позднее за подвиги в том же бою 29 января к наградам были представлены другие солдаты и командиры полка имени адмирала Колчака.

¹⁶⁰ 245-й (бывший Смоленский), 246-й (бывший 3-й Пензенский) и 247-й (бывший 4-й сводный советский) стрелковые полки входили в состав 28-й стрелковой дивизии 2-й армии красных. В документе прежнее наименование 245-го полка, как «2-го Пензенского», дается неточно. Эти полки действовали на более широком участке фронта, нежели занимаемые 25-м Екатеринбургским полком белых.

¹⁶¹ Части 3-го Уральского корпуса Западной армии белых вынудили части 5-й армии красных спешно отступить из Уфы и заняли ее 13 марта 1919 г.

¹⁶² Другие источники подтверждают сведения А.П. Будберга об оптимистическом настроении А.В. Колчака после начала успешного контрнаступления Южной группы советских войск. Этот оптимизм, недостаточная озабоченность Верховного правителя в связи с первыми крупными поражениями соединений Западной армии объяснялись прежде всего хвастливыми заявлениями Р. Гайды о безусловном скором и сокрушающем красных наступлении его Сибирской армии.

¹⁶³ Речь идет о состоявшемся в Екатеринбурге Уральском фабрично-заводском съезде, которым непосредственно руководил приехавший туда вместе с А.В. Колчаком главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров, председатель Государственного экономического совещания при правительстве Г.К. Гинс; на съезде присутствовало до 600 человек. Его открывал А.В. Колчак.

¹⁶⁴ Ижевская (Ижевско-Воткинская) дивизия была сформирована в основном из участников антибольшевистского восстания рабочих Ижевского и Воткинского заводов, крестьян Вятской губернии, которое началось в августе 1918 г. Соединение, которым командовал генерал-майор В.М. Молчанов, было одним из наиболее стойких в армии А.В. Колчака.

¹⁶⁵ Сведения белых о налете на Лебяжье «известного уральского партизана Каширина» (в тексте книги А.П. Будберга фамилия дана неточно — «Катирин») неверны. На данном направлении действовала 30-я стрелковая дивизия 3-й армии красных. До 6 августа 1919 г. ею командовал Н.Д. Каширин. С этого же времени ее начальником стал Е.Н. Сергеев. Налет на Лебяжье был организован уже этим командиром.

¹⁶⁶ Г.К. Гинс здесь затрагивает чрезвычайно важный вопрос. А.В. Колчак был сторонником демократических реформ, но медлил с их проведением, откладывая до ожидавшейся победы над большевиками, созыва Учредительного собрания. Это весьма отрицательно сказалось на судьбе собственного дела, судьбах Белого движения.

¹⁶⁷ **Блюхер Василий Константинович (1890—1938)**. Участник мировой войны, рядовой. Вел революционную работу в Поволжье. С ноября 1917 г. на Урале. Председатель Челябинского ревкома, один из организаторов и руководителей борьбы против антисоветских выступлений оренбургского казачества. Летом и осенью 1918 г. участвовал в рейде Уральской партизанской армии по тылам белогвардейских войск (с начала августа — ее главнокомандующий). Затем — начальник 4-й Уральской (30-й стрелковой), 51-й стрелковой дивизий. Участвует в борьбе с войсками Врангеля. В последующие годы — на военных постах. С 1929 г. почти до конца жизни — командующий войсками Особой Дальневосточной армии. С 1935 г. — Маршал Советского Союза.

¹⁶⁸ Г.К. Гинс справедливо подмечает, что информация в войсках А.В. Колчака, не говоря уже о целенаправленной агитационно-пропагандистской работе, была поставлена плохо, несоизмеримо хуже, чем в войсках Восточного фронта красных.

¹⁶⁹ Дневник В.Н. Пепеляева — одного из сподвижников А.В. Колчака, главы его правительства последнего состава, виднейшего политического деятеля Сибири, выдержки из которого выше уже приводились, — весьма важный исторический документ. Без ознакомления с его содержанием невозможно выяснение целого ряда принципиальных вопросов истории прихода к власти и деятельности А.В. Колчака. Дневник местами труден для понимания его содержания, ибо автором, погибшим вместе с Верховным правителем, он не обрабатывался, не готовился к печати. Дневник не только изобилует сокращениями, недоговоренностями, но пестрит и пропусками, которые автор намерен был устранить позднее, в иных условиях. Составитель вынужден ограничиться только отдельными комментариями, ибо в целом читатель подготовлен к восприятию содержания при условии прочтения предыдущего материала данной книги с соответствующими комментариями.

¹⁷⁰ Годовщина свержения власти большевиков в Сибири была приурочена к дню отступления их отрядов из Омска и вступления в этот город белых — 7 июня 1918 г.

¹⁷¹ **Граф Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943)**. Русский государственный деятель, с 1911-го по 1914 г. — председатель Совета министров. После Октябрьского переворота — в эмиграции, занимался финансовой и политической деятельностью. Конфликтовал с Парижским совещанием.

¹⁷² Речь идет об **А.Ф. Трепове (1862—1928)**, являвшемся в 1916 г. председателем Совета министров России, после Октябрьского переворота эмигрировавшим. В ноябре 1918 г. возглавил Русский комитет в Хельсинки, ориентированный на Германию и претендовавший на роль российского правительства.

¹⁷³ В Иркутске в июне 1919 г. произошло выступление солдат и офицеров ряда чехословацких частей, направленное против использования их в качестве полицейской силы в районе железной дороги. Бунт был подавлен.

¹⁷⁴ Имеется в виду Особое совещание — правительство А.И. Деникина. В целом оно выступало за признание А.В. Колчака (а значит, и его правительства), хотя и выражало недовольство некоторыми аспектами его действий.

¹⁷⁵ **Яковлев Павел Дмитриевич** — управляющий Иркутской губернией, бывший правый эсер, действиями которого правительство было недовольно. После объяснений в августе 1919 г. с В.Н. Пепеляевым арестован не был, оставался в своей должности.

¹⁷⁶ Во время переговоров, а позднее — и встреч с братом А.Н. Пепеляевым В.Н. Пепеляев вел, как я уже выше писал, переговоры о подготовке и созыве Земского собрания, либерализации существовавшего в Сибири политического режима. В дневнике на этот счет делаются записи и в дальнейшем.

¹⁷⁷ **Гойер А.В.** — один из руководителей Русско-Азиатского банка. В начале 1918 г. приехал в Харбин. А.В. Колчак имел с ним служебные отношения. Гойер вошел в последний состав правительства Колчака.

¹⁷⁸ Неясный, видимо, неточно указанный характер перегруппировки советских войск Восточного фронта. На нем с середины июля 1919 г. оставались две армии — 3-я и 5-я. 2-я армия 16 июля 1919 г. была расформирована, следовательно, она никак не могла заменить 3-ю. Наоборот, она заняла участки, ранее занимавшиеся частями 2-й армии.

¹⁷⁹ **Кошек Ян** — майор, политический представитель чехословаков при правительстве А.В. Колчака.

¹⁸⁰ **А.В. Карташев** — председатель Русского комитета в Финляндии (заменил А.Ф. Трепова), под руководством которого эта организация ориентировалась на страны Антанты, признала А.В. Колчака Верховным правителем и объявила лидером Белого движения на северо-западе страны генерала Н.Н. Юденича.

¹⁸¹ Имеется в виду Северо-Западная армия белых, созданная 19 июня 1919 г. на базе Северного корпуса. До 2 октября ее командующим

был генерал-майор А.П. Родзянко, а затем — генерал от инфантерии Н.Н. Юденич (позднее, с 28 ноября 1919 г., — генерал-майор П.В. Глазенап). К началу октября 1919 г. армия насчитывала 17 800 штыков и 700 сабель.

¹⁸² Центральное бюро военных организаций Сибири, руководимое эсерами, готовило во Владивостоке антиколчаковское восстание. Оно было сорвано репрессивными мерами военных властей.

¹⁸³ В источнике допущена неточность. Речь идет о протоколе заседания не 5 июня, а 5 июля. 5 июля в Екатеринодаре под председательством видного кадета М.М. Федорова состоялось объединенное собрание представителей «Союза возрождения», «Всероссийского Национального центра» и «Совета государственного объединения». Текст протокола был переправлен в Омск.

¹⁸⁴ Немецкий генерал Р. фон дер Гольц поддерживал контакт с Русским комитетом в Финляндии, придерживавшимся германской ориентации. После перехода в комитете руководства в руки А.В. Карташева, переориентации на Антанту фон дер Гольц и другие члены комитета монархической и прогерманской ориентации создали «Политическое совещание» (Берлинское), пытавшееся расширить влияние на Белое движение.

¹⁸⁵ Это и следующие два предлагаемых вниманию читателя письма были получены С.Ф. Колчак, тщательно хранились ею и ее сыном. Впервые опубликованы спустя два с лишним десятилетия после получения.

¹⁸⁶ Романов В.В. — морской офицер.

¹⁸⁷ Троцкий развивает идею и излагает план экспорта революции, навязывания социализма ленинского толка в совершенно отсталых тогда азиатских странах для использования их в борьбе с капиталистической Европой. В следующем 1920 г. большевистские руководители все же предприняли попытку экспортирования революции на запад, но в войне с Польшей потерпели сокрушительное фиаско.

¹⁸⁸ Имеется в виду «рассказывание» — истребление и массовое выселение донского казачества и создание в районе его проживания рабочих и других поселений.

¹⁸⁹ 3-й Коммунистический интернационал, созданный в марте 1919 г. в Москве, рассматривался как международная заговорщическая организация для осуществления мировой революции. Доклад Троцкого лишней раз подтверждает это.

¹⁹⁰ Связь между А.В. Колчаком и А.И. Деникиным, координация ими действий своих войск были недостаточными. Как с той, так и с другой стороны проявлялась конкурентность, стремление первым войти в Москву. Однако практически соединиться колчаковским и деникинским войскам весной 1919 г. было крайне трудно, тем более что с мая армия А.В. Колчака стала терпеть поражения и откатываться на восток. Об этом писал и А.И. Деникин. Обвинения П.Н. Врангеля, думается, далеко не во всем обоснованы и справедливы.

¹⁹¹ Врангель в первом «памфлете» — письме от 28 июля 1919 г. на имя А.И. Деникина — ставил ему в вину, что тот не принял должных мер в

развертывании наступления в Волжском направлении для соединения с Уральским казачьим войском, а следовательно, войсками А.В. Колчака в целом и оказании им помощи.

¹⁹² А.И. Деникин неточен: А.В. Колчак был расстрелян не «демократией» (Политическим центром), а большевистским ревкомом, и не 25 января, а 7 февраля 1920 г.

¹⁹³ Генерал К.В. Сахаров в период Гражданской войны и ранее отличался монархическими взглядами. В его передаче содержания беседы с А.В. Колчаком получается, будто и тот придерживался точно таких же взглядов, желал реставрации монархии и считал, что и народ, крестьяне только и думают о ее восстановлении. Никакими источниками утверждения Сахарова не подтверждаются. Колчак неоднократно говорил, что реставрации старых порядков быть не может. Он определенно высказывался, что вопрос о государственном устройстве страны будет решен Национальным Учредительным собранием.

¹⁹⁴ Меморандум руководителей чехословацкого корпуса, распространенный в момент отвода войск на восток, имел преимущественно конъюнктурно-политическую цель: обелить действия соединения, его солдат и офицеров в глазах международной общественности, правительства Антанты, сибирского населения, партизан, возможно, и Красной армии, которая теоретически могла настигнуть эшелон корпуса.

¹⁹⁵ В связи с решительным протестом А.В. Колчака против обвинений в адрес сибирской системы власти Б. Павлу и В. Гирса выступили с разъяснением, что, говоря о творимых репрессиях и беззаконии в Сибири, они имели в виду местные военные власти

¹⁹⁶ В телеграмме отчасти повторяются положения предыдущего документа.

¹⁹⁷ Жуковский Владимир Григорьевич — товарищ министра иностранных дел.

¹⁹⁸ На фоне военных поражений, начавшегося развала фронта и тыла в целом в кризисном состоянии оказалось и правительство. Кризис усугублялся дальнейшим фактическим понижением роли правительства, усилением влияния военных, сплошь и рядом игнорировавших правительственные органы, творивших произвол. Политические, общественные круги стремились изменить эту ситуацию. Острее, чем прежде, ими ощущалась необходимость в реформах, принятии каких-то мер для демократизации режима, консолидации более широких кругов общественности, политических сил, удовлетворения чаяний народных масс, чтобы сбить волну недовольства и вооруженного сопротивления в городе и деревне. Влияние либерально и демократически настроенных людей в правительстве и его окружении нарастало. Менялась ориентация некоторых прежде «жестких» министров. Характерным в этом отношении было поведение министра внутренних дел В.Н. Пепеляева.

¹⁹⁹ В телеграмме, вероятно от 19 ноября 1919 г., на имя Верховного правителя Г.К. Гинс характеризовал критическую обстановку и предлагал, по крайней мере для ее разрядки, произвести смену председателя Совета ми-

нистров, назначить на этот пост В.Н. Пепеляева вместо П.В. Вологодского. Последний на это соглашался и сам 20 ноября направил А.В. Колчаку телеграмму сходного содержания. Следовательно, сами члены правительства настаивали на его радикальной реорганизации, а вместе с тем — повышении его роли. В переговорах с А.В. Колчаком П.В. Вологодский обстоятельно развивал эти же идеи и предложения. А.В. Колчак, в сущности, с предлагавшимися мерами был согласен и принимал их, тем не менее фактически оставял в системе власти приоритет за военными; он затруднялся в определении политики относительно чехословаков, Японии и т. д.

²⁰⁰ Речь идет о Государственном земском совещании, о созыве которого А.В. Колчак издал повеление от 8 ноября 1919 г. Созвано оно в силу чрезвычайной обстановки так и не было.

²⁰¹ П.В. Вологодский по освобождении с поста председателя Совета министров был назначен сенатором и председателем комиссии по выборам в Учредительное собрание, намечавшееся на перспективу — на случай победы над большевистским режимом. От последней должности он отказался в пользу бывшего члена Директории, члена Русского политического совещания в Париже Н.В. Чайковского.

²⁰² 21—24 декабря в Красноярске произошло бескровное антиколчаковское восстание, главную силу в котором составили солдаты гарнизона. Руководящую роль в нем играли эсеры, представители Политического центра, в частности его член Е.Е. Колосов. В должность командующего войсками Енисейской губернии вступил командир 1-го Сибирского корпуса генерал-майор А.К. Зиневич, сочувствовавший эсерам. Власть, как было объявлено, перешла в руки губернского земства в лице комитета общественной безопасности. В дальнейшем власть эсеров была свергнута в результате восстания, начавшегося 4 января 1920 г. и руководимого коммунистами.

²⁰³ Председатель Совета министров В.Н. Пепеляев находился в передовой полосе, вместе с А.В. Колчаком. Оставшийся за него заместитель председателя правительства С.Н. Третьяков выехал в Читу для переговоров с Г.М. Семеновым. Обязанности главы правительства выполнял министр А.А. Червен-Водали.

²⁰⁴ Что в данном случае имел в виду министр — не ясно. А.В. Колчак определенно сделал выбор в пользу В.Н. Пепеляева, который стал придерживаться леволиберальной ориентации. Факты свидетельствовали, что на последнем этапе деятельности А.В. Колчак отнюдь не ориентировался на проведение «еще более реакционной политики», как заявлял А.А. Червен-Водали.

²⁰⁵ В связи с победой в Иркутске повстанцев, руководимых Политцентром, переговоры были прерваны, члены правительства, в сущности, капитулировали, те, кто из них не успел скрыться, были арестованы, в дальнейшем переданы большевистскому ревкому.

²⁰⁶ Документ был составлен в г. Нижнеудинске.

²⁰⁷ **Лебедев В.И.** — член Партии социал-революционеров. Один из руководителей операции белогвардейских и чехословацких частей по захвату в ночь с 6-го на 7 августа 1918 г. золотого запаса России, хранившегося в Казани.

²⁰⁸ Нет никаких данных, которые бы свидетельствовали о том, что А.В. Колчак лично или в своем купе утаил какую-то часть золотого запаса.

²⁰⁹ В большинстве источников мемуарного характера содержатся сведения, что похищение 13 ящиков с золотом было произведено чехословаками, хотя в то время в охране участвовали и русские солдаты.

²¹⁰ В последний период вновь возросло внимание к «Золотому эшелону». В частности, поднимается вопрос о недосдаче ряда вагонов с драгоценностями Политцентру чехословаками и последующей отправке из Иркутска в Казань вместо 18 вагонов лишь 13 (см.: С и р о т к и н В. Вернется ли на Родину российское золото. // Знамя. 1992. № 8).

²¹¹ Генерал М. Жанен не пожалел строк в попытках выставить в глазах общественности А.В. Колчака в худшем, а себя в лучшем свете. Это было продиктовано в основном личными мотивами: и давно затаенной обидой на Колчака за решительный отказ от согласия на назначение того главнокомандующим не только иностранных, но и русских войск, на передачу ему золотого запаса и острой потребностью оправдаться за арест и гибель Колчака. А ведь еще в июле 1919 г. М. Жанен рассыпал комплименты в адрес Верховного правителя, говоря о мужестве и благородстве «первого гражданина возрождающейся России». В его дневнике, изданном через длительное время после событий, содержатся и фактические неточности и вымысел. В частности, ничем не подтверждается заявление о намерении А.В. Колчака «повесить министров» и передать часть вагонов с золотом Г.М. Семенову.

²¹² Буксеншуц — начальник главного штаба М. Жанена.

²¹³ Имеется в виду факт зверской расправы семеновцев 6 января 1920 г. над группой из увезенных ими 31 политзаключенного, объявленных заложниками, на ледоколе «Ангара» на Байкале. Их поодиночке выводили на палубу, били по голове деревянной колотушкой и сбрасывали за борт. Среди казненных был член Учредительного собрания, бывший министр Временного Сибирского правительства (Западно-Сибирского комиссариата) П.Я. Михайлов.

²¹⁴ Имеется в виду антиколчаковское восстание в Черемхове, вспыхнувшее 21 декабря 1919 г., победе которого не препятствовали находившиеся там чехословацкие войска.

²¹⁵ Совет министров действительно придерживался точки зрения о необходимости организации сражения за Омск, оттягивании эвакуации. Но и сам А.В. Колчак колебался и длительное время склонялся к такому же решению.

²¹⁶ В Нижнеудинске власть перешла в руки эсеро-меньшевистского Политического бюро, но вскоре была сдана большевикам.

²¹⁷ М.И. Занкевич неточно датирует события, связанные с прибытием вагона А.В. Колчака в Иннокентьевскую и Иркутск. Получается, будто на станцию Иннокентьевская Колчак прибыл 15 января, а в Иркутск на другой день, т. е. 16 января. То и другое произошло на сутки раньше. В Иркутск вагон А.В. Колчака был доставлен 15 января.

²¹⁸ По наиболее достоверным источникам, А.В. Колчак был доставлен на станцию Иркутск не «в начале дня», а ранним вечером 15 января.

²¹⁹ Букатый Василий Людвигович — член Иркутского губернского комитета РКП(б), начальник главного штаба по подготовке восстания, член Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин в дни антиколчаковского выступления в городе, в дальнейшем — член Иркутского ревкома.

²²⁰ А.Г. Нестеров, арестовывая и препровождая А.В. Колчака в тюрьму, выполнял тогда задание не «большевистского Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин», хотя тот уже имел вес, а Политцентра, руководимого эсерами и меньшевиками. При аресте, помимо А.Г. Нестерова, в качестве уполномоченных Политцентра присутствовали и коммунисты, в том числе будущий комендант города И.Н. Бурсак (Б. Блатиндер). Со стороны чехословаков акт о сдаче адмирала подписал офицер Боровичка. В документе о принятии от чешского командования бывших Верховного правителя и председателя Совета министров уполномоченными Политцентра значилось, что это произошло в 21 час 55 минут.

²²¹ К.А. Попов был председателем следственной комиссии, пока не был заменен коммунистом С.Г. Чудновским. О своей принадлежности тогда к меньшевистской партии он умалчивает, посему ряд авторов именуют его большевиком. Остальные члены комиссии юристы; В.П. Денике (первоначально зам. председателя, затем — член, доцент Иркутского университета, меньшевик; он вел протокол), А.Н. Алексеевский и Г.Г. Лукьянчиков (оба эсеры).

²²² Передача А.В. Колчака чехословаками Политцентру произошла не 17-го, а 15 января 1920 г.

²²³ Как свидетельствуют документы, версия об отправке после допроса А.В. Колчака в Москву несостоятельна. Как и «вынужденность» решения ревкома о его расстреле — лишь часть местных работников и реввоенсовета 5-й армии мыслила об отправке его в центр, пока не было получено распоряжение Ленина о физическом уничтожении. Глава советского правительства Ленин заранее дал секретное указание члену ревсовета 5-й армии И.Н. Смирнову под предлогом опасности наступления каппелевцев А.В. Колчака расстрелять.

²²⁴ Разумеется, квалификация К.А. Поповым военной диктатуры, режима А.В. Колчака как «типично-фашистских» не могут приниматься всерьез.

²²⁵ В такой же мере несостоятельны попытки К.А. Попова приписать А.В. Колчаку «монархические цели всей своей борьбы с большевизмом».

²²⁶ Не приходится соглашаться и с утверждением автора, что А.В. Колчак «политически безличная фигура» и «просто игрушка в руках держав Антанты».

²²⁷ 6 февраля 1920 г. состоялся последний допрос А.В. Колчака. В это время участь его уже была решена. Члены комиссии знали об этом, в связи с этим стремились выяснить некоторые вопросы, связанные с приходом А.В. Колчака к власти, его внешней и внутренней политикой, репрессивными действиями. В протоколе и приведенных извлечениях из него содержатся ценные сведения. Вместе с тем по ним читатель может соста-

вить определенное представление об атмосфере на допросах, поведении самого А.В. Колчака, не только интуитивно почувствовавшего надвигавшуюся близкую расправу, но и, по некоторым данным, имевшего сведения о ней предстоящей ночью. В связи с тем, что затрагивавшиеся на допросе 6 февраля и освещавшиеся А.В. Колчаком вопросы выше уже раскрывались, ограничусь далее лишь отдельными комментариями.

²²⁸ **Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925)** — князь, министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства России в марте—июле 1917 г., председатель Русского политического совещания в Париже. Летом и осенью 1918 г. находился в Сибири и на Дальнем Востоке, некоторое время вел деятельность, направленную против власти большевиков, в Китае, затем выехал в Париж. Имел полномочия от Временного Сибирского правительства и Директории. А.В. Колчак сказал о встрече со Львовым Владимиром Михайловичем. Видимо, он оговорился и имел в виду Львова Владимира Николаевича — члена Временного правительства России в 1917 г., проезжавшего через Сибирь в эмиграцию.

²²⁹ **Савинков Борис Викторович (1879—1925)** — политический деятель, управляющий военным министерством Временного правительства России летом 1917 г., член Русского политического совещания. Осенью 1918 г. он приехал в Омск. Наладил там контакты с местными политиками, Директорией. Предлагалось назначить Савинкова в новом правительстве министром иностранных дел, но Директория с этим не согласилась. Получив внешнеполитическое поручение, Савинков выехал за рубеж. До отъезда он встречался и беседовал с А.В. Колчаком.

²³⁰ Имеются в виду Уральское казачье войско, его правительство (Войсковое правление).

²³¹ Первая из приведенных записок до А.В. Тимиревой не дошла, была перехвачена охраной и сохранилась в архиве. Вторая, воспроизведенная по памяти А.В. Книпер-Тимиревой (возможно, это лишь часть записки), ею была получена и, видимо, утрачена.

²³² Главнокомандующий войсками белых генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский 1 (или 2) февраля 1920 г. ультимативно потребовал от Иркутского ревкома освобождения А.В. Колчака (выдвигались и другие условия), угрожая в ином случае штурмом Иркутска. Текст ультиматума опубликован 3 февраля 1920 г.

²³³ Два документа даются вместе, ибо они содержатся на одном и том же листе, двух его сторонах. Второй из них является как бы отметкой об исполнении постановления.

²³⁴ А.А. Ширямов, по всей видимости, был посвящен в то, что от Ленина (или от центра) поступило распоряжение о безусловном расстреле А.В. Колчака с последующей мотивировкой этого акта как вынужденного. Поэтому он особое внимание уделяет сокрытию подлинных обстоятельств расстрела, ловко дезориентирует читателей. Он, в частности, скрывает, что от члена реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнова прибыл человек с распоряжением об обязательном и неотложном расстреле адмирала. Воспоминания, написанные и опубликованные А.А. Ширямовым в разное время,

отличаются друг от друга, противоречивы. Они содержат и частные фактические ошибки. Например, другие источники не подтверждают утверждения, будто китаец — тюремный палач Чин Чекфан — был расстрелян вместе с А.В. Колчаком и В.Н. Пепеляевым. Палач был расстрелян в тюремном дворе утром 7 февраля.

²³⁵ **Сурнов Иван Васильевич** — член Сибирского областного, Иркутского губернского комитетов РКП(б) и Иркутского ревкома. В качестве их представителя был направлен через линию фронта в реввоенсовет 5-й армии, к И.Н. Смирнову, и находился там.

²³⁶ В других источниках, в том числе в воспоминаниях непосредственных участников расстрела, данных об участии в нем М. Левенсона не встречается.

²³⁷ Допрос А.В. Колчака продолжался по 6 февраля включительно.

²³⁸ Иркутскому ревкому о требовании генерала С.Н. Войцеховского освободить А.В. Колчака стало известно не 5 февраля, а несколькими днями раньше, ибо текст его ультиматума был опубликован в газете этого органа еще 3 февраля.

²³⁹ А.В. Колчак и В.Н. Пепеляев были одетыми, ибо имели сведения о возможном расстреле их наступающей ночью.

²⁴⁰ Ошибочное наименование А.В. Тимиревой «княжной» в дальнейшем широко проникло в художественную литературу и публицистику.

²⁴¹ Насколько известно, последние желания А.В. Колчака исполнены так и не были.

²⁴² Как я показывал выше, указания отправить А.В. Колчака в Москву от Ленина не поступило.

И вообще к 17-му или 18 января, когда А.В. Колчак только что был арестован и власть в Иркутске находилась еще в руках Политцентра, вряд ли вообще могло поступить подобное распоряжение.

²⁴³ Воспоминания В.И. Ишаевым составлены от третьего лица.

²⁴⁴ В воспоминаниях время, часы расстрела А.В. Колчака указываются разные. Наиболее достоверным все же следует считать время (5 часов утра), обозначенное в свидетельстве руководителей казни (см. предыдущий документ).

²⁴⁵ Не вдаваясь в подробности, скажу по поводу сложившегося в советской литературе, в искусстве стереотипа о «Кровавом Колчаке», «кровавом режиме Колчака» и т. п., что он несостоятелен. Гражданская война, начатая большевиками, самим Октябрьским переворотом 1917 г., была обоюдно жестокой. Жестоким в определенной степени был и режим А.В. Колчака. Но масштабы его жестокости не сравнимы с тем, что творилось в подвластной большевикам части страны. Нет и, видимо, не существовало документов, распоряжений Колчака о требовании массовых расстрелов. В противоположность ему глава советского правительства Ленин непосредственно руководил массовыми репрессиями, постоянно требовал усиления красного террора, расстрелов тысяч людей, часто не принимавших никакого участия в борьбе с советами. Он систематически нагнетал обстановку, подхлестывал чекистов, красноармейцев, государственный и партийный ап-

парат на беспредельную жестокость. В связи с публикацией все новых и новых документов, выходящих из-под его пера, это ныне становится совершенно очевидным. Так, 2-го и 7 августа 1918 г. Ленин требует от пензенских коммунистов «провести беспощадный террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь»; «повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 богатых крестьян, отнять у них весь хлеб, назначить заложников» — «сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...». В августе же от советских и партийных руководителей Саратова он требует «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». От нижегородских руководителей Ленин также требует «навести тотчас массовый террор». 22 октября 1919 г. он требует от Троцкого покончить с Юденичем, применив и такой прием: взять «тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича». Заместителю Троцкого Склянскому в августе 1920 г. дает секретное указание тайно пройти в глубь территории соседних государств — Латвии и Эстонии, повесить там 100—1000 чиновников и богачей, кулаков, попов, помещиков, выплатить за каждого повешенного по 100 000 рублей, а затем «свалить» все преступления на базировавшиеся в Польше части белых. 12 января 1920 г., выступая на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, Ленин требует подвоза хлеба в центр с применением террора. «Если мы не остановились перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять, мы не остановимся и перед этим и спасем страну». И т. д. и т. п.

Разве бы А.В. Колчак позволил себе что-либо подобное?! Нет, никогда подобного он не делал... Но так действовал в Гражданскую войну (да и после нее) октябрьский вождь Ленин, а вкупе с ним такие большевистские деятели, как Свердлов, Дзержинский и множество других, загубивших, уморивших, изгнавших из страны многие миллионы людей. Так что есть основания и давно пора произвести переосмысление и переоценку деятельности А.В. Колчака, но и этих вождей красного дела, а также А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, Н.Н. Юденича и других вождей Белого движения.

²⁴⁶ Определенная причастность английских представителей в Сибири к перевороту в Омске 18 ноября 1918 г., приходу к власти А.В. Колчака несомненна. Другое дело, что он не был, как обычно пишут, прямым ставленником английского правительства. Главными пружинами, сработавшими на переворот, были местные политические и военные круги.

²⁴⁷ М. Жанен явно лукавил, говоря о том, что не добивался, даже не желал возглавить все, в том числе русские войска в Сибири, как и утверждая, будто предвидел неизбежность поражения Белого движения Сибири.

²⁴⁸ М. Жанен в большей мере, чем кто-либо из представителей западных стран, причины поражений относит к действиям белогвардейцев, их ошибкам, жестокости, оправдывая и обеляя союзников, чехословаков. Получается, что главнокомандующий союзными войсками, в том числе чехословацким корпусом, участвовавший в решении оперативных вопросов и русских

войск, совершенно непричастен к военному поражению. М. Жанен почти неприкрыто оправдывался в своих действиях по непринятию мер к спасению А.В. Колчака, выдаче его Политцентру.

²⁴⁹ Оценка узла причин поражения войск А.В. Колчака, степени его личной причастности к этому, сделанная на основе общего анализа исторической обстановки периода Гражданской войны, представляется в целом обоснованной. Она нашла отражение в трудах видных историков, в мемуарах других участников событий, в частности Г.К. Гинса и М.И. Смирнова.

²⁵⁰ Бросая анонимно обвинение в «предательстве» А.В. Колчака, Г.К. Гинс имел в виду конечно же представителей Антанты, а лично — прежде всего М. Жанена.

²⁵¹ Воспоминания М.И. Смирнова, написанные и напечатанные позднее, чем работа Г.К. Гинса, созвучны последней, в отдельных местах повторяют ее. Но в них содержатся и новые элементы, в частности связанные с боевой военно-морской деятельностью А.В. Колчака, которая их автору была доподлинно известна.

²⁵² **Тимирев Сергей Николаевич (1875 — 1932).** Окончил Морской кадетский корпус (в 1895 г.). Участник Русско-японской войны. В 1896—1907 гг. — помощник старшего офицера эскадренного броненосца «Цесаревич», в 1907—1910 гг. — старший офицер императорской яхты «Штандарт», в 1912—1915 гг. — командир учебного судна «Верный». С 1915 г. — капитан 1-го ранга, затем — контр-адмирал. Флаг-капитан по распорядительной части в штабе командующего Балтийским флотом. В 1917 г. командовал кораблем. После Октябрьского переворота 1917 г. из флота ушел. Весной 1918 г. из Петрограда советскими властями был направлен во Владивосток для «ликвидации военного имущества флота». После свержения советской власти в Приморье оставался там. Несмотря на личные обстоятельства, в числе первых в телеграмме приветствовал А.В. Колчака с провозглашением его Верховным правителем. 6 мая 1919 г. А.В. Колчаком был назначен командующим Морскими силами на Дальнем Востоке. После поражения белых эмигрировал, проживал в Шанхае, где и умер.

²⁵³ Встреча А.В. Тимиревой с А.В. Колчаком в Японии не могла произойти в июне, так как он уехал туда только в начале июля.

²⁵⁴ Судя по тексту приведенного мною письма А.В. Колчака, по крайней мере к тому времени отношения с С.Ф. Колчак как женой прерваны не были.

²⁵⁵ А.В. Тимирева почти всю жизнь провела в советских тюрьмах, лагерях и ссылке. Реабилитирована в 1960 г. В последние годы на пенсии. Подрабатывала на жизнь оформительством, снималась в небольших ролях в кино.

²⁵⁶ С.П. Мельгунов под «автором из «чехо-сл. дневника», вероятно, имеет в виду М. Жанена, неточно, по памяти, называя его публикацию: «Отрывки из моего сибирского дневника».

²⁵⁷ **Гойхбарг Александр Григорьевич (1883—1962).** С 1904-го по 1917 г. — член РСДРП (меньшевиков), соредатор газеты «Новая жизнь»,

с 1917-го по 1924 г. — большевик. Профессор. В 1918 г. работал в Наркомате юстиции, с 1919 г. — заведомом юстиции, с 1920 г. — член Сибирского ревкома. В мае 1920 г. выступал обвинителем на судебном процессе бывших членов правительства А.В. Колчака, отличался надуманностью обвинений и жестокими требованиями наказаний подсудимых, получивших одобрение и высокую оценку Ленина. С 1921-го по 1923 г. — председатель малого совнаркома. В последующие годы — на юрисконсультской работе в Наркомате внешней торговли.

²⁵⁸ Имеются в виду черновики писем (дневники) А.В. Колчака А.В. Тимиревой.

²⁵⁹ А.В. Колчак приехал в Омск гораздо раньше — 13 октября 1918 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамовский А.П.* и др. Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993.
- Авксентьев Н.Д.* Государственный переворот Колчака // Гражданская война в Сибири и Северной области. М.; Л., 1927.
- Агелов Е.* Колчак или Ленин? Ростов-на-Дону, 1919.
- Адмирал А.В. Колчак* // Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.
- Адмирал Александр Васильевич Колчак:* Сб. М., 1992.
- Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937.
- Алдан-Семенов А.* Красные и белые. М., 1987.
- Андреев Г.И.* Революционное движение на КВЖД в 1917—1922 гг. Новосибирск, 1983.
- Аргунов А.* Между двумя большевизмами. Париж, 1919.
- Арнольдов Л.В.* Жизнь и революция. Шанхай, 1935.
- Архив Русской революции.* М., 1991. Кн. 5. Т. 10.
- Басов А.* Адмирал Колчак // Дело. Всероссийская газета социального партнерства. 1994. № 41.
- Белая армия, белое дело: Исторический научно-популярный альманах.* Екатеринбург, 1996. № 1.
- Белая армия, белое дело. Альманах.* Екатеринбург, 1998. № 3.
- Белое дело. Летопись белой борьбы: Материалы.* Берлин, 1927.
- Белый архив: Сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, Белого движения и т. п.* Париж, 1926. Т. 1.
- «Беспронятный» флотовец. Боевая биография Александра Колчака* // Континент. Международная газета. М., 1991. № 20.
- Б.И.Ч. Адмирал Колчак.* Ростов-на-Дону, 1919.
- Богданов К.А.* Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993.
- Богданов К.* Как Колчак стал Верховным правителем: Хроника Омского переворота // Омская старина. 1993. № 2.
- Болдырев В.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925.

Болотников Н. Последний одиночка. Жизнь и странствия Никифора Бегичева. М., 1976.

Бонч-Осмоловский А. Грамота Верховного правителя о земле. Омск, 1919.

Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918—1920 гг.). (Партизанское движение в Приангарье): Сб. документов. Иркутск, 1959.

Бородин Н.А. В Омске с Директорией и Колчаком (1918—1919) // Бородин Н.А. Идеалы и действительность. Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879—1919). Берлин; Париж, 1930.

Босфорская операция осталась на бумаге // Военно-исторический журнал. 1995. № 1.

Бродский И., Лосунов А. На берегу особняк // Молодой сибиряк. 1988. 17 сентября.

Будберг А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). М., 1929.

Бумаги Троцкого. 1920—1922. Лондон; Гаага; Париж., 1971. Ч. II.

Бунин И.А. Памяти адмирала А.В. Колчака // Общее дело. Париж, 1921. 7 февраля.

Бурсак И.Н. Конец белого адмирала // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969.

Бушин А.Ю. К вопросу об особенностях строительства вооруженных сил адмирала А.В. Колчака // История «белой» Сибири. Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.

В боях рожденная. 1918—1920. Боевой путь 5-й армии: Сб. документов. Иркутск, 1985.

В огне революции и гражданской войны: Воспоминания. Омск, 1959.

Васьковский О.А., Молодцовкин М.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Скробов В.С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.

Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959.

Веселаго Г.М. Несколько эпизодов из моей службы в Черноморском флоте. 1915—1917 гг. // Морские записки. Нью-Йорк, 1952. Т. X. Вып. № 1/2, 3.

Вибс П. Вторая ипостась адмирала Колчака // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1992.

Вишневецкий Е.К. Аргонавты белой мечты (Описание Якутского похода Сибирской добровольческой дружины). Харбин, 1933.

Власов Ю. Огненный крест: Историческая повесть: В 2 ч. М., 1991. Ч. 1; 1992. Ч. 2.

Власов Ю. Огненный крест. Гибель адмирала. М., 1993.

Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997.

Волков Е. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999.

Вологодский П. Из хроники антибольшевистского движения в Сибири. Харбин, 1924.

Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984.

- Воронов А. Как адмирал Колчак искал Землю Санникова // Техника молодежи. 1991. № 12.
- Гармиза В.В. Директория и Колчак // Вопросы истории. 1976. № 10.
- Гельмерсон Г. Памяти Верховного правителя России // Часовой. Брюссель, 1974. № 580 (10).
- Геронимус А.И. Помощь Соединенных Штатов Америки Колчаку // Исторические записки. М., 1949. Т. 29.
- Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. Т. 2: ч. 2—3.
- Годы огневые, годы боевые: Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961.
- Гоптер Г. Четыре катастрофы. Рига. Б/г.
- Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: Сб. документов. Париж, 1919.
- Гражданская война в Сибири и Северной области. М.; Л., 1927.
- Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980. Т. 1; 1986. Т. 2.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987.
- Гражданская война 1918—1921 гг.: В 3 т. М., 1928. Т. 1, 2; М.; Л., 1930. Т. 3.
- Гревс В. Американская авантюра в Сибири. М., 1932.
- Гришина-Алмазова М.А. Колчак и Пепеляев в тюрьме // Северо-Восток. Приложение к «Сибирской газете». 1992. № 10.
- Гутман-Ган А. Выдача адмирала Колчака: Письмо в редакцию // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Т. 3.
- Гутман-Ган А. Два восстания // Там же.
- Гутман-Ган А. Россия и большевизм. Шанхай, 1921.
- «Дело не получило благословения Бога»: Сб. воспоминаний участников Белого движения. Хабаровск, 1992.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921—1926 (М., 1991). Т. 1—5.
- Деникин А.И. Поход на Москву. М., 1989.
- Денисов С.В. Белая Россия. Альбом № 1. Нью-Йорк, 1937 (СПб., 1991).
- Диттерихс М.К. Убийство царской семьи: В 2 кн. М., 1991.
- Дмитриев Н.И. Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1996. № 1.
- Дмитриев Н.И. Новое железнодорожное строительство в Сибири при Российском правительстве А.В. Колчака // История «белой» Сибири: Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.
- Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992.
- Дневник В. Пепеляева // Красные зори. Иркутск, 1923. № 5.
- Допрос Колчака. Л., 1925.
- Допрос адмирала Колчака в Иркутске // Сибирь. Иркутск, 1990. № 4.
- Дорохов П. Колчаковщина: Хроника. Екатеринбург, 1924.
- Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1.

Дроков С.В. Полярный исследователь Александр Колчак // Северные просторы. 1989. № 6.

Дроков С.В. Материалы следственного дела А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири (1918—1920 гг.) // История «белой» Сибири. Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.

Дроков С.В. Подлинные протоколы допросов адмирала А.В. Колчака и А.В. Тимиревой как новый источник по истории «белой» Сибири // История «белой» Сибири. Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995.

Дроков С.В., Коновалов О.В. К истории рода адмирала Колчака // Отечественные архивы. 1992. № 5.

Дудоров Б.П. Авиация Балтийского моря. 1912—1917 гг. // По воспоминаниям. 1948. Т. VI. № 1, 2.

Дудоров Б.П. Вице-адмирал Непенин // Морские записки. Нью-Йорк, 1958. Т. XVI. № 2.

Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982.

Дуров В. Награды «белого движения» // Советский музей. 1992. № 1 (123).

Егоров Г.В. Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул, 1991.

Езев А.В. Планы противоборствующих сторон и соотношение сил перед весенним 1919 года наступлением армий А.В. Колчака // Международная научная конференция «Гражданская война в России (1919—1920 гг.)»: Материалы. М., 1995.

Елкин А.С. Арбатская повесть. М., 1987.

Ельшин А.В. На суше и на море: Воспоминания // Морские записки. Нью-Йорк, 1945. Т. III. № 4.

Енборисов Г.В. От Урала до Харбина (Воспоминания полковника Дутовской армии). Шанхай, 1932.

Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы: борьба с большевиками. 1918—1920 гг. 1975.

Жажоян М. Жена Колчака // Русская мысль. Париж, 1997. № 4159. 30 января — 5 февраля.

Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930.

Зайцев В. Кольцо жизни Колчака // Вечерний Екатеринбург. 1993. 25 июня.

Занкевич М.И. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске // Белое дело. Берлин, 1927. Т. 2.

Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953.

Зиминова В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995.

Зиминова В.Д. К вопросу о типологии политического режима А.В. Колчака // История «белой» Сибири: Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995.

«Злостные для русского дела события». Записка адмирала А.В. Колчака. 1918 г. // Исторический архив. 1998. № 3.

Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом (1918—1922). Харбин, 1937.

Иванов В. В гражданской войне. (Из записок омского журналиста). Харбин, 1921.

Иголкин В. Последний путь адмирала // Российская газета. 1994. 8 февраля.

Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа. Прага, 1922.

Иностранцев М.А. Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело. Берлин, 1926. Т. 1.

Иностранцев М.А. История, истина и тенденция. По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918—1920 гг.). Прага, 1933.

Иорданский К. Адмирал Колчак // Путь. Гельсингфорс, 1921. 11 февраля.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

Иоффе Г.З. Последнее путешествие. Трагедия Колчака — трагедия «Белого дела» // Родина. 1990. № 1.

Иоффе А.Е., Спиридонова Л.И. Адмирал А.В. Колчак и гибель линейного корабля «Императрица Мария» // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1994. № 5.

История «белой» Сибири: Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995.

История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996.

История «белой» Сибири: Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.

История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тезисы докладов. Тюмень, 1996.

Ишаев В. Смерть Колчака и Пепеляева (Воспоминания очевидца) // Уральская новь. 1926. № 3.

Кадейников В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968.

Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, море, озерах и реках России в 1917—1922. Нью-Йорк, 1965.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция: В 2 т. М.; Л., 1925—1926.

Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.; Л., 1928

Камша В. «Я служу Родине». Колчаки: из истории одной военной династии // Независимая газета. 2000. 27 января.

Кара-Мурза В., Полонский А. Белое движение в лицах. Портрет первый: Адмирал Колчак // Преподавание истории в школе. 1990. № 6; 1991. № 1.

Катин-Ярцев В.Н. На крайний север (из русской полярной экспедиции барона Э.В. Толля) // Мир Божий. СПб., 1904. № 1—4.

Кашин С. Адмирал Колчак оказался бесчеловечнее Берии и Ежова. Так решила прокуратура Забайкальского военного округа // Коммерсант. М., 1998. № 77. 30 апреля.

Китарисов В. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Изд. Штаба 3-й Сибирской армии. 1919.

Кириллов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 4.

- Кислицын В.А. В огне гражданской войны: Мемуары. Харбин, 1936.
- Кладт А., Кондратьев В. Быль о «золотом эшелоне». М., 1966.
- Кларов Ю. Последние дни Александра Колчака // Сельская молодежь. 1990. № 11—12.
- Кларов Ю. Арестант пятой камеры. М., 1990.
- Кларов Ю. Арестант 5-й камеры. М., 1994.
- Князев В.В. «Жизнь для всех и смерть для всех». Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А.В. Колчака, ротмистра В.В. Князева. Тюмень, 1991.
- Козлов В.И. Бросил саблю за борт... Колчак Александр Васильевич (1874—1920) // Советский патриот. 1990. № 1928.
- Колесников Н.В. Франция или Германия? В 2 т. Владивосток, 1921.
- Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Прага, 1923.
- Колотило Л. Звезда и смерть адмирала Колчака // Учительская газета. 1990. 4—11 декабря.
- Колчак. Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г. // Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. СПб., 1899. Вып. XX.
- Колчак А.В. Отчеты о работах Русской Полярной экспедиции, находящейся под начальством барона Толля, в том числе «Отчет лейтенанта А.В. Колчака о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 года» // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1901. Ноябрь. Т. XV. № 4.
- Колчак А.В. Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетт по оказанию помощи барону Толлю // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1904. Т. XX. № 5.
- Колчак А. Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Известия Императорского русского Географического общества. СПб., 1906. Т. XII. Вып. II—III.
- Колчак А.В. Лед Карского и Сибирского морей // Записки Императорской Академии наук. По физико-математическому отделению. СПб., 1909. Т. XXVI. Серия VIII. № 1.
- Колчак А.В. Служба Генерального штаба: сообщения на дополнительном курсе Военно-Морского отдела Николаевской морской академии. СПб., 1912.
- Колчак А.В. Дневник лейтенанта А.В. Колчака // Советские архивы. 1990. № 5.
- Колчак А.В. Сообщение в офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // Звезда. 1994. № 4.
- Колчак Василий Иванович // Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб., 1996. Т. 2.
- Колчак Василий Иванович (1837—1913) // Доценко В.Д. Морской биографический словарь. СПб., 1995.
- Колчак В.И. Война и плен. СПб., 1904.

Kolchak i Sibir. Dokumenty i issledovaniia. 1919—1926. Volume 1. New York, 1988.

Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930.

Колчак и Финляндия // Красный архив. Исторический журнал. Л., 1929. Т. 2.

Колчак Р. Адмирал Колчак. Его род и семья // Военно-исторический вестник. Париж, 1959. № 13, 14; 1960. № 16.

Колчак Александр Васильевич // Березовский Н.Ю., Доценко В.Д., Тюрин Б.П. Российский императорский флот. 1696—1917: Военно-исторический справочник. М., 1993.

Колчак Александр Васильевич // Шужин А.Н. Знаменитые россияне. Биографический словарь-справочник. М., 1996.

Колчак Александр Васильевич // Кто есть кто в России и бывшем СССР. М., 1994.

Колчаковщина на Урале (1918—1919). Свердловск, 1929.

Коновалов Е. Уральцы (за полтора года борьбы). Омск, 1919.

Константинов С.И. Религия в армии адмирала Колчака // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее: Тезисы Всероссийской конференции. Екатеринбург, 1995.

Константинов С.И. Подготовка командных кадров в колчаковской армии // История «белой» Сибири: Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995.

Константинов С. Екатеринбург на военной карте белой России // Уральская старина. Альманах. Вып. 2. Екатеринбург, 1996.

Константинов С.И. Пропагандистская работа в армии А.В. Колчака // История «белой» Сибири: Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.

Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997.

Котомкин А. О чехословацких легионах в России в 1918—1920 гг.: Воспоминания и документы. Париж, 1930.

Краснов В. Огонь и пепел. Неизвестный Колчак. Штрихи к портрету. М., 1992.

Краснов В. Путь к ангарской проруби // Советский воин. 1992. № 8.

Краснов В. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1—2. М., 2000.

Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1921.

Крушанов А.И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962.

Крылов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № IV.

Кудела И.Ф. О российском золотом запесе и чехословацких легионах. Прага, 1924.

Лейтенант NN. Записки белогвардейца // Архив Русской революции. Берлин, 1923. Кн. 5. Т. 10.

Ленин В.И. Все на борьбу с Деникиным! // Полн. собр. соч. Т. 39.

Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Там же.

Леонтьев Е. Кто же вы, адмирал Колчак? Очерк-расследование // Русь. Ростов Великий, 1993. № 2.

Лукин А.П. Адмирал Колчак (к 10-й годовщине его трагической гибели) // Последние новости. Ежедневная газета под редакцией П.Н. Милюкова. Париж, 1930. 11, 21 февраля.

Лукин А.П. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции: В 2 т. Иллюстрированная Россия. Б.и. Б.г.

Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг. Челябинск, 1958.

Люди большевистского подполья Урала и Сибири. 1918—1919. М., 1988.

М.К. Морской центр в Сибири (1918—1919 гг.) // Морской сборник. Тунис, 1921. № 5.

Макаров В.С. Материалы для истории флота в период гражданской войны 1917—1920 гг. // Морские записки. Нью-Йорк, 1943. Т. 1, № 4—5; 1954. Т. 12, № 2.

Максимов В. Заглянуть в бездну. М., 1991.

Мамонов В.Ф. и др. История казачества Урала: Учебное пособие. Оренбург; Челябинск, 1992. Он же. Гибель русской Вандеи: Казачество восточной России в революции и гражданской войне. Челябинск; Екатеринбург, 1994.

Масленников Б. Неизвестный Колчак // Водный транспорт. 1990. № 19.

Материалы для сибирской библиографии (Гражданская война и интервенция в Сибири 1917—1920 гг.). Прага, 1930.

Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917—1924 гг.). М., 1997.

Международная научная конференция «Гражданская война в России» (1919—1920 гг.): Материалы. М., 1995.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Т. 1; 1931. Т. 2—3.

Меморандум Льва Троцкого // Родина. 1990. № 10.

«Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996.

Милюков П. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 2.

Молчанов В.М. Борьба на Востоке России и в Сибири // Первопроходец. Лос-Анджелес, 1974. Кн. 17—18; Волга-Урал, 1991. № 4—5.

Монастырев. Краткий очерк военных действий в Балтийском море с 14 июля по январь 1915 г. (По личным воспоминаниям и историческим данным) // Морской сборник. Бизерта, 1923. № 2—3.

Морской журнал. Прага, 1930. № 34.

Наумова Н.И. Панславизм в политике колчаковщины // Из истории социальной и общественно-политической жизни советского общества: Сб. ст. Томск, 1992.

Нежданов Л. Пеход на Россию // Минувшие дни. Иллюстрированный исторический альманах. 1928. № 3.

Неизвестные интервью Колчака // Сибирь. 1991. № 1.

Некрасов А.В. Российское правительство адмирала А.В. Колчака (18 ноября 1918 г. — 4 января 1920 г.) // Из истории «белой» Сибири. Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.

Ненароков А.П. Восточный фронт. М., 1969.

Непеин И.Я. Адмирал Колчак // Уральский следопыт. 1990. № 9.

Нестеров А.Г. Арест Колчака // Годы огневые, годы боевые: Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961.

Никитин Д.В. Выпуск Колчака (Выпуск Морского корпуса 1894 г.) // Морские записки. Нью-Йорк, 1944. № 3.

Николаев С. Конец Комуча // Современные записки. Париж, 1931. Т. XV.

Новиков И. Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности // Московская правда. 1992. 12 августа.

Новохионов И. Вокруг ареста Колчака (Воспоминания) // Из колчаковщины. М., 1931.

Оленин П.В. С социалистами или без них. Харбин, 1921.

Ольгин И. Верховный правитель России А.В. Колчак. Харьков, 1919.

Оренбургское казачье войско: Исторический очерк. Челябинск, 1994.

Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.): Документы и материалы. Новосибирск, 1959.

Пестерева В.И. Верховный правитель // Исторические миниатюры о Якутии. Якутск, 1993; Новосибирск, 1959.

Петров И. Горы, сияй, моя звезда // Развитие. 1991. № 38.

Петров М. Эхо ангарского залпа // Уральский следопыт. 1989. № 7.

Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. 1918—1920 гг. Рига, 1930.

Пилкин В.К. Письмо в редакцию по поводу статьи М.А. Кедрова («Возрождение». № 1711) в память о Колчаке // Морской журнал. Прага, 1930. № 6 (30).

Платонов А.П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925.

Плотников И.Ф. В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918—1919). Свердловск, 1978.

Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918—1920 гг. Свердловск, 1989.

Плотников И.Ф. Полу правда не есть правда // Екатеринбургские ведомости. 1992. 6 ноября.

Плотников И.Ф. К характеру взаимоотношений атамана А.И. Дутова и Верховного правителя России А.В. Колчака // Иван Иванович Неплюев: Материалы научной конференции. Челябинск, 1993.

Плотников И.Ф. Екатеринбург в судьбе А.В. Колчака // Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы конференции. Екатеринбург, 1993.

Плотников И.Ф. Верховный правитель России в Екатеринбурге // Главный проспект. Екатеринбург, 1994. № 45. 10—16 ноября.

Плотников И.Ф. Колчак о себе // Аргументы и факты (АиФ-Урал). 1994. № 45—51; 1995. № 4. Ноябрь 1994 — январь 1995.

Кто убил Колчака? // Родина. 1995. № 1.

Плотников И.Ф. В.И. Ленин и казнь адмирала А.В. Колчака // Аргументы и факты (АиФ-Урал). 1995. № 6. Февраль.

Плотников И.Ф. Политика Верховного правителя России А.В. Колчака и его правительства // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995.

Плотников И.Ф. Колчак в Екатеринбурге // Вечерний Екатеринбург. 1995. 7 февраля.

Плотников И.Ф. Истинных героев в гражданской войне не бывает. И никогда не будет // Республика. Екатеринбург, 1995. № 47. 23 ноября.

Плотников И.Ф. Немой свидетель // Аргументы и факты (АиФ-Урал). 1995. № 34. Август.

Плотников И.Ф. Раз уступивши, можно потерять все // Дело. Всероссийская газета социального партнерства. 1995. № 33 (119). Август.

Плотников И.Ф. К вопросу о «трагедии Колчака» (поражении белого движения на Востоке России) // Международная научная конференция «Гражданская война в России (1919—1920 гг.)». М., 1995.

Плотников И.Ф. Российский патриот А.В. Колчак // Судьбы России: прошлое, настоящее, будущее. Екатеринбург, 1995.

Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность (биография, документы, материалы, комментарии, приложения с иллюстрациями) // Альманах «Белая армия, белое дело». Екатеринбург, 1996. Вып. 2.

Плотников И.Ф. Цивилизационный подход к анализу и оценке политики правительства Верховного правителя А.В. Колчака // Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории: Материалы конференции. М., 1996.

Плотников И.Ф. Значение опыта экономической политики правительства А.В. Колчака для подготовки кадров технической интеллигенции // Молодая наука — новому тысячелетию. Технический прогресс и подготовка инженеров в современных условиях. Всероссийская научно-техническая конференция: Материалы. Ч. 2. Набережные Челны, 1996.

Плотников И.Ф. «Ничто не могло удержать флот от полного развала»: Автобиография адмирала А.В. Колчака // Источник. Вестник архива президента. 1996. № 4.

Плотников И.Ф. Колчак Александр Васильевич (в соавторстве с С.П. Звягиным) // История «белой» Сибири в лицах. СПб., 1996.

Плотников И.Ф. А.В. Колчак: офицер-интеллигент, ставший по обстоятельствам политиком у власти // Интеллигенция и власть на пороге XXI века: Тезисы докладов. Ч. 2. Екатеринбург, 1996.

Плотников И.Ф. В.И. Ленин и казнь адмирала А.В. Колчака // История и террор. Тезисы конференции. Пермь, 1996.

Плотников И.Ф. Камская речная боевая флотилия белых (1918—1919) // Первые уральские военно-исторические чтения: Материалы конференции. Екатеринбург, 1997.

Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак // История «белой» Сибири. Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.

Плотников И.Ф. К вопросу о выработке и реализации плана генерального наступления армии Колчака весной 1919 г. // Судьба России: исторический опыт XX столетия: Тезисы третьей Всероссийской конференции. Ч. 2. Екатеринбург, 1998.

Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону, 1998.

Плотников И.Ф. Екатеринбург как горнозаводская и региональная «столица» // Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 275-летию города. Ч. 2. Екатеринбург, 1998.

Плотников И.Ф. Командир охраны «Золотого эшелона» // Уральский следопыт. 1998. № 8.

Плотников И.Ф. Попытка достижения общественного согласия в России через Всероссийское Учредительное собрание в 1917—1918 гг. и ее крах // Общественное согласие в российской действительности: уроки истории и современность: Материалы Всероссийской конференции. Екатеринбург, 1998.

Плотников И.Ф. Екатеринбург. Очерки истории (1723—1998 гг.). Екатеринбург, 1998.

Плотников И.Ф. Колчак Александр Васильевич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Плотников И.Ф., Дмитриев Н.И. Гражданская война // Там же.

Плотников И.Ф. Революционное подполье. // Там же.

Плотников И.Ф. Сибирская армия // Там же.

Плотников И.Ф. Колчак Александр Васильевич // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2000.

Плотников И.Ф. Родословная адмирала А.В. Колчака // Вестник Челябинского университета. 2000.

Плотников И.Ф. Жизнеутверждающая деятельность во благо России и трагический конец ее выдающегося сына — Александра Васильевича Колчака // Урал в панораме XX века. 2001.

Познанский В.С. Суд над министрами Колчака // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР: Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. Вып. 1.

Пономарев О. Верховный правитель Российского государства // Смена. СПб., 1992. 12 августа.

Попов С.В. Колчак и Арктика // Полярная звезда. 1994. № 4.

Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.

Последние дни колчаковщины // Сибирские огни. Новониколаевск, 1922. № 2.

Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926.

Правительство адмирала А.В. Колчака (Ответ Всероссийского правительства союзным державам на их ноту от 26 мая 1919 года). Изд. «Новая Россия», 1919.

- Пржерод. Прага. Год изд. 1. № 3.
- Привалов Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское Бюро печати в Советской России (1917—1920 годы). М., 1990.
- Прости, великий адмирал!. Эскиз к портрету Александра Васильевича Колчака. Барнаул, 1992.
- Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939.
- Разгром Колчака. Воспоминание. М., 1969.
- Райхцаум А. Судьба адмиральского кортика // Сын Отечества. 1994. 1 апреля.
- Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак. М., 1920.
- Раков Д.Ф. В застенках Колчака. Париж, 1920.
- Российская эмиграция в Маньчжурии. Военно-политическая деятельность (1920—1945): Сб. документов. Южно-Сахалинск, 1994.
- Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. М., 1993.
- Савельев Н. «Мундир английский, табак японский, правитель омский» // Комсомольская правда. 1991. 7 февраля.
- Савич Н. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума) // Архив Русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 10.
- Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.
- Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Рига, 1930.
- Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920 гг.). Новосибирск, 1983.
- Свирин В. Слава и позор адмирала // Труд. 1990. 7 июля.
- Святышукый Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. М., 1921.
- Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938.
- Семчевская Е. Очерки из Сибирского леяного похода. 1919—1920 гг. Шанхай. Б.г.
- Серебренников И.И. К истории Сибирского правительства // Сибирский архив. Прага. 1920. Т. 1.
- Серебренников И.И. Великий поход. Рассеяние по Азии белых русских армий. Харбин, 1936.
- Серебренников И. Воспоминания о Колчаке // Иртыш. Омск, 1993. № 1.
- Сибирь в период гражданской войны: Учебное пособие. Кемерово, 1995.
- Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925: Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1925. Ч. 1.
- Сибиряков В. Что принес Колчак сибирским рабочим и крестьянам. М.; Пг., 1919.
- Симонов Д.Г. К вопросу о комплектовании армии А.В. Колчака командными кадрами // История «белой» Сибири: Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995.
- Смирнов А. Адмирал Колчак // Звезда. 1994. № 4.
- Смирнов И.Н. Конец борьбы с колчаковщиной // Пролетарская революция. 1926. № 8.

Смирнов И. Конец борьбы. Примирения с чехословаками // Борьба за Урал и Сибирь: Воспоминания и статьи. М.; Л., 1926.

Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930.

Смирнов М.И. Памяти адмирала А.В. Колчака // Морской журнал. Прага, 1930. № 1 (25).

Смирнов М.И. Ответ на письмо А.Н. Щеглова // Морской журнал. Прага, 1930. № 4 (28); № 5 (29).

Смирнов М.И., Щеглов А.Н. Обмен письмами // Морской журнал. Прага, 1930. № 7—8 (31—32).

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990.

Солженицын А.И. Красное колесо. М., 1997. Т. 7.

Соловейчик А.С. Борьба за возрождение России на Востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Ростов-на-Дону, 1919.

Солодовников Б. Сибирская авантюра и генерал Гайда. Прага. Б.г.

Солодянкин А.Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960.

Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. М., 1925.

Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957.

Стахович М.С. Полярная экспедиция лейтенанта А.В. Колчака в 1903 г. Прага, 1933.

Степанов В. Проклятие над ледоколом // Правда. 1991. 18 декабря.

Сукач В. Моряк по призванию // На страже Заполярья. 1991. 3 декабря.

Толль Э.В. Донесение начальника Русской полярной экспедиции // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1901. Т. XV, № 4.

Толль Э.В. Плавание на яхте «Заря». М., 1959.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 2. 1919—1920 гг. Кн. 1.

Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. М., 1923.

Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919: Документы и материалы / Под общей редакцией А.И. Солженицына. Редактор-составитель и автор комментариев М.С. Бернштам. Париж, 1982.

Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. 1992. № 2; Он же. 1919 год. Из прошлого // Там же. 1993. № 4.

Ученый и диктатор (А.В. Колчак) // История России в портретах: В 2 т. Смоленск, 1996. Т. 2.

Федорович А.А. Генерал В.О. Каппель. Мельбурн, 1967.

Фельштинский Ю. Ленин и расстрел Колчака // Русская мысль. Париж, 1984. 12 января.

Фельштинский Ю. Ленин и расстрел Колчака // Родина. 1998. № 4.

Федотов Б.Ф. О малоизвестных источниках периода гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1968. № 28.

Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918—1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985.

- Филимонов Б. Белоповстанцы. Шанхай, 1932. Кн. 1; 1933. Кн. 2.
- Филатов В. Невольник чести // Уральский рабочий. 1994. 30 ноября.
- Фомин В.Н. Крушение Белого движения: замыслы и просчеты его вождей: Методическое пособие. М., 1993.
- Фомин Н.Г. Георгиевский крест адмирала А.В. Колчака // Морские записки. Нью-Йорк, 1949. Т. VII. № 1.
- Фомин Н. Памяти контр-адмирала Ю.К. Старка // Морские записки. Нью-Йорк. Т. VIII. № 2.
- Фомин Н.Г. Краткий отчет о деятельности офицеров флота, участвовавших в антибольшевистском движении на Волге, Каме и в Сибири в период 1918-го и 1919 гг. // Морские записки. Нью-Йорк, 1958. Т. XVI. Вып. 2 (47).
- Фомин С.Ф. Колчак и союзники (к проблеме признания Колчака в 1919 г.) // История «белой» Сибири: Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995.
- Хартлинг К.Н. На страже Родины. События во Владивостоке. Конец 1919 г. — начало 1920. Шанхай, 1935.
- Хорошавин А. Адмирал А.В. Колчак // Морские записки. Нью-Йорк, 1951. Т. IX.
- Худобородов А.А. Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции: Учебное пособие к спецкурсу. Челябинск, 1997.
- Цветков В.Ж. Влияние Верховного правительства России адмирала А.В. Колчака на формирование аграрной политики деникинского правительства (лето—осень 1919 г.) // История «белой» Сибири: Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.
- Ципкин Ю.Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия, белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1996. № 1. Он же. Приморье: последний оплот Белого движения в России (1920—1922 гг.) // Там же. 1997. № 4.
- Цыбинский Г.В. 50 лет в Императорском флоте. Рига. Б.г.
- Чайковский Ю. Грани во льдах // Вокруг света. 1991. № 9—10.
- Черкасов Н. Звезда Колчака. Размышления над старыми фотографиями // Вахтенный журнал. М., 1993.
- Чернов В. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953.
- Черных Е. Злата Прага с русской позолотой // Комсомольская правда. 1992. 4 февраля.
- Чириков Н.С. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак // Морские записки. Нью-Йорк, 1962. Т. XX. Вып. 1—2 и 3—4.
- Чириков Н.С. Адмирал А.А. Эбергард // Морские записки. Нью-Йорк, 1963. Т. XXI. № 1.
- Чудновский С. Конец Колчака // Годы огневые, годы боевые: Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961.
- Чуйков В.И. Закалялась молодость в боях. М., 1978.
- Шавров А. Превратности адмирала Колчака // Морской сборник. 1990. № 9, 10.
- Шильдкнехт Е. Встречи с Колчаком // Морские записки. Нью-Йорк, 1958. Т. XVI. Вып. 1 (46).

Шинкарев А. ...Если я еще жива. Неизвестные страницы иркутского заточения Александра Колчака и Анны Тимиревой // Известия. 1991. 19 сентября.

Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Сибирские огни. 1924. № 4.

Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926.

Ширямов А.А. Конец колчаковщины // Борьба классов. 1935. № 1—2.

Шишкин В.И. Современная советская историография иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985.

Шишкин В.И. Адмирал Колчак // Сибирская газета. 1990. 5 февраля.

Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. 1989. Вып. 1.

Шишкин В.И. Колчак о себе // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1992. № 165.

Шишкин В.И. К характеристике политических взглядов адмирала А.В. Колчака в 1917—1919 гг. // Известия Сибирского отделения Российской Академии наук. 1992. Вып. 3.

Шишкин В.И. Как Колчак стал верховным правителем // Сибирские огни. 1993. № 5, 6.

Шишкин В.И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха: Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997.

Шмераль Б. Чехо-словаки и эсеры. М., 1922.

Штыка А.П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991.

Шуранов Н.П. Почему крестьяне отвернулись от Колчака // История «белой» Сибири: Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995.

Шуранов Н.П. Колчак: поход на запад и начало конца колчаковщины // Там же. 1997.

Щеголев А. Письмо в редакцию // Морской журнал. Прага, 1930. № 1 (25).

Шербинина Н.Г. Советские историки 20-х — первой половины 30-х гг. о взаимоотношениях социальной и общественно-политической жизни Советской Сибири: Сб. статей. Томск, 1992.

Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960.

Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966.

Юрченко В.В. Колчак Александр Васильевич // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

Якушкин Е. Колчаковщина и интервенция в России. М.; Л., 1928.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абаза 377
Абрамовский А.П. 669
Авксентьев Н.Д. 108, 114, 117, 169, 266,
267, 278, 280, 281, 286, 288, 289,
293, 295—299, 321, 455, 624, 644,
669, фото
Агелов Е. 669
Аджемов М.С. 315
Акинтиевский 396, 404, 654
Акишев Е. 339
Акулинин И.Г. 669
Алдан-Семенов А. 669
Александр I, Император 30
Александра Федоровна, Императрица
647, фото
Александров (Колчак) А.Ф. 31, 156
Александров (Колчак) В.А. 156
Александров (Колчак) М.В. 156
Алексеев 515
Алексеев Е.И. 398
Алексеев М.В. 60, 100, 110, 111, 115,
239, 250, 252, 266, 277, 278, 294,
321, 388, 481, 610, 621, 622, 644,
647, фото
Алексеев П.Д. 669, 679
Алексеевский А.Н. 455, 551, 555-564,
663
Алексей Николаевич, Великий князь 349,
фото
Аманжолова Д.А. 17
Анастасия Николаевна, Великая княжна
349, фото
Анатолий 403 — 405
Андерсон 474
Андогский А.И. 116, 130, 147, 149, 332,
402, 476, 625
Андреев Г.И. 669
Андрей, епископ — см. князь Ухтом-
ский
- Анжу П.Ф. 49, 219
Аниктявский — см. Акинтиевский
Анна Иоанновна, Императрица 208
Анненков Б.В. 147, 553
Антонов А.С. 633
Апушкин А.Н. 109, 155, 641
граф Аракчеев А.А. 440
Арбатский А.Д. 168, 170, 172, 173, 175
Аргунов (Воронович) А.А. 117, 280, 288,
293, 299, 669
Арнольдов Л.В. 669
Артемьев 347, 563
Астров Н.М. 108, 316, 321, 624
Ауслендер С.А. 11, 422
Ахматов И.И. 522-524
- Баков 168
Балакин Ф.М. 365
Балакшин А.А. 645
Бальфур А.Д. 93
Бандейкин 574
Бардзиловский 467
Басов А. 16, 669
Батюшкины 114
Бахметев Б.А. 90, 497
Бахтеев В.Я. 430
Бегичев (Бигичев) Н.А. 36, 37, 215, 619
Безровный 377
Безуар В.В. 89, 96
Белевский (Белорусов) А.С. 130, 431,
627, 628
Беллинсгаузен Ф.Ф. 34
Белов (Виттенкопф) Г.А. 147, 150, 296
Беннетт Д.Г. 14, 619
Берг М.В. 39
Березин Н.И. 175
Березовский Н.Ю. 494, 675
Бержерон П. 62
Беринг В.И. 49

* Составлен И.Ф. Плотниковым, В.А. Благово и С.А. Сапожниковым.

- Берия А.П. 673
 Бернацкий М.В. 650
 Берсенев 432, 434
 Берштам М.С. 681
 Бехтерев Н. 350
 Бжишкян — см. Гай Г.Д.
 Бирон 151
 Б.И.Ч. 11
 Бичераховы Г.Ф. и А.Ф. 388
 Блага О 175
 Благово В.А. 684, 695
 Благош 302, 386
 Блаатлиндер — см. Бурак
 Бломберг Ж.К. 147
 Блюхер В.К. 150, 466, 657, *фото*
 граф Бобринский А.А. 318
 Богаевский А.П. 319, 646
 Богданов К.А. 15, 17, 669
 Богданович М.И. 179
 Богословский Б.П. 399, 404, 405, 429,
 437, *фото*
 Богров Д.Г. 640
 Болдырев В.Г. 23, 108, 112, 116—118,
 120, 267, 272, 281, 282, 292, 293,
 298, 307, 308, 332, 614, 645, 647, 669
 Болотников Н. 670
 Бонгарт С. 190
 Бонч-Осмоловский А. 670
 Борис, епископ 426
 Боровичка 663
 Бородин Н.А. 279, 670
 Бортиянский Д.С. 128
 Борщевский Б.П.
 Ботов И.Н. 365
 Бригс 317
 Бродский И. 670
 Бронштейн — см. Троцкий
 Брусилов Л.А. 47, 48, 51
 Бруснев М.И. 38, 219
 Брушвит И.М. 170, 530
 Бугсеншц 539, 662
 барон Будберг А.П. 23, 24, 126, 129, 159,
 201, 353, 357, 396, 403, 410—415,
 435—441, 444, 452, 468, 539, 600—
 604, 614, 652—654, 656, 657, 670
 Букатый В.А. 548, 549, 663
 Букейханов А.Н.
 Бунге А.А. 618
 Бунин И.А. 150, 202, 670
 Бураин П.Г. 147, 355, 356, 400, 402, 412,
 414
 Бурлов Н.А. 576
 Буров В.И. 177, 183, 574
 Бурсак И.Н. (Блаатлиндер Б.) 20, 26, 186,
 189, 190, 195, 568, 574, 581, 634,
 637, 663, 670, *фото*
 Бурыйшин П.А. 537
 Бутов Т.В. 342, 454, 462
 Бушин А.Ю. 670
 Вагин М. 619
 Валиди (Валидов) А. 628, 649
 Варга И. 179, 636
 Васильев 414
 Васковский О.А. 670
 Веденяпин (Штегеман) М.А. 168
 Вели-паша 30
 Вержбицкий Л.А. 271, 405, 438
 Верман П.А. 64
 Верховский А.И. 23, 65, 71, 245, 249,
 614, 640, 670, *фото*
 Веселаго Г.М. 670
 Вибе П.П. 16, 18, 670
 Вилькицкий А.И. 45, 48, 49, 51, 227,
 229, 619, 620
 Вилькицкий Б.А. 50, 51, 137, 620, 639,
фото
 Вильсон Т.В. 87, 90, 91, 286, 375, 376, 655
 Виноградов В.А. 108, 117, 118, 267, 280,
 281
 Вишневицкий Е.К. 127, 334, 442, 670
 Власов Ю.П. 16, 670
 Воеводский С.А. 48, 51
 Войцеховский С.Н. 121, 145, 165, 188,
 189, 19, 301, 304, 567, 579, 626, 637,
 664, 665
 Волков, полковник 288, 292, 293
 Волков, войск. старшина 299
 Волков А.А. 350
 Волков В.И. 112, 114, 116, 119, 553, 560,
 561, 625, 645, *фото*
 Волков Е. 670
 Волков Н.А. 154
 Волков С.
 Вологодский П.В. 102, 108, 113, 117,
 118, 126, 158, 267, 278—281, 290—
 291, 295, 321, 325, 367, 382, 393,
 402, 411, 456, 457, 474, 496,
 501—504, 509, 609, 623, 661, 670,
фото
 Волошинова М. 429
 Ворожцов А. (М.) И. 143, 630
 Воронов А.С. 16, 671
 Востротин С.С. 137
 барон Врангель П.Н. 135, 308, 474, 487,
 488, 547, 615, 628, 650, 659, 666,
фото
 Вуич И.Э. 89, 96
 Вырубов В.В. 315
 Гавен Ю.П. 80
 Гай Г.Д. (Бжишкян Г.) 147

- Гайда (Гейдаль) Р. 109 — 111, 122, 141, 145, 147, 148, 269, 271, 277, 278, 296, 300 — 303, 356, 396, 397 — 400, 402 — 405, 410, 423, 426-429, 435-440, 472-478, 487, 559, 560, 567, 624, 650, 654—656, *фото*
- Гамов И.М. 102
- Гармиза В.В. 671
- Гаррис Э.А. 557, 558
- Гасек 176, 543, 544
- Гаттенбергер А.Н. 126, 280, 291, 325, 334 — 336, 648, *фото*
- Гейдаль — см. Гайда Р.
- Гельмерсон Г. 671
- графиня Гендрикова А.В. 349 — 351
- Генрих Прусский 56
- Георгиевский 394
- Герасимов, подполковник 430-434
- Герасимов, подпоручик 434
- Геронимус А.И. 671
- Гессен Г.В. 564
- Гинс Г.К. 20, 23, 126, 128, 129, 137, 146, 157, 160, 201, 279, 283, 291, 325, 365, 367, 385, 386, 439, 471, 476, 478, 493—497, 587-591, 604—606, 614, 644, 656, 657, 660, 667, 671, *фото*
- Гирс М.Н. 314, 536, 646
- Гирса В. 164, 386, 499-501, 626, 660
- Глазенап П.В. 659
- Гленнон Д. 87, 88, 257, 642
- Гойер А.В. 476, 658
- Гойхбарг А.Г. 607, 667
- Голицын В.В. 270, 296, 434, 435, 477, 643
- Головин Н.Н. 376, 414, 416, 655
- Голощекин Ф. (Ш.).И. 143, 631
- Голубых М.Д. 193, 565
- Гольц Р. 478, 659
- Гоппер Г. 471
- Горохов В. 638, *фото*
- Грабчик 527
- Грацинский Н. 350
- Гревс В.С. 25, 478, 616, 671, *фото*
- Гривин 438
- Григорий, епископ 422, 423
- Григорович И.К. 51, 59, 68, 229, 620
- Грин К. 93, 261
- Гришин-Алмазов А.Н. 184, 278, 314, 398, 453, 457, 644
- Гришина-Алмазова М.А. 161, 184, 189, 574, 671
- Громов (Мамонов) И.В. 143, 630
- Грюнштейн 186
- Гулькевич К.Н. 652
- Гурко В.И. 88, 251
- Гутман-Гян А. 671
- Гучков А.И. 47, 72, 73, 75, 231, 619, 640, 642, *фото*
- Давыдов Б.В. 227
- Даль В.И. 9
- Данилов П. 349
- Дворянов Н.В. 576
- Девятков И.И. 123, 559
- Дедусенко Я.Т. 299
- Де-Лонг Дж. 619
- Дембе 296
- Демке В.П. 550, 663
- Деникин А.И. 23, 25, 109, 125, 145, 146, 157, 166, 172, 175, 197, 266, 274, 277, 278, 301, 305, 308 — 310, 312, 316 — 319, 332, 344, 359, 360, 388, 402, 406, 458, 463, 467, 473, 474, 477, 481, 482, 487-489, 528, 529, 537, 584, 589, 615, 621, 626, 628, 635, 644-650, 655, 658-660, 666, 671, *фото*
- Денисов С.В. 671
- Дербер П.Я. 101, 102, 623
- Джеллико Д.Р.90, 258, 259, 642
- Дзержинский Ф.Э. 10
- Дидюк В. 179
- Диков И.М. 229
- Диокетиан
- Дитерихс М.К. 25, 122, 127, 149, 158, 161, 162, 170, 173, 271, 301, 303, 351, 352, 401, 402, 405, 412, 416, 442, 452, 473-476, 490-496, 515, 537, 559, *фото*
- Дмитриев Н.И. 671
- Дмитриев П.Н. 671
- Добролюбский И.И. 175
- Домонтович С.А. 426, 429, *фото*
- Дорохов П. 671
- Доценко В.Д. 674, 675
- Драгомиров А.М. 315, 646, 650
- Дроков С.В. 16, 22, 228, 671, 672
- Дударов Б.П. 672
- Думова Н.Г. 672
- Дуров В.А. 672
- Дуров А.И. 120, 127, 147, 301, 305, 307, 321, 333, 335 — 337, 356, 396, 399, 401, 410, 420, 556, 626, 628, 645, 648, 649, *фото*
- Европеус 439
- Егоров Г.В. 19, 20, 194, 672
- Ежов 673
- Езев А.В. 672
- Екатерина II Великая, Императрица 208
- Елена Петровна Сербская 349, 350
- Елизавета Петровна, Императрица 208

- Елисеев 223
 Еакин А.С. 672
 Еальшин А.В. 672
 Енборисов Г.В. 672
 Ербанов М.Н. 189
 Ермохин М.К. 173, 176, 177, 635, *фото*
 Ефимов А.Г. 672
- Жажоян М. 672
 Жанен П.М. 25, 62, 124 — 126, 138, 159, 162, 165, 166, 171, 172, 174, 176, 177, 182 — 184, 201, 382, 385, 397, 414, 417, 472, 500, 510, 514—526, 535—539, 543, 546—549, 561, 584—586, 603, 616, 653, 662, 666, 667, 672, *фото*
 Жардеецкий В.А. 123, 279, 295, 345, 346, 459, 496, 644
 Железников (Железняков) В.А. 36, 37, 217
 Жилияев А. 337, 648
 Жуковский В.Г. 508, 660
 Журавлев П.Н. 143, 631
- Зайцев В.В. 672
 Залка Мате 179
 Занкевич М.И. 23, 24, 183, 537, 540, 541, 662, 672
 Зверев Д.Е. 143, 188, 578, 631, *фото*
 Звягин С.П. 17
 Зеберг Ф.Г. 34, 36, 638
 Зензинов В.М. 22, 108, 117, 267, 278, 280, 281, 286, 288, 293, 296—299, 672
 Зефиоров Н.С. 280, 291, 557
 Зимица В.Д. 672
 Зиневич А.К. 476, 512, 513, 661
 Зиновьев Г.В. 147
 Злоказов 439
 Зоркин 523, 524
 Зуев А.В. 673
- Иванов А.И. 309
 Иванов В.Н. 673
 Иванов П.В. 423
 Иванов-Ринов П.П. 112, 296, 356, 396, 401, 414, 440, 452, 457, 476, 478, 495, 625
 Иванова П. 429
 Игнатъев В.И. 462, 463, 496
 Иголкин В. 17, 673
 Иностранцев М.А. 23, 131, 401, 603, 673
 Иоанн II Добрый 482
 Иорданский К.И. 74, 249, 251, 641, 673
 Иоффе А.Е. 673
 Иоффе Г.З. 14, 17, 107, 566, 673
 Ипатьевич-Горанский 440
- Ипатьев Н.Н. 145, 643, *ил.*
 Ирнарх, епископ 466
 Ихара 104
 Ишаев В.И. 26, 189, 575, 581, 665, 673, *фото*
- Кадейкин В.А. 673
 Кадесников Н.З. 673
 Казагранди Н.Н. 438
 Казановский Н.С. 172, 176, 179, 180
 Какурин Н.Е. 673
 Каландаришвили Н.А. 576
 Калашников Н.С. 574, 578
 Калмыков И.М. 102, 125, 294, 356, 357, 478, 512, 553, 557
 Каменев С.С. 147, 633, *фото*
 Каменский Ф.А. 39
 Камша В. 16, 673
 Кандшин 539
 Канин В.А. 59, 238
 Канторович Н.А. 66, 70
 Каппель В.О. 148, 165, 168, 192, 193, 298, 448, 450, 455, 566, 570, 598, 633, 681, *фото*
 Кара-Мурза В. 16, 673
 Каринская 414
 Карташев А.В. 477, 624, 658, 659
 Касаткин *ил.*
 Катанаев А.В. 116, 119, 288, 560, 625
 Катин-Ярцев В.Н. 673
 Като 518—521, 544
 Кашин С. 673
 Каширин Н.Д. 450, 657
 Кашкадамов 574—576
 Каюров Ю. 19
 Кедров М.А. 677
 Кемпийский Ф. 607
 Керенский А.Ф. 72, 75, 78—80, 83, 88, 114, 136, 251, 252, 274, 281, 329, 386, 402, 621, 641, *фото*
 Кипарисов В. 323, 673
 Кириенко 123
 Кирилов А.А. 673
 Кислицын В.А. 674
 Клавинг В.В. 18
 Кладт А.П. 180, 531, 533, 674
 Кларов Ю.М. 17, 674
 Клафтон А.К. 468
 Клемансо Ж.Э.Б. 124, 315, 405
 Клерже 469
 барон Клодт фон Юргенсбург Г.А. 227
 Ключарев 243, 244
 Ключников Ю.В. 139, 291, 382, 646
 Книпер А.В. — см. Тимирева
 Кнудсен М.Х.К. 45
 Князев В.В. 23, 24, 83, 674, *фото*

- Коваленко 336
 Козлов В.И. 17, 18, 674
 граф Кокорцов В.Н. 472, 658
 Колесников Н.В. 674
 Колокольников С.И. 410, 411
 Коломейцев Н.Н. 34, 35, 211, *фото*
 Колосов Е.Е. 661, 674
 Колотило Л. 674
 Колчак А.В. — по всей книге, *фото и ил.*
 Колчак А.И. 31, *фото*
 Колчак А.Р. 155, 156, 613
 Колчак А.Ф. 31, 156
 Колчак В.А. 156
 Колчак В.И. 29, 31, 39, 208, 674
 Колчак Е.В. 29
 Колчак, урожд. Развозова Е.А. 156
 Колчак И.Л. 30
 Колчак Л.В. 29
 Колчак Л. 30
 Колчак М.В. — см. Александров
 Колчак-паша 151
 Колчак, урожд. Посохова О.И. 29, *фото*
 Колчак П.И. 31
 Колчак Р.А. 13, 30, 39, 150 — 152,
 154—156, 158, 205, 208, 209, 484,
 485, 594, 595, 613, 675, *ил.*
 Колчак, урожд. Оморова С.Ф. 32, 38, 39,
 150—156, 160, 480—485, 594—598,
 613, 659, 667, *ил.*
 Колчак Ф.Л. 31
 Кольцова Ф.А. 421, 656
 Кольчицкий Д.В. 89
 Комин 513
 Кондратенко Р.И. 223
 Кондратьев В.А. 180, 531, 533, 674
 Кондрашев 414
 Коновалов Е. 675
 Коновалов О.В. 22
 Константин Константинович, Великий
 князь 38, 43, 210
 Константинов С.И. 17, 675
 Конторович 248
 Конфуций (Кун-цзы) 607
 Корнатовский Н.А. 527
 Корнилов Л.Г. 75, 86, 90, 100, 249, 252,
 274, 493, 615, 619—622, 643
 Корниш-Боуден П.С. 288, 289
 Косухин А.А. 179, 180, 636
 Косьмин В.Д. 451
 Котельников Д.Ф. 137, *фото*
 Котомкин А.О. 675
 Кошек Я. 477, 557, 658
 Кравченко А.Д. 143, 630
 Красильников И.Н. 116, 119, 280, 288,
 293, 296, 299, 553, 560, 625, 645
 Краснов В.Г. 15, 17, 675
 Краснов Г.А. 291, 325
 Кровка 184
 Крость Л.А. 25, 130, 345, 346, 423, 430,
 432, 455, 609, 615, 675
 Кронеберг А.П. 422
 Кросси 87
 Крупенский В.Н. 107, 497
 Круссер Г.П. 41, 224, 225, 619, 639
 Крушанов А.И. 675
 Крылов А.А. 675
 князь Кудашев Н.А. 97, 98, 100, 106,
 252, 497, 643
 Кудела И.Ф. 530, 534, 675
 Кудрявцев С.А. 279, 644
 Кудряшов 575, 577
 Куликов К.И. 671
 Кулябко Н.П. 168-173, 175, 179
 Кутепов 574
 Лабунцов 430
 Лазарев М.П. 34
 Лазо С.Г. 143, 631
 Лампе А.А. 547
 Лаказ 154
 Лансинг Р.91
 Лапин (Лапиньш) А.Я. 186, 187, 193, 565
 Ларионов А.М. 523-527
 Лебедев 274, 332, 383, 397, 399, 400 —
 403
 Лебедев В.И. 411, 474, 530, 661
 Лебедев Д.А. 24, 116, 130, 146, 148410,
 415, 469, 561, 562, 603, 615, 650,
 654, 655
 Лебединский Н.А. 422
 Левенсон М. 568, 665
 Лежнев 229
 герцог Лейхтенбергский Г.Н. 547
 Ленин (Ульянов) В.И. 10, 23, 26, 76, 77,
 93, 98, 137, 179, 180, 187, 189, 191
 — 195, 320 — 322, 516, 552, 565,
 566, 575, 584, 617, 621, 623, 636,
 642, 652, 663-668, 675-678, 681
 Леонтьев Е. 16, 676
 Лечинский 89
 св. князь Ливен А.А. 51
 Лисовой Я.М. 320
 Литвинов В.И. 577
 Лихачев (Лихач) М.А. 299
 Ллойд-Джораж Д. 124
 Ломоносов М.В. 30
 Лопухин 295
 Лосунов А. 670
 Лохицкий Н.А. 150, 447, 538, 539
 Лубков П.К. 141
 Лукин А.П. 13, 676
 Лукин В.К. 82, 83, 84

- Лукомский А.С. 650
 Лукьянчиков Г.Г. 551, 663
 Лучевников П.С. 676
 Львов В.Н. 555, 664
 князь Львов Г.Е. 80, 83, 136, 281, 311,
 314, 315, 376, 402, 456, 472, 555,
 626, 646, 664
- Майошин 94, 263
 Майский И.М. 275
 Макалинский А.А. 51
 Макаров В.В. 89
 Макаров В.С. 89, 154, 676
 Макаров С.О. 33, 34, 39, 40, 49, 52, 154,
 226, 617, 618, *фото*
 Макдональд Д.Р. 642
 Махлаков В.А. 311, 312, 626, 646
 Максимов В.Е. 676
 Мамонов В.Ф. 676
 Мамонтов Е.М. 143, *фото*
 Манатов Ш.А. 628, 649
 барон Маннергейм К.Г.Э. 138, 373, 446,
 473, 627, 628
 Манозев 477
 Мария Николаевна, Великая княжна
 349, *фото*
 Марковецкий 123
 Маркович 151
 Марковский В.И. 512
 граф де Мартель 405, 417, 655
 Мартынов 398
 Мартянов А.А. 404, 422, 529
 Масарик Т.Г.
 Масленников А.А. 144, 631, 632
 Масленников Б. 16, 676
 Маслов С.С. 299
 Матвеев А.В. 336
 Матисен Ф.А. 34, 49, 50, 51, 211, 227,
 229, 620, *ил.*
 Матковский А.Ф. 296, 401, 411, 512
 Матросов Р.А. 50, 227
 Махин Ф.Е. 121
 Махно Н.И. 636
 Махмет-Бей 30
 Медведев 377
 Медведев А.И. 633
 Меженинов С.А. 147, 149
 Меженцев А.М. 89, 95
 Мейер Я.М. 191
 Мелихов Г.В. 676
 Мельгунов С.П. 12, 201, 206, 207, 599,
 609, 613, 667, 676
 Мельников Н.А. 422
 св. князь Меншиков А.Д. 10
 Мешковский Г. 350
 Миддендорф А.Ф. 210
- Миллер Е.К. 125, 137, 396, 627, 654,
фото
 Милоков П.Н. 13, 201, 249, 610, 613,
 641, 676, *фото*
 граф Миних Б.-Х.А. 39
 барон Миних К.В. 39
 граф Мирбах В. 321
 Миронова Е. 429
 Михаил Александрович, Великий князь
 69,70
 Михайлов 280, 332, 382, 401
 Михайлов И.А. 126, 128, 129, 169, 291,
 325, 346, 411, 476, 496, 627, 653,
фото
 Михайлов П.Я. 662
 Михали К. 179
 Михеева А.П. 18
 Миштовт 90
 Могра 520, 521
 Мокшанчик 248
 Молодцыгин М.А. 670
 Молотов К.М. 144, 631
 Молчанов В.М. 657, 676
 Монастырев 676
 Моррис Р. 478
 Мосин С. 571
 Мрачковский С.В. 465, 466
 Муксунов И.Н. 122
 Мурман 272, 273
 Муто 296
- Набоков К.Д. 375, 378, 652
 Наметкин А.П. 351, 352
 Нансен Ф. 35, 49, 154, 211, 212, 373,
 375, 618, 619, 652
 Наполеон Бонапарт 470, 590
 Нарышкин 538
 Науменко 223
 Наумова Н.И. 676
 Невельсон М. 193, 565
 Нежданов Л. 676
 Нейбут А.Я. (Е.) 144, 631
 Неклютин 495
 Некрасов А.В. 677
 Некрасов Н.В. 402
 Нельсон Д.Ф. 285, 287
 Ненароков А.П. 677
 Непенин И.Я. 17, 677
 Непенин А.И. 59, 71, 595
 Нератов А.А. 359, 650
 Нестеров А.Г. 26, 184, 547, 574, 579,
 663, 677
 Нестеров И.П. 559
 Нефедов Н. 17
 Никитин Д.В. 677
 Николаев С.Н. 677

- Николаева А. 429
 Николай II, Император 53, 57, 59, 60,
 66, 145, 269, 585, 604, 620, 621,
фото
 Николай Николаевич, Великий князь 68,
 621
 Ниренбург Я.А. 670
 Нищенков 377
 Новиков И. 17, 677
 Новокшенов И.М. 26, 677
 Новоселов А.Е. 383
 Новых (Распутин) Г.Е.
 Нокс А.У.Ф. 104, 106, 107, 111, 112, 124,
 125, 154, 161, 201, 268, 289, 304, 356,
 383, 385, 397, 440, 495, 500, 557,
 560, 561, 584, 585, 623, 624, *фото*
 Норденшельд Н.А.Э. 49
 Носов 211
- Оболенская, княгиня 62
 Оборин 568
 Образцов Н.С. 363, 651
 Оглоблин (Посадский) М.Н. 362, 651
 Оленин П.В. 36, 215, 677
 Ольга Николаевна, Великая княжна 349,
фото
 Ольгин И. 11, 677
 Ольдерогге В.А. 149
 Ольшевский 416
 Омиров Ф., 39
 Омирова С.Ф. — см. Колчак С.Ф.
 Орловский В.И. 633
 Отани *фото*
- Павел I, Император 30
 Павлу Б. 169, 386, 423, 499-501, 626,
 660
 Павлуковский И.П. 179, 636
 Паначев Н.П. 179, 635, 636
 Патрушев П.Е. 422
 Пацык С. 633
 Пенн 258, 642
 Пепеляев А.Н. 165, 356, 426-428, 437,
 438, 455, 472-476, 615, 634, 654,
 658, *фото*
 Пепеляев В.Н. 26, 110, 111, 115, 117,
 126, 130, 150, 162, 163 — 167, 183,
 184, 187, 189, 190, 195, 270, 271,
 277, 280, 296, 332, 348, 403, 456,
 460, 472, 473, 495, 504-509, 515,
 519, 529, 536, 537, 540, 545, 549,
 551, 566-583, 615, 617, 634, 636,
 648, 654-661, 665, 671, *фото*
 Пестерев В.И. 16, 677
 Петелин 574, 576
 Петров 248, 325
- Петров И. 16, 677
 Петров М. 17, 677
 Петров Н.И. 127
 Петров Н.П. 78
 Петров П.П. 172, 411, 677
 Петр I Великий, Император 30, 208,
 529, 536
 Пешков (Свердлов) З.Я. 383
 Пишкин В.К. 677
 Пишон Ф. 151, 271, 297
 Платонов А.П. 12, 677
 Племянников А.М. 172
 Плеханов Г.В. 74, 75, 249, 250, 622,
фото
 Погуляев С.С. 153, 154
 Подгурский Н.К. 593
 Поздняков 434
 Познанский В.С. 679
 Поклевский-Козелл А.Ф. 442
 Покровский В.А. 308, 388
 Полонский А. 16, 673
 Польшаев 574, 578
 Пономарев О. 17, 679
 Попов К.А. 185, 550-555, *фото*
 Попов С.В. 16, 679
 Португальский Р.М. 669, 679
 Посадский — см. Оглоблин
 Посохов А.А. 31, 153
 Посохова О.И. — см. Колчак
 Посохов С.А. 31, 153
 Постников С.С. 127, 140, 141, 422, 426,
 439
 Потоцкий И. 30
 Поярков 619
 Престон Т.Г. 269, 423, *фото*
 Привалов Е.А. 680
 Прончищев В.В. 618
 Протодяконов Н. 638, *фото*
 Протопопов А.Д. 67
 Пугачева Н.М. 18
 Пуль 270
 Путилов А.И. 100
 Пэрс В.И. 154
- Радко-Дмитриев Р.Д. 57
 Развозов А.В. 155
 Развозова Е.А. 155
 Райхцаум А. 17, 680
 Ракитников Н.И. 680
 Раков Д.Ф. 299, 680
 Расторгуев С.И. 44, 211, 638, *фото*
 Рашевский С.А. 223
 Редько 464, 465, 470
 Реньо М. 107, 121, 285, 296, 383, 384,
 557, 558
 Ржевчинский И. 175

- Ридаут 98
 Рикора П.И. 32
 Римский-Корсаков М.М. 46
 Рихтер 557
 Роговский Е.Ф. 117, 266, 280, 288, 293,
 299, 300, 643
 Родзянко А.П. 68, 477, 659
 Родзянко М.В. 73, 621, *фото*
 Родосский А. 16
 Розанов С.Н. 141, 281, 294, 296, 297,
 347, 348, 368, 369, 478, 512, 563,
 629, 651
 Романов В.В. 481, 659
 Романовский И.П. 317, 383
 Романовы 305
 Рунов В.А. 669, 679
 Русин А.И. 59, 239, 383, 621
 Рут Э. 87, 88
 Рыбников В.В. 680
 Рыболатовский Б.Н. 104
 Рычков 438
 Рютель 435
- Саблин Е.В. 154
 Савельев Н.А. 147
 Савельев Н. 17, 680
 Савинков Б.В. 555, 556, 626, 664
 Савич Н.В. 23, 47, 230, 235, 639, 680
 Сазонов С.Д. 309, 311, 374, 376, 473,
 497, 528, 537, 626, 646
 Сакович А.А. 61
 Самойлов Н.А. 404, 422, 508
 Санников Я. 619
 Саложников В.В. 108, 126, 137, 138, 627,
 647, *фото*
 Саложников С.А. 684, 695, *фото*
 Сафонов В.И. 62
 Сафонов И.И. 62
 Сафонова А.В. — см. Тимирева
 Сахаров К.В. 23, 24, 149, 150, 162, 165,
 266, 267, 415, 439-443, 446-450,
 490-492, 495, 497, 614, 615, 648,
 655, 660, 673, 680
 Свердлов Я.М. 10, 621
 Светачев М.И. 680
 Свечин А.А. 65
 Свиринов В. 17, 680
 Святыцкий Н.В. 23, 298, 645, 680
 Седов Г.Я. 52
 Семенов Г.М. 17, 18, 25, 97, 101 — 103,
 120 — 125, 166, 168, 253, 294, 304,
 355 — 357, 399, 478, 510-514, 517,
 522-525, 529, 537-541, 553, 557, 560,
 561, 615, 616, 623, 635, 645, 650,
 652, 662, 680, *фото*
 Семчевская Е. 680
- Сергеев Е.Н. 657
 Сергеев И.А. 351, 352
 Сергеев И.С. 51, 51, 639
 Серебренников И.И. 23, 24, 291, 325,
 647, 680
 Серебров 575
 Сибиряков В. 306, 645, 680
 Сильвестр, пом. архиепископа 334
 Симонов Д.Г. 680
 Сироткин В.Г. 178, 662
 Скипетров А.Н. 510, 511, 539
 Склянский Э.М. 22, 191 — 194, 566,
 614, 637, 666
 Скоропадский П.П. 318
 Скробов В.С. 670
 Случевский К.К. 44
 Смирнов 398
 Смирнов А. 16
 Смирнов И.Н. 26, 143, 177, 186, 187,
 189, 191, 192 — 195, 196, 362, 565,
 566, 569, 575, 617, 637, 663-665,
 680, 681, *фото*
 Смирнов М.И. 13, 24, 31, 63, 75, 81 —
 83, 87 — 89, 91, 126, 153, 154, 201,
 222, 226, 228, 230, 236, 243, 251,
 253, 456, 538, 591, 592, 613, 540,
 667, 681
 Сноскарев А.А. 568, 577
 Соколов 432, 434
 Соколов Н.А. 25, 127, 351 — 353, 650,
 681, *фото*
 Солженицын А.И. 16, 681
 Соловейчик А.С. 119, 681
 Соловьев В.С. 606
 Солодовников Б. 169, 681
 Солодовников И.С. 364, 633
 Солодянкин А.Г. 19, 681
 Соломодинцев *фото*
 Солтановских 434
 Сорокина Е.А. *фото*
 Софья Алексеевна, царевна 10
 Спиридонова А.И. 673
 Спирин А.М. 681
 Старынкевич С.С., 126, 291, 292, 325
 Стахович М.С. 13, 681
 Стевени А. 647
 Степанов 223, 295
 Степанов В. 681
 Степанов В.А. 17, 18, 624
 Степанов Н.А. 126, 348, 391, 393, 645,
 648
 Стессель А.М. 398, 639
 Стефан 269, 285
 Стеценко 223
 Столыпин П.А. 3. 135, 234
 Струве П.Б. 602, 626,

- Субботич 398
 Суворов А.В. 483
 Сукач В. 16, 681
 Сукин А.Я. 139, 335
 Сукин И.И. 126, 129, 346, 383, 401, 402, 405, 456, 460, 472, 474, 476, 478, 496
 Сумин Д.С. 365
 Сунь-цзы 93, 607
 Сургутанов 173
 Сурин В.И. 325, 341, 382, 384
 Суринов И.В. 569, 577, 665
 Суудер Х.Я. 144, 632
 Сушон В.71, 84
 Сыровы Я. 111, 116, 120, 169, 170, 177, 271, 301, 303, 514-518, 536, 538, 546, 547, 578, 624, 625, 644
 Сыромятников А.Д. 563
 Сычев 319, 646
- Тавташерна А.А. 89
 Такаянаги 412
 Танака П. 104, 332
 Танкошир *фото*
 Таран Л.И. 337
 Тарасова А.И. 17
 Татьяна Николаевна, Великая княжна 349, *фото*
 Тельберг Г.Г. 126, 129, 290 — 292, 325, 334, 342, 343, 393, 456, 462, 475, 476, 493
 Тертуллиан К.С.Ф. 607
 Тимирев С.Н. 62, 592, 667
 Тимирева А.В. 25, 59, 62, 88, 89, 93 — 100, 104, 105, 107, 108, 114, 152, 155, 161, 181, 182, 184, 188, 201, 254 — 260, 264, 265, 419, 550, 552, 567, 572, 574, 592, 616, 641, 643, 664-668, 676, 683, *фото*
 Тимофеев 224
 Тихомиров Д. 349, 350
 барон Толь Э.В. 14, 34 — 38, 49, 50, 210 — 212, 215, 217 — 222, 618, 619, 638, 673, 674, 681, *фото*
 Толстов В.С. 147, 632
 Толстой-Милославский 318
 Трплов А.Ф. 472, 658
 Третьяков С.Н. 166, 460, 479, 493, 495, 537, 626, 634, 635
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 10, 147, 193, 194, 321, 322, 481, 486, 566, 659, 666, 670, 676, 681, *фото*
 Трухачев П.А. 58, 238
 Тухачевский М.Н. 147, 149, 193, 194, 632, 633, *фото*
 Тюрин Б.П. 675
 Тяльский Г. 175
- Уайльда Дж. 154
 Улагай 308
 Уорд Дж. 25, 115, 116, 154, 268, 275, 283, 285, 287, 289, 322, 332, 557, 558, 616, 643, 644, 681
 Устичев 186
 Устругов Л.А. 158, 281, 282, 291, 325, 382, 413, 495, 519
 Устрялов Н.В. 459, 681
 князь Ухтомский 141
- Федоров М.М. 624, 659
 Федорович А.А. 166, 681
 Федотов Б.Ф. 17, 681
 Федотов Д.Н. 87
 Фельштинский Ю.Г. 192, 681
 Феодосьев П.П. 151
 Филатов В. 682
 Филатьев Д.В. 23, 24, 201
 Филимонов Б. 682
 Филиппов Д.Д. 32
 Филипповский В.Н. 121, 647
 Фомин В.Н. 682
 Фомин Н.В. 123, 301
 Фомин Н.Г. 13, 682
 Фомин С.Ф. 682
 Фош Ф. 638
 Франк 268, 275, 285, 287, 643
 Фрезер М. 285
 Фрунзе М.В. 147 — 149, 632, *фото*
 Фукуда 539, 578
- Ханжин М.В. 147, 163, 296, 523, 525, 528
 Хартлинг К.Н. 682
 Хадсон 520-523
 Ходукин 523-527
 Холь 154
 Хоменко А.А. 40, 225, 619, 639
 Хомяков Н.А. 639
 Хорват Д.Л. 98, 100 — 103, 281, 305, 398, 556, 596, 623, *фото*
 Хорошавин А. 13, 682
 Хрестьяцкий Б.Р. 103, 414
 Худобородов 682
- Цветков В.Ж. 682
 Цвингман 223
 Ципкин Ю.Н. 682
 Цывинский Г.В. 33, 682
- Чайковский 311, 314, 321
 Чайковский Н.В. 108, 376, 626, 646, 661
 Чайковский Ю. 16, 682
 Червен-Водали А.А. 166, 494, 514, 518-525, 528, 624, 635, 661
 Черкасов Н. 16, 682

- Чернов В.М. 23, 120 — 122, 286, 300,
302, 304, 559, 625, 645, 682
- Черных Е. 682
- Чернышев Ф.Н. 52, 227, 639
- Чешко 480
- Чжан-Цзолин 463
- Чин Чекфан 665
- Чириков Н.С. 682
- Чудинов Д.К. 577
- Чудановский С.Г. 26, 185, 188 — 190,
195, 568, 570, 578-582, 634-637, 663,
682, *фото*
- Чуйков В.И. 682
- Чуцкаев С.Е. 180
- Шавров А.В. 255, 682
- Шаров А. 17
- Шатилов П.Н.
- Швец И. 168
- Шевченко Т.Г. 148
- Шелепин 178
- Шемелин 143
- Шерстобитов 434
- Шильдкнехт Е. 23, 24, 682
- Шильников И.Ф.
- Шинкарев А. 17, 683
- Шип Ф. 168, 169
- Шипов Д.Н. 624
- Ширямов А.А. 26, 144, 184, 177, 178,
192, 195, 568-570, 575-577, 580, 616,
617, 664, 683, *фото*
- Шишкин В.И. 17, 22, 683
- Шкуро (Шкура) А.Г. 308
- Шмерааль Б. 683
- Шмидт П.П. 70
- Шмидт Ф.Б. 34, 44
- Шнейдер Е.А. 349, 350
- Шорин В.И. 147
- Шрейбер 242
- Штейнингер В.И. 624
- Штефаник М.Р. 124
- Штыка А.П. 683
- Шумиловский А.И. 126, 127, 136, 282,
291, 325, 456, 627
- Шуранов Н.П. 683
- Щеглов А.Н. 683
- Щеголев А.Н. 46
- Щепкин Н.Н. 624
- Щербаков 318
- Щербачев Д.Г. 315, 652, 655
- Щербинина Н.Г. 683
- Щегинкин П.Е. 143, 630
- Щукин А.Н. 675
- Щукин Н. 291, 494
- Эбергара А.А. 63
- Эйхе Г.Х. 683
- Эллиот Ч. 121, 402, 417, 472
- Эмбри Д. 322
- Эмр 174
- Эссен Н.О. 40, 52, 53, 55, 56, 230, 236,
238, 593, 620, 640, *фото*
- Юденич Н.Н. 125, 138, 373, 377, 386,
396, 467, 472-477, 627, 646, 654,
658, 659, 666, *фото*
- Юзефович Я.Д. 488
- Юрченко В.В. 16, 683
- Юрьев Г.Н. 464, 470
- Яковенко В.Г. 143, 630, 631
- Яковлев 377
- Яковлев П.Д. 455, 475, 658
- Якушкин Е. 683
- Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) 362
- Ярославцев 363
- Ячевский 507, 508

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Абердин, г. 257
Австралия 632
Австро-Венгрия 30, 54, 233
Аджергайдах (Аджирхайдах), пос. 215
Азия 486, 487
Акмолинская обл. 114, 366
Актюбинск, г. 416
Аландские о-ва 54
Александровск (Форт-Александровский, позднее форт Шевченко), г. Александровское, с. 314, 632
Александровское, с. 29
Алтай 627
Алтайская губ. 143, 478, 630
Аляска 49
Амурская обл. 143, 368, 505, 651
Анабар, р. 618
Ананьевский у. 30
- Анатолийское поб. 255
Ангара, р. 189, 190, 510, 511, 550
Англия (Великобритания) 54, 89, 93, 96, 103, 107, 124, 139, 153, 184, 252, 262, 268, 273, 284, 310, 317, 322, 375-377, 412, 425, 478, 500, 520-523, 653
Анжу, о-ва 619
Арктика 10, 52, 56, 207, 227, 618
Арти, п. 636
Артинский р-н 636
Архангельск, г. 51, 270, 373, 386, 462, 463, 472, 496, 620
Астрахань, г. 314, 315
Атлантический ок. 48, 227
Афганистан 487
Ачинск, г. 347, 630, 635, 636
Аша-Балашевский з-д (ныне г. Аша) 656

* Составлен И.Ф. Плотниковым, В.А. Благово и С.А. Сапожниковым.

В приложении используются сокращения в соответствии с общепринятыми нормами: «арх.» (архипелаг), «бас.» (бассейн), «б-та» (бухта), «вол.» (волость), «гав.» (гавань), «г.» (город, гора), «губ» (губерния), «д.» (деревня), «з-д» (завод), «зал.» (залив), «кр.» (край), «м.» (море), «обл.» (область), «оз.» (озеро), «ок.» (океан), «о-в» (остров), «поб.» (побережье), «предм.» (предместье), «пос.» (поселок), «п-ов» (полуостров), «пр.» (пролив), «р.» (река), «ст-ца» (станция), «ст.» (станция), «у» (уезд), «хр.» (хребет), «шх.» (шхера), «рег.» (регион). Следует оговорить, что в тексте некоторые страны именуются по-разному, например Россия — «Россией», «Российской империей», «Российским государством» и т. д., Советская Россия, которая выделена, — «Советской Россией», «Советской республикой», «Российской Федерацией», «РСФСР», «Соединенные Штаты Америки» — «Америкой», Англия — «Великобританией», «Британской империей» и т. д.

В указателе они даны однозначно. Так же сделано в отдельных случаях и при различии, но смысловом единстве названия некоторых регионов России.

В перечень городов включены и те из них, которые указываются (в том числе в сокращениях) по месту издания упоминающихся книг как составляющая историко-графического раздела.

- Аян, порт. 634
- Байкал, оз., ст. 18, 188, 511, 519, 538, 539
- Балашов, г. 474
- Балтийское м., Балтика 34, 46, 54, 56, 63, 84, 230, 238, 239, 588
- Балыктах, р. 35, 219
- Барнаул, г. 19, 22, 143, 416, 630
- Барона Толля г. 38
- Батум (Батуми), г. 68, 239, 241
- Башкирия 628, 649
- Белгород 474
- Белград, г. 12, 609
- Бельковского о-в 35, 615
- Бенгалия 487
- Беннетта о-в (земля) 36, 37, 44, 156, 207, 215-221, 618, 619, 638
- Берген, г. 89, 257
- Бердичев 636
- Березань, о-в 246
- Берингов пр. 33, 49, 227
- Берлин, г. 19, 23, 24, 233, 318, 360, 489, 619
- Бессарабия 379
- Бийск, г. 617
- Билимбай, пос. 404
- Бирск, г. 144
- Бирюса, р. 179
- Благовещенск, г. 493
- Благовещенский мыс 217
- Благовещенский пр. 221
- Богодухов, г. 474
- Большая г. 40
- Большое Орлиное Гнездо, г. 42
- Большой Ляховский о-в 215, 216, 618, 619
- Бомбей, г. 97, 252, 262
- Борнхольм, о-в 56
- Босфор (Босфорский пр.) 60, 63, 71, 72, 79, 85, 87, 239—246, 255, 592, 641
- Ботнический зал. 56, 239
- Брайтон, г. 90, 258
- Бренде, о-в 534
- Брест, г. 91, 622
- Бунге, земля 35, 216, 219, 618, 619
- Бухарест 150, 151
- Ванькин стан 216
- Варгаши, ст. 416
- Варна, г. 240, 242
- Ватерлоо, с. 590
- Вашингтон, г. 90
- Великий — см. Тихий ок.
- Вена, г. 233
- Венгрия 30, 486, 487
- Верещагино, ст. (ныне — г.) 404
- Верхнеудинск, г. 186
- Верхоанск, г. 37
- Вершино-Рыбинская вол. 651
- Вилькицкого о-в 620
- Вилькицкого пр. 620
- Виндава (ныне — Вентспилс), г. 58, 238
- Владивосток, г. 50, 51, 102-112, 124, 140, 162, 170, 172, 177, 183, 227, 229, 285-289, 321, 346, 383, 398, 405, 416, 420, 478, 500, 501, 512, 532, 539, 560, 561, 585, 596, 597, 620, 639, 659
- Владимирская г. 224
- Вознесения мыс 219
- Волга, р. 253, 315, 316, 352, 436, 488
- Волчи г. 225
- Ворожба, ст. 416
- Восточная Сибирь 110, 120, 170, 176-178, 185, 344, 412, 502, 618
- Восточно-Сибирское м. 220, 618
- Воткинский з-д (ныне г. Воткинск) 470, 498
- Вятская губ. 657
- Гавр, г. 51
- Галифакс, г. 90
- Галиция 30, 246
- Гафнера фиорд 35, 211
- Гельсингфорс (Хельсинки), г. 60, 73, 77, 89, 251, 477, 593—595, 658
- Германия 46, 47, 53—55, 73, 76, 85, 96, 209, 238, 252, 262, 264, 271, 276, 385, 479, 558, 588, 607, 620, 644, 647
- Глазо, г. 90
- Глазково, предм. Иркутска 165, 166, 188, 510, 511, 519
- Глазов, г. 405, 656
- Гонконг, г. 532
- Готланд 237
- Гренландия, о-в 618
- Греция 34
- Гурьев, г. 632
- Дальний, Дайрен (Далянь) 25, 305, 623
- Дальний Восток 32-34, 43, 50, 82, 98-111, 119, 138, 143, 147, 175, 199, 201, 209, 229, 252, 266, 282, 293, 294, 313, 333, 463, 478, 505, 529, 615-618, 623, 635
- Данцигская б-та, Данциг, г. 56, 236, 237
- Дарданеллы, Дарданельский пр. 60, 187, 239, 241, 641
- Дежнева мыс 51, 229
- Де-Лонга о-ва 619

- Джамбул 632
 Диксона о-в 44
 Диксона порт 212
 Днестр, р. 30, 151
 Дон, рег. 278
 Донецкий басс. 487, 488
 Дунай, р. 30, 243
- Европа 3, 201, 423, 487, 558, 608
 Европейская Россия 319, 557, 559
- Екатеринбург (Свердловск), г. 17, 18, 22,
 23, 102, 109, 115, 117, 121, 143-145,
 167, 170, 173, 268, 272, 275, 284,
 296, 298, 300, 321, 349-352, 362,
 397, 402, 405, 422, 426, 429, 430,
 435-442, 473, 474, 609, 621, 625,
 628, 635, 636, 643, 645
- Екатерининская гав. 212
 Екатеринодар (ныне — Краснодар), г.
 310, 315, 317, 621, 622
- Екатеринослав (ныне — Днепропет-
 ровск), г. 474
- Елисеевский стан 216
- Енисей, р. 49, 227, 618, 619
- Енисейск 143
- Енисейская губ. 141, 143, 347, 367, 368,
 512, 628, 630, 635, 651
- Забайкалье 253, 356, 381, 519, 526, 541,
 561, 615, 634
- Забайкальская обл. 525, 645, 650
- Закавказье 97, 370, 627, 643
- Закаспий 315
- Заполярье 52
- Звериноголовская (Звериноголовское),
 ст-ца 416
- Западная Сибирь 114, 124, 361, 412, 498,
 505, 506, 625
- Западная Украина 150
- Западный Урал 140
- Звездочка, предм. 510, 511
- Зима, ст. 176, 540
- Златоуст, г. 144, 419, 442, 498
- Знаменское, предм. 510
- Зунгулдак, г. 84, 243
- Ивановка, с. 651
- Ижевские з-ды, Ижевск, г. 444, 498
- Иланская, ст. 630
- Императора Николая II Земля (ныне —
 Северная Земля), о-ва 50-52, 620
- Индигирка, р. 216
- Индия 487
- Инкерманская долина 246
- Иннокентьевская, ст. 546, 571, 662
- Иран 632
- Иркут, р. 511
- Иркутск, г. 19, 26, 36, 39, 43, 97, 106,
 125, 140-144, 162-166, 174-179, 183-
 195, 206, 221, 288, 304, 368, 472,
 475, 489, 493-528, 534-541, 544-551,
 565-570, 574-581, 591, 616, 628,
 633-637, 657, 661-665
- Иркутская губ. 141, 143, 347, 367, 368,
 402, 412, 462, 524, 628
- Иркутский военный округ 347, 367
- Иртыш, р. 448, 453, 462, 464, 490, 496
- Исборн, г. 90, 258
- Исеть, ст. 438
- Италия 39, 307, 385
- Ишим, р. 149, 448, 449
- Ишим, г. 405, 649
- Йокохама, г. 91-97, 259, 261, 642
- Кабанье, с. 416
- Кавказ 63, 193, 194, 379
- Казань, г. 138, 139, 148, 167-170, 178-
 180, 321, 352, 530, 534, 625, 633,
 636, 661, 662
- Казачье, пос. 38, 215, 216, 219
- Каменец-Подольск, г. 39, 150, 151, 637
- Каменский у. 630
- Камень-на-Оби, г. 630
- Камчатка, п-ов 33
- Камышин, г. 416, 488
- Камышлов, г. 442
- Камышловский у. 366
- Канада 43, 226
- Канск, г. 143, 348, 630
- Канский у. 367, 630, 651
- Капри, о-в 39
- Карелия 374, 474, 652
- Карколи, участок берега 56
- Карское м. 44, 45, 207, 210, 212, 220,
 222
- Каспийское м. 314, 632, 644
- Кемерово, г. 17, 18,
- Кеммери, г. 238
- Кеммерн, участок берега 57
- Киев, г. 30, 151, 416, 636
- Киль, г. 236, 237
- Кисловодск, г. 62, 105, 616
- Китай 33, 38, 97, 385, 463, 614-616, 622-
 626, 643
- Кияйское, с. 368, 564, 651
- Колин Арчера гавань 211
- Коломбо, г. 97, 262
- Колчака (Расторгуева) о-в 35, 44, 638
- Колчака (Случевского) мыс 35, 44

- Колыма, р. 48
 Кольугино, пос. (ныне — г.) 143
 Командорские о-ва 33
 Константинополь (Стамбул), г. 71, 243, 246, 310, 641
 Короча, г. 416
 Котельный, о-в 35, 37, 216, 219-222, 618, 619
 Краснолучье, побережье, р. 453
 Красноярск 26, 143, 165, 179, 347, 447, 513, 538, 541, 542
 Красноярский у. 367, 651
 Креси, с. 482
 Кронштадт, г. 32, 56, 80, 227, 617
 Крым, п-в 80, 150, 194, 208, 628
 Кунгур, г. 116, 565
 Курган, г. 116, 148, 477
 Курск, г. 649
 Курская губ. 636
 Кустанай, г. 143, 648
 Кустанайский у. 337, 648

 Лаптевых м. 220, 618
 Латвия 379
 Лебязье, ст. 448, 450, 657
 Лена, р. 36, 48, 50, 221, 227, 618, 620
 Либава (ныне — Лиепая), г. 58, 81, 620
 Лиски, ст. 474
 Листвиничное, ст. 511
 Литва 379
 Лодейное Поле, г. 372
 Лондон, г. 89, 154, 252, 257, 258, 375, 376, 487, 585, 608
 Лохвица, г. 416
 Луара, р. 208
 Лысьва, пос. (ныне — г.) 116
 Ляховские о-ва 618

 Макушино, ст. (ныне — г.) 450
 Малахов курган 29, 208
 Малое Орлиное Гнездо, г. 41
 Маньчжурия 101, 110, 11, 177, 264, 277, 278, 463, 614, 616, 635
 Маньчжурия, ст. 623
 Мариинск, г. 538
 Мариуполь, г. 239
 Матисена пр. 620
 Медвежий мыс 216, 221, 222
 Мезенцы, д. 434
 Мемель (ныне — Клайпеда), г. 58
 Менделеево, ст. 565
 Месопотамия 96, 97, 98, 264, 607, 643
 Мидендорфа зал. и фиорда 210-212
 Минеральные Воды, пос. (ныне — г.) 487
 Минина, шх. 618

 Минусинск, г. 347
 Михайлов стан 216, 219
 Митрофановская г. 224
 Михалево, ст. 510, 511
 Могилев, г. 60, 239, 383
 Мокроусово, с. 447
 Монастырская площадь в Екатеринбурге 425
 Монголия 182, 402, 544, 560
 Монреаль, г. 90
 Москва, г. 16, 17, 22, 23, 25, 26, 77, 110, 111, 138, 157, 180, 187, 194-196, 247, 275, 277, 306, 315, 362, 363, 386, 424, 431, 437, 458, 474, 490, 491, 516, 531, 534, 575, 592, 595, 616, 624, 659, 663, 665,
 Мотовилихинские (Пермские) пушечные з-ды, пос. (ныне — часть г. Перми) 29, 428
 Мраморное м. 655
 Мукден, г. 423
 Мысовая, ст. 519
 Мюнхен, г. 23, 267

 Нагасаки, г. 42
 Нансена о-в 620
 Нарген, о-в 54, 234
 Нерпичья губа 219
 Нижнеудинск, г. 166, 174-177, 183, 321, 348, 518, 527, 528, 533, 538, 540, 541, 543, 545, 548, 661, 662
 Нижнеудинский у. 347, 518, 628
 Нижний Новгород 167
 Нижний Тагил, пос. (ныне — г.) 426
 Никко, г. 105, 597
 Николаев, г. 64
 Николаевка, с. 246
 Новая Сибирь, о-в 216, 219, 221, 618, 619
 Новониколаевск (ныне Новосибирск), г. 23, 125, 164, 165, 174, 298, 335, 361, 447, 495, 506, 533, 537, 636, 648
 Новороссийск, г. 239, 241, 317
 Новосибирские о-ва 35, 36, 45, 219, 220-222, 618, 619, 639
 Новохоперск, г. 474
 Новочеркасск, г. 620, 622
 Нойское, с. 368, 651
 Норвегия 34, 35, 154
 Норвежское м. 34
 Нью-Йорк, г. 13, 23, 24, 90, 257, 291, 304, 324, 499, 501, 513, 528

 Обская губа 619
 Обуховский з-д, пос. (в дальнейшем — часть г. Санкт-Петербурга) 29

- Одесса, г. 29, 34, 78, 239, 318, 416
 Оленек, р. 618, 620
 Олонец, г. 372, 373
 Олонецкая губ. 373, 474
 Омск, г. 11, 16, 18, 24, 102, 108-116, 118, 120, 121, 129, 140, 143-145, 151, 157, 160-163, 170-173, 176, 177, 179, 180, 184, 253, 266, 268, 272-274, 282, 284-288, 291-293, 296-298, 300-305, 307, 309-311, 313-315, 321, 325, 331, 334, 345, 365, 367, 374, 382, 386, 399, 400, 402, 404, 505, 410-415, 419, 436, 438, 440, 449, 450, 453, 457, 458, 460-462, 463, 466, 467-469, 472, 473, 475, 481, 484, 486, 490, 493, 494-497, 502, 503, 519, 531, 535, 541-543, 551, 555, 557, 559, 561, 562, 598, 610, 624, 625, 634, 650, 655, 656, 662, 666, 668
 Орда (Ординское), с. 432, 433, 656
 Оренбург, г. 144, 147, 301, 307, 313, 336, 337, 416, 625, 628, 632, 656
 Оренбургская губ. 309, 311
 Орск, г. 336, 416
 Осинский у. 656
 Павла Кеппена б-та 218
 Париж, г. 13, 22, 24, 25, 150-152, 154-156, 160, 206, 208, 209, 222, 249, 293, 311, 314, 320, 372, 374-376, 386, 414, 425, 460, 480, 481, 484, 485, 487, 535, 585, 610, 613, 626, 646, 661, 664
 Пекин, г. 97, 99, 100, 252, 264, 283, 460
 Пенджаб 487
 Пенза, г. 650
 Пермская губ. 350, 656,
 Пермь, г. 137, 144, 145, 147, 270, 271, 349-351, 356, 358, 396-398, 426-428, 438, 603, 656
 Персия (Иран) 98
 Песцовый мыс 217
 Петербургский у. 29
 Петровск-Гурьев, г. 314
 Петрозаводск, г. 372, 373
 Петропавловск, г. 116, 272, 416, 443, 451
 Петухово, ст. (ныне — г.) 450
 Печора, р. 619
 Пирей, г. 34
 Поволжье 102, 119, 133, 167, 172, 200, 321, 656
 Подзуево, д. 433
 Подольский у. 39
 Поклевская (ныне — Талица), ст. 442
 Поштава, г. 416
 Польша 30, 344, 379, 385
 Попигай, р. 618
 Порккала-Удда, п-ов 54, 234, 236
 Порт-Артур (Люйшунь), г. 14, 38-43, 83, 208, 223-226, 592, 639
 Прага, г. 23, 154, 386, 530
 Предуралье 656
 Преображенский мыс 221
 Прибалтика 73, 89
 Приволжье 498
 Приморская обл., Приморье 102, 143, 381, 616, 617, 631, 667
 Принцёвы о-ва 29, 418, 425, 426, 655
 Приуралье 438, 439
 Прончищева хр. 618
 Псков, г. 72
 Пуланжан 225
 Пясинский зал. 638
 Расторгуева (Колчака) о-в 35, 44, 638
 Ревель (ныне — Таллин), г. 54, 594-596
 Рига, г. 24, 56, 57, 238
 Рижский зал. 56, 57, 238
 Российская Восточная окраина 529
 Ростов-на-Дону 11, 17, 18, 119
 Румыния 64, 71, 243, 385, 652
 Самара, г. 102, 149, 167-169, 253, 321, 530, 561, 631, 646
 Санкт-Петербург (Петербург, Петроград, Питер, Ленинград) 14-16, 18, 19, 22, 26, 29-31, 34, 36, 39, 42, 43, 50, 51, 55, 58, 62, 67-69, 72, 73, 77, 80, 83, 85, 87, 95, 138, 151, 202, 221, 226, 229, 230, 239, 245, 246, 248, 251, 252, 255, 256, 274, 275, 306, 307, 320, 321, 329, 363, 373, 374, 385, 386, 462, 474, 491, 527, 593, 613, 617, 627, 639, 640
 Санникова, земля 36, 619, 638
 Сан-Франциско, г. 91, 252, 641, 642
 Сарай-Гир, ст. 148
 Саратов, г. 194, 313, 315
 Саткинские з-ды, пос. (ныне — г. Сатка) 498
 Свяцян, г. 57
 Святого Носа мыс 215
 Севастополь 59, 63, 68, 69, 71, 72, 76-80, 82, 85, 87, 89, 150, 151, 240-242, 246, 247, 253, 588, 595, 596, 598, 605, 613, 642
 Северная Африка 155
 Северная Земля (Императора Николая II Земля) 50-52, 620
 Северная Сибирь 36, 49, 227, 229, 396
 Северное м. 34, 90, 257, 268

- Северный Ледовитый ок. 33, 39, 50, 215, 217, 220, 227, 229, 618
- Северный полюс 52
- Северодвинск, пос. (ныне — г.) 89
- Северо-Запад России 627, 654, 658
- Север России 627
- Северный Кавказ 308, 487
- Семипалатинск, г. 143, 623, 648
- Семиреченская обл. 472
- Сен-Женевьев-де-Буа, г. 156
- Сибирское м. 44, 207, 220, 222
- Сибирь 11, 18, 34, 52, 102, 109, 111, 113-115, 119, 120, 121, 123, 124, 126, 133, 134, 137, 140, 142, 143, 147, 151, 154, 157, 162, 171, 179, 180, 182, 197, 199, 200, 201, 206, 208, 227, 253, 264, 267, 275, 263, 285, 287, 289, 294, 295, 298, 301, 309-311, 313, 314, 319, 321, 353, 361, 363, 367, 381, 386, 405, 410, 423, 436, 443, 454, 456, 458, 468, 474, 482, 487, 489, 491, 492, 497, 513, 528, 535, 536, 539, 551, 553, 555, 560, 570, 584-587, 592, 603, 616, 617, 623, 624, 629, 631, 632, 636, 637, 640, 641, 643, 644, 651, 658, 660, 664, 666
- Симбирск, г. 633
- Сингапур, г. 97, 98, 103, 209, 252, 262, 264, 643
- Скадовск, порт 239
- Скалистые г. 40
- Случевского (Колчака) мыс 35, 44
- Слюдянка, ст. 514, 524
- Смоленск 637
- Соединенные Штаты Америки (Америка) 13, 42, 65, 87-91, 95, 109, 154, 184, 209, 252, 257, 259, 260, 266, 286, 307, 308, 385, 386, 425, 478, 500, 512, 555, 558, 607, 608, 613, 641
- Спасск (ныне — Булгар), г. 148
- Средиземное море 34, 91
- СССР 155
- Ставучаны, селение 151, 208
- Степно-Баджейское, с. 367, 369, 473, 563, 564, 651
- Стерлегова мыс 210
- Стокгольм, г. 58, 213, 328, 372
- Стрижева о-в 35
- Суйдин, г. 626
- Суэцкий канал 50, 229
- Сызрань, г. 633
- Тайга, ст. (ныне — г.) 541, 542, 545
- Таймыр малый, о-в 620
- Таймыр, п-ов 34, 35, 51, 210, 211, 215, 618, 620, 638
- Таймырская губа 35
- Таймырский пр. 210, 211
- Тайшет, г. 177
- Тара, г. 462, 463, 468
- Тасеево, с. 367, 369, 473, 564, 651
- Татарский у. 141
- Ташкент, г. 337
- Тикси, б-та 37
- Тихий (Великий) океан 32, 33, 48, 229
- Тихорецкая, ст. (ныне — г. Тихорецк) 489
- Тобол, р. 147, 149, 416, 464, 481, 649
- Тобольск, г. 349, 452, 462-465, 467-469, 471, 478, 481
- Токио, г. 92, 93, 103, 104, 252, 263, 460, 597
- Толля, горы 618
- Толля, зал. 618
- Толля, мыс 618
- Толля, пл. 618
- Томск, г. 138, 143, 280, 309, 461, 525, 627, 630, 631
- Томская губ. 141, 143
- Торнео, г. 89
- Трапезунд, г. 239
- Троицк, г. 144, 337, 420, 656
- Троицкий у. 309, 420
- Тургайская обл. 143, 336, 421, 648
- Туркестан 472, 487, 636
- Турция 30, 60, 64, 84, 85, 90, 91, 98, 243, 614, 641
- Тыреть, ст. 176, 521
- Тюмень, г. 24, 143, 405, 436, 464, 467
- Уда, р. 179
- Украина 73, 150, 200, 486, 636
- Урал 11, 29, 102, 119, 123-125, 127, 133, 134, 137, 138, 140, 142-145, 172, 197, 200, 311, 321, 355, 363, 365, 366, 412, 419, 430, 436, 438, 439, 465, 477, 487, 490, 498, 560, 615, 625, 631, 636, 643, 655, 657
- Уральск, г. 253
- Уральская обл. 311, 421, 422, 435
- Устьянск, пос. 37, 39, 221, 222
- Утай, разъезд 165
- Уфа, г. 108, 121, 122, 144, 147, 168, 169, 253, 266, 269, 300, 301, 304, 307, 321, 352, 434, 441, 559, 628, 644-647, 650, 656
- Уфимская губ. 168, 403, 628, 647, 656
- Ушаковка, р. 189, 580, 583

- Фаддеевский о-в 35, 216, 217, 219, 618, 619
- Феликстоун (Филикстоу), г. 90, 258, 259
- Финляндия 54, 89, 138, 310, 373, 374, 379, 405, 446, 473, 474, 477, 627, 628, 652, 659
- Финский зал. 54, 55, 237, 239
- Франция 103, 124, 139, 153, 154, 172, 184, 201, 286, 375-377, 413, 425, 478, 484, 500, 615, 619, 620, 653
- Харбин, г. 23, 97, 101, 104, 105, 181, 181, 253, 166, 288, 289, 398, 471, 497, 539, 596, 600, 601, 616, 623, 627, 634, 658
- Хатанга, р. 211, 618
- Хатангский зал. 619
- Хвалынский, г. 337
- Херсонская губ. 29, 30
- Хорамы, порт 239
- Хотин, г. 30, 150, 151, 208
- Христиания (ныне — Осло), г.89
- Царицын (ныне — Волгоград), г. 474, 488
- Центральная Россия 492
- Цесаревича Алексея о-в (мыс. Таймыр) 620
- Циркуль, о-в 618
- Чанг-Чун (Чанчунь), г. 289
- Челкар, г. 336, 648
- Челюскина п-в 211
- Челябинск, г. 17, 116, 122, 143, 145, 148, 149, 169, 271, 172, 284, 296, 303, 308, 365, 411, 417, 420, 421, 443, 410, 4210, 474, 475, 559, 624, 625, 633, 643, 655, 657
- Челябинский у. 364,
- Черемхово, г. 143, 165, 177, 183, 541, 548, 662
- Черновцы, г. 151
- Черное м. 60, 63, 64, 65, 68, 71, 72, 239, 341, 243, 255, 258, 276, 588
- Чернолуцье, берег р. 454
- Черноморье 70, 375, 486
- Черный остров, м. 637
- Чернышева п-ов 38, 218
- Чернявская, ст. 365
- Чехословакия 154, 180, 184, 473, 624, 634, 641
- Чита, г. 172, 176, 186, 288, 560, 575, 635, 637, 650, 661
- Чифу (ныне — Яньтай), г. 223
- Шадринск, г. 303
- Шадринский у. 366
- Шанхай, г. 97-99, 262, 264, 298, 667
- Швейцария 619
- Швеция 238, 652
- Шляпниково, д. 434
- Шпицберген, арх. 227, 618
- Щигровский у. 636
- Эгейское м. 65
- Эммы мыс 217, 218
- Эрзерум, г. 239
- Эстландия (Эстония) 344, 374, 379, 476, 627, 632
- Юго-Западная Сибирь 114
- Югорский Шар, пр. 210, 212
- Югославия 621
- Юг России 274, 309, 311, 312, 314-317, 319, 344, 359, 406, 487, 489, 514, 529, 587, 590, 591, 610, 650
- Южный Ледовитый ок. 34
- Южный Урал 121, 365, 626
- Юрты 193, 565
- Якутия (Саха) 36, 618
- Якутск, г. 16, 36, 38, 143, 221
- Яна, р. 215, 219
- Япония 33, 38, 42, 43, 94, 97, 98, 103-106, 108, 11, 124, 172, 180, 184, 228, 252, 259, 261, 263, 266, 294, 298, 307, 381, 425, 478, 500, 507, 518, 521, 532, 556, 557, 592, 597, 608, 614, 623, 641-643, 661, 667
- Ярославль 52

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-------------------	---

Часть I

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

<i>Глава 1. О МАСШТАБЕ ЛИЧНОСТИ А.В. КОЛЧАКА</i>	
А.В. Колчак — фигура историческая	9
Жизнь и деятельность А.В. Колчака в исторической литературе	11
К характеристике материалов и документов как первоисточников	20
<i>Глава 2. ПЕРВЫЕ ШАГИ</i>	
Семья и род. Воспитание и образование	29
Первые плавания :: полярные исследования.	
Женитьба на С.Ф. Омировой	32
Боевое крещение в Японском море и Порт-Артуре	39
<i>Глава 3. МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ</i>	
Обобщение материалов полярных экспедиций	43
В Морском Генеральном штабе. Сотрудничество с А.И. Вилькицким	45
Переход в действующий флот	52
<i>Глава 4. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА</i>	
Боевая деятельность на Балтике	54
Командующий Черноморским флотом. Роман с А.В. Тимиревой	59
Борьба с революционными беспорядками. Отставка	65
Во главе военно-морской миссии. Зарубежье	86
Три месяца на английской службе	96
<i>Глава 5. НАЧАЛО БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ</i>	
На дальневосточном пороге России. Соединение с А.В. Тимиревой	100
Омский министр	108
Военный переворот. Приход к Верховной власти	113
<i>Глава 6. ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ</i>	
Признание всего Белого движения	119
Выдающиеся успехи и тяжелые неудачи	129

Руководство регионом. Поездки на фронт	144
Жена и сын	150
На краю пропасти. Отречение от власти	156
Глава 7. «ЗОЛОТОЙ ЭШЕЛОН»	167
Глава 8. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ	
Предательство окружения и союзников. Арест	182
Допросы и расстрел	185
Как решался вопрос об убийстве Колчака	191
Причины трагедии А.В. Колчака (вместо эпилога)	197

Часть II

**АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК
В ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ, ИССЛЕДОВАНИЯХ,
ПИСЬМАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ**

Раздел 1. Из семейных хроник и автобиографии	205
Раздел 2. Полярный период	210
Раздел 3. Из порт-артурского дневника А.В. Колчака (1904 г.)	223
Раздел 4. Сотратники и исследователи о Колчаке в 1904—1917 гг.	226
В мировой войне. Командующий флотом	236
Раздел 5. В дни революционных событий	245
Раздел 6. 1917—1918 гг. в письмах А.В. Колчака к А.В. Тимиревой	254
Раздел 7. Омский правительственный переворот	266
Раздел 8. Взаимоотношения с соратниками по Белому делу	307
Раздел 9. Государственное строительство	324
Раздел 10. Внутренняя политика	347
Раздел 11. Подрывная деятельность в тылу войск Колчака	
и реакция белых	361
Раздел 12. Внешнеполитическая деятельность	371
Раздел 13. Руководство войсками и боевыми действиями	387
Раздел 14. Дела семейные	480
Раздел 15. От военных поражений — к катастрофе	486
Раздел 16. О золотом запасе и «Золотом эшелоне»	530
Раздел 17. Трагический финал в освещении друзей и врагов	536
Раздел 18. Во власти большевиков. Расстрел	565
Раздел 19. Оценка личности А.В. Колчака его современниками	584

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии к части I	613
Комментарии к части II	638
Библиография	669
Именной указатель	684
Указатель географических названий	694